

Annotation

Лисбет Саландер решает отомстить своим врагам. Не только криминальным элементам, желающим ей смерти, но и правительству, которое несколько лет назад почти разрушило ее жизнь. А еще надо вырваться из больницы, где ее держат под охраной, считая опасной психопаткой, и добиться, чтобы ее имя исчезло из списка подозреваемых в убийстве.

Поэтому ей не обойтись без помощи журналиста Микаэля Блумквиста. Только его разоблачительная статья может встряхнуть шведское общество до самых основ и переполошить правительство и спецслужбы. Тогда у Лисбет будет шанс расстаться с прошлым и добиться справедливости.

- [Стиг Ларссон](#)
 - [Часть 1](#)
 -
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Часть 2](#)
 -
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Часть 3](#)
 -
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)

- [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
- [Часть 4](#)
 -
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
 - [Глава](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

Стиг Ларссон

**Девушка, которая взрывала воздушные
замки**

Часть 1

Интермеццо в коридоре

8-12 апреля

В американской Гражданской войне принимало участие около шестисот женщин. Они завербовались в армию, переодевшись в мужскую одежду. Голливуд явно упустил некий фрагмент истории — или, может быть, эта тема слишком неприятна в идеологическом плане? Женщины, пренебрегающие границами половых различий, всегда с трудом завоевывали себе место в исторических трудах, но нигде граница эта не видна столь отчетливо, как в вопросе военных действий и применения оружия.

Однако история от античности до наших дней содержит многочисленные упоминания об амазонках —

женщинах-
воительницах. В тех
случаях, когда
воительницы являются
королевами, то есть
представительницами
правлящего класса, эти
примеры всем
известны. Дело в том,
что политика
престолонаследования,
каким бы неприятным
это ни казалось,
регулярно возводит на
престол ту или иную
женщину. Поскольку
ход истории не
проявляет
снисходительности к
полу и войны случаются
даже тогда, когда
правителем страны
оказывается женщина,
королевам-
воительницам
приходится выступать
в той же роли, что и
Черчилль, Сталин,
Рузвельт и им
подобные, а
исторические книги
оказываются
вынуждены отвести им
место на своих
страницах. Семирамида
из Ниневии, создавшая
ассирийское
государство, и
Боадицея (Боудикка),

возглавившая одно из самых кровавых восстаний коренных британцев против римлян, — это лишь два примера. Последней, кстати, установлен памятник возле моста через Темзу, напротив Биг-Бена. Навестите ее, если окажетесь поблизости.

В то же время женщин, которые сражались как простые солдаты, брали в руки оружие и служили наравне с мужчинами, исторические книги обычно обходят молчанием. Тем не менее таковые всегда существовали. И теперь еще едва ли хоть одна война обходится без участия женщин.

Глава

01

Пятница, 8 апреля

Когда сестра Ханна Никандер разбудила доктора Андерса Юнассона, на часах было около половины второго ночи.

— Что случилось? — растерянно спросил он.

— К нам летит вертолет. Двое пациентов. Пожилой мужчина и молодая женщина. У нее огнестрельные ранения.

— Ясно, — устало сказал Андерс Юнассон.

Он чувствовал себя совсем сонным, хоть и вздремнул всего каких-нибудь полчаса. В эту ночь ему выпало дежурить в отделении неотложной помощи Сальгренской больницы Гётеборга. Вечер выдался на редкость тяжелым. После того как он в 18.00 заступил на дежурство, больница приняла четверых, пострадавших при лобовом столкновении автомобилей возле городка Линдуме. Один из них находился в критическом состоянии, а у одного констатировали смерть почти сразу после поступления. Еще Андерс Юнассон оказал помощь официантке, ошпарившей ногу на кухне какого-то ресторана с Авеню, а также спас жизнь четырехлетнему мальчугану, который проглотил колесо от игрушечного автомобиля и был доставлен в больницу без признаков дыхания. Далее он успел перебинтовать девочку, угодившую на велосипеде в яму. Дорожные службы не нашли ничего лучшего, как вырыть яму на съезде с велосипедной дорожки, а кто-то вдобавок сбросил в яму ограждение. На лицо девочке наложили шов из четырнадцати стежков, и ей потребуются два новых передних зуба. Еще Юнассон пришел кусочек большого пальца столяру-любителю, который тот отсек себе рубанком.

К одиннадцати часам количество нуждающихся в неотложной помощи уменьшилось. Доктор совершил обход и проверил состояние пациентов, доставленных раньше и уже успевших отправиться в комнату отдыха, чтобы попытаться немного прийти в себя. Дежурство продолжалось до 6.00, и Андерсу Юнассону редко удавалось заснуть, даже если никого не доставляли на «скорой», но в эту ночь он почти мгновенно отключился.

Сестра Ханна Никандер подала ему кружку чая. Никаких подробностей о прибывающих пациентах она узнать пока не успела.

Андерс Юнассон покосился в окно и увидел в стороне моря мощные вспышки молний. Вертолет явно успел вылететь в последнюю минуту.

Внезапно начался сильный дождь — на Гётеборг обрушилась непогода.

Стоя у окна, он услышал шум мотора и увидел, что к посадочной площадке приближается раскачиваемый шквалистым ветром вертолет. Затаив дыхание, Андерс Юнассон напряженно следил за тем, как летчик с трудом сохраняет контроль над машиной. Затем вертолет пропал из его поля зрения, и он услышал, что мотор сбавил обороты. Сделав глоток чая, доктор отставил кружку.

Носилки Андерс Юнассон встретил у входа в отделение неотложной помощи. Другой дежурный врач, Катарина Хольм, занялась тем пациентом, которого ввезли первым, — пожилым мужчиной с сильно изувеченным лицом. Доктору Юнассону досталась вторая пострадавшая — женщина с огнестрельными ранениями. Он быстро осмотрел ее, воспользовавшись окуляром, и констатировал, что перед ним девушка, на вид не более двадцати лет, сильно перепачканная землей и кровью, с тяжелыми повреждениями. Приподняв плед, в который ее закутала Служба спасения, он заметил, что раны на бедре и плече кто-то заклеил широким серебристым скотчем, и счел это на редкость здоровой мыслью: скотч удерживал бактерии снаружи, а кровь внутри. Пуля вошла с внешней стороны бедра и прошла мышечную ткань насквозь. Затем он приподнял плечо девушки и определил место входа второй пули — в спине. Выходное отверстие отсутствовало, следовательно, пуля застряла где-то в плече. Андерс Юнассон понадеялся, что легкое не задето, и поскольку крови в полости рта он не обнаружил, то сделал вывод, что, вероятно, обошлось.

— Рентген, — сказал он ассистирующей медсестре. Более подробных объяснений не требовалось.

Под конец Андерс Юнассон разрезал повязку на голове девушки, наложенную персоналом Службы спасения. Нащупав пальцами входное отверстие и поняв, что девушка ранена в голову, он похолодел. Выходное отверстие здесь тоже отсутствовало.

Андерс Юнассон на секунду остановился и посмотрел на девушку. Ему вдруг стало не по себе. Он часто сравнивал себя с вратарем, стоявшим между пациентом и похоронным бюро «Фонус». На его рабочем месте ежедневно появлялись люди в разном состоянии, но с одной и той же целью — получить помощь. Среди них встречались семидесятичетырехлетние тетеньки, у которых останавливалось сердце прямо посреди крупнейшего торгового центра «Нурдстан», четырнадцатилетние мальчишки, протыкавшие себе левое легкое отверткой, и шестнадцатилетние девушки, наевшиеся таблеток экстази, а затем

танцевавшие по восемнадцать часов и падавшие замертво с посиневшими лицами. Встречались жертвы производственных травм и разного рода насилия. Попадались малыши, атакованные бойцовскими собаками на площади Васаплатсен, и рукастые мужчины, собиравшиеся лишь подпилить несколько досок электропилой «блэк-и-декер» и случайно разрезавшие себе запястье до мозговой трубчатой кости.

Андерс Юнассон составлял их последний рубеж обороны. Именно ему приходилось решать, как действовать, — прими он ошибочное решение, и пациент мог умереть или остаться на всю жизнь инвалидом. Чаще всего он действовал правильно, поскольку проблемы подавляющего большинства пациентов носили совершенно конкретный характер и требовали принятия понятных и конкретных мер; скажем, удар ножом в легкое или раздробление костей в результате автомобильной аварии. Выживет пациент или нет — это зависело от степени тяжести травмы и от умения врача.

Два типа травм Андерс Юнассон ненавидел. Первым были серьезные ожоги, которые почти независимо от принятых мер приводили к пожизненным страданиям. Вторым типом являлись черепно-мозговые травмы.

Лежавшая перед ним девушка могла жить с пулями в бедре и в плече. Но кусочек свинца, засевший у нее в мозгу, представлял собой проблему совершенно иного масштаба. Вдруг он услышал, что сестра Ханна что-то говорит.

— Простите?

— Это она.

— Что вы имеете в виду?

— Лисбет Саландер. Девушка, которую уже несколько недель разыскивают за тройное убийство в Стокгольме.

Андерс Юнассон посмотрел на лицо пациентки. Сестра Ханна была права: копию паспортной фотографии этой девушки он, как и все прочие шведы, начиная с Пасхи, регулярно видел на первых страницах газет перед любым табачным киоском. И вот теперь убийцу подстрелили саму, что, пожалуй, по большому счету было справедливо.

Однако его это не касалось. Его работа заключалась в спасении жизни пациента, будь он убийцей трех человек или нобелевским лауреатом. Или даже тем и другим сразу.

Далее началась типичная для отделения неотложной помощи хаотичная, но эффективная деятельность. Дежурный персонал привычно взялся за дело. Оставшуюся одежду Лисбет Саландер разрезали, сестра

измерила кровяное давление — 100/70, а он сам тем временем приставил к груди пациентки стетоскоп и стал слушать удары сердца. Они казались относительно регулярными, в отличие от дыхания, бывшего далеко не столь регулярным.

Не колеблясь, доктор Юнассон сразу определил состояние Лисбет Саландер как критическое. Раны на плече и бедре могли пока подождать — достаточно двух компрессов или даже тех кусков скотча, которые накрепко приклеила какая-то вдохновенная душа. Главное — голова. Доктор Юнассон распорядился сделать компьютерную томографию — с помощью того самого томографа, в который больница вложила деньги налогоплательщиков.

Андерс Юнассон был голубоглазым блондином, родом из Умео. На разных должностях он проработал в Сальгренской и Восточной больницах двадцать лет — был научным сотрудником, патологом и врачом отделения неотложной помощи. У него была некая особенность, поражавшая коллег и заставлявшая персонал гордиться работой под его началом: он ставил перед собой задачу не дать умереть ни одному из пациентов его смены, и каким-то таинственным образом ему действительно удавалось держаться на нуле. Кое-кто из его пациентов, правда, все-таки умирал, но происходило это уже в ходе дальнейшего лечения или по причинам, никак не зависящим от действий врача.

К тому же Юнассон обладал неортодоксальным взглядом на врачебное искусство. Он полагал, что иногда врачи склонны чересчур поспешно сдаваться, не разобравшись как следует, либо тратят излишне много времени на попытки точно поставить пациенту диагноз. Разумеется, без этого невозможно назначить правильное лечение, однако проблема заключается в том, что, пока врач будет думать, пациент может умереть. А в худшем случае врач придет к выводу, что ситуация безнадежна, и прекратит лечение.

Между тем пациента с пулей в голове Андерс Юнассон получил впервые в своей практике. Здесь, вероятно, требовался нейрохирург. Этой области он не знал, но вдруг сообразил, что, возможно, ему повезло куда больше, чем он того заслуживал. Перед тем как помыться и надеть одежду для операции, он позвонил Ханну Никандер.

— Есть один американский профессор по имени Фрэнк Эллис, который работает в Каролинской больнице Стокгольма, но в данный момент находится в Гётеборге. Он известный специалист по проблемам в области мозга и к тому же мой хороший друг. Он живет в отеле «Рэдиссон» на Авеню. Будьте добры, узнайте его номер телефона.

Пока Андерс Юнассон ждал рентгеновских снимков, Ханна Никандер уже вернулась с номером отеля «Рэдиссон». Андерс Юнассон бросил взгляд на часы — 01.42 — и поднял трубку. Ночной портье в «Рэдиссон» упорно отказывался соединять его в такое время суток с кем бы то ни было, и, чтобы добиться своего, доктору Юнассону пришлось в достаточно резких выражениях описать ситуацию как экстренную.

— Доброе утро, Фрэнк, — сказал Андерс Юнассон, когда трубку наконец сняли. — Это Андерс. Я узнал, что ты в Гётеборге. У тебя нет желания приехать в Сальгренскую больницу и поассистировать в операции на мозге?

— Are you bullshitting me?^[1] — донеслось с другого конца провода.

В голосе слышалось сомнение. Несмотря на то что Фрэнк Эллис прожил в Швеции много лет и свободно говорил по-шведски, хоть и с американским акцентом, предпочитал он все же английский. Андерс Юнассон говорил по-шведски, а Эллис отвечал по-английски.

— Фрэнк, мне жаль, что я пропустил твою лекцию, но я подумал, что ты сможешь дать мне урок в частном порядке. У меня тут женщина с ранением в голову. Входное отверстие прямо над левым ухом. Я бы не позвонил тебе, если бы не нуждался в second opinion.^[2] И мне трудно представить себе лучшего советчика.

— Ты это всерьез? — спросил Фрэнк Эллис.

— Пациентка — девушка двадцати пяти лет.

— И ей прострелили голову?

— Входное отверстие есть, а выходного нет.

— Но она жива?

— Слабый, но регулярный пульс, дыхание менее регулярное, давление сто на семьдесят. У нее, кроме того, пуля в плече и огнестрельное ранение бедра. С этими двумя проблемами я могу справиться.

— Это звучит многообещающе, — сказал профессор Эллис.

— Многообещающе?

— Если у человека отверстие от пули в голове и он по-прежнему жив, то ситуацию надо считать обнадеживающей.

— Ты можешь мне поассистировать?

— Я должен признаться, что провел вечер в компании добрых друзей. До кровати я добрался в час ночи, и у меня в крови, вероятно, впечатляющее содержание алкоголя...

— Принимать решения и производить вмешательство буду я. Но мне нужен ассистент, который сможет заметить, если я начну делать какую-

нибудь глупость. И, честно говоря, когда речь идет об оценке повреждений мозга, даже в стельку пьяный профессор Эллис, вероятно, даст мне много очков вперед.

— О'кей. Я приеду. Но ты будешь моим должником.

— Такси ждет перед гостиницей.

Профессор Фрэнк Эллис поднял очки на лоб, почесал в затылке и постарался сосредоточиться на экране компьютера, показывавшем каждый уголок и закоулок мозга Лисбет Саландер. Пятидесятитрехлетний, с иссиня-черными, чуть тронутыми сединой волосами и темной щетиной, с фигурой, которая свидетельствовала о регулярном посещении гимнастического зала, Эллис походил на второстепенного персонажа из Городской службы скорой помощи.

В Швеции Фрэнку Эллису нравилось. Приехав сюда молодым ученым по обмену в конце 1970-х годов, он задержался на два года. Потом регулярно снова приезжал до тех пор, пока ему не предложили должность профессора в Каролинской больнице. К тому времени он уже обладал именем с международной известностью.

Андерс Юнассон знал Фрэнка Эллиса четырнадцать лет. Впервые они встретились на семинаре в Стокгольме, где обнаружили, что оба являются заядлыми любителями ловли рыбы на мушку. Андерс пригласил американца на рыбалку в Норвегию. На протяжении всех этих лет они поддерживали контакт и неоднократно совместно выезжали на природу, однако работать вместе им не приходилось.

— Мозг — это таинство, — произнес профессор Эллис. — Я посвятил его изучению двадцать лет. Вообще-то даже больше.

— Я знаю. Прости, что я тебя вытащил, но...

— Ничего. — Фрэнк Эллис махнул рукой. — С тебя бутылка «Гранманье», когда мы в следующий раз поедem на рыбалку.

— О'кей. Это недорого.

— Несколько лет назад, когда я работал в Бостоне, у меня была одна пациентка — я описал этот случай в «Нью Ингленд джорнал оф медсин», — девушка, такого же возраста, как твоя. Она направлялась в университет, когда кто-то выстрелил в нее из арбалета. Стрела попала в конец брови с левой стороны, пронзила голову и вышла почти посередине затылка.

— И девушка выжила? — спросил пораженный Юнассон.

— Когда ее доставили в больницу, вид у нее был жуткий. Мы подрезали стрелу и сунули голову девушки в томограф. Стрела прошла

прямо сквозь мозг. По логике вещей девушка должна была бы умереть или, по крайней мере, пребывать в коме.

— Каково же было ее состояние?

— Она все время находилась в сознании и, более того, сохраняла полную ясность ума, хотя, разумеется, была страшно напугана. Единственная проблема заключалась в том, что у нее в голове сидела стрела.

— Что ты предпринял?

— Ну, я взял щипцы, выдернул стрелу и заклеил рану пластырем. Примерно так.

— Девушка выжила?

— До момента выписки ее состояние считалось критическим, но, честно говоря, ее можно было отправлять домой в первый же день. У меня никогда не было более здоровой пациентки.

Андерс Юнассон подумал, уж не разыгрывает ли его профессор Эллис.

— С другой стороны, — продолжал Эллис, — несколько лет назад, в Стокгольме, моим пациентом был сорокадвухлетний мужчина, который ударился головой об оконную раму, причем не очень сильно. Ему сразу стало настолько плохо, что «скорая помощь» отвезла его в больницу. Я получил его в бессознательном состоянии. У него была маленькая шишка и совсем небольшое кровоизлияние. Однако он через девять дней умер в реанимации, так и не приходя в сознание. Я по сей день не знаю, что стало причиной смерти. В протоколе вскрытия мы написали «кровоизлияние в мозг в результате несчастного случая», но никого из нас этот вывод не удовлетворил. Кровоизлияние было столь незначительным и располагалось таким образом, что не должно было вообще ни на что повлиять. Тем не менее у него постепенно прекратили работать печень, почки, сердце и легкие. Чем старше я становлюсь, тем больше воспринимаю все это как своего рода рулетку. Лично мне кажется, что мы никогда не сумеем точно определить, как именно функционирует мозг. Что ты намерен делать?

Он постучал ручкой по изображению на экране компьютера.

— Я надеялся, что это мне объяснишь ты.

— Расскажи, как ты оцениваешь ситуацию.

— Ну, во-первых, похоже, что пуля мелкого калибра. Она попала в висок, прошла в мозг сантиметра на четыре и остановилась возле бокового желудочка, где имеется кровоизлияние.

— Меры?

— Пользуясь твоей терминологией — взять щипцы и вытащить пулю тем же путем.

— Отличное предложение. Но я бы, пожалуй, воспользовался самым тонким из имеющихся у тебя пинцетов.

— Так просто?

— А что нам остается делать? Мы можем оставить пулю на месте, и не исключено, что пациентка проживет до ста лет, но это тоже дело случая. У нее может развиваться эпилепсия или мигрень и любая другая проблема. А было бы крайне нежелательно сверлить ей череп и проводить операцию через год, когда сама рана уже заживет. Пуля лежит чуть в стороне от крупных кровеносных сосудов. В этом случае я бы рекомендовал тебе ее вытащить, но...

— Но что?

— Пуля меня особенно не тревожит. Ранения мозга удивительны — если девушка выжила, получив пулю в голову, это говорит о том, что она переживет и ее удаление. Проблема сосредоточена скорее здесь. — Он показал участок на экране. — Вокруг входного отверстия имеется множество осколков костей. Я вижу по меньшей мере дюжину фрагментов длиной в несколько миллиметров. Некоторые из них вонзились прямо в ткань мозга. Если ты не будешь действовать достаточно осторожно, они могут ее убить.

— Эта часть мозга связана с речью и математическими способностями.

Эллис пожал плечами.

— Мамба-джамба. Я представления не имею, для чего эти серые клеточки предназначены. Ты можешь сделать лишь то, что в твоих силах. Оперировать будешь ты. А я стану следить у тебя из-за спины. Могу я одолжить одежду и где-нибудь помыть руки?

Микаэль Блумквист покосился на часы и отметил, что уже начало четвертого утра. Его запястья были скованы наручниками. Он на секунду закрыл глаза — смертельно уставший, он держался только на адреналине. Снова открыв глаза, Микаэль со злостью посмотрел на комиссара Тумаса Польссона и встретил взгляд, в котором явно читалось потрясение. Они сидели за кухонным столом в белом фермерском доме, неподалеку от городка Носсебру, в местечке под названием Госсеберга, о котором Микаэль впервые в жизни услышал менее двенадцати часов назад.

Катастрофа была налицо.

— Идиот, — сказал Микаэль.

— Послушай-ка...

— Идиот, — повторил Микаэль. — Я же, черт подери, предупреждал,

что он смертельно опасен. Я ведь говорил, что с ним следует обращаться, как с гранатой с выдернутой чекой. Он уже убил по меньшей мере троих, он сильный, как танк, и убивает прямо голыми руками. А ты посылаешь арестовывать его двух деревенских полицейских, будто он обычный субботний алкаш.

Микаэль снова закрыл глаза. Интересно, что еще этой ночью может пойти наперекосяк?

Тяжело раненую Лисбет Саландер он отыскал в начале первого. Вызвал полицию и сумел уговорить Службу спасения выслать вертолет на уединенный хутор и эвакуировать Лисбет в Сальгренскую больницу. Он подробно описал ее ранения и пулевое отверстие в голове и заручился поддержкой какого-то умного и понятливого человека, который счел, что ей незамедлительно требуется медицинская помощь.

Тем не менее вертолета пришлось ждать более получаса. Микаэль сходил на скотный двор, служивший одновременно гаражом, вывел оттуда две машины, включил фары и осветил поле перед домом, отметив таким образом посадочную площадку.

Команда вертолета и двое прибывших санитаров действовали привычно и профессионально. Один из санитаров стал оказывать первую помощь Лисбет Саландер, а второй занялся Александром Залаченко, известным также под именем Карла Акселя Бодина. Залаченко был отцом и одновременно злейшим врагом Лисбет Саландер. Он пытался ее убить, но не сумел. Мужчину Микаэль обнаружил в деревянном сарае, тоже с тяжелыми повреждениями — его щека и лобная кость были разрублены топором.

Ожидая вертолета, Микаэль сделал для Лисбет все, что мог: достал из шкафа чистую простыню, разрезал ее и наложил первые повязки. Затем отметил, что кровь в пулевом отверстии на голове свернулась, закрыв его, словно пробка, и засомневался, можно ли перевязывать голову. Под конец он обмотал ей голову простыней, не затягивая, в основном, чтобы хоть немного защитить рану от попадания бактерий и грязи. Кровотечение же из пулевых отверстий на бедре и плече Микаэль остановил самым примитивным образом: нашел в шкафу рулон широкого серебристого скотча и попросту стянул им раны. Влажным носовым платком он обтер ей лицо и постарался хотя бы отчасти оттереть коросту из сохнувшей глины.

В сарай, где ждал помощи Залаченко, Микаэль не ходил. В глубине души он решил, что Залаченко его по большому счету ни капельки не волнует.

Еще до прибытия Службы спасения он позвонил Эрике Бергер и

объяснил ситуацию.

— Ты не ранен? — спросила Эрика.

— Со мной все в порядке, — ответил Микаэль. — Лисбет ранена.

— Бедная девочка, — сказала Эрика Бергер. — Я вечером прочла отчет Бьёрка о проведенном СЭПО^[3] расследовании. Как ты думаешь с этим разбираться?

— У меня сейчас нет сил об этом думать.

Во время разговора с Эрикой он сидел на полу рядом с диваном и приглядывал за Лисбет Саландер. Его рука случайно задела брошенную возле дивана одежду — чтобы перевязать раненое бедро, ему пришлось стащить с нее башмаки и брюки. В кармане брюк он нащупал какой-то твердый предмет и вытащил карманный компьютер «Палм Тангстен ТЗ».

Нахмутив брови, Микаэль стал его задумчиво рассматривать. Когда раздался шум подлетающего вертолета, он сунул компьютер во внутренний карман своей куртки. Потом, пока никто не появился, он наклонился и проверил все карманы Лисбет Саландер. Там обнаружился еще один комплект ключей от ее квартиры и паспорт на имя Ирене Нессер. Микаэль поспешно сунул оба предмета к себе в сумку.

Первая полицейская машина, с Фредриком Торстенссоном и Гуннаром Андерссоном из полиции Тролльхеттана, прибыла через несколько минут после приземления вертолета Службы спасения. За ними прибыл комиссар патрульной службы Тумас Польссон, который немедленно взял командование на себя. Микаэль подошел и стал рассказывать, что произошло. Польссон показался ему самодовольным и прямолинейным старшиной. С его приездом все пошло кувыркком.

Польссон даже не делал попыток понять, о чем говорит Микаэль. Он, казалось, странно нервничал и уловил лишь то, что израненная девушка на полу перед кухонным диваном и есть разыскиваемая за тройное убийство Лисбет Саландер, а значит, ценная добыча. Польссон трижды спросил занятого неотложным делом санитар из Службы спасения, нельзя ли ее сразу арестовать. Под конец санитар поднялся на ноги и заорал Польссону, чтобы тот не подходил к нему ближе чем на метр.

Тогда Польссон сосредоточил внимание на лежащем в сарае раненом Александре Залаченко, и Микаэль слышал, как он докладывал по рации, что Саландер, по всей видимости, пыталась убить еще одного человека.

К этому моменту Микаэль был уже настолько зол на Польссона, откровенно пропускавшего мимо ушей его объяснения, что повысил голос и попытался заставить Польссона незамедлительно позвонить в Стокгольм

инспектору уголовной полиции Яну Бублански. Он даже вынул свой мобильный телефон и предложил набрать номер, но Польссон оставил это предложение без внимания.

Затем Микаэль совершил ошибку.

Он решительно заявил, что настоящий виновник тройного убийства, по имени Рональд Нидерман, который устроен, как бронебойный робот и страдает врожденной анальгезией, в данный момент сидит связанным в канаве по дороге на Носсебру. Микаэль описал, где именно можно найти Нидермана, и порекомендовал полиции мобилизовать для его ареста взвод спецназа. Польссон спросил, каким образом Нидерман оказался в канаве, и Микаэль честно признался, что сам поместил его туда под угрозой применения оружия.

— Оружия? — заинтересовался комиссар Польссон.

К этому времени Микаэль уже должен был бы понять, что Польссон тупица. Ему следовало взять мобильный телефон, самому позвонить Яну Бублански и попросить того вмешаться, чтобы развеять туман, который, похоже, застилал глаза Польссону. Вместо этого Микаэль совершил ошибку номер два, попытавшись сдать лежавшее у него в кармане куртки оружие — пистолет «Кольт-1911 Гавернмент», который днем обнаружил в стокгольмской квартире Лисбет Саландер и при помощи которого справился с Рональдом Нидерманом.

Однако это привело к тому, что Польссон с ходу арестовал Микаэля Блумквиста за незаконное ношение оружия, а затем велел полицейским Торстенссону и Андерссону отправиться к указанному Микаэлем месту и проверить правдивость его слов — действительно ли в канаве сидит человек, привязанный к дорожному знаку «Осторожно, лося». В случае если все подтвердится, полицейским предписывалось надеть на мужчину наручники и доставить его на хутор Госсеберга.

Микаэль немедленно запротестовал, объяснив, что Рональд Нидерман — не тот человек, которого можно запросто арестовать и снабдить наручниками, он — смертельно опасный убийца. Но и эти протесты Микаэля Польссон предпочел проигнорировать, и усталость взяла свое. Микаэль назвал Польссона безграмотным кретином и закричал, что Торстенссон с Андерссоном должны наплевать на его распоряжения и вызвать подкрепление, иначе они упустят Рональда Нидермана.

Эта вспышка привела к тому, что Микаэля самого заковали в наручники и поместили на заднее сиденье комиссарской машины Польссона, откуда он, чертыхаясь, наблюдал отъезд Торстенссона с Андерссоном. Единственным светлым моментом было то, что Лисбет

Саландер внесли в вертолет, который уже исчез над верхушками деревьев по направлению к Сальгренской больнице. Микаэль ощущал полную беспомощность, не имел никакой информации и мог лишь надеяться, что Лисбет попадет в руки умелых врачей.

Доктор Андерс Юнассон сделал два глубоких разреза, до самой черепной кости, и отогнул кожу вокруг входного отверстия, зафиксировав их с помощью зажимов. Операционная сестра осторожно ввела отсос для удаления крови. Затем наступил сложный момент — для расширения отверстия в черепной кости пришлось использовать бор. Процедура проходила нервирующе медленно.

В конце концов Юнассон получил достаточно большое отверстие для того, чтобы подобраться к мозгу Лисбет Саландер. Он осторожно ввел в мозг зонд и на несколько миллиметров раздвинул канал раны. Затем, используя еще более тонкий зонд, нащупал пулю. На рентгеновском снимке было видно, что пуля развернулась и лежит к каналу под углом сорок пять градусов. Тем же зондом Юнассон стал осторожно подталкивать конец пули, и после серии неудачных попыток ему удалось ее немного приподнять и развернуть в нужном направлении.

После этого он ввел в рану тонкий пинцет с рифлеными губками, крепко зажал основание пули и захватил ее целиком, затем потянул пинцет вертикально вверх. Вместе с пинцетом пуля была извлечена наружу почти без всякого сопротивления. Юнассон на секунду поднес ее к свету, убедился, что она, похоже, не имеет никаких повреждений, и опустил ее в чашечку.

— Промойте, — сказал он, и его распоряжение незамедлительно выполнили.

Бросив взгляд на ЭКГ, он отметил, что сердце пациентки по-прежнему работает нормально.

— Пинцет.

Юнассон опустил пониже мощную лупу висячего штатива и сосредоточил внимание на открытой поверхности раны.

— Осторожно, — предостерег профессор Фрэнк Эллис.

В течение следующих сорока пяти минут Андерс Юнассон извлек с поверхности вокруг входного отверстия не менее тридцати двух мелких осколков кости. Самый мелкий из них невооруженным глазом был почти не виден.

Пока Микаэль раздраженно пытался вытащить из нагрудного кармана

телефон, что в наручниках оказалось задачей непосильной, в Госссебергу прибыло еще несколько машин с полицейскими и техническим персоналом. Комиссар Польссон направил прибывших фиксировать технические доказательства в деревянном сарае и производить подробный обыск в жилом доме, где было найдено несколько единиц оружия. Микаэль безропотно следил за их действиями со своего наблюдательного пункта — заднего сиденья машины Польссона.

Только примерно через час до руководителя операции, похоже, дошло, что полицейские Торстенссон и Андерссон, посланные арестовать Рональда Нидермана, еще не вернулись с задания. Он вдруг принял озадаченный вид и забрал Микаэля на кухню, где вновь попросил его описать дорогу.

Микаэль закрыл глаза.

Он все еще сидел на кухне вместе с Польссоном, когда поступил доклад от пикетчиков, посланных в помощь Торстенссону с Андерссоном. Полицейского Гуннара Андерссона обнаружили мертвым, со свернутой шеей. Его коллега Фредрик Торстенссон был жив, но жестоко избит. Обоих нашли в канаве возле дорожного знака «Осторожно, лоси». Их табельное оружие и полицейская машина исчезли.

Ситуация, до того в какой-то степени комиссару Тумасу Польссоному понятная, вдруг вылилась в необходимость разбираться с убийством полицейского и побегом вооруженного головореза.

— Идиот, — повторил Микаэль Блумквист.

— Оскорбления в адрес полицейского делу не помогут.

— В этом отношении мы сходимся. Но я засажу тебя за должностные ошибки с таким шумом, что мало не покажется. И прежде чем я с тобой окончательно разберусь, ты во всех газетах страны будешь красоваться в качестве самого тупого полицейского Швеции.

Угроза быть выставленным на публичное осмеяние наконец подействовала на Тумаса Польссона — он занервничал.

— Что ты предлагаешь?

— Я требую, чтобы ты позвонил в Стокгольм инспектору Яну Бублански. Немедленно.

Когда зазвонил мобильный телефон, поставленный на зарядку в другом углу спальни, инспектор уголовной полиции Соня Мудиг вздрогнула и проснулась. Посмотрев на стоящий на ночном столике будильник, она с отчаянием отметила, что еще только начало пятого утра. Потом она взглянула на продолжавшего мирно храпеть мужа — он способен проспать артобстрел, даже ухом не поведя. Соня выбралась из

постели и нащупала нужную кнопку на телефоне.

«Ян Бублански, — подумала она. — Кому же еще быть».

— Там невероятная шумиха в районе Тролльхеттана, — обойдясь без формальностей, поприветствовал ее шеф. — Поезд Х2000 в Гётеборг отходит в десять минут шестого.

— Что произошло?

— Блумквист обнаружил Саландер, Нидермана и Залаченко. Блумквиста арестовали за оскорбление полицейского, сопротивление и незаконное ношение оружия. Саландер отправлена в Сальгренскую больницу с пулей в башке. Залаченко тоже в Сальгренской больнице, с топором в ноге. Нидерман сбежал. Он этой ночью убил полицейского.

Соня Мудиг дважды моргнула. Внезапно навалилась усталость, и больше всего ей хотелось залечь обратно в постель и взять месячный отпуск.

— Х2000 в десять минут шестого. Хорошо. Что мне делать?

— Брать такси и отправляться на Центральный вокзал. С тобой поедет Йеркер Хольмберг. Вам надо связаться с неким комиссаром Тумасом Польссоном из полиции Тролльхеттана, который очевидно ответствен за многое из ночного кавардака и, по словам Блумквиста, является — я цитирую — редкостным тупицей.

— Ты разговаривал с Блумквистом?

— Он, по-видимому, арестован и сидит в наручниках. Мне удалось уговорить Польссона несколько минут подержать ему трубку. Я сейчас еду на Кунгсхольмен^[4] и постараюсь разобраться в том, что происходит. Будем держать связь по мобильному.

Соня Мудиг еще раз посмотрела на часы. Потом вызвала такси и на минуту встала под душ. Она почистила зубы, провела расческой по волосам, надела черные брюки, черную футболку и серый жакет. Сунула табельное оружие в сумку на ремне и в качестве верхней одежды выбрала темно-красную кожаную куртку. Из подъезда она вышла в ту самую минуту, когда подъехало такси.

Искать коллегу, инспектора Йеркера Хольмберга, Соне не требовалось. Она рассчитывала застать его в вагоне-ресторане и не ошиблась. Он уже успел взять ей бутерброд и кофе. В течение пяти минут они ели молча, но в конце концов Хольмберг отставил кофейную чашку в сторону.

— Наверное, стоит поменять профессию, — сказал он.

В четыре часа утра из Гётеборга наконец прибыл инспектор Маркус Эрландер из отдела по борьбе с насильственными преступлениями и взял

на себя руководство, сменив перегруженного делами Тумаса Польссона. Эрландер был полноватым седым мужчиной лет пятидесяти. Первым делом он велел снять с Микаэля Блумквиста наручники и предложил ему булочки и кофе из термоса. Они уселись в гостиной, чтобы побеседовать с глазу на глаз.

— Я разговаривал с Бублански из Стокгольма, — сказал Эрландер. — Мы знаем друг друга уже много лет. Мы оба сожалеем о том, как с вами обошелся Польссон.

— Ему сегодня ночью удалось погубить полицейского, — произнес Микаэль.

Эрландер кивнул.

— Я был лично знаком с полицейским Гуннаром Андерссоном. До переезда в Тролльхеттан он служил в Гётеборге. У него осталась трехлетняя дочка.

— Я сожалею. Я пытался предостеречь...

Эрландер кивнул:

— Я так и понял. Вы даже употребляли крепкие выражения и поэтому оказались в наручниках. Ведь это вы добились Веннерстрёма. Бублански утверждает, что вы чертовски настырный журналист и совершенно безумный частный детектив, но, возможно, знаете, о чем говорите. Вы можете толково ввести меня в курс дела?

— Это развязка истории с убийством моих друзей Дага Свенссона и Миа Бергман из Энскеде и человека, который не является моим другом, — адвоката Нильса Бьюрмана, опекуна Лисбет Саландер.

Эрландер снова кивнул.

— Как вам известно, полиция ловила Лисбет Саландер с Пасхи, — продолжал Микаэль. — Ее подозревали в тройном убийстве. Для начала вы должны четко понять, что Лисбет Саландер не виновна в этих убийствах. Она здесь скорее жертва.

— Я не имел ни малейшего отношения к делу Саландер, но после всего, что писали в прессе, довольно трудно поверить, что она совершенно невиновна.

— Тем не менее это так. Она невиновна. И точка. Настоящим убийцей является Рональд Нидерман, который сегодня ночью убил вашего коллегу Гуннара Андерссона. Он работает на Карла Акселя Бодина.

— Того Бодина, что сейчас лежит в Сальгренской больнице с топором в ноге.

— Чисто технически топора в ноге у него больше нет. Я предполагаю, что его рубанула Лисбет. Его настоящее имя Александр Залаченко. Он —

отец Лисбет и в прошлом профессиональный убийца из русской военной разведки. В Швецию он перебрался в семидесятых годах и вплоть до крушения Советского Союза работал на СЭПО. После этого он промышлял бандитизмом.

Эрландер задумчиво оглядел сидевшего перед ним на диване собеседника. Микаэль Блумквист весь вспотел и казался одновременно продрогшим и смертельно усталым. Вплоть до этого момента он говорил аргументированно и связно, однако Тумас Польссон, к словам которого большого доверия Эрландер не питал, предупреждал, что Блумквист несет какую-то чушь о русских агентах и немецких убийцах, работа с которыми едва ли входит в сферу деятельности шведской уголовной полиции. Теперь Блумквист как раз добрался до той части истории, которую Польссон отверг. Однако в сточной канаве у дороги на Носсебру действительно лежали два полицейских — один мертвый, другой тяжело раненный, и Эрландер был готов слушать дальше. Правда, в его голосе невольно сквозило легкое недоверие.

— О'кей. Русский агент.

Блумквист слабо усмехнулся, явно сознавая, как нелепо звучит его история.

— Бывший русский агент. Я могу документально подтвердить каждое свое утверждение.

— Продолжайте.

— В семидесятых годах Залаченко был важнейшим шпионом. Он попросил политического убежища, и сотрудники СЭПО взяли его под свое крыло. Насколько я могу судить, в процессе развала Советского Союза таких случаев было немало.

— О'кей.

— Как я уже сказал, мне неизвестно, что именно произошло здесь этой ночью, но Лисбет выследила отца, с которым не встречалась пятнадцать лет. Когда-то он настолько жестоко избил ее мать, что та стала инвалидом и впоследствии скончалась от неизлечимых травм. Он пытался убить Лисбет и, при посредстве Рональда Нидермана, стоял за убийствами Дага Свенссона и Миа Бергман. Кроме того, он в ответе за похищение подруги Лисбет Мириам Ву — помните нашумевший поединок Паоло Роберто в местечке Ньюкварн?

— Если Лисбет Саландер ударила отца топором по голове, то она не совсем невиновна.

— У самой Лисбет Саландер на теле три пулевых ранения. Думаю, можно будет утверждать, что это была самооборона. Меня интересует...

— Да?

— Лисбет была настолько перепачкана землей и глиной, что ее волосы представляли собой сплошной комок грязи. Под одеждой у нее было полно песка. Такое впечатление, что она побывала в могиле. А у Нидермана явно имеется привычка закапывать людей. Полиция Сёдертелье обнаружила неподалеку от Ньюварна, в лесу рядом со складскими зданиями, две могилы.

— Уже три. Вчера поздно вечером нашли еще одно захоронение. Но если Лисбет Саландер подстрелили и закопали — как же она тогда оказалась на поверхности с топором в руках?

— Я понятия не имею, что произошло, но Лисбет — невероятно сильный человек. Я пытался уговорить Польссона вызвать сюда наряд с собаками...

— Они уже в пути.

— Отлично.

— Польссон арестовал вас за оскорбление.

— Протестую. Я назвал его идиотом, безграмотным идиотом и тупицей. Ни один из этих эпитетов не является в данном контексте оскорблением.

— Хм. Но вас арестовали еще и за незаконное ношение оружия.

— Я совершил ошибку, пытаюсь сдать ему оружие. Больше я на эту тему ничего не скажу, пока не посоветуюсь со своим адвокатом.

— О'кей. Отложим это. Нам надо обсудить дела поважнее. Что вам известно о Нидермане?

— Он убийца. С ним что-то не так: он два с лишним метра ростом и сложен, как боевой робот. Спросите Паоло Роберто — ему довелось с ним боксировать. Нидерман страдает врожденной анальгезией. Эта болезнь выражается в том, что транзиттерная субстанция в проводящих путях нервной системы не функционирует, и, следовательно, он не ощущает боли. Он немец, родился в Гамбурге и в юности был скинхедом. Находясь на свободе, он смертельно опасен.

— Вы имеете какое-нибудь представление о том, куда он мог бежать?

— Нет. Я знаю только, что приготовил его для ареста, но тут командовать взялся тупица из Тролльхеттана.

Около пяти часов утра доктор Андерс Юнассон стянул перепачканные латексные перчатки и бросил их в корзину для мусора. Операционная сестра накладывала компрессы на пулевую рану на бедре. Операция продолжалась три часа. Доктор посмотрел на обриту, истерзанную и уже

перебинтованную голову Лисбет Саландер и внезапно испытал прилив нежности, которую нередко ощущал к прооперированным им пациентам. Судя по газетам, Лисбет Саландер являлась убийцей нескольких человек и страдала психическими отклонениями, но в его глазах она выглядела скорее как подстреленный воробушек. Он покачал головой и затем посмотрел на доктора Фрэнка Эллиса, наблюдавшего за ним с неподдельным интересом.

— Ты отличный хирург, — сказал Эллис.

— Я могу угостить тебя завтраком?

— Здесь можно где-нибудь раздобыть блины с вареньем?

— Вафли, — ответил Андерс Юнассон. — У меня дома. Я сейчас позвоню и предупрежу жену, а потом мы вызовем такси. — Он остановился и взглянул на часы. — Но если хорошо подумать, то звонить, пожалуй, не стоит.

Адвокат Анника Джаннини проснулась сразу, как от толчка. Часы показывали без двух минут шесть, как она отметила, повернув голову направо. В восемь утра ей предстояла первая встреча с клиентом. Она повернула голову налево и покосилась на мужа — Энрико Джаннини, который преспокойно спал и собирался вставать в лучшем случае около восьми. Анника несколько раз моргнула, вылезла из постели, включила кофеварку и встала под душ. Проведя довольно много времени в ванной, она надела черные брюки, белый пуловер и красный пиджак. Потом поджарила себе два тоста, положила на них сыр, апельсиновый джем и кусочки авокадо и в половине седьмого уселась завтракать в гостиной — как раз когда по телевизору начинали передавать новости. Она отпила кофе и уже открыла рот, чтобы откусить от тоста, но тут услышала сводку основных тем выпуска.

Один полицейский убит и один тяжело ранен. Драматические события ночи, завершившиеся поимкой разыскиваемого убийцы трех человек — Лисбет Саландер.

Поначалу Аннике трудно было разобраться в происшедшем, поскольку сперва у нее сложилось впечатление, что полицейского убила Лисбет Саландер. Новости передавались кратко, однако постепенно она поняла, что за убийство полицейского разыскивается другой человек. По всей стране объявлен розыск тридцатисемилетнего мужчины, пока еще без указания имени. Лисбет Саландер с тяжелыми травмами находится в Сальгренской больнице Гётеборга.

Аника переключилась на второй канал, но ясности это не прибавило.

Достав мобильный телефон, она набрала номер брата — Микаэля Блумквиста, но услышала, что абонент недоступен. Ее охватил страх. Микаэль звонил ей накануне вечером, направляясь в Гётеборг, чтобы разыскать Лисбет Саландер. И убийцу по имени Рональд Нидерман.

Когда рассвело, один наблюдательный полицейский обнаружил за дровяным сараем следы крови. Полицейская собака взяла след и привела к яме, расположенной на поляне, примерно в четырехстах метрах на северо-восток от хутора.

Микаэль отправился туда вместе с инспектором Эрландером. Они стали обстоятельно изучать это место и без труда обнаружили большое количество крови в самой яме и вокруг нее.

Еще они нашли оцарапанный портсигар, который явно использовался в качестве лопатки. Эрландер поместил портсигар в пакет с уликами и отметил находку. Он собрал также образцы обгаренных кровью комков земли. Один из полицейских обратил его внимание на окурок сигареты марки «Пэлл Мэлл» без фильтра, лежавший в метре от ямы. Окурок тоже поместили в пакет и оформили. Микаэль вспомнил, что видел пачку «Пэлл Мэлл» на краю мойки в доме Залаченко.

Эрландер покосился на небо — там ползли тяжелые дождевые тучи. Буря, обрушившаяся ночью на Гётеборг, явно проходила к югу от окрестностей Носсебру, но совершенно очевидно, что будет дождь — вопрос только в том, как скоро. Обратившись к одному из полицейских, Эрландер попросил раздобыть брезент, чтобы накрыть яму.

— Думаю, вы правы, — сказал под конец инспектор Микаэлю. — Анализ крови, вероятно, подтвердит, что здесь лежала Лисбет Саландер, и, скорее всего, мы обнаружим на портсигаре отпечатки ее пальцев. Ее подстрелили и закопали, но она каким-то образом выжила, сумела выбраться наружу и...

— ...вернулась на хутор и шарахнула Залаченко топором по голове, — закончил Микаэль. — Она довольно-таки упертая стерва.

— Но как, черт возьми, ей удалось справиться с Нидерманом?

Микаэль пожал плечами. Это обстоятельство озадачивало его не меньше, чем Эрландера.

Пятница, 8 апреля

Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг прибыли на Гётеборгский центральный вокзал в начале девятого утра. К этому времени Бублански уже успел им позвонить и дать новые инструкции — не ехать в Госсебергу, а взять такси и отправляться на площадь Эрнста Фонтелля, что возле стадиона, — там размещалось руководство уголовной полиции области Вестра Гётланд. Им пришлось прождать почти час, пока из Госсеберги не вернулся инспектор Эрландер вместе с Микаэлем Блумквистом. Микаэль поздоровался с Соней Мудиг, с которой уже встречался, и пожал руку Йеркеру Хольмбергу. Затем к Эрландеру присоединился еще один коллега с последними сведениями о поисках Рональда Нидермана. Его отчет оказался кратким.

— Мы образовали поисковую группу, подчиненную областной полиции. По всей стране, разумеется, объявлен розыск. В шесть утра мы обнаружили в Алингсöse угнанную полицейскую машину. Там на данный момент след обрывается. Мы подозреваем, что он поменял транспортное средство — правда, пока никаких новых заявлений об угоне автотранспорта не поступало.

— А как со средствами массовой информации? — спросила Мудиг и с извиняющимся видом покосилась на Микаэля Блумквиста.

— Речь идет об убийстве полицейского, и подключены все. В десять часов мы устраиваем пресс-конференцию.

— Есть ли у кого-нибудь сведения о состоянии Лисбет Саландер? — спросил Микаэль. Все, что касалось поисков Нидермана, его не слишком интересовало.

— Ее ночью прооперировали, достали пулю из головы, но она еще не очнулась.

— Каковы прогнозы?

— Насколько я понимаю, пока она не придет в себя, выводов делать нельзя. Но оперировавший ее врач говорит, что надеется на благоприятный исход, если не возникнет никаких осложнений.

— А что с Залаченко?

— С кем? — переспросил коллега Эрландера, еще не посвященный во все детали этой запутанной истории.

— Карл Аксель Бодин.

— А-а, его тоже ночью прооперировали. Ему был нанесен мощный удар по лицу и еще один под самой коленной чашечкой. Травмы тяжелые, но опасности для жизни нет.

Микаэль кивнул.

— У вас усталый вид, — заметила Соня Мудиг.

— Вполне вероятно. Я на ногах уже третьи сутки.

— Он заснул прямо в машине по пути из Носсебру, — сказал Эрландер.

— Вы в силах рассказать всю историю с начала? — спросил Хольмберг. — Похоже, что частные детективы выигрывают у полиции со счетом примерно три — ноль.

Микаэль слабо улыбнулся:

— Хотел бы я услышать такую реплику из уст Бублански.

Они пошли в кафетерий здания полиции, чтобы позавтракать. В течение получаса Микаэль, шаг за шагом, объяснял, как по кусочкам собирал материал о Залаченко. Когда он закончил, полицейские погрузились в размышления, не говоря ни слова.

— В вашей истории имеется несколько лакун, — в конце концов сказал Хольмберг.

— Вероятно, — отозвался Микаэль.

— Вы не объяснили, как завладели секретным отчетом СЭПО о Залаченко.

Микаэль кивнул.

— Я обнаружил его вчера дома у Лисбет Саландер, когда наконец выяснил, где она скрывается. Лисбет же, в свою очередь, по всей видимости, нашла его на даче адвоката Нильса Бьюрмана.

— Значит, вы обнаружили укрытие Саландер? — спросила Соня Мудиг.

Микаэль кивнул.

— И?

— До этого адреса вам придется докапываться самим. Лисбет приложила много усилий, чтобы организовать себе укрытие, и я не намерен его выдавать.

Мудиг с Хольмбергом немного помрачнели.

— Микаэль... это ведь расследование убийства, — напомнила Соня.

— А вы все еще не осознали, что Лисбет Саландер невиновна и что полиция неслыханным образом попрала ее право на защиту частной жизни? Банда сатанисток-лесбиянок — откуда вы это взяли? Если Лисбет

захочет рассказать вам, где живет, то, я уверен, она расскажет.

— Но я никак не пойму еще одной вещи, — настаивал Хольмберг. — Какое отношение к этой истории имеет Бьюрман? Вы говорите, что все началось именно с него, потому что он связался с Залаченко и попросил его убить Саландер... но зачем ему это понадобилось?

Микаэль довольно долго колебался.

— Я предполагаю, что он нанял Залаченко, чтобы убрать Лисбет Саландер. По их замыслу, она должна была оказаться в том складе под Ньюварном.

— Он ведь был ее опекуном. Какой у него мог иметься мотив для ее убийства?

— Вопрос сложный.

— Объясните.

— У него имелся прекрасный мотив. Он сделал кое-что, о чем было известно Лисбет. Она представляла угрозу для его перспектив и благополучия.

— Что же он сделал?

— Думаю, будет лучше, если мы предоставим объяснить это самой Лисбет.

Он встретился взглядом с Хольмбергом.

— Давайте я попробую угадать, — сказала Соня Мудиг. — Бьюрман предпринял что-то против своей подопечной.

Микаэль кивнул.

— А если я предположу, что он подверг ее какой-то форме сексуального насилия?

Микаэль пожал плечами и воздержался от комментариев.

— Вам известно о татуировке на животе Бьюмана?

— О татуировке?

— У него через весь живот шла сделанная неумелой рукой татуировка с надписью: «Я садистская свинья, подонок и насильник». Мы долго размышляли над тем, откуда она взялась.

Микаэль вдруг захохотал.

— В чем дело?

— А я-то ломал голову над тем, какую Лисбет избрала форму мести. Однако знаете... обсуждать это я с вами не стану, по той же причине, что и раньше. Речь опять-таки идет о ее частной жизни. Против Лисбет было совершено преступление. Жертвой является она. И ей решать, что вам рассказывать. Сорри. — Он с извиняющимся видом пожал плечами.

— О насилиях следует заявлять в полицию, — сказала Соня Мудиг.

— Согласен. Однако это насилие имело место два года назад, а Лисбет все еще не сообщила о нем полиции. Следовательно, она этого делать не собирается. Я могу сколько угодно не соглашаться с ней по существу, но решать ей. Кроме того...

— Да?

— У нее нет особых оснований доверять полиции. В последний раз, когда она попыталась объяснить, какая скотина Залаченко, ее заперли в психиатрической лечебнице.

Около девяти часов в пятницу утром начальник группы розыска Ян Бублански вошел в кабинет Рихарда Экстрёма и по его приглашению уселся в кресло для посетителей. Поправив очки, Экстрём провел рукой по ухоженной бороде. Он сильно нервничал. Ситуация представлялась ему хаотичной и угрожающей. В течение месяца он являлся руководителем предварительного следствия и занимался поисками Лисбет Саландер. Он во всех подробностях расписывал ее как сумасшедшую и опасную для общества психопатку, выдавал обществу и газетам информацию, которая должна была помочь ему в предстоящем судебном процессе. Все, казалось, складывалось удачно.

Он ни на минуту не сомневался в том, что Лисбет Саландер действительно виновна в тройном убийстве и что процесс выльется в чистую формальность — в пропагандистское представление с ним самим в главной роли. Потом все пошло наперекосяк: внезапно появился совершенно другой кандидат в убийцы и образовался хаос, которому, казалось, не видно конца. Чертова Саландер, мысленно выругался он.

— Похоже, мы угодили в какую-то жуткую кашу, — сказал Экстрём. — Что тебе удалось узнать за утро?

— Рональд Нидерман объявлен в розыск, но он по-прежнему на свободе. Пока он разыскивается только за убийство полицейского Гуннара Андерссона, но я предполагаю, что нам следует инкриминировать ему еще и те три убийства в Стокгольме. Может, тебе стоит устроить пресс-конференцию?

Пресс-конференцию Бублански предложил, чтобы насолить Экстрёму, который ненавидел пресс-конференции.

— Думаю, с пресс-конференцией мы можем пока подождать, — поспешно сказал Экстрём.

Бублански стоило немалого труда сдержать улыбку.

— Это ведь в первую очередь дело полиции Гётеборга, — пояснил Экстрём.

— Правда, у нас в Гётеборге находятся Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг, которые уже начали сотрудничать...

— Мы подождем с пресс-конференцией, пока не будем знать больше, — резко поставил точку Экстрём. — Сейчас я хочу знать, насколько ты уверен в том, что Нидерман действительно замешан в убийствах в Стокгольме.

— Как полицейский, я в этом убежден. Однако у нас довольно плохо обстоит дело с уликами. Нет никаких свидетелей убийств и никаких веских вещественных доказательств. Магге Лундин и Сонни Ниеминен из «Свавельшё МК» говорить отказываются и притворяются, что никогда не слышали о Нидермане. Зато за убийство полицейского Гуннара Андерссона его, несомненно, посадят.

— Вот именно, — сказал Экстрём. — Самое главное сейчас — убийство полицейского. Но скажи мне... не указывает ли все-таки хоть что-нибудь на причастность Саландер к тем убийствам? Нельзя ли предположить, что она совершила их вместе с Нидерманом?

— Сомневаюсь. И я бы не стал предавать такую теорию огласке.

— Но какое же тогда она имеет к этому отношение?

— Это чрезвычайно запутанная история. Как с самого начала и утверждал Микаэль Блумквист, все дело в персонаже по имени Зала... в Александре Залаченко.

При упоминании Микаэля Блумквиста прокурор Экстрём вздрогнул.

— Зала — перебежавший к нам наглый русский убийца времен холодной войны, — продолжал Бублански. — Он появился здесь в семидесятых годах и стал отцом Лисбет Саландер. Его поддерживала некая группировка из СЭПО и прикрывала, когда он совершал преступления. Один полицейский из СЭПО проследил за тем, чтобы Лисбет Саландер поместили в закрытую детскую психиатрическую лечебницу, когда она в тринадцатилетнем возрасте угрожала раскрыть тайну Залаченко.

— Знаешь ли, в этом трудноато разобраться. Такой истории мы едва ли сможем дать ход. Если я правильно понимаю, все сведения о Залаченко носят секретный характер.

— Тем не менее это правда. У меня имеются документы.

— Можно на них взглянуть?

Бублански протянул ему папку с полицейским расследованием 1991 года. Экстрём внимательно осмотрел штамп, означавший, что на сведения наложен гриф секретности, и регистрационный номер, который он сразу опознал как принадлежащий Службе государственной безопасности Швеции. Быстро перелистав содержащую почти сто страниц пачку бумаг,

он прочел наугад несколько фрагментов и отложил папку в сторону.

— Надо постараться попридержать это дело, чтобы ситуация полностью не вышла у нас из-под контроля. Значит, Лисбет Саландер упекли в сумасшедший дом, потому что она пыталась убить собственного отца... этого Залаченко. А теперь она ударила отца топором по голове. Это, во всяком случае, должно квалифицироваться как попытка убийства. К тому же ее следует арестовать за то, что она стреляла в Магге Лундина в Сталлархольме.

— Ты можешь арестовывать, кого хочешь, но я бы на твоём месте действовал осторожно.

— Если вся эта история с СЭПО просочится наружу, разразится грандиозный скандал.

Бублански пожал плечами. В его обязанности входило раскрывать преступления, а скандалы его не интересовали.

— А этот мерзавец из СЭПО, Гуннар Бьёрк? Что нам известно о его роли?

— Это одно из главных действующих лиц. В настоящее время он пребывает на больничном по поводу грыжи межпозвоночного диска и живет в Смодаларё.

— Ладно... по поводу СЭПО мы пока помолчим. Сейчас речь идет об убийстве полицейского и только. Вызывать сумятицу в нашу задачу не входит.

— Замять это, пожалуй, будет трудно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я послал Курта Свенссона привезти Бьёрка для допроса. — Бублански посмотрел на часы. — Вероятно, он как раз сейчас к нему приехал.

— Что?

— Вообще-то я планировал сам иметь удовольствие съездить в Смодаларё, но помешало убийство полицейского.

— Я же не давал санкции на арест Бьёрка.

— Правильно. Но об аресте речь и не идет. Я приглашаю его для допроса.

— Мне это не нравится.

Бублански склонился над столом и с доверительным видом сказал:

— Рихард... дело обстоит следующим образом. Лисбет Саландер подверглась целой серии противоправных действий, начиная прямо с детства. Я намерен положить этому конец. Ты можешь отстранить меня от руководства расследованием, но в таком случае я буду вынужден написать

резкую докладную записку.

У Рихарда Экстрёма сделался такой вид, будто он проглотил что-то кислое.

Гуннар Бьёрк, пребывающий на больничном заместитель начальника отдела Службы государственной безопасности по работе с иностранцами, открыл дверь летнего дома в Смодаларё и вопросительно посмотрел на мощного, коротко стриженного блондина в черной кожаной куртке.

— Мне нужен Гуннар Бьёрк.

— Это я.

— Курт Свенссон, областная уголовная полиция. — Мужчина предъявил удостоверение.

— Да?

— Вас просят поехать на Кунгсхольмен, чтобы помочь полиции в расследовании дела Лисбет Саландер.

— Э-э... это, должно быть, какая-то ошибка.

— Это не ошибка, — сказал Курт Свенссон.

— Вы не понимаете. Я тоже полицейский. Думаю, вам следует выяснить все у вашего начальника.

— Мой начальник как раз и хочет с вами побеседовать.

— Я должен позвонить и...

— Вы сможете позвонить с Кунгсхольмена.

Гуннар Бьёрк вдруг почувствовал, что у него больше нет сил противиться судьбе.

Вот это и случилось. Вся история выплывает наружу. Чертов мерзавец Блумквист. Проклятая Саландер.

— Я арестован? — спросил он.

— Пока нет. Но мы можем это устроить, если вам угодно.

— Нет... нет, я, конечно, поеду. Разумеется, я хочу помочь коллегам из полиции.

— Вот и хорошо, — сказал Курт Свенссон, проходя в дом. Пока Гуннар Бьёрк доставал верхнюю одежду и выключал кофеварку, Курт внимательно следил за ним.

В одиннадцать часов утра Микаэль Блумквист осознал, что взятая им напрокат машина так и осталась стоять за скотным двором на въезде в Госсебергу, а он настолько вымотался, что не в силах ехать за ней и уж тем более не способен просидеть за рулем всю обратную дорогу, не представляя опасности для движения. Он спросил совета у инспектора

Маркуса Эрландера, и тот великодушно договорился о том, чтобы криминалисты из Гётеборга привезли машину, когда будут возвращаться домой.

— Считайте это компенсацией за то, как с вами обошлись сегодня ночью.

Микаэль кивнул, взял такси и поехал в гостиницу «Сити-отель», расположенную на улице Лоренсбергсгатан, рядом с Авеню. Он взял себе на одну ночь одноместный номер за 800 крон, сразу поднялся наверх и разделся. Усевшись нагишом на покрывало, он достал из внутреннего кармана куртки мини-компьютер Лисбет Саландер и повертел его в руках. Микаэля по-прежнему удивляло, что устройство не конфисковали, когда комиссар Тумас Польссон его обыскивал. Правда, Польссон исходил из того, что компьютер принадлежит Микаэлю, а до следственного изолятора с полным обыском в его случае дело не дошло. Немного поразмыслив, он поместил «Палм Тангстен ТЗ» в отделение своей сумки для ноутбука, где уже лежал CD-диск Лисбет с пометой «Бьюрман» — его Польссон тоже не заметил. Микаэль сознавал, что с чисто формально-юридической точки зрения он скрывает улики, но Лисбет, скорее всего, не хотела бы, чтобы эти предметы попали в руки следствия.

Он включил мобильный телефон, отметил, что аккумулятор почти совсем разрядился, и подключил зарядное устройство к сети. Затем позвонил сестре — адвокату Аннике Джаннини.

— Привет, сестренка.

— Какое ты имеешь отношение к ночному убийству полицейского? — сразу же спросила та.

Он кратко объяснил, что произошло.

— О'кей. Значит, Саландер лежит в реанимации.

— Именно. Мы узнаем, насколько серьезно она пострадала, только когда она очнется, но ей потребуется адвокат.

Анника Джаннини немного подумала.

— Ты думаешь, она захочет воспользоваться моими услугами?

— Вероятно, она вообще не захочет адвоката. Лисбет не из тех, кто обращается к кому-либо за помощью.

— Похоже, ей потребуется адвокат по уголовным делам. Дай мне взглянуть на те документы, что у тебя есть.

— Поговори с Эрикой Бергер и попроси ее снять копию.

Закончив разговор с Анникой Джаннини, Микаэль позвонил Эрике Бергер. По мобильному она не ответила, и Микаэль набрал ее номер в редакции «Миллениума». Там к телефону подошел Хенри Кортес и сказал,

что Эрики сейчас нет на месте.

Микаэль кратко объяснил, что произошло, и попросил Хенри передать информацию главному редактору «Миллениума».

— О'кей. Что мы должны делать? — спросил Кортес.

— Сегодня ничего. Мне надо поспать. Если ничего непредвиденного не произойдет, я завтра приеду в Стокгольм. «Миллениум» напечатает свою версию в следующем номере, и у нас почти месяц времени.

Он закончил разговор, влез в постель и через тридцать секунд уже спал.

Моника Спонгберг, заместитель начальника областного полицейского управления, постучала ручкой по стакану с минеральной водой и попросила тишины. За столом для совещаний в ее кабинете собралось десять человек: три женщины и семь мужчин. Здесь присутствовали начальник отдела по борьбе с насильственными преступлениями, его заместитель, три инспектора уголовной полиции, включая Маркуса Эрландера, и пресс-секретарь полицейского управления Гётеборга. Кроме того, на встречу была вызвана руководитель предварительного следствия Агнета Йервас из прокуратуры, а также инспекторы Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг из уголовной полиции Стокгольма. Последних пригласили с целью продемонстрировать коллегам из столицы готовность к сотрудничеству и, возможно, чтобы показать им, как следует проводить полицейское расследование.

Спонгберг, часто оказывавшаяся единственной женщиной в мужском окружении, была известна тем, что не тратит время на формальности и обмен любезностями. Она объявила, что руководитель областного полицейского управления находится в командировке, на конференции Европола в Мадриде; он уже получил сообщение об убийстве полицейского и прервал поездку, но сможет вернуться домой только поздно вечером. Затем она обратилась к начальнику отдела по борьбе с насильственными преступлениями Андерсу Персону и попросила его кратко обрисовать ситуацию.

— С убийства нашего коллеги Гуннара Андерссона на дороге в Носсебру прошло чуть более десяти часов. Нам известно имя убийцы — Рональд Нидерман, но у нас по-прежнему нет его фотографии.

— В Стокгольме имеется его фотография двадцатилетней давности. Ее нам предоставил Паоло Роберто, но от нее мало толку, — сказал Йеркер Хольмберг.

— О'кей. Полицейскую машину, которой он завладел, как известно,

обнаружили утром в Алингсосе. Она стояла в переулке, примерно в трехстах пятидесяти метрах от железнодорожной станции. Заявлений об угоне машин в этом районе в течение утра не поступало.

— Как ведется розыск?

— Мы проверяем поезда, прибывающие в Стокгольм и Мальме. Объявлен общегосударственный розыск, и проинформирована полиция Норвегии и Дании. На данный момент непосредственно расследованием занимается около тридцати полицейских, и все они, разумеется, проявляют бдительность.

— Никаких следов?

— Пока никаких. Но человека с такой специфической внешностью, как Нидерман, должно быть, не так трудно опознать.

— Кто-нибудь знает, как обстоит дело с Фредриком Торстенссоном? — спросил один из инспекторов отдела по борьбе с насилием.

— Он находится в Сальгрэнской больнице. У него тяжелые травмы, примерно как после автомобильной аварии. Трудно поверить, что такие увечья человек мог нанести руками. Помимо переломов ног и ребер у него поврежден шейный позвонок, и существует риск, что он останется частично парализованным.

Все на несколько секунд задумались о положении коллеги, а потом Спонгберг вновь взяла слово и обратилась к Эрландеру:

— Что же на самом деле приключилось в Госсеберге?

— В Госсеберге приключился Тумас Польссон.

Несколько участников совещания дружно застонали.

— Неужели никто не может отправить его на пенсию? Он ведь просто ходячая катастрофа.

— Я прекрасно знаю Польссона, — сказала Моника Спонгберг. — Однако я не слышала на него жалоб в последние... ну, года два.

— Их начальник полиции — старый знакомый Польссона и, вероятно, прикрывал его. Я имею в виду — из лучших побуждений, пытаюсь ему помочь, и говорю это не в порядке критики в его адрес. Однако сегодня ночью Польссон вел себя настолько странно, что несколько коллег подали рапорты.

— В чем это выразилось?

Маркус Эрландер покосился на Соню Мудиг и Йеркера Хольмберга. Ему явно было неловко расписывать недостатки своей организации перед коллегами из Стокгольма.

— Наиболее странным кажется, пожалуй, то, что он заставил коллегу из технического отдела заниматься инвентаризацией дровяного сарая, где

мы обнаружили этого Залаченко.

— Инвентаризацией сарая? — переспросила Спонгберг.

— Да... то есть... ему хотелось точно знать, сколько там поленьев. Чтобы правильно составить рапорт.

За столом воцарилась выразительная тишина, и Эрландер поспешно продолжил:

— Сегодня утром стало известно, что Польссон принимает по крайней мере два психофармакологических препарата — ксанор и ефексор. Ему на самом деле следовало бы находиться на больничном, но он скрывал свое состояние от коллег.

— Какое состояние? — строго спросила Спонгберг.

— Чем именно он страдает, я, естественно, не знаю, это врачебная тайна. Но препараты, которые он принимает, являются отчасти сильными антидепрессантами, отчасти стимуляторами. Сегодня ночью он был попросту не в себе.

— О господи, — выразительно произнесла Спонгберг. Лицо ее сделалось мрачным и угрожающим, как та буря, что на рассвете накрыла Гётеборг. — Пусть Польссона доставят ко мне для беседы. Немедленно.

— Это, вероятно, будет сопряжено с определенными трудностями. У него утром сдали нервы, и его увезли в больницу с диагнозом «перенапряжение». Нам просто-напросто ужасно не повезло, что на дежурстве оказался именно он.

— Можно спросить, — подал голос начальник отдела по борьбе с насильственными преступлениями. — Ведь Польссон арестовал ночью Микаэля Блумквиста?

— Он составил рапорт и обвинил его в оскорблении, яростном сопротивлении сотруднику полиции и незаконном ношении оружия.

— Что говорит Блумквист?

— Он признается в оскорблении, но утверждает, что действовал в целях необходимой обороны. То есть заявляет, что сопротивление выразилось в попытках помешать Торстенссону и Андерссону самостоятельно и без подкрепления ехать арестовывать Нидермана, для чего он употреблял резкие выражения.

— Свидетели?

— Полицейские Торстенссон и Андерссон. Позвольте сказать, что я абсолютно не верю в обвинения в яростном сопротивлении. Это типичное встречное обвинение с целью предотвратить жалобу со стороны Блумквиста.

— Значит, самому Блумквисту удалось в одиночку справиться с

Нидерманом? — спросила прокурор Агнета Йервас.

— Под угрозой применения оружия.

— Следовательно, у Блумквиста было оружие. Тогда задержание Блумквиста в любом случае имело под собой почву. Откуда он взял оружие?

— Об этом Блумквист отказался говорить, пока не побеседует со своим адвокатом. Но Польссон арестовал Блумквиста в момент, когда тот пытался сдать оружие полиции.

— Можно мне высказать неформальное предложение? — осторожно спросила Соня Мудиг.

Все взгляды обратились к ней.

— Я неоднократно встречалась с Микаэлем Блумквистом во время расследования, и у меня сложилось впечатление, что он довольно здравомыслящий человек, хоть и журналист. Очевидно, решение о возбуждении дела будете принимать вы... — Она посмотрела на Агнету Йервас, и та кивнула. — В таком случае я предполагаю, что оскорбление и оказание сопротивления вы не станете ему инкриминировать — это ведь просто глупость.

— Вероятно, так. Однако незаконное ношение оружия — это несколько серьезнее.

— Я бы предложила вам повременить. Блумквист самостоятельно собрал эту историю по кусочкам и намного опередил полицию. Нам гораздо полезнее будет сотрудничать с ним, сохранив хорошие отношения, чем дать ему возможность подвергнуть весь полицейский корпус уничижительной критике в СМИ.

Она замолчала. Через несколько секунд Маркус Эрландер откашлялся. Если уж Соня Мудиг отважилась высунуться, то ему не хотелось отставать.

— Я поддерживаю. Мне Блумквист тоже кажется здравомыслящим человеком. Я даже попросил у него прощения за то, как с ним обошлись сегодня ночью. Он, похоже, готов закрыть на это глаза. Кроме того, Блумквист держится с достоинством. Он обнаружил место жительства Лисбет Саландер, но отказывается его называть. Не боится вступать с полицией в открытую дискуссию... да и, учитывая его профессию, репутацию и известность, любое его заявление в СМИ прозвучит не менее весомо, чем любые обвинения со стороны Польссона.

— Но ведь он отказывается сообщать полиции информацию о Саландер?

— Он говорит, что об этом нам придется спрашивать у самой Лисбет.

— О каком оружии идет речь? — спросила Йервас.

— О пистолете «Кольт-тысяча девятьсот одиннадцать Гавернмент». Номер серии не известный. Я отправил пистолет техникам, и мы пока не знаем, применялся ли он в каких-либо преступлениях на территории Швеции. Если окажется, что да, то дело примет несколько иной оборот.

Моника Спонгберг подняла карандаш.

— Агнета, начинать ли предварительное следствие в отношении Блумквиста, решать тебе. Я бы предложила дождаться отчета техников. А пока давайте пойдем дальше. Этот Залаченко... что могут рассказать о нем наши стокгольмские коллеги?

— Дело в том, что до этой ночи мы ничего не слышали ни о Залаченко, ни о Нидермане, — ответила Соня Мудиг.

— Я думал, что вы разыскиваете в Стокгольме банду сатанисток-лесбиянок, — сказал один из гётеборгских полицейских.

Кое-кто из присутствующих заулыбался. Йеркер Хольмберг принялся рассматривать собственные ногти, и отвечать пришлось Соне Мудиг.

— Между нами говоря, у нас в отделе имеется свой «Тумас Польссон», и историю с бандой сатанисток-лесбиянок надо, скорее всего, назвать побочным следом, возникшим именно по его инициативе.

Затем Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг посвятили примерно полчаса рассказу о том, что удалось выяснить в процессе расследования.

Когда они закончили, за столом надолго воцарилось молчание.

— Если насчет Гуннара Бьёрка все подтвердится, то СЭПО это обойдется дорого, — заключил под конец заместитель начальника отдела по борьбе с насильственными преступлениями.

Все закивали. Агнета Йервас подняла руку.

— Если я правильно понимаю, ваши подозрения во многом строятся на предположениях и косвенных уликах. Как прокурора, меня несколько беспокоит ситуация с фактическими доказательствами.

— Мы это осознаем, — сказал Йеркер Хольмберг. — Мы в общих чертах представляем себе, что произошло, но у нас имеется целый ряд вопросов, требующих прояснения.

— Насколько я поняла, вы занимаетесь раскопками в Ньюварне, под Сёдертелье, — сказала Спонгберг. — О скольких убийствах у вас, собственно, идет речь?

Йеркер Хольмберг устало заморгал.

— Мы начали с трех убийств в Стокгольме, по подозрению в которых разыскивалась Лисбет Саландер: жертвами были адвокат Бьюрман, журналист Даг Свенссон и аспирантка Миа Бергман. В лесу возле складского помещения под Ньюварном пока обнаружено три захоронения.

В одной из них найдены расчлененные останки известного наркоторговца и вора. В могиле номер два обнаружена пока не идентифицированная женщина. Третью могилу мы пока еще не успели обследовать, и, похоже, она наиболее старая. Кроме того, Микаэль Блумквист обнаружил связь с убийством проститутки из Сёдертелье, произошедшим несколько месяцев назад.

— Значит, вместе с полицейским Гуннаром Андерссоном в Госсеберге речь идет по меньшей мере о восьми жертвах... это же ужасающая статистика. И во всех убийствах мы подозреваем Нидермана? Тогда он должен быть абсолютно сумасшедшим серийным убийцей.

Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг переглянулись, и в конце концов слово взяла Соня.

— Нам пока не хватает фактических доказательств, тем не менее мы с моим начальником — инспектором уголовной полиции Яном Бублански — склоняемся к мысли, что Блумквист совершенно прав в своих утверждениях и что первые три убийства совершил Нидерман. Это означает, что Саландер невиновна. Относительно могил в Нюкварне можно сказать, что связь Нидермана с этим местом подтверждает похищение подруги Саландер Мириам Ву. Ей, несомненно, было уготовано место в четвертой могиле. Но данное складское помещение принадлежит родственнице главы мотоклуба «Свавельшё МК», и, пока останки не идентифицированы, о выводах говорить преждевременно.

— А вор, которого вы идентифицировали...

— Кеннет Густафссон, сорок четыре года, известен как торговец наркотиками. С законом не ладил начиная с подросткового возраста. Навскидку я бы предположила, что речь идет о каких-то внутренних разборках. Мотоклуб из Свавельшё замешан в самых разных преступлениях и, в частности, связан с распространением метамфетамина. То есть это может быть кладбищем для людей, не поладивших с «Свавельшё МК». Однако...

— Да?

— Та проститутка, убитая в Сёдертелье... двадцатидвухлетняя Ирина Петрова.

— И что с ней?

— Вскрытие показало, что она была жестоко избита, причем повреждения такого характера, какие обычно наносятся чем-то вроде бейсбольной биты. Правда, характер повреждений неоднозначен, и патологоанатом не смог точно сказать, какое именно использовалось орудие. Однако Блумквист сделал довольно меткое наблюдение. Травмы

Ирины Петровой вполне могли быть нанесены голыми руками...

— Нидерман?

— Это логичное предположение. Доказательства пока отсутствуют.

— Как мы будем действовать дальше? — спросила Спонгберг.

— Мне необходимо переговорить с Бублански, но следующий естественный шаг — это, вероятно, допрос Залаченко. Мы, со своей стороны, надеемся выяснить, что ему известно об убийствах в Стокгольме, а в вашем случае речь идет о поимке Нидермана.

Один из инспекторов гётеборгского отдела по борьбе с насильственными преступлениями поднял палец.

— Можно спросить — что обнаружили на хуторе Госсенберга?

— Очень немного. Мы нашли четыре единицы стрелкового оружия. Подготовленный к смазке пистолет «ЗИГ-Зауэр» в разобранном виде — на кухонном столе. Польский «Пи-восемьдесят три ванад» — на полу рядом с кухонным диваном. «Кольт-тысяча девятьсот одиннадцать Гавернмент» — тот, что Блумквист пытался сдать Польссону. И наконец, браунинг двадцать второго калибра, который представляется на этом фоне чуть ли не детской игрушкой. Мы подозреваем, что в Саландер стреляли именно из него, поскольку она все еще жива с пулей в голове.

— Что-нибудь еще?

— Мы конфисковали сумку, содержащую чуть более двухсот тысяч крон. Она находилась в комнате на втором этаже, которой пользовался Нидерман.

— А вы уверены в том, что это его комната?

— Ну, у него размер одежды икс-икс-эль. У Залаченко вещи среднего размера.

— Есть ли какие-нибудь доказательства связи Залаченко с преступной деятельностью? — спросил Йеркер Хольмберг.

Эрландер помотал головой.

— Все, конечно, зависит от того, как истолковывать конфискованное оружие. Но за исключением оружия и того, что у Залаченко стояли очень высокотехнологичные камеры наружного наблюдения, мы не обнаружили ничего, что отличало бы хутор Госсенбергу от любого фермерского хозяйства. Обстановка дома чрезвычайно спартанская.

Ближе к двенадцати часам в дверь постучал полицейский в форме, который передал Монике Спонгберг какую-то бумагу. Она подняла палец.

— К нам поступил сигнал об исчезновении человека в Алингсосе. Двадцатисемилетняя медсестра стоматологического кабинета по имени Анита Касперссон выехала из дома в семь тридцать утра. Она отвезла

ребенка в садик и должна была прибыть на свое рабочее место еще до восьми, но так и не прибыла. Она работает у частного стоматолога, приемная которого расположена примерно в ста пятидесяти метрах от того места, где обнаружили угнанную полицейскую машину.

Эрландер и Соня Мудиг одновременно взглянули на свои часы.

— Значит, он имеет фору в четыре часа. Что у нее за машина?

— Темно-синий «рено» модели девяносто первого года. Вот номер.

— Немедленно объявляйте машину в общегосударственный розыск. К настоящему моменту Нидерман может находиться в любом месте между Осло, Мальме и Стокгольмом.

После непродолжительного обсуждения они завершили совещание, решив, что допрашивать Залаченко поедут Соня Мудиг и Маркус Эрландер.

Когда Эрика Бергер прошла наискосок из своего кабинета в редакционную мини-кухню, Хенри Кортес нахмурил брови и проводил ее взглядом. Через несколько секунд она снова появилась с кружкой кофе в руке, вернулась к себе и закрыла дверь.

Хенри Кортес не мог точно определить, что его насторожило. «Миллениум» принадлежал к тем предприятиям, сотрудники которых быстро сближались. Хенри на полставки работал в журнале в течение четырех лет и за это время успел пережить несколько феноменальных бурь, особенно в тот период, когда Микаэль Блумквист отбывал трехмесячное заключение за клевету и журнал чуть не обанкротился. На его памяти произошло и убийство сотрудника журнала Дага Свенссона вместе с его подругой Миа Бергман.

Во время всех этих потрясений Эрика Бергер держалась, как скала, которую ничто, казалось, не могло вывести из равновесия. Хенри не удивило, что Эрика позвонила и разбудила его рано утром, а потом засадила их с Лоттой Карим за работу. Дело Саландер сдвинулось с мертвой точки, а Микаэль Блумквист оказался замешан в убийстве полицейского из Гётеборга. Тут все было ясно. Лотта Карим расположилась в здании полиции и пыталась получить какие-нибудь вразумительные сведения, а Хенри посвятил утро звонкам и попыткам разобраться в том, что произошло ночью. Блумквист по телефону не отвечал, но при помощи некоторых источников Хенри удалось составить относительно полную картину ночной драмы.

Однако мысли Эрики Бергер все утро были заняты чем-то другим. Дверь к себе в кабинет она закрывала крайне редко — лишь когда принимала посетителей или интенсивно работала над какой-то проблемой.

В это утро посетителей у нее не было и она не работала. Когда Хенри несколько раз заходил к ней, чтобы сообщить о новостях, то заставлял ее в кресле у окна, погруженной в свои мысли и с явным безразличием разглядывающей людской поток на Гётгатан. Его сообщения она выслушивала рассеянно.

Что-то было не так.

Его раздумья прервал звонок. Открыв дверь, Хенри увидел Аннику Джаннини. С сестрой Микаэля Блумквиста он несколько раз встречался, но близко ее не знал.

— Здравствуйте, Анника, — сказал Хенри. — Микаэля сегодня здесь нет.

— Я знаю. Мне нужна Эрика.

Когда Хенри впустил Аннику в кабинет, сидевшая в кресле у окна Эрика Бергер подняла взгляд и быстро взяла себя в руки.

— Привет, — сказала она. — Микаэля сегодня тут нет.

Анника улыбнулась.

— Знаю. Мне нужен отчет Бьёрка о расследовании СЭПО. Микке попросил меня взглянуть на него, чтобы, возможно, представлять интересы Саландер.

Эрика кивнула, потом встала и принесла с письменного стола папку.

Анника уже почти собралась уходить, но, немного поколебавшись, передумала и села напротив Эрики.

— Хорошо, а с тобой что происходит?

— Я собираюсь уйти из «Миллениума», но так и не смогла рассказать об этом Микаэлю. Он так запутался в этой истории с Саландер, что мне никак не представлялся удобный случай, а я не могу сообщить остальным, не поговорив сначала с ним, и теперь мне чертовски паршиво.

Анника Джаннини прикусила нижнюю губу.

— И сейчас ты вместо него рассказываешь мне. Чем ты собираешься заниматься?

— Я буду главным редактором газеты «Свенска моргонпостен».

— Вот это да! В таком случае поздравления были бы куда уместнее плача и скрежета зубовного.

— Но я собиралась оставить «Миллениум» совсем не так. Посреди дикого хаоса. Предложение поступило, как гром среди ясного неба, и я не смогла отказаться. Я хочу сказать, что такой шанс дважды не выпадает. Мне предложили эту должность как раз перед тем, как застрелили Дага и Миа, и здесь началась такая чехарда, что я промолчала. А теперь меня дьявольски мучает совесть.

— Понимаю. И ты боишься рассказать обо всем Микке.

— Я еще никому не рассказывала. Я думала, что начну работать в «СМП» только осенью и у меня еще будет время рассказать. А теперь они хотят, чтобы я приступила как можно скорее.

Она замолчала и посмотрела на Аннику с таким видом, будто вот-вот расплачется.

— Это практически моя последняя неделя в «Миллениуме». После выходных я уезжаю, а потом... мне необходим небольшой отпуск, чтобы подзарядиться. А первого мая я уже начинаю работать в «СМП».

— А что бы случилось, попади ты под машину? Тогда журнал остался бы без главного редактора и тоже без всякого предупреждения.

Эрика подняла взгляд.

— Но я не попала под машину. Я сознательно молчала несколько недель.

— Я понимаю, что положение трудное, но мне кажется, что Микке с Кристером вместе со всеми остальными справятся с ситуацией. И я считаю, что ты должна им все рассказать, прямо сейчас.

— Да, но твой проклятый братец сегодня торчит в Гётеборге. Он спит и не отвечает на звонки.

— Я знаю. Мало кому удастся так успешно уклоняться от телефонных разговоров, как Микаэлю. Однако тут речь идет не о вас с Микке. Я знаю, что вы проработали вместе двадцать лет или около того и что у вас запутанные отношения, но ты должна подумать о Кристере и об остальных сотрудниках редакции.

— Но Микаэль...

— Микке взовьется до потолка. Разумеется. Но если он не сможет пережить того, что после двадцати лет ты немного перемудрила, то он не стоит того времени, что ты на него потратила.

Эрика вздохнула.

— Встряхнись. Вызови Кристера и всех остальных. Немедленно.

На собрание, устроенное Эрикой Бергер в маленьком конференц-зале «Миллениума», Кристер Мальм явился в растерянности. Его предупредили всего за несколько минут до начала, как раз когда он уже собирался, по случаю пятницы, покинуть редакцию пораньше. Кристер покосился на Хенри Кортеса и Лотту Карим, явно не менее удивленных, чем он. Ответственный секретарь редакции Малин Эрикссон тоже ничего не знала, равно как и репортер Моника Нильссон и маркетолог Сонни Магнуссон. Не хватало только Микаэля Блумквиста, который находился в Гётеборге.

«Господи. Микаэль ведь ничего не знает, — подумал Кристер Мальм. — Интересно, какова будет его реакция».

Потом он заметил, что Эрика Бергер закончила говорить, и в конференц-зале воцарилась полная тишина. Он покачал головой, встал, обнял Эрику и поцеловал ее в щеку.

— Поздравляю, Рикки, — сказал он. — Должность главного редактора «СМП» — это неслабый взлет после нашей маленькой шхуны.

Хенри Кортес очнулся и от души зааплодировал. Эрика подняла руки.

— Стоп, — сказала она. — Аплодисментов я сегодня не заслуживаю.

Она сделала короткую паузу и обвела взглядом немногочисленных сотрудников редакции.

— Послушайте... мне ужасно жаль, что все вышло именно так. Я собиралась рассказать вам несколько недель назад, но тут произошли убийства и началась суматоха. Микаэль с Малин работали как одержимые, и у меня просто не было подходящего случая. Поэтому так и получилось.

Малин Эрикссон вдруг с ужасающей ясностью поняла, насколько мало у них сотрудников и как безумно трудно им будет без Эрики. Что бы ни происходило или какой бы ни начинался хаос, Эрика была той скалой, к которой Малин всегда могла прислониться, неколебимой при любых штормах. Да... неудивительно, что этот «Утренний дракон» нанял ее на работу. Но что же теперь будет? Эрика всегда являлась в «Миллениуме» ключевой фигурой.

— Нам необходимо прояснить несколько вещей. Я понимаю, что в редакции создастся сложная обстановка. Мне бы очень хотелось этого избежать, но вышло, как вышло. Во-первых, я оставляю «Миллениум» не полностью. Я остаюсь совладельцем журнала и буду участвовать в собраниях правления. Вместе с тем я полностью отказываюсь от права влиять на редакционную работу — иначе может возникнуть конфликт интересов.

Кристер Мальм задумчиво кивнул.

— Во-вторых, формально я заканчиваю здесь работать тридцатого апреля. Однако на практике мой последний рабочий день — сегодня. Всю следующую неделю, как вы знаете, я буду в отъезде — это планировалось давно. И я решила, что не стоит возвращаться, чтобы покомандовать еще несколько дней на прощание.

Она ненадолго замолчала.

— Следующий номер уже готов в электронном виде. Осталось только уточнить мелочи. Он станет моим последним номером. Далее к работе должен приступить новый главный редактор. Свой письменный стол я

очищу сегодня вечером.

Тишина сделалась гнетущей.

— Кто станет после меня главным редактором, должно обдумать и решить правление. Но и вам, в редакции, тоже надо это обсудить.

— Микаэль, — сказал Кристер Мальм.

— Нет. Только не Микаэль. Худшего главного редактора вам просто не найти. Он идеальный ответственный редактор и классно проводит расследования и переделывает для публикации бездарные статьи. Но в должности главного редактора он будет тормозить всю работу. На этом месте должен быть человек, проводящий активную наступательную политику. К тому же Микаэль имеет склонность периодически погружаться в собственные истории и пропадать на целые недели. Его стихия — пожар, но он совершенно непригоден для рутинной работы. Вы все это знаете.

Кристер Мальм кивнул.

— «Миллениум» держался за счет того, что вы с Микаэлем дополняли друг друга.

— Не только за счет этого. Вы же помните, как Микаэль уперся рогом и сидел почти целый год в Хедестаде. Тогда «Миллениум» работал без него, и теперь журнал должен точно так же работать без меня.

— О'кей. Каков твой план?

— Я бы предпочла, чтобы главным редактором стал ты, Кристер...

— Ни за что на свете. — Кристер Мальм замахал обеими руками.

— ...но поскольку я знаю, что ты откажешься, у меня есть другое предложение. Малин. Ты станешь исполняющим обязанности главного редактора прямо с сегодняшнего дня.

— Я?! — воскликнула Малин.

— Именно ты. Ты была прекрасным ответственным секретарем.

— Но я...

— Попробуй. Я сегодня освобожу стол. В понедельник утром ты сможешь переехать в мой кабинет. Майский номер почти готов — мы над ним уже попотели. В июне выпускается двойной номер, а потом у нас месяц отпуска. Если у тебя не получится, в августе правлению придется найти кого-нибудь другого. Хенри, ты перейдешь на полную ставку и заменишь Малин в качестве ответственного секретаря. Кроме того, вам необходимо нанять нового сотрудника. Но это уже решать вам и правлению.

Она немного помолчала, задумчиво глядя на собравшихся.

— Еще одно. Я перехожу в другую газету. Конечно, в практическом отношении «СМП» и «Миллениум» не конкуренты, но я не хочу знать о

содержании следующего номера ни на йоту больше, чем уже знаю. Начиная с этого момента, вы все будете решать с Малин.

— Что нам делать с историей Саландер? — поинтересовался Хенри Кортес.

— Обсудите это с Микаэлем. Мне кое-что известно о Саландер, но я не буду использовать этот материал. В «СМП» он не попадет.

Внезапно Эрика испытала невероятное облегчение.

— Это все, — сказала она, объявила собрание оконченным, встала и без дальнейших комментариев пошла обратно к себе в кабинет.

Сотрудники «Миллениума» остались сидеть в полном молчании. Только через час Малин Эрикссон постучала в дверь кабинета Эрики.

— Послушай-ка.

— Да? — спросила Эрика.

— Сотрудники хотят кое-что сказать.

— Что?

— Тут, в общей комнате.

Эрика встала и подошла к двери. Ее ждали торт и кофе.

— Я подумал, что мы еще успеем организовать тебе настоящие проводы, — сказал Кристер Мальм. — Но пока придется обойтись кофе с тортом.

Впервые за этот день Эрика Бергер улыбнулась.

Глава

03

Пятница, 8 апреля — суббота, 9 апреля

К семи часам вечера, когда Соня Мудиг и Маркус Эрландер посетили Александра Залаченко, тот уже восемь часов как очнулся. Он перенес длительную операцию, во время которой ему привели в порядок скулу и зафиксировали ее титановыми винтами. Его голова была так основательно забинтована, что виднелся только левый глаз. Врач объяснил ему, что удар топора раздробил скулу, повредил лобную кость, а также отсек большую часть мяса с правой стороны лица и сместил глазницу. Раны причиняли Залаченко сильную боль. Несмотря на значительные дозы обезболивающего, он все-таки сохранял относительно ясную голову и мог разговаривать. Однако полицейским велели его не переутомлять.

— Добрый вечер, господин Залаченко, — поздоровалась Соня Мудиг. Она представилась и представила коллегу Эрландера.

— Меня зовут Карл Аксель Бодин, — с трудом процедил сквозь сжатые зубы Залаченко. Голос у него был спокойный.

— Я точно знаю, кто вы. Я прочла ваш послужной список в СЭПО.

Это было не совсем правдой, поскольку они пока не получили от СЭПО ни единой бумаги о Залаченко.

— То было давно, — сказал Залаченко. — Теперь я Карл Аксель Бодин.

— Как вы себя чувствуете? — продолжила Мудиг. — Вы в состоянии разговаривать?

— Я хочу заявить о совершении преступления. Моя дочь пыталась меня убить.

— Нам это известно. Со временем будет проведено расследование, — заверил Эрландер. — А сейчас нам надо поговорить о более важных вещах.

— Что может быть важнее покушения на убийство?

— Мы хотим получить от вас сведения о трех убийствах в Стокгольме и минимум трех убийствах в Ньюварне, а также об одном похищении.

— Мне об этом ничего не известно. Кого там убили?

— Господин Бодин, у нас есть веские основания полагать, что в этих деяниях виновен ваш компаньон — тридцатисемилетний Рональд Нидерман, — сказал Эрландер. — Этой ночью Нидерман еще убил полицейского из Трольхеттана.

Соню Мудиг несколько удивило, что Эрландер пошел навстречу Залаченко и обратился к нему по фамилии Бодин. Залаченко чуть-чуть повернул голову, чтобы видеть Эрландера. Его голос немного смягчился.

— Какое... печальное известие. Мне ничего не известно о делах Нидермана. Я никаких полицейских не убивал. Меня самого этой ночью пытались убить.

— Рональд Нидерман в настоящее время находится в розыске. Имеете ли вы представление о том, где он может скрываться?

— Я не знаю, в каких кругах он вращается. Я... — Залаченко несколько секунд поколебался, и его голос стал доверительным. — Должен признаться... между нами говоря... что Нидерман меня временами беспокоил.

Эрландер наклонился поближе.

— Что вы имеете в виду?

— Я обнаружил, что он способен на жестокость. По правде говоря, я его боюсь.

— Вы хотите сказать, что ощущали угрозу со стороны Нидермана? — спросил Эрландер.

— Именно. Я — старик и не могу себя защитить.

— Вы можете объяснить, в каких отношениях состояли с Нидерманом?

— Я инвалид. — Залаченко показал на ногу. — Моя дочь пытается меня убить уже во второй раз. Я нанял Нидермана в качестве помощника много лет назад. Думал, что он сможет меня защитить... а он, по сути дела, стал распоряжаться моей жизнью. Он делает, что ему заблагорассудится, а я ему и слова сказать не могу.

— В чем же он вам помогает? — вмешалась в разговор Соня Мудиг. — Делает то, с чем вам не справиться самому?

Единственным свободным от повязок глазом Залаченко окинул Соню Мудиг долгим взглядом.

— Насколько я поняла, десять лет назад она бросила в вашу машину зажигательную бомбу, — сказала Соня Мудиг. — Вы можете объяснить, что ее на это толкнуло?

— Спросите об этом у моей дочери. Она сумасшедшая.

Его голос вновь зазвучал враждебно.

— Вы хотите сказать, что не представляете, по какой причине Лисбет Саландер напала на вас в тысяча девятьсот девяносто первом году?

— Моя дочь сумасшедшая. На этот счет имеются документы.

Соня Мудиг наклонила голову набок. Она отметила, что на ее вопросы

Залаченко отвечал значительно более агрессивно и враждебно. Эрландер это явно тоже заметил. *О'кей... Good cop, bad cop.*^[5] Соня Мудиг повысила голос.

— Как по-вашему, ее действия могли быть как-то связаны с тем, что вы избili ее мать настолько серьезно, что у той образовались неизлечимые повреждения головного мозга?

Залаченко посмотрел на Соню Мудиг с абсолютным спокойствием.

— Это пустая болтовня. Ее мать была шлюхой. Вероятно, ее поколотил кто-нибудь из клиентов. Я просто случайно к ним заглянул.

Соня Мудиг подняла брови.

— Значит, вы ни в чем не виноваты?

— Разумеется.

— Залаченко... я хочу убедиться, правильно ли я вас поняла. Вы отрицаете, что избивали свою тогдашнюю подругу Агнету Софию Саландер, мать Лисбет Саландер, несмотря на то что этот случай послужил предметом обстоятельного и засекреченного расследования, проведенного Гуннаром Бьёрком — вашим тогдашним куратором из СЭПО.

— Я никогда не был ни за что осужден. Мне даже не предъявлялось никаких обвинений. Я не могу отвечать за то, что нафантазировал в своих отчетах какой-то болван из Службы безопасности. Если бы меня в чем-то подозревали, то, по крайней мере, вызывали бы для допроса.

Соня Мудиг просто лишилась дара речи. На скрытом повязкой лице Залаченко, похоже, появилась улыбка.

— Итак, я хочу подать заявление на свою дочь. Она пыталась меня убить.

Соня Мудиг вздохнула.

— Я, кажется, начинаю понимать, почему Лисбет Саландер ощущает потребность всадить вам топор в голову.

Эрландер кашлянул.

— Простите, господин Бодин... может быть, мы вернемся к тому, что вам известно о Рональде Нидермане?

Инспектору Яну Бублански Соня Мудиг позвонила из коридора, в котором находилась палата Залаченко.

— Ничего, — сказала она.

— Ничего? — переспросил Бублански.

— Он подал в полицию заявление на Лисбет Саландер, обвинив ее в жестоком избиении и попытке убийства. Он утверждает, что не имеет никакого отношения к убийствам в Стокгольме.

— А как он объясняет то, что Лисбет Саландер была закопана на его участке в Госсеберге?

— Говорит, что был простужен и почти весь день проспал. Если в Саландер стреляли в Госсеберге, то это, должно быть, дело рук Рональда Нидермана.

— Ладно. Что мы имеем?

— В нее стреляли из браунинга двадцать второго калибра, поэтому ей удалось выжить. Пистолет мы нашли. Залаченко признает, что оружие принадлежит ему.

— Ага. Иными словами, он знает, что мы обнаружим на пистолете его отпечатки пальцев.

— Именно. Но говорит, что в последний раз видел пистолет, когда тот лежал в ящике письменного стола.

— Значит, вероятно, распрекрасный Рональд Нидерман взял оружие, пока Залаченко спал, и выстрелил в Саландер. Можем ли мы доказать обратное?

Прежде чем ответить, Соня Мудиг несколько секунд подумала.

— Он прекрасно разбирается в шведском законодательстве и методах полиции. Абсолютно ни в чем не признается и жертвует Нидерманом как пешкой. Даже не знаю, что мы сможем доказать. Я попросила Эрландера отправить его одежду экспертам и проверить на наличие следов пороха, но он, вероятно, станет утверждать, что два дня назад тренировался в стрельбе.

Лисбет Саландер ощутила запах миндаля и этанола. Казалось, будто у нее во рту спирт, и она попробовала сглотнуть, но язык не подчинился — похоже, он полностью утратил чувствительность. Лисбет попыталась открыть глаза, но не смогла. Откуда-то издалека до нее доносился голос, вроде бы обращавшийся к ней, но разобрать слова ей не удавалось. Потом она услышала этот голос совершенно отчетливо.

— Мне кажется, она просыпается.

Лисбет почувствовала, что кто-то касается ее лба, и попыталась отмахнуться от этой нахальной руки. Левое плечо тут же пронзила острая боль, и Лисбет расслабила мышцы.

— Вы меня слышите?

Пошел вон.

— Вы можете открыть глаза?

Что это за идиот ко мне пристает?

Под конец Лисбет приподняла веки. Сперва она увидела только

странные световые точки, а потом в поле зрения стала проступать некая фигура. Она попыталась сфокусировать взгляд, но фигура все время ускользала. У Лисбет было такое ощущение, будто у нее сильное похмелье и кровать непрерывно кренится.

— Стрльнь, — произнесла она.

— Что вы сказали?

— Диот, — сказала она.

— Отлично. Не могли бы вы снова открыть глаза.

Она чуть приподняла ресницы и сквозь узкие щелочки увидела незнакомое лицо. Каждая деталь была ей ясно видна: над ней склонился светловолосый мужчина с ярко-голубыми глазами и странно угловатыми чертами.

— Здравствуйте. Меня зовут Андерс Юнассон. Я врач. Вы находитесь в больнице. У вас серьезные травмы, и сейчас вы восстанавливаетесь после операции. Вы знаете, как вас зовут?

— Пшаландр, — сказала Лисбет Саландер.

— Хорошо. Окажите мне услугу. Посчитайте до десяти.

— Раз, два, четыре... нет... три, четыре, пять, шесть...

Тут она снова отключилась.

Однако доктор Андерс Юнассон остался доволен полученными ответами. Она назвала свою фамилию и начала считать. Это признак того, что рассудок у нее по-прежнему в относительном порядке и что она не проснется овощем. Он записал время пробуждения — 21.06, примерно через шестнадцать часов после окончания операции. Андерс Юнассон проспал большую часть дня и приехал обратно в Сальгренскую больницу около семи вечера. Вообще-то у него был выходной, но накопилось много срочной бумажной работы.

Он не удержался и зашел в реанимацию, чтобы взглянуть на пациентку, в мозгу которой копался ранним утром.

— Дайте ей еще немного поспать, но внимательно следите за ее ЭКГ. Я опасюсь того, что в мозгу может образоваться отек или кровоизлияние. Похоже, у нее возникла острая боль в плече, когда она попыталась пошевелить рукой. Если она проснется, можете давать ей по два миллиграмма морфина в час.

Покидая больницу через главный вход, он пребывал в удивительно приподнятом настроении.

Когда Лисбет Саландер вновь проснулась, стрелки часов приближались к двум часам ночи. Она медленно открыла глаза и увидела

конус света на потолке. Через несколько минут она повернула голову и поняла, что на шею ее надет фиксирующий воротник. Голова тупо болела, а при попытке переменить положение Лисбет ощутила резкую боль в плече и снова закрыла глаза.

«Больница, — подумала она. — Что я тут делаю?»

Лисбет чувствовала страшную слабость.

Поначалу ей было трудно собраться с мыслями, но затем стали всплывать отрывочные воспоминания.

Когда она припомнила, как выбиралась из могилы, ее на несколько секунд охватил ужас. Потом она сжала зубы и стала сосредоточенно дышать.

Лисбет Саландер констатировала, что жива. Правда, не была уверена, хорошо это или плохо.

Что произошло, она толком не помнила, мелькали лишь смутные, отрывочные видения — сарай и то, как она яростно замахнулась топором и ударила по лбу своему отцу, Залаченко. Жив он или мертв, она не знала.

Лисбет никак не могла припомнить, что именно приключилось с Нидерманом. Вроде бы ее поразило то, как он со всех ног бросился бежать, а почему — так и осталось непонятным.

Вдруг она вспомнила, что видела чертова Калле Блумквиста. Лисбет засомневалась, не приснилось ли ей все это, но она помнила кухню — вероятно, то была кухня в Госсенберге — и вроде бы видела, как он к ней подходит. «Должно быть, у меня были галлюцинации», — подумалось ей.

Казалось, события в Госсенберге происходили давным-давно или вообще приснились ей в нелепом сне. Лисбет сосредоточилась на настоящем моменте.

Она ранена, это ясно и без посторонней помощи. Она подняла руку и пощупала голову — та была основательно забинтована. Внезапно Лисбет вспомнила. Нидерман. Залаченко. У старого подлеца тоже оказался пистолет — браунинг 22-го калибра. По сравнению с любыми другими видами огнестрельного оружия он относительно безобиден, поэтому-то она и жива.

«Мне прострелили голову, — вспомнила она. — Я могла засунуть во входное отверстие палец и пощупать мозг».

Теперь Лисбет удивилась тому, что жива, но это ее волновало на удивление мало: по сути дела, ей было все равно. Если смерть и есть та черная пустота, из которой она только что выплыла, то ничего страшного в ней нет. Особой разницы не чувствуется.

Сделав это эзотерическое наблюдение, Лисбет закрыла глаза и снова

заснула.

Продремав всего несколько минут, она услышала движение и приоткрыла глаза. Над ней склонилась сестра в белом халате, и Лисбет снова опустила веки, притворяясь спящей.

— Мне кажется, вы не спите, — сказала сестра.

— Ммм, — произнесла Лисбет Саландер.

— Здравствуйте, меня зовут Марианн. Вы понимаете, что я говорю?

Лисбет попыталась кивнуть, но обнаружила, что ее голова зафиксирована воротником и неподвижна.

— Нет, не пытайтесь шевелиться. Бояться не надо. Вас ранили, но уже прооперировали.

— Можно мне воды?

Марианн дала ей попить воды через трубочку. Пока Лисбет пила, она заметила, что с правой стороны от нее возник еще один человек.

— Здравствуйте, Лисбет. Вы меня слышите?

— Ммм, — ответила Лисбет.

— Я доктор Хелена Эндрин. Вы знаете, где находитесь?

— Больница.

— Вы в Сальгренской больнице Гётеборга. Вас прооперировали, и сейчас вы находитесь в реанимационном отделении.

— Мм.

— Вам нечего бояться.

— Мне прострелили голову.

Доктор Эндрин секунду поколебалась.

— Правильно. Вы помните, что произошло?

— У старого подлеца был пистолет.

— Э... да, именно так.

— Двадцать второго калибра.

— Вот как? Я этого не знала.

— Насколько серьезно я пострадала?

— У вас хороший прогноз. Вы поступили в тяжелом состоянии, но мы считаем, что у вас хорошие шансы полностью поправиться.

Лисбет взвесила полученную информацию. Устремив взгляд на доктора Эндрин, она отметила, что видит нечетко.

— Что произошло с Залаченко?

— С кем?

— С подлецом. Он жив?

— Вы имеете в виду Карла Аксея Бодина?

— Нет. Я имею в виду Александра Залаченко. Это его настоящее имя.

— Мне об этом ничего не известно. Но пожилой мужчина, поступивший одновременно с вами, тяжело травмирован, однако его жизнь вне опасности.

Сердце Лисбет дрогнуло от разочарования. Она обдумала слова врача.

— Где он находится?

— Он в соседней палате. Но вам сейчас незачем о нем думать. Надо сконцентрироваться на том, чтобы поправиться.

Лисбет закрыла глаза. На мгновение она подумала о том, чтобы встать с кровати, найти подходящее оружие и завершить начатое, но затем отбросила эти мысли. Она едва в силах поднять веки. Значит, попытка убить Залаченко не удалась. Он опять увернется.

— Я хочу вас быстренько осмотреть. Потом можете спать, — сказала доктор Эндрин.

Микаэль Блумквист проснулся внезапно и без всякой причины. В течение нескольких секунд он не понимал, где находится, пока не вспомнил, что снял номер в «Сити-отеле». В комнате была кромешная тьма. Он зажег прикроватную лампочку и посмотрел на часы: три часа ночи. Он проспал пятнадцать часов подряд.

Микаэль вылез из постели и сходил в туалет, потом ненадолго задумался. Понимая, что больше не уснет, он решил принять душ, затем надел джинсы и темно-красную водолазку, которой явно требовалось побывать в стиральной машине. Ему страшно хотелось есть, и он позвонил в рецепцию, узнать, нельзя ли, несмотря на такой поздний час, заказать кофе с бутербродами. Оказалось, можно.

Надев мокасины и пиджак, Микаэль спустился в рецепцию, купил кофе и завернутую в полиэтиленовую пленку ржаную лепешку с сыром и печеночным паштетом и вернулся обратно в номер. Продолжая есть, он запустил свой ноутбук, подключился к Интернету и зашел на страницу газеты «Афтонбладет». Главной новостью вполне ожидаемо оказалась поимка Лисбет Саландер. Новость подавалась по-прежнему довольно сбивчиво, однако, по крайней мере, в правильном освещении. Тридцатисемилетний Рональд Нидерман разыскивался за убийство полицейского, и полиция хотела также допросить его в связи с убийствами в Стокгольме. О статусе Лисбет Саландер полиция пока никак не высказалась, имя Залаченко вообще не упоминалось. Его называли исключительно шестидесятишестилетним землевладельцем, проживающим в Госсеберге, и было очевидно, что СМИ все еще не исключают

возможности того, что он — жертва.

Закончив читать, Микаэль включил мобильный телефон и констатировал, что у него имеется двадцать новых сообщений. Три из них призывали позвонить Эрике Бергер. Два оказались от Анники Джаннини. Четырнадцать поступило от репортеров различных газет, и одно пришло от Кристера Мальма, который выразительно написал: «Будет лучше, если ты вернешься на первом же поезде».

Микаэль нахмурил брови — для Кристера Мальма это было очень необычное сообщение. Послал он его в семь часов вечера. Микаэлю захотелось позвонить кому-нибудь, но он вспомнил, что сейчас три часа ночи, и сдержался. Вместо этого он посмотрел в Интернете расписание поездов — первый поезд в Стокгольм отправлялся в 05.20.

Он открыл новый вордовский документ, закурил и минуты три просидел, уставившись в пустой экран компьютера. В конце концов он приподнял руки и начал писать:

Ее зовут Лисбет Саландер, и Швеция узнала о ней из пресс-конференций полиции и заголовков вечерних газет. Ей 27 лет, ее рост 150 сантиметров. Ее описывали как психопатку, убийцу и лесбиянку-сатанистку. Распространявшиеся о ней измышления не знали границ. В этом номере «Миллениум» рассказывает историю о том, как государственные служащие организовали заговор против Лисбет Саландер ради того, чтобы защитить патологического убийцу.

Писал Микаэль медленно, почти не внося в первый вариант исправлений. Сосредоточенно проработав пятьдесят минут, он создал за это время чуть более двух страниц, на которых в основном излагались события той ночи, когда он обнаружил тела Дага Свенссона и Миа Бергман, и объяснялось, почему полиция сосредоточилась на Лисбет Саландер как на предполагаемом убийце. Он процитировал заголовки вечерних газет о лесбийских сатанистках, полные намеков на то, что убийства связаны со щекотливыми подробностями нетрадиционного секса.

Тут он бросил взгляд на часы и поспешно закрыл ноутбук. Собрал сумку, спустился в рецепцию и попросил счет за номер. Расплатившись кредитной карточкой, он взял такси и поехал на Гётеборгский центральный вокзал.

В поезде Микаэль Блумквист незамедлительно прошел в вагон-ресторан и заказал кофе с бутербродом, затем снова открыл ноутбук и прочитал текст, который успел написать в гостинице. Он настолько погрузился в изложение истории Залаченко, что не заметил инспектора уголовной полиции Соню Мудиг, пока та не кашлянула и не спросила, можно ли ей составить ему компанию. Микаэль поднял взгляд и закрыл компьютер.

— Домой? — спросила Мудиг.

Он кивнул.

— Вероятно, вы тоже.

Она кивнула.

— Мой коллега остался еще на сутки.

— Вы что-нибудь слышали о состоянии Лисбет Саландер? Я все это время проспал.

— Она очнулась только вчера вечером, и врачи полагают, что она выкарабкается и полностью поправится. Ей невероятно повезло.

Микаэль кивнул. Он вдруг осознал, что не беспокоился за нее — просто исходил из того, что она выживет, иначе и быть не могло.

— Что-нибудь еще интересное произошло? — спросил он.

Соня Мудиг посмотрела на него с сомнением, прикидывая, какую информацию можно доверить журналисту, который вообще-то знает об этой истории больше ее. С другой стороны, она сама села к нему за стол, да и, вероятно, более сотни репортеров уже успели разведать, чем занимается полиция.

— Мне бы не хотелось, чтобы меня цитировали, — сказала она.

— Я спрашиваю исключительно из личного интереса.

Она кивнула и рассказала, что полиция усиленно разыскивает Рональда Нидермана по всей стране и особенно в районе Мальме.

— А Залаченко? Вы его допросили?

— Да, допросили.

— И?

— Об этом я не могу рассказывать.

— Бросьте, Соня. Мне станет известно все, о чем вы с ним разговаривали, примерно через час после того, как я доберусь до редакции в Стокгольме. Кроме того, я не напишу ни слова из того, что вы мне расскажете.

Она немного поколебалась, а потом посмотрела ему в глаза.

— Он подал в полицию заявление на Лисбет Саландер за то, что она якобы пыталась его убить. Возможно, ее арестуют за умышленное

причинение тяжкого вреда здоровью или за попытку убийства.

— А она, скорее всего, сошлется на право на необходимую оборону.

— Надеюсь, — произнесла Соня Мудиг.

Микаэль посмотрел на нее пристальным взглядом.

— Несколько странно слышать это от полицейского, — выжидающе сказал он.

— Бодин... Залаченко скользкий, как угорь, и на все вопросы у него находится ответ. Я совершенно убеждена в том, что дело обстоит более или менее так, как вы нам вчера говорили. Это означает, что Саландер многократно становилась жертвой противоправных действий с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет.

Микаэль кивнул.

— Эту историю я и собираюсь опубликовать, — сказал он.

— В некоторых кругах она популярностью пользоваться не будет.

Соня еще немного поколебалась. Микаэль ждал.

— Полчаса назад я говорила с Бублански. Он мало что сказал, но, похоже, предварительное следствие по обвинению Саландер в убийстве ваших друзей закрыто. Фокус переместился на Нидермана.

— И это означает, что...

Он не договорил, оставив вопрос висеть в воздухе. Соня Мудиг пожала плечами.

— Кто будет заниматься расследованием дела Саландер?

— Я не знаю. Происшедшее в Госсеберге находится, в первую очередь, в компетенции Гётеборга. Однако я предполагаю, что перед выдвижением обвинения кому-нибудь в Стокгольме поручат объединить весь материал.

— Понимаю. Спорим, что СЭПО возьмет расследование на себя?

Она помотала головой.

Поезд приближался к Алингсосу. Микаэль склонился к собеседнице.

— Соня... я думаю, вы понимаете, к чему все идет. Если история Залаченко получит огласку, разразится грандиозный скандал. Группа сотрудников СЭПО вступила в сговор с психиатром, чтобы засадить Саландер в психушку. Им остается только упорно настаивать на том, что Лисбет Саландер действительно сумасшедшая и что принудительное помещение ее в лечебницу в девяносто первом году было обоснованным.

Соня Мудиг кивнула.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помешать этому плану, — продолжал Микаэль. — Лисбет Саландер так же нормальна, как и мы с вами. Своеобразна, да, безусловно, однако ее умственные способности не вызывают никаких сомнений.

Соня Мудиг снова кивнула. Микаэль сделал паузу, чтобы дать ей время усвоить сказанное.

— Мне потребуется помощь кого-нибудь с той стороны баррикад, на кого я смогу полагаться, — сказал он.

Она посмотрела ему в глаза и покачала головой:

— Я не компетентна определять, страдает ли Лисбет Саландер психическим заболеванием.

— Да, но вы компетентны решать, подвергалась она противоправным действиям или нет.

— Что вы предлагаете?

— Я не прошу, чтобы вы стучали на коллег, но хочу, чтобы вы снабжали меня информацией, если обнаружите, что Лисбет грозит опасность снова стать жертвой противоправных действий.

Соня Мудиг молчала.

— Я не прошу, чтобы вы раскрывали технические детали следствия или что-то подобное. Оценивайте ситуацию сами. Но мне необходимо знать, как будет развиваться история с судебным преследованием Лисбет Саландер.

— Это похоже на верный способ заработать увольнение.

— Вы — источник. Я ни при каких обстоятельствах не назову вашего имени и не поставлю вас в затруднительное положение.

Он достал блокнот и написал адрес электронной почты.

— Это анонимный интернетовский адрес. Если захотите что-нибудь сообщить, можете им воспользоваться. Только не пишите со своего обычного официального адреса. Создайте собственный временный адрес в Интернете.

Соня Мудиг взяла листок и положила во внутренний карман пиджака. Обещать она ничего не обещала.

В субботу в семь часов утра инспектора уголовной полиции Маркуса Эрландера разбудил телефонный звонок. Слышались голоса из телевизора, с кухни долетал запах кофе — жена уже погрузилась в утренние хлопоты. До своей квартиры в городке Мёльндаль под Гётеборгом он добрался к часу ночи и проспал только часов пять, а перед тем провел на ногах почти двадцать два часа. В результате, протягивая руку к телефону, он чувствовал себя далеко не выспавшимся.

— Мортенссон, патрульная служба, ночное дежурство. Ты успел проснуться?

— Нет, — ответил Эрландер. — Я едва успел заснуть. Что случилось?

— Новости. Нашли Аниту Касперссон.

— Где?

— На подъезде к селению Сеглора, к югу от Буроса.

Эрландер мысленно представил себе карту.

— На юг, — сказал он. — Он выбирает мелкие дороги. Должно быть, проехал по шоссе сто восемьдесят над Буросом и свернул на юг. Мы предупредили Мальме?

— И Хельсингборг, Ландскруну и Треллеборг. И Карлекруну. Я имею в виду паром на восток.

Эрландер встал и потер шею.

— У него теперь почти сутки преимущества. Он мог уже покинуть страну. Как нашли Касперссон?

— Она постучалась в дверь виллы на въезде в Сеглору.

— Что?

— Она постучалась...

— Я слышал. Ты хочешь сказать, что она жива?

— Извини. Я устал и выражаюсь не совсем четко. Анита Касперссон доковыляла до Сеглоры сегодня в три десять ночи и заколотила ногами в дверь дома, перепугав спавшую там семью. Она была босиком, сильно промерзшая, со связанными за спиной руками. В данный момент она находится в больнице в Буросе, и к ней уже приехал муж.

— Черт побери! Думаю, мы все исходили из того, что ее уже нет в живых.

— Иногда случаются сюрпризы.

— Приятные сюрпризы.

— Значит, самое время для неприятных новостей. Здесь уже с пяти утра находится заместитель начальника областного управления Спонгберг. Она распорядилась, чтобы ты быстро просыпался и ехал в Бурос допрашивать Касперссон.

Поскольку было утро субботы, Микаэль решил, что в редакции «Миллениума» никого нет. Когда поезд уже въезжал в Стокгольм, он позвонил Кристеру Мальму и спросил, что послужило поводом к его сообщению.

— Ты позавтракал? — поинтересовался Кристер Мальм.

— В поезде.

— О'кей. Приезжай ко мне домой, и я организую что-нибудь поосновательнее.

— В чем дело?

— Расскажу, когда приедешь.

Микаэль доехал на метро до станции «Медборгарплатсен» и прошел до улицы Алльхельгонгатан. Ему открыл бой-френд Кристера Арнольд Магнуссон. Как Микаэль ни пытался, при виде его никак не удавалось отделаться от ощущения, что он смотрит на какой-то рекламный плакат. Арнольд Магнуссон начинал в Королевском драматическом театре и был одним из самых востребованных актеров Швеции. Встреча с ним в реальной жизни каждый раз обескураживала. Обычно знаменитости особого впечатления на Микаэля не производили, но Арнольд Магнуссон обладал настолько характерной внешностью и настолько ассоциировался с некоторыми ролями из фильмов и телевизионных сериалов — особенно с ролью холерического, но справедливого комиссара уголовной полиции Гуннара Фриска из невероятно популярного сериала, — что Микаэль вечно ожидал от него именно такого поведения, как у Гуннара Фриска.

— Привет, Микке, — сказал Арнольд.

— Привет.

— На кухню. — Арнольд впустил его в квартиру.

Кристер Мальм поставил на стол свежеиспеченные вафли с вареньем из морошки и свежесваренный кофе. Не успел Микаэль сесть, как у него уже потекли слюнки, и он сразу набросился на блюдо с вафлями. Кристер Мальм стал расспрашивать о событиях в Госсеберге, Микаэль кратко пересказал детали. Только поедая третью вафлю, он собрался с духом спросить, что же произошло.

— Пока ты был в Гётеборге, у нас в «Миллениуме» возникла небольшая проблема, — сказал Кристер.

Микаэль поднял брови.

— Какая?

— Ничего серьезного. Эрика Бергер стала главным редактором «Свенска моргонпостен». Вчера она отработала в «Миллениуме» последний день.

Микаэль застыл, не донеся вафлю до рта. Прошло несколько секунд, прежде чем до него дошел масштаб услышанной новости.

— Почему она ничего не сказала раньше? — в конце концов спросил он.

— Потому что хотела сообщить тебе об этом первому, а тебя все время где-то носило и в течение нескольких недель ты был просто недоступен. Вероятно, она посчитала, что тебе хватает проблем с делом Саландер. А поскольку ей хотелось рассказать тебе первому, она, естественно, ничего не говорила и всем нам, а время шло... Ну и постепенно совесть все сильнее

ее мучила, и вот ей стало чертовски плохо. А мы абсолютно ничего не замечали.

Микаэль закрыл глаза.

— Дьявол, — сказал он.

— Конечно. Теперь все получилось наоборот — ты узнал последним из всей редакции. Мне хотелось иметь возможность рассказать тебе об этом, чтобы ты понял, как было дело, и не подумал, что кто-то действовал у тебя за спиной.

— Я этого не думаю. Но, господи. Классно, что она получила эту должность, если ей хочется работать в «СМП»... но что, черт подери, теперь делать нам?

— Мы назначим Малин исполняющим обязанности главного редактора начиная со следующего номера.

— Малин?

— Если, конечно, ты не хочешь быть главным редактором...

— Нет, я еще пока в своем уме.

— Я почему-то так и думал. Значит, главным редактором будет Малин.

— А кто будет ответственным секретарем?

— Хенри Кортес. Он проработал у нас четыре года и уже вышел из разряда зеленых практикантов.

Микаэль обдумал эти предложения.

— От моего мнения уже ничего не зависит? — поинтересовался он.

— Нет, — сказал Кристер Мальм.

Микаэль сухо усмехнулся.

— О'кей. Пусть будет так, как вы решили. Малин — боец, но ей не хватает решительности, а Хенри частенько рубит сплеча. Нам придется за ними приглядывать.

— Будем приглядывать.

Микаэль сидел молча и думал о том, как безумно им будет не хватать Эрики. Будущее журнала представлялось ему весьма туманным.

— Мне надо позвонить Эрике и...

— Думаю, что не стоит.

— Как это?

— Она спит в редакции. Можешь пойти ее разбудить.

Микаэль обнаружил Эрику Бергер спящей глубоким сном на раскладном диване в собственном кабинете. Всю ночь она выгребала из ящичков письменного стола и с книжных полок свои личные вещи и бумаги, которые ей хотелось сохранить, в результате чего набралось пять больших

коробок. Микаэль долго смотрел на Эрику из дверей, а потом вошел, сел на край дивана и разбудил ее.

— Какого черта ты не пошла спать в мою квартиру, если уж не успела вернуться домой? — спросил он.

— Привет, Микаэль, — сказала Эрика.

Она уже начала было что-то говорить, но Микаэль наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Ты сердишься?

— Безумно, — сухо сказал он.

— Мне жаль. Я просто не смогла отказаться от такого предложения. Но сейчас мне кажется, что я поступила неправильно и бросаю «Миллениум», когда надо разгребать дерьмо в крайне тяжелой ситуации.

— У меня едва ли есть право упрекать тебя в том, что ты бежишь с корабля. Ведь два года назад я ушел отсюда, оставив тебя разгребать дерьмо в куда более трудной ситуации, чем сейчас.

— Не вижу ничего общего. У тебя был перерыв в работе. А я уйду совсем и еще это скрывала. Мне ужасно жаль.

Микаэль немного помолчал, потом слабо улыбнулся.

— Раз пришло время, значит, пришло. А woman's gotta do what a woman's gotta do and all that crap.^[6]

Эрика улыбнулась. Именно это она сказала ему, когда он уехал в Хедебю. Он протянул руку и по-дружески взъерошил ей волосы.

— То, что ты хочешь уйти из этого дурдома, я понять могу, но мне потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к мысли, что тебе захотелось возглавить самую сухую газету Швеции, предназначенную для чопорных мужиков.

— Там работает довольно много девушек.

— Э-э. Посмотри передовицу. Там же всю дорогу anno dazumal.^[7] Вероятно, ты просто чокнутая мазохистка. Может, пойдём выпьем кофе?

Эрика села.

— Мне не терпится узнать, что произошло той ночью в Гётеборге.

— Я уже работаю над этим материалом, — сказал Микаэль. — Когда мы его опубликуем, разразится настоящая война.

— Не мы. Вы.

— Знаю. Мы его опубликуем к началу судебного процесса. Я полагаю, ты не собираешься забирать этот материал с собой в «СМП». На самом деле мне бы хотелось, чтобы ты кое-что написала об истории Залаченко, пока не ушла из «Миллениума».

— Микке, я...

— Последнюю статью главного редактора. Можешь писать, когда будет желание. Ее, вероятно, не опубликуют до суда, когда бы его ни назначили.

— Может, это не слишком удачная идея? О чем должна быть статья?

— О морали, — сказал Микаэль Блумквист. — И о том, как одного из наших сотрудников убили из-за того, что пятнадцать лет назад государство не выполнило свою работу.

Больше объяснять ничего не требовалось. Эрика Бергер уже точно знала, какая статья ему нужна. Она немного поразмыслила: ведь когда убили Дага Свенссона, капитаном корабля была она. Внезапно ей стало намного лучше.

— О'кей, — сказала она. — Последнюю статью главного редактора.

Суббота, 9 апреля — воскресенье, 10 апреля

Прокурор Мартина Франссон из Сёдертелье закончила размышлять к часу дня, в субботу. Разобраться с лесным кладбищем под Нюкварном было совсем нелегко, и, начиная со среды, когда Паоло Роберто провел там, на складе, боксерский поединок с Рональдом Нидерманом, сотрудникам уголовного отдела пришлось невероятно много работать сверхурочно. Речь шла о как минимум трех убийствах, жертвы которых были погребены в окрестностях Нюкварна, о грубом похищении человека и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью подруги Лисбет Саландер, по имени Мириам Ву, и, наконец, о поджоге. Непосредственную связь с Нюкварном имел и инцидент в Сталлархольме, вообще-то находившемся в ведении полицейского района Стренгнес, лена Сёдерманланд, но ключевой фигурой там был Карл Магнус Лундин из «Свавельшё МК». Лундин в настоящее время лежал в больнице в Сёдертелье с загипсованной ногой и стальной шиной в челюсти. В любом случае, всеми убийствами занималась полиция лена, а значит, последнее слово останется за Стокгольмом.

В течение пятницы решался вопрос о задержании подозреваемых. Лундин несомненно имел непосредственное отношение к Нюкварну. В конце концов выяснилось, что склад принадлежал компании «Медимпорт», которая в свою очередь принадлежала Аннели Карлссон, пятидесяти двух лет, проживающей в Пуэрто-Банус, в Испании. Она приходилась Магге Лундину двоюродной сестрой, ни в каких преступлениях замешана не была и, похоже, в данном случае просто выполняла роль прикрытия.

Мартина Франссон закрыла папку с материалами предварительного следствия. Дело по-прежнему пребывало на начальной стадии, и, чтобы довести его до суда, требовалось добавить еще несколько сотен страниц. Однако по нескольким вопросам Мартина Франссон должна была принять решение уже сейчас. Она посмотрела на коллег из полиции.

— У нас достаточно материала, чтобы возбудить дело против Лундина за участие в похищении Мириам Ву. Паоло Роберто опознал его как человека, сидевшего за рулем фургона. Я буду также задерживать его как вполне вероятного участника поджога. С обвинением в причастности к убийству трех человек, выкопанных на этом участке, мы пока подождем, по крайней мере пока все останки будут идентифицированы.

Полицейские закивали. Именно такого решения они и ожидали.

— Как мы поступим с Сонни Ниеминеном?

Мартина Франссон пролистала лежащее у нее на столе дело Ниеминена.

— У этого господина впечатляющий послужной список. Грабежи, незаконное ношение оружия, избиения, причинение тяжкого вреда здоровью, убийства и наркобизнес. Его задержали вместе с Лундином возле Сталлархольма. Я полностью убеждена в том, что он замешан, — иначе просто быть не может. Однако проблема в том, что у нас нет против него никаких доказательств.

— Он говорит, что никогда не бывал в складе в Ньюварне и что просто поехал с Лундином покататься на мотоциклах, — сказал инспектор из Сёдертелье, занимавшийся Сталлархольмом. — Он утверждает, что понятия не имел, какое у Лундина там было дело.

Мартина Франссон задумалась над вопросом, не удастся ли ей как-нибудь перекинуть это дело прокурору Рихарду Экстрёму из Стокгольма.

— Ниеминен отказывается говорить о том, что произошло, но категорически отрицает свою причастность к преступлению, — продолжал инспектор.

— Да, прямо складывается впечатление, будто они с Лундином оказались в Сталлархольме просто жертвами, — сказала Мартина Франссон, сердито постукивая пальцами по столу. — Лисбет Саландер, — произнесла она с явным сомнением в голосе. — Мы ведь говорим о девушке ста пятидесяти сантиметров ростом, которая на вид едва достигла подросткового возраста и вряд ли обладает достаточной физической силой, чтобы справиться с Ниеминеном и Лундином.

— Если она не вооружена. Пистолет может отчасти компенсировать ей физическую слабость.

— Однако это не совсем соответствует картине произошедшего.

— Да. Она воспользовалась слезоточивым газом и ударила Лундина ногой в пах и в лицо с такой яростью, что раздробила ему яичко, а потом челюстную кость. Выстрел в стопу был, вероятно, произведен уже после избиения. Но мне трудно поверить в то, что пистолет принадлежал ей.

— Государственная лаборатория судебной экспертизы идентифицировала пистолет, из которого стреляли в Лундина. Польский пистолет «Пи-восемьдесят три ванад» с патронами от «Макарова». Его обнаружили в Госсеберге под Гётеборгом, и на нем отпечатки пальцев Саландер. Мы вполне можем предположить, что она привезла этот пистолет с собой в Госсебергу.

— Да. Однако номер серии показывает, что его четыре года назад похитили во время ограбления оружейного магазина в Эребру. Грабителей со временем поймали, но от оружия они успели отделаться. Среди них был один местный деятель, балующийся наркотиками, который вращался в кругах, близких к «Свавельшё МК». Мне гораздо больше хочется приписать пистолет либо Лундину, либо Ниеминену.

— Возможно, пистолет находился у Лундина, а Саландер стала его разоружать и при этом выстрелила, попав ему в ступню. Я хочу сказать, что она в любом случае не собиралась его убивать, поскольку он ведь жив.

— Или она прострелила ему ногу из чисто садистских побуждений. Откуда мне знать. Но как же она справилась с Ниеминеном? У него ведь нет видимых повреждений.

— Вообще-то есть. У него два маленьких ожога на груди.

— И?

— Скорее всего, электрошокер.

— Значит, Саландер имела при себе электрошокер, баллон со слезоточивым газом и еще пистолет. Сколько же все это вместе весит... Нет, я почти убеждена в том, что оружие привез с собой Лундин или Ниеминен, а она просто его у них отобрала. При каких именно обстоятельствах Лундина ранили, мы сможем до конца прояснить, только когда кто-нибудь из участников инцидента начнет говорить.

— О'кей.

— На сегодняшний день Лундина мы, следовательно, задерживаем — на уже известных вам основаниях. В то же время на Ниеминена у нас ничего нет. Поэтому я намереваюсь во второй половине дня выпустить его на свободу.

Сонни Ниеминен покидал следственный изолятор полиции Сёдертелье в отвратительном настроении. У него к тому же пересохло во рту, поэтому он первым делом зашел в табачную лавку, купил бутылку пепси и с ходу выпил ее прямо из горлышка. Потом прихватил еще пачку сигарет «Лаки страйк» и коробочку жевательного табака. Он открыл мобильный телефон, удостоверился, что тот заряжен, и набрал номер тридцатитрехлетнего Ханса-Оке Валтари, являвшегося Sergeant at Arms^[8] в клубе «Свавельшё МК» и, соответственно, третьим лицом во внутренней иерархии. После четырех гудков Валтари ответил.

— Ниеминен. Меня выпустили.

— Поздравляю.

— Ты где?

— В Нючөпинге.

— Какого черта ты там делаешь?

— Когда вас с Магге схватили, мы приняли решение лечь на дно, пока не разузнаем, как обстоят дела.

— Теперь тебе известно, как обстоят дела. Где остальные?

Ханс-Оке Валтари объяснил ему, где находятся оставшиеся пять членов «Свавельшё МК». Объяснение не успокоило и не удовлетворило Сонни Ниеминена.

— А кто, черт подери, занимается делами, пока вы все попрятались, как бабы?

— Это несправедливо. Вы с Магге отправляетесь на какую-то идиотскую работу, о которой нам ничего не известно, и совершенно внезапно ввязываетесь в перестрелку с этой объявленной в розыск сукой, а в результате Магге подстрелили, а тебя сцапала полиция. И вдобавок полицейские выкапывают трупы в нашем складе в Нюкварне.

— И?

— Мы стали думать, может, вы с Магге от нас что-нибудь скрывали.

— И что же это, черт возьми, могло быть? Ведь мы же добываем для фирмы работу.

— Но я ни слова не слышал о том, что склад является еще и лесным кладбищем. Что там за мертвецы?

У Сонни Ниеминена на язык просился резкий ответ, но он сдержался. Ханс-Оке Валтари, конечно, бездарный мерзавец, но ситуация отнюдь не располагала к тому, чтобы затевать ссору. Сейчас требовалась быстрая консолидация сил. После того как Ниеминен все отрицал на пяти полицейских допросах, было бы не слишком умно трубить о своей осведомленности по мобильному телефону в двухстах метрах от здания полиции.

— Наплюй на мертвецов, — сказал он. — Мне об этом ничего не известно. Но Магге таки вляпался. Он еще какое-то время посидит за решеткой, и в его отсутствие командовать буду я.

— О'кей. Что будем делать? — спросил Валтари.

— Кто присматривает за собственностью, если вы все ушли в подполье?

— Бенни Карлссон остался и держит оборону в клубе. Полиция проводила в доме обыск в тот же день, как вас арестовали. Они ничего не нашли.

— Бенни К.! — воскликнул Ниеминен. — Бенни К. — новобранец, и у него еще молоко толком на губах не обсохло.

— Успокойся. К нему присоединился этот белобрысый дьявол, с которым вы с Магге частенько общаетесь.

Сонни Ниеминен внезапно похолодел. Он быстро огляделся и отошел на несколько метров от дверей табачной лавки.

— Что ты сказал? — тихо спросил он.

— Светловолосый сатана, с которым вы с Магге общаетесь, вдруг объявился и попросил помочь ему с укрытием.

— Проклятье, Валтари, его же разыскивают по всей чертовой Швеции за убийство полицейского.

— Да... поэтому-то ему и потребовалось укрытие. Что нам было делать? Он же ваш с Магге приятель.

Сонни Ниеминен на десять секунд закрыл глаза. Рональд Нидерман в течение нескольких лет снабжал «Свавельшё МК» кое-какой работой, приносившей хороший доход. Но он никакой не друг. Он опасный мерзавец и психопат, да к тому же психопат, которого полиция разыскивает с собаками. Сонни Ниеминен ни на секунду не доверял Рональду Нидерману. Уж лучше бы он объявился с пулей в башке, тогда полиция бы хоть немного от них отстала.

— И что вы с ним сделали?

— Им занимается Бенни К. Он повез его к Виктору.

Виктор Йоранссон был кассиром и финансовым экспертом фирмы и жил неподалеку от города Йерна. Йоранссон закончил экономическую гимназию и в начале своей карьеры работал финансовым консультантом у югослава — владельца кабаков, пока всю банду не посадили за тяжкие экономические преступления. Магге Лундин повстречал его в тюрьме в начале 90-х годов. Йоранссон был единственным в «Свавельшё МК», кто ходил в пиджаке и при галстуке.

— Валтари, садись в машину и приезжай за мной в Сёдертелье. Я буду ждать тебя возле станции через сорок пять минут.

— Ого. Почему такая спешка?

— Потому что нам необходимо как можно скорее взять ситуацию под контроль.

Всю дорогу до Свавельшё Ханс-Оке Валтари потихоньку косился на Сонни Ниеминена, сидевшего, словно воды в рот набрал. В отличие от Магге Лундина, иметь дело с Ниеминеном всегда было не особенно легко. Он очень красив и кажется человеком мягким, но легко заводится и чертовски опасен, особенно когда выпьет. В данный момент он совершенно трезв, однако перспектива работать под его началом Валтари беспокоила.

Магге всегда умел каким-то образом приструнить Ниеминена, а как будет выглядеть будущее с Ниеминеном в качестве исполняющего обязанности президента клуба, еще не известно.

В здании клуба Бенни К. видно не было. Ниеминен дважды попытался позвонить ему на мобильный, но безрезультатно.

Они поехали к дому Ниеминена, расположенному примерно в километре от клуба. Полиция провела там обыск, но не обнаружила ничего полезного для расследования, связанного с Ньюкварном, равно как и вообще никаких признаков криминальной деятельности, поэтому-то Ниеминен и оказался на свободе.

Он принял душ и переоделся, а Валтари терпеливо ждал его на кухне. Затем они прошли метров сто пятьдесят в глубь леса за хутором Ниеминена и счистили слой земли, покрывавший прикопанный там сундук, в котором хранились шесть единиц огнестрельного оружия, и в частности автомат АК5, а также большие запасы патронов и около двух килограммов взрывчатки. Это был маленький склад боеприпасов Ниеминена. Два пистолета в сундуке были польскими — «Р-83 ванад» — и происходили из той же партии, что и отобранный Лисбет Саландер у Ниеминена в Сталлархольме.

Мысль о Лисбет Саландер Ниеминен от себя гнал — эта тема была не из приятных. Сидя в полицейском изоляторе в Сёдертелье, он раз за разом прокручивал в голове сцену, когда они с Магге Лундином прибыли к даче Нильса Бьюрмана и обнаружили во дворе Саландер.

События развивались совершенно непредсказуемым образом. Он поехал вместе с Магге Лундином, чтобы поджечь проклятую дачу Бьюрмана. Направил их туда этот белобрысый мерзавец. И они наткнулись на проклятую Саландер — в одиночестве, девчонку полтора метра ростом и худую, как щепка. Ниеминену даже стало интересно, сколько же она на самом деле весит. Потом все пошло наперекосяк и вылилось в кровавую оргию, к которой они с Магге были совершенно не готовы.

Объяснить развитие событий чисто технически он мог. У Саландер имелся баллончик со слезоточивым газом, который она опустошила в лицо Магге Лундину. Магге следовало это предусмотреть, но он не предусмотрел. Она дважды ударила его ногой, а чтобы свернуть ногой челюсть, особой мускулатуры не требуется. Саландер застигла его врасплох. Это объяснимо.

Однако потом она справилась и с ним, с Сонни Ниеминеном — человеком, ввязываться в драку с которым не сразу решатся даже здоровые и хорошо тренированные мужчины. Саландер очень быстро перемещалась.

Он попытался вынуть оружие, но она расправилась с ним с такой унижительной легкостью, будто отогнала комара. У нее оказался электрошокер. Она...

Когда он очнулся, то почти ничего не помнил. Магге Лундин лежал, раненный в ногу, и уже прибыла полиция. После некоторого пререкания между полицией Стренгнеса и Сёдертелье его отвезли в изолятор в Сёдертелье. А еще она угнала «харлей-дэвидсон» Магге Лундина и срезала с его собственной кожаной куртки эмблему «Свавельшё МК» — тот самый символ, благодаря которому перед ним расступался народ в очереди в кабаки и который придавал ему совершенно не объяснимый для простого шведа статус. Саландер его унизила.

Внезапно Сонни Ниеминен вскипел. Во время допросов в полиции он так и не раскололся, да ему бы и в голову не пришло кому-либо рассказывать о случившемся в Сталлархольме. Вплоть до этого момента Лисбет Саландер его совершенно не интересовала. Она была просто маленьким побочным проектом, которым Магге Лундин занимался опять-таки по заданию этого проклятого Нидермана. Теперь же он ненавидел ее со страстью, удивлявшей его самого — обычно он сохранял хладнокровие и способность анализировать. Правда, и сейчас он понимал, что в будущем ему обязательно представится возможность стереть это позорное пятно. Однако сперва необходимо навести порядок в том хаосе, в который Саландер и Нидерман совместными усилиями ввергли «Свавельшё МК».

Ниеминен достал оба оставшихся польских пистолета, зарядил и отдал один из них Валтари.

— У нас есть какой-нибудь план?

— Нам надо поехать поговорить с Нидерманом. Он не наш человек, и его еще никогда не арестовывала полиция. Я не знаю, как он себя поведет, если его поймут, а если он заговорит, то сможет заложить нас всех. Тогда мы и глазом моргнуть не успеем, как нас упекут.

— Ты хочешь сказать, что нам надо...

Ниеминен уже решил, что с Нидерманом пора кончать, но посчитал, что не стоит пугать Валтари, пока они не доберутся до места.

— Не знаю. Но его необходимо прощупать. Если у него имеется план и он в силах пулей свалить за границу, мы можем ему в этом помочь. Однако, пока существует риск, что его схватит полиция, он представляет для нас угрозу.

Когда Ниеминен с Валтари в сумерках въехали во двор хутора Виктора Йоранссона неподалеку от Йерны, света в доме они не увидели. Уже это не

предвещало ничего хорошего. Они немного посидели и подождали в машине.

— Может, их нет дома, — предположил Валтари.

— Конечно. Они с Нидерманом отправились в кабак, — сказал Ниеминен и открыл дверцу машины.

Входная дверь оказалась не заперта. Ниеминен зажег верхний свет, и они прошли по всем комнатам. Всюду чистота и порядок — вероятно, заслуга этой, как ее там, женщины, с которой живет Йоранссон.

Самого Виктора Йоранссона вместе с сожительницей они обнаружили в подвале, в прачечной.

Ниеминен наклонился и осмотрел трупы, потом осторожно прикоснулся пальцем к телу женщины, имени которой не помнил: она уже успела окоченеть, а значит, они мертвы уже примерно двадцать четыре часа.

Чтобы определить, как именно они умерли, заключения патологоанатома Ниеминену не требовалось. Женщине сломали шею, развернув голову на 180 градусов. Она была полностью одета — в футболку и джинсы — и не имела никаких других видимых повреждений.

Зато Виктор Йоранссон лежал в одних трусах. Его жутко избили, и все тело было в синяках и кровоподтеках. Сломанные руки торчали в разные стороны, как перебитые еловые ветки. Его подвергали длительному избиению, по масштабу сопоставимому с пытками. Умер же он, насколько мог судить Ниеминен, от сильного удара в горло — гортань была глубоко вдавлена в шею.

Сонни Ниеминен встал, поднялся по лестнице из подвала и вышел на улицу. Валтари последовал за ним. Ниеминен пересек двор, прошел к расположенному метрах в пятидесяти от дома хлеву, скинул крюк и открыл дверь.

Там стояла темно-синяя машина — «рено» модели 1991 года.

— Какая у Йоранссона машина? — спросил Ниеминен.

— Он ездит на «саабе».

Ниеминен кивнул, вытащил из кармана куртки ключи и отпер дверь в глубине хлева. Ему достаточно было только заглянуть в помещение, чтобы понять, что он опоздал, — двери тяжелого шкафа для хранения оружия были распахнуты.

Ниеминен скривился.

— Около восьмисот тысяч крон, — сказал он.

— Что? — спросил Валтари.

— В этом шкафу у «Свавельшё МК» хранилось около восьмисот тысяч

крон. Наши деньги.

Только три человека знали, где «Свавельшё МК» хранит деньги в ожидании подходящих возможностей вложить их во что-нибудь или отмыть, — Виктор Йоранссон, Магге Лундин и Сонни Ниеминен. Нидерман в бегах. Ему нужны наличные, и он знал, что деньгами занимается Йоранссон.

Ниеминен закрыл дверь и медленно вышел из хлева, напряженно раздумывая и пытаясь оценить масштабы катастрофы. Часть доходов «Свавельшё МК» обращена в ценные бумаги, доступ к которым имелся у него самого, еще часть можно восстановить с помощью Магге Лундина. Однако значительная часть мест размещения капитала была зафиксирована лишь в голове у Йоранссона, если только он не оставил четкие инструкции Магге Лундину, в чем Ниеминен сомневался — Магге никогда не отличался интересом к экономике. Ниеминен прикинул навскидку, что со смертью Йоранссона фирма лишилась почти шестидесяти процентов своих доходов. Это был сокрушительный удар. Главное, для повседневных расходов требовались наличные.

— Что мы будем делать? — спросил Валтари.

— Сейчас мы пойдем и сообщим полиции о том, что случилось.

— Полиции?

— Да, черт возьми. В доме полно моих отпечатков пальцев. Я хочу, чтобы Йоранссона с его сукой обнаружили как можно скорее, тогда судмедэксперты смогут установить, что они умерли, пока я сидел в изоляторе.

— Понятно.

— Отлично. Разущи Бенни К. Я хочу с ним поговорить. Разумеется, если он еще жив. А потом мы займемся поисками Рональда Нидермана. Надо привлечь к этому делу всех до единого наших людей в клубах по всей Скандинавии. Мне нужна голова этой скотины на блюде. Он, вероятно, разъезжает на машине Йоранссона. Раздобудь ее регистрационный номер.

Когда Лисбет Саландер проснулась, было уже два часа дня субботы и какой-то доктор ее ощупывал.

— Доброе утро, — сказал он. — Меня зовут Бенни Свантессон, я врач. Вам больно?

— Да, — ответила Лисбет Саландер.

— Вам сейчас дадут болеутоляющее. Но сперва я хочу вас осмотреть.

Он сдавливал, ощупывал и ковырял ее израненное тело. Лисбет успела здорово разозлиться еще до того, как он закончил, но решила, что у нее

слишком мало сил и лучше ей промолчать, чем начинать пребывание в Сальгренской больнице со ссоры.

— Как мои дела? — спросила она.

— Думаю, все будет в порядке, — ответил врач и что-то записал перед тем, как подняться.

Информации ей это особо не прибавило.

Когда он ушел, появилась сестра, которая помогла Лисбет разобраться с судном. Затем ей дали возможность снова заснуть.

Александр Залаченко, он же Карл Аксель Бодин, обедал. Есть он мог исключительно жидкую пищу — малейшие движения мускулов лица вызывали страшную боль в челюсти и скуле, а о том, чтобы жевать, не могло быть и речи. Во время проведенной той ночью операции скулу ему скрепили двумя титановыми винтами.

Однако с этой болью он справлялся. К боли Залаченко было не привыкать. Ничто не могло сравниться с той болью, которую ему пришлось терпеть в течение нескольких недель и месяцев пятнадцать лет назад, после того как он факелом горел в машине на Лундагатан. Лечение тогда вылилось в бесконечный марафон мук.

Теперь врачи решили, что его жизнь, скорее всего, вне опасности, но раны были серьезными, и, учитывая преклонный возраст, пациента на несколько дней все-таки оставили в реанимационном отделении.

За субботу он принял четверых посетителей.

Около десяти часов опять пришел инспектор Эрландер, но на этот раз он оставил дома эту акулу Соню Мудиг и вместо нее привел с собой значительно более симпатичного инспектора уголовной полиции Йеркера Хольмберга. Они задавали приблизительно те же вопросы о Рональде Нидермане, что и накануне вечером, однако Залаченко хорошо продумал свою историю и не допустил ни единой ошибки. Когда они стали приставать к нему с вопросами о его возможной причастности к траффикингу и другой криминальной деятельности, он опять-таки все отрицал. Он — пенсионер по болезни и даже не понимает, о чем они говорят. Залаченко валил все на Рональда Нидермана и предлагал любую посильную помощь в определении местонахождения сбежавшего убийцы полицейского.

К сожалению, на практике он, разумеется, мало чем может помочь, ведь он не имеет ни малейшего представления о том, с кем Нидерман общается и у кого может искать убежища.

Около одиннадцати к нему ненадолго зашел представитель

прокуратуры, который формально довел до его сведения, что он подозревается в участии в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью или попытке убийства Лисбет Саландер. В ответ Залаченко стал терпеливо объяснять, что жертвой преступления является он и что на самом деле это Лисбет Саландер пыталась убить его. Представитель прокуратуры предложил ему правовую помощь в форме предоставления государственного защитника. Залаченко пообещал это обдумать.

Правда, ничего обдумывать он не собирался. У него уже имелся адвокат, и этим утром Залаченко первым делом позвонил ему и попросил немедленно приехать. Вследствие этого третьим посетителем у его больничной койки оказался Мартин Тумассон. Он неторопливо вошел с беззаботным видом, пригладил рукой копну светлых волос, поправил очки и поздоровался за руку со своим клиентом. Он был немного полноват, но очень хорош собой. Его, правда, подозревали в работе на югославскую мафию и следствие по этому поводу еще не закончилось, но в то же время он имел репутацию адвоката, выигрывающего свои дела.

Залаченко его посоветовал знакомый по бизнесу пять лет назад, когда ему потребовалось реорганизовать некоторые фонды, связанные с принадлежащей ему маленькой финансовой компанией в Лихтенштейне. Речь шла не о каких-то там безумных суммах, но Тумассон сработал великолепно, и Залаченко удалось уйти от уплаты налогов. После этого Залаченко еще пару раз прибегал к его услугам. Тумассон понимал, что деньги клиента имеют криминальное происхождение, но его это, похоже, не волновало. В конце концов Залаченко решил реорганизовать всю деятельность и создать новую компанию, принадлежавшую ему самому и Нидерману. Он предложил Тумассону войти в фирму третьим, негласным, партнером и заниматься финансами. Тумассон, не раздумывая, согласился.

— О, господин Бодин, вид у вас не слишком вдохновляющий.

— Я подвергся жестокому избиению и попытке убийства, — сказал Залаченко.

— Я вижу. Если я правильно понял, то это дело рук некой Лисбет Саландер.

Залаченко понизил голос.

— Наш партнер Нидерман, как вы уже знаете, здорово влип.

— Я это понял.

— Полиция подозревает, что я замешан в этом деле...

— Что, разумеется, не так. Вы — жертва, и важно немедленно проследить за тем, чтобы этой мыслью прониклись СМИ. Фрёкен Саландер ведь уже в некотором роде прославилась не с самой лучшей стороны... Я

этим займусь.

— Спасибо.

— Но позвольте мне сразу же подчеркнуть, что я не являюсь адвокатом по уголовным делам. Тут вам потребуется помощь специалиста. Я подыщу адвоката, на которого вы сможете положиться.

Четвертый посетитель прибыл в одиннадцать часов вечера и сумел миновать медсестер, предъявив удостоверение и заявив, что у него неотложное дело. Когда его проводили в палату Залаченко, пациент еще не спал, а лежал, размышляя.

— Меня зовут Юнас Сандберг, — представился гость, протянув руку, которую Залаченко проигнорировал.

На вид пришедшему было лет тридцать пять. Песочного цвета волосы, одет неформально: джинсы, клетчатая рубашка и кожаная куртка. Залаченко молча разглядывал его секунд пятнадцать.

— Меня как раз интересовало, когда кто-нибудь из вас появится.

— Я работаю в Службе безопасности Главного полицейского управления, — сказал Юнас Сандберг и показал удостоверение.

— Вряд ли, — произнес Залаченко.

— Простите?

— Может, ты там и числишься, но вряд ли работаешь на них.

Юнас Сандберг немного помолчал, огляделся и придвинул к кровати стул.

— Я пришел так поздно, чтобы не привлекать внимания. Мы обсуждали, чем можем вам помочь, и нам необходимо прояснить планы на будущее. Я здесь просто-напросто для того, чтобы выслушать вашу версию и понять, каковы ваши намерения, с тем чтобы мы смогли выработать общую стратегию.

— И как, по твоему представлению, такая стратегия может выглядеть?

Юнас Сандберг задумчиво посмотрел на лежащего на больничной койке мужчину, потом развел руками.

— Господин Залаченко... боюсь, что уже пошел некий процесс, вредные последствия которого пока трудно себе представить. Мы обсудили ситуацию. Могиле в Госсейберге и тому факту, что в Саландер трижды стреляли, подыскать оправдания сложно. Однако надежда все-таки имеется. Конфликт между вами и вашей дочерью может служить объяснением тому, что вы опасались угрозы с ее стороны и поэтому предприняли столь отчаянные меры. Правда, боюсь, что какого-то срока в тюрьме будет не избежать.

Залаченко внезапно развеселился и, вероятно, расхохотался бы, не будь это в его теперешнем состоянии полностью исключено. Его губы лишь немного скривились — более бурные выражения эмоций причиняли ему слишком сильную боль.

— Значит, это и есть наша общая стратегия?

— Господин Залаченко, вы ведь знакомы с понятием «сведение вреда к минимуму». Нам необходимо до чего-нибудь договориться. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь с адвокатом и тому подобным, правда, нам потребуются ваше содействие и определенные гарантии.

— Гарантию ты от меня получишь. Вы должны позаботиться о том, чтобы все это рассосалось. — Он решительно махнул рукой. — Нидерман — козел отпущения, а его, я гарантирую, не найдут.

— Ведь имеются технические доказательства, которые...

— Плевать на технические доказательства. Весь вопрос в том, как поведется следствие и как будут поданы факты. Моя гарантия заключается в следующем: если вы не разберетесь с этим, я приглашу СМИ на пресс-конференцию. Мне известны имена, даты и события. Думаю, мне не надо напоминать тебе, кто я такой.

— Вы не понимаете...

— Я прекрасно понимаю. Ты — мальчик на побегушках. Передай своему шефу то, что я сказал. Он поймет. Передай ему, что у меня имеются копии... всего. Я могу вас потопить.

— Мы должны попытаться договориться.

— Разговор окончен. Убирайся. И скажи им, чтобы в следующий раз ко мне прислали взрослого мужика, с которым я мог бы все обсудить.

Залаченко повернул голову так, что встретиться с ним взглядом стало невозможно. Юнас Сандберг немного посмотрел на него, потом пожал плечами и поднялся со стула. Он уже почти дошел до двери, когда снова услышал голос Залаченко.

— Еще одно.

Сандберг обернулся.

— Саландер.

— Что с ней?

— Саландер надо устранить.

— Что вы имеете в виду?

У Сандберга на секунду сделался такой встревоженный вид, что Залаченко не смог сдержать улыбки, хотя боль и пронзила ему челюсть.

— Я понимаю, что вы — слабаки, слишком осторожные, чтобы ее убить, да у вас на такое дело нет и ресурсов. Кто мог бы за такое взяться...

ты, что ли? Но ее необходимо устранить. Ее свидетельство должно быть признано недействительным. Саландер надо засадить в психушку, пожизненно.

Лисбет Саландер услышала шаги в коридоре, возле своей палаты. Имени Юнаса Сандберга уловить она не смогла, да и его шагов ей прежде слышать не доводилось.

Зато дверь ее палаты весь вечер простояла открытой, поскольку сестры навещали ее почти каждые десять минут. Она слышала, как он подошел к сестре, прямо перед дверью в палату, и объяснил, что ему надо повидать господина Карла Акселя Бодина по неотложному делу. Лисбет сообразила, что он предъявляет удостоверение, но при этом не было названо ни имя посетителя, ни тип документа.

Сестра попросила его подождать и пошла проверить, не спит ли господин Карл Аксель Бодин. Лисбет Саландер сделала вывод, что удостоверение оказалось убедительным.

Ей было слышно, как сестра прошла по коридору налево; чтобы достигнуть цели, той потребовалось сделать семнадцать шагов. Вскоре после этого посетитель, преодолевая то же расстояние, сделал всего четырнадцать шагов. В среднем получалось пятнадцать с половиной шагов. Лисбет оценила длину шага в шестьдесят сантиметров и, помножив ее на пятнадцать с половиной, определила, что Залаченко находится в палате, расположенной в девятистах тридцати сантиметрах налево по коридору. Ну, примерно в десяти метрах. Ее палата была около пяти метров шириной, следовательно, Залаченко находится через две двери от нее.

Согласно показаниям электронных часов на ночном столике, визит продолжался ровно десять минут.

После ухода Юнаса Сандберга Залаченко долго лежал без сна. Он предполагал, что едва ли посетитель представился ему настоящим именем, поскольку знал по опыту, что шведские шпионы-любители имеют особое пристрастие к использованию псевдонимов, даже когда в этом нет ни малейшей необходимости. В любом случае, появление Юнаса (или как его там зовут) стало первым знаком того, что «Секция» взяла его ситуацию на заметку. Принимая во внимание шумиху в СМИ, вся эта история едва ли могла от них укрыться. Вместе с тем визит явился и подтверждением того, что они забеспокоились. Чего и следовало ожидать.

Залаченко взвешивал плюсы и минусы, прикидывал возможности и отбрасывал альтернативные решения. Совершенно очевидно, что все

получилось шиворот-навыворот. При идеальном раскладе он сейчас находился бы дома, в Госсербеге, Рональд Нидерман пребывал бы в безопасности за границей, а Лисбет Саландер лежала бы закопанной в яме. Хоть теоретически ему и было ясно, что именно произошло, но он все же никак не мог понять, каким образом ей удалось вылезти из могилы, добраться до хутора и двумя ударами топора разрушить его спокойную жизнь. Она оказалась фантастически живучей.

Зато он прекрасно понимал, что произошло с Рональдом Нидерманом и почему тот бросился бежать со всех ног вместо того, чтобы быстро разобраться с Саландер. Залаченко знал, что у Нидермана что-то не так с головой — ему вечно мерещатся призраки, и старшему из двух компаньонов уже не раз приходилось вмешиваться, когда Нидерман утрачивал контроль над своими действиями и забивался в угол от ужаса.

Залаченко это беспокоило. Он не сомневался, что раз Рональда Нидермана еще не поймали, значит, в первые сутки после бегства из Госсербегги тот действовал рационально. Вероятно, он станет пробираться в Таллинн, где его смогут прикрыть люди из криминальной империи Залаченко. Однако нельзя знать заранее, в какой момент Нидермана парализует, и это внушало беспокойство. Если приступ случится во время бегства, то он может совершить ошибку, а тогда его схватят. Добровольно Нидерман не сдастся, а значит, поубивает полицейских и, вполне возможно, погибнет сам.

Эта мысль не давала Залаченко покоя. Он не хотел смерти Нидермана — ведь тот был его сыном. С другой стороны, как это ни прискорбно, Рональду нельзя попадать в руки полиции живым. Он никогда еще не сидел в тюрьме, и Залаченко не мог предугадать, какую реакцию у него вызовут допросы. Залаченко подозревал, что Нидерман, к сожалению, не сможет хранить молчание. Следовательно, лучше, чтобы полицейские его убили. Конечно, Залаченко станет оплакивать сына, но альтернатива еще хуже — иначе ему самому придется провести остаток жизни в тюрьме.

Однако Нидерман в бегах уже сорок восемь часов, и его пока не поймали. Это хорошо. Это говорит о том, что Нидерман в норме, а в таком случае он непобедим.

Беспокоила Залаченко и отдаленная перспектива. Его волновало, сможет ли Нидерман существовать самостоятельно, когда рядом не будет отца, который направлял бы его по жизни. С годами Залаченко заметил, что, если он прекращал давать Нидерману инструкции или ослаблял вожжи и предоставлял ему принимать решения самостоятельно, тот иногда впадал в состояние апатии и нерешительности.

Уже в который раз Залаченко испытывал чувство горечи и стыда из-за того, что сыну свойственны подобные качества. Рональд Нидерман, безусловно, очень одаренный человек, наделенный физическими данными, благодаря которым его все боятся. Кроме того, он отличный и хладнокровный организатор. Проблема в том, что ему не хватает задатков лидера. Кто-нибудь обязательно должен объяснять ему, что надо организовывать.

Однако в данный момент Залаченко не мог помочь сыну — следовало сначала позаботиться о самом себе. А его собственное положение было сложным, пожалуй, сложнее, чем когда-либо.

Сегодняшний визит адвоката Тумассона его не слишком обнадежил. Тумассон специализируется на бизнесе, и при всех его способностях в данном случае на него рассчитывать не стоит.

А еще визит Юнаса Сандберга. Сандберг мог предложить значительно более крепкий спасательный трос, однако этот трос мог обернуться силком. Необходимо правильно разыграть свои карты и взять ситуацию под контроль. Контроль — это все.

И наконец, можно надеяться на собственные силы. В данный момент ему требуется медицинская помощь, однако через пару дней — допустим, через неделю — он поправится. Если вопрос встанет ребром, то рассчитывать, вероятно, можно будет только на себя. Это означает, что ему необходимо исчезнуть прямо из-под носа у кружащей рядом полиции. Для этого потребуются укрытие, новый паспорт и наличные. Всем этим его сможет снабдить Тумассон. Но чтобы иметь силы для побега, надо сперва поправиться.

В час к нему заглянула ночная сестра, но он притворился спящим. Когда она закрыла за собой дверь, Залаченко с большим трудом сел, свесил ноги с кровати и долго сидел неподвижно, проверяя, не кружится ли голова. Потом осторожно поставил левую ногу на пол. К счастью, удар топора пришелся на правую, ранее уже поврежденную, ногу. Он потянулся за протезом, находившимся в шкафчике возле кровати, и прикрепил его к обрубку ноги. Затем встал. Стоя на левой, здоровой ноге, он опустил на пол правую, но, едва он попытался на нее опереться, ногу пронзила страшная боль.

Залаченко стиснул зубы и сделал шаг. Ему не хватало его костылей, но он не сомневался, что больница вскоре его ими снабдит. Опираясь о стену, он доковылял до двери. На это ушло несколько минут, и после каждого шага ему приходилось останавливаться и пережидать, пока боль немного утихнет.

Стоя на одной ноге, он немного приоткрыл дверь и выглянул в коридор, никого не увидел и высунул голову подальше. Слева доносились тихие голоса, и он повернул голову. Комната, где сидели ночные сестры, располагалась метрах в двадцати по другую сторону коридора.

Он повернулся направо и увидел в конце коридора выход.

Еще днем он справился о состоянии Лисбет Саландер — все-таки она приходилась ему дочерью. Персоналу явно были даны инструкции не обсуждать пациентов, и сестра лишь коротко ответила, что состояние пациентки стабильно. Однако при этом она машинально бросила беглый взгляд в левую сторону коридора.

Лисбет Саландер явно находится в какой-то из палат между его собственной палатой и комнатой медсестер.

Залаченко осторожно закрыл дверь, доковылял до кровати и отстегнул протез. Когда он наконец скользнул под одеяло, пот лил с него градом.

Инспектор уголовной полиции Йеркер Хольмберг вернулся в Стокгольм в воскресенье к обеду — усталый, голодный и почти без сил. Он доехал на метро до здания суда, добрался до полицейского управления на Бергсгатан и прошел прямо в кабинет Яна Бублански. Соня Мудиг и Курт Свенссон уже прибыли. Бублански созвал совещание прямо в воскресенье, поскольку знал, что руководитель предварительного следствия Рихард Экстрём занят в это время в другом месте.

— Спасибо, что пришли, — сказал Бублански. — Думаю, нам самое время спокойно поговорить, чтобы попробовать разобраться в этой жуткой истории. Йеркер, у тебя есть какие-нибудь новости?

— Только то, что я уже рассказал по телефону. Залаченко не сдвинулся ни на миллиметр. Он ни в чем не повинен и ничем не может помочь. Только вот...

— Да?

— Соня, ты была права. Он один из самых отвратительных людей, каких мне доводилось встречать. Звучит, конечно, нелепо. Полицейский не должен так выражаться, но в этой его способности все просчитывать кроется нечто зловещее.

— О'кей, — кашлянул Бублански. — Что нам известно? Соня?

Она усмехнулась.

— Этот раунд остался за частными детективами. Я не смогла обнаружить Залаченко ни в одном официальном регистре, в то время как Карл Аксель Бодин родился в сорок втором году в Уддевалле. Его родителями были Марианн и Георг Бодин. Они реально существовали, но

погибли в катастрофе в сорок шестом году. Карл Аксель Бодин воспитывался у дяди, в Норвегии. Следовательно, о нем не имеется никаких сведений вплоть до семидесятых годов, когда он вернулся домой, в Швецию. Историю Микаэля Блумквиста о том, что он беглый агент ГРУ из России, проверить, похоже, нельзя, но я склонна верить, что Блумквист прав.

— И что это означает?

— Его явно снабдили фальшивыми документами. И тут не могло обойтись без милостивого согласия властей.

— Значит, СЭПО?

— Блумквист утверждает, что да. Но как именно это проделали, я не знаю. Ведь необходимо было сфальсифицировать свидетельство о рождении и ряд других документов и поместить их в официальные шведские регистры. Я не берусь высказываться о легальности подобных действий. Все, вероятно, зависит от того, кто принимал такое решение. Правда, чтобы сделать это легальным путем, им надо было выйти куда-то на правительственный уровень.

На некоторое время в кабинете Бублански воцарилась тишина — четыре инспектора обдумывали значение услышанного.

— Ладно, — сказал Бублански. — Мы — четверо тупых полицейских. Если тут замешаны члены правительства, вызывать их на допрос я не собираюсь.

— Хм, — произнес Курт Свенссон. — Это, пожалуй, могло бы привести к конституционному кризису. В США можно вызывать членов правительства на допрос в обычный суд, но в Швеции необходимо действовать через конституционный комитет.

— Зато у нас имеется потенциальная возможность побеседовать с главой правительства, — заметил Йеркер Хольмберг.

— С главой? — переспросил Бублански.

— С Турбьёрном Фельдином. Тогда премьер-министром был он.

— Отлично. Мы ворвемся к нему, где бы он сейчас ни жил, и спросим бывшего премьер-министра, не сфальсифицировал ли он документы для беглого русского шпиона. Как-то не верится.

— Фельдин живет в Осе, муниципалитет Хернёсанд. Я родом из тех мест. Мой отец — член Партии центра и хорошо знает Фельдина. Сам я несколько раз с ним встречался, и в детстве, и уже будучи взрослым. Он вполне нормальный человек.

Три инспектора посмотрели на Йеркера Хольмберга с изумлением.

— Значит, ты знаком с Фельдином, — с сомнением в голосе сказал

Бублански.

Хольмберг кивнул. Бублански выпятил губы.

— Честно говоря... — продолжал Хольмберг. — Если бы нам удалось чего-нибудь добиться от бывшего премьер-министра, это бы решило часть проблем и мы бы знали, на каком свете находимся. Я могу съездить к нему и поговорить. Не скажет, значит, не скажет. А если он пойдет нам навстречу, мы, возможно, сэкономим довольно много времени.

Бублански обдумал это предложение, потом покачал головой. Краем глаза он видел, что Соня Мудиг и Курт Свенссон оба задумчиво закивали.

— Хольмберг... спасибо за предложение, но думаю, с этой идеей нам следует повременить. Давайте вернемся к началу. Соня!

— По сведениям Блумквиста, Залаченко приехал сюда в семьдесят шестом году. Насколько я понимаю, получить такую информацию Блумквист мог только от одного человека.

— Гуннара Бьёрка, — сказал Курт Свенссон.

— Что нам сообщил Бьёрк? — спросил Йеркер Хольмберг.

— Немногое. Он ссылается на секретность и говорит, что не имеет права что-либо обсуждать без согласия своего начальства.

— А кто его начальники?

— Это он говорить отказывается.

— И что с ним теперь будет?

— Я задержал его за нарушение закона о борьбе с проституцией. Благодаря Дагу Свенссону у нас имеются отличные документы. Экстрём явно разозлился, но, поскольку я составил официальное заявление, у него могут возникнуть проблемы, если он закроет предварительное следствие, — сказал Курт Свенссон.

— Вот как. Нарушение закона о борьбе с проституцией. Думаю, он отделается штрафом.

— Вероятно. Однако его дело находится в нашей компетенции, и мы можем снова вызвать его на допрос.

— Правда, получается, что мы запустили лапу на территорию Службы безопасности, а это может вызвать некоторую турбулентность.

— Проблема заключается в том, что ничего из случившегося не могло бы произойти, не будь тут тем или иным образом замешана Служба безопасности. Вполне возможно, что Залаченко — действительно русский шпион, перебежавший к нам и получивший политическое убежище. Возможно и то, что он работал на СЭПО в качестве разведчика или источника информации и имелась причина скрывать его настоящее имя и снабдить его фальшивыми документами. Однако существует три проблемы.

Во-первых, расследование девяносто первого года, приведшее к незаконной изоляции Лисбет Саландер. Во-вторых, дела Залаченко с тех пор не имеют ни малейшего отношения к государственной безопасности. Он самый обычный бандит, по всей вероятности, причастный к нескольким убийствам и другой противозаконной деятельности. И в-третьих, нет никакого сомнения в том, что Лисбет Саландер подстрелили и закопали на его земле в Госсеберге.

— Кстати, мне бы очень хотелось почитать отчет об этом пресловутом расследовании, — сказал Йеркер Хольмберг.

Бублански помрачнел.

— Его в пятницу забрал Экстрём, а когда я попросил отчет обратно, он пообещал снять с него копию, но так и не снял. А потом позвонил мне и сказал, что разговаривал с генеральным прокурором и что возникла проблема. По мнению генерального прокурора, гриф секретности означает, что расследование не подлежит распространению и копированию. Генеральный прокурор потребовал сдать все копии ему, пока дело не прояснится. Следовательно, Соне пришлось сдать имевшуюся у нее копию.

— Значит, материалов этого расследования у нас больше нет?

— Да.

— Черт, — сказал Хольмберг. — Это не к добру.

— Именно, — поддержал его Бублански. — Но главное, это означает, что против нас кто-то действует, и к тому же очень быстро и эффективно. Ведь именно эти материалы наконец сдвинули дело с мертвой точки.

— Значит, нам необходимо выяснить, кто действует против нас, — сказал Хольмберг.

— Минутку, — произнесла Соня Мудиг. — У нас еще имеется Петер Телеборьян. Он помогал нам сведениями о Лисбет Саландер в нашем собственном расследовании.

— Точно, — сказал Бублански, понизив голос. — И что он сообщил?

— Он очень беспокоился за ее безопасность и желал ей добра. Но когда с формальной болтовней было покончено, он заявил, что она представляет большую опасность и потенциально способна оказать сопротивление. Наша версия во многом базировалась на его словах.

— И он во многом подогрел Ханса Фасте, — заметил Хольмберг. — Что, кстати, слышно о Фасте?

— Он взял отпуск, — коротко ответил Бублански. — Вопрос в том, как нам двигаться дальше.

Последующие два часа они посвятили обсуждению разных возможностей. Было принято лишь одно практическое решение: Соня

Мудиг на следующий день снова поедет в Гётеборг, чтобы узнать, что может сообщить Лисбет Саландер. Когда совещание наконец закончилось, Соня Мудиг и Курт Свенссон вместе направились в сторону гаража.

— Я вдруг подумал... — Курт Свенссон осекся.

— Что? — спросила Мудиг.

— Просто, когда мы разговаривали с Телеборьяном, ты единственная из всей группы задавала вопросы и пыталась возражать.

— Угу.

— М-да... такие вот дела. У тебя есть чутье, — сказал он.

Курт Свенссон не отличался щедростью на похвалы, а Соня Мудиг уж точно впервые услышала от него что-то столь похожее на одобрение, поэтому, даже когда он уже ушел, она так и осталась стоять возле своей машины в полном изумлении.

Глава

05

Воскресенье, 10 апреля

Ночь с субботы на воскресенье Микаэль Блумквист провел в постели с Эрикой Бергер. Сексом они не занимались, а просто лежали и разговаривали. Значительная часть разговора была посвящена выяснению деталей в истории Залаченко. Микаэль с Эрикой настолько доверяли друг другу, что его ничуть не смущал переход Эрики на работу в конкурирующее издание. Сама же Эрика не имела ни малейшего намерения перехватить материал. Эта «горячая новость» принадлежала «Миллениуму», и Эрика испытывала лишь некоторое разочарование оттого, что не сможет быть редактором этого номера. Приятно было бы таким образом завершить годы работы в «Миллениуме».

Обсуждали они и перспективы ситуации. Эрика твердо намеревалась остаться совладельцем «Миллениума» и сохранить за собой место в правлении, но вместе с тем они оба понимали, что она, естественно, не сможет знакомиться с текущей редакционной работой.

— Дай мне поработать в «Драконе» несколько лет и... кто знает, может, ближе к пенсии я и вернусь в «Миллениум», — сказала она.

Разговор коснулся и их собственных запутанных отношений. Оба сошлись на том, что на практике ничего не изменится, только встречаться так часто, как раньше, они, разумеется, не смогут. Все снова будет как в восьмидесятых годах, когда до создания «Миллениума» они еще работали в разных местах.

— Придется просто заранее резервировать время, — отметила Эрика с грустной улыбкой.

В воскресенье утром Эрике нужно было ехать домой к мужу — Греггеру Бекману, и они быстро попрощались.

— Даже не знаю, что и сказать, — произнесла Эрика. — Налицо все признаки того, что ты полностью погружен в свой материал, а все остальное отошло для тебя на задний план. Тебе известно, что когда ты работаешь, то ведешь себя как настоящий психопат?

Микаэль улыбнулся и обнял ее.

После ее ухода он все утро посвятил звонкам в Сальгренскую больницу, пытаясь узнать, каково состояние Лисбет Саландер. Никто не

хотел ему ничего говорить, и в конце концов он позвонил инспектору Маркусу Эрландеру, который сжалился и сообщил, что, учитывая обстоятельства, состояние Лисбет можно считать хорошим и врачи смотрят на ситуацию с осторожным оптимизмом. Микаэль поинтересовался, можно ли ему навестить Лисбет. Эрландер ответил, что по решению прокурора Лисбет Саландер находится под арестом и посетителей к ней не пускают. К тому же состояние девушки таково, что им пока не удалось ее даже допросить. Микаэль добился от Эрландера обещания, что тот позвонит ему, если состояние Лисбет ухудшится.

Проверив список звонков у себя в мобильном телефоне, Микаэль обнаружил, что там имеются сорок два непринятых вызова и сообщения от разных журналистов, которые отчаянно пытались до него добраться. Новость о том, что он нашел Лисбет Саландер и вызвал Службу спасения, а кроме того, имел самое непосредственное отношение к развитию событий, в последние сутки бурно обсуждалась в СМИ.

Микаэль стер все сообщения от репортеров, позвонил сестре — Аннике Джаннини и договорился о совместном ланче.

Потом он позвонил Драгану Арманскому, исполнительному директору и оперативному руководителю охранного предприятия «Милтон секьюрити». Он застал его по мобильному телефону дома, на острове Лидингё.

— Вы, во всяком случае, обладаете способностью устраивать шумиху в прессе, — сухо сказал Арманский.

— Извините, что я не позвонил вам раньше. Я получил сообщение о том, что вы меня разыскиваете, но у меня было туговато со временем...

— Мы в «Милтон секьюрити» проводили собственное расследование. Я узнал от Хольгера Пальмгрена, что у вас имеется информация, и, похоже, вы нас здорово обошли.

Микаэль немного посомневался, как лучше сформулировать вопрос.

— Я могу на вас полагаться? — спросил он.

Вероятно, вопрос Арманского озадачил.

— В каком смысле?

— Вы на стороне Саландер или нет? Могу я полагаться на то, что вы желаете ей добра?

— Я ей друг. Как вам известно, из этого еще отнюдь не следует, что она мне друг.

— Я знаю. Но меня интересует, готовы ли вы встать в ее угол ринга и вступить в жестокий поединок с ее врагами. В этом бою предстоит несколько раундов.

Арманский обдумал сказанное и наконец ответил:

— Я на ее стороне.

— Могу ли я сообщать вам информацию и обсуждать с вами разные вопросы, не опасаясь, что это дойдет до полиции или до кого-то другого?

— Я не могу ввязываться во что-либо криминальное.

— Я спрашиваю не об этом.

— Вы можете полностью полагаться на меня, пока не откроете мне, что занимаетесь преступной деятельностью или чем-то подобным.

— Устраивает. Нам необходимо встретиться.

— Я собираюсь вечером в город. Ужин подойдет?

— Нет, у меня нет времени. Но я был бы признателен, если бы мы могли встретиться завтра вечером. Нам с вами и, возможно, с кем-то еще надо просто сесть и спокойно поговорить.

— Пожалуйста, приходите к нам в «Милтон секьюрити». Скажем, в шесть вечера?

— Еще одно... через два часа я встречаюсь со своей сестрой, Анникой Джаннини. Она обдумывает возможность взять на себя роль адвоката Лисбет, но она, естественно, не может работать бесплатно. Я готов выплатить часть ее гонорара из собственного кармана. Может ли «Милтон секьюрити» посодействовать?

— Лисбет потребуется высококлассный адвокат по уголовным делам. Извините, но ваша сестра, пожалуй, не самый удачный выбор. Я уже разговаривал с главным юристом «Милтон секьюрити», и он подберет подходящего кандидата. Мне видится в этой роли Петер Альтин или кто-то подобный.

— Неверно. Лисбет нужен совершенно другой адвокат. Когда мы поговорим, вы поймете, что я имею в виду. Но вы могли бы, если потребуется, вложить деньги в ее защиту?

— Я уже подумал о том, что наша фирма должна нанять адвоката...

— Это означает да или нет? Я знаю, что произошло с Лисбет, мне примерно известно, кто за этим стоит и почему. И у меня есть план атаки.

Арманский засмеялся.

— О'кей. Я выслушаю ваше предложение. Если оно мне не понравится, я выйду из игры.

— Ты обдумала мое предложение представлять интересы Лисбет Саландер? — спросил Микаэль, как только поцеловал сестру в щеку и им принесли бутерброды и кофе.

— Да. И вынуждена отказаться. Ты знаешь, что я не специалист по

уголовным делам. Даже если с нее сейчас сняли обвинение в убийствах, за которые ее разыскивали, ей предъявят целый перечень новых, и потребуется человек с гораздо большим весом и опытом, чем я.

— Ты не права. Ты признанный специалист в вопросах прав женщин. Я утверждаю, что ты именно тот адвокат, который ей нужен.

— Микаэль... мне кажется, ты не совсем понимаешь, что ей предстоит. Это запутанное уголовное дело, а не простой случай избияния женщины или совершения развратных действий. Если я возьмусь ее защищать, это может привести к катастрофе.

Микаэль улыбнулся.

— Думаю, ты упустила главное. Если бы Лисбет обвиняли, например, в убийстве Дага и Миа, я нанял бы адвоката типа Сильберского или кого-нибудь другого из сильных адвокатов по уголовным делам. Но в этом процессе речь пойдет совсем о других вещах. И ты самый идеальный кандидат, какого я могу себе представить.

Анника Джаннини вздохнула.

— Тогда лучше объясни.

Они проговорили почти два часа. Когда Микаэль закончил объяснения, Анника Джаннини сдалась. Микаэль достал мобильный телефон и снова позвонил в Гётеборг Маркусу Эрландеру.

— Здравствуйте, это снова Блумквист.

— У меня нет никаких новостей о Саландер, — раздраженно сказал инспектор.

— Что, вероятно, в данной ситуации надо считать хорошей новостью. Зато новости о ней есть у меня.

— Вот как?

— Да. У нее уже имеется адвокат по имени Анника Джаннини. Она сидит напротив меня, и я передаю ей трубку.

Микаэль протянул телефон через стол.

— Добрый день. Меня зовут Анника Джаннини, и меня попросили представлять интересы Лисбет Саландер. Соответственно, мне необходимо вступить в контакт с моей клиенткой, чтобы получить согласие на то, что я буду ее защищать. И мне нужен телефон прокурора.

— Понимаю, — сказал Эрландер. — Насколько мне известно, там уже связались с государственным защитником.

— Хорошо. Кто-нибудь спрашивал Лисбет Саландер о ее позиции?

Эрландер заколебался.

— Честно говоря, у нас еще не было возможности обменяться с ней хоть словом. Мы надеемся, что сможем поговорить с ней завтра, если

позволит ее состояние.

— Замечательно. Тогда я прямо сейчас заявляю, что, пока фрёкен Саландер не изъявит другого желания, вы можете считать ее адвокатом меня. Вы не имеете права проводить с ней какие-либо допросы без моего присутствия. Вы можете навестить ее и спросить, согласна ли она видеть меня в качестве своего адвоката. Вы меня поняли?

— Да, — со вздохом сказал Эрландер. Он не был уверен в чисто юридической стороне дела и немного подумал. — Мы первым делом хотим спросить Саландер, есть ли у нее какая-нибудь информация о местонахождении Рональда Нидермана — убийцы полицейского. Можно мы зададим ей этот вопрос, даже если вас при этом не будет?

Анника Джаннини посомневалась.

— Хорошо... вы можете поинтересоваться у нее относительно сведений, способных помочь полиции в поисках Нидермана. Но вы не имеете права задавать вопросы, касающиеся возможного возбуждения дела или выдвигаемых против нее обвинений. Договорились?

— Думаю, да.

Маркус Эрландер сразу же встал из-за письменного стола, поднялся этажом выше и, постучав в дверь кабинета руководителя предварительного следствия Агнеты Йеварс, передал ей содержание своего разговора с Анникой Джаннини.

— Я не знала, что у Саландер есть адвокат.

— Я тоже. Но Джаннини нанял Микаэль Блумквист. Еще не факт, что Саландер об этом известно.

— Джаннини ведь не является адвокатом по уголовным делам, она специализируется на правах женщин. Я однажды слушала ее лекцию, она очень толковая, но совершенно не подходит для данного дела.

— Решать все равно Саландер.

— Возможно, мне придется опротестовать это в суде. Ради пользы самой Саландер у нее должен быть настоящий защитник, а не какая-то знаменитость, которая гоняется за рекламой. Хм. К тому же Саландер признана недееспособной. Даже не знаю, как лучше поступить.

— Что будем делать?

Агнета Йеварс немного поразмыслила.

— Тут сплошная неразбериха. Даже нет полной ясности в вопросе, кто в конечном счете будет заниматься этим делом. Возможно, его передадут в Стокгольм, Экстрёму. Но адвокат ей необходим. Ладно... спросите у нее, хочет ли она, чтобы ее защищала Джаннини.

Придя домой около пяти, Микаэль включил компьютер и вернулся к тексту, который начал писать в гостинице в Гётеборге. После семи часов работы он определил, где находятся самые большие белые пятна. Требовалось провести еще ряд исследований. Исходя из уже имеющихся документов, он не мог ответить на вопрос, кто именно из СЭПО помимо Гуннара Бьёрка участвовал в заговоре с целью помещения Лисбет Саландер в сумасшедший дом. Ему также не удалось докопаться до того, в каких именно отношениях находятся Бьёрк и психиатр Петер Телеборьян.

Около полуночи Микаэль выключил компьютер и лег в постель. Впервые за несколько недель он чувствовал, что может расслабиться и спокойно поспать. Все под контролем. Сколько бы вопросов еще ни оставалось, у него уже достаточно материала, чтобы вызвать лавину скандальных статей.

У него возникло желание позвонить Эрике Бергер и поделиться новостями, но он вспомнил, что она больше не работает в «Миллениуме». И сон вдруг пропал.

Человек с коричневым портфелем осторожно сошел с поезда, прибывшего на Стокгольмский центральный вокзал из Гётеборга в 19.30, и немного постоял среди людского потока, чтобы сориентироваться. Он выехал из Лахольма в начале девятого утра и по прибытии в Гётеборг сделал небольшую остановку, чтобы пообедать со старым приятелем, а затем продолжил путь в Стокгольм. В Стокгольме он не был два года и вообще-то не планировал снова приезжать в столицу. Несмотря на то что он прожил здесь большую часть своей трудовой жизни, он всегда чувствовал себя в Стокгольме чужеземной птицей, и с каждым визитом после выхода на пенсию это чувство только усиливалось.

Он медленно двинулся через вокзал, купил в киоске вечерние газеты и два банана и задумчиво посмотрел вслед поспешно проследовавшим мимо него двум мусульманкам в паранджах. Против женщин в парандже он ничего не имел. Если людям угодно странно одеваться, его это не касается. Правда, то, что им непременно надо странно одеваться посреди Стокгольма, его задевало.

Он прошел метров триста до гостиницы «Фрейс-отель», расположенной на Васагатан, возле старой почты. Во время редких теперь визитов в Стокгольм он всегда останавливался именно в этой гостинице — чисто и в центре. Кроме того, дешево — важный момент, поскольку поездку он оплачивал сам. Номер он забронировал накануне,

представившись Эвертом Гульбергом.

Поднявшись в номер, он сразу отправился в туалет. Он уже достиг того возраста, когда приходилось то и дело посещать туалет. Уже несколько лет как ему не удавалось проспать ночь, чтобы не проснуться и не почувствовать необходимость сходить по малой нужде.

Выйдя из туалета, он снял шляпу — темно-зеленую английскую фетровую шляпу с маленькими полями, и ослабил узел галстука. Его рост был сто восемьдесят четыре сантиметра, вес шестьдесят восемь килограммов, и, следовательно, постоялец отличался худобой и хрупким телосложением. На нем был пиджак в мелкую клеточку и темно-синие брюки. Открыв коричневый портфель, он достал две рубашки, запасной галстук и белье и поместил их в стоящий в номере комод. Затем повесил пальто и пиджак на плечики, в шкафу за дверью в комнату.

Было слишком рано, чтобы ложиться спать, но слишком поздно, чтобы отправляться на вечернюю прогулку, которая, впрочем, едва ли доставила бы ему удовольствие. Он уселся в кресло — непременно принадлежность гостиничного номера и огляделся. Включил телевизор, правда, убавил громкость, чтобы не мешал звук. Подумал было позвонить в рецепцию и заказать кофе, но решил, что слишком поздно. Вместо этого он открыл бар и налил себе из миниатюрной бутылочки виски «Джонни Уокер», слегка разбавив водой. Затем взялся за вечерние газеты и внимательно прочел все, что писалось за день о погоне за Рональдом Нидерманом и деле Лисбет Саландер. Через некоторое время он достал блокнот в кожаном переплете и кое-что записал.

Бывшему начальнику отдела Службы государственной безопасности Эверту Гульбергу было семьдесят восемь лет, и уже четырнадцать лет он официально находился на пенсии. Но бывших шпионов не бывает — они просто уходят в тень.

Сразу после окончания войны, когда Гульбергу было девятнадцать лет, он решил делать карьеру на флоте. Отслужил в армии помощником командира и был направлен получать офицерское образование. Однако вместо традиционного распределения на флот, как он того ожидал, его определили в Карлскруну^[9] разведчиком-сигнальщиком при разведывательном управлении флота. Для него не составило труда понять необходимость радиотехнической разведки, в задачи которой входило следить за тем, что происходит по другую сторону Балтийского моря. Работа казалась ему скучной и неинтересной, однако, пройдя военную школу переводчиков, он выучил русский и польский языки. Знание этих

языков и явилось одной из причин того, что в 1950 году его перевели в Службу государственной безопасности. В то время третье подразделение Государственного полицейского управления возглавлял безусловно корректный Георг Тулин. Когда Эверт Гульберг начинал там службу, совокупный бюджет тайной полиции не превышал 2,7 миллиона крон, а общая численность сотрудников составляла ровным счетом девяносто шесть человек.

Когда он в 1992 году формально вышел на пенсию, бюджет Службы государственной безопасности немного превышал 350 миллионов крон, и он даже точно не знал, сколько в «фирме» сотрудников.

Гульберг провел жизнь на тайной службе его величеству или, возможно, на тайной службе социал-демократическому «дому для народа». В этом заключалась ирония судьбы, поскольку он преданно, выборы за выборами, голосовал за Умеренную коалиционную партию, кроме 1991 года, когда сознательно проголосовал против нее, считая Карла Бильдта^[10] катастрофой для реалистичной политики. В тот год Гульберг с горя отдал свой голос за Ингвара Карлссона.^[11] Годы правления «лучшего правительства» Швеции оправдали его худшие опасения. Правительство, возглавляемое Умеренной коалиционной партией, пришло к власти в период распада Советского Союза, и, по мнению Гульберга, едва ли можно было представить себе режим, хуже подготовленный к использованию возникших на Востоке новых политических возможностей в применении искусства шпионажа. Вместо этого правительство Бильдта из соображений экономии сократило «советский» отдел и перенесло внимание на международную возню в Боснии и Сербии — можно подумать, что Сербия когда-нибудь представляла угрозу для Швеции. В результате возможность внедрить в Москву информаторов с дальним прицелом была упущена, а в тот день, когда тучи снова сгустятся — что сам Гульберг считал неизбежным, — к Службе безопасности и военному разведывательному управлению опять станут предъявлять чрезмерные политические требования, будто они способны, при необходимости, извлекать агентов из ящика, подобно фокусникам.

Приступив к работе в русском отделе третьего подразделения Государственного полицейского управления, Гульберг просидел первые два года за письменным столом, получил чин капитана и вслед за тем начал делать первые робкие шаги в изучении обстановки на месте, занимая в 1952–1953 годах должность атташе по вопросам авиации при шведском

посольстве в Москве. Любопытно, что он шел по стопам другого известного шпиона — несколькими годами раньше в его должности работал знаменитый полковник ВВС Стиг Веннерстрём.^[12]

Вернувшись в Швецию, Гульберг служил в контрразведке и десятью годами позже оказался одним из тех относительно молодых сотрудников Службы безопасности, которые под руководством оперативного руководителя Отто Даниэльссона арестовывали Веннерстрёма и сопровождали к месту пожизненного заключения.

Когда в 1964 году, при Пере Гуннаре Винге, тайную полицию реорганизовали в отдел безопасности Государственного полицейского управления, ГПУ/Без, началось расширение штатов. Гульберг к тому времени проработал в Службе безопасности четырнадцать лет и считался одним из пользующихся доверием ветеранов.

Гульберг ни при каких обстоятельствах не называл Службу государственной безопасности СЭПО. В формальной обстановке он использовал наименование ГПУ/Без, а в неформальной — только Без. Среди коллег он мог также упомянуть место своей работы как «Предприятие», или «Фирму», или попросту «Отдел», только не СЭПО. Причина была проста. На протяжении многих лет главной задачей «Фирмы» являлся так называемый персональный контроль, то есть проверка и регистрация шведских граждан, подозревавшихся в коммунистических убеждениях и склонности к измене. Понятия «коммунист» и «изменник родины» употреблялись в «Фирме» как синонимы. Ставшее впоследствии широко распространенным понятие «СЭПО» было создано потенциально предательским коммунистическим журналом «Кларте» как ругательное обозначение полицейских — гонителей коммунистов. Естественно, ни Гульберг, ни кто-либо другой из ветеранов слово «СЭПО» не использовал. Гульберг никак не мог понять, почему его бывший начальник П. Г. Винге назвал свои мемуары именно «Руководитель СЭПО 1962–1970 гг.».

Дальнейшую карьеру Гульберга определила именно реорганизация 1964 года.

Создание ГПУ/Без означало, что тайная полиция превращалась в нечто, в служебной записке министерства юстиции обозначенное как «современная полицейская организация». Последовало расширение штатов. Постоянная потребность в новых сотрудниках повлекла за собой бесконечные проблемы с их проверками, и резкое увеличение организации дало врагу более благоприятные возможности для внедрения своей агентуры. Это, в свою очередь, означало необходимость ужесточения

внутреннего контроля — тайная полиция уже не могла больше оставаться неким внутренним клубом, состоявшим из отставных офицеров, где все друг друга знали и главным достоинством нового члена являлось наличие отца-офицера.

В 1963 году Гульберга перевели — вместо контрразведки он стал заниматься проверкой сотрудников, чему, после разоблачения Стига Веннерстрёма, придавалось особое значение. В этот период закладывалась основа контроля над взглядами населения, в результате чего к концу 60-х годов уже существовали досье примерно на триста тысяч шведских граждан с неподобающими политическими пристрастиями. Однако, помимо контроля за шведскими гражданами вообще, следовало работать над системой внутренней безопасности ГПУ/Без.

Дело Веннерстрёма вызвало волну растерянности в рядах тайной полиции. Если полковник из штаба обороны — будучи к тому же советником правительства по вопросам, связанным с ядерным оружием и политикой безопасности, — мог работать на русских, откуда было взяться уверенности в том, что русские не имели агента на столь же ключевой позиции в Службе государственной безопасности? Кто мог гарантировать, что начальники и руководители среднего звена «Фирмы» на самом деле не работают на русских? Короче говоря: кто должен был шпионить за шпионами?

В августе 1964 года Гульберга вызвали на вечернее совещание к заместителю руководителя Службы государственной безопасности, начальнику отдела Хансу Вильгельму Франке. Помимо него в совещании участвовали два человека из руководства «Фирмы» — заместитель начальника канцелярии и финансовый директор. Еще до окончания дня жизнь Гульберга обрела новый смысл. Начальство остановило свой выбор на нем. Он получил новую должность — начальника вновь образованного отдела с рабочим названием «Спецсекция», сокращенно СС. Первым делом Гульберг переименовал его в группу «Спецаналитиков», но и это название продержалось всего несколько минут, пока финансовый директор не указал на то, что СА звучит не намного лучше, чем СС. Окончательным наименованием организации стало «Секция спецанализов», ССА, а в повседневной речи просто «Секция», в отличие от названий «Отдел» или «Фирма», подразумевавших Службу государственной безопасности в целом.

Инициатором создания «Секции» был Франке. Он называл ее последней линией обороны. По его замыслу, «Секция» должна была

представлять собой сверхзасекреченную группу, размещенную в стратегически важных узлах «Фирмы», но совершенно невидимую, не фигурирующую в служебных и финансовых документах, чтобы ее невозможно было вычислить. Задача группы — блюсти безопасность нации. Франке обладал достаточной властью для осуществления своей идеи. Для создания скрытой структуры ему требовалась помощь финансового директора и начальника канцелярии, но все трое были солдатами старой школы и товарищами по многочисленным разборкам с врагом.

В первый год организация состояла из Гульберга и троих специально отобранных сотрудников. За последующие десять лет «Секция» постепенно разрасталась и достигла численности в одиннадцать человек, двое из которых были административными секретарями старой школы, а остальные — профессиональными ловцами шпионов. Структура организации отличалась демократичностью: Гульберг — руководитель, остальные — сотрудники, почти ежедневно встречавшиеся со своим начальником. Эффективность ставилась выше престижа и бюрократических формальностей.

Формально Гульберг подчинялся целому ряду лиц, стоявших в иерархии ниже начальника канцелярии Службы безопасности, которому он должен был подавать ежемесячные отчеты, но на практике Гульберг занимал уникальную позицию и был наделен экстраординарными полномочиями. Он, и только он, имел право принимать решение о проверке высшего руководства СЭПО. При желании он мог вывернуть наизнанку жизнь самого Пера Гуннара Винге (что и сделал в свое время). Гульберг мог начинать собственные расследования или осуществлять прослушивание телефонов, не объясняя цели и не докладывая об этом начальству. Образцом для подражания ему служил легендарный американский шпион Джеймс Иисус Англтон, занимавший аналогичную должность в ЦРУ, с которым ему даже довелось познакомиться лично.

В организационном плане «Секция» являлась микроструктурой «Отдела», работавшей вне всей остальной Службы безопасности, над ней и параллельно с ней. Это выразилось даже в плане размещения: у «Секции» имелся офис на Кунгсхольмене, но, из соображений безопасности, на практике она работала в частной квартире из одиннадцати комнат, в районе Эстермальм. Квартиру потихоньку перестроили, превратив в своеобразную крепость, которая никогда не оставалась без присмотра, поскольку в две ближайшие ко входу комнаты переехала на постоянное жительство преданная сотрудница, секретарь Элеанор Баденбринк. Она была

бесценным кадром, и Гульберг питал к ней полное доверие.

Гульберг со своими сотрудниками полностью исчез из всех официальных документов — их деятельность финансировалась из «специального фонда», но они не фигурировали ни в каких формальных бумагах Службы безопасности, которые представлялись в Государственное полицейское управление или в министерство юстиции. Даже начальник ГПУ/Без ничего не знал о самых тайных из тайных сотрудников, занимавшихся самыми деликатными из деликатных дел.

Следовательно, к сорока годам Гульберг занимал такую позицию, что мог, ничего не объясняя ни единой живой душе, начинать расследования в отношении кого угодно.

Гульберг с самого начала прекрасно понимал, что положение «Секции спецанализов» небезупречно в политическом отношении. Описание ее должностных обязанностей было, мягко говоря, неопределенным, а документация — крайне скудной. В сентябре 1964 года премьер-министр Таге Эрландер подписал директиву, согласно которой «Секции спецанализов» выделялись бюджетные средства, а ее задачи определялись как проведение расследований особо деликатного свойства, имеющих большое значение для безопасности государства. Вопрос прошел среди двенадцати подобных дел, о которых заместитель начальника ГПУ/Без Ханс Вильгельм Франке доложил на одном из вечерних совещаний. Документ незамедлительно снабдили грифом секретности и внесли в имеющую аналогичный гриф особую учетную книгу ГПУ/Без.

Однако подпись премьер-министра означала, что «Секция» стала юридически признанной структурой. Ее первый годовой бюджет не превышал 52 000 крон. Столь скромный бюджет сам Гульберг считал гениальным ходом — в результате создание «Секции» представало просто пустяковым делом.

На практике же подпись премьер-министра означала, что тот согласился с необходимостью наличия группы, которая бы отвечала за «внутреннюю проверку сотрудников». Подпись могла, однако, толковаться и в том смысле, что премьер-министр дал добро на создание группы, которая бы отвечала за проверку «лиц, требовавших особо деликатного подхода» и за пределами Службы безопасности, например самого премьер-министра. Последний момент как раз потенциально и мог создать политические проблемы.

Эверт Гульберг констатировал, что «Джонни Уокер» у него в стакане закончился. Особой склонности к алкоголю Гульберг не питал, но позади

остались длинный день и долгая дорога, и он подумал, что на нынешнем этапе его жизни не имеет никакого значения, выпьет он один стакан виски или два. А значит, при желании вполне можно повторить, и он налил себе еще из миниатюрной бутылочки «Гленфиддиш».

Самым деликатным из всех дел было, разумеется, дело Улофа Пальме.

День выборов 1976 года Гульберг помнил в мельчайших подробностях. Впервые в современной истории Швеция получила буржуазное правительство. К сожалению, премьер-министром стал Турбьёрн Фельдин, а не Йёста Буман — человек старой школы, куда больше подходивший для этой должности. Но главное, Пальме потерпел поражение, и Гульберг мог вздохнуть с облегчением.

Соответствие Пальме должности премьер-министра являлось предметом не одного разговора за обедом в самых тайных коридорах ГПУ/Без. В 1969 году Пер Гуннар Винге был отправлен в отставку после того, как обвинил Пальме в принадлежности к агентам русской шпионской организации КГБ. В «Фирме» точка зрения Винге разделялась многими, но, к сожалению, во время своего визита в провинцию Норрботтен он взялся открыто обсуждать этот вопрос с губернатором Рагнарсом Лассинатти. Тот дважды поднял брови, а потом проинформировал объединенную администрацию министерств, в результате чего Винге было велено явиться для индивидуальной беседы.

К досаде Эверта Гульберга, вопрос о возможных русских контактах Пальме так и остался без ответа. Несмотря на упорные попытки выяснить правду и отыскать решающие улики — the smoking gun,^[13] «Секция» не смогла обнаружить ни малейших доказательств. В глазах Гульберга это являлось свидетельством не столько невиновности Пальме, сколько его особой ловкости и ума, благодаря которым он не совершал ошибок, свойственных другим русским шпионам. Год за годом Пальме продолжал от них увертываться. В 1982 году, когда он вновь стал премьер-министром, вопрос опять приобрел актуальность, но прогремел выстрел на Свеавеген,^[14] и он навсегда остался на уровне теории.

1976 год оказался для «Секции» проблемным годом. В ГПУ/Без — среди немногих лиц, знавших о существовании «Секции», — стали раздаваться критические голоса. За прошедшие десять лет из Службы безопасности по подозрению в политической неблагонадежности было уволено в общей сложности шестьдесят пять человек. Однако в большинстве случаев представленные документы не содержали прямых

доказательств, в результате чего некоторые крупные начальники заговорили о том, что «Секция» состоит из сумасшедших сторонников «теории заговоров». Гульберг по-прежнему закипал от ярости, вспоминая одно из дел, которое разбирала «Секция». Оно касалось принятого в ГПУ/Без в 1968 году человека, которого сам Гульберг считал явно не подходящим. Это был инспектор уголовного розыска Стиг Берглинг, лейтенант шведской армии, впоследствии оказавшийся полковником русской военной разведки ГРУ. Гульберг четырежды пытался добиться увольнения Берглинга, и каждый раз его требования игнорировались. Ситуация изменилась только в 1977 году, когда Берглинга стали подозревать уже и за пределами «Секции». Лучше поздно, чем никогда. Дело Берглинга стало крупнейшим скандалом в истории шведской службы безопасности.

В первой половине 70-х годов критика в адрес «Секции» усилилась, а в середине десятилетия до Гульберга неоднократно доносились предложения об урезании бюджета и даже заявления о том, что их деятельность никому не нужна.

Вся эта критика ставила под вопрос будущее «Секции». В то время приоритетным направлением в ГПУ/Без была угроза терроризма — применительно к шпионажу, дело во всех отношениях скучное, касавшееся в основном сбившейся с пути молодежи, которая связалась с арабскими или про-палестинскими элементами. Главной проблемой Службы безопасности был вопрос, надо ли выделять дополнительные ассигнования отделу персонального контроля для проверки проживающих в Швеции иностранных граждан или и в дальнейшем считать это прерогативой отдела по работе с иностранцами.

В результате этой бюрократической дискуссии, не лишенной некоторого эзотерического оттенка, у «Секции» возникла потребность в дополнительном, пользующемся доверием, сотруднике, который смог бы усилить ее деятельность по контролю — а на деле, по шпионажу — за сотрудниками отдела по работе с иностранцами.

Выбор пал на молодого человека, который работал в ГПУ/Без с 1970 года и чей послужной список, а также политическая благонадежность позволяли считать, что он сможет вписаться в ряды «Секции». В свободное время он участвовал в работе организации, называвшейся «Демократическим союзом», которую социал-демократические СМИ описывали как крайне правую. Для «Секции» это не являлось минусом — трое ее сотрудников тоже состояли членами в «Демократическом союзе», сама «Секция» сыграла не последнюю роль в его создании и даже оказывала «Союзу» некоторую финансовую поддержку. Нового сотрудника

заприметили и отобрали для «Секции» именно через эту организацию. Звали его Гуннар Бьёрк.

Для Эверта Гульберга стало невероятно счастливым случаем, что в тот день — день выборов 1976 года, — когда Александр Залаченко решил остаться в Швеции и пришел с просьбой о политическом убежище в полицейский участок района Норрмальм, там как раз дежурил Гуннар Бьёрк. Будучи сотрудником отдела по работе с иностранцами, тот его и принял, и таким образом Залаченко сразу попал в руки агента, уже включенного в число самых засекреченных.

Бьёрк оказался начеку. Он сразу понял значение Залаченко, прервал допрос и упрятал перебежчика в номер гостиницы «Континенталь». И позвонил Гуннар Бьёрк, чтобы забить тревогу, соответственно, не своему формальному начальнику из отдела по работе с иностранцами, а Эверту Гульбергу. Телефонный звонок пришелся на тот момент, когда помещения для голосования уже закрылись и все прогнозы указывали на то, что Пальме должен проиграть. Гульберг как раз только что пришел домой и сидел перед телевизором в ожидании результатов выборов. Поначалу он отнесся к сообщению взволнованного дежурного с сомнением, но все же отправился в «Континенталь», расположенный метрах в двухстах пятидесяти от гостиничного номера, где он на тот момент находился, чтобы принять на себя командование делом Залаченко.

С той минуты жизнь Эверта Гульберга радикально изменилась. Слово «секретность» приобрело совершенно новое содержание и вес. Он считал необходимым создать вокруг перебежчика новую структуру.

В «Группу Залаченко» он автоматически включил Гуннара Бьёрка. Такое решение казалось разумным и логичным, поскольку Бьёрк уже знал о существовании агента. Лучше было иметь его «внутри», чем, рискуя безопасностью, оставить «снаружи». В результате Бьёрка передислоцировали с официального места работы, в отделе по работе с иностранцами, за письменный стол в квартире в районе Эстермальм.

В сложившейся острой ситуации Гульберг решил для начала проинформировать лишь одного человека в ГПУ/Без — начальника канцелярии, который уже и так был в курсе деятельности «Секции». Поразмыслив над новостью в течение нескольких суток, начальник канцелярии заявил Гульбергу, что значение перебежчика слишком велико, поэтому необходимо проинформировать начальника ГПУ/Без, а также правительство.

Недавно занявший эту должность начальник ГПУ/Без на тот момент знал о существовании «Секции спецанализов», но имел довольно смутное представление о том, чем она, собственно, занимается. Его назначили, чтобы разобраться с последствиями разоблачения деятельности Информационного бюро,^[15] и он уже пребывал в ожидании более высокого поста в полицейской иерархии. Из доверительной беседы с начальником канцелярии глава ГПУ/Без знал, что «Секция» является созданной по решению правительства тайной группой, которая выведена за рамки общей деятельности, и что расспрашивать о ней не следует. Поскольку главой управления на тот момент был человек, который в принципе не задавал вопросов, способных спровоцировать неприятные ответы, он понимающе кивнул, смирившись с существованием некой структуры под названием ССА и с тем, что его она не касается.

Идея информировать начальника о Залаченко Гульбергу не нравилась, но у него не оставалось выбора. Подчеркнув жесткую необходимость полнейшей секретности, он заручился согласием и составил инструкции, согласно которым даже начальнику ГПУ/Без запрещалось обсуждать эту тему у себя в кабинете, не предприняв особых мер предосторожности. Было решено, что Залаченко займется «Секция спецанализов».

О том, чтобы информировать сдающего бразды правления премьер-министра, не могло быть и речи. Из-за начавшейся в связи со сменой правительства свистопляски приступающий к своим обязанностям премьер-министр был полностью поглощен назначением министров и переговорами с остальными буржуазными партиями. Только через месяц после образования правительства начальник ГПУ/Без вместе с Гульбергом поехал в Русенбад^[16] и проинформировал нового премьер-министра. Гульберг до последнего возражал против того, чтобы вообще ставить правительство в известность, но глава ГПУ/Без настоял на своем — утаить сведения от премьер-министра было бы непростительно с конституционной точки зрения. Призвав все свое красноречие, Гульберг пытался убедить премьер-министра в важности того, чтобы информация о Залаченко не вышла за пределы его кабинета — нельзя было ничего говорить ни министру иностранных дел, ни министру обороны или кому-либо другому из членов правительства.

Новость о том, что русский агент такого уровня попросил политического убежища в Швеции, потрясла Фельдина. Он начал говорить, что просто из соображений справедливости обязан обсудить этот вопрос хотя бы с лидерами остальных двух партий, входящих в правительство.

Гульберг был готов к такому повороту событий и пустил в ход последнее средство, тихо заявив, что в этом случае будет вынужден немедленно подать заявление об уходе. Угроза произвела на Фельдина впечатление. По сути, она означала: если история выйдет наружу и русские направят карательный отряд для ликвидации Залаченко, то премьер-министр будет нести за это персональную ответственность. А раз человек, отвечавший за безопасность перебежчика, счел себя вынужденным уволиться, то такое разоблачение обернется для Фельдина громкой политической катастрофой.

Еще не слишком уверенно чувствующий себя в новой должности, новоиспеченный премьер-министр сдался. Он дал добро на незамедлительно занесенную в секретный архив директиву, согласно которой ответственность за безопасность Залаченко и получение от него нужных сведений возлагалась на «Секцию», а также пообещал, что информация о русском не выйдет за пределы его кабинета. Тем самым Фельдин расписался в своей осведомленности и в то же время лишился права этот вопрос обсуждать. Иными словами, ему предстояло просто забыть о Залаченко.

Правда, Фельдин настоял на том, чтобы еще один человек из его администрации — тщательно выбранный статс-секретарь — был проинформирован и смог выполнять роль контактного лица в делах, связанных с перебежчиком. С этим Гульберг смирился. Разобраться со статс-секретарем для него проблемы не составляло.

Начальник ГПУ/Без был удовлетворен. Дело Залаченко теперь обрело законный характер, а в данном случае это означало, что с начальника снималась всякая ответственность. Гульберг тоже остался доволен. Ему удалось создать некий карантин, означавший, что он полностью контролирует распространение информации. Дело Залаченко стало его и только его делом.

Вернувшись к себе в кабинет, Гульберг сел за письменный стол и составил от руки список людей, обладавших информацией о Залаченко. Список включал его самого, Гуннара Бьёрка, оперативного руководителя «Секции» Ханса фон Роттингера, его заместителя Фредрика Клинтона, секретаря «Секции» Элеанор Баденбринк, а также двух сотрудников, в задачу которых входило записывать и по ходу дела анализировать получаемые от Залаченко разведданные. Про себя он называл их «Внутренней группой».

За пределами «Секции» информацией обладали: начальник ГПУ/Без, его заместитель и начальник канцелярии. К ним добавлялись премьер-министр и статс-секретарь. Всего двенадцать человек. Впервые тайна

такого уровня была известна столь избранной группе.

Потом Гульберг помрачнел. В тайну был посвящен еще один человек, тринадцатый. В тот роковой день рядом с Бьёрком находился юрист Нильс Бьюрман, но включить Бьюмана в состав «Секции» было невозможно — он не являлся настоящим сотрудником Службы безопасности, а попросту проходил практику в ГПУ/Без и не обладал требуемыми знаниями. Гульберг взвесил разные варианты и предпочел осторожно вывести Бьюмана из этой истории. Он пригрозил молодому адвокату пожизненным заключением за государственную измену, если тот хоть словом обмолвится о Залаченко, прибег к подкупу в форме обещания в будущем снабжать его работой и, наконец, к лести, что прибавило Бьюману ощущения собственной значимости. Гульберг проследил за тем, чтобы начинающий юрист получил место в пользующейся хорошей репутацией адвокатской фирме, а потом чтобы его буквально завалили работой. Проблема заключалась лишь в том, что Бьюрман оказался такой посредственностью, что просто не смог воспользоваться предоставленными ему возможностями. Через десять лет он ушел из адвокатской фирмы и открыл собственную практику, благодаря чему спустя какое-то время завел адвокатскую контору с единственной секретаршей на площади Уденплан.

В течение последующих лет Гульберг потихоньку постоянно присматривал за Бьюрманом и прекратил только в конце 80-х годов, когда Советский Союз начал разваливаться и дело Залаченко отошло на задний план.

Поначалу «Секция» надеялась при помощи Залаченко разобраться в деле Пальме — эта загадка постоянно занимала Гульберга. Соответственно, Пальме стал первой темой, которую Гульберг прощупывал во время долгого опроса перебежчика.

Однако надежды вскоре растаяли, поскольку Залаченко никогда в Швеции не работал и толком о ней ничего не знал. Зато ему доводилось слышать о некоем «Красном скакуне» — высокопоставленном шведском или, возможно, скандинавском политике, работавшем на КГБ.

Гульберг составил список лиц, связанных с Пальме. В него входили Карл Лидбум, Пьер Шори, Стен Андерссон, Марта Ульвскуг и еще несколько человек. К этому списку Гульберг будет потом раз за разом возвращаться до конца жизни, но так и не получит желанного ответа.

Внезапно Гульберг сделался одним из сильных мира сего. Его с уважением приветствовали в эксклюзивном клубе хорошо знавшие друг друга избранные бойцы, контакты между которыми осуществлялись на

основе личной дружбы и доверия, а не через официальные каналы, в соответствии с бюрократическими правилами. Ему довелось повстречаться с самим Джеймсом Иисусом Англетоном и выпить виски в укромном клубе в Лондоне с шефом МИ-6. Он попал в ряды великих.

К оборотной стороне его профессии относилась полная невозможность рассказать о своих успехах, даже в мемуарах, которые опубликовали бы после смерти автора. И еще постоянное опасение, что враг заметит его поездки, начнет за ним следить и он невольно выведет русских на Залаченко.

В отношении конспирации и безопасности сам Залаченко был собственным злейшим врагом.

В первый год перебежчика поселили в квартире, принадлежавшей «Секции». Ни в каких регистрах или официальных документах он не значился, и в «Группе Залаченко» полагали, что планировать его будущее им придется еще не скоро. Только весной 1978 года он обрел паспорт на имя Карла Акселя Бодина и с трудом созданную легенду — прошлое, отраженное в шведских регистрах, фиктивное, но способное выдержать проверку.

Однако они опоздали. К этому времени Залаченко уже вовсю трахался с этой проклятой шлюхой Агнетой Софией Саландер, носившей прежде фамилию Шёландер, преспокойно представившись ей своим настоящим именем — Залаченко. Гульберг считал, что у бывшего шпиона что-то не в порядке с головой, даже подозревал, что тот чуть ли не стремится быть раскрытым. Ему, казалось, просто требовалась эстрада и внимание публики — как-то иначе объяснить его дьявольскую тупость было трудно.

Его жизнь заполняли шлюхи, глубокие запои, инциденты с применением насилия, драки с охранниками ресторанов и разными другими людьми. Залаченко попадал в шведскую полицию — трижды за пьянство и дважды за драки в ресторанах. И каждый раз «Секции» приходилось вмешиваться, вытаскивать его из неприятностей и следить за тем, чтобы бумаги уничтожались, а записи в журналах изменялись. Гульберг приставил к нему Гуннара Бьёрка, и тому приходилось почти круглосуточно пасти перебежчика. Давалось это с трудом, но выбора не оставалось.

А все могло бы идти так гладко. В начале 80-х годов Залаченко угомонился и стал приспособливаться к жизни. Но шлюху Саландер он так и не бросил, и, хуже того, у них родились дочери-двойняшки, Камилла и Лисбет Саландер.

Лисбет Саландер.

Произнося ее имя, Гульберг испытывал неприятные чувства.

Еще когда девочкам было лет по девять или десять, по поводу Лисбет Саландер у Гульберга появились дурные предчувствия. Не требовалось быть психиатром, чтобы понять, что она ненормальная. Гуннар Бьёрк докладывал, что она проявляет в отношении Залаченко упрямство, жестокость и агрессию и, кроме того, похоже, абсолютно его не боится. Она редко что-нибудь говорила, но демонстрировала свое недовольство тысячей других способов. От нее следовало ждать проблем, но даже в самых смелых фантазиях Гульберг не мог представить себе, в какую гигантскую проблему она вырастет на самом деле. Он больше всего боялся, что ситуация в семействе Саландер приведет к какому-нибудь разбирательству социальных служб, где всплывет имя Залаченко. Он раз за разом умолял подопечного порвать с семьей и держаться от нее подальше. Тот обещал, но каждый раз нарушал обещание. Он заводил себе других шлюх, и в большом количестве, однако через несколько месяцев всегда вновь возвращался к Агнете Софии Саландер.

Проклятый Залаченко. Разве хороший шпион может позволять члену управлять своим поведением? Но Залаченко, казалось, был выше любых норм и правил или, по крайней мере, считал себя выше их. Если бы он хоть просто трахал эту шлюху, было бы все-таки другое дело, но Залаченко регулярно наносил своей подруге тяжкие телесные повреждения. Он, казалось, даже воспринимал это как веселый способ поиздеваться над своими опекунами из «Группы Залаченко» и избивал ее при каждой встрече только для того, чтобы их подразнить и доставить им неприятности.

В том, что Залаченко — больной подонок, сомнений у Гульберга не было, но выбирать ему не приходилось. У него имелся один-единственный перебежчик из агентов ГРУ и к тому же прекрасно сознававший свое значение для Гульберга.

Гульберг вздохнул. Сотрудники «Группы Залаченко» играли роль отряда уборщиков, от этого никуда не уйти. Залаченко знал, что может позволить себе все, что угодно, а они потом разберутся с его проблемами. И в отношении Агнеты Софии Саландер он пользовался этим сверх всякой меры.

Недостатка в предостережениях не было. Когда Лисбет Саландер только исполнилось двенадцать лет, она пырнула папашу ножом. Раны оказались несерьезными, но его отвезли в больницу Святого Георгия, и «Группе Залаченко» пришлось проводить основательные работы по подчистке. В тот раз Гульберг имел с подопечным очень серьезный

разговор. Он обстоятельнейшим образом объяснил дебоширу, что тот больше никогда не должен вступать в контакт с семейством Саландер, и Залаченко пообещал. Он продержался более полугода, а потом поехал домой к Агнете Софии Саландер и избил ее с такой жестокостью, что она до конца жизни так и не вышла из лечебницы.

Однако Гульберг не мог предположить, что Лисбет Саландер окажется кровожадной психопаткой, способной метнуть в машину, где сидел ее отец, пакет из-под молока, наполненный бензином, а потом бросить зажженную спичку. Тот день превратился в сплошной хаос. Начался целый лабиринт расследований, и вся «Операция Залаченко» — а значит, вся «Секция» — повисла на очень тонком волоске. Стоило Лисбет Саландер заговорить, и Залаченко могли раскрыть. А если бы Залаченко раскрыли, во-первых, ряд операций, проводимых в Европе в последние пятнадцать лет, оказался бы под угрозой провала, а во-вторых, возникал риск того, что «Секцию» подвергнут публичной проверке. Этому надо было воспрепятствовать любой ценой.

Гульберг волновался. На фоне их публичной проверки дело Информационного бюро показалось бы просто реалити-шоу. Открытие архива «Секции» выявило бы ряд обстоятельств, не совсем совместимых с конституцией, не говоря уже о многолетней слежке за Пальме и другими известными социал-демократами. Даже через несколько лет после убийства Пальме эта тема носила весьма щекотливый характер. Результатом стали бы комиссии по расследованию, обвинения в преступной деятельности самого Гульберга и нескольких других сотрудников «Секции». И больше того — сумасшедшие журналисты без колебаний распространили бы версию, согласно которой за убийством Пальме стояла «Секция», что, в свою очередь, привело бы к еще одному витку разоблачений и обвинений. Самое ужасное, что руководство Службы безопасности за эти годы настолько сильно поменялось, что о существовании «Секции» не знал даже высший руководитель ГПУ/Без. Все контакты с ГПУ/Без в тот год не шли дальше стола нового заместителя начальника канцелярии, а он уже десять лет как являлся постоянным членом «Секции».

Среди сотрудников «Группы Залаченко» царили панические настроения и страх. Выход из положения нашел Гуннар Бьёрк, привлечший к делу психиатра по имени Петер Телеборьян.

Телеборьяна подключили к отделу контрразведки ГПУ/Без по совершенно другому поводу — его пригласили консультантом в связи с обследованием человека, подозревавшегося в промышленном шпионаже.

Имелись причины, чтобы деликатно попытаться установить, как он себя поведет в стрессовой ситуации. Телеборьян был молодым, многообещающим психиатром, который, не говоря разной ерунды, дал конкретные и действенные советы. Благодаря его рекомендациям Служба безопасности смогла предотвратить самоубийство и превратить этого шпиона в двойного агента, поставлявшего своим работодателям дезинформацию.

После нападения Саландер на Залаченко Бьёрк осторожно привлек Телеборьяна к работе «Секции» как консультанта по особым делам. И теперь его помощь требовалась больше, чем когда-либо.

Решение проблемы оказалось очень простым. Карл Аксель Бодин исчезал для реабилитационного лечения. Агнета София Саландер поступила в больничный интернат как получившая неизлечимую травму головного мозга. Все полицейские расследования собирались в ГПУ/Без и через заместителя начальника канцелярии передавались в «Секцию».

Петер Телеборьян только что получил должность заместителя главного врача в детской психиатрической клинике Святого Стефана в Упсале. Требовалось лишь заключение судебно-психиатрической экспертизы, которое сочинили Бьёрк с Телеборьяном, а затем краткое и полученное без лишних споров решение районного суда. Вопрос заключался лишь в том, как представить дело. Конституцию оно не затрагивало. Ведь речь все-таки шла о государственной безопасности, народ должен был это понять.

А то, что Лисбет Саландер сумасшедшая, было совершенно очевидно и не подлежало сомнению. Несколько лет в закрытой психиатрической больнице наверняка пошли бы ей на пользу. Гульберг кивнул и дал добро на проведение операции.

Все кусочки мозаики разлеглись по местам, и произошло это в то время, когда «Группу Залаченко» в любом случае следовало распустить. Советский Союз прекратил свое существование, и период величия Залаченко вместе с ним уходил в прошлое. Он больше никому не был нужен.

«Группа Залаченко» добилась для него щедрого выходного пособия из фонда Службы безопасности. Они оплатили ему самое лучшее реабилитационное лечение, а полгода спустя со вздохом облегчения отвезли Карла Акселя Бодина в аэропорт и снабдили билетом в Испанию в один конец. Ему ясно дали понять, что с этого момента пути Залаченко и «Секции» расходятся. Это стало одним из последних дел Гульберга: неделей позже он в силу возраста с полным правом вышел на пенсию,

передав бразды правления наследнику престола — Фредрику Клинтону. Теперь Гульберга приглашали только в качестве консультанта и советчика по особо деликатным вопросам. Он оставался в Стокгольме еще три года, но заданий становилось все меньше, и постепенно он сам себя сократил, вернулся в родной городок Лахольм и выполнял кое-какую работу дистанционно. В первые годы он регулярно ездил в Стокгольм, но постепенно и эти поездки становились все более редкими.

О Залаченко он забыл и думать. До тех самых пор, пока, проснувшись однажды утром, не обнаружил на первых страницах всех газет дочь Залаченко, обвинявшуюся в убийстве трех человек.

Гульберг следил за сводками новостей с ощущением растерянности. Он прекрасно понимал, что Бьюрман не случайно оказался опекуном Саландер, но не видел непосредственной опасности в том, что старая история Залаченко может снова всплыть на поверхность. Саландер сумасшедшая. То, что она устроила кровавую баню, Гульберга не удивляло. Зато ему даже не приходило в голову, что это может иметь связь с Залаченко, пока он не включил утренние новости и ему не сообщили о событиях в Госсейберге. Тогда-то он и начал звонить по телефону и в конце концов купил билет в Стокгольм.

«Секция» оказалась на пороге самого страшного кризиса с того момента, как он ее создал. Все грозило рухнуть.

Залаченко добрался до туалета и справил малую нужду — после того как больница снабдила его костылями, он получил возможность перемещаться. Воскресенье и понедельник он посвятил коротким тренировкам. У него по-прежнему чертовски болела челюсть и он мог употреблять только жидкую пищу, но теперь уже начал вставать и передвигаться на небольшие расстояния.

За почти пятнадцать лет жизни с протезом к костылям Залаченко привык. Он ходил взад и вперед по палате, упражняясь в искусстве перемещаться беззвучно. Каждый раз, когда его правая ступня касалась пола, ногу пронзала острая боль.

Он стискивал зубы, думая о том, что Лисбет Саландер лежит в одной из соседних палат, в непосредственной близости от него. Ему потребовался целый день, чтобы выведать, что она находится через две двери направо.

Около двух часов ночи, через десять минут после последнего визита ночной сестры, все полностью стихло. Залаченко с трудом поднялся и нащупал костыли. Подойдя к двери, он прислушался, но ничего не услышал. Тогда он открыл дверь и вышел в коридор. Из комнаты медсестер

слышалась тихая музыка. Залаченко добрался до двери в конце коридора, открыл ее и обследовал лестничную клетку. Там имелись лифты. Он двинулся обратно по коридору. Проходя мимо палаты Лисбет Саландер, он остановился, оперся на костыли и полминуты передохнул.

В ту ночь медсестры дверь в ее палату закрыли. Услышав доносившийся из коридора слабый шаркающий звук, Лисбет Саландер насторожилась. Установить источник звука она не могла — казалось, по коридору что-то с осторожностью тащат. На мгновение все стихло, и она подумала, уж не почудилось ли ей, но через полторы минуты звук послышался вновь. Он удалялся, но ощущение беспокойства усилилось.

Где-то снаружи находится Залаченко.

Лисбет Саландер чувствовала себя прикованной к постели. Шея под фиксирующим воротником чесалась. У нее возникло острое желание встать. Постепенно ей удалось сесть, но на большее сил не хватало. Она опустила обратно и положила голову на подушку.

Через некоторое время Лисбет ощупала воротник и обнаружила скреплявшие его кнопки, после чего расстегнула и бросила его на пол. Дышать сразу стало легче.

Хорошо бы держать под рукой какое-нибудь оружие или иметь достаточно сил, чтобы встать и разобраться с ним раз и навсегда.

Под конец она приподнялась на локте, зажгла ночник и огляделась. Ничего такого, что можно было бы использовать в качестве оружия, здесь не имелось. Потом ее взгляд упал на стол медсестры, стоявший возле стены, в трех метрах от кровати, и Лисбет заметила, что кто-то забыл там карандаш.

Она подождала, пока ночная сестра совершит очередной обход — в эту ночь к ней, похоже, заходят примерно раз в полчаса. Лисбет предположила, что меньшая частотность посещений означает, что врачи считают ее состояние улучшившимся по сравнению с выходными, когда к ней заходили каждые пятнадцать минут или даже чаще. Сама она особой разницы не ощущала.

Снова оставшись одна, Лисбет собралась с силами, села и свесила ноги с кровати. К ее телу были приклеены электроды, регистрировавшие пульс и дыхание, однако кабели шли в ту же сторону, где лежал карандаш. Она осторожно встала и вдруг закачалась, полностью утратив равновесие. На секунду ей показалось, что она сейчас упадет в обморок, но она оперлась о кровать и сфокусировала взгляд на столе перед собой, затем сделала три нетвердых шага, протянула руку и схватила карандаш.

Потом она, пятась, вернулась на кровать, и там силы совершенно оставили ее — настолько, что даже вновь натянуть на себя одеяло она смогла лишь через некоторое время.

Подняв карандаш, она пощупала кончик. Это был самый обычный карандаш из дерева, но свежезаточенный и острый, как шило. Может вполне сойти за колющее оружие, если ударить им в лицо или в глаз.

Она положила карандаш на легко доступное место, возле бедра, и заснула.

Глава

06

Понедельник, 11 апреля

В понедельник утром Микаэль Блумквист поднялся в начале десятого и позвонил Малин Эрикссон, которая только что вошла в редакцию «Миллениума».

— Привет, главный редактор, — сказал он.

— Я просто в шоке от того, что Эрики нет и что вы решили сделать новым главным редактором меня.

— Вот как?

— Она ушла. Ее письменный стол пуст.

— Тогда тебе стоит, вероятно, посвятить день тому, чтобы перебраться в ее кабинет.

— Я не знаю, как себя вести. Мне как-то ужасно неловко.

— Перестань. Все сошлись на том, что в данной ситуации ты — лучший вариант. Да и в любой момент ты можешь обращаться к нам с Кристером.

— Спасибо за доверие.

— Ладно, — сказал Микаэль. — Работай как обычно. В ближайшее время мы будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

— О'кей. Что тебе надо?

Он объявил, что собирается остаться дома и весь день писать. Малин вдруг осознала, что он докладывает ей так же, как, вероятно, информировал Эрику Бергер о том, чем занимается. От нее ожидается комментарий. Или нет?

— У тебя будут для нас какие-нибудь поручения? — спросила она.

— Нет. Наоборот, если у тебя появятся поручения ко мне, звони. Я по-прежнему веду материал о Саландер и решаю, что с ним делать, а всем остальным, что касается журнала, руководишь ты. Принимай решения. Я тебя поддержу.

— А если я буду принимать неправильные решения?

— Если я это увижу или услышу, я тебе скажу. Но такое может произойти только в каком-то особом случае. В нормальной ситуации ни одно решение не бывает на сто процентов правильным или неправильным. Ты будешь принимать свои решения, возможно, не такие, какие приняла бы Эрика Бергер. А принимай их я, получился бы какой-то третий вариант. Но

сейчас время твоих решений.

— Ясно.

— Если хочешь быть хорошим руководителем, то надо обсуждать вопросы с другими. В первую очередь с Хенри и Кристером, потом со мной и, наконец, трудные вопросы будем решать на редакционных совещаниях.

— Я приложу все усилия.

— Отлично.

Он уселся на диване в гостиной с ноутбуком на коленях и проработал без перерывов весь понедельник. Когда он закончил, у него получился первый черновой вариант двух текстов, общей сложностью в двадцать одну страницу. Эта часть материала строилась вокруг убийства их коллеги Дага Свенссона и его гражданской жены Миа Бергман: над чем они работали, почему их убили и кто является убийцей. Микаэль прикинул, что для летнего тематического номера ему придется написать еще приблизительно сорок страниц, и требовалось решить, как можно описать в статье Лисбет Саландер, не нарушив ее права на неприкосновенность частной жизни. Он ведь знал о ней такие вещи, которые она бы ни за что на свете не захотела предать огласке.

В понедельник Эверт Гульберг позавтракал в кафетерии гостиницы, съев только один кусочек хлеба и выпив чашку черного кофе. После этого он взял такси и поехал на улицу Артиллеригатан, расположенную в районе Эстермальм. В 09.15 утра он позвонил в домофон, представился, и ему тут же открыли. Гульберг поднялся на шестой этаж, где его прямо у лифта встретил пятидесятичетырехлетний Биргер Ваденшё — новый руководитель «Секции».

Когда Гульберг уходил на пенсию, Ваденшё был одним из самых молодых сотрудников «Секции», и он не успел составить себе о нем представление.

Ему бы хотелось по-прежнему видеть на этом месте решительного Фредрика Клинтона. Клинтон в свое время сменил Гульберга и оставался руководителем «Секции» до 2002 года, когда диабет и болезни сосудов более или менее вынудили его выйти на пенсию. А из какого теста Ваденшё, Гульберг толком не понял.

— Здравствуйте, Эверт, — сказал Ваденшё, пожимая руку своему бывшему начальнику. — Хорошо, что вы нашли время приехать.

— Время — это почти единственное, что у меня осталось, — ответил Гульберг.

— Вы же знаете, как оно бывает. Мы плохо поддерживаем контакты со

старыми верными работниками.

Эверт Гульберг проигнорировал это замечание. Он свернул налево, вошел в свой прежний кабинет и сел за круглый стол для совещаний, стоявший у окна. Вероятно, решил Гульберг, репродукции Шагала и Мондриана на стенах развесил Ваденшё. В его время тут висели чертежи знаменитых кораблей, таких как «Корона» и «Ваза». В душе он был морским офицером и всегда мечтал о море, хоть и провел на нем всего несколько месяцев во время военной службы. Появились компьютеры, но в остальном комната выглядела почти точно так же, как в момент его ухода на пенсию. Ваденшё принес кофе.

— Остальные сейчас подойдут, — сказал он. — Я подумал, что нам стоит сперва переговорить вдвоем.

— Сколько человек осталось в «Секции» с моих времен?

— Кроме меня, здесь, в офисе — только Отто Хальберг и Георг Нюстрём. Хальберг в этом году выходит на пенсию, а Нюстрёму исполняется шестьдесят. А так в основном все новые. Кое с кем из них вы уже раньше встречались.

— Сколько всего человек сейчас работает в «Секции»?

— Мы провели небольшую реорганизацию.

— Вот как?

— На сегодня здесь у нас на полных ставках работает семь человек, то есть мы слегка сократили штат. Но всего из числа сотрудников ГПУ/Без в «Секцию» входит целых тридцать один человек. Большинство из них тут вообще не бывает, а занимается своим обычным делом и негласно собирает для нас материал.

— Тридцать один сотрудник.

— Плюс семь. Ведь такую систему, собственно, создали вы. Мы ее лишь подкорректировали и говорим сегодня о внутренней и внешней организации. Когда мы набираем новых людей, их на определенный период освобождают от службы и они проходят у нас обучение. Этим занимается Хальберг. Базовое обучение занимает шесть недель. Мы проводим его в военно-морской школе. Потом они возвращаются обратно на свои должности в ГПУ/Без, но теперь уже находясь на службе у нас.

— Понятно.

— Вообще-то это великолепная система. Большинство сотрудников даже не имеют представления о существовании друг друга. А здесь, в «Секции», мы в основном принимаем рапорты. Правила с ваших времен не изменились. Организация не должна быть иерархической.

— Оперативная группа?

Ваденшё нахмурил брови. Во времена Гульберга в «Секции» имелась маленькая оперативная группа, состоявшая из четырех человек, под командованием опытного Ханса фон Роттингера.

— Ну, не совсем. Роттингер ведь пять лет назад умер. У нас имеется молодой талант, который выполняет часть работы на земле, но обычно мы при необходимости используем кого-нибудь из внешней организации. К тому же организовать прослушивание телефона или войти в квартиру теперь стало технически сложнее. Повсюду есть сигнализация и всякие другие штуки.

Гульберг кивнул.

— Бюджет? — спросил он.

— Мы имеем около одиннадцати миллионов в год. Треть идет на зарплаты, треть на техническое обслуживание и треть на саму деятельность.

— Значит, бюджет уменьшился?

— Немного. Правда, у нас сократился штат, то есть бюджет в пересчете на каждого сотрудника на самом деле увеличился.

— Понимаю. Расскажи, в каких отношениях мы сейчас пребываем с Безом.

Ваденшё покачал головой.

— Начальник канцелярии и финансовый директор — наши люди. Формально в курсе нашей деятельности только начальник канцелярии. Правда, о нашем существовании знают еще два заместителя начальников, но изо всех сил стараются закрывать на нас глаза.

— Ясно. Следовательно, если возникнут проблемы, то для нынешнего руководства Службы безопасности это станет неприятным сюрпризом. А как обстоят дела с руководством министерства обороны и правительством?

— Министерство обороны мы исключили лет десять назад. А правительства приходят и уходят.

— Значит, если заштормит, мы останемся в одиночестве?

Ваденшё кивнул.

— Это минус такой организации работы. Но очевидны и плюсы. Ведь наши задачи тоже изменились. После крушения Советского Союза в Европе сложилась новая политическая ситуация. Нам все реже приходится выискивать шпионов. Сейчас речь идет о терроризме и, прежде всего, об оценке политической пригодности людей, занимающих ключевые посты.

— Об этом речь шла всегда.

В дверь постучали. Гульберг увидел аккуратно одетого мужчину лет шестидесяти и молодого человека в джинсах и пиджаке.

— Привет, ребята. Это Юнас Сандберг. Он проработал у нас четыре года и отвечает за оперативные дела. Я о нем рассказывал. А это Георг Нюстрём. Вы с ним встречались.

— Здравствуй, Георг, — сказал Гульберг.

Они пожали руки. Потом Гульберг обратился к Юнасу Сандбергу и спросил, разглядывая его:

— А ты откуда будешь?

— Непосредственно из Гётеборга, — шутливо ответил Сандберг. — Я навещал его.

— Залаченко... — произнес Гульберг.

Сандберг кивнул.

— Присаживайтесь, господа, — предложил Ваденшё.

— Бьёрк, — хмурясь, сказал Гульберг, сняв пиджак и откинувшись на спинку кресла за столом для совещаний.

Закуривая сигариллу, Ваденшё взглянул на него и поразился тому, как сильно старик исхудал.

— Его задержали в пятницу за нарушение закона о борьбе с проституцией, — ответил Георг Нюстрём. — Дело пока не возбуждено, но он, в принципе, сознался и уполз домой, поджав хвост. Он сейчас на больничном и живет в Смодаларё. В СМИ еще ничего не просочилось.

— Когда-то Бьёрк был одним из самых лучших сотрудников «Секции», — сказал Гульберг. — Он играл ключевую роль в деле Залаченко. Что с ним произошло после моего ухода на пенсию?

— Он, пожалуй, один из очень немногих внутренних сотрудников, кто перешел из «Секции» обратно на внешнюю работу. Он ведь выпархивал из гнезда и в ваше время.

— Да, ему требовался небольшой отдых и хотелось расширить кругозор. В восьмидесятых годах он брал отпуск из «Секции» и работал военным атташе. Перед тем он начиная с семьдесят шестого года как ненормальный работал с Залаченко почти круглые сутки, и я посчитал, что ему действительно необходим перерыв. Он отсутствовал с восемьдесят пятого по восемьдесят седьмой год, а потом вернулся обратно.

— Можно сказать, что он проработал в «Секции» до девяносто четвертого года, когда перешел во внешнюю организацию. В девяносто шестом году он стал заместителем начальника отдела по работе с иностранцами и попал в сложную ситуацию, так что ему приходилось очень много заниматься своими непосредственными обязанностями. Разумеется, он все время поддерживал контакт с «Секцией», и до самого

последнего времени мы с ним регулярно общались примерно раз в месяц.

— Значит, он болен.

— Ничего страшного, но у него сильные боли — грыжа межпозвоночного диска. В последние годы она его периодически беспокоит. Два года назад Бьёрк пробыл на больничном четыре месяца, а в прошлом году в августе снова слег. Он должен был приступить к работе первого января, но ему продлили больничный, и теперь он просто ждет операции.

— И воспользовался больничным, чтобы бегать по шлюхам, — заключил Гульберг.

— Да, он ведь не женат и, если я правильно понял, в течение многих лет регулярно общался с проститутками, — сказал Юнас Сандберг, до этого почти полчаса не открывавший рта. — Я читал рукопись Дага Свенссона.

— Ясно. Но кто-нибудь может объяснить мне, что, собственно, произошло?

— Насколько мы понимаем, по всей видимости, всю эту карусель закрутил именно Бьёрк. Иначе просто невозможно объяснить, как материалы расследования девяносто первого года попали в руки к адвокату Бьюрману.

— Который тоже проводил время, бегая по шлюхам? — поинтересовался Гульберг.

— Насколько мне известно, нет. Во всяком случае, в материале Дага Свенссона он не упоминается. Зато он являлся опекуном Лисбет Саландер.

Ваденшё вздохнул.

— Вероятно, это моя ошибка. Вы с Бьёрком ведь заткнули Саландер в девяносто первом году, отправив ее в сумасшедший дом. Мы рассчитывали, что она пробудет там значительно дольше, но ей назначили наставника, адвоката Хольгера Пальмгрена, которому удалось ее оттуда вытащить. Он поместил ее в приемную семью. Вы к тому времени уже были на пенсии.

— Что произошло потом?

— Мы за ней приглядывали. Ее сестра, Камилла Саландер, тем временем жила в другой приемной семье, в Упсале. Когда им исполнилось по семнадцать лет, Лисбет Саландер вдруг начала копаться в своем прошлом. Она стала разыскивать Залаченко и штудировать все доступные ей официальные регистры. Каким-то образом, мы точно не знаем, ей удалось узнать, что сестре известно, где находится Залаченко.

— Это соответствовало действительности?

Ваденшё пожал плечами.

— Если честно, представления не имею. Сестры несколько лет вообще

не встречались, а потом Лисбет Саландер отыскала Камиллу и попыталась заставить рассказать, что той известно. Их встреча закончилась бурной ссорой и основательной дракой.

— Вот как?

— В те месяцы мы тщательно следили за Лисбет. Мы также проинформировали Камиллу Саландер о том, что ее сестра агрессивна и психически больна. Она-то и связалась с нами после внезапного визита Лисбет, и мы сразу усилили слежку.

— Значит, ее сестра была твоим информатором?

— Камилла Саландер до смерти боялась сестры. В любом случае, Лисбет Саландер привлекла к себе внимание и других людей. Она неоднократно ругалась с работниками социальной комиссии, и мы решили, что она по-прежнему представляет угрозу расконспирации Залаченко. Потом произошел тот инцидент в метро.

— Она напала на педофила...

— Именно. Она явно проявляла склонность к агрессии и психические отклонения. Мы посчитали, что всем будет спокойнее, если она снова исчезнет в каком-нибудь интернате, и, так сказать, воспользовались случаем. Этим занялись Фредрик Клинтон и фон Роттингер. Они опять наняли Петера Телеборьяна и повели через поверенного борьбу в суде за то, чтобы снова поместить ее в закрытую лечебницу. Адвокатом Саландер выступил Хольгер Пальмгрен, и, против всех ожиданий, суд принял его сторону, оговорив, что ей назначат опекуна.

— А каким образом в деле оказался замешан Бьюрман?

— Осенью две тысячи второго года у Пальмгрена случился инсульт. Мы не спускали глаз с Саландер и вмешивались, если ее имя снова всплывало, и я проследил за тем, чтобы ее опекуном стал Бьюрман. Заметьте: он представления не имел о том, что она — дочь Залаченко. Расчет был прост — если она начнет трепаться об отце, Бьюрман среагирует и поднимет тревогу.

— Бьюрман был идиотом. Его ни в коем случае нельзя было подпускать к Залаченко и тем более к его дочери. — Гульберг посмотрел на Ваденшё. — Ты допустил серьезную ошибку.

— Знаю, — сказал Ваденшё. — Но тогда это казалось абсолютно верным ходом, я ведь не мог предположить, что...

— Где сейчас находится ее сестра? Камилла Саландер?

— Мы не знаем. Когда ей исполнилось девятнадцать, она собрала вещи и покинула приемную семью. С тех пор о ней не слышно ни звука. Она исчезла.

— Ладно, продолжай...

— У меня есть источник в обычной полиции, который разговаривал с прокурором Рихардом Экстрёмом, — сказал Сандберг. — Инспектор Бублански, который ведет расследование, полагает, что Бьюрман насильничал Саландер.

Гульберг посмотрел на Сандберга с неподдельным изумлением, потом задумчиво провел рукой по подбородку.

— Насильничал? — переспросил он.

— У Бьюрмана через весь живот шла татуировка с текстом: «Я садистская свинья, подонок и насильник».

Сандберг положил на стол цветную фотографию со вскрытия. Гульберг, широко раскрыв глаза, уставился на живот Бьюрмана.

— Значит, этим его наградила дочь Залаченко?

— Иначе это трудно объяснить. А она явно не беззащитное создание. Ей удалось здорово отделать двоих хулиганов из «Свавельшё МК».

— Дочь Залаченко, — повторил Гульберг и снова повернулся к Ваденшё. — Знаешь, я думаю, тебе стоит нанять ее на работу.

Ваденшё настолько опешил, что Гульбергу пришлось пояснить, что он пошутил.

— О'кей. Давайте примем в качестве рабочей гипотезы, что Бьюрман ее насильничал и она ему отомстила. Что еще?

— Рассказать, что именно произошло, мог бы, разумеется, только сам Бьюрман, но побеседовать с ним довольно затруднительно, поскольку он мертв. Однако он не должен был знать, что она дочь Залаченко — ни в одном официальном регистре это не отражено. Тем не менее в какой-то момент Бьюрман обнаружил связь между ними.

— Черт подери, Ваденшё, она ведь знала, кто ее отец, и могла в любую минуту рассказать об этом Бьюрману.

— Я знаю. Мы... я просто-напросто дал промашку.

— Непростительная некомпетентность, — сказал Гульберг.

— Знаю. Я себе уже все локти искусал. Но Бьюрман был одним из немногих, кто знал о существовании Залаченко, и мне подумалось, что пусть лучше он обнаружит, что Саландер дочь Залаченко, чем если такое открытие сделает совершенно неизвестный опекун. Она ведь, в принципе, могла рассказать об этом кому угодно.

Гульберг потянул себя за мочку уха.

— Ладно... продолжайте.

— Конечно, у нас есть лишь гипотезы, — мягко сказал Георг Нюстрём. — Но мы думаем, что Бьюрман надругался над Саландер, а она в

ответ устроила ему это... — Он показал на татуировку на фотографии со вскрытия.

— Дочь своего отца, — произнес Гульберг с оттенком восхищения в голосе.

— В результате Бьюрман связался с Залаченко, чтобы тот разобрался с дочерью. Ведь у него, как известно, имелось больше причин ненавидеть Лисбет Саландер, чем у кого-либо другого. А Залаченко, в свою очередь, перепоручил дело ребятам из «Свавельшё МК» и этому Нидерману, с которым он общается.

— Но как Бьюрману удалось выйти... — Гульберг умолк. Ответ был очевиден.

— Бьёрк, — сказал Ваденшё. — Единственное объяснение тому, как Бьюрман мог найти Залаченко: информацией его снабдил Бьёрк.

— Дьявол, — произнес Гульберг.

Лисбет Саландер испытывала нарастающее беспокойство, смешанное со злостью. Утром две сестры явились перестилать ей постель и немедленно обнаружили карандаш.

— Ну надо же! А он как тут оказался? — воскликнула одна из сестер и под убийственным взглядом Лисбет сунула находку к себе в карман.

Лисбет вновь оказалась безоружной и к тому же настолько обессиленной, что даже не могла протестовать.

Все выходные она чувствовала себя очень плохо. У нее страшно болела голова, и ей давали болеутоляющие средства. В плече ощущалась тупая боль, которая резко обострялась, если Лисбет делала неосторожное движение или перемещала тяжесть тела. Она лежала на спине, все с тем же воротником вокруг шеи — его оставили еще на несколько дней, пока рана в голове не начнет заживать. В воскресенье температура у нее поднялась до 38,7. Доктор Хелена Эндрин констатировала, что по телу бродит инфекция. Иными словами, Лисбет была больна, и, чтобы определить это, термометр ей не требовался.

Вот и опять она прикована к постели в государственном учреждении, правда, на этот раз без удерживающих ее на месте ремней. Ремни в этот раз были бы лишними — Лисбет не могла даже сесть, не то что сбежать.

В понедельник днем к ней зашел доктор Андерс Юнассон, и его лицо показалось ей знакомым.

— Здравствуйте. Вы меня помните?

Она помотала головой.

— Вы были в полубессознательном состоянии, но это я разбудил вас

после операции. Я вас и оперировал. Мне просто хочется узнать, как вы себя чувствуете и все ли в порядке.

Лисбет Саландер посмотрела на него с удивлением. Неужели не очевидно, что все далеко не в порядке?

— Я слышал, что вы ночью сняли воротник.

Она кивнула.

— Мы вам надели воротник не ради шутки, а чтобы вы не двигали головой, пока не начнется процесс заживления.

Он внимательно посмотрел на молчаливую девушку.

— Ладно, — сказал он под конец. — Я только хотел на вас взглянуть.

Уже подойдя к двери, он услышал ее голос.

— Юнассон, правильно?

Он обернулся и с удивлением улыбнулся ей.

— Правильно. Раз вы запомнили мое имя, то вы были куда бодрее, чем я думал.

— Так это ты извлекал пулю?

— Верно.

— Ты можешь рассказать мне, как обстоят мои дела? Я ни от кого не могу добиться разумного ответа.

Он вернулся к кровати и посмотрел ей в глаза.

— Тебе повезло. Тебе стреляли в голову, но, похоже, не повредили ни одну жизненно важную область. В данный момент существует риск кровоизлияния в мозг, поэтому мы и хотим поддержать тебя в неподвижности. У тебя в теле присутствует инфекция, похоже, попавшая через рану на плече. Если нам не удастся подавить инфекцию антибиотиками, возможно, придется тебя снова оперировать. Процесс заживления ран будет болезненным. Но, судя по моим наблюдениям, есть все основания надеяться, что ты полностью поправишься.

— У меня могут образоваться какие-то повреждения мозга?

Он посомневался, а потом кивнул.

— Да, такой риск имеется. Однако все признаки указывают на то, что все будет хорошо. Кроме того, существует возможность, что у тебя в мозгу образуются рубцы, которые могут создать проблемы, например, разовьется эпилепсия или какая-нибудь другая напасть. Но, честно говоря, это из области теории. На сегодня все выглядит хорошо, ты поправляешься. Если же в процессе излечения возникнут проблемы, тогда нам придется с ними разбираться. Я ответил достаточно четко?

Она кивнула.

— Сколько времени мне придется так пролежать?

— Ты имеешь в виду — в больнице? Пройдет, во всяком случае, недели две, прежде чем мы тебя выпустим.

— Нет, я имею в виду — через какое время я смогу вставать, ходить и передвигаться?

— Не знаю. Это будет зависеть от того, как пойдет процесс заживления ран. Но мы сможем приступить к какой-либо форме физиотерапии не раньше чем через две недели.

Она долго серьезно смотрела на него.

— У тебя, случайно, нет сигареты? — спросила она.

Андерс Юнассон засмеялся и помотал головой.

— Сожалею. Курить здесь запрещено. Но я могу устроить, чтобы тебе дали никотиновый пластырь или никотиновую жевательную резинку.

Она немного подумала и кивнула, потом снова посмотрела на него.

— Как дела со старым подлецом?

— С кем? Ты имеешь в виду...

— С тем, кто поступил одновременно со мной.

— Похоже, вы с ним не дружите. Да ничего. Опасности для жизни нет, он вообще-то уже разгуливает на костылях. Чисто физически ему досталось сильнее, чем тебе, и у него очень болезненная рана лица. Если я правильно понял, ты огрела его топором по голове.

— Он пытался меня убить, — тихо сказала Лисбет Саландер.

— Звучит неважно. Мне надо идти. Хочешь, чтобы я еще пришел тебя навестить?

Лисбет Саландер немного подумала, потом кратко кивнула. Когда за ним закрылась дверь, она задумчиво уставилась в потолок. Залаченко дали костыли — вот и источник звука, который она слышала ночью.

Юнаса Сандберга, как самого молодого, отправили организовывать ланч. Он вернулся с суши и легким пивом и начал выставлять еду на стол для совещаний. Эверт Гульберг ощутил прилив тоски по прежним временам — тогда все происходило так же, если какая-нибудь операция вступала в критическую фазу и работа шла круглые сутки.

Отмеченная им разница заключалась, пожалуй, лишь в том, что в его время никому бы не пришла в голову нелепая идея заказывать на ланч сырую рыбу. Ему бы хотелось, чтобы Сандберг принес фрикадельки с пюре и брусничным соусом. Правда, голоден Гульберг не был, а потому смог с легким сердцем отставить суши в сторону и съесть кусочек хлеба с минеральной водой.

Обсуждение продолжилось и за едой. Они добрались до того момента,

когда следовало подвести итоги и определить, какие требуется принимать меры. Затягивать с принятием решений было нельзя.

— Я совсем не знал Залаченко, — сказал Ваденшё. — Что он за человек тогда был?

— Вероятно, он и сейчас такой, — ответил Гульберг. — Страшно умный, с почти фотографической памятью на детали. Однако, на мой взгляд, он грязная свинья и, пожалуй, немного сумасшедший.

— Юнас, ты ведь вчера с ним встречался. Какое у тебя создалось впечатление? — спросил Ваденшё.

Юнас Сандберг перестал есть.

— У него все под контролем. Я уже рассказывал о его ультиматуме. Либо мы каким-то волшебным образом устраиваем так, что все будет шито-крыто, либо он заложит «Секцию».

— Как, черт подери, он думает, мы можем замаять то, что непрерывно обсасывается СМИ? — поинтересовался Георг Нюстрём.

— Речь идет не о том, что в наших силах, а что нет. Ему просто нужна возможность держать нас под контролем, — сказал Гульберг.

— Как вы оцениваете ситуацию? Он выполнит свою угрозу? Действительно расскажет все СМИ? — спросил Ваденшё.

— Это предсказать почти невозможно, — неторопливо проговорил Гульберг. — Залаченко не бросается пустыми угрозами, он поступит так, как ему будет выгоднее. В этом отношении он предсказуем. Если он сможет извлечь пользу из разговора со СМИ... чтобы добиться амнистии или уменьшения наказания, он на это пойдет. Или если почувствует, что его предали, и захочет отомстить.

— Невзирая на последствия?

— Именно невзирая на последствия. Ему важно показать, что он сильнее нас.

— Но ведь даже если Залаченко заговорит, еще не факт, что ему поверят. Они не смогут ничего доказать без нашего архива, а он этого адреса не знает.

— Тебе хочется рискнуть? Предположим, что Залаченко заговорит. А кто заговорит следом? Что мы будем делать, если его слова подтвердит Бьёрк? А еще есть Клинтон, который прикован к диализному аппарату... Что произойдет, если он ударится в религию и ожесточится против всех и вся? А что, если ему захочется покаяться в грехах? Уж поверь мне, если кто-нибудь начнет говорить, то «Секции» конец.

— Тогда... что же нам делать?

За столом воцарилось молчание. Первым продолжил рассуждать

Гульберг.

— Проблема состоит из нескольких частей. Во-первых, надо прикинуть, каковы будут последствия, если Залаченко заговорит. На наши головы обрушится вся проклятая конституционная Швеция. Нас уничтожат. Думаю, многих сотрудников «Секции» ждет тюрьма.

— Юридически наша деятельность легальна, мы ведь работаем по поручению правительства.

— Не болтай чепухи, — сказал Гульберг. — Ты не хуже меня знаешь, что туманно сформулированная бумага, написанная в середине шестидесятых годов, сегодня ничего не стоит. Думаю, никому из нас не хотелось бы точно узнать, что произойдет, если Залаченко заговорит.

Все снова умолкли.

— Значит, мы должны исходить из того, что необходимо заставить Залаченко молчать, — сказал в конце концов Георг Нюстрём.

Гульберг кивнул.

— А для того чтобы заставить его хранить молчание, нам необходимо предложить ему нечто существенное. Проблема в том, что он непредсказуем. Он с таким же успехом может заложить нас просто из вредности. Надо подумать, как мы можем держать его в узде.

— А его требования в том, чтобы замять все это и отправить Саландер в психушку, — напомнил Юнас Сандберг.

— С Саландер мы справимся. Проблема заключается в Залаченко. Но это приводит нас ко второй части — ограничению причиненного вреда. Заключение, составленное Телеборьяном в девяносто первом году, вышло наружу и потенциально таит в себе не меньшую угрозу, чем Залаченко.

Георг Нюстрём откашлялся.

— Как только мы обнаружили, что заключение вышло наружу и попало в полицию, я принял меры. Попросил нашего юриста Форелиуса связаться с генеральным прокурором. Тот потребовал, чтобы у полиции отобрали все экземпляры заключения, и запретил его распространять или копировать.

— Что известно генеральному прокурору? — спросил Гульберг.

— Вообще ничего. Он действует по официальному запросу ГПУ/Без, ведь речь идет о засекреченном материале, и у генерального прокурора нет выбора. Он просто не может действовать иначе.

— Ладно. Кто прочитал этот отчет в полиции?

— У них имелось две копии, которые прочли Бублански, его коллега Соня Мудиг и, под конец, руководитель предварительного следствия Рихард Экстрём. Пожалуй, можно исходить из того, что еще двое

полицейских... — Нюстрём полистал свои записи, — некие Курт Свенссон и Йеркер Хольмберг, по крайней мере, знакомы с содержанием документа.

— Значит, четверо полицейских и прокурор. Что нам о них известно?

— Прокурор Экстрём, сорок два года. Считается восходящей звездой. Работал следователем в министерстве юстиции, вел несколько громких дел. Усерден. Заботится о пиаре. Карьерист.

— Социал-демократ? — спросил Гульберг.

— Вероятно. Но не из числа активных.

— Бублански, стало быть, руководит расследованием. Я видел его по телевизору на пресс-конференции. Выступить перед камерами он, похоже, не любит.

— Ему пятьдесят два года, и у него прекрасный послужной список, однако он имеет репутацию человека строптивного. Еврей, и довольно ортодоксальный.

— А эта женщина... она кто такая?

— Соня Мудиг. Замужем, тридцать девять лет, имеет двоих детей. Карьеру сделала достаточно быстро. Я разговаривал с Петером Телеборьяном, и тот считает ее эмоциональной. Она все ставила под сомнение.

— О'кей.

— Курт Свенссон — крутой парень. Тридцать восемь лет. Изначально работал в отделе по борьбе с организованной преступностью и наделал шума года два назад, застрелив хулигана. Был оправдан по всем пунктам расследования. Кстати, именно его Бублански посылал арестовывать Гуннара Бьёрка.

— Понятно. Случай с убийством следует запомнить. Если потребуется поставить под сомнение действия группы Бублански, мы всегда сможем зацепиться за этого Свенссона как за профнепригодного полицейского. Полагаю, у нас сохранились соответствующие контакты в СМИ... А последний парень?

— Йеркер Хольмберг. Пятьдесят пять лет. Он из Онгерманланда и на самом деле является специалистом по обследованию места преступления. Года два назад ему предлагали пройти обучение, чтобы стать комиссаром, но он отказался. Его, похоже, вполне устраивает теперешняя работа.

— Кто-нибудь из них занимается политической деятельностью?

— Нет. Отец Хольмберга был в семидесятых годах муниципальным советником от Партии центра.

— Хм. Группа кажется довольно скромной. Напрашивается мысль, что она достаточно сплоченная. Можем ли мы их как-нибудь изолировать?

— В этом деле замешан еще пятый полицейский, — сказал Нюстрём. — Ханс Фасте, сорок семь лет. Мне удалось узнать, что между Фасте и Бублански возникли серьезные разногласия — настолько серьезные, что Фасте взял больничный.

— Что нам о нем известно?

— Собирая сведения, я наткнулся на очень разную реакцию. У него длинный послужной список и полное отсутствие серьезных нареканий в протоколе. Профессионал. Но иметь с ним дело трудно. Похоже, что он поссорился с Бублански из-за Лисбет Саландер.

— Как?

— Кажется, Фасте купился на историю о лесбийской банде сатанисток, о которой писали газеты. Он явно терпеть не может Саландер и сам факт ее существования считает личным оскорблением. По всей видимости, именно он стоит за половиной слухов. Я узнал от бывшего коллеги, что Фасте вообще с трудом работает вместе с женщинами.

— Любопытно, — сказал Гульберг и немного поразмыслил, потом продолжал: — Поскольку газеты уже писали о лесбийской банде, возможно, стоит развить эту линию. Доверия к Саландер это, пожалуй, не прибавит.

— Проблемой ведь являются полицейские, читавшие расследование Бьёрка. Можем мы их как-нибудь изолировать? — спросил Сандберг.

Ваденшё закурил новую сигариллу.

— Предварительным следствием руководит Экстрём...

— Но заправляет всем Бублански, — сказал Нюстрём.

— Да, но он не может действовать наперекор административным решениям. — У Ваденшё сделался задумчивый вид. Он посмотрел на Гульберга. — У вас больше опыта, чем у меня, но у всей этой истории столько нитей и ответвлений... Мне думается, что было бы разумным отсеять Бублански и Мудиг от Саландер.

— Отлично, Ваденшё, — сказал Гульберг. — Именно так мы и поступим. Бублански руководит расследованием убийства Бьюрмана и той пары из Энскеде. Саландер в этом контексте больше не актуальна. Теперь речь идет о том немце, Нидермане. Значит, Бублански с его командой надо сконцентрироваться на поисках Нидермана.

— О'кей.

— Саландер их больше не касается. Кроме того, имеется расследование событий в Ньюкварне... там ведь три старых убийства и есть связь с Нидерманом. Расследованием пока занимается Сёдертелье, но эти два дела следует объединить. Значит, на некоторое время у Бублански руки

будут заняты. Кто знает... может, ему удастся поймать этого Нидермана.

— Хм.

— А этот Фасте... можно ли вернуть его на работу? Он кажется подходящим человеком для проверки подозрений в отношении Саландер.

— Я понимаю вашу мысль, — сказал Ваденшё. — Следовательно, надо заставить Экстрёма разделить эти два дела. Однако это предполагает, что мы можем влиять на Экстрёма.

— Тут особых проблем возникнуть вроде бы не должно, — ответил Гульберг, покосившись на Нюстрёма.

Тот кивнул:

— Экстрёма я могу взять на себя. Думаю, он только и мечтает забыть обо всем, что касается Залаченко. Он отдал отчет Бьёрка по первому же требованию ГПУ/Без и уже заявил, что, разумеется, будет неукоснительно соблюдать все инструкции, связанные с государственной безопасностью.

— Что ты собираешься предпринять? — с подозрением спросил Ваденшё.

— Дайте мне разработать сценарий, — ответил Нюстрём. — Полагаю, мы просто-напросто аккуратно объясним ему, как он должен действовать, если не хочет, чтобы его карьера резко оборвалась.

— Серьезную проблему представляет третья часть, — сказал Гульберг. — Полиция ведь обнаружила расследование Бьёрка не собственноручно... она получила его от какого-то журналиста. А СМИ, как вы все понимаете, в нашем случае — это проблема. «Миллениум».

Нюстрём открыл свой блокнот.

— Микаэль Блумквист, — произнес он.

Все сидевшие за столом слышали о деле крупного афериста Ханса Эрика Веннерстрёма, и имя Микаэля Блумквиста было им знакомо.

— Даг Свенссон — журналист, которого убили, работал в «Миллениуме». Он собирал материал о траффикинге и в результате вышел на Залаченко. Труп Свенссона обнаружил именно Микаэль Блумквист. Кроме того, он знаком с Лисбет Саландер и все время верил в ее невиновность.

— Откуда, черт возьми, он может знать дочь Залаченко... это кажется слишком невероятной случайностью.

— Мы не думаем, что это случайность, — сказал Ваденшё. — А считаем, что Саландер является чем-то вроде связующего звена между всеми ними. Каким именно образом, нам пока неясно, но это единственное разумное предположение.

Гульберг молча начертил у себя в блокноте несколько

концентрических окружностей, потом наконец поднял взгляд.

— Мне необходимо немного над этим поразмыслить. Пойду прогуляюсь. Встретимся снова через час.

Прогулка заняла у Гульберга не час, как он оговорил, а почти четыре часа. Погуляв минут десять, он нашел кафе, где подавали кофе во множестве самых невероятных видов, заказал чашку самого обычного черного кофе и уселся за угловой столик возле входа. Он напряженно думал, пытаясь разобраться в разных аспектах проблемы, и периодически записывал отдельные слова в ежедневник.

Через полтора часа у него начал вырисовываться план.

Назвать хорошим план было нельзя, но, перебрав все возможности, Гульберг пришел к выводу, что проблема требует принятия решительных мер.

Людские ресурсы, к счастью, имелись, и план был выполним.

Гульберг поднялся, нашел телефон-автомат и позвонил Ваденшё.

— Нам придется еще немного отложить встречу, — сообщил он. — Мне необходимо сделать одно дело. Мы можем собраться в четырнадцать ноль-ноль?

Затем Гульберг дошел до площади Стуреплан и остановил такси. Вообще-то скудная пенсия госслужащего не позволяла ему так роскошествовать, но, с другой стороны, он пребывал в том возрасте, когда уже не имело смысла копить деньги на какие-нибудь безумства. Шоферу он назвал адрес в районе Бромма.

Когда через некоторое время его высадили по указанному адресу, он прошел пешком квартал в южную сторону и позвонил в дверь небольшого частного дома. Ему открыла женщина лет сорока.

— Добрый день. Мне нужен Фредрик Клинтон.

— Кто его спрашивает?

— Старый коллега.

Женщина кивнула и проводила его в гостиную, где медленно поднимался с дивана Фредрик Клинтон. Ему было всего шестьдесят восемь лет, но выглядел он значительно старше — сказался диабет и проблемы с сосудами.

— Гульберг, — удивленно произнес Клинтон.

Два старых шпиона долго рассматривали друг друга, потом крепко обнялись.

— Я уже не думал, что когда-нибудь тебя снова увижу, — сказал Клинтон. — Полагаю, тебя выманило вот это.

Он указал на первую страницу вечерней газеты с фотографией Рональда Нидермана и заголовком «Убийцу полицейского ищут в Дании».

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Гульберг.

— Я болен.

— Вижу.

— Если мне не пересадят почку, я скоро умру. А вероятность получения новой почки крайне мала.

Гульберг кивнул.

Женщина подошла к дверям гостиной и спросила, не угостить ли Гульберга чем-нибудь.

— Кофе, пожалуйста, — ответил тот и поинтересовался у Клинтона, когда та ушла: — Кто эта женщина?

— Моя дочь.

Гульберг кивнул. Несмотря на тесное сотрудничество в течение долгих лет работы в «Секции», в свободное время почти никто из коллег друг с другом не общался. Гульберг в мельчайших подробностях знал черты характера сотрудников, их сильные и слабые стороны, но имел лишь смутное представление об их семьях. Клинтон был, пожалуй, самым близким его соратником в течение двадцати лет. Гульберг знал, что Клинтон состоял в браке и имеет детей, однако имена дочери и бывшей жены или как Клинтон обычно проводит отпуск, ему известно не было — словно бы все, находившееся вне «Секции», считалось закрытой темой и обсуждению не подлежало.

— Что тебе надо? — спросил Клинтон.

— Мне бы хотелось знать, какого ты мнения о Ваденшё.

Клинтон покачал головой:

— Я ни во что не вмешиваюсь.

— Я спрашиваю не об этом. Ты знаешь его, он ведь проработал с тобой десять лет.

Клинтон вновь покачал головой:

— Сегодня «Секцией» руководит он. Мое мнение никакого интереса не представляет.

— Он справляется?

— Он не дурак.

— Но...

— Аналитик. Отлично собирает мозаику. Обладает интуицией. Блестящий администратор, у которого всегда сходится бюджет, да так, как нам и не снилось.

Гульберг кивнул. Самое существенное качество Клинтон не упомянул.

— Ты готов вернуться на службу?

Клинтон посмотрел на Гульберга и долго колебался, прежде чем ответить.

— Эверт... я через день провожу по десять часов при диализном аппарате в больнице. Поднимаясь по лестнице, я почти задыхаюсь. У меня нет сил. Совсем.

— Ты мне нужен. Последняя операция.

— Я не могу.

— Можешь. У тебя будет возможность через день проводить по десять часов на диализе. Вместо того чтобы ходить по лестнице, ты сможешь ездить на лифте. Если потребуется, я устрою так, что тебя будут носить туда и обратно. Мне нужен твой мозг.

Клинтон вздохнул.

— Рассказывай, — сказал он.

— Мы столкнулись с чрезвычайно сложной ситуацией, которая требует оперативного вмешательства. Весь оперативный отдел Ваденшё состоит из молодого сопливого щенка, Юнаса Сандберга, да и у самого Ваденшё, по-моему, нет стержня, который нужен для того, чтобы сделать требуемое. Может, он и мастер показывать фокусы с бюджетом, но он боится принимать оперативные решения и привлекать «Секцию» к работе на земле, которая совершенно необходима.

Клинтон кивнул, потом слабо улыбнулся.

— Операция должна вестись на двух разных фронтах. Одна ее часть касается Залаченко. Мне надо заставить его внять доводам рассудка, и, думаю, я знаю, как мне следует действовать. Второй частью надо управлять отсюда, из Стокгольма. Проблема в том, что в «Секции» нет никого, кто бы мог с этим справиться. Мне нужно, чтобы ты принял командование на себя. Это будет твой последний вклад. У меня есть план. Юнас Сандберг и Георг Нюстрём будут выполнять черную работу, а ты — руководить операцией.

— Ты не понимаешь, чего требуешь.

— Нет, я понимаю, чего требую. А соглашаться или нет, решать тебе. Но либо мы, старики, вступаем и вносим свою лепту, либо через пару недель «Секция» прекратит свое существование.

Клинтон оперся локтем о подлокотник дивана и опустил голову на ладонь. Он думал две минуты.

— Расскажи о своем плане, — сказал он под конец.

После этого Эверт Гульберг с Фредриком Клинтон проговорили еще два часа.

Когда без трех минут два Гульберг вернулся, ведя за собой Фредрика Клинтона, Ваденшё вытаращил глаза. Клинтон по виду напоминал скелет и переводил дыхание, опершись о плечо Гульберга, — ему, казалось, было трудно ходить и трудно дышать.

— Что, скажите на милость... — произнес Ваденшё.

— Давайте возобновим совещание, — коротко сказал Гульберг.

Все вновь собрались за столом в кабинете Ваденшё. Клинтон молча опустил в предложенное ему кресло.

— Фредрик Клинтон вам всем известен, — начал Гульберг.

— Да, — ответил Ваденшё. — Вопрос в том, что он тут делает.

— Клинтон решил вернуться к активной службе. Он будет руководить оперативным отделом «Секции», пока нынешний кризис не закончится.

Гульберг поднял руку, отклонив протест Ваденшё еще до того, как тот успел его сформулировать.

— Клинтону тяжело. Ему потребуется помощь. Ему необходимо регулярно посещать больницу для прохождения диализа. Ваденшё, ты наймешь двух персональных ассистентов, которые будут оказывать ему любую практическую помощь. Но я хочу, чтобы вы твердо уяснили: все оперативные решения по этому делу будет принимать Клинтон.

Он замолчал и подождал, но протестов не раздалось.

— У меня есть план. Думаю, мы в силах с этим справиться, но нам необходимо действовать быстро, чтобы не упустить имеющиеся возможности, — продолжал Гульберг. — Кроме того, вопрос в том, насколько решителен нынешний состав «Секции».

Ваденшё воспринял сказанное Гульбергом как вызов.

— Расскажите.

— Во-первых, по поводу полиции мы уже все обсудили. Поступим так, как договорились. Постараемся нейтрализовать их, переключив дальнейшее расследование на побочную линию — поиски Нидермана. Этим займется Георг Нюстрём. Что будет с Нидерманом, для нас значения не имеет. Мы проследим за тем, чтобы Фасте получил задание расследовать дело Саландер.

— Вероятно, это большого труда не составит, — сказал Нюстрём. — Я просто деликатно поговорю с прокурором Экстрёмом.

— А если он заупрямится...

— Думаю, он этого делать не станет. Он карьерист, и для него важнее всего собственная выгода. Но если возникнут осложнения, я, пожалуй, смогу найти какой-нибудь рычаг. Ему наверняка не захочется оказаться втянутым в скандал.

— Отлично. Шаг номер два — это «Миллениум» и Микаэль Блумквист. Поэтому Клинтон и вернулся на службу — здесь требуются чрезвычайные меры.

— Мне это, вероятно, не понравится, — сказал Ваденшё.

— Вероятно, нет, но манипулировать «Миллениумом» так же просто нам не удастся. Зато угроза от них зиждется на одной-единственной вещи — на полицейском отчете Бьёрка от девяносто первого года. На настоящий момент, я полагаю, этот документ находится в двух, возможно, в трех местах. Отчет нашла Лисбет Саландер, но его каким-то образом заполучил Микаэль Блумквист. Это означает, что, пока Саландер была в бегах, у нее имелась какая-то связь с Блумквистом.

Клинтон поднял палец и произнес первые со времени своего прибытия слова.

— Это к тому же говорит нам кое-что о характере противника. Блумквист не боится рисковать. Вспомните дело Веннерстрёма.

Гульберг кивнул.

— Блумквист дал отчет главному редактору Эрике Бергер, которая, в свою очередь, передала его Бублански. Значит, она тоже знакомилась с документом. Предполагаю, что у Блумквиста есть копия, а еще одна имеется в редакции.

— Звучит разумно, — согласился Ваденшё.

— «Миллениум» выходит раз в месяц, следовательно, их публикация появится не завтра. Значит, у нас есть время, однако необходимо заполучить обе эти копии. И тут мы не сможем действовать через генерального прокурора.

— Понятно.

— Соответственно, речь идет о разворачивании оперативной деятельности и организации кражи со взломом у Блумквиста и в редакции «Миллениума». Ты справишься с этим, Юнас?

Юнас Сандберг покосился на Ваденшё.

— Эверт, постарайтесь понять, что... мы такими вещами больше не занимаемся, — сказал Ваденшё. — Времена изменились, и теперь речь идет о взломе компьютеров, теленаблюдении и тому подобном. Для оперативной деятельности у нас нет ресурсов.

Гульберг наклонился над столом.

— Ваденшё, значит, тебе придется немедленно оторвать задницу от стула и раздобыть ресурсы для оперативной деятельности. Найми людей извне. Найми головорезов из югославской мафии, которые, если потребуется, стукнут Блумквиста по башке. Но эти две копии необходимо

забрать. Если они лишатся копий, у них не будет документации и они ничего не смогут доказать. Если ты с этим не справишься, тогда лежи жопой кверху и жди, пока к тебе не постучится конституционный комитет.

Гульберг с Ваденшё уставились друг на друга.

— Я могу взять это на себя, — неожиданно сказал Юнас Сандберг.

Гульберг покосился на молодого сотрудника.

— Ты уверен, что сумеешь организовать такую вещь?

Сандберг кивнул.

— Хорошо. С этой минуты твоим начальником является Клинтон. Подчиняться будешь непосредственно ему.

Сандберг снова кивнул.

— Во многих случаях потребуется вести наблюдение. Оперативный отдел необходимо усилить, — сказал Нюстрём. — У меня кое-кто имеется на примете. Во внешней организации есть парень по имени Мортенссон, который работает в Безе, в отделе личной охраны. Бесстрашный и многообещающий. Я уже давно взвешивал возможность перевести его сюда, во внутреннюю организацию, и даже подумывал, не подойдет ли он на роль моего преемника.

— Звучит хорошо, — сказал Гульберг. — Решать Клинтону.

— У меня есть еще одна новость, — продолжил Георг Нюстрём, — Боюсь, что может существовать и третья копия.

— Где?

— Мне сегодня днем сообщили, что у Лисбет Саландер появился адвокат. Ее зовут Анника Джаннини, и она сестра Микаэля Блумквиста.

Гульберг кивнул.

— Ты прав. Блумквист наверняка снабдил сестру копией, иначе просто быть не может. Иными словами, нам некоторое время придется пристально наблюдать за всеми троими: за Бергер, Блумквистом и Джаннини.

— По поводу Бергер, думаю, нам беспокоиться не следует. Сегодня появилось пресс-сообщение о том, что она будет главным редактором «Свенска моргонпостен». К «Миллениуму» она больше отношения не имеет.

— Хорошо. Но ее все-таки надо проверить. Что касается «Миллениума», то мы должны организовать прослушивание телефонов квартир сотрудников и, разумеется, редакции. Нам необходимо контролировать их электронную почту. Надо знать, с кем они встречаются и с кем разговаривают. Хорошо бы также узнать их планы относительно разоблачения. Но прежде всего мы должны отобрать у них отчет. Иными словами, целый ряд деталей.

— Эверт, вы просите нас вести оперативную деятельность против редакции журнала, — выразил сомнение Ваденшё. — Это же самый опасный путь.

— У тебя нет выбора. Либо ты засучиваешь рукава, либо самое время передать бразды правления кому-нибудь другому.

Брошенный вызов тучей повис над столом.

— Я думаю, что смогу справиться с «Миллениумом», — сказал наконец Юнас Сандберг. — Однако все это не решает главной проблемы. Что нам делать с вашим Залаченко? Если он заговорит, все остальные усилия будут напрасны.

Гульберг медленно кивнул.

— Знаю. Это моя часть операции. Думаю, у меня имеется аргумент, способный убедить Залаченко молчать. Но это потребует некоторой подготовки. Я сегодня же еду в Гётеборг.

Он умолк и оглядел собравшихся, затем уперся взглядом в Ваденшё.

— В мое отсутствие принимать оперативные решения будет Клинтон, — сказал он.

Немного подумав, Ваденшё кивнул.

Только в понедельник вечером доктор Хелена Эндрин, посоветовавшись с коллегой Андерсом Юнассоном, признала состояние Лисбет Саландер настолько стабильным, что ей разрешили принимать посетителей. Первыми к ней пустили двух инспекторов уголовной полиции, которым позволили задавать ей вопросы в течение пятнадцати минут. Лисбет молча следила за тем, как полицейские вошли к ней в палату и пододвинули себе стулья.

— Здравствуйте. Я инспектор уголовной полиции, меня зовут Маркус Эрландер. Я работаю в отделе по борьбе с насильственными преступлениями здесь, в Гётеборге. Это моя коллега Соня Мудиг из стокгольмской полиции.

Лисбет Саландер не ответила на приветствие, на ее лице не дрогнул ни единый мускул. Соню Мудиг она узнала — инспекторша из группы Бублански. Эрландер холодно улыбнулся Лисбет.

— Меня предупредили, что вы обычно не бываете многословной с представителями власти. В таком случае хочу довести до вашего сведения, что вам не требуется ничего говорить. Однако я был бы признателен, если бы вы уделите нам время и выслушали нас. У нас несколько дел и слишком мало времени, чтобы обсудить все сегодня. В дальнейшем нам еще представится не одна возможность поговорить.

Лисбет Саландер ничего не ответила.

— Итак, во-первых, я хочу довести до вашего сведения, что ваш друг Микаэль Блумквист сообщил нам, что адвокат по имени Анника Джаннини готова представлять ваши интересы и полностью в курсе дела. Блумквист утверждает, что уже раньше при каких-то обстоятельствах называл вам ее имя. Мне необходимо получить от вас подтверждение справедливости его слов, а также узнать, хотите ли вы, чтобы адвокат Джаннини приехала в Гётеборг и представляла ваши интересы.

Лисбет Саландер ничего не ответила.

Аника Джаннини. Сестра Микаэля Блумквиста. Он упоминал о ней в одном из писем, но тогда Лисбет не стала раздумывать над тем, что ей понадобится адвокат.

— Сожалею, но я просто-напросто вынужден просить вас ответить на этот вопрос. Достаточно сказать «да» или «нет». Если вы согласитесь, прокурор из Гётеборга свяжется с адвокатом Джаннини. Если вы откажетесь, суд назначит вам государственного защитника. Что вы предпочитаете?

Лисбет Саландер стала обдумывать предложение. Она понимала, что ей действительно потребуется адвокат, но получить в защитники сестрицу Чертова Калле Блумквиста — это уже перебор. То-то он обрадуется. С другой стороны, неизвестный государственный защитник едва ли будет лучше. В конце концов она открыла рот и выдавила из себя единственное слово:

— Джаннини.

— Отлично. Спасибо. Тогда у меня будет к вам вопрос. Вы имеете право не говорить ни слова, пока не прибудет ваш адвокат, но мой вопрос, насколько я понимаю, никак не затрагивает ваших личных интересов. Полиция ищет тридцатисемилетнего гражданина Германии Рональда Нидермана, который объявлен в розыск за убийство полицейского.

Лисбет повела бровью — это стало для нее новостью. Она не имела никакого представления о произошедшем после того, как она всадила топор в голову Залаченко.

— Гётеборгская полиция заинтересована в том, чтобы поймать его как можно скорее. Моя коллега из Стокгольма хочет к тому же допросить его в связи с тремя убийствами, в которых раньше подозревали вас. То есть мы просим вас о помощи. Отсюда наш вопрос: имеете ли вы какое-нибудь представление... можете ли вы хоть как-то помочь нам установить его местонахождение?

Лисбет с подозрением переводила взгляд с Эрландера на Мудиг и

обратно.

Они не знают, что он мой брат.

Потом она задумалась над тем, хочется ли ей, чтобы Нидерман оказался за решеткой. Больше всего она хотела бы отправить его в яму в Госсеберге и закопать. Под конец она пожала плечами, чего ей делать не следовало, поскольку левое плечо незамедлительно пронзила острая боль.

— Что сегодня за день? — спросила она.

— Понедельник.

Она задумалась.

— Я впервые услышала имя Рональда Нидермана в четверг на прошлой неделе. Я выследила его в Госсеберге. Не имею никакого представления о том, где он находится или куда может бежать. Могу предположить, что он постарается побыстрее оказаться в безопасном месте где-нибудь за границей.

— Почему вы думаете, что он намерен бежать за границу?

Лисбет немного подумала.

— Потому что, пока Нидерман рыл мне могилу, Залаченко сказал, что он привлек к себе слишком много внимания и что уже решено отправить Нидермана на некоторое время за границу.

Так много Лисбет Саландер не говорила полицейскому с тех пор, как ей было двенадцать лет.

— Залаченко... он ведь ваш отец.

До этого они, стало быть, докопались. Вероятно, тут не обошлось без Чертова Калле Блумквиста.

— Тогда я должен довести до вашего сведения, что ваш отец подал в полицию заявление и обвиняет вас в попытке его убить. В настоящий момент прокурор решает вопрос о возбуждении уголовного дела. Зато на сегодня уже известно, что вы находитесь под арестом за причинение тяжкого вреда здоровью. Вы ударили Залаченко топором по голове.

Лисбет ничего не сказала. Все довольно долго молчали. Потом Соня Мудиг наклонилась вперед и тихо произнесла:

— Я только хочу сказать, что мы, в полиции, не слишком верим версии Залаченко. Поговорите серьезно со своим адвокатом, а мы можем вернуться к этому позже.

Эрландер кивнул, и полицейские встали.

— Спасибо за помощь насчет Нидермана, — сказал Эрландер.

Лисбет удивило, что представители закона вели себя корректно и почти дружелюбно. Реплика Сони Мудиг особенно ее заинтересовала. Тут явно присутствует какая-то задняя мысль, отметила она.

Понедельник, 11 апреля — вторник, 12 апреля

Без четверти шесть в понедельник вечером Микаэль Блумквист закрыл ноутбук и встал из-за кухонного стола. Надев куртку, он дошел пешком от своего дома на Бельмансгатан до офиса «Милтон секьюрити», располагавшегося возле Шлюза, поднялся на лифте на третий этаж, и его сразу провели в комнату для совещаний. Он пришел ровно в шесть и оказался последним.

— Здравствуйте, Драган, — сказал он, пожимая Арманскому руку. — Спасибо, что согласились устроить у себя эту неформальную встречу.

Микаэль огляделся по сторонам. Помимо него и Драгана Арманского в комнате собрались Анника Джаннини, Хольгер Пальмгрен и Малин Эрикссон. Со стороны «Милтон секьюрити» во встрече участвовал еще Сонни Боман, который по поручению Арманского с первого дня включился в расследование дела Саландер.

Для Хольгера Пальмгрена это был первый за два с лишним года выход в люди. Его врач, доктор А. Сиварнандан, не пришел в восторг от мысли, что придется выпустить Пальмгрена из реабилитационного пансионата в Эрсте, но тот настоял на своем. Ему обеспечили такси за счет города, и его сопровождала в этой поездке личный тренер Юханна Каролина Оскарссон, тридцати девяти лет, — зарплату ей выплачивал фонд, таинственным образом созданный для того, чтобы обеспечить Пальмгрена наилучшие условия для лечения и восстановления после инсульта. Теперь Каролина Оскарссон ожидала пациента за кофейным столиком в соседней комнате, читая взятую с собой книгу. Микаэль закрыл дверь.

— Для тех, кто не знает, это Малин Эрикссон, новый главный редактор «Миллениума». Я попросил ее участвовать в нашей встрече, поскольку то, что будет обсуждаться, отразится и на ее работе.

— Хорошо, — сказал Арманский. — Все в сборе. Я весь внимание.

Микаэль встал около доски Арманского и взял маркер. Потом огляделся по сторонам.

— Это, пожалуй, самое идиотское предприятие из всех, в которых мне доводилось участвовать, — сказал он. — Когда все закончится, я создам общественную организацию и назову ее «Рыцари дурацкого стола». Ее задачей будет ежегодно устраивать ужин, на котором мы станем ругать

Лисбет Саландер. Вы все будете ее членами.

Микаэль сделал паузу, а потом продолжал, одновременно выписывая столбцы на доске:

— Реальная ситуация такова...

Он говорил чуть более тридцати минут, и последующая дискуссия продолжалась еще почти три часа.

Когда формально собрание закончилось, Эверт Гульберг уселся рядом с Фредриком Клинтонем. Они негромко побеседовали несколько минут, а потом Гульберг встал, и старые товарищи по оружию пожали друг другу руки.

Взяв такси, Гульберг поехал обратно в гостиницу, забрал вещи, расплатился и вечерним поездом отправился в Гётеборг. Он ехал первым классом и занимал отдельное купе. Когда центр Стокгольма остался позади, Гульберг достал шариковую ручку и блокнот с бумагой для писем, немного подумал и начал писать. Заполнив примерно половину листка, он передумал и вырвал его из блокнота.

Создание или экспертиза фальшивых документов в его служебные задачи никогда не входили, однако в данном случае дело облегчалось тем, что фальшивые письма он писал от своего собственного имени и в них лишь не содержалось ни слова правды.

К тому моменту, когда поезд проезжал Нючёпинг, Гульберг забраковал еще множество набросков, однако постепенно нужные тексты стали вырисовываться. К моменту прибытия в Гётеборг у него имелось двенадцать писем, которые его вполне удовлетворяли, причем он тщательно проследил за тем, чтобы на бумаге остались отчетливые отпечатки его пальцев.

На центральном вокзале Гётеборга ему удалось найти ксерокс и снять с писем копии. Затем он купил конверты и марки и опустил документы в ящик, почту из которого забирали в 21.00.

Взяв такси, Гульберг отправился в гостиницу «Сити-отель» на Лоренсбергсгатан — ту же самую, где несколькими днями раньше ночевал Микаэль Блумквист. Клинтон заранее забронировал ему номер, и Гульберг, сразу поднявшись туда, присел на кровать. Он смертельно устал и к тому же вспомнил, что за весь день съел только два куска хлеба. Но есть ему по-прежнему не хотелось. Он разделся, вытянулся в постели и почти сразу заснул.

Лисбет Саландер проснулась как от толчка. Ее потревожил какой-то

звук — дверь в палату открывалась, и ей сразу стало ясно, что это не кто-нибудь из ночных сестер. Чуть приподняв веки, она увидела в дверном проеме силуэт человека на костылях. Залаченко стоял неподвижно, рассматривая ее в проникавшем из коридора свете.

Не шевелясь, Лисбет скосила глаза так, что ей стали видны часы — они показывали 03.10.

Она перевела взгляд на несколько миллиметров и увидела стоявший на краю прикроватной тумбочки стакан с водой. Присмотревшись к стакану, она прикинула расстояние — до него можно было дотянуться, не перемещая туловище.

Потребуется всего доля секунды, чтобы протянуть руку и резким движением отбить верхушку стакана о жесткий край прикроватной тумбочки. Если Залаченко склонится над ней, можно будет за полсекунды всадить острие ему в горло. Лисбет просчитала другие варианты, но пришла к выводу, что это единственное доступное ей оружие.

Она расслабилась и стала ждать.

Залаченко неподвижно простоял в дверях две минуты.

Потом он осторожно закрыл дверь, и Лисбет услышала слабое поскрипывание костылей — он удалялся от ее палаты.

Выждав пять минут, она поднялась на локте, дотянулась до стакана и сделала большой глоток. Спустив ноги с кровати, она отсоединила электроды от руки и грудной клетки, потом встала и покачнулась. Прошла примерно минута, прежде чем она почувствовала, что тело ей повинуется. Тогда она добрела до двери, прислонилась к стене и перевела дух. Ее прошиб холодный пот, затем охватила холодная злость.

Проклятый Залаченко. С ним пора кончать.

Нужно найти какое-то оружие.

В следующее мгновение из коридора донесся поспешный стук каблучков.

Дьявол. Электроды.

— Господи, зачем же вы встали? — воскликнула ночная сестра.

— Мне надо было... в туалет, — тяжело дыша, ответила Лисбет Саландер.

— Немедленно ложитесь.

Сестра схватила Лисбет за руку и помогла ей дойти до кровати, потом принесла судно.

— Если вам надо в туалет, вы должны звонить нам. Именно для этого предназначена вон та кнопка, — сказала сестра.

Лисбет не ответила — все ее силы были сосредоточены на том, чтобы

выдавить из себя несколько капель.

Во вторник Микаэль Блумквист проснулся в половине одиннадцатого, принял душ, поставил кофе и уселся за компьютер. Накануне вечером, после встречи в «Милтон секьюрити», он пошел прямо домой и проработал до пяти часов утра. Он наконец почувствовал, что материал начинает обретать форму. Биография Залаченко по-прежнему казалась расплывчатой — Микаэль мог строить ее только на основе той информации, которую ему удалось выдавить из Бьёрка, и на деталях, которые сумел добавить Хольгер Пальмгрен. Материал о Лисбет Саландер был в общих чертах готов. В своем очерке Микаэль шаг за шагом объяснял, как за нее взялась группа приверженцев холодной войны из ГПУ/Без и заперла в детскую психиатрическую больницу во имя сохранения тайны Залаченко.

Этим текстом Микаэль был доволен. У него получился превосходный материал, который наделает много шума и к тому же создаст проблемы для верхних эшелонов государственной бюрократии.

Микаэль закурил сигарету и задумался.

Он видел две большие лакуны, которые было необходимо заполнить. В одном случае задача представлялась вполне посильной. Ему надо взяться за Петера Телеборьяна, и при этой мысли у него просто чесались руки. Когда он разберется с Телеборьяном, знаменитый детский психиатр станет одним из самых презираемых людей Швеции. Это первое.

Вторая проблема была значительно более сложной.

Заговор против Лисбет Саландер — Микаэль окрестил его участников «Клубом Залаченко» — был организован силами Службы государственной безопасности. Он знал лишь одно имя — Гуннар Бьёрк, но Гуннар Бьёрк никак не мог устроить все это в одиночку. Должна была существовать некая группа, что-то вроде отдела — с начальниками, ответственными лицами и бюджетом. Проблема заключалась в том, что Микаэль совершенно не понимал, как следует действовать, чтобы вычислить этих людей. Он даже не знал, с чего начать. О структуре СЭПО у него имелись лишь самые общие представления.

В понедельник Микаэль уже приступил к сбору материала, послав Хенри Кортеса в несколько букинистических магазинов с заданием покупать все книги, хоть как-то связанные с деятельностью Службы государственной безопасности. Около четырех часов дня Кортес принес ему домой шесть изданий, и Микаэль принялся рассматривать выросшую на столе стопку.

«Шпионаж в Швеции» Микаэля Русквиста («Темпус» 1988);

«Начальник СЭПО в 1962–1970 гг.» Пера Гуннара Винге (W&W, 1988); «Тайные силы» Яна Оттоссона и Ларса Магнуссона («Тиден», 1991); «Борьба за власть над СЭПО» Эрика Магнуссона («Корона», 1989); «Задание» Карла Линдбума (W&W, 1990), а также — немного неожиданно — «Агент на месте» Томаса Уайтсайда («Баллантайн», 1966), где говорилось о деле Веннерстрёма. В смысле, о деле шпиона 60-х годов, а не о его собственном деле Веннерстрёма начала XXI века.

Большую часть ночи на вторник Микаэль провел за чтением или, по крайней мере, просматриванием добытых Хенри Кортесом книг. Закончив читать, он сделал несколько наблюдений. Во-первых, похоже, что большинство имевшихся книг о Службе безопасности вышло в конце 80-х годов. Поиск по Интернету показал, что никакой более свежей литературы по данной теме не имеется.

Во-вторых, складывалось впечатление, что отсутствует сколько-нибудь толковый обзор деятельности шведской тайной полиции за все годы ее существования. Если вдуматься, оно и понятно — ведь многие дела засекречены и писать о них трудно, — но, похоже, критическим анализом работы СЭПО не занимался ни один институт, никто из исследователей или представителей СМИ.

Микаэль отметил еще одну странность: ни в одной из книг, найденных Хенри Кортесом, не имелось списка литературы. Подстрочные сноски отсылали лишь к статьям в вечерних газетах или частным интервью, данным кем-нибудь из вышедших на пенсию сотрудников СЭПО.

Книга «Тайные силы» была замечательной, но описывала только период до Второй мировой войны и во время нее. Мемуары П. Г. Винге показали Микаэлю чистой пропагандой, которую в порядке самооправдания вел подвергшийся жесткой критике и уволенный начальник СЭПО. В «Агенте на месте», прямо в первой главе, содержалось столько странных мыслей о Швеции, что Микаэль решительно отправил книгу в корзину для бумаг. Искреннее стремление описать работу Службы государственной безопасности наблюдалось только в двух изданиях — «Борьбе за власть над СЭПО» и в «Шпионаже в Швеции». Там присутствовали даты, имена и документы. Особенно заслуживающей внимания Микаэлю показалась книга Эрика Магнуссона. Она хоть и не предлагала ответов на его неотложные вопросы, но давала хорошее представление о том, как выглядела и чем занималась организация в прошедшие десятилетия.

Главным сюрпризом стала, однако, книга Карла Линдбума «Задание», где описывались проблемы, с которыми столкнулся бывший посол в

Париже, когда по поручению правительства проверял деятельность СЭПО после убийства Пальме и дела Эббе Карлссона. Микаэлю раньше не доводилось читать произведений Карла Линдбума, и его поразила меткость наблюдений, изложенных ироничным языком. Книга Карла Линдбума тоже не приблизила Микаэля к ответам на его вопросы, но он хотя бы начал потихоньку представлять себе, с чем ему предстоит бороться.

Немного поразмыслив, он открыл мобильный телефон и позвонил Хенри Кортесу.

— Привет, Хенри. Спасибо за то, что ты вчера для меня побегал.

— Хм. Чего ты хочешь?

— Чтобы ты еще немного побегал.

— Микке, мне надо заниматься работой. Я ведь теперь ответственный секретарь редакции.

— Отличный карьерный рост.

— Что тебе надо?

— За годы существования СЭПО проводился ряд официальных проверок их работы. Одну из них провел Карл Линдбум. Должны существовать многочисленные материалы таких проверок.

— Угу.

— Принеси мне все, что сможешь найти в Риксдаге: бюджеты, отчеты государственных комиссий, запросы и тому подобное. И закажи годовые отчеты СЭПО за столько лет, за сколько удастся.

— Yes, massa. ^[17]

— Отлично. И, Хенри...

— Да?

— ...до завтра мне это не потребуется.

Лисбет Саландер посвятила день размышлениям о Залаченко. Она знала, что он находится через две палаты от нее, по ночам разгуливает по коридору и сегодня подходил к ее палате в 03.10 утра.

Она выследила его в Госсенберге с намерением убить, но ничего не вышло, Залаченко остался жив и теперь находится менее чем в десяти метрах от нее. А она угодила в дерьмо, масштабы которого пока толком не могла оценить, но предполагала, что если ей не хочется снова оказаться в каком-нибудь дурдоме под охраной Петера Телеборьяна, то надо бежать и незаметно перебраться за границу.

Проблема же заключалась в том, что у нее едва хватало сил сесть в постели. Правда, она замечала улучшение: голова продолжала болеть, но приступами, а не непрерывно, боль в плече затаилась где-то внутри и

давала о себе знать, только когда Лисбет пыталась пошевелиться.

За дверью слышались шаги, потом сестра открыла дверь и впустила женщину в черных брюках, белой блузке и темном жакете. Женщина была симпатичной, худенькой, с темными волосами и короткой мальчишеской стрижкой. Она излучала откровенную уверенность в себе, а в руке держала черный портфель. Лисбет сразу заметила, что у женщины такие же глаза, как у Микаэля Блумквиста.

— Здравствуй, Лисбет. Меня зовут Анника Джаннини, — сказала посетительница. — Можно мне войти?

Лисбет смотрела на нее с полным безразличием. Ей вдруг совершенно расхотелось встречаться с сестрой Микаэля Блумквиста, и она пожалела, что согласилась на предложение нанять ее адвокатом.

Выглядела Лисбет Саландер просто ужасно — голова была сплошь обмотана бинтами, вокруг глаз расплылись огромные сиреневые синяки, а белки глаз пестрели кровоподтеками.

— Прежде чем мы начнем что-либо обсуждать, мне необходимо знать, действительно ли ты хочешь, чтобы я была твоим адвокатом, — заговорила женщина. — Обычно я принимаю участие только в гражданских делах, где представляю интересы подвергшихся изнасилованию или избиению. Я не являюсь адвокатом по уголовным делам. Зато я во всех деталях изучила твой случай и очень хочу представлять твои интересы, если получу такую возможность. Должна также сказать, что Микаэль Блумквист мой брат — думаю, тебе это уже известно — и что они с Драганом Арманским будут оплачивать мою работу.

Она немного подождала, но, поскольку никакой реакции со стороны клиентки не последовало, продолжила:

— Если ты согласна, я буду на тебя работать. Подчеркиваю, не на брата или на Арманского. В вопросах уголовного дела мне будет также помогать твой бывший опекун Хольгер Пальмгрен. Он молодчина, даже выкарабкался из больничной койки ради того, чтобы тебе помочь.

— Пальмгрен? — переспросила Лисбет Саландер.

— Да.

— Ты с ним встречалась?

— Да. Он будет моим консультантом.

— Как он себя чувствует?

— Он в ярости, но, как ни странно, не похоже, чтобы он за тебя волновался.

Лисбет улыбнулась кривой улыбкой — впервые после того, как попала в Сальгренскую больницу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Анника Джаннини.

— Как мешок с дерьмом, — ответила Лисбет Саландер.

— О'кей. Ты хочешь, чтобы я была твоим адвокатом? Арманский с Микаэлем оплатят мою работу и...

— Нет.

— Что ты имеешь в виду?

— Платить я буду сама. Я не возьму ни гроша от Арманского и Калле Блумквиста. Правда, я смогу заплатить тебе, только когда получу доступ к Интернету.

— Понятно. Когда дойдет до дела, мы этот вопрос решим, да и основную часть моего гонорара все равно заплатит государство. Значит, ты согласна, чтобы я представляла твои интересы?

Лисбет Саландер кивнула.

— Хорошо. Тогда для начала я передам сообщение от Микаэля. Он выражается загадочно, но говорит, ты поймешь, что он имеет в виду.

— Вот как?

— Он говорит, что в основном мне все рассказал, за исключением нескольких вещей. Это касается, во-первых, тех твоих способностей, которые он обнаружил в Хедестаде.

Микаэлю известно, что у меня фотографическая память... и что я хакер. Об этом он умолчал.

— О'кей.

— Во-вторых, CD-диска. Не знаю, на что он намекает, но он говорит, что тебе решать, захочешь ты рассказать мне об этом или нет. Ты понимаешь, что он имеет в виду?

Диск с фильмом, где заснято, как Бьюрман меня насирует.

— Да.

— О'кей...

Аника Джаннини вдруг заколебалась.

— Я немного сердита на брата. Хотя он сам меня нанял, он рассказывает мне только то, что ему заблагорассудится. Ты тоже намерена скрывать от меня разные вещи?

Лисбет задумалась.

— Не знаю.

— Нам с тобой надо будет многое обсудить. Сейчас я не могу остаться, чтобы толком поговорить, поскольку через сорок пять минут у меня встреча с прокурором Агнетой Йервас. Мне просто требовалось получить подтверждение того, что ты действительно хочешь пользоваться моими услугами. Кроме того, я должна тебя проинструктировать.

— Ага.

— Инструкция заключается в следующем. В мое отсутствие ты не должна говорить полиции ни слова, о чем бы тебя ни спрашивали. Даже если они станут тебя провоцировать, обвиняя в разных вещах. Ты можешь мне это обещать?

— Легко, — сказала Лисбет Саландер.

Эверт Гульберг был настолько вымотан после такого напряженного понедельника, что на завтра проснулся только в девять часов утра — почти на четыре часа позднее обычного. Он пошел в ванную, умылся и почистил зубы, потом довольно долго изучал в зеркале свое лицо, после чего погасил свет и стал одеваться. Вынув из коричневого портфеля последнюю чистую рубашку, он добавил к ней галстук с коричневым рисунком.

Спустившись в отведенный для завтрака зал, Гульберг выпил чашку черного кофе и съел тост из белого хлеба с кусочком сыра и каплей апельсинового джема. И кроме того, выпил большой стакан минеральной воды.

Затем он отправился в холл гостиницы и позвонил из телефона-автомата на мобильный телефон Фредрика Клинтонна.

— Это я. Как там обстановка?

— Довольно тревожная.

— Фредрик, ты в силах этим заниматься?

— Да, все как в прежние времена. Жаль только, что Ханса фон Роттингера нет в живых. Он лучше меня умел планировать операции.

— Вы с ним всегда были на равных и могли в любой момент заменить друг друга. Что вы частенько и делали.

— Тут вопрос в чутье. А с этим у него всегда было лучше.

— Как у вас обстоят дела?

— Сандберг оказался толковее, чем мы думали. Мы подключили помощника извне — Мортенссона, он вполне годится выполнять разные поручения. Мы уже прослушиваем домашний и мобильный телефоны Блумквиста. Сегодня в течение дня займемся телефонами Джаннини и «Миллениума». Сейчас всю изучаем планы офисов и квартир. В самое ближайшее время мы туда наведаемся.

— Ты должен сперва вычислить, где находятся все копии...

— Это я уже сделал. Нам чертовски повезло. Анника Джаннини сегодня в десять утра позвонила Блумквисту и спросила именно о том, сколько всего копий в ходу. Из разговора стало ясно, что у Микаэля Блумквиста имеется лишь одна. Бергер сняла с отчета копию, но

переправила ее Бублански.

— Отлично. Нам нельзя терять время.

— Знаю. Но действовать надо одним махом. Если мы не изыдем все копии отчета Бьёрка одновременно, то у нас ничего не получится.

— Согласен.

— Задача немного усложнилась, поскольку Джаннини утром уехала в Гётеборг. Я отправил следом за ней команду сотрудников извне. Их самолет уже взлетел.

— Хорошо.

Гульберг не мог сообразить, что бы еще сказать, и довольно долго простоял молча.

— Спасибо, Фредрик, — произнес он под конец.

— Это тебе спасибо. Заниматься делом гораздо приятнее, чем сидеть, понапрасну ожидая почки.

Они попрощались. Гульберг расплатился за гостиницу и вышел на улицу. Процесс пошел, теперь главное — не совершить неверного шага.

Он дошел до гостиницы «Парк Авеню-отель», где попросил разрешения воспользоваться факсом и отправил письма, сочиненные накануне в поезде. Из гостиницы, в которой он останавливался, посылать факсы ему не хотелось. Затем Гульберг вышел на Авеню и стал искать такси. Остановившись возле урны, он разорвал на кусочки снятые с писем фотокопии.

Беседа Анники Джаннини с прокурором Агнетой Йервас заняла пятнадцать минут. Ей хотелось узнать, какие обвинения прокурор предполагает выдвинуть против Лисбет Саландер, но она быстро поняла, что Йервас не уверена в дальнейшем развитии событий.

— В настоящий момент я ограничусь тем, что арестую ее за нанесение тяжкого вреда здоровью либо за попытку убийства. Я имею в виду удар топором, который Лисбет Саландер нанесла своему отцу. Предполагаю, вы будете ссылаться на право на необходимую оборону.

— Возможно.

— Но, честно говоря, главное для меня сейчас — убийца полицейского Нидерман.

— Понимаю.

— Я связалась с генеральным прокурором. Сейчас обсуждается вопрос о том, чтобы передать все обвинения против вашей клиентки прокурору в Стокгольме и объединить их с происшедшим там.

— Я буду исходить из того, что дело передадут в Стокгольм.

— Хорошо. В любом случае, я должна получить возможность допросить Лисбет Саландер. Когда это будет можно сделать?

— У меня имеется заключение ее врача Андерса Юнассона. Он считает, что Лисбет Саландер еще несколько дней будет не в состоянии участвовать в допросах. Помимо физических травм она находится под воздействием болеутоляющих средств.

— Я получила аналогичные сведения. Вы, вероятно, понимаете, насколько я разочарована. Повторяю, главное для меня сейчас — Рональд Нидерман. Ваша клиентка говорит, что не знает, где он скрывается.

— Это соответствует действительности. Она с Нидерманом незнакома, и ей самой пришлось вычислять его и выслеживать.

— Ясно, — сказала Агнета Йервас.

Эверт Гульберг вошел в лифт Сальгренской больницы, держа в руках букет. Одновременно с ним туда шагнула коротко стриженная женщина в темном жакете, и он любезно придержал дверцу лифта, дав ей возможность первой подойти к столу дежурного при входе в отделение.

— Меня зовут Анника Джаннини. Я адвокат, и мне надо снова встретиться с моей клиенткой, Лисбет Саландер.

Повернув голову, Эверт Гульберг с изумлением посмотрел на женщину, которую выпустил из лифта. Потом, пока сестра проверяла удостоверение Джаннини и сверялась со списком, перевел взгляд на ее портфель.

— Двенадцатая палата, — сказала сестра.

— Спасибо. Я там уже была и найду дорогу сама.

Она взяла портфель и исчезла из поля зрения Гульберга.

— Чем я могу вам помочь? — спросила сестра.

— Я хочу передать эти цветы Карлу Акселю Бодину.

— Ему запрещено принимать посетителей.

— Я знаю, мне хочется просто передать ему цветы.

— Это мы можем взять на себя.

Цветы Гульберг прихватил с собой в основном в качестве предлога — ему хотелось получить представление о том, как выглядит отделение. Поблагодарив сестру, он направился к выходу и прошел мимо палаты Залаченко — номер 14, по сведениям Юнаса Сандберга.

На площадке лестницы Гульберг остановился и через дверное стекло проследил, как сестра скрылась с его цветами в палате Залаченко. Когда она направилась обратно на место, Гульберг распахнул дверь и быстро дошел до четырнадцатой палаты.

— Здравствуй, Александр, — сказал он.

Залаченко с изумлением посмотрел на неожиданного посетителя.

— Я думал, что ты уже умер, — сказал он.

— Пока нет, — ответил Гульберг.

— Что тебе надо? — спросил Залаченко.

— А ты как думаешь?

Гульберг пододвинул стул для посетителей и сел.

— Вероятно, увидеть меня мертвым.

— Да, это было бы весьма желательно. Как ты мог повести себя как последний кретин? Мы дали тебе новую жизнь, а ты угодил сюда.

Имей Залаченко такую возможность, он бы улыбнулся. В его представлении шведская служба безопасности сплошь состояла из любителей, к каковым он причислял и Эверта Гульберга, и Свена Янссона — он же Гуннар Бьёрк, не говоря уже о таком полном идиоте, как Нильс Бьурман.

— И теперь мы снова должны вытаскивать тебя из огня.

Получившему в свое время тяжелые ожоги Залаченко это выражение не понравилось.

— Нечего читать мне нравоучения. Вытащите меня отсюда.

— Это я и хочу с тобой обсудить.

Гульберг открыл портфель, который держал на коленях, достал блокнот и открыл чистую страницу. Потом испытующе посмотрел на Залаченко.

— Меня интересует одна вещь: неужели ты действительно смог бы нас заложить, после всего, что мы для тебя сделали?

— А ты как думаешь?

— Это зависит от того, до какой степени ты псих.

— Не называй меня психом. Я борюсь за выживание и сделаю ради этого все, что потребуется.

Гульберг замотал головой.

— Нет, Александр, все твои поступки объясняются тем, что ты злобный и гнилой человек. Ты хотел знать решение «Секции». Я здесь для того, чтобы тебе его сообщить. На этот раз мы и пальцем не пошевелим, чтобы тебе помочь.

В глазах Залаченко впервые появилась неуверенность.

— У тебя нет выбора, — сказал он.

— Выбор есть всегда, — ответил Гульберг.

— Я могу...

— Ты вообще ничего не сможешь.

Глубоко вздохнув, Гульберг сунул руку во внешнее отделение коричневого портфеля и достал пистолет «смит-и-вессон» калибра 9 мм, с позолоченной рукояткой. Это был подарок, полученный им двадцать пять лет назад от английского разведывательного управления в благодарность за добытую от Залаченко и переданную им бесценную информацию — имя сценариста агентства британской разведки МИ-5, как и Филби, работавшего на русских. Залаченко явно изумился, потом усмехнулся.

— И что ты собираешься с ним делать? Застрелить меня? Тогда остаток своей жалкой жизни ты проведешь в тюрьме.

— Не думаю, — сказал Гульберг.

Залаченко вдруг засомневался: а вдруг Гульберг не блефует?

— Разразится грандиозный скандал.

— Тоже не думаю. Появится несколько статей, но через неделю твое имя никто уже и не вспомнит.

У Залаченко сузились глаза.

— Проклятая скотина, — сказал Гульберг с таким холодом в голосе, что Залаченко пробрала ледяная дрожь.

Залаченко начал спускать протез с кровати, и в этот миг Гульберг поднял пистолет, целясь ему прямо в лоб, и нажал на курок. Залаченко отбросило на подушку, он несколько раз судорожно дернулся и затих. На стене, позади изголовья кровати, из красных брызг образовался цветок. От выстрела у Гульберга зазвенело в ушах, и он автоматически покрутил в ухе свободным указательным пальцем.

Потом он встал, подошел к Залаченко, приставил дуло ему к виску и еще дважды нажал на курок. Ему хотелось убедиться, что проклятый мерзавец действительно мертв.

Услышав первый выстрел, Лисбет Саландер резко села. Плечо сразу пронзила сильная боль. Когда раздались следующие выстрелы, Лисбет попыталась спустить ноги с кровати.

Пришедшая перед этим Анника Джаннини успела обменяться с Лисбет лишь несколькими словами и теперь сидела, словно парализованная, пытаясь понять, откуда доносятся громкие хлопки. Реакция Лисбет Саландер заставила ее понять: что-то происходит.

— Лежи и не двигайся, — крикнула Анника Джаннини. Придавив ладонью грудь Лисбет, она так сильно прижала клиентку к постели, что Лисбет подчинилась.

Затем Анника быстро пересекла комнату и приоткрыла дверь. Она увидела, что две сестры бегут к палате, находящейся на две двери дальше

по коридору. Первая из них резко остановилась на пороге. Анника услышала ее крик: «Нет, прекратите!» — после чего женщина отступила назад, столкнулась со второй сестрой и крикнула:

— Он вооружен! Беги!

Обе сестры метнулись к соседней палате и спрятались там, закрыв за собой дверь. В следующее мгновение она увидела, как в коридор вышел седой худощавый мужчина в клетчатом пиджаке. В руке он держал пистолет. Анника узнала его — они вместе ехали в лифте всего несколько минут назад.

Потом их взгляды встретились. У него сделался растерянный вид, но он тут же поднял пистолет, направил его на Аннику и сделал шаг вперед. Она мигом втянула голову в палату, захлопнула дверь и в отчаянии огляделась. Прямо рядом с ней стоял высокий стол, предназначенный для медсестер. Анника рывком подтащила его к двери и заблокировала столешницей ручку.

Услышав позади шевеление, она обернулась и увидела, что Лисбет Саландер вновь выбирается из постели. Анника метнулась к клиентке, обхватила ее руками и подняла. Оторвав электроды и шланг капельницы, она перенесла Лисбет в туалет и усадила на крышку стульчака, потом повернулась и заперла дверь туалета. После этого она вытащила из кармана жакета мобильный телефон и позвонила в полицию.

Эверт Гульберг подошел к палате Лисбет Саландер и нажал на ручку, но она оказалась заблокирована и ему не удалось сдвинуть ручку ни на миллиметр.

Он немного постоял перед дверью в нерешительности. Ясно, что Анника Джаннини находится в палате, вопрос в том, лежит ли у нее в сумке копия отчета Бьёрка. Но дверь закрыта, а выломать ее у него не хватит сил.

Однако ведь в план это не входило. Ликвидировать угрозу со стороны Джаннини — дело Клинтона, а он брал на себя только Залаченко.

Оглядевшись по сторонам, Гульберг обнаружил, что за ним из разных дверей наблюдают две дюжины сестер, пациентов и посетителей. Он поднял пистолет и выстрелил в картину, висевшую на стене в конце коридора, — публика исчезла, словно по взмаху волшебной палочки.

Бросив последний взгляд на закрытую дверь, Гульберг решительным шагом вернулся в палату Залаченко и заперся, потом сел на стул и посмотрел на русского перебежчика, бывшего в течение многих лет неотъемлемой частью его собственной жизни.

Около десяти минут он сидел неподвижно, не думая ни о чем конкретном. Потом он услышал шум в коридоре и понял, что прибыла полиция. Тогда он в последний раз поднял пистолет, прижал дуло к виску и нажал на курок.

Дальнейшее развитие событий показало, что совершать самоубийство в Сальгренской больнице — довольно рискованное дело. Эверта Гульберга молниеносно перевезли в травматологическое отделение, где за него взялся доктор Андерс Юнассон и незамедлительно предпринял множество мер для восстановления жизненных функций.

Второй раз в течение одной недели Юнассон делал срочную операцию, во время которой извлекал пулю с цельнометаллической оболочкой из тканей человеческого мозга. После пятичасовой операции Гульберг пребывал в критическом состоянии, но по-прежнему оставался жив.

Однако повреждения у Эверта Гульберга оказались значительно более серьезными, чем у Лисбет Саландер, и в течение нескольких суток он находился между жизнью и смертью.

Сделанное по радио сообщение о том, что пока не называемый по имени мужчина шестидесяти шести лет, подозреваемый в покушении на жизнь Лисбет Саландер, застрелен в Сальгренской больнице Гётеборга, Микаэль Блумквист услышал в кафе на Хурнsgатан. Незамедлительно поставив чашку и взяв сумку с компьютером, Микаэль поспешил в редакцию на Гётггатан. Он пересек площадь Мариаторгет и как раз сворачивал на Санкт-Польсгатан, когда у него зазвонил мобильный телефон, и Микаэль ответил прямо на ходу.

— Блумквист.

— Привет, это Малин.

— Я слышал новости. Известно, кто стрелял?

— Пока нет, но Хенри пытается узнать.

— Я уже иду, буду через пять минут.

В дверях «Миллениума» Микаэль столкнулся с выходящим оттуда Кортесом.

— Экстрём дает пресс-конференцию в пятнадцать ноль-ноль, — сказал Хенри. — Я еду на Кунгсхольмен.

— Что нам известно? — прокричал ему вслед Микаэль.

— Малин, — ответил Хенри и скрылся.

Микаэль направился в кабинет Эрики Бергер... нет, Малин Эрикссон.

Она разговаривала по телефону, что-то лихорадочно записывая на желтых листочках для заметок, и жестом предложила ему подождать. Микаэль пошел на редакционную кухню и налил в две кружки кофе с молоком. Когда он вернулся в кабинет Малин, та уже закончила разговор. Микаэль протянул ей одну из кружек.

— О'кей, — сказала Малин. — Залаченко застрелили сегодня в тринадцать пятнадцать.

Она посмотрела на Микаэля.

— Я только что разговаривала с медсестрой из Сальгренской больницы. Она говорит, что убийца — пожилой мужчина лет семидесяти, который пришел за несколько минут до убийства и попросил передать Залаченко цветы. Он сделал несколько выстрелов в голову Залаченко, а потом выстрелил в себя. Залаченко мертв. Убийца пока жив, и его сейчас оперируют.

Микаэль вздохнул с облегчением. В тот момент, когда он услышал в кафе эту новость, у него сердце ушло в пятки и возникло паническое предчувствие, что оружие держала Лисбет Саландер. Это бы серьезно осложнило его план.

— Знаем ли мы имя стрелявшего? — спросил он.

Малин замотала головой, и тут телефон снова зазвонил. Она стала отвечать, и из разговора Микаэль понял, что звонит из Гётеборга временный сотрудник, которого Малин посылала в Сальгренскую больницу. Он помахал ей рукой, пошел к себе в кабинет и опустился на стул.

Было такое ощущение, будто он появился на рабочем месте впервые за несколько недель. У него скопилась кипа непрочитанной корреспонденции, но он решительно отодвинул бумаги в сторону и позвонил сестре.

— Джаннини.

— Привет. Это Микаэль. Ты слышала, что произошло в Сальгренской больнице?

— Можно сказать, своими ушами.

— А ты где?

— В Сальгренской больнице. Этот подлец в меня целился.

На несколько секунд Микаэль утратил дар речи, пока до него не дошли слова сестры.

— Какого черта... ты что, была там?

— Да. В такой переплет мне еще в жизни попадать не приходилось.

— Ты ранена?

— Нет. Но он пытался войти в палату Лисбет. Я заблокировала дверь и

заперлась с ней вместе в сортире.

Микаэль вдруг ощутил, что мир пошатнулся. Его сестру чуть не...

— Что с Лисбет? — спросил он.

— Она цела и невредима. Я имею в виду, во всяком случае, сегодняшняя драма ей вреда не причинила.

Он вздохнул с некоторым облегчением.

— Анника, тебе что-нибудь известно об убийце?

— Абсолютно ничего. Пожилой мужчина, хорошо одетый. Мне показалось, что у него был растерянный вид. Я с ним раньше не встречалась, но за несколько минут до убийства мы вместе ехали в лифте.

— А Залаченко точно мертв?

— Да. Я слышала три выстрела, и, как мне удалось тут разузнать, все три раза стреляли в голову. Но здесь был полнейший хаос, набежала тысяча полицейских, эвакуировали все отделение, а здесь лежат люди с тяжелыми травмами и больные, которых вообще нельзя перемещать. Когда прибыла полиция, кто-то обязательно хотел допросить Саландер, пока до них не дошло, что она чуть жива. Мне пришлось на них наорать.

Инспектор уголовной полиции Маркус Эрландер увидел Аннику Джаннини через открытую дверь палаты Лисбет Саландер. Адвокат прижимала к уху мобильный телефон, и Эрландер стал выжидать, пока она закончит разговор.

Через два часа после убийства в коридоре по-прежнему царил хаос. Палату Залаченко оцепили. Врачи попытались было оказать ему помощь сразу после выстрелов, но вскоре сдались — помочь Залаченко уже было нельзя. Останки перевезли к патологоанатомам, и теперь полным ходом шло обследование места преступления.

У Эрландера зазвонил мобильный телефон — на связи был Фредрик Мальмберг из патрульной службы.

— Мы точно установили личность убийцы, — сказал Мальм вместо приветствия. — Его зовут Эверт Гульберг, и ему семьдесят восемь лет.

Семьдесят восемь лет — убийца преклонного возраста.

— И кто, черт побери, он такой?

— Пенсионер, живет в Лахольме, имеет титул бизнес-юриста. Мне только что звонили из ГПУ/Без и сообщили, что как раз начали в отношении его предварительное следствие.

— Когда именно и почему?

— Когда, я не знаю. Почему — из-за того, что он имел пагубную привычку рассылать официальным лицам бредовые письма с угрозами.

— Например?

— Например, министру юстиции.

Маркус Эрландер вздохнул. Значит, псих, любитель борьбы с официальной властью.

— В СЭПО утром звонили из нескольких газет, получивших письма от Гульберга. Позвонили и из министерства юстиции, поскольку этот Гульберг недвусмысленно угрожал смертью Карлу Акселю Бодину.

— Мне нужны копии писем.

— Из СЭПО?

— Да, черт возьми. Если потребуется, поезжай в Стокгольм и забери их лично. Я хочу, чтобы они лежали у меня на столе к моменту моего возвращения в полицейское управление. То есть примерно через час.

Он секунду подумал, а потом задал еще один вопрос.

— Тебе звонили из СЭПО?

— Именно.

— Я имею в виду — они звонили тебе, а не наоборот?

— Да. Именно так.

— О'кей, — сказал Маркус Эрландер и отключил телефон.

Его заинтересовало, что же это нашло на СЭПО, если им взбрело в голову самим связываться с простой полицией. Обычно из них почти невозможно выдавить ни звука.

Ваденшё резким движением распахнул дверь в помещение «Секции», которое Фредрик Клинтон использовал для отдыха. Клинтон осторожно приподнялся.

— Что, черт побери, происходит? — закричал Ваденшё. — Гульберг убил Залаченко, а потом выстрелил себе в голову.

— Я знаю, — сказал Клинтон.

— Знаете? — воскликнул Ваденшё.

Он так сильно раскраснелся, что его, казалось, вот-вот хватит удар.

— Он же, черт подери, стрелял в себя. Пытался совершить самоубийство. Он что, свихнулся?

— Значит, он жив?

— Пока да, но у него сильнейшие повреждения мозга.

Клинтон вздохнул.

— Как жаль, — произнес он с горечью в голосе.

— Жаль?! — воскликнул Ваденшё. — Гульберг сошел с ума. Разве вы не понимаете...

Клинтон не дал ему договорить.

— У Гульберга рак желудка, толстой кишки и мочевого пузыря. Он уже несколько месяцев умирает, и ему в лучшем случае оставалось месяца два.

— Рак?

— Последние полгода он носил с собой оружие и собирался застрелиться, если боль станет невыносимой, но не желал валяться на больничной койке в полной беспомощности. Теперь ему выпал случай внести последний вклад в дело «Секции». Он ушел красиво.

Ваденшё почти лишился дара речи.

— Вы знали, что он собирается убить Залаченко?

— Разумеется. В его задачу входило навсегда лишить Залаченко возможности заговорить. А как тебе известно, угрожать ему или вести с ним переговоры бессмысленно.

— Но разве вы не понимаете, какой из этого может получиться скандал? Вы что, такой же чокнутый, как Гульберг?

Клинтон с большим трудом поднялся, посмотрел Ваденшё прямо в глаза и протянул ему пачку копий факсов.

— Это было оперативное решение. Я скорблю по своему другу, но, по всей видимости, очень скоро последую за ним. А насчет скандала... Некий бывший юрист-налоговик разослал откровенно безумные письма в газеты и министерство юстиции. Вот тебе образец. Гульберг обвиняет Залаченко во всех грехах, от убийства Пальме до попыток отравить население Швеции хлором. Письма явно написаны сумасшедшим, почерк местами неразборчив, с большими буквами, подчеркиванием и восклицательными знаками. Мне нравится его идея писать на полях.

Ваденшё читал письма с возрастающим удивлением, схватившись рукой за лоб. Клинтон наблюдал за ним.

— Что бы ни случилось, смерть Залаченко никак не будет связана с «Секцией». В него стрелял сбитый с толку слабоумный пенсионер.

Он помолчал и добавил:

— Главное, с этого момента тебе придется занять место в общем строю. Don't rock the boat.^[18]

Он уперся в Ваденшё взглядом. В глазах больного вдруг сверкнул металл.

— Ты должен понять, что «Секция» является ударной силой шведской обороны. Мы — последний оборонительный рубеж. Наша работа заключается в том, чтобы охранять безопасность страны. Все остальное не имеет значения.

Ваденшё смотрел на Клинтона с сомнением.

— Мы невидимы. Нам не от кого ждать благодарности. Мы должны принимать решения, на которые ни у кого другого не хватает духу... и меньше всего у политиков.

Последнее слово он произнес с явным презрением.

— Делайте, что я скажу, и «Секция», возможно, выживет. Но для этого нам необходима решительность и твердость.

Ваденшё почувствовал, что его охватывает паника.

В полицейском управлении на Кунгсхольмене шла пресс-конференция. Хенри Кортес лихорадочно записывал все, что говорилось. Открыл пресс-конференцию прокурор Рихард Экстрём и для начала объявил о принятом утром решении: расследование убийства полицейского в Госсеберге, по подозрению в котором разыскивается Рональд Нидерман, останется в ведении прокурора Гётеборгского судебного округа, а за другое расследование, касающееся Нидермана, будет отвечать лично он. Нидерман, следовательно, подозревается в убийстве Дага Свенссона и Миа Бергман. Адвокат Бьюрман не упоминался. Зато Экстрёму предстоит провести расследование и выдвинуть обвинение против Лисбет Саландер, подозреваемой в целом ряде преступлений.

Он заявил, что решил обнародовать информацию о произошедшем этим днем в Гётеборге, где был застрелен отец Лисбет Саландер — Карл Аксель Бодин. Непосредственной причиной пресс-конференции явилось желание прокурора опровергнуть уже распространенную СМИ информацию, по поводу которой ему неоднократно звонили.

— Исходя из имеющихся на настоящий момент сведений, я могу сказать, что дочь Карла Акселя Бодина, арестованная за покушение на убийство отца, не имеет к утренним событиям никакого отношения.

— Кто же убийца? — выкрикнул репортер «Дагенс Эко».

— Личность человека, нанесшего в тринадцать часов пятнадцать минут Карлу Акселю Бодину смертельные ранения, а затем пытавшегося покончить с собой, установлена. Это семидесятивосьмилетний пенсионер, долгое время проходивший лечение по поводу смертельной болезни и сопряженных с ней психических проблем.

— Он как-то связан с Лисбет Саландер?

— Нет. Это мы можем утверждать с уверенностью. Они никогда не встречались и не знакомы. Семидесятивосьмилетний мужчина — трагическая фигура. Он действовал совершенно самостоятельно, руководствуясь собственными заблуждениями откровенно параноидального характера. Служба государственной безопасности только

что возбудила против него дело, поскольку он написал множество безумных писем известным политикам и в средства массовой информации. Не далее как сегодня утром в газеты и органы власти от него поступили письма с угрозами убить Карла Акселя Бодина.

— Почему полиция не взяла Бодина под защиту?

— Письма с угрозами в его адрес были отправлены вчера вечером и, следовательно, пришли почти в то же время, когда совершалось убийство. Времени для принятия мер практически не было.

— Как зовут старика?

— Мы не хотим раскрывать эту информацию, пока не оповестим его близких.

— Кто он такой?

— Насколько мне известно на настоящий момент, он раньше работал ревизором и юристом по налоговым делам и уже пятнадцать лет на пенсии. Расследование продолжается, но, как вы понимаете по его письмам, речь идет о трагедии, которую можно было предотвратить, прояви общество к нему больше внимания.

— А другим людям он угрожал?

— Согласно полученной мною информации, да, но деталей я не знаю.

— Что это означает применительно к делу Лисбет Саландер?

— В настоящий момент ничего. У нас имеется личное свидетельство Карла Акселя Бодина, данное допрашивавшему его полицейскому, а кроме того, против нее есть серьезные технические доказательства.

— А как насчет сведений, что Бодин пытался убить свою дочь?

— Это пока предмет расследования, но существуют веские основания полагать, что так и было. Насколько мы можем на данный момент судить, речь идет о глубоких противоречиях в трагически разобщенной семье.

Хенри Кортес задумчиво огляделся, почесал в ухе и отметил, что коллеги-журналисты записывают столь же лихорадочно, как и он.

Когда Гуннар Бьёрк услышал по радио о выстрелах в Сальгренской больнице, его охватила почти неуправляемая паника. Боли в спине резко обострились.

Больше часа он просидел в нерешительности, потом поднял трубку и попытался позвонить своему старому покровителю Эверту Гульбергу в Лахольм. Ему никто не ответил.

Послушав новости, Бьёрк узнал в общих чертах примерно то же, о чем говорилось на пресс-конференции полиции: Залаченко застрелил семидесятивосьмилетний борец с властями.

Господи. Семьдесят восемь лет!

Он снова попробовал позвонить Эверту Гульбергу — и опять безрезультатно.

Под конец паника и волнение взяли верх. Остаться в чужом доме в Смодаларё он больше не мог. Он чувствовал себя беззащитным, обложенным со всех сторон, ему требовалось время, чтобы подумать. Бьёрк сложил в сумку одежду, болеутоляющие лекарства и туалетные принадлежности. Использовать свой телефон ему не хотелось, поэтому он добрал до телефона-автомата возле продовольственного магазина, позвонил в Ландсурт и забронировал на две недели комнату в старом лоцманском доме. Ландсурт находился на краю света, и мало кому придет в голову искать его там.

Бьёрк покосился на наручные часы. Надо было торопиться, чтобы успеть на последний паром, и он отправился домой настолько поспешно, насколько позволяла болевшая спина. Дома Бьёрк прошел прямо в кухню и проверил, выключена ли кофеварка, потом направился в прихожую за сумкой. По пути он бросил взгляд в гостиную и в изумлении остановился.

Поначалу он даже не понял, что перед ним.

Люстра каким-то таинственным образом покинула свое место под потолком и оказалась на журнальном столике. Взамен на потолочном крюке висела веревка с петлей, спускаясь прямо к табуретке, которая обычно стояла на кухне.

Бьёрк, ничего не понимая, посмотрел на петлю.

Потом он услышал позади себя какое-то движение, и ноги стали ватными.

Он медленно обернулся.

Перед ним стояли двое мужчин лет тридцати пяти. Бьёрк отметил, что у них южноевропейские лица. Он даже не успел среагировать, когда они мягко ухватили его под мышками, подняли и понесли спиной вперед к табуретке. Он слабо попытался вырваться, но тут же острая боль пронзила ему спину, и он затих. Когда его поднимали на табуретку, он уже почти ничего не осознавал.

Юнаса Сандберга сопровождал сорокадевятилетний мужчина по кличке Фалун, бывший в юности профессиональным взломщиком, а впоследствии переквалифицировавшийся в слесаря, специалиста по замкам. В 1986 году Ханс фон Роттингер однажды привлек Фалуна к операции, в которой требовалось вскрыть двери руководителя какого-то анархистского объединения, и с тех пор его периодически нанимали вплоть

до середины 90-х годов, когда подобные операции прекратились. Возобновил с ним отношения Фредрик Клинтон, ранним утром предложивший Фалуна задание и десять тысяч крон за десятиминутную работу. Правда, с Фалуна было взято обещание ничего не красть из квартиры, являвшейся местом проведения операции; откровенной уголовщиной «Секция» все-таки не занималась.

Кого именно представлял Клинтон, Фалун не знал, но предполагал, что речь идет о какой-то силовой структуре. Он ведь читал Гийу^[19] и потому никаких вопросов задавать не стал. После стольких лет молчания со стороны работодателя было приятно снова оказаться востребованным.

Его работа заключалась всего лишь в том, чтобы открыть дверь. Он был экспертом по вскрытию помещений и имел при себе пистолет-отмычку, тем не менее с замком квартиры Микаэля Блумквиста ему пришлось повозиться пять минут. Потом Фалун остался ждать на лестнице, а Юнас Сандберг переступил через порог.

— Я в квартире, — сказал Сандберг в микрофон, прикрепленный к уху.

— Отлично, — отозвался у него в наушнике Фредрик Клинтон. — Действуй спокойно и осторожно. Опиши, что ты видишь.

— Я нахожусь в холле: справа гардероб и полка для шляп, слева ванная. Квартира состоит из одной огромной комнаты, примерно в пятьдесят квадратных метров. Справа маленькая кухня с барной стойкой.

— Там имеется какой-нибудь рабочий стол или...

— Похоже, он работает за кухонным столом или на диване в гостиной... подождите.

Клинтон подождал.

— Да. На кухонном столе лежит папка с отчетом Бьёрка. Похоже, это оригинал.

— Отлично. На столе есть еще что-нибудь интересное?

— Книги. Мемуары П. Г. Винге. «Борьба за власть над СЭПО» Эрика Магнуссона. С полдюжины подобных книг.

— А компьютер?

— Нет.

— Какой-нибудь сейф?

— Нет... во всяком случае, я не вижу.

— Ладно. Не торопись. Пройди всю квартиру, метр за метром. Мортенссон сообщает, что Блумквист по-прежнему в редакции. Надеюсь, ты в перчатках?

— Разумеется.

Маркусу Эрландеру удалось поговорить с Анникой Джаннини, только когда они оба оторвались от мобильных телефонов. Он зашел в палату, протянул ей руку и представился. Потом поздоровался с Лисбет Саландер и спросил, как она себя чувствует. Лисбет Саландер не ответила. Тогда он снова обратился к Аннике Джаннини.

— Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

— Понятно.

— Вы можете рассказать, что произошло?

Анника Джаннини описала, что ей довелось пережить и свои действия до того момента, как она вместе с Лисбет Саландер забаррикадировалась в туалете. У Эрландера сделался задумчивый вид. Он покосился на Лисбет Саландер, а потом снова на ее адвоката.

— Значит, вы полагаете, что он подходил к этой комнате.

— Я слышала, как он пытался нажать на ручку двери.

— Вы в этом уверены? Когда ты напуган и взволнован, легко вообразить себе разные вещи.

— Я его слышала. Он меня видел и направлял на меня пистолет.

— Думаете, он пытался убить и вас?

— Не знаю. Я убрала голову и заблокировала дверь.

— Это было разумно. А еще разумнее то, что вы перенесли свою клиентку в туалет. Двери палаты такие тонкие, что, если бы он стал стрелять, пули, вероятно, прошли бы насквозь. Я пытаюсь понять, напал ли он лично на вас или просто среагировал на то, что вы на него смотрели. Вы оказались к нему ближе всех.

— Верно.

— Вам показалось, что он вас знает или, может быть, вдруг узнал?

— Нет, едва ли.

— Может быть, он узнал вас по газетам? Ведь вас цитировали в связи с рядом громких дел.

— Возможно. На этот вопрос я ответить не могу.

— А вы его раньше никогда не видели?

— Я видела его в лифте, когда поднималась сюда.

— Вот как! Вы с ним разговаривали?

— Нет. Я задержала на нем взгляд, возможно, на полсекунды. У него в одной руке был букет цветов, а в другой — портфель.

— Вы встречались с ним взглядом?

— Нет. Он смотрел прямо перед собой.

— Он зашел в лифт первым или после вас?

Анника задумалась.

— Мы зашли более или менее одновременно.

— У него был растерянный вид или...

— Нет. Он тихо стоял, держа цветы.

— Что произошло потом?

— Я вышла из лифта. Он тоже сразу вышел, и я пошла навещать клиентку.

— Вы прошли прямо сюда?

— Да... нет. То есть сначала я подошла к дежурной и предъявила удостоверение. Прокурор ведь запретил пускать к моей клиентке посетителей.

— Где в это момент находился тот мужчина?

Анника Джаннини поколебалась.

— Я не уверена. Думаю, он подошел следом за мной. Да, погодите-ка... Из лифта он вышел первым, но остановился и подержал мне дверь. Не могу поклясться, но думаю, что он тоже пошел к дежурной. Просто я оказалась проворнее.

«Вежливый пенсионер-убийца», — подумал Эрландер.

— Да, он подошел к столу дежурной, — подтвердил он. — Он поговорил с сестрой и передал цветы. Но вы этого, следовательно, не видели?

— Нет. Ничего такого я не помню.

Маркус Эрландер надолго задумался, но так и не придумал, что бы еще спросить. Ему не давала покоя какая-то смутная мысль. Подобное чувство ему доводилось уже испытывать ранее, и он научился истолковывать его как некий звоночек от интуиции.

Убийцей оказался семидесятивосьмилетний Эверт Гульберг, бывший ревизор, возможно, еще консультировавший фирмы по налоговым вопросам. Человек преклонного возраста. СЭПО только что начало в отношении его предварительное следствие, поскольку он оказался психом, рассылавшим письма с угрозами разным известным личностям.

По опыту работы в полиции Эрландер знал, что на свете множество психов — людей, одержимых болезненными идеями, которые преследуют знаменитостей, добиваются их любви и даже селятся в лесу возле их домов. А если любовь не находит отклика, она может быстро перейти в непримиримую ненависть. Ему встречались ненормальные, приезжавшие из Германии и Италии, чтобы оказать внимание молодой певице из популярной поп-группы, а потом свирепевшие оттого, что ей не хотелось незамедлительно вступить с ними в связь. Он видел рьяных борцов с

властями, которые очень агрессивно реагировали на творимые несправедливости, реальные и воображаемые. Бывали среди них и откровенные психопаты, и лица, одержимые «теорией заговоров» и видевшие везде плоды деятельности тайных обществ, скрытые от нормальных людей.

Имелось также много примеров того, что некоторые из этих психов способны переходить от фантазий к действиям. Разве убийство Анны Линд^[20] не было делом рук ненормального человека? Возможно. А может, и нет.

Однако инспектору уголовной полиции Маркусу Эрландеру отнюдь не нравилась мысль о том, что психически больной бывший юрист — или кем бы он там, черт подери, ни был — спокойно заходит в Сальгрэнскую больницу с букетом в одной руке и пистолетом в другой и казнит человека, являвшегося объектом важнейшего полицейского расследования — его расследования. Человека, который в официальном регистре значился Карлом Акселем Бодином, но, по сведениям Микаэля Блумквиста, носил фамилию Залаченко и был гнусным перебежчиком, русским агентом и убийцей.

В лучшем случае Залаченко являлся свидетелем, а в худшем — был замешан в целой серии убийств. Эрландер дважды имел возможность провести с ним короткие допросы и ни на одном из них ни на секунду не поверил его заверениям в невиновности.

И его убийца проявил интерес к Лисбет Саландер или, по крайней мере, к ее адвокату, пробовал войти к ней в палату.

А потом попытался совершить самоубийство, выстрелив себе в голову. По словам врачей, он пребывал в настолько плохом состоянии, что его намерение явно можно считать удавшимся. И пусть его тело еще не отказалось от борьбы, имелись основания полагать, что предстать перед судьей Эверту Гульбергу не суждено.

Такое положение дел Маркусу Эрландеру не нравилось ни секунды. Но у него не было никаких доказательств того, что выстрелы Гульберга имели иную подоплеку, нежели лежавшая на поверхности. В любом случае, он предпочел больше не рисковать.

— Я принял решение, что Лисбет Саландер надо перевести в другую палату. — Он посмотрел на Аннику Джаннини. — Там, в ответвлении коридора, справа от дежурной, имеется палата, которая в плане безопасности гораздо лучше этой. За ней будут круглосуточно приглядывать с поста дежурного и из комнаты медсестер. Запрет на посещение распространяется на всех, кроме вас. К вашей клиентке смогут

заходить только врачи и сестры Сальгренской больницы и лица, получившие разрешение. Я прослежу за тем, чтобы возле ее палаты установили круглосуточную охрану.

— Вы думаете, ей что-то угрожает?

— Прямо на это ничто не указывает. Но в данном случае я рисковать не хочу.

Лисбет Саландер внимательно слушала разговор между адвокатом и одним из своих вечных противников-полицейских. Ей понравилось, что Анника Джаннини отвечает так точно, внятно и с таким обилием подробностей, а еще больше ей понравилась способность адвоката действовать хладнокровно и не теряя головы.

С того самого момента, как Анника выдернула ее из постели и перенесла в туалет, у Лисбет страшно болела голова. Ей хотелось иметь с персоналом как можно меньше дела — она не любила просить о помощи или выказывать слабость. Но голова болела так сильно, что Лисбет было трудно сколько-нибудь разумно мыслить — она протянула руку и позвонила медсестре.

Первоначально Анника Джаннини рассматривала свой визит в Гётеборг лишь как пролог к дальнейшей продолжительной работе. Она планировала познакомиться с Лисбет Саландер, справиться о ее истинном состоянии и набросать примерный план стратегической линии, которую они с Микаэлем Блумквистом наметили в преддверии будущего судебного процесса. Первоначально Анника предполагала вернуться в Стокгольм тем же вечером, но драматические события в Сальгренской больнице не позволили ей поговорить с Лисбет Саландер. Врачи объявили ее состояние стабильным, но клиентка оказалась в гораздо худшем состоянии, чем думала Анника: ее мучили головные боли, держалась высокая температура, что вынудило врача по имени Хелена Эндрин прописать ей сильные болеутоляющие средства, антибиотики и покой. Как только клиентку перевели в новую палату и у дверей занял пост полицейский, Аннику, соответственно, выпроводили.

Немного поворчав, она посмотрела на часы — было уже половина пятого. Можно было поехать домой в Стокгольм, но тогда, если клиентке станет лучше, придется утренним поездом снова ехать сюда. Можно переночевать здесь, но тогда существует риск напрасно потерять время, если Лисбет завтра не сможет принимать посетителей. Гостиницу Анника не бронировала, да и в любом случае старалась не отягощать лишними расходами те счета, которые выставляла своим клиенткам, как правило,

женщинам обездоленным и небогатым. Прежде всего она позвонила домой, а затем Лиллиан Юсефссон — коллеге-адвокату, члену Общества помощи женщинам и старой институтской подруге. Они не встречались два года и немного пощебетали, прежде чем Анника подошла к цели своего звонка.

— Я в Гётеборге, — сказала Анника. — Я собиралась уехать вечером домой, но сегодня произошли разные события, в результате которых мне придется здесь заночевать. Ничего, если я заявлюсь к тебе непрошеным гостем?

— Как здорово! Конечно, заявляйся. Мы же не виделись целую вечность.

— А я не помешаю?

— Разумеется, нет. Я переехала и теперь живу на улице, пересекающей Линнегатан. У меня есть комната для гостей. Мы сможем вечером сходить в ресторанчик и поболтать.

— Если у меня хватит сил, — сказала Анника. — В котором часу тебе будет удобно?

Они договорились, что Анника подойдет часам к шести.

Доехав на автобусе до Линнегатан, Анника провела следующий час в греческом ресторане, где заказала шашлык с салатом, поскольку страшно проголодалась, а потом долго сидела, размышляя над событиями дня. После того как схлынул прилив адреналина, ее начало слегка трясти, но она была довольна тем, что в момент опасности действовала без колебаний, эффективно и собранно и сумела сделать правильный выбор без лишних раздумий. Сознать это было приятно.

Через некоторое время она достала из портфеля электронную записную книжку, открыла записи и стала сосредоточенно читать. Ее переполняли сомнения по поводу объяснений брата — в разговоре все звучало логично, но на самом деле в плане имелись большие дыры. Однако отступить она не собиралась.

В шесть часов Анника расплатилась, дошла до дома Лиллиан Юсефссон на Оливедальсгатан и набрала полученный от подруги код. Войдя в подъезд, она огляделась в поисках лифта, и тут на нее совершенно внезапно напали. Она поняла, что происходит, только когда ее грубо и очень сильно толкнули прямо на кирпичную стену. Анника ударилась о стену лбом и почувствовала боль.

В следующее мгновение она услышала удаляющиеся шаги, звук открывшейся и снова закрывшейся двери. Поднявшись на ноги, Анника провела рукой по лбу и увидела на ладони кровь. Какого черта? Она растерянно огляделась и вышла на улицу, но ей удалось увидеть только

чью-то спину, исчезнувшую за углом возле площади.

С минуту она постояла в растерянности, прежде чем осознала, что лишилась портфеля и что ее только что ограбили. Потом до ее сознания дошло значение происшедшего. Нет. Папка с материалами о Залаченко. Анника почувствовала, как в груди распространяется холод, и сделала несколько нерешительных шагов вслед убежавшему мужчине, но почти сразу остановилась. Бессмысленно, его уже не догнать.

Она медленно опустилась на край тротуара.

Потом буквально взвилась в воздух и стала рыться в карманах пиджака. Записная книжка. Слава богу. Уходя из ресторана, она сунула ее вместо портфеля в карман. Там содержался набросок ее стратегии по делу Лисбет Саландер, расписанный по пунктам.

Анника кинулась обратно к двери, снова набрала код, взбежала по лестнице на четвертый этаж и заколотила в дверь Лиллиан Юсефссон.

Когда Анника пришла в себя настолько, что смогла позвонить Микаэлю Блумквисту, стрелки часов уже приближались к половине седьмого. На лбу у нее образовался синяк, рассеченная бровь кровоточила. Лиллиан Юсефссон промыла ей рану спиртом и заклеила пластырем. Ехать в больницу Анника отказалась, зато попросила чашку кофе. Только после этого она смогла вновь трезво мыслить и первым делом позвонила брату.

Микаэль Блумквист все еще находился в редакции «Миллениума», пытаясь вместе с Хенри Кортесом и Малин Эрикссон раздобыть информацию об убийце Залаченко. По мере того как он слушал рассказ Анники о случившемся, его все больше охватывал ужас.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Отделалась синяком. Вот успокоюсь и буду в полном порядке.

— Гнусное ограбление?

— Они забрали мой портфель с папкой документов о Залаченко, которые ты мне дал. У меня их больше нет.

— Ничего страшного, я могу сделать тебе новую копию.

Он запнулся, почувствовав, как волосы на затылке начинают подниматься. Сперва Залаченко. Потом Анника.

— Анника... я тебе перезвоню.

Микаэль закрыл ноутбук, сунул его в сумку и, ни слова не говоря, поспешно покинул редакцию. Всю дорогу до Бельмансгатан и вверх по лестнице он пробежал бегом.

Дверь была заперта.

Войдя в квартиру, он сразу увидел, что синяя папка, которую он

оставил на кухонном столе, исчезла. Искать ее не имело смысла. Микаэль точно знал, где она находилась, когда он покидал квартиру. Он медленно опустился на стул возле кухонного стола, а в голове уже лихорадочно завертелись мысли.

Кто-то побывал у него в квартире. Кто-то замечает следы Залаченко.

Они с Анникой оба лишились копий.

Но у Бублански отчет по-прежнему имеется.

Или уже нет?

Микаэль встал и подошел к телефону, но, уже подняв трубку, остановился. Кто-то ведь побывал у него в квартире. Он вдруг с большим подозрением посмотрел на телефон и начал рыться в кармане пиджака в поисках мобильного. А когда нашел, вновь застыл, держа в руке аппаратик.

Насколько легко прослушиваются мобильные телефоны?

Он медленно положил мобильный телефон рядом со стационарным и огляделся.

Я имею дело с профессионалом. Насколько трудно поставить на прослушку квартиру?

Он снова сел за кухонный стол.

Взглянул на сумку с компьютером.

Насколько трудно войти в чужую электронную почту? Лисбет Саландер делает это за пять минут.

Микаэль долго думал, прежде чем снова подойти к телефону и позвонить сестре в Гётеборг. В разговоре он тщательно подбирал формулировки.

— Привет... как твои дела?

— Я в порядке, Микке.

— Расскажи, что произошло с того момента, как ты пришла в Сальгренскую больницу, и до нападения.

Отчет о событиях дня занял у нее десять минут. Микаэль не обсуждал с ней детали ее рассказа, только временами вставлял вопросы, пока не решил, что достаточно. Он играл роль обеспокоенного брата, а его мозг тем временем выстраивал четкую схему событий.

В половине пятого Анника решила остаться в Гётеборге, позвонила по мобильному телефону подруге и получила адрес и дверной код. Грабитель подждал ее на лестнице ровно в шесть часов.

Ее мобильный телефон прослушивали. Это единственный возможный вариант.

Значит, его собственный телефон тоже прослушивают, иначе их

противники были бы полными идиотами.

— Но они забрали папку с материалами о Залаченко, — повторила Анника.

Микаэль немного посомневался. Укравший у него папку знает, что она украдена, а с его стороны будет вполне естественно рассказать об этом Аннике Джаннини по телефону.

— Мою тоже, — сказал он.

— Что?

Он объяснил, что, прибежав домой, не обнаружил на кухонном столе синей папки.

— О'кей, — мрачным голосом произнес Микаэль. — Это катастрофа. Папки Залаченко больше нет. А она ведь была важнейшим доказательством.

— Микке... мне очень жаль.

— Мне тоже, — сказал Микаэль. — Дьявол! Но это не твоя вина. Мне следовало придать отчет огласке в тот же день, как я его получил.

— Что нам теперь делать?

— Не знаю. Это худшее, что могло случиться. Теперь все наши планы рухнут. У нас нет совершенно никаких доказательств против Бьёрка и Телеборьяна.

Они побеседовали еще две минуты, и Микаэль стал прощаться.

— Я хочу, чтобы ты завтра же вернулась в Стокгольм, — сказал он.

— Сорри. Мне необходимо встретиться с Саландер.

— Встреться с ней утром и приезжай во второй половине дня. Нам надо сесть и подумать, что мы будем делать.

Закончив разговор, Микаэль остался сидеть на диване, глядя прямо перед собой. Потом его лицо озарила улыбка. Тот, кто их слушал, теперь знает, что «Миллениум» утратил отчет Бьёрка от 1991 года и переписку между Бьёрком и доктором Петером Телеборьяном, а они с Анникой теперь в отчаянии.

Изучая прошлой ночью историю Службы государственной безопасности, Микаэль уяснил, что в основе любой шпионской деятельности лежит дезинформация. А он только что запустил дезинформацию, которая в перспективе может оказаться для них чрезвычайно полезной.

Он открыл сумку для ноутбука и достал копию, которую сделал для Драгана Арманского, но еще не успел передать. Теперь это единственный оставшийся экземпляр. Терять его Микаэль был не намерен — напротив, он

собирался немедленно снять с него по меньшей мере пять копий и распределить их по надежным местам.

Потом он взглянул на часы и позвонил в редакцию «Миллениума». Малин Эрикссон была еще на месте, но уже собиралась уходить домой.

— Почему ты так поспешно исчез?

— Будь добра, подожди еще немного. Я сейчас вернусь, и мне обязательно надо кое-что с тобой обсудить до того, как ты уйдешь.

Ему уже несколько недель не удавалось постирать, и все имеющиеся рубашки лежали в корзине для грязного белья. Кроме последней копии отчета Бьёрка он взял с собой бритву и «Борьбу за власть над СЭПО», потом дошел до магазина «Дрессманн», где купил четыре рубашки, две пары брюк и десять пар трусов, и, забрав одежду, отправился в редакцию. Малин Эрикссон подождала, пока он наскоро примет душ, и поинтересовалась, что происходит.

— Кто-то забрался ко мне в квартиру и украл отчет о Залаченко. В Гётеборге кто-то напал на Аннику и похитил ее экземпляр. У меня есть доказательство того, что ее телефон прослушивается, и, значит, скорее всего, мой телефон, а возможно, и твой, и все телефоны «Миллениума» поставлены на прослушку. Подозреваю, что если кто-то взял на себя труд залезть ко мне в квартиру, ему было бы глупо не воспользоваться случаем и не установить там прослушивающую аппаратуру.

— Вот оно что, — слабым голосом произнесла Малин Эрикссон, покосившись на лежавший перед ней на письменном столе мобильный телефон.

— Работай как обычно. Пользуйся мобильным, но не выдавай по нему никакой информации. Завтра предупредим Хенри Кортеса.

— О'кей. Он ушел час назад, а перед этим оставил у тебя на столе кипу отчетов государственных комиссий. Но зачем ты сюда пришел?

— Я собираюсь ночевать в «Миллениуме». Если они сегодня застрелили Залаченко, похитили отчеты и установили в моей квартире аппаратуру, то велик шанс, что они только начали действовать и еще не успели обработать редакцию. Здесь целый день был народ. Я не хочу на ночь оставлять редакцию пустой.

— Ты думаешь, что убийство Залаченко... Но ведь убийцей оказался семидесятивосьмилетний психопат.

— В такие совпадения я не верю. Кто-то замечает следы Залаченко. Мне глубоко наплевать на то, кто этот семидесятивосьмилетний и сколько идиотских писем он разослал министрам. Он явно какой-то наемный убийца и пришел туда с целью убить Залаченко... а возможно, и Лисбет

Саландер.

— Но он ведь совершил самоубийство или, во всяком случае, попытался. Какой же наемный убийца станет это делать?

Микаэль ненадолго задумался, потом посмотрел главному редактору в глаза.

— Такой, которому семьдесят восемь лет и которому, возможно, нечего терять. Он явно в этом замешан, и когда мы до всего докопаемся, то сможем это доказать.

Малин Эрикссон внимательно вглядывалась в лицо Микаэля — таким холодным и неколебимым она его прежде не видела. Ее вдруг затрясло, и Микаэль это заметил.

— Еще одно. Теперь мы ввязываемся в борьбу уже не с кучкой уголовников, а с государственным ведомством. Нам придется тяжело.

Малин кивнула.

— Я не рассчитывал на то, что все пойдет так далеко. Малин, если хочешь выйти из игры, только скажи.

Она немного поколебалась, подумала, что сказала бы на ее месте Эрика Бергер, и упрямо замотала головой.

Часть 2

Республика хакеров

1-22 мая

Ирландский закон от 697 года запрещает женщинам принимать участие в сражениях — то есть свидетельствует о том, что до него женщины сражались. Среди народностей, которые в разные моменты истории использовали солдат-женщин, числятся арабы, берберы, курды, раджпуты, китайцы, филиппинцы, маори, папуа, австралийские аборигены, микронезийцы и американские индейцы.

Существует множество легенд о грозных воительницах античной Греции — о женщинах, которых с детства учили воинскому искусству и обращению с оружием, приучали к физическим лишениям. Они жили отдельно от мужчин и воевали собственными

полками. В легендах нередко присутствуют эпизоды, в которых женщины одолевают мужчин на поле боя. В греческой литературе встречаются амазонки, например в «Илиаде» Гомера, написанной приблизительно в 700 году до нашей эры.

Греки и создали выражение «амазонки». Буквально слово означает «без груди». Считается, что им удаляли правую грудь для того, чтобы легче было натягивать лук. Знаменитые греческие врачи Гиппократ и Галенос вроде бы сходились на том, что это повышало боеспособность, но едва ли такие операции действительно проводились. Здесь присутствует и языковая загадка: неизвестно, действительно ли приставка «а» в слове «амазонка» означала «без». Высказывалось предположение, что на самом деле она означает обратное — что амазонкой

называлась женщина с
особенно большой
грудью. Ни в одном
музее не представлено
античных изображений
женщин без правой
груди, хотя, если
легенда об удалении
груди верна, они
должны были бы
встречаться часто.

Воскресенье, 1 мая — понедельник, 2 мая

Сделав глубокий вдох, Эрика Бергер распахнула дверь лифта и вошла в редакцию «Свенска моргонпостен». Часы показывали четверть одиннадцатого утра. Она была элегантно одета — черные брюки, красный джемпер и темный жакет. Стояла прекрасная первомайская погода, и, проезжая через город, Эрика констатировала, что представители рабочего движения уже начинают собираться. Сама она не ходила на демонстрации лет двадцать.

Никто ее пока не видел, и она немного постояла около лифта в полном одиночестве. Первый день на новой работе. С этого места у входа перед ней открывался вид на большую часть редакции с информационной стойкой в центре. Подняв взгляд, Эрика увидела стеклянные двери в кабинет главного редактора, который в течение ближайшего года должен стать ее рабочим местом.

Она была не совсем уверена, что является подходящим человеком для руководства такой бесформенной организацией, какую представляла собой газета «Свенска моргонпостен». Слишком резкий переход от «Миллениума» с пятью сотрудниками к ежедневной газете, на которую трудятся восемьдесят журналистов и еще примерно девяносто человек — администрация, технический персонал, дизайнеры, фотографы, рекламный отдел, дистрибьюторы и все прочие службы, необходимые для производства газеты. К этому добавлялись издательство, производящая компания и управляющая компания. В общей сложности 230 человек.

На секунду Эрика задумалась, не совершила ли она огромную ошибку.

Потом старшая из двух сотрудниц рецепции заметила, кто пришел в редакцию, вышла из-за стойки и протянула руку.

— Фру Бергер, добро пожаловать в «СМП».

— Меня зовут Эрика. Здравствуйте.

— Беатрис. Добро пожаловать. Проводить вас к главному редактору Морандеру... то есть, я хочу сказать, к уходящему главному редактору.

— Спасибо, но он ведь сидит в той стеклянной клетке, — с улыбкой сказала Эрика. — Думаю, я найду дорогу. Однако спасибо за любезное предложение.

Она пошла прямо через редакцию и вдруг заметила, что гул немного

стих и все взгляды обращены к ней. Остановившись перед полупустой информационной стойкой, Эрика приветливо кивнула.

— Через несколько минут у нас будет возможность поздороваться как следует, — сказала она, прошла дальше и постучала по косяку стеклянной двери.

Покидающему пост главному редактору Хокану Морандеру было пятьдесят девять лет, и двенадцать из них он провел в стеклянной клетке редакции «СМП». Как и Эрику Бергер, его когда-то пригласили со стороны, то есть в свое время он так же впервые прошел через редакцию, как только что прошла она. Он растерянно посмотрел на нее, бросил взгляд на наручные часы, встал и поздоровался.

— Здравствуйте, Эрика. Я думал, вы приступите в понедельник.

— Я не смогла еще день просидеть дома. И вот я здесь.

Морандер протянул ей руку.

— Добро пожаловать. Я страшно рад, что вы меня сменяете.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Эрика.

Он пожал плечами. Секретарша Беатрис принесла кофе и молоко.

— У меня такое чувство, будто я уже живу вполсилы. Говорить об этом мне вообще-то не хочется. Сперва ты всю жизнь чувствуешь себя подростком, у которого впереди бессмертие, а потом вдруг оказывается, что осталось уже совсем немного. Но одно могу сказать точно — я не намерен провести оставшееся время в этой стеклянной клетке.

Он непроизвольно потер грудь — у него были проблемы с сердцем и сосудами, что и явилось причиной его внезапного ухода и вынудило Эрику приступить к работе на несколько месяцев раньше, чем оговаривалось изначально.

Эрика обернулась и посмотрела на редакционный зал. Он был наполовину пуст, а репортер с фотографом направлялись к лифту, чтобы собрать материал о первомайских событиях.

— Если я мешаю и вам сегодня не до меня, то я сразу уйду.

— Моя работа сегодня заключается в том, чтобы написать передовицу в четыре с половиной тысячи знаков о первомайских демонстрациях. Я их уже столько написал, что могу делать это во сне. Если социалисты выступят за развязывание войны с Данией, я должен объяснить, почему они не правы. Если социалисты выступят против войны с Данией, я тоже должен объяснить, почему они и в этом случае не правы.

— С Данией? — переспросила Эрика.

— Ну, первого мая надо непременно затронуть конфликт по вопросу об интеграции. И что бы социалисты ни говорили, они, разумеется, будут

не правы.

Он вдруг засмеялся.

— Звучит цинично.

— Добро пожаловать в «СМП».

Эрика не имела определенного мнения о главном редакторе Хокане Морандере. В кругу главных редакторов он принадлежал к числу безликих представителей власти. Читая его передовицы, она представляла его себе скучным, консервативным человеком, мастером по брюзжанию на тему налогов и типичным либеральным борцом за свободу слова, но лично с ним раньше не встречалась и не общалась.

— Расскажите мне о работе, — попросила она.

— Я уйду в конце июня. Два месяца мы будем работать параллельно, и за это время вы сможете обнаружить как позитивные, так и негативные моменты. Я циник и поэтому вижу в основном негативное.

Он поднялся и встал рядом с ней возле стеклянной стенки.

— Вы обнаружите, что за этой стенкой у вас имеется ряд противников — дневные руководители и ветераны из числа редакторов создают свои маленькие империи и образуют собственный клуб, членом которого вы стать не сможете. Они будут пытаться раздвигать границы и проталкивать собственные темы и взгляды, а вам придется держать бразды правления крепкой рукой, чтобы им противостоять.

Эрика кивнула.

— У вас будут ночные руководители Биллинг и Карлссон... это отдельная тема. Они терпеть не могут друг друга и, слава богу, работают в разные смены, но ведут себя так, будто оба являются ответственными выпускающими и главными редакторами. Еще есть Андерс Хольм — руководитель информационного отдела, с которым вам придется довольно часто иметь дело. У вас с ним наверняка будут стычки. На самом деле «СМП» изо дня в день делает он. Есть несколько репортеров, капризных, как примадонны, и несколько таких, кого следовало бы отправить на пенсию.

— Неужели хороших сотрудников совсем нет?

Морандер вдруг засмеялся.

— Есть. Вам придется самой решать, с кем вы работаетесь. В редакции имеется несколько первоклассных журналистов.

— А руководство?

— Председателем правления является Магнус Боргшё, как раз он вас и нанимал. Он очаровательный представитель старой школы, немного старомоден и немного реформатор, но главное, он — человек, который все

решает. Имеется несколько членов правления — в основном представители семьи владельцев, которые по большей части просто отсиживают время, но есть и парочка таких, которые вечно суется и делают вид, что это они всем управляют.

— Похоже, вы не слишком довольны правлением?

— Существует разделение труда: вы выпускаете газету, они занимаются финансовой стороной. Они не должны вмешиваться в содержание газеты, но постоянно возникают разные ситуации... Честно говоря, Эрика, вам придется нелегко.

— Почему?

— По сравнению с золотым периодом шестидесятых годов тираж сократился почти на сто пятьдесят тысяч экземпляров, и «СМП» вскоре может оказаться нерентабельной. Мы проводим рационализацию и начиная с восьмидесятого года сократили уже сто восемьдесят должностей. Мы перешли на формат таблоида, что следовало сделать еще двадцать лет назад. «СМП» по-прежнему принадлежит к числу крупных газет, но еще чуть-чуть, и нас станут рассматривать как второсортную газету. Если уже не рассматривают.

— Тогда почему они выбрали меня? — спросила Эрика.

— Потому что средний возраст читателей «СМП» — пятьдесят с плюсом, а прирост двадцатилетних почти равен нулю. Газету нужно обновлять. Правление рассудило, что надо выбрать самую невысказанную кандидатуру на должность главного редактора, какую только можно представить.

— Женщину?

— Не просто женщину, а женщину, разгромившую империю Веннерстрёма и прославившуюся как королева журналистских расследований, известную исключительной твердостью характера. Подумайте сами. Это сильный ход. Если уж вы не сумеете обновить газету, то этого не сможет сделать никто. То есть «СМП» нанимает не просто Эрику Бергер, а прежде всего репутацию Эрики Бергер.

Когда Микаэль Блумквист вышел из кафе «Копакабана», расположенного возле кинотеатра у площади Хурнстулль, было начало третьего. Он надел темные очки, завернул на набережную, направляясь к метро, и почти сразу увидел знакомую серую машину «вольво», припаркованную прямо за углом. Не сбавляя шага, он заметил, что у машины тот же номерной знак и что в ней никого нет.

За последние четверо суток он видел этот автомобиль в седьмой раз.

Вполне возможно, что машина находилась поблизости от него и раньше, а он обратил на нее внимание лишь по чистой случайности. Впервые Микаэль заметил ее стоящей неподалеку от собственной парадной на Бельмансгатан, когда в среду утром шел в редакцию «Миллениума». Случайно глянув на номерной знак, он увидел буквы КАБ и вспомнил название фирмы, принадлежавшей Залаченко, — та называлась «Карл Аксель Бодин АВ», сокращенно тоже КАБ. Вероятно, он не обратил бы на машину особого внимания, если бы не видел этот же номерной знак двумя часами раньше, когда обедал вместе с Хенри Кортесом и Малин Эрикссон на площади Медборгарплатсен. В тот раз «вольво» стояла на боковой улице, возле редакции «Миллениума».

Микаэль даже призадумался, не сходит ли он с ума, но, когда он ближе к вечеру навещал Хольгера Пальмгрена в реабилитационном центре в Эрсте, серая машина «вольво» стояла на стоянке для посетителей. Это явно была не случайность. Микаэль Блумквист начал внимательно поглядывать по сторонам. Следующим утром, вновь заметив ту же машину, он ничуть не удивился.

Шофера Микаэль ни разу не видел, однако в беседе со службой регистрации автомобилей выяснилось, что машина зарегистрирована на имя Йорана Мортенссона, сорока лет, проживающего на Виттангигатан в районе Веллингбю. Небольшое исследование показало, что Йоран Мортенссон имеет квалификацию консультанта предприятий и владеет собственной фирмой, зарегистрированной на адрес почтового ящика на Флемминггатан на острове Кунгсхольмен. В целом у Мортенссона оказался любопытный послужной список. В восемнадцать лет, в 1983 году, он прошел военную службу в разведывательном подразделении береговой охраны, а затем поступил на работу в Вооруженные силы Швеции. Там он успел дослужиться до лейтенанта и в 1989 году переквалифицировался, начав учиться в Высшей школе полиции в Сольне. С 1991 по 1996 год работал в Стокгольмской полиции, откуда исчез в 1997 году и в 1999-м зарегистрировал собственную фирму.

Следовательно, СЭПО.

Микаэль прикусил нижнюю губу. Если только он не помешался на почве своих расследований, за ним следят, но столь топорно, что ему удалось это обнаружить.

А может, и не топорно? Ведь единственной причиной, по которой он обратил внимание на машину, был номерной знак, по странному стечению обстоятельств вызвавший у него определенные ассоциации. Если бы не буквы КАБ, он не удостоил бы машину и взгляда.

Всю пятницу «КАБ» блистал своим отсутствием. Микаэль не был уверен, но ему показалось, что в этот день его сопровождала красная «ауди», правда, разглядеть номер ему не удалось. Однако в субботу «вольво» вернулась.

Ровно через двадцать секунд после того, как Микаэль Блумквист покинул кафе «Копакабана», Кристер Мальм, сидящий в тени, за столиком кафе на другой стороне улицы, поднял цифровой аппарат «Никон» и сделал серию из двенадцати снимков. Он сфотографировал двух мужчин, вышедших из «Копакабаны» сразу после Микаэля и проследовавших за ним мимо кинотеатра.

Один из мужчин был довольно моложавым блондином неопределенного возраста. Другой казался немного постарше, с редкими светло-рыжими волосами и в темных очках. На обоих были джинсы и темные кожаные куртки.

Возле серой «вольво» они расстались. Тот, что постарше, открыл дверцу машины, а моложавый двинулся следом за Микаэлем Блумквистом в сторону метро.

Кристер Мальм опустил камеру и вздохнул. Он представления не имел, зачем Микаэль настойчиво просил его погулять в воскресенье днем вокруг кафе «Копакабана» и проверить, не обнаружится ли там серая машина марки «вольво» с нужным регистрационным номером. Согласно инструкции, Кристеру следовало попытаться сфотографировать человека, который, по мнению Микаэля, сразу после трех подойдет к машине и откроет дверцу. Параллельно ему надлежало проверить, не станет ли кто-нибудь тайно преследовать Микаэля.

Это выглядело как типичная игра в детектива Калле Блумквиста. Кристер Мальм никак не мог понять, параноик Микаэль по натуре или же обладает какими-то аномальными талантами. После событий в Госсексере Микаэль совсем замкнулся, с ним стало трудно разговаривать. Правда, Микаэль всегда вел себя подобным образом, когда работал над каким-нибудь сложным материалом. Кристер помнил его таким же замкнутым и одержимым в период истории с Веннерстрёмом, но сейчас эти качества проявлялись отчетливее, чем когда-либо.

Однако Кристер без труда убедился, что за Микаэлем Блумквистом действительно следят. Здесь явно назревала какая-то новая чертовщина, которая, скорее всего, потребует от «Миллениума» времени, сил и ресурсов. Кристер Мальм считал, что теперь, когда главный редактор дезертировал в Большого Дракона и с таким трудом достигнутая

стабильность «Миллениума» вдруг оказалась под угрозой, не самое лучшее время для игры в детективов. Но с другой стороны, он уже минимум десять лет не ходил ни на какие демонстрации, за исключением парада лиц нетрадиционной ориентации, и в это первомайское воскресенье спокойно мог откликнуться на просьбу Микаэля. Кристер поднялся и побрел за преследователем Микаэля Блумквиста, хотя этого от него уже не требовалось. Правда, уже на Лонгхольмсгатан он потерял мужчину из виду.

Поняв, что его телефон прослушивается, Микаэль Блумквист первым делом послал Хенри Кортеса купить старые мобильные телефоны, и Кортес буквально за гроши раздобыл нераспроданную партию аппаратов «Эрикссон Т10». Микаэль открыл анонимные счета для оплаты карточек и раздал резервные телефоны Малин Эрикссон, Хенри Кортесу, Аннике Джаннини, Кристеру Мальму и Драгану Арманскому, один, разумеется, оставив себе. Новые средства связи использовались только для разговоров, абсолютно не предназначенных для чужих ушей. Повседневное же телефонное общение шло по обычным официальным номерам. То есть всем приходилось таскать с собой по два мобильных телефона.

Из кафе «Копакабана» Микаэль поехал в «Миллениум», где в эти выходные дежурил Хенри Кортес. После убийства Залаченко Микаэль составил график дежурств, согласно которому в редакции «Миллениума» всегда находились люди и кто-нибудь оставался ночевать. Помимо его самого в графике значились Хенри Кортес, Малин Эрикссон и Кристер Мальм. Ни Лотту Карим, ни Монику Нильссон или менеджера по распределению рекламных площадей Сонни Магнуссона туда включать не стали. Им даже не предлагали. Лотта Карим безумно боялась темноты и ни за что в жизни не согласилась бы одна ночевать в редакции, Монику Нильссон темнота смущала меньше всего, но она работала над своими темами как безумная и принадлежала к числу людей, которые всегда уходят домой сразу после окончания рабочего дня. Сонни Магнуссону был шестьдесят один год, он не имел никакого отношения к редакционной работе, да и скоро собирался в отпуск.

— Есть что-нибудь новое? — поинтересовался Микаэль.

— Ничего особенного, — ответил Хенри Кортес. — В новостях сегодня, естественно, говорят о Первом мая.

Микаэль кивнул.

— Я посижу тут пару часиков. Можешь пока считать себя свободным, возвращайся к девяти.

Когда Хенри Кортес удалился, Микаэль подошел к своему

письменному столу и, достав анонимный мобильный телефон, позвонил Даниэлю Улофссону, независимому журналисту из Гётеборга. За прошедшие годы «Миллениум» опубликовал несколько статей Улофссона, и Микаэль питал большое доверие к его способности добывать важный материал.

— Привет, Даниэль. Это Микаэль Блумквист. Ты свободен?

— Да.

— Мне нужно провести небольшую исследовательскую работу. Ты можешь выписать счет за пять дней, но никакой статьи от тебя не требуется. Или вернее, если захочешь, можешь написать на эту тему статью и мы ее опубликуем, но нас интересует только сам материал.

— Shoot. [\[21\]](#)

— Дело несколько деликатного свойства. Ты не должен обсуждать его ни с кем, кроме меня, и связываться со мной тебе придется только по интернетовскому адресу электронной почты. Я хочу, чтобы ты даже не упоминал о том, что проводишь исследование по заданию «Миллениума».

— Звучит заманчиво. Что тебе надо?

— Я хочу, чтобы ты сделал рабочий репортаж из Сальгренской больницы. Назовем его «Скорая помощь», и он сможет отразить разницу между реальностью и телесериалом. Мне надо, чтобы ты несколько дней понаблюдал за работой отделений неотложной помощи и интенсивной терапии. Поговори с врачами, сестрами, уборщицами и всеми, кто там работает. Каковы у них условия работы, чем они занимаются и тому подобное. И разумеется, нужны фотографии.

— Отделение интенсивной терапии? — переспросил Улофссон.

— Именно. Мне бы хотелось, чтобы ты обратил внимание на послеоперационный уход за тяжелыми больными в коридоре одиннадцать-С. Я хочу знать, как этот коридор выглядит на плане, кто там работает, как они выглядят и чем занимались раньше.

— Хм, — сказал Даниэль Улофссон. — Если не ошибаюсь, в одиннадцать-С проходит лечение некая Лисбет Саландер.

Его так легко не проведешь.

— Неужели? — удивился Микаэль Блумквист. — Любопытно. Разузнай, в какой палате она лежит, что находится в прилегающих помещениях и какой у нее распорядок дня.

— Предполагаю, что в этом репортаже речь пойдет совсем о другом, — сказал Даниэль Улофссон.

— Я уже говорил... Меня интересуют только собранные тобой сведения.

Они обменялись адресами электронной почты.

Открыв дверь палаты, сестра Марианн обнаружила Лисбет Саландер лежащей на спине прямо на полу.

— Хм, — произнесла сестра Марианн, выражая тем самым сомнение по поводу того, подобает ли лежать на полу в отделении интенсивной терапии. Однако она не могла не признать, что другого подходящего места для моциона у пациентки просто нет.

Согласно рекомендациям физиотерапевта, в течение тридцати минут Лисбет Саландер пыталась делать отжимания, растяжки и приседания и вся взмокла. У нее имелся длинный перечень движений, которые ей следовало ежедневно выполнять, чтобы укрепить мускулатуру плеча и бедер после перенесенной три недели назад операции. Лисбет тяжело дышала и чувствовала, что находится очень далеко от идеальной формы. Она быстро уставала, и при малейшем напряжении у нее что-то тянуло и болело в плече. Зато она, несомненно, шла на поправку. Головные боли, мучавшие ее в первое время после операции, утихли и возникали только иногда.

Лисбет считала, что уже достаточно здорова для выписки или хотя бы для попытки улизнуть из больницы, но подходящих возможностей не представлялось. С одной стороны, врачи еще не объявили ее здоровой, а с другой — дверь в палату была постоянно заперта и находилась под наблюдением чертова наемника из службы охраны, сидевшего на стуле в коридоре.

Она уже вполне окрепла для того, чтобы ее могли перевести в обычное реабилитационное отделение, однако после некоторых переговоров полиция и руководство больницы решили пока оставить Лисбет в палате номер 18. Эту палату было легко охранять, поблизости все время находился кто-нибудь из персонала, и она располагалась в конце загибавшегося буквой «Г» коридора. Начальство сочло, что проще держать Лисбет в коридоре 11-С, где персонал после убийства Залаченко был проинструктирован насчет мер безопасности и уже знаком с ее сложной ситуацией, чем переводить ее в другое отделение и менять уже устоявшийся порядок.

В любом случае выписка Лисбет Саландер из Сальгрэнской больницы считалась вопросом нескольких недель. Как только врачи сочтут ее достаточно здоровой, ее перевезут в Стокгольм, в следственный изолятор Крунуберг, где ей предстоит дожидаться суда. Принимать решение относительно времени выписки должен был доктор Андерс Юнассон.

Провести первый серьезный допрос доктор Юнассон разрешил

полиции только через десять дней после выстрелов в Госсенберге, что вполне устраивало Аннику Джаннини. К сожалению, Андерс Юнассон ставил палки в колеса и самой Аннике, регламентируя общение с клиенткой, и это Аннику раздражало.

После переполоха в связи с убийством Залаченко доктор устроил глобальное обследование состояния Лисбет Саландер и учел тот факт, что, будучи подозреваемой в тройном убийстве, она, вероятно, испытала большой стресс. Андерс Юнассон не имел ни малейшего представления о степени ее виновности, но как врача его этот вопрос ни в коей мере не интересовал. Он просто пришел к выводу, что Лисбет Саландер подвергалась стрессу. В нее трижды стреляли, и одна из пуль попала ей в головной мозг и чуть ее не убила, после чего у нее никак не спадала температура и держались сильные головные боли.

Андерс Юнассон предпочел не рисковать. Убийца она или нет, Лисбет Саландер была его пациенткой и в его задачу входило заботиться о ее скорейшем выздоровлении. Поэтому он наложил запрет на посещения, никак не связанный с юридически обоснованным запретом прокурора. Он прописал лечение и полный покой.

Поскольку Андерс Юнассон считал, что полная изоляция является негуманной и что в отрыве от друзей хорошо себя чувствовать никто не может, он доверил адвокату Аннике Джаннини роль друга Лисбет Саландер. Юнассон серьезно поговорил с Анникой, объяснив ей, что она сможет навещать Лисбет каждый день и проводить с ней по одному часу. В это время ей разрешалось беседовать с пациенткой или просто сидеть молча, составляя той компанию, однако их разговоры, по возможности, не должны касаться житейских проблем Лисбет Саландер и надвигающихся юридических баталий.

— Лисбет Саландер стреляли в голову, и у нее очень серьезная травма, — внушал он. — Думаю, она вне опасности, но всегда существует риск возобновления кровотечений или возникновения осложнений. Ей надо дать покой и возможность вылечиться. Только после этого она сможет браться за свои проблемы с законом.

Анника Джаннини вняла логике рассуждений доктора Юнассона. Она провела с Лисбет Саландер несколько общих бесед, лишь намекнув на то, как выглядит их с Михаэлем стратегия, но возможности вдаваться в подробности первое время она не имела. Лисбет Саландер была попросту так напичкана болеутоляющими лекарствами и обессилена, что часто засыпала посреди разговора.

Драган Арманский взял фотографии, сделанные Кристером Мальмом, и принялся рассматривать двоих мужчин, выходящих из кафе «Копакабана» вслед за Микаэлем Блумквистом. Снимки получились на редкость четкими.

— Нет, — сказал он. — Раньше я их никогда не видел.

Микаэль кивнул. Они назначили встречу в кабинете Арманского в «Милтон секьюрити» в понедельник утром. В здание Микаэль вошел через гараж.

— Старший — это Йоран Мортенссон, владелец «вольво». Он преследовал меня, как совесть, не меньше недели, а может, и ранее.

— И вы утверждаете, что он из СЭПО.

Микаэль указал на составленную им историю карьеры Мортенссона — она говорила сама за себя. Арманский колебался: открытие Блумквиста вызывало у него противоречивые чувства.

Конечно, государственная тайная полиция вечно попадала впросак — это касалось не только шведской СЭПО, но, по всей видимости, и всех остальных разведывательных служб мира. Далеко за примером ходить не надо: французская тайная полиция послала команду водолазов-минеров в Новую Зеландию, чтобы взорвать судно Гринпис «Рейнбоу уорриор», что смело можно было рассматривать как самую идиотскую разведывательную операцию, возможно, за исключением участия президента Никсона в Уотергейте. При таком тупоумном командовании нечего удивляться, что регулярно возникают скандалы. Об успехах не сообщается никогда, зато когда делаются глупости или случаются провалы, СМИ набрасываются на службу безопасности со всей крепостью заднего ума.

Арманский никогда не понимал отношения шведских газет к СЭПО.

С одной стороны, СМИ рассматривали СЭПО как великолепный источник информации, и почти любая политическая оплошность выливалась в эффектные заголовки: «СЭПО подозревает, что...» Ссылка на СЭПО сразу придавала заголовку вес.

С другой стороны, СМИ и политики разных уровней дружно набрасывались на сотрудников СЭПО, следивших за шведскими гражданами, если их на этом деле ловили. Тут крылось нечто столь противоречивое, что Арманский каждый раз сомневался в здравомыслии как политиков, так и СМИ.

Против самого факта существования СЭПО Арманский ничего не имел. Кто-то ведь должен следить за тем, чтобы чокнутые национал-большевики, начитавшиеся Бакунина — или какого дьявола подобные неонацисты там читают, — не соорудили бомбу из минеральных удобрений с нефтью и не установили ее в фургоне перед резиденцией шведского

правительства. Следовательно, необходимость в СЭПО была, и Арманский считал, что некоторый присмотр за гражданами, если он ведется во имя защиты общей безопасности, совсем даже не вреден.

Проблема, разумеется, заключалась в том, что организация, призванная вести наблюдение за гражданами, должна находиться под самым жестким общественным контролем и за ней должен осуществляться строжайший конституционный надзор. Деятельность же СЭПО оказывалась практически недоступной для наблюдения политиков и членов Риксдага, даже когда премьер-министр назначал специального проверяющего, которому на бумаге предоставлялся доступ ко всему. Арманскому давали почитать книгу Карла Линдбума «Задание», и по мере чтения он удивлялся все больше. В США десяток руководителей СЭПО незамедлительно отправили бы в следственный изолятор за обструкцию и заставили бы строем пройти через публичный допрос комиссии конгресса. В Швеции же они явно были недостижимы.

Дело Лисбет Саландер показывало, что в этой организации что-то не в порядке, но, когда Микаэль Блумквист пришел и вручил ему мобильный телефон, свободный от прослушки, первой мыслью Драгана Арманского было, что Блумквист сошел с ума. Только вникнув в детали и изучив снимки Кристера Мальма, он с неохотой признал, что подозрения Блумквиста не лишены оснований. Это не предвещало ничего хорошего и означало, что заговор, жертвой которого пятнадцать лет назад стала Лисбет Саландер, действительно имеет место.

Для случайности тут было слишком много совпадений. Допустим, что Залаченко мог убить ненормальный борец с властями, но одновременно с этим у Микаэля Блумквиста и у Анники Джаннини похищают документ, составляющий основу доказательной базы. Это уже серьезно. А к тому же главный свидетель, Гуннар Бьёрк, взял да и повесился.

— Ладно, — сказал Арманский, забирая у Микаэля документы. — Итак, вы не против того, чтобы я передал это своему контактному лицу?

— Значит, вы говорите, что доверяете ему?

— Я знаю его как человека высоких моральных качеств и исключительной приверженности демократии.

— В СЭПО? — сказал Микаэль Блумквист с явным сомнением в голосе.

— Нам с вами необходимо прийти к согласию. Мы с Хольгером Пальмгренем оба одобрили ваш план и сотрудничаем с вами, но я утверждаю, что собственными силами нам с этим делом не справиться. Чтобы все не закончилось катастрофой, мы должны найти союзников среди

властных структур.

— О'кей, — неохотно кивнул Микаэль. — Просто мне прежде никогда не приходилось выдавать информацию о материале до того, как он опубликован.

— Но в данном случае вы это уже сделали. Вы уже все рассказали мне, своей сестре и Пальмгрону.

Микаэль кивнул.

— А поделились информацией вы, поскольку сами понимаете, что это дело выходит далеко за рамки статьи в вашем журнале. В данном случае вы не посторонний репортер, а действующее лицо разворачивающихся событий.

Микаэль кивнул.

— И в качестве действующего лица вы нуждаетесь в помощи, чтобы суметь достичь поставленной цели.

Микаэль снова кивнул. В любом случае, он не рассказал всей правды ни Арманскому, ни Аннике Джаннини. У него и Лисбет Саландер по-прежнему имелись тайны от всего прочего человечества. Он пожал Арманскому руку.

Глава

09

Среда, 4 мая

Через три дня после того, как Эрика Бергер приступила к работе в качестве главного редактора-практиканта, действующий главный редактор «СМП» Хокан Морандер скончался прямо посреди рабочего дня. Он все утро просидел у себя в стеклянной клетке, а Эрика вместе с ответственным секретарем Петером Фредрикссоном проводила совещание со спортивной редакцией с целью познакомиться с сотрудниками и понять, как они работают. Сорокапятилетний Фредрикссон был, как и Эрика, относительно новым человеком в «СМП» и проработал здесь всего четыре года. Эрике он казался молчаливым, компетентным в самых разных вопросах и приятным человеком, поэтому она решила, что, когда примет командование кораблем, будет во многом полагаться на его суждения. Значительную часть рабочего времени она прикидывала, на кого сможет опираться и кого сразу привлечет к руководству газетой. Фредрикссон, безусловно, входил в число кандидатов. Вернувшись в центральную редакцию, они увидели, как Хокан Морандер поднялся и направился к двери.

Вид у него был ошеломленный.

Потом он внезапно наклонился вперед, схватился за спинку офисного кресла, а через несколько секунд рухнул на пол и умер еще до прибытия «скорой помощи».

Во второй половине дня в редакции царила растерянность. Около двух приехал председатель правления Боргшё и созвал сотрудников на краткое собрание, посвященное памяти главного редактора. Он говорил о том, что последние пятнадцать лет жизни Морандер посвятил газете, и о той цене, которую иногда приходится платить журналистам. Потом он объявил минуту молчания, а по окончании ее стал оглядываться по сторонам, словно не зная, что делать дальше.

Смерть на работе — явление необычное, даже редкое. По-хорошему, людям полагается умирать где-нибудь в другом месте. Они должны уходить на пенсию или попадать в больницу и потом внезапно становиться темой общего разговора в комнате для ланча. Кстати, ты слышал, что в пятницу умер старик Карлссон? Да, сердце. Профсоюз должен послать на похороны цветы. Смерть прямо на рабочем месте и на глазах у сотрудников затрагивает людей совсем по-другому. Эрика заметила, что редакцию

охватил шок. Газета оказалась без рулевого. И вдруг она поняла, что многие сотрудники поглядывают на нее. На темную лошадку.

Хотя ее никто об этом не просил и толком не зная, что сказать, она выступила на полшага вперед и заговорила громким и твердым голосом:

— Я знала Хокана Морандера в общей сложности три дня. Это недолго, но даже столь краткое знакомство с ним позволяет мне со всей искренностью сказать, что я с удовольствием узнала бы его поближе.

Она сделала паузу, уголком глаза заметив, что Боргшё взглянул на нее и, казалось, удивлялся тому, что она вообще стала выступать. Эрика сделала еще шаг вперед. Не улыбайся. Тебе нельзя улыбаться, а то у тебя будет нерешительный вид. Она слегка повысила голос.

— Внезапная кончина Морандера создаст в редакции определенные проблемы. Я должна была сменить его только через два месяца и рассчитывала, что у меня будет время приобщиться к его опыту.

Она заметила, что Боргшё открыл рот, собираясь что-то сказать.

— Однако судьба распорядилась иначе, и нам предстоит пережить некоторый период притирания. Но Морандер был главным редактором ежедневной газеты, и завтра эта газета тоже должна выйти. У нас осталось девять часов до выхода тиража из типографии и четыре часа до сдачи передовицы. Можно узнать, кто из сотрудников был лучшим другом и ближайшим доверенным лицом Морандера?

Ненадолго воцарилось молчание — сотрудники косились друг на друга. Под конец откуда-то до Эрики донесся голос:

— Вероятно, это я.

Гуннар Магнуссон, шестьдесят один год, секретарь редакции, отвечающий за главную страницу газеты и работающий в «СМП» с тридцати пяти лет.

— Кто-то должен написать некролог Морандеру. Я этого сделать не могу... с моей стороны это было бы слишком самонадеянным. Вы в силах составить такой текст?

Немного поколебавшись, Гуннар Магнуссон кивнул:

— Я возьмусь за это.

— Мы используем всю страницу, отложив другой материал.

Гуннар еще раз кивнул.

— Нам потребуются фотографии... — Она покосилась направо и заметила главного бильд-редактора Леннарта Торкельссона. Тот кивнул.

— Надо браться за работу. В ближайшее время корабль будет, возможно, немного покачивать. Когда мне потребуется помощь в принятии решений, я буду с вами советоваться и полагаться на вашу компетентность

и опыт. Вы ведь знаете, как делается эта газета, а мне предстоит еще некоторое время учиться.

Она обратилась к ответственному секретарю редакции Петеру Фредрикссону:

— Петер, насколько я поняла Морандера, вы — человек, к которому он испытывал большое доверие. На ближайшее время вам придется стать моим ментором и взвалить на свои плечи несколько больше, чем обычно. Я попрошу вас быть моим советчиком. Вы согласны?

Он кивнул. Что ему еще оставалось делать?

Эрика вновь вернулась к главной странице.

— Еще одно... все утро Морандер писал передовицу. Гуннар, не могли бы вы сесть за его компьютер и посмотреть, готова ли она? Если она даже не закончена, мы ее все равно опубликуем. Газета, которую мы делаем сегодня, по-прежнему является газетой Хокана Морандера.

Молчание.

— Если кому-то из вас нужен перерыв, чтобы немного побыть в одиночестве и прийти в себя, пожалуйста, прервите работу, не испытывая угрызений совести. Вы все сами знаете, когда у нас крайние сроки.

Молчание. Она отметила, что некоторые закивали со сдержанным одобрением.

— Go to work, boys and girls,^[22] — тихо произнесла Эрика.

Йеркер Хольмберг беспомощно развел руками. На лицах Яна Бублански и Сони Мудиг читалось сомнение, Курт Свенссон оставался бесстрастным. Все трое рассматривали результат предварительного расследования, которое Хольмберг завершил этим утром.

— Ничего? — с удивлением произнесла Соня Мудиг.

— Ничего, — ответил Хольмберг, помотав головой. — Мы утром получили заключительный отчет патологоанатомов. Все указывает исключительно на самоубийство через повешенье.

Все перевели взгляды на фотографии, сделанные в гостиной летнего домика в Смодаларё. Ничто не внушало сомнений в том, что Гуннар Бьёрк, занимавший в Службе государственной безопасности должность заместителя начальника отдела по работе с иностранцами, добровольно влез на табуретку, прикрепил к крюку от люстры петлю, надел ее себе на шею и решительно оттолкнул табуретку на несколько метров. Патологоанатом сомневался относительно точного времени смерти, но в конце концов определил его как вторую половину дня 12 апреля. Бьёрка обнаружил 17 апреля не кто иной, как Курт Свенссон. Произошло это после

того, как Бублански, неоднократно пытавшийся связаться с Бьёрком, рассердился и послал Свенссона, чтобы снова привезти его в полицию.

В какой-то момент в течение этих дней крюк на потолке не выдержал тяжести, и тело Бьёрка свалилось на пол. Свенссон увидел его через окно и поднял тревогу. Бублански и остальные, прибывшие на место, поначалу расценили его как место преступления, посчитав, что Бьёрка кто-то задушил. Крюк от люстры техническая группа обнаружила уже несколько позже. Йеркеру Хольмбергу поручили выяснить, как именно умер Бьёрк.

— Ничто не указывает на преступление или на то, что в этот момент там был кто-то еще, кроме Бьёрка, — сказал Хольмберг.

— А люстра...

— На люстре имеются отпечатки пальцев хозяина дома, вешавшего ее два года назад, и самого Бьёрка. А значит, снимал он.

— Откуда взялась веревка?

— С флагштока на заднем дворе. Кто-то отмотал примерно метра два. На подоконнике перед дверью на террасу лежала финка. Владелец дома говорит, что нож его и обычно лежит в ящике для инструментов под мойкой. Отпечатки пальцев Бьёрка имеются на ручке, лезвии и на ящике с инструментами.

— Хм, — произнесла Соня Мудиг.

— Что там были за узлы? — спросил Курт Свенссон.

— Обычные бабьи узлы. Сама удавка — просто петля. Возможно, это единственное, что несколько удивляет. Бьёрк ходил на яхтах и знал, как вяжутся настоящие узлы. Но кто ж знает, насколько человек, задумавший самоубийство, заботится о форме узлов.

— Наркотики?

— Согласно результатам токсикологической экспертизы, в крови Бьёрка имелись следы сильных обезболивающих таблеток. Это лекарство выдается только по рецепту, и оно как раз такого рода, как выписывали Бьёрку. Имелись еще следы алкоголя, но столь незначительные, что и говорить не о чем. Иными словами, он был более или менее трезв.

— Патологоанатом пишет, что у него есть ссадины.

— Трехсантиметровая ссадина на внешней стороне левого колена. Царапина. Я над этим думал, но оцарапаться он мог как угодно, например, удариться о край стула или что-нибудь в этом роде.

Соня Мудиг подняла фотографию, на которой было запечатлено сильно изменившееся лицо Бьёрка. Петля врезалась так глубоко, что под складкой кожи самой веревки видно не было. Лицо выглядело безобразно опухшим.

— Можно заключить, что, прежде чем вырвался крюк, он, по всей видимости, провисел несколько часов, вероятно, почти сутки. Вся кровь сконцентрирована отчасти в голове, поскольку удавка не давала ей разливаться по телу, отчасти в нижних частях конечностей. Когда крюк вырвался, тело ударилось о край стола грудной клеткой, там глубокая ссадина. Но эта рана появилась уже много позже наступления смерти.

— Отвратительный способ умирать, — сказал Курт Свенссон.

— Не знаю. Веревка была такой тонкой, что глубоко врезалась и остановила приток крови. Он, вероятно, потерял сознание в течение нескольких секунд и умер через одну-две минуты.

Бублански с отвращением захлопнул отчет о предварительном расследовании. Залаченко и Бьёрк оба, похоже, умерли в один день, и это ему совершенно не нравилось. Один застрелен сумасшедшим борцом с властями, а другой покончил с собой. Однако никакие рассуждения не могли изменить того факта, что обследование места преступления ни в малейшей степени не подтвердило подозрения, будто кто-то помог Бьёрку отправиться на тот свет.

— Он испытывал большое давление, — сказал Бублански. — Знал, что дело Залаченко вот-вот получит огласку и что он сам рискует попасть в тюрьму за нарушение закона о борьбе с проституцией и оказаться в центре внимания СМИ. Не знаю, чего он боялся больше. Он был нездоров, его долгое время мучили хронические боли... Не знаю. Я был бы признателен, если бы он оставил письмо или что-нибудь в этом роде.

— Многие из тех, кто совершает самоубийство, не оставляют никаких прощальных писем.

— Знаю. Ладно. Выбора у нас нет, о Бьёрке придется забыть.

Эрика Бергер не могла заставить себя сразу усесться в кресло Морандера в стеклянной клетке, отодвинув его личные вещи в сторону. Она условилась с Гуннаром Магнуссоном о том, что тот договорится с семьей Морандера и вдова подойдет, когда ей будет удобно, чтобы отобрать принадлежащие ей вещи.

Вместо этого Эрика очистила место за центральным столом, прямо среди множества редакторов, установила там свой лэптоп и приняла командование на себя. Царил хаос, но через три часа после того, как она столь неожиданно встала у руля «СМП», главная страница газеты была сдана в печать. Гуннар Магнуссон написал четыре столбца о жизни и деятельности Хокана Морандера, в центре страницы поместили портрет покойного, его незаконченную передовицу — слева, а понизу дали серию

фотографий. С точки зрения дизайна это было неверно, но недостатки скрашивал сильный эмоциональный заряд.

Около шести часов вечера Эрика просматривала рубрики первой страницы и обсуждала тексты с руководителем редакторов. В это время к ней подошел Боргшё и тронул за плечо. Она подняла взгляд.

— Могу я попросить вас на несколько слов?

Они прошли к кофейному автомату в комнате для ланча.

— Я только хочу сказать, что мне очень понравилось, как вы сегодня взяли на себя руководство. Думаю, вам удалось нас всех удивить.

— У меня не было особенного выбора. Но все пойдет гладко, только когда я как следует освоюсь.

— Мы это понимаем.

— Мы?

— Я имею в виду и сотрудников, и правление. Особенно правление. Однако после того, что произошло сегодня, я больше чем когда-либо уверен в том, что мы не ошиблись, остановив свой выбор на вас. Вы пришли сюда в последний момент и были вынуждены принимать дела в крайне затруднительной ситуации.

Эрика почти покраснела — такого с ней не бывало лет с четырнадцати.

— Могу я дать вам добрый совет...

— Разумеется.

— Я слышал, что вы тут обменивались мнениями по поводу расстановки заголовков с Андерсом Хольмом, руководителем отдела информации.

— Мы разошлись в том, под каким углом подавать статью, посвященную предложению правительства по налогам. Он вынес определенную позицию прямо в рубрику на месте, отведенном для новостей. А там мы должны подавать информацию нейтрально. Позиции следует раскрывать на главной странице. И раз уж мы об этом заговорили — я буду время от времени писать передовицы, но я, как вы знаете, не принадлежу к какой-либо политической партии, поэтому нам надо решить вопрос о том, кто будет руководить редакцией, работающей над главной страницей.

— Пока этим может заняться Магнуссон, — сказал Боргшё.

Эрика Бергер пожала плечами.

— Мне все равно, кого вы выделите. Но это должен быть человек, несущий полную ответственность за взгляды газеты.

— Я понимаю. Но я хочу лишь сказать, что вам, пожалуй, стоит предоставить Хольму некоторую свободу. Он работает в «СМП» давно и

уже пятнадцать лет руководит информационным отделом. Он знает, что делает. Хольм бывает строптив, но он практически незаменим.

— Я знаю. Морандер мне говорил. Однако в подаче новостей ему все-таки придется подстраиваться под остальных. В конце концов, вы наняли меня, чтобы обновлять газету.

Боргшё задумчиво кивнул.

— О'кей. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Когда Анника Джаннини в среду вечером, возвращаясь в Стокгольм, села на Гётеборгском центральном вокзале в поезд X2000, она чувствовала себя усталой и раздраженной. Ей казалось, что в последний месяц она просто живет в этом поезде и практически перестала видеться с семьей. Анника сходила в вагон-ресторан за кофе, вернулась на свое место и открыла папку с записями последней беседы с Лисбет Саландер, которая явилась дополнительной причиной ее усталости и раздражения.

Она темнит, думала Анника Джаннини. Эта глупышка не рассказывает мне правды. И Микке тоже темнит. Одному богу известно, чем они занимаются.

Анника также констатировала, что, поскольку брат и клиентка не имеют возможности общаться, заговор — если таковой существует — возник сам собой, они молчат о вещах, о которых им кажется естественным молчать. Неизвестно, в чем тут дело, но Микаэль Блумквист считает необходимым что-то скрывать.

Анника боялась, что речь идет о вопросах морали, которая являлась слабой стороной брата. Он считал себя другом Лисбет Саландер. Анника знала своего брата и его граничащую с тупостью лояльность по отношению к людям, которых он однажды причислил к друзьям, даже если друг оказывался несносен и стопроцентно ошибался. Ей также было известно, что Микаэль мог мириться со множеством глупостей, но что существовала некая граница, переходить которую нельзя. Где именно эта граница пролегла, зависело от конкретного лица, но Анника помнила случаи, когда Микаэль полностью порывал отношения с бывшими друзьями, если те совершали нечто, на его взгляд, аморальное и неприемлемое. Тогда он бывал непреклонен, разрыв происходил раз и навсегда и обсуждению не подлежал. Микаэль даже не отвечал на телефонные звонки, если указанное лицо звонило, чтобы униженно попросить прощения.

Что происходило в голове Микаэля Блумквиста, Анника Джаннини понимала, но не имела ни малейшего понятия о том, что творилось в голове Лисбет Саландер. Иногда ей казалось, что там полнейший штиль.

Микаэль говорил ей, что Лисбет Саландер бывает порой своенравной и не идет на контакт. До встречи с Лисбет Анника думала, что так будет лишь поначалу и весь вопрос в том, чтобы завоевать ее доверие. Однако после месяца бесед — правда, первые две недели прошли впустую, поскольку клиентка была не в силах поддерживать разговор, — Анника констатировала, что их общение по большей части является односторонним.

Также ей казалось, что Лисбет Саландер временами, похоже, пребывает в глубокой депрессии и не проявляет ни малейшего интереса к своему будущему. Она будто бы не понимала или не хотела понимать того, что Анника сможет ее полноценно защищать, только если получит доступ абсолютно ко всем фактам. Работать в потемках она не могла.

Лисбет Саландер была угрюма и немногословна. Она подолгу задумывалась, но, когда говорила, формулировала мысль четко. Часто она вообще не отвечала, а иногда вдруг выдавала ответ на вопрос, заданный Анникой несколькими днями раньше. Во время полицейских допросов Лисбет Саландер сидела в постели, словно воды в рот набрав, и смотрела прямо перед собой. Исключение составляли случаи, когда инспектор Маркус Эрландер спрашивал ее о том, что ей известно о Рональде Нидермане; тогда она смотрела на него и отвечала на вопросы по-деловому. Но стоило ему сменить тему, как она теряла интерес и снова устремляла взгляд вперед.

Анника была готова к тому, что Лисбет ничего не скажет полиции. С властями она не общалась из принципа, что в данном случае было к лучшему. Хотя Анника периодически чисто формально и призывала клиентку отвечать на вопросы полиции, на самом деле полное молчание Саландер ее очень устраивало. Причина была проста: последовательное молчание не содержало никакой лжи, в которой ее смогли бы уличить, и никаких противоречивых рассуждений, которые бы представили ее в суде в невыгодном свете.

Однако Аннику удивляла неколебимость клиентки. Однажды, оставшись один на один с Лисбет, она спросила, почему та чуть ли не демонстративно отказывается разговаривать с полицейскими.

— Они извратят мои слова и обернут их против меня.

— Но если ты не станешь ничего объяснять, тебя осудят.

— Ну и пусть. Я этой каши не заваривала. А если им хочется меня за нее осудить, это их проблема.

Аннике же Лисбет Саландер постепенно рассказала почти обо всем, что произошло в Сталлархольме, правда, слова из нее приходилось

буквально вытягивать. Только об одном она отказывалась говорить — о том, откуда у Магге Лундина взялась пуля в ноге. Как Анника ни приставала к ней с этим вопросом, Лисбет Саландер только дерзко смотрела на нее, улыбаясь своей кривой улыбкой.

Она рассказала и о происшедшем в Госсенберге, правда, умолчав о причинах, по которым выслеживала своего отца. Приехала она туда с целью его убить — как утверждал прокурор — или чтобы его образумить? С юридической точки зрения разница была огромной.

Когда Анника заговорила о ее бывшем опекуне, адвокате Нильсе Бьюрмане, Лисбет сделалась еще более немногословной. Она регулярно отвечала, что не убивала его и что это не входит в выдвинутое против нее обвинение.

А когда Анника коснулась ключевого момента во всей истории — роли доктора Петера Телеборьяна в событиях 1991 года, Лисбет окончательно замолчала.

«Это никуда не годится, — сделала вывод Анника. — Если Лисбет мне не доверяет, мы проиграем процесс. Мне необходимо поговорить с Микке».

Лисбет Саландер сидела на краю кровати и смотрела в окно, из которого ей был виден фасад по другую сторону автостоянки. Ее никто не беспокоил, и с тех пор, как Анника Джаннини встала и в порыве гнева захлопнула за собой дверь, она просидела неподвижно уже больше часа. Снова прорезалась головная боль, но не сильная и какая-то отдаленная, однако чувствовала она себя отвратительно.

Она разозлилась на Аннику Джаннини. С практической точки зрения Лисбет было ясно, зачем адвокат постоянно копается в деталях ее прошлого. Умом она понимала, для чего Аннике нужны абсолютно все факты, но ей совершенно не хотелось рассказывать о своих чувствах и действиях. Ее жизнь не должна никого касаться. Она не виновата в том, что ее отцом оказался патологический садист и душегуб. Она не виновата в том, что ее брат — профессиональный убийца. Слава богу, никому не известно, что он ее брат, иначе бы это тоже наверняка поставили ей в вину во время психиатрического обследования, которое рано или поздно будет проводиться. Она не убивала Дага Свенссона и Миа Бергман. И не она назначила себе опекуна, оказавшегося скотиной и насильником.

Тем не менее именно ее жизнь выворачивают наизнанку и ей приходится объясняться и просить прощения за то, что она себя защищала.

Ей хотелось, чтобы ее оставили в покое. В конце концов, главное быть в ладу с собой. Она не ждала, что кто-нибудь станет ей другом. Чертова

Анника Джаннини, вероятно, стоит на ее стороне, но тут дружба носит профессиональный характер, поскольку та ее адвокат. Где-то еще имеется Чертов Калле Блумквист — Анника о брате особенно не распространялась, а Лисбет никогда о нем не спрашивала. Она не рассчитывала, что он станет особенно надирать после того, как убийство Дага Свенссона раскроют и у него появится желаемый материал.

Ее интересовало, что думает о ней после всего произошедшего Драган Арманский.

Было любопытно, как расценивает ситуацию Хольгер Пальмгрен.

Анника Джаннини говорила, что они оба заняли место в ее углу ринга, но это ведь только слова. Они ничего не могут сделать, чтобы решить ее личные проблемы.

Она задумалась о том, какие чувства испытывает к ней Мириам Ву.

Задумалась над собственными чувствами по отношению к самой себе и пришла к выводу, что по большому счету собственная жизнь ей безразлична.

Внезапно ее одиночество нарушили — охранник вставил ключ в замок и впустил к ней доктора Андерса Юнассона.

— Добрый вечер, фрёкен Саландер. Как мы себя сегодня чувствуем?

— О'кей, — ответила она.

Он проверил ее журнал, чтобы убедиться в отсутствии высокой температуры. Лисбет привыкла к визитам, которые он наносил ей два в неделю, и из всех людей, занимавшихся ею и тыкавших в нее пальцами, только к нему она испытывала определенную долю доверия. Она ни разу не заметила, чтобы он на нее странно косился. Он заходил к ней в палату, немного с ней разговаривал и проверял, как себя чувствует ее тело. Не задавал вопросов о Рональде Нидермане или Александре Залаченко, не спрашивал, в своем ли она уме или почему полиция держит ее под замком. Его, похоже, интересовало лишь, как работают ее мышцы, как продвигается заживление раны мозга и как ее самочувствие в целом.

Кроме того, ему доводилось копаться у нее в мозгу в самом прямом, физическом смысле. А она считала, что к человеку, копавшемуся в твоём мозгу, надо относиться с уважением. К своему удивлению, она обнаружила, что воспринимает визиты Андерса Юнассона как приятные, несмотря на то что он ее щупал и анализировал кривые ее температуры.

— Ничего, если я в этом удостоверюсь?

Он провел обычный осмотр — посмотрел ее зрачки, послушал дыхание, измерил пульс и проверил РОЭ.

— Как мои дела?

— Дело явно идет на поправку, но надо больше заниматься гимнастикой. И ты расчесываешь корочку раны на голове — прекрати это делать.

Он сделал паузу.

— Можно задать тебе личный вопрос?

Она покосилась на него. Он дождался, чтобы она кивнула.

— Этот дракон... я не видел татуировку целиком, но понимаю, что она огромная и покрывает большую часть спины. Зачем ты ее себе сделала?

— Ты ее не видел?

Он вдруг улыбнулся.

— Я хочу сказать, что видел ее только мельком. Но когда ты находилась в моем обществе без одежды, я был целиком поглощен остановкой кровотечений, извлечением из тебя пуль и тому подобным.

— Почему ты спросил?

— Из чистого любопытства.

Лисбет Саландер надолго задумалась. В конце концов она посмотрела на него.

— Я сделала ее по личным соображениям, рассказывать о которых мне не хочется.

Поразмыслив над ответом, Андерс Юнассон задумчиво кивнул.

— О'кей. Извини, что я спросил.

— Хочешь на нее посмотреть?

Он явно удивился.

— Ну, почему бы и нет.

Лисбет повернулась к нему спиной и задрала рубашку на голову, встав так, чтобы свет от окна падал ей на спину. Андерс Юнассон констатировал, что дракон занимает существенную часть правой стороны спины. Он начинался высоко на плече и заканчивался, немного заходя хвостом на бедро. Татуировка была красивой и профессионально сделанной и выглядела как настоящее произведение искусства.

Через некоторое время Лисбет повернула голову.

— Удовлетворен?

— Очень красиво. Но должно быть, тебе было чертовски больно.

— Да, — призналась она. — Было больно.

Андерс Юнассон покинул палату Лисбет Саландер в некоторой растерянности. Ее физическим состоянием он остался доволен, но он никак не мог понять эту странную девушку. Не требовалось сдать магистерский экзамен по психологии, чтобы прийти к выводу, что ее душевное состояние

оставляет желать лучшего. Разговаривала она с ним любезно, но с откровенной подозрительностью. Ему было также известно, что она любезна и с остальным персоналом, но не произносит ни звука, когда ее посещают полицейские. Она проявляла исключительную, непробиваемую замкнутость, все время демонстративно держась от окружающих на расстоянии.

Полиция содержала ее под замком, а прокурор намеревался обвинить в попытке убийства и нанесении тяжкого вреда здоровью. Андерса Юнассона озадачивало, откуда у такой маленькой хрупкой девушки взялась физическая сила, необходимая для подобных действий, сопряженных с грубым насилием, да еще по отношению к взрослому мужчине.

О драконе он спросил в основном для того, чтобы нащупать какую-нибудь личную тему разговора. На самом деле его совсем не интересовало, зачем она так себя разукрасила, но он предполагал, что раз она решилась нанести на тело столь крупную татуировку, то это имело для нее какое-то особое значение. То есть тема казалась вполне подходящей для завязывания разговора.

У него вошло в привычку посещать ее раза два в неделю. Вообще-то эти посещения в его рабочем графике не значились — ее лечащим врачом была доктор Хелена Эндрин. В то же время Андерс Юнассон являлся главным врачом отделения травматологии и был чрезвычайно доволен своими действиями в ту ночь, когда Лисбет Саландер привезли в больницу. Он принял правильное решение, когда предпочел извлечь пулю, и, судя по всему, после пулевого ранения у Саландер не возникло никаких осложнений вроде провалов в памяти, снижения физических функций и прочих признаков инвалидности. Если ее выздоровление пойдет так и дальше, то она покинет больницу с рубцом на голове, но без каких-либо других последствий. О том же, какие рубцы образовались у нее в душе, он судить не мог.

Подходя к своему кабинету, он обнаружил, что возле двери, прислонившись к стене, стоит мужчина в темном пиджаке.

— Доктор Юнассон?

— Да.

— Здравствуйте, меня зовут Петер Телеборьян. Я главный врач психиатрической клиники Святого Стефана в Упсале.

— Конечно, я вас знаю.

— Отлично. Если у вас найдется время, я хотел бы с вами поговорить.

Андерс Юнассон отпер дверь кабинета.

— Чем я могу быть вам полезен? — поинтересовался он.

— Это касается одной из ваших пациенток. Лисбет Саландер. Мне нужно ее повидать.

— Хм. В таком случае вам необходимо попросить разрешения у прокурора. Она находится под арестом, и пускать к ней посетителей запрещено. О посещениях надо также заранее предупредить адвоката Саландер...

— Да-да, я знаю. Я подумал, что в этом случае мы обойдемся без бюрократической волокиты. Поскольку я врач, вы можете пропустить меня к ней по чисто медицинским соображениям.

— Ну, в принципе такая мотивировка возможна. Однако я не совсем понимаю, с чем это связано.

— Когда Лисбет Саландер постоянно находилась на излечении в клинике Святого Стефана, я несколько лет был ее психиатром. Я вел ее до восемнадцати лет, когда по решению суда ее выпустили из интерната, правда, под присмотр опекуна. Следует заметить, что я, естественно, был против этого. С тех пор ей фактически предоставили делать, что она хочет, и сегодня мы наблюдаем результат.

— Понимаю, — сказал Андерс Юнассон.

— Я по-прежнему чувствую за нее большую ответственность и хотел бы иметь возможность оценить масштабы ухудшения, произошедшего за последние десять лет.

— Ухудшения?

— По сравнению с тем временем, когда она получала квалифицированную помощь. Я полагал, что, как коллеги, мы всегда сможем договориться и найти подобающее решение.

— Пока я не забыл... Вероятно, как коллега коллеге, вы можете помочь мне разобраться в одном вопросе. Когда она поступила в Сальгренскую больницу, я принял все меры к тому, чтобы составить полную картину ее состояния здоровья. Один коллега запросил судебно-медицинское заключение по поводу Лисбет Саландер, написанное неким доктором Йеспером Х. Лёдерманом.

— Совершенно верно. Я был у Йеспера руководителем докторской диссертации.

— Понятно. Но я отметил, что судебно-медицинское заключение очень неопределенно.

— Надо же.

— Оно не содержит никакого диагноза и в основном производит впечатление академического изучения упорно молчащего пациента.

Петер Телеборьян засмеялся.

— Да, с ней нелегко. Как следует из заключения, она последовательно отказывалась разговаривать с Лёдерманом, в результате чего ему пришлось выражаться неопределенно. И он поступил совершенно правильно.

— Понимаю. Однако рекомендация тем не менее заключалась в помещении ее в интернат.

— В ее основе лежит предшествующая история Лисбет Саландер. За многие годы у нас ведь сложилась полная картина ее болезни.

— Вот этого-то я никак и не могу понять. Когда она сюда поступила, мы пытались заказать из клиники Святого Стефана ее журнал, но до сих пор его не получили.

— Сожалею, но по решению суда на нем стоит гриф секретности.

— Понятно. А как же мы здесь можем обеспечить ей надлежащий уход, если нам не дают доступа к ее журналу? Ведь сейчас медицинскую ответственность за нее несем мы.

— Я занимался ею с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет, и думаю, во всей Швеции нет врача, столь хорошо представляющего себе картину ее болезни.

— Которая показывает?..

— Лисбет Саландер страдает серьезными психическими отклонениями. Как вам известно, психиатрия не принадлежит к числу точных наук. Я бы не взялся поставить точный диагноз, но у нее имеются откровенно навязчивые идеи с явными чертами параноидальной шизофрении. Картину дополняют маниакально-депрессивные периоды плюс отсутствие эмпатии.

Андерс Юнассон десять секунд всматривался в доктора Петера Телеборьяна, а потом развел руками.

— Не мне предлагать диагнозы доктору Телеборьяну, но вы никогда не обдумывали куда более простую возможность?

— То есть?

— Например, синдром Аспергера. Я, разумеется, не проводил никакого психиатрического обследования Лисбет Саландер, но если бы мне пришлось высказывать спонтанное предположение, то напрашивается мысль о какой-то форме аутизма. Это бы объяснило ее непригодность к общепринятым нормам поведения.

— Сожалею, но пациенты с синдромом Аспергера обычно не поджигают своих родителей. Поверьте, я никогда прежде не встречал столь ярко выраженного социопата.

— Мне она кажется замкнутой, но не параноидальным социопатом.

— Она исключительно манипулятивна, — сказал Петер Телеборьян. —

Она демонстрирует то, что, как ей кажется, вам хочется увидеть.

Андерс Юнассон слегка нахмурил брови. Совершенно неожиданно слова Петера Телеборьяна вступили в противоречие с собственной комплексной оценкой Лисбет Саландер. Какой он ее уж точно не посчитал бы, так это манипулятивной. Напротив — она была человеком, твердо державшим дистанцию от окружающих, и не демонстрировала абсолютно никаких эмоций. Он попытался подстроить нарисованную Телеборьяном картину к собственному представлению о Лисбет Саландер.

— Вы ведь наблюдали ее в течение короткого времени, в период вынужденной пассивности, вызванной ранениями. А я видел ее вспышки ярости и безрассудную ненависть. Я много лет потратил на попытки помочь Лисбет Саландер. И поэтому я здесь. Я предлагаю сотрудничество между Сальгренской больницей и клиникой Святого Стефана.

— О какого рода сотрудничестве вы говорите?

— Вы будете заниматься ее физическими проблемами, и я убежден, что лучшего ухода никто ей предоставить не сможет. Но меня очень беспокоит ее психическое состояние, и мне бы хотелось подключиться на ранней стадии. Со своей стороны я готов предоставить любую помощь.

— Понимаю.

— Мне нужно посетить ее для того, чтобы, в первую очередь, оценить ее состояние.

— Я понимаю. Но, к сожалению, не смогу вам помочь.

— Простите?

— Как я уже сказал, она находится под арестом. Если вы хотите начать ее психиатрическое лечение, вам придется обратиться к прокурору Йервас, которая принимает решения по таким вопросам, и это должно происходить при участии адвоката Анники Джаннини. Если речь идет о судебно-психиатрической экспертизе, то вам это должен поручить суд.

— Именно всех этих бюрократических проволочек я и хотел избежать.

— Да, но я несу за Лисбет Саландер ответственность, и если ей вскоре предстоит предстать перед судом, то нам необходимо иметь четкие документальные обоснования всех принятых нами мер. Значит, мы вынуждены следовать всем бюрократическим правилам.

— Я понимаю. Могу даже открыть, что я уже получил запрос от стокгольмского прокурора Рихарда Экстрёма по поводу судебно-психиатрической экспертизы. Она понадобится в связи с судебным процессом.

— Ну и прекрасно. Тогда вы получите разрешение на посещение Лисбет Саландер безо всяких нарушений инструкций с нашей стороны.

— Но есть риск, что пока мы станем заниматься бюрократической волокитой, ее состояние будет постоянно ухудшаться. Меня волнует только ее здоровье.

— Меня тоже, — сказал Андерс Юнассон. — И, между нами говоря, я не вижу никаких признаков того, что она психически больна. У нее серьезные ранения и очень сложная жизненная ситуация. Но я абсолютно не ощущаю, чтобы она была шизофреничкой или страдала от параноидальных навязчивых идей.

Доктор Петер Телеборьян потратил еще довольно много времени, пытаясь заставить Андерса Юнассона изменить свое решение. Поняв наконец, что все бесполезно, он резко встал и попрощался.

После этого Андерс Юнассон долго сидел, задумчиво глядя на кресло, которое покинул Телеборьян. Конечно, и раньше бывало, что другие врачи связывались с ним, высказывали свои взгляды или давали советы по поводу лечения. Но почти всегда это делали специалисты, перед тем уже работавшие с данными пациентами и отвечавшие за ту или иную форму проводимого лечения. Но прежде никогда не случалось, чтобы перед ним, словно летающая тарелка, возникал психиатр и чуть ли не требовал допустить его, в обход нормальных бюрократических процедур, к пациенту, которого не видел на протяжении многих лет.

Через некоторое время Андерс Юнассон покосился на часы и отметил, что уже почти семь. Он поднял трубку и позвонил Мартине Карлгрен, психологу Сальгренской больницы, при необходимости приглашавшемуся в травматологическое отделение.

— Привет. Рабочий день у тебя, вероятно, уже закончился. Я тебя от чего-нибудь отрываю?

— Ничего страшного. Я дома и ничем особенным не занята.

— Я тут сижу в раздумьях. Ты ведь разговаривала с нашей пациенткой Лисбет Саландер. Не могла бы ты рассказать мне о своих впечатлениях?

— Ну, я посещала ее трижды и предлагала ей поговорить. Она вежливо, но решительно отказалась.

— Какое она произвела на тебя впечатление?

— Что ты имеешь в виду?

— Мартина, я знаю, что ты не психиатр, но ты разумный и понятливый человек. Какое у тебя создалось о ней впечатление?

Мартина Карлгрен немного поколебалась.

— Не знаю, как лучше ответить на твой вопрос. Я дважды встречалась с ней, когда она относительно недавно поступила и чувствовала себя

настолько плохо, что мне толком не удалось установить с ней контакт. Потом я посетила ее примерно неделю назад по просьбе Хелены Эндрин.

— Почему Хелена просила тебя к ней зайти?

— Лисбет Саландер физически идет на поправку, но в основном лежит и смотрит в потолок. Доктор Эндрин хотела, чтобы я за ней понаблюдала.

— И что из этого получилось?

— Я представилась, мы пару минут поговорили. Я спросила, как она себя чувствует и нет ли у нее потребности в собеседнике. Она ответила, что нет. Я спросила, не могу ли я ей чем-нибудь помочь. Она попросила меня потихоньку принести ей пачку сигарет.

— Она проявляла раздражение или враждебность?

Мартина Карлгрен немного подумала.

— Нет, этого утверждать я бы не стала. Она была спокойна, но держала большую дистанцию. Я восприняла ее мольбу о сигаретах скорее как шутку, чем как серьезную просьбу. Я спросила, не хочется ли ей что-нибудь почитать и не принести ли ей книг. Она поначалу отказалась, но потом спросила, нет ли у меня каких-нибудь научных журналов, где бы говорилось о генетике и исследованиях мозга.

— О чем?

— О генетике.

— О генетике?

— Да. Я ответила, что в нашей библиотеке имеются кое-какие научно-популярные книги по этой тематике. Это ее заинтересовало. Она сказала, что уже читала книги по данной теме, и назвала несколько базовых работ, о которых я никогда не слышала. То есть ее больше интересовали исследовательские статьи.

— Вот как? — с изумлением произнес Андерс Юнассон.

— Я сказала, что в библиотеке для пациентов таких специальных изданий, вероятно, нет — у нас ведь там больше «Филипа Марлоу», ^[23] чем научной литературы, — но обещала посмотреть, что мне удастся найти.

— И ты что-нибудь нашла?

— Я сходила в библиотеку и взяла несколько номеров журналов «Нью Ингленд джорнал оф медсин» и «Нейчур». Она осталась довольна и поблагодарила меня за приложенные усилия.

— Но это же сложные журналы, в них в основном сугубо научные статьи.

— Она читает их с большим интересом.

Андерс Юнассон ненадолго утратил дар речи.

— Как ты оцениваешь ее психическое состояние?

— Замкнутая. Она не стала обсуждать со мной ничего личного.

— Кажется ли она тебе психически больной, маниакально-депрессивной или страдающей паранойей?

— Отнюдь нет. Иначе бы я подняла тревогу. Она, безусловно, своеобразна, имеет большие проблемы и пребывает в состоянии стресса. Но она спокойна, разумна и, похоже, справляется со своей ситуацией.

— О'кей.

— Но почему ты спрашиваешь? Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего не случилось. Я просто не могу в ней разобраться.

Глава

10

Суббота, 7 мая — четверг, 12 мая

Микаэль Блумквист отложил в сторону папку с материалами исследования, проведенного гётеборгским журналистом Даниэлем Улофссоном, и задумчиво взглянул в окно, на людской поток на Гётгатан. Этот вид он считал чуть ли не самым большим плюсом своего кабинета. На Гётгатан круглосуточно кипела жизнь, и, сидя у окна, он никогда не чувствовал себя отрезанным от общества или одиноким.

Микаэль ощущал себя не в своей тарелке, хотя никаких неотложных дел у него не было. Он упорно продолжал работать над статьями, которыми намеревался заполнить летний номер «Миллениума», однако постепенно убедился, что материал получается слишком обширным и не поместится даже в тематический номер. В ситуации с делом Веннерстрёма было то же самое, и он решил снова опубликовать материал отдельной книгой. У него уже набралось порядка 150 страниц, и он рассчитывал, что вся книга получится примерно страниц в 300–350.

Простая часть была уже готова. Микаэль описал убийство Дага Свенссона и Миа Бергман и рассказал о том, как получилось, что их тела обнаружил именно он, объяснил, почему под подозрение попала Лисбет Саландер. Целую главу, объемом в тридцать семь страниц, он посвятил критике, во-первых, газетной писанины о Лисбет, а во-вторых, прокурора Рихарда Экстрёма и, косвенно, всего полицейского расследования. По трезвом размышлении он смягчил критику в адрес Бублански и его коллег — после того, как изучил видеозапись пресс-конференции Экстрёма, со всей очевидностью показывавшую, что Бублански чувствовал себя там крайне неловко и явно был недоволен поспешными выводами прокурора.

После драматической вступительной части он двинулся в глубь времен и описал прибытие в Швецию Залаченко, детские годы Лисбет Саландер и события, приведшие к тому, что ее заперли в больнице Святого Стефана в Упсале. Микаэль приложил максимум усилий, чтобы полностью уничтожить доктора Петера Телеборьяна и покойного Гуннара Бьёрка. Он описал судебно-психиатрическую экспертизу 1991 года и объяснил, почему Лисбет Саландер представляла угрозу для державшихся в тени государственных чиновников, взявших на себя труд защищать русского перебежчика, а также привел большие фрагменты из переписки между

Телеборьяном и Бьёрком.

Далее он описал новую жизнь Залаченко в качестве гражданина Швеции и его бандитскую деятельность, его помощника Рональда Нидермана, историю с похищением Мириам Ву и вмешательством Паоло Роберто. Под конец он обобщил события в Госсеберге, приведшие к тому, что Лисбет Саландер подстрелили и закопали, и объяснил, как произошло совершенно нелепое убийство полицейского, когда Нидерман был уже пойман.

Дальше писать стало труднее. Проблема заключалась в том, что в материале по-прежнему имелись существенные лакуны. Гуннар Бьёрк действовал не в одиночку. За развернувшимися событиями, несомненно, стояла целая группа лиц, обладавшая возможностями и влиянием, иначе и быть не могло. В конце концов Микаэль пришел к выводу, что противоправные действия по отношению к Лисбет Саландер не могли быть санкционированы правительством или руководством Службы государственной безопасности. За таким выводом стояло не преувеличенное доверие к властным структурам, а знание человеческой природы. Если бы у них имелась политическая поддержка, удержать операцию такого рода в тайне было бы невозможно. Кто-нибудь обязательно начал бы выяснять с кем-нибудь отношения и насплетничал, вследствие чего СМИ вышли бы на дело Саландер еще несколько лет тому назад.

Микаэль представлял себе «Клуб Залаченко» как маленькую законспирированную группу, действующую в собственных интересах. Но он не мог установить личность никого из этих людей, кроме разве что сорокалетнего Йорана Мортенссона — полицейского, имеющего еще какую-то секретную должность и занимавшегося слежкой за самим Микаэлем.

По мысли Микаэля, книгу следовало успеть напечатать к самому началу процесса над Лисбет Саландер. Вместе с Кристером Мальмом они планировали издание в мягкой обложке, чтобы рассылать ее одним пакетом с летним, более дорогим номером «Миллениума». Микаэль роздал задания Хенри Кортесу и Малин Эрикссон, которым предстояло написать статьи об истории Службы государственной безопасности, о деле Информационного бюро и тому подобном.

В том, что процесс против Лисбет Саландер состоится, сомневаться не приходилось.

Прокурор Рихард Экстрём возбудил дело по обвинению в причинении тяжкого вреда здоровью Магге Лундина и жестоком избиении или попытке

убийства Карла Акселя Бодина — он же Александр Залаченко.

Дата судебного процесса назначена еще не была, но Микаэль раздобыл от коллег-журналистов информацию о том, что Экстрём планирует процесс на июль, в определенной зависимости от состояния здоровья Лисбет Саландер. Идею Микаэль понимал. Судебный процесс посреди лета всегда привлекает меньше внимания, чем в другое время года.

Он наморщил лоб и посмотрел в окно своего кабинета в редакции «Миллениума».

Ничего еще не закончилось. Заговор против Лисбет Саландер продолжается. Это единственное объяснение прослушиванию телефонов, нападению на Аннику Джаннини и краже отчета о Саландер от 1991 года. А возможно, и убийству Залаченко.

Но ему не хватало доказательств.

Совместно с Малин Эрикссон и Кристером Мальмом Микаэль принял решение о том, что к судебному процессу издательство «Миллениума» выпустит и книгу Дага Свенссона о траффинге. Лучше уж представить весь набор сразу, да и откладывать издание причин не было. Напротив — именно в этот момент книга вызовет наибольший интерес. Главную ответственность за окончательное редактирование труда Дага Свенссона возложили на Малин, а Хенри Кортес помогал Микаэлю в написании книги о деле Саландер. Тем самым Лотта Карим и Кристер Мальм (против собственной воли) сделались временными ответственными секретарями редакции «Миллениума», в которой для всех прочих тем остался единственный репортер — Моника Нильссон. В результате такой повышенной рабочей нагрузки вся редакция взмолилась, и Малин Эрикссон заключила контракты на написание статей с несколькими независимыми журналистами. За это, естественно, предстояло выложить много денег, но выбора у них не было.

Микаэль записал на желтом листочке для заметок, что ему необходимо связаться с семьей Дага Свенссона по вопросу авторских прав. Он уже выяснил, что единственными наследниками Дага являются родители, проживающие в Эребру. На практике ему не требовалось разрешения, чтобы издать книгу под именем Дага Свенссона, но он все равно собирался лично съездить к ним в Эребру, чтобы получить их одобрение. Он все время откладывал поездку, поскольку занимался слишком многим сразу, но чувствовал, что уже самое время поставить в этом вопросе точку.

Но оставалась еще сотня других деталей. Например, как ему освещать в текстах Лисбет Саландер. Для принятия окончательного решения ему

обязательно требовалось лично переговорить с ней и получить ее согласие на то, чтобы раскрыть правду или хотя бы часть правды. А поговорить с Лисбет Саландер лично он не мог, поскольку она находилась под арестом и посещать ее было запрещено.

В этом отношении Анника Джаннини помочь ему тоже не могла. Она дисциплинированно соблюдала все правила и не собиралась становиться девочкой на побегушках, носящей тайные записки Микаэля Блумквиста. Анника также не рассказывала ничего о своих беседах с клиенткой, кроме тех случаев, когда речь шла о заговоре и ей требовалась помощь. Микаэль злился, но признавал правильность ее позиции. В результате он не имел представления, сообщила ли Лисбет Аннике о том, что бывший опекун ее насильничал и что она отомстила ему, сделав у него на животе поразительную татуировку. Пока Анника об этом не заговаривала, Микаэль тоже не мог сказать ни слова.

Но прежде всего изоляция Лисбет Саландер создавала одну глобальную проблему. Она являлась экспертом в компьютерах и хакером, о чем Микаэль знал, а Анника нет. Микаэль пообещал Лисбет никогда не раскрывать ее тайны и держал слово, однако в данный момент он очень нуждался в этих ее способностях.

Значит, необходимо каким-то образом установить контакт с Лисбет Саландер.

Он вздохнул, снова открыл папку Даниэля Улофссона и вынул из нее две бумаги. Одна из них представляла собой выдержку из документов регистрационной службы: паспорт Идриса Хиди, 1950 года рождения, — мужчины с усами, желтоватой кожей и темными волосами, седеющими на висках.

На второй бумаге Даниэль Улофссон суммировал сведения об Идрисе Хиди.

Хиди был курдским беженцем из Ирака. Даниэль Улофссон накопил гораздо больше информации об Идрисе Хиди, чем о любом другом сотруднике больницы. Причина такого информационного несоответствия заключалась в том, что Идрис Хиди одно время привлекал внимание прессы и встречался во многих текстах Архива СМИ.

Родившись в 1950 году в городе Мозул, на севере Ирака, Идрис Хиди выучился на инженера и в 70-е годы своим трудом способствовал экономическому скачку страны. В 1984 году он начал работать учителем в строительно-технической гимназии в Мозуле. К политическим активистам он не относился, но, к сожалению, был курдом и в Ираке Саддама Хусейна попадал под определение «потенциальный преступник». Первого октября

1987 года отца Идриса Хиди арестовали по подозрению в курдской политической активности. В чем именно заключалось преступление, не уточнялось, но он был казнен как изменник родины, вероятно, в январе 1988 года. Двумя месяцами позже иракская тайная полиция арестовала Идриса Хиди, как раз когда он только начинал урок по теории сопротивления материалов для мостовых конструкций. Его отвезли в тюрьму за пределами Мосула, где в течение одиннадцати месяцев сильно пытали с целью заставить признаться. Каких признаний от него ожидали, Идрис Хиди никак не мог понять, и пытки, соответственно, продолжались.

Первого марта 1989 года дядя Идриса Хиди заплатил местному лидеру партии Баас сумму, соответствующую пятидесяти тысячам шведских крон, что сочли достаточной компенсацией за ущерб, нанесенный Идрисом Хиди иракскому государству. Через два дня его освободили и отдали на попечение дяди. Выйдя из тюрьмы, он весил тридцать девять килограммов и не мог ходить — перед освобождением ему раздробили левое бедро, чтобы он не мог в дальнейшем бегать и придумывать новые шалости.

В течение нескольких недель Идрис Хиди находился между жизнью и смертью. Когда он постепенно пришел в себя, дядя перевез его в деревню, в шестидесяти километрах от Мосула. За лето он обрел новые силы и настолько окреп, что научился прилично передвигаться на костылях. Вопрос о том, что ему делать дальше, оставался открытым. В августе он неожиданно получил известие о том, что тайная полиция схватила двух его братьев. Больше Идрис Хиди их так и не увидел. Он предполагал, что оба покоятся под какой-нибудь грудой песка под Мосулом. В сентябре дяде стало известно, что Идриса Хиди разыскивает полиция Саддама Хусейна. Он принял решение обратиться к анонимному барыге, который за вознаграждение, соответствующее тридцати тысячам шведских крон, переправил Идриса Хиди через границу с Турцией и, с помощью фальшивого паспорта, дальше в Европу.

19 октября 1989 года Идрис Хиди приземлился в стокгольмском аэропорту Арланда. Он не знал ни одного слова по-шведски, но, согласно полученной инструкции, сразу обратился в полицию и на ломаном английском языке попросил политического убежища. Его перевезли в лагерь для беженцев в Весбю, в Уппланде, где он и пребывал последующие два года, пока Государственное миграционное управление не решило, что у Идриса Хиди нет достаточных оснований для получения вида на жительство в Швеции.

К тому моменту Идрис Хиди выучил шведский язык и ему была оказана медицинская помощь по поводу искаленного бедра. Его дважды

прооперировали, и он уже мог передвигаться без костылей. За это время в Швеции прошла масштабная дискуссия по вопросу о судьбах беженцев, на лагерь беженцев было совершено покушение и Берт Карлссон основал партию «Новая демократия».

В последний момент Идрис Хиди получил нового адвоката, который выступил с рассказом о его ситуации, чем и обеспечил ему место в Архиве СМИ. К решению судьбы Идриса Хиди подключились другие проживавшие в Швеции курды, в частности члены боевого семейства Бакси. Начались митинги протеста и посыпались петиции в адрес министра по вопросам иммиграции Биргит Фриггебу. Все это получило такое широкое освещение в СМИ, что Государственное миграционное управление изменило свое решение и Хиди получил вид на жительство с правом работы в королевстве Швеция. В январе 1992 года он покинул лагерь для беженцев совершенно свободным человеком.

После освобождения из лагеря для беженцев перед Идрисом Хиди встали новые задачи. Ему надо было найти работу, одновременно продолжая долечивать больное бедро. Идрис Хиди быстро обнаружил, что его прекрасное образование инженера-строителя, многолетний послужной список и университетские оценки совсем ничего не значат. В последующие годы он работал разносчиком газет, шофером такси, мыл посуду и убирал помещения. От работы разносчика газет Хиди был вынужден отказаться — он просто-напросто не мог в нужном темпе подниматься по лестницам. В профессии шофера такси ему нравилось все, за исключением двух вещей: он совершенно не знал дорог в окрестностях Стокгольма и не мог сидеть на месте больше часа подряд — боль в бедре становилась невыносимой.

В мае 1998 года Хиди переехал в Гётеборг. Произошло это по той причине, что один дальний родственник сжалился над ним и предложил ему постоянную работу в клининговой фирме. Работать полный день Идрис Хиди просто не мог, и его определили на полставки на должность руководителя уборщиц в Сальгренской больнице, с которой фирма давно сотрудничала. Он занимался рутинными делами и легкой работой — шесть дней в неделю драил полы в нескольких коридорах, включая коридор ПС.

Микаэль Блумквист прочел материал Даниэля Улофссона и изучил паспортную фотографию Идриса Хиди. Потом зашел через Интернет в Архив СМИ, выбрал оттуда несколько статей, на которых базировался Улофссон, внимательно прочел их и надолго задумался. Даже закурил сигарету — с уходом Эрики Бергер запрет на курение в помещении редакции быстро дал трещину, а Хенри Кортес даже открыто оставлял у себя на столе пепельницу.

Под конец Микаэль достал страницу, которую Даниэль Улофссон посвятил доктору Андерсу Юнассону. Текст он читал, сильно хмурия лоб.

В понедельник машины с номером, включающим буквы КАБ, Микаэль Блумквист не увидел и слежки не почувствовал, но предпочел не рисковать. От Академического книжного магазина он прошел до бокового входа в универмаг «НК» и сразу же вышел обратно через главный вход — следить за кем-нибудь в универмаге было выше человеческих сил. Оба его мобильных телефона были отключены. Микаэль прошел через торговую галерею к площади Густава Адольфа и мимо здания Риксдага направился в Старый город. Насколько он мог видеть, никто за ним не шел. Поплутав по маленьким улочкам, он оказался возле нужного дома и позвонил в дверь издательства «Свартвитт».

Было половина третьего дня. Микаэль пришел без предупреждения, но редактор Курдо Бакси оказался на месте и просиял, увидев гостя.

— Приветствую, — радушно сказал Курдо Бакси. — Почему ты теперь никогда к нам не заходишь?

— Вот я и зашел, — ответил Микаэль.

— Да, но ты не появлялся года три.

Они пожали друг другу руки.

Микаэль Блумквист знал хозяина кабинета с 80-х годов и был одним из тех, кто оказывал Курдо Бакси практическую помощь, когда тот начинал выпускать антирасистский журнал «Свартвитт» — «Чёрно-белое», — по ночам тиражируя его пиратским способом в Центральном объединении профсоюзов (ЦО). Застукал Курдо будущий охотник за педофилами в организации «Спасите детей» Пер-Эрик Острём, который в 80-е годы являлся секретарем комиссии ЦО. Как-то поздно ночью зайдя в копировальный центр, Острём обнаружил там кипы страниц первого номера «Свартвитт» вместе с явно подавленным Курдо Бакси. Острём посмотрел на невзрачную обложку и сказал, что так, черт побери, журнал выглядеть не может. Потом он нарисовал логотип, впоследствии пятнадцать лет украшавший «Свартвитт», пока журнал не прекратил свое существование, превратившись в книжное издательство «Свартвитт». Микаэль в то время переживал отвратительный период, работая в ЦО пиарщиком, — это был единственный раз, когда он приобщился к информационной сфере. Пер-Эрик Острём уговорил его прочесть корректуру и немного помочь журналу «Свартвитт» с редактированием. С тех пор Курдо Бакси и Микаэль Блумквист стали друзьями.

Микаэль Блумквист уселся на диван, а Курдо Бакси принес кофе из

стоявшего в коридоре автомата. Они немного поболтали о разных пустяках, как это обычно бывает, если люди давно не виделись. Правда, им раз за разом приходилось прерываться, когда у Курдо звонил мобильный телефон и он кратко отвечал на курдском или, возможно, арабском или каком-то другом непонятном Микаэлю языке. Так бывало и во время прежних визитов Микаэля в издательство «Свартвитт» — люди звонили со всех концов мира, чтобы поговорить с Курдо.

— Дорогой Микаэль, у тебя озабоченный вид. Что у тебя на уме? — поинтересовался в конце концов Курдо Бакси.

— Ты не мог бы на пять минут отключить мобильный телефон, чтобы нас не прерывали?

Курдо выполнил просьбу.

— О'кей... мне нужна помощь в одном важном деле, причем немедленно, и это должно остаться между нами.

— Рассказывай.

— В восемьдесят девятом году в Швецию из Ирака прибыл курдский беженец по имени Идрис Хиди. Когда ему грозила высылка, твоя семья ему помогла, в результате чего он со временем получил вид на жительство. Я не знаю, помогал ему твой отец или какой-то другой родственник.

— Идрису Хиди помогал мой дядя Махмут Бакси. Я знаю Идриса. Что тебе от него надо?

— Он сейчас работает в Гётеборге. Мне требуется его помощь в одном простом деле, и я готов ему заплатить.

— Что это за дело?

— Курдо, ты мне доверяешь?

— Разумеется. Мы всегда были друзьями.

— Я хочу поручить ему одну довольно необычную работу. Очень необычную. Я не хочу рассказывать, в чем она состоит, но заверяю тебя, что в ней нет ничего противозаконного или такого, что может создать проблемы тебе или Идрису Хиди.

Курдо Бакси пристально посмотрел на Микаэля Блумквиста.

— Понятно. Значит, рассказывать, о чем идет речь, ты не хочешь.

— Чем меньше людей будет знать, тем лучше. Твоя помощь мне требуется для того, чтобы Идрис согласился со мной встретиться и выслушать мое предложение.

Курдо немного подумал, потом подошел к письменному столу и открыл ежедневник. Через минуту он нашел телефон Идриса Хиди и поднял телефонную трубку. Разговор велся по-курдски. По выражению лица Курдо Микаэль видел, что начался он с обычных приветственных

фраз и легкой болтовни. Потом Курдо посерьезнел и стал излагать свое дело. Через некоторое время он обратился к Микаэлю.

— Когда ты хочешь с ним встретиться?

— Если подходит, в пятницу, во второй половине дня. Спроси, можно ли мне прийти к нему домой.

Поговорив еще немного, Курдо повесил трубку.

— Идрис Хиди живет в пригороде Ангеред, — сказал он. — У тебя есть его адрес?

Микаэль кивнул.

— В пятницу он будет дома около пяти и с удовольствием с тобой встретится.

— Спасибо, Курдо, — сказал Микаэль.

— Он работает в Сальгренской больнице уборщиком.

— Я знаю.

— Читая газеты, трудно не заметить, что ты замешан в этой истории с Саландер.

— Верно.

— В нее стреляли.

— Точно.

— Кажется, она лежит в Сальгренской больнице.

— И это верно.

Курдо Бакси тоже так просто не проведешь.

Он понимал, что Блумквист замышляет какую-то аферу, ведь он этим известен. Близкими друзьями они не были, но никогда не ссорились, и Микаэль всегда с готовностью приходил на помощь Курдо, если возникала необходимость. Когда им доводилось сталкиваться на каком-нибудь празднике или в ресторане, они всегда выпивали вместе по бокалу-другому пива.

— Я не окажусь втянутым во что-то, о чем мне следовало бы знать? — спросил Курдо.

— Нет, ни во что втянут ты не будешь. Твоя роль заключалась лишь в том, чтобы представить меня одному из твоих знакомых. И я повторяю... я не стану просить Идриса Хиди о чем-либо противозаконном.

Курдо кивнул. Такого заверения ему было достаточно. Микаэль поднялся.

— Я твой должник.

— Мы вечно ходим друг у друга в должниках, — ответил Курдо Бакси.

Хенри Кортес положил телефонную трубку и так громко забарабанил

пальцами по письменному столу, что Моника Нильссон взглянула на него, сердито подняв брови. Легко было заметить, что он глубоко погружен в собственные мысли. Поскольку Моника вообще пребывала в крайнем раздражении, она решила не позволять себе срываться на Хенри.

Моника Нильссон знала, что Блумквист непрерывно шушукается с Кортесом, Малин Эрикссон и Кристером Мальмом по поводу истории Саландер, а на них с Лоттой Карим свалилась вся черная работа по подготовке следующего номера журнала, который с уходом Эрики Бергер остался без настоящего руководства. О Малин, конечно, ничего плохого не скажешь, но ей не хватает навыков и того веса, что имела Эрика Бергер. А Кортес еще просто мальчишка.

Раздражение Моника Нильссон было вызвано не тем, что она чувствовала себя обойденной и жаждала принять участие в их делах — этого ей хотелось бы в последнюю очередь. В ее задачи входило собирать для «Миллениума» сведения о деятельности правительства, Риксдага и государственных организаций. Работа ей нравилась, и она знала ее «от и до». Кроме того, у нее имелось множество других обязанностей — она вела еженедельную колонку в профсоюзной газете, занималась разной общественной работой для «Международной амнистии» и так далее. Только того ей и не хватало, чтобы выполнять обязанности главного редактора «Миллениума» и работать как минимум по двенадцать часов в день, жертвуя выходными и своим свободным временем.

Вместе с тем она чувствовала, что в «Миллениуме» что-то изменилось. Журнал вдруг сделался чужим. В чем именно дело, она сказать не могла.

Микаэль Блумквист вел себя с обычной безответственностью, то и дело отпрашиваясь в какие-то таинственные поездки и появлялся на работе, когда ему заблагорассудится. Правда, он был совладельцем «Миллениума» и мог сам определять, что ему делать, но все-таки и ему не мешало бы проявить немного больше дисциплинированности.

Кристер Мальм являлся вторым оставшимся в журнале совладельцем, однако находился ли он на рабочем месте или в отпуске, помощи от него было одинаково мало. Он, вне всякого сомнения, был талантлив и справлялся с руководством, когда Эрика оказывалась занята или уезжала отдыхать, но при этом в основном проводил в жизнь решения, принятые кем-то другим. Кристер был великолепен, когда дело касалось графического дизайна и презентаций, но совершенно беспомощен, когда речь шла о планировании журнала.

Моника Нильссон нахмурила брови.

Нет, она несправедлива. Раздражало ее то, что ситуация в редакции каким-то образом изменилась — сотрудники журнала больше не были единым целым. Микаэль работал с Малин и Хенри, а все остальные как бы оказывались в стороне. Эти трое образовали некий внутренний круг, запирались в кабинете Эрики... то есть в кабинете Малин, а по выходе оттуда хранили полное молчание. При Эрике журнал всегда был дружным коллективом. Моника не понимала, что произошло, но чувствовала, что ей не доверяют.

Микаэль работал над материалом о Саландер, ни звуком не выдавая, о чем там идет речь. Правда, ничего необычного в этом не было. В свое время он молчал и о материале про Веннерстрёма — даже Эрика ничего не знала, но на этот раз у него в доверенных оказались Малин и Хенри.

Короче говоря, Моника испытывала раздражение. Ей требовался отдых, тянуло хоть на некоторое время отсюда вырваться. Она увидела, что Хенри Кортес натягивает вельветовый пиджак.

— Я ненадолго уйду, — сказал он. — Передай, пожалуйста, Малин, что меня не будет часа два.

— Что происходит?

— Думаю, у меня наклеивается материал. Действительно хороший материал. Об унитазах. Я хочу кое-что проверить, но, если все сойдется, у нас будет отличная статья для июньского номера.

— Об унитазах? — переспросила Моника Нильссон, провожая его взглядом.

Эрика Бергер стиснула зубы и медленно опустила распечатку статьи о приближающемся суде над Лисбет Саландер — маленькой заметки в два столбца, предназначенной для пятой страницы с новостями о жизни в стране. Был четверг, часы показывали 15.30. Она проработала в «СМП» двенадцать дней. Эрика с минуту посмотрела на текст, выпятила губы, потом подняла трубку и позвонила руководителю информационного отдела Андерсу Хольму.

— Здравствуйте. Это Бергер. Вы не могли бы найти репортера Юханнеса Фриска и сразу же прийти вместе с ним ко мне в кабинет?

Она положила трубку и терпеливо ждала, пока в стеклянной клетке не появился Хольм, ведя за собой Юханнеса Фриска. Эрика взглянула на наручные часы.

— Двадцать две, — сказала она.

— Что? — спросил Хольм.

— Двадцать две минуты. Вам потребовалось двадцать две минуты,

чтобы встать из-за стола, пройти пятнадцать метров до Юханнеса Фриска и приплестись вместе с ним ко мне.

— Вы не сказали, что это срочно. У меня довольно много дел.

— Я не говорила, что это не срочно. Я сказала вам прийти вместе с Юханнесом Фриском ко мне в кабинет. Я сказала «сразу» и имела в виду «сразу», а не вечером, или на следующей неделе, или когда вам заблагорассудится оторвать задницу от стула.

— Послушайте, я считаю...

— Закройте дверь.

Эрика подождала, пока Андерс Хольм закроет позади себя дверь, тем временем молча его изучая. Он, без сомнения, очень компетентный руководитель информационного отдела, в его задачи входит следить за тем, чтобы страницы «СМП» ежедневно заполнялись правильным текстом — доступно составленным и расположенным в том порядке, о котором договаривались на утреннем совещании. Соответственно, Андерс Хольм ежедневно жонглировал колоссальным количеством рабочих заданий и делал это, не роняя ни одного мяча.

Проблема с Андерсом Хольмом заключалась в том, что он последовательно игнорировал решения, принимаемые Эрикой. В течение двух недель она старалась найти к нему подход. Она пыталась с ним любезно рассуждать, испробовала прямые приказания, призывала его подумать еще раз самому — в общем, делала все для того, чтобы он понял, какой ей хочется видеть газету.

Ничего не помогало.

Текст, который она отвергала во второй половине дня, все равно попадал в газету где-нибудь вечером, когда Эрика уходила домой. «У нас выпала одна статья, и образовалась дыра, которую мне пришлось наскоро заполнять».

Заголовок, дать который распорядилась Эрика, внезапно забраковывался и заменялся чем-то совершенно другим. Выбор не всегда оказывался неверным, но делался без консультации с ней. Демонстративно и с вызовом.

Речь всегда шла о мелочах. Редакционное совещание внезапно переносилось с 14.00 на 13.30, а ее не информировали, и когда она наконец появлялась, большинство решений уже было принято. «Извините... я впопыхах забыл вам сообщить».

Эрика Бергер никак не могла понять, почему Андерс Хольм занял по отношению к ней такую позицию, но уже убедилась, что вежливые беседы и мягкие выговоры на него не действуют. Эрика пока не привлекала к

обсуждению этого вопроса других сотрудников редакции, пытаюсь решить этот вопрос между ними двоими. Результата это не дало, поэтому настало время высказаться отчетливее, на этот раз в присутствии сотрудника Юханнеса Фриска, вследствие чего содержание разговора непременно станет известно всей редакции.

— Первое, что я сделала, начав здесь работать, это сказала, что имею особый интерес ко всему, касающемуся Лисбет Саландер. Я объяснила, что хочу заранее иметь информацию обо всех планирующихся статьях и намерена просматривать и лично давать добро на все, что будет публиковаться. Я напоминала вам об этом практически при каждом удобном случае и в последний раз на совещании в прошлую пятницу. Какая часть данной инструкции осталась вам непонятной?

— Все планируемые или идущие в печать тексты присутствуют в ежедневной служебной записке в нашей интра-сети. Они всегда пересылаются на ваш компьютер. Вас все время информируют.

— Пустая болтовня. Когда я сегодня утром получила «СМП» в почтовый ящик, там на самом лучшем месте для новостей имелось три столбца о Саландер и развитии ситуации вокруг Сталлархольма.

— Это текст Маргареты Орринг. Она работает у нас внештатно и отдала статью только вчера около семи часов вечера.

— Маргарета Орринг позвонила с предложением написать эту статью еще в одиннадцать утра. Вы одобрили ее идею и поручили ей работать над статьей около половины двенадцатого. А на совещании в два часа вы ни словом об этом не обмолвились.

— Эти сведения присутствуют в ежедневной служебной записке.

— Неужели? Там значится следующее: «Маргарета Орринг, интервью с прокурором Мартиной Франссон. Тема: обнаружение наркотиков в Сёдертелье».

— Основным материалом и было интервью с Мартиной Франссон по поводу конфискации анаболических стероидов, в связи с чем задержали потенциального покупателя из «Свавельшё МК».

— Именно. А в служебной записке нет ни слова о «Свавельшё МК» или о том, что интервью будет касаться Магге Лундина и Сталлархольма и тем самым расследования дела Лисбет Саландер.

— Я предполагаю, что это всплыло по ходу интервью...

— Андерс, я не могу понять почему, но вы лжете мне прямо в глаза. Я разговаривала с Маргаретой Орринг, автором статьи. Она четко объяснила вам, о чем планируется интервью.

— Сожалею, но я не понял, что фокус будет на Саландер. А текст я

получил поздно вечером. Что же мне было делать? Снимать весь материал? Орринг представила хороший текст.

— Тут мы сходимся. Текст замечательный. Тем самым это уже ваша третья ложь примерно за три минуты. Орринг представила текст в пятнадцать часов двадцать минут, то есть задолго до того, как я около шести часов ушла домой.

— Бергер, мне не нравится ваш тон.

— Замечательно. В таком случае могу вам сообщить, что не одобряю ни вашего тона, ни увиливаний, ни лжи.

— Это звучит так, будто вы подозреваете, что я устраиваю против вас какой-то заговор.

— Вы так и не ответили на мой вопрос. И второе: сегодня у меня на письменном столе появляется текст Юханнеса Фриска. Я не помню, чтобы мы обсуждали его на совещании в два часа. Как могло произойти, что один из наших сотрудников целый день работает над материалом о Саландер, а мне об этом ничего не известно?

Юханнес Фриск заерзал, но благоразумно не произнес ни звука.

— Значит, так... Мы делаем газету, и вполне естественно, что имеются сотни текстов, о которых вам неизвестно. У нас в «СМП» существует определенный порядок, к которому все должны приспособливаться. У меня нет ни времени, ни возможности разбираться с некоторыми текстами особым образом.

— Я не просила вас разбираться особым образом с некоторыми текстами. Я требовала, чтобы, во-первых, меня информировали обо всем, что затрагивает дело Саландер, и, во-вторых, чтобы без моего одобрения на эту тему ничего не публиковалось. Спрашиваю еще раз, какая часть данной инструкции вам непонятна?

Андерс Хольм вздохнул, приняв мученический вид.

— О'кей, — сказала Эрика Бергер. — Тогда я выражусь еще яснее. Я не намерена заниматься с вами подобными разборками. Посмотрим, поймете ли вы следующую мысль. Если подобное повторится еще раз, я сниму вас с должности руководителя информационного отдела. Это будет как гром среди ясного неба, и поднимется грандиозный шум, но потом вам придется сидеть и редактировать семейную страницу, страницу с комиксами или что-нибудь подобное. Я не стану терпеть на должности руководителя информационного отдела человека, на которого не могу полагаться, человека, который не идет на сотрудничество и не выполняет мои распоряжения. Вы меня поняли?

Андерс Хольм развел руками, давая понять, что считает обвинения

Эрики Бергер беспочвенными.

— Вы меня поняли? Да или нет?

— Я слышу, что вы говорите.

— Я спросила, понимаете ли вы меня. Да или нет?

— Неужели вы действительно думаете, что у вас это пройдет? Газета выходит, потому что я и другие винтики механизма работаем на износ. Правление будет...

— Правление сделает, как я скажу. Я здесь для того, чтобы обновить газету. У меня есть четко сформулированное задание, которое подробно обсуждалось, и мне дано право делать далеко идущие редакционные перестановки на уровне руководителей. Если я захочу, то могу избавляться от мертвечины и привносить новую кровь. А вы, Хольм, все больше начинаете мне казаться мертвечиной.

Она умолкла. Андерс Хольм встретился с ней взглядом. Он был вне себя.

— Это все, — сказала Эрика Бергер. — Я предлагаю вам хорошенько подумать над тем, о чем мы сегодня поговорили.

— Я не намерен...

— Это ваше право. Все. Вы свободны.

Он развернулся и покинул стеклянную клетку. Эрика увидела, как он удаляется через редакционный зал по направлению к комнате, где пьют кофе. Юханнес Фриск поднялся с намерением двинуться следом.

— Юханнес, вас я пока не отпускала. Сядьте.

Она взяла его статью и еще раз пробежала ее глазами.

— Насколько я понимаю, вы работаете здесь временно.

— Да. Я проработал пять месяцев, и сейчас идет последняя неделя.

— Сколько вам лет?

— Двадцать семь.

— Я сожалею, что вы угодили на перебранку между мной и Хольмом. Расскажите об этом материале.

— Сегодня утром ко мне поступили сведения, и я поделился ими с Хольмом. Он сказал, чтобы я занялся этим вопросом.

— О'кей. Здесь говорится о том, что полиция проверяет, замешана ли Лисбет Саландер в торговле анаболическими стероидами. Этот материал как-то связан со вчерашней статьей из Сёдертелье, где тоже обнаружили анаболики?

— Насколько мне известно, нет. Эта история с анаболиками имеет отношение к ее контактам с боксером. С Паоло Роберто и его знакомыми.

— Разве Паоло Роберто занимается анаболиками?

— Что? Нет, разумеется, нет. Речь идет в основном о боксерской среде. Саландер занимается боксом в одном из клубов района Сёдер, где толкуются разные темные личности. Но это точка зрения полиции, а не моя. У них там где-то возникла мысль, что Саландер может быть замешана в торговлю анаболиками.

— Значит, у материала нет никакой реальной основы, а это скорее слухи?

— То, что полиция рассматривает такую возможность, не слухи. Правы они или нет, мне неизвестно.

— О'кей, Юханнес. Я хочу, чтобы вы понимали — то, что я сейчас с вами обсуждаю, никак не связано с моими отношениями с Андерсом Хольмом. Я считаю вас прекрасным журналистом. Вы хорошо пишете и умеете выделять важные детали. Иными словами, статья хорошая. Проблема лишь в том, что я не верю в ее содержание.

— Уверяю вас, там все верно.

— Я объясню вам, почему статья ошибочна в корне. Откуда поступили сведения?

— Из источника в полиции.

— От кого именно?

Юханнес Фриск заколебался — чисто автоматически. Как и любой журналист в мире, он не хотел выдавать свой источник. С другой стороны, Эрика Бергер являлась главным редактором и, таким образом, одним из немногих людей, кто имел право требовать от него такую информацию.

— От полицейского из отдела по борьбе с насильственными преступлениями, его зовут Ханс Фасте.

— Кто кому звонил: он вам или вы ему?

— Он звонил мне.

Эрика Бергер кивнула.

— Почему, как вы думаете, он решил вам позвонить?

— Я пару раз брал у него интервью во время розысков Саландер. Он знает, кто я такой.

— И он знает, что вам двадцать семь лет, что вы временный сотрудник и вас можно использовать, если ему надо опубликовать информацию, которой хочет поделиться прокурор.

— Да, я все это понимаю. Но ко мне поступил сигнал из следственного отдела полиции, я поехал, попил кофе с Фасте, и он выдал мне информацию. Процитирован он точно. Как же я должен был поступить?

— Я уверена, что вы все процитировали точно. Дальше должно было произойти следующее: вы несете информацию Андерсу Хольму, который

идет ко мне в кабинет, объясняет ситуацию, и мы вместе решаем, как нам поступить.

— Понимаю. Но я...

— Вы передали материал Хольму, который является руководителем информационного отдела. И действовали правильно. Нарушил цепочку Хольм. Но давайте проанализируем ваш текст. Во-первых, почему Фасте хочет, чтобы эта информация просочилась в прессу?

Юханнес Фриск пожал плечами.

— Вы не знаете или вам все равно?

— Я не знаю.

— О'кей. Если я стану утверждать, что весь материал ложь и Саландер не имеет никакого отношения к анаболическим стероидам, что вы на это скажете?

— Доказать обратное я не могу.

— Именно. Значит, вы полагаете, что надо публиковать материал, который, возможно, не соответствует действительности, только потому, что мы не имеем доказательств обратного?

— Нет, как журналисты мы несем ответственность. Но нам ведь всегда приходится балансировать. Мы же не можем отказываться от публикации, имея источник, который высказывает некие утверждения.

— Философия. Мы можем спросить, почему источник хочет опубликовать конкретную информацию. Позвольте объяснить вам, почему я распорядилась, чтобы вся информация о Саландер проходила через мой письменный стол. Дело в том, что у меня имеется столько сведений по данной теме, как ни у кого другого в «СМП». Юридическая редакция в курсе того, что я обладаю подобными знаниями и лишена возможности ими делиться. «Миллениум» будет публиковать материал, который я, согласно контракту, не имею права разглашать в «СМП», несмотря на то что я здесь работаю. Информацию я получила, будучи главным редактором «Миллениума», и в настоящий момент пребываю между двух стульев. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да.

— И мои сведения из «Миллениума» позволяют мне категорически утверждать, что данный материал — ложь, целью которой является навредить Лисбет Саландер в преддверии судебного процесса.

— Навредить Лисбет Саландер трудно, учитывая уже сделанные разоблачения...

— Эти разоблачения в основном строятся на лжи и искажении фактов. Ханс Фасте является одним из главных источников утверждений о том, что

Лисбет Саландер психически ненормальная и склонная к насилию лесбиянка, увлекающаяся сатанизмом и нетрадиционным сексом. СМИ купились на кампанию Фасте просто потому, что источник казался им серьезным, а писать о сексе всегда увлекательно. Теперь же он продолжает гнуть свою линию под новым углом, стремясь еще больше опорочить Лисбет Саландер в глазах общественности, и хочет, чтобы «СМП» ему в этом способствовала. Извините, но, пока я здесь, этому не бывать.

— Я понимаю.

— Правда? Отлично. Тогда я могу подытожить сказанное одной фразой. В обязанности журналиста входит подвергать сомнению и критически оценивать — не просто повторять — утверждения, из какого бы высокопоставленного источника в государственных структурах они ни исходили. Пишете вы великолепно, но этот талант полностью обесценивается, если вы забываете о должностной инструкции.

— Да.

— Я собираюсь снять эту статью.

— О'кей.

— Она не тянет. Я не доверяю ее содержанию.

— Понятно.

— Это не означает, что я не доверяю вам.

— Спасибо.

— Поэтому я собираюсь отправить вас обратно на рабочее место и предложить вам новое задание.

— Вот как?

— Это связано с моим контрактом с «Миллениумом». По его условиям я не могу разглашать то, что знаю о деле Саландер. Вместе с тем я являюсь главным редактором газеты, которая рискует здорово забуксовать, поскольку не обладает имеющейся у меня информацией.

— Хм.

— А этого допускать нельзя. Ситуация просто уникальна и касается исключительно Саландер. Поэтому я решила выбрать журналиста, которому буду помогать двигаться в правильном направлении, чтобы публикация «Миллениума» не застала нас врасплох.

— А вы думаете, что «Миллениум» опубликует о Саландер что-нибудь неожиданное?

— Я не думаю, я знаю. «Миллениум» придерживает горячие новости, которые перевернут всю историю Саландер, и я просто вне себя оттого, что не могу дать этому материалу ход. Однако делать нечего.

— Но вы утверждаете, что снимаете мой текст, поскольку знаете, что

он не соответствует... Тем самым вы уже сказали, что в материале имеется нечто такое, что упустили все остальные журналисты.

— Точно.

— Извините, но трудно поверить в то, что все СМИ Швеции угодили в такую ловушку...

— Лисбет Саландер стала объектом кампании в СМИ. В таком случае обычные правила перестают действовать, и на страницы газет может попасть любой нонсенс.

— То есть вы хотите сказать, что Саландер совсем не такая, какой ее изображают.

— Попробуйте представить себе, что она не виновата в том, в чем ее обвиняют, что ее образ, созданный прессой, чистейшая ерунда и что тут задействованы совсем другие силы, чем те, о которых нам пока известно.

— Вы утверждаете, что дело обстоит именно так?

Эрика Бергер кивнула.

— И следовательно, то, что я пытался опубликовать, является просто продолжением кампании против нее.

— Именно.

— Но вы не можете рассказать, в чем тут дело?

— Не могу.

Юханнес Фриск почесал в затылке. Эрика Бергер ждала, пока он все обдумает.

— О'кей... что я должен делать?

— Возвращайтесь на свое рабочее место и начинайте думать над другой версией. Не торопитесь, но я хочу иметь возможность непосредственно перед началом судебного процесса опубликовать большой материал — пусть даже на целый разворот, — где бы подробно разбиралась правомерность всех утверждений, высказанных в адрес Лисбет Саландер. Начните с того, что прочитайте все газетные статьи и составьте перечень того, что о ней говорилось, и разбирайтесь с каждым утверждением в отдельности.

— Ага...

— Мыслите как журналист. Проверьте, кто распространяет сведения, почему и в чьих интересах.

— Но к началу суда меня в «СМП», вероятно, уже не будет. Как я уже говорил, это моя последняя неделя.

Эрика открыла пластиковую папочку в ящике письменного стола и положила перед Юханнесом Фриском бумагу.

— Я уже продлила срок вашей работы на три месяца. Вы

дорабатываете неделю на прежней должности, а в понедельник являетесь сюда.

— Ага...

— Если, конечно, хотите продолжать сотрудничать с «СМП».

— Разумеется.

— У вас будет контракт на выполнение исследовательской работы, выходящей за рамки обычной редакционной деятельности. Подчиняться будете непосредственно мне. В дальнейшем вы станете собирать для «СМП» материал о процессе над Саландер.

— Руководителю информационного отдела это не понравится...

— По поводу Хольма не волнуйтесь. Я уже побеседовала с руководителем юридической редакции и договорилась, так что проблем не возникнет. Но вы станете проводить исследования на заднем плане, а не для сводок новостей. Так пойдет?

— Супер.

— Ну и отлично... тогда все. До встречи в понедельник.

Эрика проводила его из стеклянной клетки. Подняв взгляд, она увидела, что с другой стороны центральной стойки за ней наблюдает Андерс Хольм. Он сразу опустил глаза, сделав вид, что не смотрит на нее.

Глава

11

Пятница, 13 мая — суббота, 14 мая

Направляясь в пятницу утром из редакции «Миллениума» к старому дому Лисбет Саландер на Лундагатан, Микаэль Блумквист тщательно проверил, нет ли за ним слежки. Ему предстояло ехать в Гётеборг для встречи с Идрисом Хиди. Необходимо было организовать надежный транспорт, посредством которого он смог бы уехать незамеченным, не оставив никаких следов. По здравом размышлении, поезд Микаэль отбросил, поскольку не хотел использовать кредитную карточку. Обычно он одалживал машину у Эрики Бергер, однако этой возможности у него больше не было. Он взвешивал, не попросить ли ему Хенри Кортеса или кого-нибудь другого взять машину напрокат, но в этом случае остались бы следы в документах.

В конце концов ему пришло в голову гениальное решение. Запасшись довольно крупной суммой денег, снятой через банкомат на Гётгатан, он дошел до старого дома Лисбет, возле которого с марта стояла ее брошенная темно-красная «хонда». Дверцу он открыл ключами самой хозяйки. Проверив приборы и убедившись, что бензобак заполнен до половины, Микаэль тронулся с места и через мост Лильехольмсбрун направился в сторону дороги Е4.

В 14.50 он припарковался в Гётеборге, неподалеку от Авеню, потом перекусил в первом попавшемся по пути кафе. В 16.10 он сел в трамвай, идущий в Ангеред, и доехал до центра. На поиски адреса, по которому проживал Идрис Хиди, ушло минут двадцать, и в результате Микаэль явился на встречу примерно с десятиминутным опозданием.

Идрис Хиди хромал. Он открыл дверь, пожал Микаэлю Блумквисту руку и пригласил его в спартански обставленную гостиную. На комод, возле стола, за который он предложил Микаэлю сесть, стояла дюжина фотографий в рамочках. Микаэль принялся их изучать.

— Моя семья, — сказал Идрис Хиди.

Говорил хозяин дома с сильным акцентом, и Микаэль заподозрил, что он бы не прошел предложенный Народной партией языковой тест.

— Это ваши братья?

— Мои два брата, крайние слева, были убиты Саддамом в восьмидесятые годы, равно как и отец, он в центре. Два дяди были убиты

Саддамом в девяностых. Мама умерла в двухтысячном году. Мои три сестры живы. Они проживают за границей. Две — в Сирии, а младшая сестра — в Мадриде.

Микаэль кивнул. Идрис Хиди налил ему кофе по-турецки.

— Курдо Бакси передавал вам привет.

Идрис Хиди кивнул.

— Он объяснил вам, что мне надо?

— Курдо сказал только, что вы хотите предложить мне работу, но какую именно, не уточнил. Разрешите мне сразу предупредить, что я не берусь за работу, в которой есть что-либо противозаконное. Я не могу себе позволить оказаться замешанным в чем-то таком.

— Мое предложение не содержит ничего противозаконного, но оно крайне необычно. Сама работа будет продолжаться примерно в течение двух недель, и задание должно выполняться ежедневно. С другой стороны, оно займет у вас примерно минуту в день. За это я готов платить вам тысячу крон в неделю. Деньги вы получите прямо в руки, они из моего кармана и через налоговые инстанции проводиться не будут.

— Понятно. Что я должен делать?

— Вы работаете уборщиком в Сальгренской больнице.

Идрис Хиди снова кивнул.

— Одно из ваших рабочих заданий заключается в том, чтобы каждый день — или, если я правильно понял, шесть дней в неделю — убирать в коридоре одиннадцать-С, расположенном в отделении интенсивной терапии.

Идрис Хиди и это подтвердил.

— Вот что я хочу, чтобы вы делали.

Микаэль Блумквист склонился над столом и изложил свое дело.

Прокурор Рихард Экстрём задумчиво разглядывал посетителя. На него смотрело морщинистое лицо, обрамленное короткими седыми волосами. С комиссаром Георгом Нюстрёмом он встречался в третий раз. В первый раз тот посетил его сразу после убийства Залаченко и предъявил удостоверение, подтверждавшее, что он работает для ГПУ/Без. Между ними состоялся довольно продолжительный разговор, ведшийся вполголоса.

— Важно, чтобы вы понимали, что я никоим образом не пытаюсь повлиять на то, как вы решите действовать или как вам следует выполнять ваши обязанности, — сказал Нюстрём.

Экстрём кивнул.

— Я подчеркиваю, что вы ни при каких обстоятельствах не должны предавать огласке полученную от меня информацию.

— Понятно, — ответил Экстрём.

По правде говоря, он толком ничего не понял, но задавать слишком много вопросов и выглядеть идиотом ему не хотелось. Он уловил, что дело Залаченко требует величайшей осторожности и что визиты Нюстрёма носят совершенно неформальный характер, однако согласованы с высокопоставленными лицами из Службы государственной безопасности.

— Речь идет о жизни людей, — уже во время первого визита объяснил Нюстрём. — На все, что касается правды о деле Залаченко, Службой безопасности наложен гриф секретности. Я могу подтвердить, что он является перебежавшим к нам бывшим агентом советской военной разведки и одной из ключевых фигур в агрессивных планах русских против Западной Европы в семидесятые годы.

— Ага... это же явно утверждает и Микаэль Блумквист.

— Тут Микаэль Блумквист совершенно прав. Он — журналист и наткнулся на одно из самых секретных дел шведской обороны за всю историю.

— Он выступит с публикацией.

— Разумеется. Он представляет СМИ со всеми их плюсами и минусами. У нас демократия, и мы, естественно, не можем влиять на то, что пишет пресса. Минусом в данном случае является то, что Блумквист знает лишь частицу правды о Залаченко и многие из его сведений ошибочны.

— Понятно.

— Блумквист не понимает того, что, если правда о Залаченко выйдет наружу, русские смогут вычислить многих наших информаторов и помощников в России. Это означает, что людям, рискующим жизнью ради демократии, будет грозить смерть.

— Но разве в России теперь не демократия? Я хочу сказать, что будь это во времена коммунистов...

— Это иллюзии. Речь идет о людях, повинных в шпионаже против России, — а в мире не существует такого режима, который бы с этим смирился, пусть даже за давностью лет. И некоторые из этих источников по-прежнему действуют...

Таких агентов не существовало, но прокурор Экстрём знать этого не мог. Ему приходилось верить Нюстрёму на слово. К тому же он, сам того не желая, был польщен тем, что неформально прикоснулся к сведениям из числа самых засекреченных. Его несколько удивило то, что шведская

служба безопасности настолько глубоко сумела внедриться в Россию, как намекал Нюстрём, и он понимал, что подобную информацию, естественно, никак нельзя распространять.

— Мне поручили связаться с вами только после того, как мы вас тщательно проверили, — сказал Нюстрём.

Искушая, всегда необходимо нащупать слабые стороны человека. Слабостью прокурора Экстрёма была убежденность в собственной значимости, и, как все прочие люди, он, естественно, ценил лесть. Важно, чтобы он чувствовал свою избранность.

— И мы констатировали, что вы — человек, пользующийся большим доверием у полиции... и, разумеется, в правительственных кругах, — добавил Нюстрём.

У Экстрёма сделался довольный вид. Информация о том, что некие люди в правительстве испытывают к нему доверие, пусть даже столь неопределенная, подразумевала, что он может рассчитывать на вознаграждение, если правильно разыграет свои карты. Добрый знак в плане дальнейшей карьеры.

— Ясно... И чего вы, собственно, хотите?

— Попросту говоря, моя задача состоит в том, чтобы самым деликатным образом снабдить вас информацией. Вы, разумеется, понимаете, как невероятно усложнилась вся эта история. С одной стороны, в полном соответствии с законом проводится предварительное следствие, и главная ответственность лежит на вас. Никто... ни правительство, ни Служба государственной безопасности, ни кто-либо другой не вправе вмешиваться в ваши действия. Ваша работа заключается в том, чтобы дойти до правды и привлечь виновных к ответственности. Это одна из важнейших функций в правовом государстве.

Экстрём кивнул.

— С другой стороны, если вся правда о Залаченко выйдет наружу, это выльется в национальную катастрофу совершенно невероятного масштаба.

— И в чем же состоит цель вашего визита?

— Во-первых, моя задача — предупредить вас о деликатности создавшегося положения. Думаю, что Швеция не находилась в столь тяжелой ситуации со времен Второй мировой войны. Можно сказать, что судьба Швеции в каком-то смысле пребывает в ваших руках.

— Кто ваш начальник?

— Сожалею, но я не вправе раскрывать имена людей, занимающихся этим делом. Позвольте лишь заверить вас, что меня инструктировали на самом высшем уровне.

О господи. Он действует по приказу правительства. Но озвучивать это нельзя, иначе разразится национальная катастрофа.

Нюстрём увидел, что Экстрём проглотил наживку.

— Зато я имею право помочь вам информацией. Мне предоставлены очень широкие полномочия, и я могу, по собственному усмотрению, посвящать вас в материал, который принадлежит к числу самых секретных в нашей стране.

— Вот оно что.

— Это означает, что если у вас возникнут вопросы, чего бы они ни касались, вам следует обращаться ко мне. Вы не должны разговаривать ни с кем другим из Службы безопасности, кроме меня. Мне поручено стать вашим гидом по этому лабиринту, и если возникнет угроза столкновения интересов, мы с вами должны искать решение совместными усилиями.

— Понятно. В таком случае не могу не выразить вам и вашим коллегам благодарность за готовность облегчить мою ситуацию.

— Мы хотим, чтобы судебный процесс, несмотря на всю сложность ситуации, все-таки состоялся.

— Хорошо. Заверяю вас, что буду проявлять крайнюю деликатность. Мне ведь не впервые приходится иметь дело с засекреченной информацией...

— Да, нам это прекрасно известно.

У Экстрёма возникло множество вопросов, которые Нюстрём аккуратно записал, а потом постарался, по возможности, на них ответить. Во время третьего визита Экстрёму предстояло получить ответы еще на несколько заданных им вопросов, и главным из них был вопрос о том, что на самом деле представляет собой отчет Бьёрка от 1991 года.

— Это проблема, — сказал Нюстрём.

Он явно был очень озабочен.

— Для начала я, пожалуй, поясню, что с того момента, как этот отчет всплыл на поверхность, у нас почти круглосуточно работала аналитическая группа, пытавшаяся выяснить, что именно произошло. Сейчас мы уже близки к тому, чтобы сделать выводы. И они крайне неприятные.

— Это легко понять — ведь отчет утверждает, что Служба государственной безопасности вступила в сговор с психиатром Петером Телеборьяном с целью поместить Лисбет Саландер в психиатрическую лечебницу.

— Если бы все было так просто, — слабо улыбнувшись, сказал Нюстрём.

— Просто?

— Да. Если бы все обстояло именно так, никакой сложности бы не возникло. Это означало бы, что совершено преступление, которое должно повлечь за собой возбуждение уголовного дела. Проблема же заключается в том, что этот отчет не соответствует имеющимся в нашем архиве документам.

— Что вы имеете в виду?

Нюстрём достал и раскрыл синюю папку.

— У меня здесь имеется настоящий отчет, написанный Гуннарсом Бьёрком в девяносто первом году. Здесь есть также оригиналы переписки между ним и Телеборьяном, хранящиеся в нашем архиве. Проблема в том, что эти две версии не совпадают.

— Объясните.

— К несчастью, Бьёрк взял и повесился. Мы предполагаем, что это связано с раскрытием его сексуальных эскапад. «Миллениум» намеревался придать дело огласке, и это привело его в такое отчаяние, что он предпочел покончить с собой.

— Да...

— В оригинале отчет представляет собой расследование попытки Лисбет Саландер убить отца, Александра Залаченко, при помощи самодельной зажигательной бомбы. Первые тридцать страниц расследования, обнаруженные Блумквистом, соответствуют оригиналу. В них нет ничего особенного. Расхождения возникают только на странице тридцать три, где Бьёрк делает выводы и дает рекомендации.

— Как это?

— В оригинальной версии Бьёрк дает пять четких рекомендаций. Нам нет необходимости скрывать, что речь идет о замалчивании дела Залаченко в СМИ и тому подобном. Бьёрк предлагает, чтобы реабилитация Залаченко — он ведь получил тяжелые ожоги — происходила за границей. И так далее. Он предлагает также предоставить Лисбет Саландер самое лучшее психиатрическое лечение.

— Вот как...

— Проблема в том, что в ряд предложений были внесены едва заметные изменения. На странице тридцать четыре имеется абзац, где Бьёрк будто бы предлагает признать Саландер психически больной, чтобы ее словам не доверяли, если кто-нибудь начнет задавать ей вопросы о Залаченко.

— А в оригинальном отчете этого утверждения нет?

— Именно. Гуннар Бьёрк никогда такого не предлагал. Это к тому же было бы противозаконным. Он предлагал, чтобы ее направили на лечение,

в котором она действительно нуждалась. В копии Блумквиста это превратилось в заговор.

— Могу я прочесть оригинал?

— Пожалуйста. Правда, уходя, я должен забрать отчет с собой. Но прежде чем вы его прочтете, позвольте обратить ваше внимание на приложение с последующей перепиской между Бьёрком и Телеборьяном. Она почти полностью сфабрикована. Здесь речь идет уже не о мелких изменениях, а о грубых фальсификациях.

— О фальсификациях?

— Думаю, в данном случае это единственное подходящее слово. Оригинал показывает, что суд поручил Петеру Телеборьяну провести судебно-психиатрическую экспертизу Лисбет Саландер. Ничего странного в этом нет. Лисбет Саландер в двенадцать лет попыталась убить отца при помощи зажигательной бомбы; было бы удивительно, если бы ее не подвергли психиатрической экспертизе.

— Совершенно справедливо.

— Окажись вы на месте прокурора, думаю, вы тоже потребовали бы социального и психиатрического обследования.

— Разумеется.

— Телеборьян был к тому времени известным и уважаемым детским психиатром и вдобавок имел опыт работы в правовой медицине. Получив задание, он провел совершенно нормальное обследование и пришел к выводу, что Лисбет Саландер психически больна... мне, вероятно, не надо вдаваться в профессиональную терминологию.

— О'кей...

— Телеборьян сообщил об этом в отчете, который направил Бьёрку, а тот представил его в суд, принявший решение о том, что Саландер следует поместить в больницу Святого Стефана.

— Ясно.

— В версии Блумквиста экспертиза, проведенная Телеборьяном, полностью отсутствует. Вместо этого там имеется переписка между Бьёрком и Телеборьяном, в которой Бьёрк инструктирует его по поводу фальсификации психиатрического обследования.

— Вы полагаете, что это фальшивка?

— Вне всякого сомнения.

— Но кто может быть заинтересован в такой фальсификации?

Нюстрём отложил отчет и нахмурил брови.

— Вы подошли к главному вопросу.

— И ответом будет?..

— Мы не знаем. Именно над этим вопросом и бьется наша аналитическая группа.

— Может ли быть, что все это плод фантазии Блумквиста?

Нюстрём засмеялся.

— Ну, мы тоже первым делом так подумали. Однако мы считаем, что нет. Мы полагаем, что фальсификация была сделана давно, вероятно, почти одновременно с написанием оригинального отчета.

— Вот как?

— И это приводит к неутешительным выводам. Автор фальшивки был полностью в курсе дела. И кроме того, он имел доступ к пишущей машинке, которой пользовался Гуннар Бьёрк.

— Вы хотите сказать...

— Мы не знаем, где именно Бьёрк писал отчет. Он мог пользоваться машинкой дома, или на работе, или где-то еще. Можно предположить два варианта. Либо автор фальшивки работал в психиатрии или судебной медицине и целенаправленно стремился опозорить Телеборьяна. Либо фальшивку совсем с другой целью изготовил кто-то в недрах Службы государственной безопасности.

— Зачем?

— Дело происходило в девяносто первом году. Это мог быть какой-нибудь русский агент в ГПУ/Без, выследивший Залаченко. Такая возможность вынуждает нас сейчас просматривать огромное количество старых персональных дел.

— Но если КГБ узнал... тогда бы все вышло наружу уже давно.

— Правильно мыслите. Однако не забудьте, что именно в то время распался Советский Союз и КГБ распустили. Что у них сорвалось, мы не знаем. Возможно, операцию спланировали, но отложили в долгий ящик. КГБ всегда отличался умением фальсифицировать документы и распространять дезинформацию.

— Но какую цель мог преследовать КГБ такой фальсификацией...

— Этого мы тоже не знаем. Целью, естественно, могло быть стремление опозорить шведское правительство.

Экстрём уцепился за нижнюю губу.

— Значит, вы говорите, что медицинское освидетельствование Саландер верно?

— О да. Вне всякого сомнения. Если выразиться неофициально, Саландер абсолютно сумасшедшая. Можете быть уверены, в закрытую лечебницу ее отправили совершенно справедливо.

— Унитазы, — с сомнением произнесла исполняющая обязанности главного редактора Малин Эрикссон. Судя по голосу, ей явно казалось, что Хенри Кортес ее разыгрывает.

— Унитазы, — кивнув, повторил Хенри Кортес.

— Ты хочешь опубликовать статью об унитазах? В «Миллениуме»?

Моника Нильссон внезапно и не к месту расхохоталась. Она видела, как он с плохо скрываемым энтузиазмом направлялся на пятничное совещание — в нем легко было распознать журналиста, уже подготовившего материал.

— О'кей, объясни.

— Все очень просто, — сказал Хенри Кортес. — Крупнейшая отрасль промышленности Швеции — строительство. Эту отрасль практически невозможно переместить за границу, хотя «Сканска» и делает вид, что имеет в Лондоне офис и все такое. Строить дома все равно приходится в Швеции.

— Да, но в этом нет ничего нового.

— Конечно. Но отчасти новым является то, что строительная отрасль на пару световых лет отстает от остальной промышленности Швеции в отношении конкурентоспособности и эффективности. Если бы компания «Вольво» производила автомобили таким же образом, то новейшая модель стоила бы порядка одного или двух миллионов крон за машину. Для любой нормальной отрасли главное — снижение себестоимости. Для строительства же — напротив. Они плюют на уменьшение себестоимости, в результате чего цена за квадратный метр увеличивается, и государство субсидирует их из налоговых средств, чтобы цена окончательно не зашкалила.

— Разве тут есть какой-то материал?

— Подожди. Это сложно. Если бы, например, развитие ценообразования на гамбургеры с семидесятых годов шло аналогично, бигмак стоил бы около ста пятидесяти крон или еще больше. Не хочу даже думать о том, во сколько бы он обошелся с картошкой и колой, но моей зарплаты в «Миллениуме» надолго, пожалуй бы, не хватило. Сколько из сидящих за этим столом пошло бы в «Макдоналдс» покупать гамбургеры по сотне?

Все промолчали.

— Логично. А когда компания «Нордик констракшн компани»^[24] наскоро сооружает несколько блочных коробок в районе Госхага на острове Лидингё, она берет за трехкомнатную квартиру по десять или двенадцать тысяч крон в месяц. Многие ли из вас выкладывают такую сумму?

— Мне это не по средствам, — сказала Моника Нильссон.

— Да. Но ты уже проживаешь в двухкомнатной квартире, которую тебе двадцать лет назад купил отец, и если захочешь ее продать, то получишь около полутора миллионов. А что делать двадцатилетним, которые хотят съехать от родителей? Для них это слишком дорого. Следовательно, они снимают жилье или остаются сидеть с мамочкой до самого выхода на пенсию.

— При чем тут унитазаы? — поинтересовался Кристер Мальм.

— Я сейчас к этому подойду. Вопрос в том, почему жилье так чертовски дорого стоит? Да потому, что те, кто заказывает дома, не знают, как это надо делать. Проще говоря, жилищно-коммунальное предприятие звонит в строительную компанию, типа «Сканска», сообщает, что хочет заказать сто квартир, и спрашивает, сколько это будет стоить. «Сканска» все обсчитывает и дает ответ, что это выльется, скажем, в пятьсот миллионов крон. Соответственно, цена квадратного метра окажется порядка икс крон, и въехать в квартиру будет стоить десять штук. В «Макдоналдс»-то можно не ходить, но жить где-то надо в любом случае, значит, тебе придется платить, сколько с тебя спросят.

— Хенри, дорогой... ближе к делу.

— Но ведь это и есть дело. Почему вселиться в страшные дома в районе Хаммарбюхамнен стоит десять штук? Да потому, что строительные фирмы плюют на снижение себестоимости. Клиент все равно заплатит. Значительную часть стоимости составляют расходы на стройматериалы. Торговля стройматериалами осуществляется через оптовиков, которые назначают собственные цены. Поскольку никакой настоящей конкуренции нет, одна ванна стоит в Швеции пять тысяч крон. Та же ванна, от того же производителя стоит в Германии две тысячи крон. Никакой разумной дополнительной стоимостью разницу в цене не объяснить.

— О'кей.

— Кое-что об этом можно прочесть в отчете правительственной комиссии, занимавшейся вопросами стоимости строительства в конце девяностых годов. С тех пор мало что изменилось. Никаких переговоров о несоответствии ценообразования со строительными фирмами не проводится. Заказчики покорно оплачивают стоимость, и в конечном счете вся тяжесть расходов падает на плечи жильцов или налогоплательщиков.

— Хенри, унитазаы?

— То небольшое, что улучшилось со времен Комиссии по стоимости строительства, произошло на местном уровне, преимущественно за пределами Стокгольма. Существуют заказчики, которым надоели высокие

цены на жилье. Типичный пример — компания «Карлскрунахем», которая строит дешевле всех остальных, просто закупая материалы самостоятельно. Кроме того, в дело вмешалась торговая компания «Свенск Хандель». Они считают цены на стройматериалы просто безумными и пытаются облегчить заказчикам получение аналогичной, но более дешевой продукции. Это привело к маленькому конфликту на строительной выставке в Эльвшё год назад. Компания «Свенск Хандель» привезла туда парня из Таиланда, который продавал унитазы примерно по пятьсот крон за штуку.

— Вот как? И?

— Ближайшим конкурентом оказалась оптовая компания под названием «Витавара АВ», продающая настоящие шведские унитазы по тысяче семьсот крон за штуку. И мудрые заказчики из муниципалитетов стали чесать в затылках, задаваясь вопросом, зачем им выкладывать тысячу семьсот крон, когда они могут купить аналогичный унитаз из Таиланда за пятьсот.

— Может, качество лучше? — спросила Лотта Карим.

— Нет-с. Равноценная продукция.

— Таиланд, — произнес Кристер Мальм. — Это пахнет детским трудом или чем-то подобным, что может объяснять низкую цену.

— Нет-с, — ответил Хенри Кортес. — Детский труд используется в Таиланде в основном в текстильной промышленности и в производстве сувениров. И разумеется, когда речь идет о поставке живого товара для педофилов. Это там сделалось настоящей отраслью экономики. ООН держит детский труд под контролем, и я проверил эту фирму. У них все в порядке. Это большое, современное и уважаемое предприятие по производству бытовой техники.

— Вот оно что... Значит, мы говорим о странах с низким уровнем оплаты труда, и, следовательно, ты рискуешь написать статью, ратующую за вытеснение с рынка шведского предприятия таиландским. Гоните в шею шведских работников, закрывайте предприятия и импортируйте продукцию из Таиланда. Центральному объединению профсоюзов такое едва ли придется по душе.

Лицо Хенри Кортеса расплылось в улыбке. Он откинулся на спинку стула с нарочито самодовольным видом.

— Нет-с, — сказал он. — Угадайте, где «Витавара АВ» производит свои унитазы по тысяче семьсот крон за штуку?

В редакции воцарилось молчание.

— Во Вьетнаме, — произнес Хенри Кортес.

— Этого не может быть, — возразила главный редактор Малин Эрикссон.

— Угу, — сказал Хенри. — Они производят там унитазы по субподряду по крайней мере уже десять лет. Шведских работников погнали в шею еще в девяностых годах.

— Черт побери.

— Сейчас мы подойдем к главному. Если бы унитазы импортировали прямо из Вьетнама, цена оказалась бы около трехсот девяноста крон. Угадайте, чем объясняется разница в цене между Вьетнамом и Таиландом?

— Только не говори...

Хенри Кортес кивнул. Его улыбка стала шире лица.

— «Витавара АВ» размещает заказы на предприятии, которое называется «Фонг Су индастриз». А эта контора значится у ООН в перечне тех, которые, по крайней мере во время проверки две тысячи первого года, использовали детский труд. Но основную массу рабочих там составляют заключенные.

Малин Эрикссон вдруг улыбнулась.

— Это хорошо, — сказала она. — Просто здорово. Из тебя наверняка со временем вырастет журналист. Как скоро ты сможешь закончить работу над материалом?

— Через две недели. Мне надо проверить довольно многое из области международной торговли. И кроме того, для статьи нужен bad guy,^[25] поэтому я хочу проверить, кто владеет «Витавара АВ».

— Значит, мы сможем дать статью в июньском номере? — с надеждой спросила Малин.

— Без проблем.

Инспектор уголовной полиции Ян Бублански с каменным лицом всматривался в прокурора Рихарда Экстрёма. Их встреча продолжалась уже сорок минут, и Бублански ощущал сильнейшее желание протянуть руку, схватить лежащий на столе Экстрёма экземпляр Свода законов Швеции и ударить им прокурора по голове. Он потихоньку обдумывал, что произойдет, если он так и поступит. Это, безусловно, наделает шума в вечерних газетах и, вероятно, выльется в судебное преследование за нанесение телесных повреждений. И он отбросил эту мысль. Главное отличие цивилизованного человека состоит в том, что он не поддается подобным импульсам, как бы вызывающе ни вела себя противоположная сторона. Ведь инспектора Бублански чаще всего вызывали именно в связи с тем, что кто-то поддавался необдуманным порывам.

— Ну, хорошо, — сказал Экстрём. — Я считаю, что мы пришли к согласию.

— Нет, к согласию мы не пришли, — ответил Бублански и встал. — Но руководителем предварительного следствия являешься ты.

Бормоча что-то себе под нос, он свернул в коридор, где находился его служебный кабинет, и вызвал к себе инспекторов Курта Свенссона и Сою Мудиг — всех имевшихся на тот момент в его распоряжении членов команды. Йеркер Хольмберг весьма несвоевременно решил взять двухнедельный отпуск.

— Ко мне в кабинет, — сказал Бублански. — Захватите кофе.

Когда они расселись, Бублански открыл блокнот с записями, сделанными во время встречи с Экстрёмом.

— На данный момент ситуация такова: наш руководитель предварительного следствия снял с Лисбет Саландер все обвинения, касающиеся тех убийств, за которые ее разыскивали. То есть ее больше не касается предварительное следствие, которым занимаемся мы.

— Это все-таки можно рассматривать как шаг вперед, — сказала Сою Мудиг.

Курт Свенссон, как всегда, промолчал.

— Я в этом не так уверен, — возразил Бублански. — Саландер по-прежнему подозревается в тяжких преступлениях в связи со Сталлархольмом и Госсенбергой. Однако в наше расследование это больше не входит. Мы должны сосредоточиться на поисках Нидермана и разбирательстве с лесным кладбищем в Ньюварне.

— Понятно.

— Но совершенно ясно, что Экстрём будет возбуждать против Лисбет Саландер судебное преследование. Дело переведено в Стокгольм и выделено в отдельное производство.

— Вот как?

— И угадайте, кто будет проводить расследование?

— Я опасаюсь худшего.

— Ханс Фасте вернулся на работу и будет помогать Экстрёму со следствием по делу Саландер.

— Это же чистое безумие. Фасте совершенно не подходит для выяснения чего бы то ни было, касающегося Саландер.

— Я знаю. Но у Экстрёма имеется отличный аргумент. Фасте находился на больничном со времени... хм, нервного срыва в апреле, а это хорошее и простое дело, на котором он вполне сможет сконцентрироваться.

Молчание.

— Следовательно, сегодня вечером мы должны передать ему весь материал о Саландер.

— А история с Гуннаром Бьёрком, СЭПО и отчетом девяносто первого года...

— Ею займется Фасте с Экстрёмом.

— Мне это не нравится, — сказала Соня Мудиг.

— Мне тоже. Но Экстрём — руководитель и имеет поддержку в высших бюрократических структурах. Иными словами, наша работа по-прежнему сводится к поискам убийцы. Курт, как у нас обстоят дела?

Курт Свенссон помотал головой.

— Нидерман как сквозь землю провалился. Должен признаться, что за все годы работы в полиции я с подобным не сталкивался. Нам не удалось обнаружить ни единого человека, кто бы его знал или имел представление о том, где он находится.

— Загадочно, — сказала Соня Мудиг. — Его, стало быть, разыскивают за убийство полицейского в Госсенберге, за причинение тяжкого вреда здоровью другого полицейского, за попытку убить Лисбет Саландер и за грубое ограбление и избиение медсестры Аниты Касперссон. А также за убийство Дага Свенссона и Миа Бергман. Во всех этих случаях имеются хорошие технические доказательства.

— Это уже кое-что. А как насчет финансового эксперта «Свавельшё МК»?

— Виктора Йоранссона и его сожительницы Лены Нюгрен? У нас имеются технические доказательства, указывающие на Нидермана, — отпечатки пальцев и ДНК с тела Йоранссона. Нидерман здорово поцарапался, нанося побои.

— О'кей. Есть что-нибудь новое о «Свавельшё МК»?

— Пока Магге Лундин сидит в следственном изоляторе за похищение Мириам Ву, дожидаясь суда, место руководителя занял Сонни Ниеминен. Ходят слухи, что Ниеминен объявил большое вознаграждение за сведения о местонахождении Нидермана.

— Тогда кажется еще более странным, что того пока не нашли. Что слышно о машине Йоранссона?

— Поскольку машину Аниты Касперссон обнаружили во дворе у Йоранссона, мы полагаем, что Нидерман сменил транспортное средство. Однако никаких следов машины Йоранссона нет.

— Следовательно, возникает вопрос, скрывается ли Нидерман по-прежнему в Швеции — в таком случае где и у кого — или уже успел перебраться в надежное место за границей. Какие у нас на этот счет мысли?

— У нас нет никаких доказательств того, что он сбежал за границу, но это единственный логичный вариант.

— Где же он в таком случае бросил машину?

Соня Мудиг и Курт Свенссон оба замотали головами. Когда речь шла о выслеживании объявленного в розыск конкретного человека, работа полиции в девяти случаях из десяти особой сложности не представляла. Надо было выстроить логическую цепочку и начинать раскручивать. Кто его приятели? С кем он вместе сидел в тюрьме? Где живет его подружка? С кем он любит ходить выпивать? Где он в последний раз пользовался мобильным телефоном? Где находится его машина? В конце этой цепочки обычно и обнаруживался искомый человек.

Проблема с Рональдом Нидерманом заключалась в том, что у него не было приятелей, отсутствовала подружка, он не ходил по кабакам и не имел известного полиции мобильного телефона.

Значительная часть усилий была, следовательно, направлена на розыски машины Виктора Йоранссона, которой, как предполагалось, Рональд Нидерман воспользовался. Она могла бы указать дальнейшее направление поисков. Первоначально ожидалось, что машина всплывет в течение нескольких суток, скорее всего, на какой-нибудь стоянке в Стокгольме. Однако, несмотря на общегосударственный розыск, автомобиль блистал своим отсутствием.

— Если Нидерман находится за границей... где же он тогда?

— Он гражданин Германии, и естественно было бы предположить, что он направился именно туда.

— В Германии он объявлен в розыск. Ни с кем из старых приятелей в Гамбурге он, похоже, не связывался.

Курт Свенссон замахал рукой.

— Если он собирался в Германию, зачем ему тогда понадобилось ехать в Стокгольм? Разве не проще было бы доехать до Мальме и перебраться через Эресунд по мосту или на каком-нибудь пароме?

— Разумеется. Маркус Эрландер из Гётеборга в первые дни сконцентрировал поиски именно на этом направлении. Полиция Дании информирована о машине Йоранссона, и мы можем с уверенностью сказать, что на паромах Нидерман не переправлялся.

— Но он поехал в Стокгольм и завернул в «Свалельшё МК», где убил кассира и скрылся — можно предположить — с неустановленной суммой денег. Каким должен быть его следующий шаг?

— Ему необходимо выбраться из Швеции, — сказал Бублански. — Логично было бы воспользоваться каким-нибудь паромом через Балтийское

море. Но Йоранссона с сожительницей убили поздно ночью девятого апреля. Следовательно, Нидерман мог уехать на пароме следующим утром. Сигнал тревоги поступил к нам через шестнадцать часов после их смерти, и только тогда мы начали разыскивать машину.

— Если бы он утром уехал на пароме, автомобиль Йоранссона стоял бы возле какого-нибудь из причалов, — заметила Соня Мудиг.

Курт Свенссон кивнул.

— А может, мы не нашли машины Йоранссона просто потому, что Нидерман покинул страну на севере, через Хапаранду? Конечно, ехать вокруг Ботнического залива далеко, но шестнадцати часов ему вполне могло хватить, чтобы успеть пересечь границу с Финляндией.

— Да, но потом ему пришлось бы бросить машину где-то в Финляндии, и к настоящему моменту тамошние коллеги ее бы уже обнаружили.

Довольно долго все сидели молча. Под конец Бублански встал и подошел к окну.

— Вопреки логике и здравому смыслу, автомобиль Йоранссона по-прежнему не обнаружен. Может быть, Нидерман нашел какое-то укрытие, где он просто залег на дно, дачу или...

— Дачу — едва ли. В такое время года все владельцы домов выезжают посмотреть, что там творится.

— И едва ли его укрытие как-то связано со «Свавельшё МК». Они, вероятно, последние, с кем бы ему хотелось столкнуться.

— Тем самым следует исключить весь преступный мир. Какая-нибудь подружка, о которой нам не известно?

Мыслей у них было много, но необходимые для дальнейших действий факты полностью отсутствовали.

Когда Курт Свенссон ушел домой, Соня Мудиг вернулась к кабинету Яна Бублански и постучала о дверной косяк. Бублански приглашающе махнул рукой.

— У тебя найдется пара минут?

— Что?

— Саландер.

— О'кей.

— Мне не нравится этот расклад с Экстрёмом и Фасте и новым судебным процессом. Ты ведь читал отчет Бьёрка. Я тоже читала. Ее просто убрали с дороги в девяносто первом году, и Экстрёму это известно. Что, черт возьми, происходит?

Бублански снял очки для чтения и сунул их в нагрудный карман.

— Не знаю.

— У тебя есть какие-нибудь соображения?

— Экстрём утверждает, что отчет Бьёрка и его переписка с Телеборьяном сфальсифицированы.

— Ерунда. Будь это фальсификацией, Бьёрк бы сказал, когда мы его сюда привозили.

— Экстрём утверждает, что Бьёрк отказывался говорить на эту тему, поскольку дело имело гриф секретности. Меня упрекнули в том, что я допрашивал его, опережая события.

— Экстрём начинает мне все меньше нравиться.

— На него давят с нескольких сторон.

— Это не оправдание.

— Мы не обладаем монополией на правду. По словам Экстрёма, он получил доказательства того, что отчет сфальсифицирован — настоящего отчета с таким инвентарным номером не существует. Он говорит также, что фальшивка сделана очень ловко и содержит смесь правды и вымысла.

— Какая часть является правдой, а какая вымыслом?

— Канва истории в какой-то степени правдива. Залаченко действительно является отцом Лисбет Саландер и подонком, избивавшим ее мать. Вечная проблема — мать не хотела заявлять в полицию, и потому это продолжалось несколько лет. Бьёрку поручили расследовать, что произошло, когда Лисбет попыталась убить отца при помощи зажигательной бомбы. Он вступил в переписку с Телеборьяном, но вся корреспонденция, в той форме, в какой мы ее видели, фальшивка. Телеборьян провел самое обычное психиатрическое обследование Саландер и установил, что она ненормальная, а прокурор решил не давать ее делу дальнейший ход. Ей требовалось лечение, и ей его предоставили в больнице Святого Стефана.

— Если это фальшивка... кто в таком случае ее сделал и с какой целью?

Бублански развел руками.

— Ты меня разыгрываешь?

— Насколько я понял, Экстрём намерен снова требовать основательной судмедэкспертизы Саландер.

— Я с этим категорически не согласна.

— Нас это больше не касается. Мы отключены от истории Саландер.

— А Ханс Фасте подключен... Ян, если эти мерзавцы еще раз покусятся на Саландер, я обращусь в СМИ...

— Нет, Соня. Не стоит. Во-первых, у нас больше нет доступа к отчету, и, следовательно, твои утверждения окажутся бездоказательными. Ты просто выставишь себя чокнутой, и тогда твоей карьере конец.

— Отчет у меня по-прежнему есть, — тихо сказала Соня Мудиг. — Я сняла копию для Курта Свенссона, но еще не успела ему отдать, когда генеральный прокурор стал отбирать у нас копии.

— Если ты выдашь информацию об отчете, тебя не просто уволят, тебя обвинят в должностном преступлении и в выдаче СМИ засекреченной информации.

Соня Мудиг секунду посидела молча, всматриваясь в своего начальника.

— Соня, ты ничего не будешь предпринимать. Обещай мне.

Она колебалась.

— Нет, Ян, обещать я не могу. Во всей этой истории есть что-то подозрительное.

Бублански кивнул.

— Да. Она подозрительная. Но мы не знаем, кто в данный момент является нашим врагом.

Соня Мудиг склонила голову набок.

— А ты собираешься что-нибудь предпринять?

— Это я с тобой обсуждать не намерен. Положись на меня. Сейчас вечер пятницы. Устрой себе выходные. Отправляйся домой и считай, что этого разговора не было.

В субботу, в половине второго дня, охранник Никлас Адамссон оторвал взгляд от учебника экономики, по которой ему через три недели предстояло сдавать экзамен. Он услышал звук вращающихся щеток слегка тарахтящей тележки уборщика и сделал вывод, что это хромает черномазый. Тот всегда вежливо здоровался, но отличался крайней неразговорчивостью и обычно не смеялся в тех случаях, когда Никлас пытался с ним пошутить. Никлас увидел, как тот достал бутылку «Аякса», два раза побрызгал на стойку дежурного и начисто вытер тряпкой. Потом ухватился за швабру и несколько раз прошелся ею вокруг стойки в тех местах, куда не доставали щетки тележки. Никлас Адамссон снова уткнулся в книгу и продолжил чтение.

Через десять минут уборщик добрался до места Адамссона в самом конце коридора. Они кивнули друг другу. Адамссон встал, позволив уборщику обработать пол вокруг стула перед дверью палаты Лисбет Саландер. Никлас видел уборщика почти каждый день, когда приходила его

очередь сидеть на этом посту, но никак не мог запомнить его имя — какое-то типичное для арабов и им подобных. Вместе с тем особой необходимости проверять у него удостоверение Адамссон не ощущал. С одной стороны, в комнату заключенной черномазый не входит — там по утрам наводит порядок одна из уборщиц; а с другой — хромой уборщик едва ли мог представлять сколько-нибудь серьезную угрозу.

Покончив с делами в конце коридора, уборщик отпер дверь рядом с палатой Лисбет Саландер. Адамссон покосился на него, но и это не являлось каким-либо отступлением от ежедневной рутины. В конце коридора располагался чулан для инвентаря. В последующие пять минут черномазый опорожнил ведро, почистил щетки и наполнил тележку пластиковыми пакетами для мусорных корзин. Под конец он целиком закатил тележку в чулан.

Идрис Хиди знал о присутствии в коридоре охранника. Этот светловолосый парень, лет двадцати пяти, обычно сидел там два или три дня в неделю, читая книги по экономике. Хиди сделал вывод, что тот работает в охране на полставки, параллельно учась в университете, и что он интересуется происходящим вокруг не больше, чем кусок кирпича.

Что станет делать Адамссон, если он действительно попытается войти в палату к Лисбет Саландер?

И чего, собственно, добивается Микаэль Блумквист — это также занимало Идриса Хиди. Разумеется, Идрис читал о Микаэле в газетах и сразу связал его с находящейся в коридоре 11-С Лисбет Саландер. Он ждал, что его попросят что-нибудь ей пронести, — в таком случае ему пришлось бы отказаться, поскольку права к ней входить он не имел и даже никогда ее не видел. Однако полученное предложение его ожиданий не оправдало.

Ничего нелегального в задании Идрис не усмотрел. Покосившись в приоткрытую дверь, он увидел, что Адамссон вновь сидит на стуле перед дверью, углубившись в книгу. Идрис с удовлетворением отметил, что поблизости ни души, как, впрочем, и почти всегда, поскольку чулан находился в тупике, в самом конце коридора. Он сунул руку в карман рабочего халата и достал новый мобильный телефон «Сони Эрикссон Z600». Идрис Хиди видел такой в рекламном объявлении и знал, что аппарат стоит примерно три с половиной тысячи крон и снабжен всеми премудростями мобильного рынка.

Бросив взгляд на дисплей, Идрис отметил, что телефон находится в рабочем состоянии, но сигнал вызова у него отключен — как звуковой, так и вибрационный. Он поднялся на цыпочки и отвинтил круглый белый

колпак, прикрывавший вентиляционное отверстие, которое соединяло чулан с палатой Лисбет Саландер. Потом поместил телефон в отверстие так, чтобы его не было видно, — в точности как просил Микаэль Блумквист.

Вся процедура заняла примерно тридцать секунд. На следующий день она должна занять около десяти секунд: ему предстояло вынуть телефон, заменить аккумулятор и положить телефон обратно. Старый аккумулятор следовало унести домой и за ночь зарядить.

Вот и все, что требовалось от Идриса Хиди.

Правда, Саландер это не поможет. С ее стороны стены накрепко привинчена решетка. Телефона ей будет все равно не достать, если только она не раздобудет крестовую отвертку и стремянку.

— Я об этом знаю, — сказал Микаэль. — Но она даже не прикоснется к телефону.

Такую процедуру Идрису Хиди следовало повторять ежедневно до тех пор, пока Микаэль Блумквист не сообщит, что необходимость отпала.

И за эту работу Идрису Хиди предлагалось по тысяче крон в неделю, прямо в карман. Кроме того, по исполнению задания телефон оставался в его распоряжении.

Идрис покачал головой. Он, разумеется, понимал, что Микаэль Блумквист затевает какую-то аферу, но в чем дело, догадаться никак не мог. Помещение включенного, но никуда не подсоединенного мобильного телефона в вентилятор в запертом чулане было аферой такого уровня, что ее смысл до Хиди не доходил. Если Блумквист хотел получить возможность общаться с Лисбет Саландер, куда умнее было бы подкупить кого-нибудь из сестер и передать с ней телефон. А так никакой логики не прослеживалось.

Хиди еще раз покачал головой. С другой стороны, он ничего не имел против того, чтобы оказать Микаэлю Блумквисту услугу, раз тот готов платить по тысяче крон в неделю. Задавать вопросы Хиди не собирался.

Доктор Андерс Юнассон немного замедлил шаг, увидев, что возле его дома на Хагагатан, прислонившись к воротам, стоит мужчина лет сорока с небольшим. Мужчина показался ему смутно знакомым и к тому же приветственно кивнул.

— Доктор Юнассон?

— Да, это я.

— Простите, что беспокою вас прямо на улице, перед домом. Но я не хотел заходить к вам на работу, а мне необходимо с вами поговорить.

— Кто вы и в чем состоит ваше дело?

— Меня зовут Микаэль Блумквист. Я журналист и работаю в журнале «Миллениум». Дело касается Лисбет Саландер.

— О, теперь я вас узнал. Кажется, вы вызвали Службу спасения, когда ее обнаружили... Это вы заклеили ей рану серебряным пластырем?

— Я.

— Это вы очень ловко придумали. Но сожалею, я не могу обсуждать пациентов с журналистами. Вам придется на общих основаниях обратиться в пресс-службу Сальгренской больницы.

— Вы меня неверно поняли. Мне не нужны сведения, я здесь по частному делу. Вы можете не говорить мне ни слова и не выдавать никакой информации. Все как раз наоборот. Информацией хочу снабдить вас я.

Андерс Юнассон нахмурил брови.

— Будьте так добры, — попросил Микаэль Блумквист. — Не в моих привычках приставать к хирургам на улице, но у меня к вам очень важный разговор. Тут за углом есть кафе. Можно мне угостить вас кофе?

— О чем вы хотите говорить?

— О будущем и благополучии Лисбет Саландер. Я ее друг.

Андерс Юнассон долго колебался. Он понимал, что, будь это кто-нибудь другой, а не Микаэль Блумквист — если бы к нему вот так подошел совершенно незнакомый человек, — он бы отказался. Но поскольку Блумквист был персоной известной, Андерс Юнассон чувствовал определенную уверенность в том, что речь идет о действительно важном деле.

— Я ни при каких условиях не хочу давать интервью и не стану обсуждать свою пациентку.

— Ну и отлично, — сказал Микаэль.

Под конец Андерс Юнассон коротко кивнул и отправился с Блумквистом в указанное заведение.

— В чем ваше дело? — спросил он, когда им принесли кофе. — Я вас выслушаю, но комментировать ничего не собираюсь.

— Вы боитесь, что я вас процитирую или выставлю в невыгодном свете в СМИ. Позвольте мне сразу внести ясность: этого не произойдет. Лично для меня нашего разговора просто не было.

— О'кей.

— Я хочу попросить вас об одолжении. Но сначала я должен четко объяснить почему, и тогда вы сможете решить, приемлемо ли для вас в моральном плане оказывать мне такую услугу.

— Мне не очень-то нравится этот разговор.

— От вас требуется только послушать. Вы — врач Лисбет Саландер, и ваша работа заключается в том, чтобы заботиться о ее физическом и душевном здоровье. Я — друг Лисбет Саландер, и моя задача состоит в том же самом. Я не врач и, следовательно, не могу копаться у нее в голове, извлекая пули, и тому подобное, но я обладаю другими знаниями, возможно, не менее важными для ее благополучия.

— Вот как.

— Я журналист и раскопал правду о том, что с ней на самом деле произошло.

— О'кей.

— Я могу рассказать в общих чертах, о чем идет речь, а выводы вы уже сделаете сами.

— Угу.

— Начать надо, вероятно, с того, что адвокатом Лисбет Саландер является Анника Джаннини. Вы с ней встречались.

Андерс Юнассон кивнул.

— Анника моя сестра, и ее работу по защите Лисбет Саландер оплачиваю я.

— Вот как?

— То, что она моя сестра, вам легко проверить. Речь идет об услуге, просить о которой Аннику я не могу. Она не обсуждает со мной Лисбет Саландер, поскольку обязана соблюдать служебную тайну и подчиняется совершенно другим законам.

— Хм.

— Я предполагаю, что вы читали о Лисбет в газетах.

Юнассон опять кивнул.

— Ее описывали как психически ненормальную лесбиянку, совершающую массовые убийства. Все это чушь. Лисбет Саландер не психопатка, она, вероятно, не глупее нас с вами. А ее сексуальные пристрастия никого не касаются.

— Если я правильно понимаю, произошла некоторая переоценка ситуации. Теперь в связи с убийствами называют имя того немца.

— Что совершенно справедливо. Рональд Нидерман виновен, он совершенно безумный убийца. Однако у Лисбет Саландер имеются враги. Действительно крупные, заклятые враги. Некоторые из них трудятся в Службе государственной безопасности.

Андерс Юнассон с сомнением поднял брови.

— Когда Лисбет Саландер было двенадцать лет, ее заперли в детской психиатрической больнице в Упсале, поскольку она наткнулась на тайну,

которую люди из СЭПО стремились любой ценой сохранить. Ее отец, Александр Залаченко, которого убили в Сальгренской больнице, — перебежавший русский шпион, реликвия времен холодной войны. Он также известен жестоким обращением с женщинами и год за годом избивал мать Лисбет. Когда Лисбет исполнилось двенадцать, она нанесла ответный удар, попытавшись убить Залаченко с помощью пакета с бензином. Поэтому ее и заперли в психиатрическую лечебницу.

— Я не понимаю. Если она пыталась убить отца, возможно, имелись основания отправить ее на психиатрическое лечение.

— Моя версия — которую я опубликую — заключается в том, что в СЭПО было известно, что именно произошло, но они предпочли защищать Залаченко, поскольку он являлся важным источником информации. То есть они сфальсифицировали диагноз и проследили за тем, чтобы Лисбет упекли.

На лице Андерса Юнассона читалось такое сомнение, что Микаэль улыбнулся.

— Я могу документально подтвердить все, что вам рассказываю. И я издам подробное описание этого дела к началу суда над Лисбет. Поверьте — это вызовет дикий шум.

— Ясно.

— Я разоблачу и выведу на чистую воду двух врачей, которые, действуя в интересах СЭПО, помогли упрятать Лисбет в сумасшедший дом. Я беспощадно предам их публичному позору. Один из этих врачей — известный и уважаемый человек. Но, как я сказал, у меня имеется вся необходимая документация.

— Я вас понимаю. Если какой-то врач действительно замешан в чем-либо подобном, это позор для всех представителей нашей профессии.

— Нет, в коллективную вину я не верю. Это позор для тех, кто замешан. То же относится и к СЭПО. Там наверняка есть порядочные люди. В нашем случае речь идет о группе сектантов. Когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать, они снова попытались отправить ее в интернат. Тогда им это не удалось, но ей назначили опекуна. Во время судебного процесса они вновь постараются выплеснуть на нее максимум грязи. Мне или, вернее, моей сестре придется биться за то, чтобы Лисбет оправдали и признали дееспособной.

— О'кей.

— Но Лисбет должна быть во всеоружии. Таковы условия игры. Мне, вероятно, следует также упомянуть, что несколько полицейских в этой битве стоят на стороне Лисбет. В их число, правда, не входит руководитель

предварительного следствия, который возбудил против нее дело.

— М-да.

— Для подготовки к суду Лисбет требуется помощь.

— Ясно. Но я не адвокат.

— Нет, но вы врач и имеете к ней доступ.

Глаза Андерса Юнассона сузились.

— То, о чем я хочу вас попросить, неэтично и даже может считаться противозаконным.

— Вот оно что.

— Но с моральной точки зрения это вполне оправданно. Ее права сознательно нарушаются лицами, которым следовало бы отвечать за ее защиту.

— Вот как?

— Я могу привести пример. Как вам известно, Лисбет запрещено посещать, она не имеет права читать газеты или общаться с внешним миром. К тому же прокурор добился, чтобы ее адвокату запретили разглашать информацию. Анника мужественно придерживается служебных инструкций. Зато сам прокурор является главным источником информации для журналистов, которые продолжают писать о Лисбет Саландер всякие мерзости.

— Неужели?

— Вот, например, эта статья. — Микаэль достал вечернюю газету недельной давности. — Источник в следственных органах утверждает, что Лисбет невменяема, в результате чего газета пускается в рассуждения о ее душевном здоровье.

— Я читал статью. Это чушь.

— Значит, вы не считаете Саландер сумасшедшей?

— На этот счет я высказываться не могу. Зато мне известно, что никаких психиатрических экспертиз не проводилось. Следовательно, в статье написана чушь.

— О'кей. Но я могу документально доказать, что эти сведения выдал полицейский по имени Ханс Фасте, работающий на прокурора Экстрёма.

— Вот как.

— Экстрём потребует, чтобы процесс происходил за закрытыми дверями, а это означает, что никому со стороны не дадут изучить и оценить доказательства против Саландер. Но что еще хуже... поскольку прокурор изолировал Лисбет, она не сможет собрать материал, который ей необходим для организации защиты.

— Если я правильно понимаю, этим должен заниматься ее адвокат.

— Лисбет, как вы наверняка уже успели заметить, очень своеобразный человек. У нее имеются тайны, в которые я посвящен, но не имею права посвящать Аннику. Только сама Лисбет может решить, хочется ли ей прибегнуть в суде к такой защите.

— Ага.

— И чтобы иметь возможность принять решение, ей требуется вот это.

Микаэль положил на столик принадлежащий Лисбет Саландер карманный персональный компьютер «Палм Тангстен ТЗ» и зарядное устройство.

— Это важнейшее оружие из арсенала Лисбет. Оно ей необходимо.

Андерс Юнассон посмотрел на карманный компьютер с подозрением.

— Почему бы не передать его ее адвокату?

— Потому что только Лисбет знает, как добраться до доказательств.

Андерс Юнассон долго сидел молча, не прикасаясь к компьютеру.

— Позвольте мне рассказать вам о докторе Петере Телеборьяне, — сказал Микаэль, доставая папку, где у него хранился весь важный материал. Они просидели, тихо переговариваясь, более двух часов.

В начале девятого вечера, в субботу, Драган Арманский покинул офис «Милтон секьюрити» и дошел до синагоги прихода Сёдер, расположенной на Санкт-Польсгатан. Он позвонил, представился, и раввин лично впустил его внутрь.

— У меня здесь назначена встреча со знакомым, — сказал Арманский.

— Вам на второй этаж. Я вас провожу.

Раввин предложил Арманскому кипу, которую тот с сомнением все же надел. Он воспитывался в мусульманских традициях, так что ношение кипы и посещение синагоги в число каждодневных привычек его семьи не входило. С кипой на голове он чувствовал себя неловко.

Ян Бублански тоже был в кипе.

— Привет, Драган. Спасибо, что выкроил время. Я попросил раввина выделить нам комнату, чтобы никто не мешал разговаривать.

Арманский уселся напротив Бублански.

— Полагаю, у тебя имеются веские причины для такой таинственности.

— Я не стану ходить вокруг да около. Мне известно, что ты друг Лисбет Саландер.

Арманский кивнул.

— Я хочу знать, что вы с Блумквистом затеваете, чтобы помочь Саландер.

— Почему ты думаешь, что мы что-то затеваем?

— Потому что прокурор Рихард Экстрём дюжину раз спросил меня, насколько вы в «Милтон секьюрити» в курсе расследования дела Саландер. Он интересуется не шутки ради, а потому что беспокоится, как бы ты не устроил чего-нибудь такого, что повлияет на позицию СМИ.

— Хм.

— А раз Экстрём беспокоится, значит, он опасается или знает, что ты кое-что затеваешь. Или, по крайней мере, что тоже вероятно, разговаривал с кем-то, кто этого боится.

— С кем-то?

— Драган, давай не будем играть в прятки. Ты знаешь, что Саландер в девяносто первом году подверглась противозаконным действиям, и я опасаясь, что во время суда она подвергнется им снова.

— Ты являешься полицейским в демократическом обществе. Если у тебя имеется какая-то информация, тебе следует действовать.

Бублански кивнул.

— Я и собираюсь действовать. Вопрос в том, как.

— Объясни толком, что тебе надо.

— Я хочу знать, что вы с Блумквистом затеяли. Думаю, сложа руки вы не сидите.

— Это сложно. Откуда мне знать, могу ли я тебе доверять?

— Существует отчет девяносто первого года, обнаруженный Микаэлем Блумквистом...

— Я с ним знакомился.

— У меня больше нет доступа к отчету.

— У меня тоже. Оба экземпляра, имевшиеся у Блумквиста и его сестры, исчезли.

— Исчезли? — переспросил Бублански.

— Экземпляр Блумквиста украли, вломившись к нему в квартиру, а копия Анники Джаннини пропала при разбойном нападении на нее в Гётеборге. Все это произошло в тот же день, когда убили Залаченко.

Бублански надолго замолчал.

— Почему нам об этом ничего неизвестно?

— Как выразился Микаэль Блумквист: для публикации существует только один нужный момент и бесчисленное множество ошибочных.

— Но вы... он собирается что-то опубликовать?

Арманский коротко кивнул.

— Нападение в Гётеборге и взлом квартиры здесь, в Стокгольме. В один день. Это означает, что наши противники действуют очень

организованно, — сказал Бублански.

— Кроме того, мне, вероятно, следует упомянуть, что у нас имеются доказательства того, что телефон Джаннини прослушивается.

— Кто-то идет на многочисленные нарушения закона.

— Значит, вопрос в том, кто наши противники, — сказал Драган Арманский.

— Я тоже над этим размышляю. Внешне все выглядит так, будто в замалчивании отчета Бьёрка заинтересованы в СЭПО. Но, Драган... Мы ведь говорим о Службе безопасности Швеции. Это государственное ведомство. Я не могу поверить в то, что СЭПО может такое санкционировать. Не думаю даже, что они на нечто подобное способны.

— Понимаю. Мне тоже трудно с этим смириться. Не говоря уже о том факте, что кто-то является в Сальгренскую больницу и отстреливает Залаченко башку.

Бублански молчал.

— И одновременно Гуннар Бьёрк берет и вешается, — вбил Арманский последний гвоздь.

— Значит, вы считаете, что речь идет об организованных убийствах. Я знаком с Маркусом Эрландером, проводившим расследование в Гётеборге. Он не обнаружил никаких доводов в пользу того, что тамошнее убийство могло быть чем-то иным, кроме импульсивного действия больного человека. А мы скрупулезно исследовали смерть Бьёрка — все указывает на самоубийство.

Арманский кивнул.

— Эверт Гульберг, семидесяти восьми лет, больной раком, уже умирающий и проходивший за несколько месяцев до убийства курс лечения от клинической депрессии. Я посадил Фреклунда раскапывать все, что можно найти о Гульберге в официальных документах.

— И?

— Он служил в армии в Карлскруне в сороковых годах, потом изучал юриспруденцию и постепенно стал консультантом по налоговым делам в сфере частного предпринимательства. У него в течение примерно тридцати лет имелся офис в Стокгольме; держался в тени, частные клиенты... кто бы они там ни были. В девяносто первом году вышел на пенсию, в девяносто четвертом переехал к себе домой в Лахольм... Ничего примечательного.

— Но?

— Некоторые детали озадачивают. Фреклунд не может обнаружить ни единой ссылки на Гульберга в каком-либо контексте. Он никогда не упоминался ни в одной газете, и никто не знает, кто был его клиентом.

Короче, ни малейшего следа его профессиональной деятельности.

— Что ты хочешь сказать?

— Напрашивается мысль о СЭПО. Залаченко был русским перебежчиком, и кому же было им заниматься, как не СЭПО. Далее — возможность организовать в девяносто первом году помещение Лисбет Саландер в психушку. Не говоря уже о проникновениях в квартиру, нападениях и прослушивании телефонов пятнадцатью годами позже... Но я тоже не думаю, что за этим стоит СЭПО. Микаэль Блумквист называет их «Клубом Залаченко» — маленькая группка сектантов, состоящая из выжидающих сторонников холодной войны, которая прячется в каком-нибудь темном коридоре СЭПО.

Бублански кивнул.

— И что же нам делать?

Глава

12

Воскресенье, 15 мая — понедельник, 16 мая

Ухватившись за мочку уха, комиссар Торстен Эдклинг, начальник отдела охраны конституции при Службе государственной безопасности, задумчиво разглядывал генерального директора уважаемого частного охранного предприятия «Милтон секьюрители», который ни с того ни с сего позвонил ему и настоятельно пригласил на воскресный ужин к себе домой на остров Лидингё. Жена Арманского Ритва подала великолепное жаркое. Они поели, вежливо беседуя. Эдклинг все время раздумывал, что, собственно, Арманскому надо. После ужина Ритва ушла посмотреть телевизор, оставив их за столом одних. Тут Арманский неторопливо начал рассказывать историю Лисбет Саландер.

Эдклинг медленно крутил в руках бокал с красным вином.

Драган Арманский не дурак. Это он знал.

Эдклинг с Арманским были знакомы двенадцать лет, с тех пор как одна дама — член Риксдага от Левой партии — стала получать анонимные угрозы. Она заявила об этом руководителю партийной группы Риксдага, после чего они проинформировали свой отдел безопасности. Угрозы были письменными, вульгарными, и по их содержанию можно было заключить, что анонимный автор писем в какой-то степени лично знал члена Риксдага. В результате историей заинтересовалась Служба государственной безопасности. Пока шло расследование, депутату обеспечили охрану.

В то время отделу личной охраны Службы государственной безопасности выделялось меньше всего средств и его ресурсы были ограниченными. Этот отдел отвечает за охрану королевской семьи и премьер-министра, а также — по мере необходимости — за охрану отдельных министров и лидеров партий. Потребности чаще всего превышают ресурсы, и большинство шведских политиков на самом деле лишены серьезной личной охраны в какой-либо форме. Женщине-депутату предоставляли охрану в связи с несколькими публичными выступлениями, но только до конца рабочего дня, после чего вероятность нападения со стороны какого-нибудь ненормального как раз возрастала. Член Риксдага быстро прониклась недоверием к способностям Службы безопасности ее защитить.

Жила она в собственном доме в районе Накка. Однажды, вернувшись

домой поздно вечером после баталии в финансовой комиссии, она обнаружила, что кто-то проник в дом через дверь террасы, исписал непристойными эпитетами стены гостиной, а также успел позаниматься онанизмом у нее в спальне. Она подняла трубку и наняла отвечать за свою личную безопасность «Милтон секьюрити». СЭПО женщина в известность не поставила, и, когда она следующим утром отправилась в район Тэбю выступать в школе, произошло лобовое столкновение между государственными и нанятыми частным образом охранниками.

Торстен Эдклинг исполнял в то время обязанности заместителя начальника отдела личной охраны. Ему инстинктивно претила ситуация, когда частные хулиганы выполняют задачи, возложенные на государственных хулиганов. Вместе с тем он считал жалобы члена Риксдага обоснованными — не говоря ни о чем другом, ее перемазанная постель являлась веским доказательством недостаточной эффективности государственных структур. Вместо того чтобы начать мериться силами, Эдклинг взял себя в руки и договорился об обеде с руководителем «Милтон секьюрити» Драганом Арманским. Они решили, что ситуация, возможно, серьезнее, чем предполагали в СЭПО, и что есть причины усилить охрану политика. Эдклинту к тому же хватило ума понять, что люди Арманского не только обладают необходимой для этой работы компетентностью, но имеют ничуть не худшую подготовку и, возможно, даже лучшее оснащение. Они решили проблему таким образом, что люди Арманского будут осуществлять личную охрану, а Служба безопасности займется собственно расследованием преступления и оплатит счет.

Оба мужчины обнаружили, что симпатизируют друг другу и легко могут сотрудничать, чем им впоследствии еще много раз приходилось заниматься. Следовательно, Эдклинг испытывал глубокое уважение к профессиональной компетентности Драгана Арманского, и, когда тот пригласил его на ужин и попросил о личном доверительном разговоре, он с готовностью согласился его выслушать.

Правда, он никак не ожидал, что Арманский положит ему на колени бомбу с горящим бикфордовым шнуром.

— Если я правильно понимаю, ты утверждаешь, что Служба государственной безопасности занимается чисто криминальной деятельностью.

— Нет, — сказал Арманский. — Ты меня неправильно понял. Я утверждаю, что такой деятельностью занимаются несколько сотрудников Службы государственной безопасности. Я ни на секунду не верю в то, что это санкционировано руководством Службы безопасности или имеет

благословение государственных структур в какой-либо форме.

Эдклинт стал рассматривать сделанные Кристером Мальмом фотографии человека, садящегося в машину с регистрационным номером, начинавшимся с букв КАБ.

— Драган... а это не розыгрыш?

— Мне бы очень хотелось, чтобы это было шуткой.

Эдклинт призадумался.

— И что, черт побери, я должен, по-твоему, с этим делать?

Следующим утром Торстен Эдклинт сидел у себя в рабочем кабинете, в Полицейском управлении на острове Кунгсхольмен, и тщательно протирал очки, при этом напряженно размышляя. Он был седовласым мужчиной с большими ушами и волевым лицом, правда, на какое-то мгновение его лицо сделалось скорее растерянным, чем волевым. Значительную часть ночи он провел в размышлениях о том, как ему поступить с полученной от Драгана Арманского информацией.

Размышления были не из приятных. Служба государственной безопасности являлась организацией, необходимость которой на словах признавали все партии Швеции (ну, почти все), но в то же время создавалось впечатление, что они ей не доверяют и плетут вокруг нее разные причудливые заговоры. Скандалов, конечно, было много, особенно в леворадикальные семидесятые, когда кое-какие... ошибочные в конституционном плане действия и вправду имели место. Но после пяти государственных проверок СЭПО, приведших к жесткой критике, выросло новое поколение сотрудников. Это были активисты новой школы, набранные из настоящих полицейских подразделений, занимавшихся преступлениями, связанными с экономикой, оружием и мошенничеством, — полицейские, привыкшие расследовать реальные преступления, а не политические фантазии.

Службу государственной безопасности реорганизовали, прежде всего отведя новую, ведущую роль отделу охраны конституции. Его задачей, согласно сформулированному правительством документу, стало предупреждение и раскрытие угрозы внутренней безопасности государства. Таковая определялась как «незаконная деятельность, имеющая своей целью путем насилия, угроз или принуждения изменить наш государственный строй, вынудить руководящие политические органы или ведомства к принятию определенных решений или чинить препятствия отдельным гражданам в осуществлении прав и свобод, закрепленных в конституции».

Задачей отдела охраны конституции, следовательно, было защищать шведскую демократию от реальных или предполагаемых антидемократических элементов. К таковым относились, в первую очередь, анархисты и нацисты. Анархисты — поскольку они упорно предавались гражданскому неповиновению, устраивая поджоги меховых магазинов. Нацисты — потому что они по определению являлись противниками демократии.

Имевший изначально юридическое образование Торстен Эдклинг начинал как прокурор, а затем двадцать один год проработал в Службе государственной безопасности. Сперва он руководил организацией личной охраны на земле, а потом перешел в отдел охраны конституции, где занимался решением различных задач — от анализа ситуации до административного руководства — и постепенно возглавил этот отдел. Иными словами, в полиции Торстен Эдклинг являлся высшим руководителем защиты шведской демократии. Себя он считал демократом. При том, какой он вкладывал в это определение смысл, все выглядело очень просто. Конституция утверждалась Риксдагом, и его задачей было следить за тем, чтобы она оставалась неприкосновенной.

Шведская демократия строится на одном-единственном законе, который можно обозначить тремя буквами — АСС, что должно расшифровываться как «Акт о свободе самовыражения». АСС устанавливает непереносимое право говорить, публиковать, думать и полагать все, что угодно. Это право распространяется на всех шведских граждан, от остервенелого нациста до кидаящегося камнями анархиста и всех, располагающихся в промежутке между ними.

Все остальные конституционные акты, такие как, например, «Акт о форме правления», являются лишь практическими украшениями свободы слова. Следовательно, АСС — это тот закон, на котором зиждется демократия. Эдклинг считал своей главной задачей защищать законное право граждан публиковать и высказывать все, что им заблагорассудится, даже если он ни в малейшей степени не согласен с содержанием их публикации или высказывания.

Такая свобода, однако, не означает вседозволенности, которую пытаются отстаивать в культурно-политических дебатах некоторые фундаменталисты свободы слова, прежде всего педофилы и расистские группировки. Любая демократия имеет свои ограничения, и ограничения АСС закреплены в «Акте о свободе печати», АСП. Он устанавливает четыре принципиальных случая отступления от демократии. Запрещается публиковать детскую порнографию и некоторые описания сексуального

насилия, независимо от того, насколько художественными их считает автор. Запрещается подстрекать и призывать к преступной деятельности. Запрещается оскорблять и порочить другого человека. И запрещается заниматься травлей групп населения.

АСП также утвержден Риксдагом и являет собой допустимые с социальной точки зрения ограничения демократии, то есть некий общественный договор, составляющий основу цивилизованного сообщества. Суть законодательства заключается в том, что никто не имеет права травить или унижать другого человека.

Поскольку АСС и АСП — законы, необходимо ведомство, которое сможет гарантировать их соблюдение. В Швеции эта функция распределена между двумя структурами, одна из которых — канцлер юстиции (КЮ) — должна возбуждать судебное преследование за преступления против АСП.

Эта ситуация Торстена Эдклинта отнюдь не удовлетворяла. Он считал, что КЮ традиционно проявлял непростительную терпимость в отношении того, что фактически являлось прямым нарушением шведской конституции. КЮ обычно отвечал, что принцип демократии столь важен, что ему следует вмешиваться и возбуждать дело только в случае крайней необходимости. Подобная позиция, правда, в последние годы все чаще подвергалась критике, особенно после того, как генеральный секретарь Шведского Хельсинкского комитета по правам человека Роберт Хорд велел представить отчет с оценкой бездействия КЮ в течение ряда лет. В отчете констатировалось, что было почти невозможно возбудить дело и осудить кого-либо за нарушения закона о запрете травли групп населения.

Второй структурой являлся отдел охраны конституции при Службе государственной безопасности, и комиссар Торстен Эдклинг относился к своей задаче в высшей степени серьезно. Он считал, что занимает самый лучший и важный пост из доступных шведскому полицейскому, и ни за что не променял бы его ни на какую другую должность в юридических или полицейских структурах Швеции. Он просто-напросто являлся единственным полицейским в стране, официально обладающим функциями политической полиции. Выполнение этих функций требовало деликатного подхода, большой мудрости и полнейшей справедливости, поскольку опыт слишком многих стран показывал, что политическая полиция могла с легкостью превратиться в главную угрозу демократии.

СМИ и общественность обычно полагали, что задача отдела охраны конституции в основном сводится к слежению за нацистами и воинствующими веганами. Отдел действительно много занимался проявлениями такого рода, но помимо этого в сферу его внимания входил

еще целый ряд организаций и явлений. Если, к примеру, королю или главнокомандующему пришло бы в голову, что парламентаризм изжил себя и Риксдаг следует заменить военной диктатурой или чем-либо подобным, король или главнокомандующий быстро оказались бы объектом пристального внимания отдела охраны конституции. Или если бы группа полицейских решила вдруг раздвинуть рамки законов до такой степени, что защищенные основным законом права индивида оказались бы нарушенными, отдел охраны конституции тоже обязан был отреагировать. В таких серьезных случаях предполагалось к тому же, что руководство следствием возьмет на себя генеральный прокурор.

Проблема, разумеется, заключалась в том, что отдел охраны конституции занимался почти исключительно анализом и контролем, а не оперативной деятельностью. Поэтому арестовывали нацистов главным образом либо обычные полицейские, либо другие подразделения Службы безопасности.

Такое положение дел Торстен Эдклинг считал крайне неудовлетворительным. Почти все нормальные страны не жалеют средств на содержание того или иного варианта конституционного суда, в задачи которого, в частности, входит следить за тем, чтобы власти не посягали на демократию. В Швеции же этим занимаются канцлер юстиции или омбудсмен юстиции, которые, однако, должны лишь следовать решениям, принимаемым другими людьми. Будь в Швеции конституционный суд, адвокат Лисбет Саландер мог бы незамедлительно возбудить дело против шведского государства за нарушение ее конституционных прав. Тогда суд имел бы возможность затребовать все бумаги и вызывать на допросы кого угодно, включая премьер-министра, пока вопрос не будет прояснен. А так максимум, что мог сделать адвокат, это подать заявление омбудсмену юстиции, который, однако, не имел таких полномочий, чтобы прийти в Службу государственной безопасности и начать требовать там документацию.

Торстен Эдклинг на протяжении многих лет выступал горячим сторонником создания конституционного суда. Тогда он мог бы легко разобраться с информацией, которую ему предоставил Драган Арманский, составив заявление в полицию и передав документы в суд. И бескомпромиссный процесс был бы запущен.

В теперешних же обстоятельствах Торстен Эдклинг не имел юридических полномочий для начала предварительного следствия.

Он вздохнул и сунул в рот жевательный табак.

Если сведения Драгана Арманского соответствуют действительности,

значит, какие-то руководящие сотрудники Службы безопасности посмотрели сквозь пальцы на ряд тяжких преступлений против шведской гражданки, потом обманным путем заперли ее дочь в психиатрическую лечебницу и, наконец, позволили бывшему крупному русскому шпиону свободно заниматься делами, напрямую связанными с траффикингом, оружием и наркотиками. Торстен Эдклинг выпятил губы. Ему не хотелось даже начинать считать, сколько законов должно было оказаться за это время нарушенными. Не говоря уже о проникновении в квартиру Микаэля Блумквиста, нападении на адвоката Лисбет Саландер и, возможно, причастности к убийству Александра Залаченко, во что Эдклинг верить просто отказывался.

У Торстена Эдклинга не было ни малейшего желания ввязываться во всю эту кашу. К сожалению, он таки угодил в нее в тот самый момент, когда Драган Арманский пригласил его на ужин.

Теперь перед ним со всей неотвратимостью стоял вопрос, как с этой ситуацией разбираться. Формально ответ был прост. Если рассказ Арманского правдив, то Лисбет Саландер по меньшей мере лишили закрепленных основным законом прав и свобод. С конституционной точки зрения возникал также целый клубок подозрений, что руководящие политические органы или ведомства оказались склоненными к принятию определенных решений, а это затрагивало саму основу обязанностей отдела охраны конституции. Торстен Эдклинг, как полицейский, узнавший о совершении преступления, был обязан связаться с прокурором и подать заявление. При менее формальном подходе ответ оказывался не столь простым. По правде говоря, очень сложным.

Инспектор уголовной полиции Моника Фигуэрولا, несмотря на свою необычную фамилию, родилась в провинции Даларна, в семье, проживавшей в Швеции по меньшей мере со времен Густава Васы.^[26] Она была из тех женщин, что всегда привлекают к себе внимание. Это объяснялось несколькими вещами: ей было тридцать шесть лет, глаза голубые, рост 184 сантиметра, коротко стриженные, вьющиеся золотисторусые волосы. Она хорошо выглядела и сознательно выбирала одежду, которая подчеркивала ее привлекательность.

А еще она отличалась исключительно хорошей спортивной формой.

Последнее объяснялось тем, что в подростковом возрасте Моника чрезвычайно успешно занималась легкой атлетикой и в семнадцать лет чуть не попала в шведскую олимпийскую сборную. Легкую атлетику она с тех пор оставила, но увлеченно тренировалась в спортзале пять вечеров в

неделю. Она занималась спортом так часто, что эндорфины функционировали как своего рода наркотик, и когда она прекращала тренироваться, у нее начиналась абстиненция. Моника бегала, поднимала тяжести, играла в теннис, занималась карате и, кроме того, около десяти лет посвятила бодибилдингу. Заботы о теле в таком экстремальном варианте она за последние два года сильно сократила — раньше тренировкам на силовых тренажерах отводилось по два часа ежедневно. Теперь же она уделяла этому каждый день совсем немного времени, но разносторонние занятия спортом сделали ее тело настолько мускулистым, что недоброжелательные коллеги обычно называли ее Господин Фигуэрола. Когда она ходила в майках или летних платьях, не обратить внимания на ее бицепсы и лопатки было просто невозможно.

Помимо ее телосложения многих коллег-мужчин задевало еще и то, что она была не просто pretty face.^[27] Моника окончила гимназию с высшими оценками, в двадцатилетнем возрасте выучилась на полицейского и потом в течение девяти лет служила в полиции Упсалы, в свободное время изучая юриспруденцию. Шутки ради она заодно получила специальность политолога. Запоминать и анализировать материал не составляло для нее никакого труда. Детективы или другую развлекательную литературу она не читала, зато с огромным интересом погружалась в самые разные области знаний, от международного права до античной истории.

В полиции Моника прошла от патрульной службы — что лишало улицы Упсалы спокойствия — до должности инспектора уголовного розыска и работала сперва в отделе по борьбе с насильственными преступлениями, а потом в подразделении, занимавшемся экономической преступностью. В 2000 году она поступила на работу в Службу государственной безопасности в Упсале, а в 2001-м переехала в Стокгольм. Поначалу она работала в контрразведке, но Торстен Эдклинг, знавший отца Моника Фигуэролы и внимательно следивший за ее карьерой, почти сразу забрал ее в отдел охраны конституции.

Когда Эдклинг в конце концов решил, что все-таки не должен оставлять информацию Драгана Арманского без внимания, он немного поразмыслил, а затем поднял трубку и вызвал к себе в кабинет Моника Фигуэролу. Она пока успела проработать в отделе охраны конституции менее трех лет и, следовательно, по-прежнему оставалась больше настоящим полицейским, чем бумажным червем.

В тот день на ней были облегающие синие джинсы, бирюзовые босоножки на небольшом каблучке и темно-синий жакет.

— Чем ты в данный момент занимаешься? — первым делом спросил Эджлинт, приглашая ее садиться.

— Мы разбираемся с ограблением мини-маркета в Сунне двухнедельной давности.

Служба государственной безопасности, разумеется, не занималась расследованием ограблений продовольственных магазинов, подобная базовая деятельность относилась к компетенции обычной полиции. Моника Фигуэрола являлась руководителем группы из пяти сотрудников отдела охраны конституции, занимавшейся анализом политической преступности. В своей работе они главным образом пользовались несколькими компьютерами, подсоединенными к базе происшествий, которую составляла обычная полиция. По большому счету любое заявление, зафиксированное в каком-нибудь полицейском округе Швеции, проходило через компьютеры, которыми командовала Моника Фигуэрола. Компьютеры имели программное обеспечение, которое автоматически сканировало каждый полицейский отчет, реагируя на триста десять специфических слов, таких как, например: черномазый, скинхед, свастика, иммигрант, анархист, гитлеровское приветствие, нацист, национал-демократ, государственный изменник, жидовская шлюха или любитель негров. Если в полицейском отчете встречалось подобное ключевое слово, компьютер бил тревогу, и соответствующий отчет сразу извлекался и изучался сотрудниками группы. В зависимости от контекста за этим могли последовать возбуждение предварительного следствия и дальнейшее расследование.

В задачи отдела охраны конституции входило каждый год публиковать отчет «Угроза безопасности государства», который являлся единственной надежной статистикой политической преступности. Статистика строилась исключительно на заявлениях в местные органы полиции. В случае с ограблением мини-маркета в местечке Сунне компьютер среагировал на три ключевых слова: иммигрант, наплечная нашивка и черномазый. Двое молодых мужчин в масках, угрожая пистолетами, ограбили магазин, принадлежавший иммигранту. Они похитили сумму порядка 2780 крон и блок сигарет. Один из грабителей был в короткой куртке с нашивкой в виде шведского флага на плече, а второй неоднократно кричал хозяину магазина: «Проклятый черномазый!» — и заставил его лечь на пол.

Вместе взятого, этого было достаточно, чтобы сотрудники Фигуэролы добились начала предварительного следствия и попытались выяснить, не принадлежат ли грабители к нацистским группировкам провинции Верmland и не следует ли в таком случае отнести ограбление к

преступлениям на почве расизма, поскольку один из грабителей продемонстрировал расистские взгляды. Подтвердись это, и ограбление прибавит еще одну палочку в статистическом отчете следующего года, который затем будет проанализирован и включен в европейскую статистику, ежегодно составляемую в офисе ЕС в Вене. Могло также выясниться, что грабителями были скауты, просто купившие куртку со шведским флагом, что владельцем магазина по чистой случайности оказался иммигрант, откуда и возникло слово «черномазый». В таком случае группе Фигуэролы следовало вычеркнуть это ограбление из статистики.

— У меня есть для тебя неприятное задание, — сказал Торстен Эдклинг.

— Вот как, — ответила Моника Фигуэрола.

— Эта работа может привести к тому, что ты попадешь в глубокую немилость, и положить конец твоей карьере.

— Понятно.

— С другой стороны, если тебе удастся справиться с заданием, при удачном раскладе тебе может светить серьезный карьерный рост. Я собираюсь перевести тебя в оперативное подразделение нашего отдела.

— Простите, что напоминаю, но в отделе охраны конституции нет оперативного подразделения.

— Да, — сказал Торстен Эдклинг. — Но отныне такое подразделение есть. Я создал его сегодня утром. В настоящий момент оно состоит из одного-единственного человека. Из тебя.

Моника Фигуэрола посмотрела на него с сомнением.

— Задача нашего отдела — охранять конституцию от внутренней угрозы, носителями которой обычно считаются нацисты или анархисты. А что нам делать, если угроза конституции исходит от нашей собственной организации?

Последующие полчаса он посвятил пересказу истории, услышанной накануне вечером от Драгана Арманского.

— Кто является источником этих утверждений? — поинтересовалась Моника Фигуэрола.

— Это сейчас неважно. Сконцентрируйся на полученной информации.

— Меня интересует только, считаете ли вы источник заслуживающим доверия.

— Я знаком с источником много лет и полагаю, что он в высшей степени заслуживает доверия.

— Это ведь звучит совершенно... даже не знаю, как сказать. Мягко

говоря, неправдоподобно.

Эдклинт кивнул.

— Напоминает шпионский роман, — сказал он.

— Что вы хотите, чтобы я делала?

— С этой минуты ты освобождаешься от всех остальных обязанностей. Твоя единственная задача — проверить степень правдивости этой истории. Ты должна либо подтвердить, либо опровергнуть данные утверждения. Докладывать будешь лично мне и никому больше.

— О господи, — сказала Моника Фигуэрола. — Я понимаю, что вы имели в виду, говоря, что я могу угодить в немилость.

— Да. Однако если история окажется правдой... если даже малая часть этих утверждений правдива, то мы стоим на пороге конституционного кризиса, с которым мы обязаны разобраться.

— С чего мне начать? Как действовать?

— Начинай с простого. Сперва прочти отчет, написанный Гуннаром Бьёрком в девяносто первом году. Потом вычисли людей, которые, как утверждается, следят за Микаэлем Блумквистом. По сведениям моего источника, машина принадлежит некому Йорану Мортенссону, сорока лет, полицейскому, проживающему в Веллингбю на Виттангигатан. Потом установи личность второго человека на снимках, сделанных фотографом Микаэля Блумквиста. Вот этого молодого блондина.

— О'кей.

— Затем проверь биографию Эверта Гульберга. Я о нем никогда не слышал, но мой источник утверждает, что он должен быть как-то связан со Службой безопасности.

— Получается, что кто-то из Беаза заказал убийство шпиона семидесятивосьмилетнему старику. Я в это не верю.

— Тем не менее проверь. Расследование должно проводиться в тайне. Прежде чем что-либо предпринять, обязательно информировуй меня. Я не хочу, чтобы пошли круги по воде.

— Вы заказываете расследование огромного масштаба. Как же я сумею справиться в одиночку?

— Работать в одиночку тебе не придется. Ты должна лишь произвести первый контроль. Если ты придешь и скажешь, что проверила и ничего не обнаружила, то все прекрасно. А если обнаружишь что-либо подозрительное, то будем решать, что делать дальше.

Обеденный перерыв Моника Фигуэрола посвятила занятиям на силовых тренажерах в спортзале полицейского управления. Сам обед,

состоявший из черного кофе с бутербродом и фрикаделек со свекольным салатом, она отнесла к себе в кабинет. Там Моника закрыла дверь, очистила письменный стол и, откусив кусок бутерброда, принялась читать отчет Гуннара Бьёрка.

Она прочла также приложение, содержащее переписку между Бьёрком и доктором Петером Телеборьяном. Выписала из отчета все имена и отдельные события, которые предстояло проверить. Через два часа она встала и принесла еще кофе из кофейного автомата. Выходя из кабинета, она заперла дверь, как требовали инструкции ГПУ/Без.

Первым делом Моника взялась проверять регистрационный номер отчета. Она позвонила регистратору и получила ответ, что отчета с таким номером не существует. Ее вторым шагом стало обращение к архиву СМИ. Результат оказался лучше: обе вечерние газеты и одна утренняя сообщали о человеке, серьезно пострадавшем во время пожара в машине на Лундагатан в тот самый день 1991 года. Жертвой несчастного случая значился мужчина средних лет, не названный по имени. Одна из вечерних газет писала, что, по словам свидетеля, машину нарочно подожгла какая-то девочка. Значит, это и была та пресловутая зажигательная бомба, которую Лисбет Саландер бросила в русского агента по фамилии Залаченко. По крайней мере, само происшествие, похоже, действительно имело место.

Человек по имени Гуннар Бьёрк, значившийся автором отчета, тоже существовал в действительности и являлся высокопоставленным должностным лицом отдела по работе с иностранцами, страдал от грыжи межпозвоночного диска и, к сожалению, скончался, совершив самоубийство.

Отдел кадров, однако, не мог сообщить, чем занимался Гуннар Бьёрк в 1991 году. Сведения имели гриф секретности даже для сотрудников ГПУ/Без. Ничего необычного в этом не было.

Проверить то, что Лисбет Саландер в 1991 году проживала на Лундагатан, а последующие два года провела в детской психиатрической клинике Святого Стефана, труда не составило. По крайней мере, в этих моментах содержание отчета не противоречило реальности.

Петер Телеборьян был известным психиатром, часто выступавшим по телевидению. В 1991 году он работал в клинике Святого Стефана и сейчас занимал должность ее главврача.

Моника Фигуэрола долго обдумывала значение отчета. Потом позвонила заместителю начальника отдела кадров.

— У меня тут имеется трудный вопрос, — объяснила она.

— Какой?

— Мы в отделе охраны конституции проводим анализ, в котором речь идет об оценке надежности человека и его общего психического здоровья. Мне необходимо проконсультироваться с психиатром или другим специалистом, имеющим право доступа к секретной информации. Мне рекомендовали доктора Петера Телеборьяна, и я хотела бы знать, могу ли я к нему обратиться.

Прошло несколько минут, прежде чем она получила ответ.

— Доктор Петер Телеборьян несколько раз привлекался у нас в качестве консультанта со стороны. Он считается надежным, и вы можете в общих чертах обсуждать с ним засекреченную информацию. Но прежде чем обратиться к нему, вы должны выполнить бюрократическую процедуру: получить согласие своего начальника и сделать формальный запрос на разрешение проконсультироваться с Телеборьяном.

Сердце Моники Фигуэролы слегка дрогнуло. Она установила то, что могло быть известно лишь очень ограниченному кругу: Петер Телеборьян имел дела с ГПУ/Без. Тем самым достоверность отчета хотя бы частично подтверждалась.

Она отложила отчет в сторону и занялась другими фактами, которыми ее снабдил Торстен Эдклинг, — стала изучать сделанные Кристером Мальмом снимки двух человек, как утверждалось, преследовавших Микаэля Блумквиста от кафе «Копакабана» первого мая.

Проверив регистровые записи автомобилей, она убедилась, что Йоран Мортенссон тоже существует в действительности и владеет автомобилем «вольво» серого цвета с указанным регистрационным номером. Потом получила в отделе кадров Службы безопасности подтверждение того, что он является сотрудником ГПУ/Без. Даже самая поверхностная проверка показывала, что и эта информация, похоже, верна. Сердце Моники стукнуло еще раз.

Йоран Мортенссон работал в отделе личной охраны в качестве телохранителя и входил в группу сотрудников, неоднократно обеспечивавших безопасность премьер-министра. Несколько недель назад его временно одолжили отделу контрразведки. От служебных обязанностей его освободили 10 апреля, через несколько дней после того, как Александр Залаченко и Лисбет Саландер были доставлены в Сальгренскую больницу. Правда, в такого рода временных перестановках не было ничего необычного, если для какого-то срочного дела не хватало сотрудников.

Затем Моника Фигуэрола позвонила заместителю начальника отдела контрразведки, которого знала лично, поскольку недолгое время работала у него в отделе. Она спросила, занят ли Йоран Мортенссон чем-то важным

или его можно одолжить для проведения расследования в отделе охраны конституции.

Заместитель начальника контрразведки очень удивился. Вероятно, Монику Фигуэролу неверно информировали. Йорана Мортенссона из отдела личной охраны контрразведке не одалживали. Сожалею.

Положив трубку, Моника Фигуэрола в течение двух минут смотрела на телефон. В личной охране считали, что Мортенссон переведен в контрразведку. Контрразведка считала, что ничего подобного не происходило. Такие переброски должны рассматриваться и одобряться начальником канцелярии. Моника потянулась к трубке, чтобы позвонить начальнику канцелярии, но остановилась. Отдел личной охраны мог отдать Мортенссона только с одобрения начальника канцелярии. Но в контрразведке Мортенссона нет. Начальник канцелярии не может об этом не знать. А если Мортенссон переведен в какой-то другой отдел, ведущий слежку за Михаэлем Блумквистом, то начальник канцелярии непременно должен быть в курсе.

Торстен Эдклинг велел ей следить, чтобы не пошли круги по воде. А позвонить начальнику канцелярии было все равно что бросить в маленький пруд огромный камень.

Усаживаясь в понедельник, в половине одиннадцатого утра, за свой письменный стол в стеклянной клетке, Эрика Бергер вздохнула с облегчением. Ей страшно хотелось свежего горячего кофе из автомата. За первые два часа рабочего дня она успела побывать на двух собраниях. Первым было пятнадцатиминутное утреннее совещание, на котором ответственный секретарь редакции Петер Фредрикссон наметил основные направления работы на день. Поскольку Андерсу Хольму Эрика не доверяла, ей все больше приходилось полагаться на мнение Фредрикссона.

Вторым было длившееся целый час совещание с председателем правления Магнусом Боргшё, начальником финансово-планового отдела «СМП» Кристером Сельбергом и финансовым директором Ульфом Флудином. Посвящено оно было ухудшающемуся положению на рекламном рынке и снижению объемов розничной продажи. Финансовый директор с начальником финансово-планового отдела считали, что необходимо принимать меры для уменьшения потерь.

— В первом квартале мы вышли из положения благодаря незначительному подъему рекламного рынка и тому, что в конце года двое сотрудников ушли на пенсию. На их должности никого не брали, — сказал Ульф Флудин. — Данный квартал мы, вероятно, закончим с

незначительным минусом. Однако нет никаких сомнений в том, что бесплатные газеты «Метро» и «Стокгольм Сити» продолжают поглощать стокгольмский рекламный рынок. Нам ничего не остается, кроме как прогнозировать в третьем квартале откровенный дефицит.

— Как мы можем этому противостоять? — спросил Боргшё.

— Единственная возможная альтернатива — сокращения. Мы не производили их с две тысячи второго года. Но по моим подсчетам, до конца года нам необходимо сократить десять ставок.

— Какие именно ставки? — поинтересовалась Эрика Бергер.

— Нам придется урезать все понемногу, сокращая по должности в разных подразделениях. Например, в спортивной редакции сейчас шесть с половиной ставок. Ее надо сократить до пяти.

— Если я правильно понимаю, спортивная редакция уже сейчас работает из последних сил. Это означает, что нам придется сократить спортивный обзор в целом.

Флудин пожал плечами.

— Я с удовольствием выслушаю более удачные предложения.

— Более удачных предложений у меня нет, но принцип таков: если мы сократим персонал, значит, нам придется сделать газету тоньше, а если мы сделаем ее тоньше, то у нас снизится количество читателей и, тем самым, количество рекламодателей.

— Вечный замкнутый круг, — сказал начальник финансово-планового отдела Сельберг.

— Меня взяли на работу с тем, чтобы остановить такое развитие событий. Это означает, что я должна заметно изменить облик газеты и сделать ее более привлекательной для читателей. Но если персонал будет сокращаться, то задача окажется невыполнимой.

Она обратилась к Боргшё.

— Как долго газета в силах истекать кровью? Какой дефицит мы можем себе позволить, пока не наступит перелом?

Боргшё выпятил губы.

— С начала девяностых годов газета проела значительную часть вложенных в ценные бумаги старых доходов. По сравнению с ситуацией десятилетней давности наш портфель акций потерял в цене примерно тридцать процентов. Большая часть этих фондов была вложена в компьютерное обеспечение. То есть мы несли колоссальные расходы.

— Я заметила, что у «СМП» имеется собственная система текстового редактирования, именуемая АХТ. Во сколько обошлась ее разработка?

— Примерно в пять миллионов крон.

— Я не вижу тут логики. На рынке существуют уже готовые дешевые коммерческие программы. Зачем «СМП» понадобилось разрабатывать собственную?

— Ах, Эрика! Если бы я знал ответ на этот вопрос. Нас уговорил бывший руководитель технического отдела. Он считал, что в перспективе так будет дешевле и что «СМП» сможет потом продавать лицензии на программное обеспечение другим изданиям.

— И кто-нибудь купил у вас программное обеспечение?

— Да, одна местная норвежская газета.

— Великолепно, — усталым голосом сказала Эрика Бергер. — Следующий вопрос: мы сидим за компьютерами пятилетней давности...

— В ближайший год вложения в новые компьютеры исключены, — ответил Флудин.

Обсуждение продолжалось, и Эрика вдруг стала понимать, что Флудин с Сельбергом просто игнорируют ее возражения. Для них речь могла идти только о сокращениях, что было вполне разумным с точки зрения финансового директора и начальника финансово-планового отдела, но совершенно неприемлемым для нового главного редактора. Вместе с тем ее раздражало то, что они постоянно отвергали ее аргументы с любезной улыбкой, заставляя ее чувствовать себя школьницей, отвечающей домашнее задание. Они не произнесли ни единого недопустимого слова, но в их отношении к ней до смешного откровенно читалось классическое: *Не загружай себе голову такими сложными вещами, детка.*

Эрика вздохнула, подключила лэптоп и открыла электронную почту. Ей пришло девятнадцать сообщений. Четыре из них оказались спамом, содержащим предложения: купить виагру, испробовать киберсекс с *The sexiest Lolitas on the net*^[28] всего за четыре доллара США в минуту, еще более грубое — *Animal Sex, Juiciest Horse Fuck in the Universe*,^[29] а также подписку на электронную сводку новостей *mode.ru*, которую распространяла какая-то грязная фирма, забрасывавшая рынок рекламными предложениями и не прекращавшая их рассылать, сколько бы раз Эрика ни отказывалась от этой продукции. Еще семь мейлов представляли собой так называемые письма из Нигерии, от вдовы бывшего директора государственного банка в Абудже, предлагавшей ей фантастические суммы, если только она, для укрепления доверия, согласится помочь небольшим капиталом, и тому подобную чушь.

Среди оставшихся сообщений были: утренняя служебная записка, дневная служебная записка, три письма от ответственного секретаря

редакции Петера Фредрикссона с информацией о том, как идут дела с главным материалом дня, письмо от ее личного аудитора, просившего о встрече для сверки изменений в зарплате после перехода из «Миллениума» в «СМП», а также сообщение от ее стоматолога-гигиениста, напоминавшего о том, что подошло время ежеквартального визита. Эрика внесла визит к врачу в свой электронный ежедневник и сразу же обнаружила, что ничего не выйдет, поскольку на этот день у нее запланирована большая редакционная конференция.

Под конец она открыла последний мейл, присланный с адреса «centralred@smpost.se» с темой «К сведению главного редактора» и, взглянув на текст, медленно опустила чашку с кофе.

ШЛЮХА! ТЫ ВООБРАЖАЕШЬ, ЧТО ЧТО-ТО СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, ЧЕРТОВА П...А. НЕ ДУМАЙ, ЧТО СМОЖЕШЬ ПРОЯВЛЯТЬ ТУТ СВОЕ ВЫСОКОМЕРИЕ. ШЛЮХА, ТЕБЯ СТАНУТ ТРАХАТЬ В ЗАДНИЦУ ОТВЕРТКОЙ! ЧЕМ БЫСТРЕЕ ТЫ ОТСЮДА УБЕРЕШЬСЯ, ТЕМ ЛУЧШЕ.

Эрика Бергер подняла взгляд и машинально поискала глазами Андерса Хольма. На месте его не было, и в редакционном зале она его тоже не увидела. Посмотрев на адрес отправителя, Эрика подняла трубку и позвонила Петеру Флемингу — начальнику технического отдела «СМП».

— Здравствуйте. Кто пользуется адресом «centralred@smpost.se»?

— Никто. В «СМП» такого адреса нет.

— Я только что получила с этого адреса мейл.

— Это имитация. Сообщение содержит вирус?

— Нет. Во всяком случае, антивирусная программа не среагировала.

— О'кей. Такого адреса не существует. На самом деле симитировать адрес, похожий на настоящий, очень просто. В сети имеются сайты, через которые можно посылать сообщения.

— А отследить такое сообщение можно?

— Почти невозможно, если человек не настолько глуп, чтобы посылать мейлы со своего домашнего компьютера. Вероятно, реально проследить IP-адрес сервера, но если он пользуется адресом, открытым, например, на hotmail, то след оборвется.

Эрика поблагодарила за информацию, потом ненадолго задумалась. Ей уже и раньше доводилось получать письма с угрозами или послания от откровенных психов. Данное сообщение явно подразумевало ее новую

работу в качестве главного редактора «СМП». Интересно, послал его какой-нибудь ненормальный, прочитавший о ней в связи со смертью Морандера, или же отправитель находится в этом здании?

Моника Фигуэрола долго и обстоятельно обдумывала, как ей поступить с Эвертом Гульбергом. Преимущество работы в отделе охраны конституции состояло в том, что имеющиеся полномочия позволяли ей запросить почти любой полицейский отчет Швеции, который мог иметь какую-либо связь с преступностью на почве расизма или политики. Александр Залаченко являлся иммигрантом, а в задачи Моника, в частности, входило разбираться с проявлениями насилия по отношению к лицам, рожденным за пределами Швеции, и определять, носят они расистский характер или нет. Следовательно, у нее имелось законное право познакомиться с расследованием убийства Залаченко, чтобы решить, был ли Эверт Гульберг связан с какой-нибудь расистской организацией или не руководствовался ли он, совершая убийство, собственными расистскими убеждениями. Она затребовала отчет об этом происшествии и внимательно его прочитала. Там она обнаружила письма, посланные Гульбергом министру юстиции, и убедилась, что, помимо ряда оскорбительных личных нападок и обвинений в адрес законодательства, в них присутствуют слова «черномазый» и «государственный изменник».

К этому времени часы показывали уже пять. Моника Фигуэрола заперла весь материал в сейф у себя в кабинете, выбросила стаканчик из-под кофе, выключила компьютер и поставила отметку о том, что покидает рабочее место. Быстро дойдя до гимнастического зала на площади Сант-Эриксплан, она посвятила последующий час нетрудным силовым упражнениям.

Закончив тренировку, Моника отправилась домой, в свою двухкомнатную квартиру на Понтоньергатан, приняла душ и поужинала — поздно, но в соответствии с правилами здорового питания. С минуту она взвешивала, не позвонить ли Даниэлю Мугрену, жившему в трех кварталах от нее, на той же улице. Даниэль был столяром и культуристом и в течение трех лет периодически составлял ей компанию на тренировках. В последние месяцы они встречались также для занятий дружеским сексом.

Секс, конечно, приносил почти такое же удовлетворение, как напряженная тренировка в зале, но в свои зрелые 30 с плюсом — скорее 40 с минусом — Моника Фигуэрола стала задумываться, не пора ли ей искать постоянного мужчину и вообще устраивать свою жизнь. Возможно, даже обзавестись детьми. Правда, Даниэль Мугрен для всего этого не подходил.

Немного поразмыслив, Моника решила, что ей совсем не хочется с ним встречаться. Вместо этого она улеглась в постель с книгой по античной истории и в полночь уже спала.

Глава

13

Вторник, 17 мая

Во вторник Моника Фигуэрола проснулась в десять минут седьмого, совершила длинную пробежку вдоль северной набережной озера Меларен, приняла душ и в десять минут девятого уже отметилась по приходе на службу в полицейское управление. Первый утренний час она посвятила составлению служебной записки, в которой обобщила сделанные накануне выводы.

В девять часов прибыл Торстен Эдклинг. Моника дала ему двадцать минут на то, чтобы разобраться с возможной утренней почтой, а потом подошла к его двери и постучалась. На чтение служебной записки у начальника ушло десять минут; Моника терпеливо ждала. Он дважды прочитал четыре листа А4 от начала до конца и только потом поднял на нее взгляд.

— Начальник канцелярии, — задумчиво произнес он.

Она кивнула.

— Без его согласия Мортенссона никуда командировать не могли. Следовательно, он должен знать о том, что Мортенссон находится не в контрразведке, как думают его коллеги из личной охраны.

Сняв очки, Торстен Эдклинг вытащил бумажную салфетку и стал их основательно протирать, тем временем напряженно раздумывая. С начальником канцелярии Альбертом Шенке они множество раз встречались на совещаниях и внутренних конференциях, но утверждать, что он его особенно хорошо знает, Эдклинг не мог. Шенке был человеком относительно небольшого роста, с редкими светло-рыжими волосами, и объем его талии с годами все увеличивался. Эдклинг знал, что тому около пятидесяти пяти лет и что он проработал в ГПУ/Без лет двадцать пять или даже больше. Последнее десятилетие он являлся начальником канцелярии, а до того работал заместителем начальника канцелярии и на других административных должностях. Эдклинг считал Шенке человеком молчаливым и способным, при необходимости, действовать жестко. Он не имел представления, чем тот занимается в свободное время, но помнил, что однажды видел его в гараже полицейского управления в спортивной одежде и с клюшками для гольфа через плечо. Несколькими годами раньше они как-то раз случайно столкнулись с Шенке в оперном театре.

- Мне тут кое-что пришло в голову, — сказала Моника.
- Что именно?
- Эверт Гульберг. В сороковых годах он служил в армии, а в пятидесятых стал юристом-налоговиком и растворился в тумане.
- И?
- Обсуждая это, мы говорили о нем как о наемном убийце.
- Я знаю, что это звучит маловероятно, но...
- Мне пришло в голову, что в его биографии так мало данных, что она кажется чуть ли не сфальсифицированной. В пятидесятых и шестидесятых годах и Информационное бюро, и СЭПО создавали фирмы за пределами этого здания.
- Торстен Эдклинг кивнул.
- Меня как раз интересовало, когда ты додумаешься до такой возможности.
- Мне потребуется разрешение, чтобы посмотреть личные дела пятидесятых годов, — сказала Моника Фигуэрола.
- Нет, — помотав головой, ответил Торстен Эдклинг. — Мы не можем воспользоваться архивом без разрешения начальника канцелярии, а нам нельзя привлекать внимания, пока у нас не появится больше аргументов.
- Тогда как же мне действовать дальше?
- Мортенссон, — сказал Эдклинг. — Узнай, чем он занимается.

Лисбет Саландер изучала вставленный в окно запертой палаты вентилятор, когда услышала, что ключ в замке повернулся и в комнату вошел доктор Андерс Юнассон. Было начало одиннадцатого вечера. Его приход помешал ей строить планы побега из Сальгрэнской больницы.

Она уже измерила вентилятор в окне и убедилась, что голова сможет пройти, но с остальными частями тела, пожалуй, возникнут проблемы. От земли ее отделяло три этажа, но разорванные простыни и трехметровый удлинитель от торшера смогли бы эту проблему решить.

Шаг за шагом она обдумывала план. Еще одну трудность составляла одежда. На Лисбет были трусы, больничная ночная рубашка и выданные ей пластиковые шлепанцы. Также имелись двести крон, полученные от Анники Джаннини для покупки сладостей в больничном киоске. Этого могло хватить, во-первых, на приобретение в магазине «секонд-хенд» дешевых джинсов с футболкой, при условии, что она сумеет найти в Гётеборге «секонд-хенд», а во-вторых, на телефонный разговор с Чумой. А там уже все устроится. В течение нескольких суток после побега она

собиралась улететь в Гибралтар, а потом начать новую жизнь под новым именем в какой-нибудь другой части мира.

Андерс Юнассон приветственно кивнул и опустился на стул для посетителей. Лисбет села на край кровати.

— Здравствуй, Лисбет. Прости, что в последние дни не успевал тебя навещать, но у меня творилось что-то жуткое в отделении неотложной помощи, да еще меня назначили руководителем двух молодых врачей.

Лисбет кивнула. Она вовсе не думала, что доктор Андерс Юнассон должен специально приходить ее навещать.

Он взял ее журнал и стал внимательно изучать температурные кривые и порядок лечения препаратами, в ходе чего отметил, что температура постоянно держится между 37 и 37,2 и что за прошедшую неделю ей ни разу не давали таблеток от головной боли.

— Твоим врачом является доктор Эндрин. Вы с ней ладите?

— Она ничего, — ответила Лисбет без особого энтузиазма.

— Не возражаешь, если я тебя осмотрю?

Она снова кивнула. Достав из кармана ручку с фонариком, он наклонился и посветил ей в глаза, чтобы проверить, как сжимаются и расширяются зрачки, попросил ее открыть рот и осмотрел горло. Потом осторожно взял ее руками за шею и несколько раз повернул в разные стороны голову.

— Затылок не болит? — спросил он.

Она помотала головой.

— А как обстоит дело с головной болью?

— Иногда дает о себе знать, а потом проходит.

— Процесс заживления еще продолжается. Головные боли постепенно сойдут на нет.

Волосы у нее по-прежнему были очень короткими, и, чтобы нащупать шрам над ухом, ему требовалось лишь отогнуть в сторону маленький вихор. Шрам заживал хорошо, но на ране еще сохранялась корочка.

— Ты снова расчесала рану. Прекрати это.

Она кивнула еще раз. Он взял ее за левый локоть и поднял руку.

— Можешь поднять руку самостоятельно?

Она вытянула руку вверх.

— Плечо болит или доставляет какие-нибудь неприятные ощущения?

Она помотала головой.

— Тянет?

— Чуть-чуть.

— Думаю тебе надо побольше тренировать мышцы плеча.

— Когда сидишь взаперти, это трудно.

Он улыбнулся:

— Это не навсегда. Ты делаешь упражнения, как велит терапевт?

Она опять ответила кивком.

Он достал стетоскоп и ненадолго прижал его к собственной руке, чтобы согреть. Потом сел на край кровати, расстегнул ее ночную рубашку, послушал сердце и смерил пульс. Затем попросил ее нагнуться вперед, приставил стетоскоп к спине и послушал легкие.

— Покашляй.

Она покашляла.

— О'кей. Можешь застегнуть рубашку. С медицинской точки зрения ты более или менее восстановилась.

Лисбет кивнула. Она ожидала, что теперь он встанет и пообещает заглянуть через несколько дней, но он остался сидеть и довольно долго сидел молча, казалось, над чем-то размышляя. Лисбет терпеливо ждала.

— Знаешь, почему я стал врачом? — вдруг спросил он.

Она помотала головой.

— Я из рабочей семьи. Мне всегда хотелось стать врачом. Мальчишкой я собирался быть психиатром. Я был жутко умным.

Как только он упомянул слово «психиатр», Лисбет вдруг посмотрела на него с пристальным вниманием.

— Но я не был уверен, что осилю занятия. Сразу после окончания гимназии я выучился на сварщика и примерно год проработал в этом качестве.

Он кивнул, словно хотел подтвердить, что все так и было.

— Я считал хорошей идеей иметь что-то в запасе на случай, если не сумею завершить медицинское образование. Между сварщиком и врачом не такая уж большая разница. В обоих случаях приходится что-то чинить. Вот теперь я работаю в Сальгренской больнице и чиню таких, как ты.

Она нахмурила брови, с подозрением подумав, уж не подтрунивает ли он над ней. Но вид у него был совершенно серьезный.

— Лисбет... я хотел бы знать...

Он так надолго замолчал, что Лисбет уже готова была спросить, что ему надо, но сдержалась и терпеливо ждала.

— Я хотел бы знать, не рассердишься ли ты, если я попрошу разрешения задать тебе личный вопрос. Я хочу задать его как частное лицо. То есть не как врач. Я не стану записывать твой ответ и обещаю ни с кем его не обсуждать. Если не захочешь, можешь не отвечать.

— Что?

— Это не деликатный и личный вопрос.

Она посмотрела ему в глаза.

— С тех пор как тебя в двенадцать лет заперли в больнице Святого Стефана в Упсале, когда какой-нибудь психиатр пытается с тобой поговорить, ты отказываешься отвечать даже на обращение. Почему?

Глаза Лисбет Саландер немного потемнели. Две минуты она просто смотрела на Андерса Юнассона ничего не выражающим взглядом и молчала.

— Почему тебя это интересует? — в конце концов спросила она.

— Честно говоря, сам толком не знаю. Думаю, что я пытаюсь кое в чем разобраться.

Ее рот слегка скривился.

— Я не разговариваю с психдокторами, потому что они никогда не слушают то, что я говорю.

Андерс Юнассон кивнул и внезапно рассмеялся.

— О'кей. Скажи мне... что ты думаешь о Петере Телеборьяне?

Андерс Юнассон произнес это имя так неожиданно, что Лисбет почти вздрогнула. Ее глаза заметно сузились.

— Какого черта, ты задаешь двадцать вопросов! Что тебе надо?

Ее голос вдруг стал сухим и жестким, как наждачная бумага. Андерс Юнассон склонился к ней так близко, что почти вторгся на ее личную территорию.

— Потому что... как ты там выразилась... психдоктор по имени Петер Телеборьян, довольно известный в моей профессии человек, за последние дни дважды настойчиво добивался от меня разрешения тебя посетить.

Лисбет вдруг почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Суд назначит его проводить судебно-психиатрическую экспертизу в отношении тебя.

— И?

— Мне Петер Телеборьян не нравится. Я ему отказал. В последний раз он без предупреждения появился здесь, в отделении, и пытался прорваться к тебе через медсестру.

Лисбет сжала губы.

— Его действия были слегка странными и несколько излишне настойчивыми, чтобы произвести благоприятное впечатление. Поэтому я хочу знать, что ты о нем думаешь.

На этот раз настала очередь Андерса Юнассона терпеливо дожидаться реплики Лисбет Саландер.

— Телеборьян — подонок, — сказала она под конец.

— Между вами есть что-то личное?

— Можно сказать, что да.

— Я также имел разговор с одним административным лицом, которому, так сказать, хотелось, чтобы я пропустил к тебе Телеборьяна.

— И?

— Я спросил, имеется ли у него медицинское образование, позволяющее оценивать твое состояние, и предложил ему отправляться подальше. Правда, в более дипломатических выражениях.

— О'кей.

— Последний вопрос. Почему ты мне это рассказываешь?

— Ты ведь спросил.

— Да. Но я же врач и изучал психиатрию. Почему же ты со мной разговариваешь? Означает ли это, что ты испытываешь ко мне некоторую долю доверия?

Она не ответила.

— Тогда я буду трактовать это именно так. Я хочу, чтобы ты знала: ты — моя пациентка. Следовательно, я работаю на тебя, а не на кого-то другого.

Она посмотрела на него с подозрением. Он немного посидел молча, глядя на нее, потом заговорил в непринужденном тоне:

— С медицинской точки зрения ты более или менее здорова. Тебе требуется еще несколько недель реабилитации. Но, к сожалению, ты уже достаточно поправилась.

— К сожалению?

— Да. — Он слегка улыбнулся. — Ты чувствуешь себя чересчур хорошо.

— Что ты имеешь в виду?

— Это означает, что у меня нет никаких законных причин удерживать тебя здесь и, следовательно, прокурор скоро потребовать, чтобы тебя перевезли в следственный изолятор в Стокгольм, дожидаться суда, который состоится через шесть недель. Предполагаю, что запрос поступит уже на следующей неделе. А значит, Петеру Телеборьяну представится случай тебя осмотреть.

Она замерла в постели. Андерс Юнассон растерянно посмотрел на нее, наклонился, поправил ей подушку, а потом заговорил таким голосом, будто размышляет вслух:

— У тебя нет ни головной боли, ни повышенной температуры, значит, доктор Эндрин тебя, вероятно, выпишет.

Он внезапно поднялся.

— Спасибо, что поговорила со мной. Я зайду к тебе до того, как тебя перевезут.

Он уже дошел до двери, когда Лисбет окликнула:

— Доктор Юнассон.

Он обернулся к ней.

— Спасибо.

Он еще раз коротко кивнул, а потом вышел и запер дверь.

Лисбет Саландер долго сидела, глядя на запертую дверь. Потом улеглась на спину и устала в потолок.

В этот момент она ощутила под затылком что-то твердое. Подняв подушку, Лисбет, к своему изумлению, увидела маленький мешочек, которого там точно не было раньше. Она открыла мешочек и, ничего не понимая, устала на карманный компьютер «Палм Тангстен ТЗ» с зарядным устройством. Потом, присмотревшись, заметила на верхнем крае корпуса маленькую царапину. Ее сердце забилось с удвоенной силой. Это был ее собственный «Палм». Но как... Она растерянно перевела взгляд обратно на запертую дверь. Андерс Юнассон полон сюрпризов. Отчаянно волнуясь, она немедленно включила компьютер и тут же обнаружила, что он защищен паролем.

Лисбет разочарованно устала на требовательно мигающий экран. Как же я, черт побери, должна... Потом она заглянула в мешочек и обнаружила на дне свернутую полоску бумаги. Вытряхнув полоску из мешочка, она ее развернула и прочла написанную аккуратным почерком строчку.

Ты же хакер. Догадайся! / Калле Б.

Впервые за несколько недель Лисбет рассмеялась. Вот и расплата за старые обиды. Она на несколько секунд задумалась, потом взяла стилус и написала комбинацию цифр 9277, что на клавиатуре соответствовало буквам WASP — ее прозвищу «Оса». Именно этот код Чертову Калле Блумквисту потребовалось разгадать, когда он без приглашения явился в ее квартиру на Фискаргатан и отключал охранную сигнализацию.

Не сработало.

Она попробовала 52553, что соответствовало буквам KALLE.

Тоже не сработало. Поскольку Чертов Калле Блумквист, вероятно, предполагал, что она будет пользоваться компьютером, он явно выбрал какой-то простой пароль. Подписался он «Калле», хотя обычно ненавидел

это имя. Она немного поразмыслила над ассоциациями. Это должно быть тоже оскорбление. Потом набрала 63663, что соответствовало слову PIPPI.
[\[30\]](#)

Компьютер покорно запустился.

На экране возник смайлик со словесным пузырем:

Ну вот — все ведь оказалось довольно просто.
Предлагаю тебе кликать на сохраненные документы.

Она немедленно нашла стоявший первым в очереди документ «Привет, Салли», кликнула на него и прочла:

Прежде всего — это только между нами. Твой адвокат, то есть моя сестра Анника, понятия не имеет о том, что у тебя есть доступ к компьютеру. Так должно и остаться.

Не знаю, насколько ты понимаешь, что происходит за запертой дверью твоей палаты, но, как ни странно (несмотря на твой характер), на тебя работает несколько преданных идиотов. Когда все закончится, я собираюсь формально основать общественную организацию, которую намерен назвать «Рыцари дурацкого стола». Единственной задачей организации будет собираться на ежегодный ужин, чтобы развлекаться, говоря о тебе гадости. (Нет, ты приглашения не получишь.)

Ну, ладно. К делу. Анника изо всех сил старается подготовиться к суду. Тут проблема лишь в том, что она на тебя работает в соответствии с идиотскими принципами охраны частной жизни, как это ни глупо. А значит, она даже мне не рассказывает, о чем вы с ней беседуете, и в данной ситуации это нам несколько мешает. К счастью, она, разумеется, принимает информацию.

Мы с тобой обязательно должны вступить в контакт.

Не пользуйся моим электронным адресом.

Может, я и ненормальный, но у меня есть веские основания подозревать, что мою почту читаю не только я. Если захочешь что-нибудь передать, заходи на Yahoo «Stolliga_Bordet».
[\[31\]](#) Имя: Pippi, пароль: p9i2p7p7i. /

Микаэль

Лисбет дважды прочла письмо и еще раз озадаченно осмотрела карманный компьютер. После периода полного компьютерного воздержания она ощущала невероятную ломку, и она задавалась вопросом, каким местом думал Чертов Калле Блумквист, когда протаскивал к ней компьютер, забыв, что для выхода в сеть ей требуется мобильный телефон.

Лисбет лежала, погрузившись в размышления, когда вдруг услышала шаги в коридоре. Она немедленно выключила компьютер и запихнула его под подушку. Когда в замке стал поворачиваться ключ, она обнаружила, что мешочек и зарядное устройство остались лежать на прикроватной тумбочке. Она протянула руку, сунула мешочек под одеяло и зажала моток кабеля между ног. Когда вошла ночная сестра, Лисбет лежала неподвижно, глядя в потолок.

Сестра приветливо поздоровалась и спросила, как она себя чувствует и не надо ли ей чего-нибудь. Лисбет ответила, что чувствует себя хорошо и что ей хотелось бы парочку сигарет. В этом ей любезно отказали, взамен выдав упаковку никотиновой жевательной резинки. Когда сестра закрывала за собой дверь, Лисбет мельком увидела расположившегося на стуле в коридоре охранника. Дождавшись, когда шаги стали удаляться, она снова достала компьютер.

Включив его, Лисбет попыталась соединиться с Интернетом.

И едва опомнилась от изумления, когда компьютер вдруг показал, что соединение найдено и подключено. *Выход в сеть. Быть не может.*

Лисбет выскочила из постели с такой скоростью, что раненое бедро отозвалось болью. Она растерянно оглядела комнату. Как? Медленно обойдя палату, она осмотрела каждый угол и закуток... Нет, мобильного телефона в комнате не было. Тем не менее связь с сетью имелась. Потом на ее лице появилась кривая улыбка. Связь была радиоуправляемой и поддерживалась через мобильный телефон при помощи «блютуза», имевшего радиус действия 10–12 метров. Взгляд Лисбет обратился к вентиляционному отверстию под потолком.

Чертов Калле Блумквист установил телефон прямо рядом с ее палатой. Другого объяснения быть не могло.

Но почему было не протащить и телефон... Ну, конечно. Аккумуляторы.

Ее компьютер требовалось заряжать раз в три дня или около того. Подсоединенный к сети мобильный телефон при нещадной эксплуатации сжигал аккумуляторы быстро. Блумквист или, скорее, кто-то, кого он нанял,

должен был регулярно менять аккумуляторы.

Зарядное же устройство к ее компьютеру он, разумеется, прислал. Обойтись без него она не могла. Но куда легче прятать и использовать один предмет, чем два. Блумквист все-таки не так глуп.

Для начала Лисбет задумалась над тем, где хранить компьютер. Для этого было необходимо найти потайное место. Кроме одной розетки возле двери еще розетки имелись за кроватью, на панели, которая снабжала током стоявшую на тумбочке лампочку и электронные часы. Там осталось пустое пространство от радио, которое унесли. Лисбет улыбнулась. Места хватило и для карманного компьютера, и для зарядного устройства. А днем она сможет ставить компьютер на зарядку, не вынимая его из тумбочки.

Лисбет Саландер была счастлива. Когда она впервые за два месяца включила компьютер и вышла в Интернет, ее сердце просто колотилось.

Гулять по сети через карманный компьютер «Палм» с малюсеньким экраном и стилусом, конечно, не то же самое, что при помощи ноутбука с семнадцатидюймовым экраном. Но она на связи! Находясь в постели в Сальгренской больнице, она может попасть в любую точку мира.

Для начала Лисбет зашла на частную домашнюю страничку, на которой были выложены совершенно неинтересные фотографии неизвестного и не слишком умелого фотографа-любителя по имени Гилл Бейтс из Джобсвилла, штат Пенсильвания. Лисбет как-то раз проверила и установила, что города Джобсвилла не существует. Тем не менее Бейтс отснял там 200 фотографий и выложил целую галерею, в мелком масштабе. Она прокрутила до снимка 167, кликнула и получила укрупненный вариант. На нем была изображена церковь в Джобсвилле. Лисбет подвела стрелку к вершине шпиля и кликнула. Тут же всплыло окно с требованием имени и пароля. Она взяла стилус и написала слово Remarkable в качестве имени и пароль A(89)Cx#magnolia.

Появилась клеточка с текстом «ERROR — You have the wrong password»^[32] и клавиша с «OK — Try again».^[33] Лисбет знала, что если кликнет на «OK — Try again» и попытается ввести новый пароль, то снова получит ту же клеточку — и так год за годом, сколько ни пытайся. Вместо этого она кликнула на букву «O» в слове «ERROR».

Экран потемнел. Потом открылась мультипликационная дверь, и вышел некто, напоминающий Лару Крофт. Материализовался словесный пузырь с текстом «WHO GOES THERE?».^[34]

Она кликнула на пузырь и написала слово Wasp — Оса. Сразу

появился ответ «PROVE IT — OR ELSE...»,^[35] а мультипликационная Лара Крофт стала снимать с предохранителя пистолет. Лисбет знала, что это не совсем пустая угроза. Напиши она неверный пароль три раза подряд, страничка погаснет, а имя Оса вычеркнут из списка членов. Она аккуратно вывела пароль MonkeyBusiness.

Экран снова сменил форму, и на синем фоне появился текст:

Welcome to Hacker Republic, citizen Wasp. It is 56 days since your last visit. There are 10 citizens online. Do you want to (a) Browse the Forum (b) Send a Message (c) Search the Archive (d) Talk (e) Get laid?^[36]

Лисбет кликнула на клеточку «(г) Поговорить», потом перешла к перечню меню «Who's online?»^[37] и получила список имен: Andy, Bambi, Dakota, Jabba, BuckRogers, Mandrake, Pred, Slip, Sisterjen, SixOfOne, Trinity.

«Hi gang»,^[38] — написала Оса.

«Wasp. That really U?»^[39] — сразу же написал SixOfOne. — Look who's home».^[40]

«Куда ты пропала?» — спросил Trinity.

«Чума сказал, что у тебя какие-то проблемы», — написал Dakota.

Лисбет была не уверена, но подозревала, что Dakota — женщина. Остальные граждане онлайн, включая того, кто именовал себя Sisterjen, были парнями. Республика хакеров (когда Лисбет в последний раз заходила в сеть) насчитывала шестьдесят два гражданина, в том числе всего четыре девушки.

«Привет, Trinity, — написала Лисбет. — Привет, все».

«Почему ты приветствуешь Trinity? У вас что-то наклеывается? А остальные чем тебе не нравятся?» — написал Dakota.

«У нас забита стрелка, — написал Trinity. — Оса общается только с интеллигентными людьми».

Его обругали сразу с пяти сторон.

Из шестидесяти двух сограждан Оса лично встречалась только с двумя. Одним из них был Чума — Plague, который в виде исключения сейчас отсутствовал в Сети. Вторым — Trinity, иначе Троица, англичанин, живущий в Лондоне. Два года назад Лисбет провела в его обществе несколько часов, когда он помогал им с Микаэлем Блумквистом разыскивать Харриет Вангер, организовав незаконное прослушивание домашнего телефона в тихом пригороде Сент-Олбанс. Лисбет возилась с

неудобным стилусом, жалея, что лишена клавиатуры.

«Ты еще на месте?» — спросил Mandrake.

Она вывела:

«Сорри. У меня только Palm. Получается медленно».

«Что случилось с твоим компьютером?» — поинтересовался Pred.

«С ним все о'кей. Проблемы у меня».

«Расскажи старшему брату», — написал Slip.

«Меня арестовало государство».

«Что? Почему?» — сразу донеслось с трех сторон.

Лисбет обобщила свою ситуацию в пяти строчках, что было встречено озабоченным бормотанием.

«Как ты себя чувствуешь?» — поинтересовался Trinity.

«У меня дыра в башке».

«Я не замечаю разницы», — констатировал Bambi.

«У Осы всегда в башке ветер», — сказал Sisterjen, за чем последовала серия оскорбительных комментариев по поводу умственных способностей Осы.

Лисбет улыбнулась. Потом Dakota снова подала реплику по теме:

«Погодите. Это же нападение на гражданина Республики хакеров. Чем будем отвечать?»

«Нанесем удар ядерным оружием по Стокгольму?» — предложил SixOfOne.

«Нет, это будет перебор», — сказала Оса.

«Малюсенькой бомбочкой?»

«SixOfOne, расслабься».

«Мы можем вырубить Стокгольм», — предложил Mandrake.

«Вирус, который вырубит правительство?»

Вообще-то граждане Республики хакеров распространением вирусов не занимались. Напротив, они были хакерами и, следовательно, непримиримыми противниками тех идиотов, которые рассылают компьютерные вирусы с единственной целью повредить Сеть и вывести из строя компьютеры. Ведь хакеры — информационные наркоманы и им нужна работающая Сеть, которую можно взламывать.

Правда, предложение вырубить шведское правительство к числу пустых угроз не относилось. Республика хакеров представляла собой эксклюзивный клуб лучших из лучших, элитную силу, за возможность воспользоваться которой любая армия выложила бы колоссальные суммы, если бы вдруг «граждан» удалось склонить к сотрудничеству с каким-либо

государством. А это было слишком маловероятным.

Но все они были Computer Wizards^[41] и, безусловно, владели искусством создания компьютерных вирусов. Их также не приходилось долго упрашивать проводить специальные кампании, если того требовала ситуация. Несколько лет назад одного гражданина Республики хакеров, который вообще-то работал программистом в Калифорнии, один успешный дотком нагрел на патенте и еще имел нахальство подать на него в суд. Это привело к тому, что все активисты Республики хакеров в течение полугода с поразительной энергией взламывали и портили каждый компьютер, принадлежавший данной фирме. Все их коммерческие тайны и электронные сообщения — вместе с несколькими сфабрикованными документами, из которых следовало, что генеральный директор фирмы уклоняется от налогов, — с удовольствием выкладывались в Интернете вместе с информацией о тайной любовнице генерального директора и фотографиями с праздника в Голливуде, где он нюхает кокаин. Через полгода фирма обанкротилась, но еще несколько лет спустя кое-кто из злопамятных членов «народной милиции» Республики хакеров занимался тем, что периодически разорял бывшего генерального директора.

Если человек пятьдесят лучших хакеров мира решили бы совместными усилиями напасть на какое-нибудь государство, оно, вероятно, выжило бы, но понесло бы ощутимые потери. Стоило Лисбет дать отмашку, и эти потери, по всей видимости, исчислялись бы миллиардами. Она немного подумала.

«Пока не надо. Но если дела пойдут не так, как мне хочется, я попрошу о помощи».

«Только скажи», — написал Dakota.

«Давненько мы не ссорились с каким-нибудь правительством», — сказал Mandrake.

«Я предлагаю задать обратный ход системе внесения налоговых платежей. Создать программу, скроенную под такую маленькую страну, как Норвегия», — написал Vambi.

«Отлично, но Стокгольм находится в Швеции», — написал Trinity.

«Все одно. Можно сделать так...»

Откинувшись на подушку, Лисбет Саландер с кривой улыбкой и следила за беседой, и раздумывала над тем, почему она человек, которому так трудно говорить о себе с людьми при личной встрече, может преспокойно выдавать самые сокровенные тайны сборищу совершенно незнакомых идиотов в Интернете. Но если Лисбет Саландер и ощущала

себя частью какой-то семьи и коллектива, то только общаясь с этими законченными психами. На самом деле никто из них не мог ей помочь в ее проблемах со шведским государством. Однако она знала, что, если потребуется, они устроят какую-нибудь подходящую силовую акцию, не жалея времени и энергии. Через них она также могла организовать себе убежище за границей. Ведь именно благодаря контактам Чумы в Интернете ей удалось раздобыть норвежский паспорт на имя Ирене Нессер.

Лисбет совершенно не знала, как граждане Республики хакеров выглядят, и имела лишь смутное представление о том, чем они занимаются вне Сети — в этом отношении граждане намеренно темнили. Например, SixOfOne утверждал, что он — темнокожий американский гражданин из католической семьи, проживающий в Торонто, в Канаде. Но с таким же успехом это могла быть белая женщина-лютеранка, живущая в Шёвде, в Швеции.

Лучше всех Лисбет знала Чуму, который когда-то представил ее «семье» — без весомых рекомендаций членом этой эксклюзивной компании не мог стать никто. Для вступления в клуб требовалось также личное знакомство с кем-нибудь из граждан — в ее случае это был Чума.

В Сети Чума считался умным и успешным в социальном плане гражданином. В действительности же он был чрезвычайно тучным, неприспособленным к жизни тридцатилетним пенсионером-инвалидом, проживающим в стокгольмском районе Сундбюберг. Он чрезвычайно редко мылся, и у него в квартире пахло как в обезьяннике. Навещала его Лисбет лишь изредка. Ей вполне хватало общения с ним в Сети.

Пока беседа в чате все еще продолжалась, Оса загрузила почту, пришедшую на ее личный почтовый ящик в Республике хакеров. Одно из сообщений, присланное гражданином Ядом, содержало улучшенную версию ее программы «Асфиксия 1.3», лежавшей на открытом доступе для всех граждан Республики в Архиве. При помощи этой программы Лисбет могла контролировать в Интернете компьютеры других людей. Яд объяснял, что с успехом пользуется программой и что его дополненная версия включает последние версии Unix, Apple и Windows. Лисбет коротко поблагодарила его за дополнения.

В последующий час, когда в США день стал клониться к вечеру, к чату подключилось еще с полдюжины «граждан», которые поздравили Осу с возвращением домой и присоединились к дискуссии. Когда Лисбет наконец решила выйти из Сети, речь шла о том, как можно заставить компьютер шведского премьер-министра посылать любезные, но совершенно идиотские сообщения другим главам правительств, и даже организовалась

рабочая группа, которой предстояло внести в этот вопрос ясность. В завершение Лисбет написала короткое сообщение:

«Продолжайте обсуждение, но ничего не предпринимайте без моего одобрения. Вернусь, когда смогу подключиться».

Все послали ей прощальные поцелуи и посоветовали хорошенько лечить дырку в башке.

Покинув Республику хакеров, Лисбет зашла на «www.yahoo.com» в частную информационную группу «Stolliga_Bordet». Информационная группа состояла из двух членов — ее самой и Микаэля Блумквиста. В почтовом ящике имелось одно-единственное сообщение, посланное два дня назад, под заголовком «Сперва прочти это».

Привет, Салли. Ситуация на данный момент такова.

Полиция пока не обнаружила твою квартиру и не имеет доступа к диску с записью изнасилования. Диск является очень важным доказательством, но я не хочу отдавать его Аннике без твоего разрешения. У меня также находятся ключи от твоей квартиры и паспорт на имя Ирене Нессер.

Зато у полиции оказался рюкзак, который ты брала с собой в Госсберг. Не знаю, нет ли в нем чего-нибудь неподобающего.

Лисбет немного поразмыслила. Хм. Термос с остатками кофе, несколько яблок и смена одежды. Можно не волноваться.

Тебе будет предъявлено обвинение в причинении тяжкого вреда здоровью либо в попытке убийства Залаченко, а также в нанесении тяжких телесных повреждений Карлу Магнусу Лундину из «Свавельшё МК» в Сталлархольме — то есть в том, что ты прострелила ему стопу и ударом ноги выбила челюсть. Надежный источник в полиции, однако, сообщает, что доказательства в обоих случаях несколько нечеткие. Важно следующее.

Пока Залаченко был жив, он все отрицал, утверждая, что в тебя стрелял и закапывал тебя в лесу, вероятно, Нидерман. Он также подал заявление, обвинив тебя в покушении на его жизнь. Прокурор станет нажимать на то, что ты уже во второй раз пытаешься убить Залаченко.

Ни Магге Лундин, ни Сонни Ниеминен ни слова не сказали о том, что произошло в Сталлархольме. Лундин арестован за похищение Мириам Ву. Ниеминена выпустили.

Обдумав эти сведения, Лисбет пожала плечами: все это она уже обсуждала с Анникой Джаннини. Положение, конечно, отвратительное, но ничего нового в этом нет. Она чистосердечно рассказала обо всем, произошедшем в Госсеберге, но не стала сообщать никаких деталей о Бьюрмане.

В течение пятнадцати лет Зала находился под защитой, что бы он ни творил. С помощью Залаченко строились карьеры. Ему неоднократно помогали, замечая следы его деяний. Все это — преступная деятельность. Получается, что органы власти Швеции помогали сокрытию преступлений против шведских граждан.

Если это выйдет наружу, разразится политический скандал, который затронет как буржуазные, так и социал-демократические правительства. Это, прежде всего, означает, что ряд облеченных властью людей из СЭПО будут объявлены пособниками преступной и аморальной деятельности. Даже если дела по отдельным преступлениям уже закрыты, скандала все равно не миновать. Речь идет о важных лицах, которые уже вышли на пенсию или близки к ней.

Они пойдут на все, чтобы свести вредные последствия к минимуму, и ты внезапно вновь окажешься разменной пешкой в их игре. На этот раз им, однако, надо не просто принести в жертву пешку — теперь они должны активно бороться за уменьшение вредных последствий для самих себя. Следовательно, им

надо упечь тебя в дурдом.

Лисбет задумчиво прикусила нижнюю губу.

Дело обстоит так: они знают, что больше не смогут скрывать тайну Залаченко. История известна мне, а я — журналист. Они понимают, что я ее рано или поздно опубликую. Это для них сейчас не так важно, поскольку он мертв. Теперь они борются уже за собственное выживание. Поэтому первыми у них на повестке дня стоят следующие пункты.

Им необходимо убедить суд (то есть общественность) в том, что решение запретить тебя в 1991 году в клинике Святого Стефана было обоснованным — что ты действительно была психически больна.

Им необходимо отделить «дело Лисбет Саландер» от «дела Залаченко». Они пытаются создать плацдарм для того, чтобы сказать: «Да, конечно, Залаченко был мерзавцем, но это не имело никакого отношения к решению засадить в клетку его дочь. Ее изолировали от общества, потому что она оказалась сумасшедшей, а любые другие утверждения — лишь больные фантазии озлобленных журналистов. Нет, мы не помогли Залаченко ни с какими преступлениями — это просто чушь и фантазии душевнобольной двенадцатилетней девочки».

Проблема, разумеется, в том, что, если грядущий суд тебя оправдает и, следовательно, признает нормальной, это сразу станет доказательством того, что с помещением тебя в 1991 году в лечебницу что-то нечисто. Это означает, что им надо любой ценой добиться, чтобы тебя определили в закрытое психиатрическое учреждение. Если суд постановит, что ты психически больна, то интерес СМИ к дальнейшему копанию в «деле Саландер» резко ослабнет. Так уж СМИ устроены.

Ты следишь за моей мыслью?

Лисбет мысленно кивнула. Все это она уже успела просчитать. Проблема заключалась в том, что она толком не знала, что может предпринять.

Лисбет, — я говорю серьезно — судьба этого матча будет решаться в СМИ, а не в зале суда. К сожалению, суд будет, «в целях соблюдения личной неприкосновенности», происходить за закрытыми дверями.

В тот же день, когда убили Залаченко, ко мне залезли в квартиру. На дверях нет никаких следов взлома, в квартире ничего не тронули, кроме одного. Исчезла папка из летнего дома Бьюрмана с отчетом Гуннара Бьёрка от 1991 года. Одновременно с этим напали на мою сестру и украли ее копию. Эта папка — твое важнейшее доказательство.

Я делаю вид, будто мы утратили бумаги о Залаченко. На самом же деле у меня имелась третья копия, которую я собирался передать Арманскому. Я снял с нее еще несколько копий и распределил экземпляры по разным местам.

Сторона противника, в лице некоторых представителей властей и отдельных психиатров, вместе с прокурором Рихардом Экстрёмой, естественно, занимается подготовкой судебного процесса. У меня есть источник, который снабжает меня кое-какими сведениями о происходящем, но я подозреваю, что ты имеешь больше возможностей добраться до соответствующей информации... В таком случае дело не терпит отлагательств.

Прокурор будет стараться определить тебя в закрытое психиатрическое учреждение. Ему помогает твой старый знакомый Петер Телеборьян.

Аннике не дадут возможности проводить кампанию в СМИ, в то время как прокурор сможет подбрасывать им любую информацию. То есть у Анники руки связаны.

Зато я не связан такого рода ограничениями. Я могу писать все, что угодно, и в моем распоряжении к тому же имеется целый журнал.

Не хватает двух важных деталей.

Во-первых, мне надо что-нибудь, показывающее, что прокурор Экстрём сейчас сотрудничает с Телеборьяном каким-то недозволенным образом, с целью снова поместить тебя в сумасшедший дом. Я хочу иметь возможность выступить по телевидению в лучшем ток-шоу и предъявить документы, уничтожающие аргументы стороны прокурора.

Чтобы иметь возможность вести медийную войну против СЭПО, мне необходимо сидеть и обсуждать то, что ты, скорее всего, считаешь своими личными делами. О неприкосновенности частной жизни на этот раз, вероятно, придется забыть, учитывая все то, что писалось о тебе, начиная с Пасхи. Я должен суметь создать в СМИ совершенно иное представление о тебе — даже если, на твой взгляд это нарушит твою личную неприкосновенность — и, желательно, с твоего согласия. Понимаешь, что я имею в виду?

Она открыла архив в Stolliga_Bordet и убедилась, что он содержит двадцать шесть документов разного размера.

Глава

14

Среда, 18 мая

В среду утром Моника Фигуэрола встала в пять часов, сделала необычайно короткую пробежку, а потом приняла душ и надела черные джинсы, белую майку и тонкий серый льняной жакет. Сварив кофе, она налила его в термос и приготовила бутерброды. Моника также надела кобуру и достала из оружейного сейфа пистолет «ЗИГ-Зауэр». В начале седьмого она завела свою машину — белый «Сааб 9–5» — и поехала на улицу Виттангигатан, расположенную в районе Веллингбю.

Йоран Мортенссон жил на верхнем этаже трехэтажного дома. За вторник Моника собрала о нем всю информацию, имевшуюся в открытом архиве. Он был неженат, что, правда, не мешало ему с кем-нибудь совместно проживать. Он не имел никаких замечаний от налогового исполнителя, не владел сколько-нибудь крупным состоянием и, казалось, вел довольно скромный образ жизни. Больничный он брал редко.

Единственным примечательным фактом его биографии было наличие лицензий на целых шестнадцать видов стрелкового оружия. Среди них присутствовали три охотничьих ружья и разного рода личное огнестрельное оружие. Раз у него имелись лицензии, то преступлением это, разумеется, не являлось, но Моника Фигуэрола относилась к людям, собиравшим у себя такую массу оружия, с вполне обоснованным недоверием.

Машина «вольво» с регистрационным номером, начинавшимся на КАБ, стояла на стоянке, метрах в сорока от того места, где припарковалась Моника. Она налила себе в бумажный стаканчик полчашки черного кофе и съела багет с салатом и сыром, потом очистила апельсин и стала неспешно сосать его, дольку за долькой.

Во время утреннего обхода Лисбет Саландер казалась вялой и жаловалась на головную боль. Она попросила таблетку альведона, и ей без разговоров ее выдали.

Через час головная боль усилилась. Лисбет позвонила сестре и попросила еще одну таблетку. Это тоже не помогло. К обеду голова у нее настолько разболелась, что сестра вызвала доктора Эндрин, которая, после краткого осмотра, прописала сильные болеутоляющие таблетки.

Лисбет положила таблетки под язык и, как только ее оставили одну, тут же выплюнула.

Около двух часов ее начало рвать. Около трех это повторилось.

Часа в четыре, перед самым уходом доктора Хелены Эндрин, в отделение пришел Андерс Юнассон. Они немного посоветались.

— Ее тошнит, и у нее сильные головные боли. Я дала ей дексофен. Просто не понимаю, что с ней творится... Ведь в последнее время она так хорошо поправлялась. Может, это какой-то грипп...

— У нее есть температура? — спросил доктор Юнассон.

— Нет, час назад было всего 37,2. С РОЭ ничего серьезного.

— О'кей. Я буду ночью за ней присматривать.

— Я уйду в отпуск на три недели, — сказала доктор Эндрин. — Ею заниматься придется тебе или Свантессону. Но Свантессон с ней особенного дела не имел...

— О'кей. На время твоего отпуска я вызываюсь быть ее лечащим врачом.

— Отлично. Если наступит какой-нибудь кризис и тебе понадобится помощь, естественно, звони.

Они вместе ненадолго зашли в палату Лисбет. Она лежала с несчастным видом, натянув одеяло до кончика носа. Андерс Юнассон положил ей руку на лоб и констатировал, что лоб влажный.

— Думаю, нам придется провести небольшое обследование.

Он поблагодарил доктора Эндрин и пожелал ей приятного вечера.

Около пяти доктор Юнассон обнаружил у Лисбет подъем температуры до 37,8, что было занесено в ее журнал. Он посетил ее трижды за вечер и заметил по журналу, что температура держалась на уровне 38 градусов — слишком высоко, чтобы считаться нормальной, и слишком низко, чтобы создавать серьезную проблему. Около восьми часов он распорядился сделать ей рентген головы.

Получив рентгеновские снимки, Андерс Юнассон их внимательно изучил. Ничегостораживающего он не увидел, но установил наличие едва заметного затемнения в непосредственной близости от пулевого отверстия. После этого доктор Юнассон сделал в ее журнале хорошо продуманную и ни к чему не обязывающую запись:

«Рентгеновское обследование не дает оснований для определенных выводов, но состояние пациентки в течение дня, несомненно, ухудшилось. Не исключено, что имеется небольшое кровоизлияние, которого не

видно на рентгеновских снимках. В ближайшее время пациентке необходим покой и постоянное наблюдение».

В среду, когда Эрика Бергер в половине седьмого утра появилась в «СМП», у нее оказалось двадцать три электронных сообщения.

Отправителем одного из них значился «redaction-sr@sve-rigesradio.com». Короткий текст содержал одно-единственное слово:

ШЛЮХА

Эрика вздохнула и подняла указательный палец, чтобы стереть сообщение, но в последний момент передумала, перелистала входящие письма и открыла сообщение, пришедшее два дня назад. Отправителем тогда был «centralred@smpost.se». *Хм. Два письма со словом «шлюха» и фиктивными отправителями из медиамира.* Она создала новую папку, назвав ее «МедиаПсих» и сохранила в ней оба сообщения. Потом занялась утренней докладной запиской информационного отдела.

Йоран Мортенссон вышел из дома в 07.40 утра. Сев в «вольво», он поехал в сторону Сити, но свернул через острова Стура Эссинген и Грёндаль в район Сёдер. Проехав по Хурнsgатан, он направился к Бельманsgатан, завернул налево, на Тавастгатан возле паба «Бишопе армз» и припарковался прямо на углу.

Монике Фигуэроле повезло, как везет только дуракам. Как раз когда она подъехала к пабу, от него отчалил фургон, и у тротуара на Бельманsgатан образовалось свободное место, так что она встала носом прямо к перекрестку Бельманsgатан и Тавастгатан. Отсюда, с возвышения перед пабом, открывался исключительно хороший обзор. Ей был виден кусочек заднего стекла машины Мортенссона, стоящей на Тавастгатан. Прямо перед ней, на очень крутом спуске к переулку Прюссгрэнд, находился дом с адресом Бельманsgатан, 1. Фасад она видела сбоку и, соответственно, подъезд был ей не виден, но как только кто-нибудь выходил на улицу, Моника это фиксировала. Ей было совершенно ясно, какая причина привела Мортенссона в данный район. В этом доме жил Микаэль Блумквист.

Моника Фигуэрола должна была признать, что район вокруг Бельманsgатан, 1, кошмарно неудобен для слесарки. За расположенной в «котловане» парадной напрямую можно наблюдать лишь с пешеходного

прохода и мостика, перекинутого через Бельмансгатан, возле старого подъемника Мариахиссен. Поставить машину там негде, а на пешеходном мостике наблюдатель оказывается открыт всем взорам, как ласточка на старых телефонных проводах. Место у перекрестка Бельмансгатан и Тавастгатан, где припарковалась Моника Фигуэрола, было в принципе единственным, откуда она, сидя в машине, могла иметь полный обзор, но вместе с тем и ее саму, сидящую в машине, внимательный человек мог с легкостью заметить.

Выходить из машины и прогуливаться ей не хотелось — она знала, что легко привлекает к себе внимание. Во время работы в полиции яркая внешность ей всегда мешала.

Микаэль Блумквист вышел из парадной в 09.10. Моника Фигуэрола записала время. Окинув взглядом пешеходный мостик над началом Бельмансгатан, он двинулся в гору, в ее сторону.

Моника Фигуэрола открыла бардачок и развернула на пассажирском сиденье карту Стокгольма. Потом открыла блокнот, достала из кармана ручку, взяла мобильный телефон и притворилась, что разговаривает. Голову она склонила так, чтобы рука закрывала часть лица.

Она видела, как Микаэль Блумквист бросил беглый взгляд на Тавастгатан. Он знал, что за ним следят, и не мог не заметить машину Мортенссона, но пошел дальше, не проявив к ней никакого интереса. *Действует спокойно и хладнокровно. Кое-кто распахнул бы дверцу машины и хорошенько взгрел водителя.*

В следующее мгновение он оказался в нескольких шагах от ее машины. Моника Фигуэрола была полностью погружена в поиски какого-то адреса на карте Стокгольма, одновременно разговаривая по телефону, но почувствовала, что, проходя мимо, Микаэль Блумквист на нее посмотрел. *С подозрением относится ко всему, что находится поблизости.* В зеркало заднего вида с пассажирской стороны она могла наблюдать, как его спина удаляется по направлению к Хурнсгатан. Моника пару раз видела Блумквиста по телевизору, но живьем встречала впервые. На нем были синие джинсы, футболка и серый пиджак, на плече висела сумка. Шел он широкими шагами, пружинистой походкой. Довольно красивый мужчина.

Возле угла паба появился Йоран Мортенссон и проследил за Микаэлем Блумквистом взглядом. Через плечо у него висела солидных размеров спортивная сумка, и он как раз заканчивал разговаривать по мобильному телефону. Моника Фигуэрола ожидала, что он последует за объектом, но, к ее удивлению, он перешел через улицу прямо перед ее машиной, свернул налево и стал спускаться со склона к парадной Микаэля. В следующую

секунду мимо машины Моника прошел мужчина в синем комбинезоне и присоединился к Мортенссону. *Эй, а ты откуда взялся?*

Они остановились прямо перед парадной Микаэля Блумквиста. Мортенссон набрал код, и оба скрылись за дверью. *Собираются проверить квартиру. Вечер самодеятельности. Черт побери, он хоть понимает, чем занимается?*

Потом Моника Фигуэрола подняла взгляд к зеркалу заднего вида и вздрогнула от изумления, вновь увидев Микаэля Блумквиста. Он вернулся обратно и стоял метрах в десяти позади нее, достаточно близко, чтобы проследить за Мортенссоном и его сообщником с верхушки крутого спуска к дому № 1 по Бельмансгатан. Моника посмотрела на его лицо. На нее он не глядел, зато явно видел, как Йоран Мортенссон скрылся в парадной. Почти сразу после этого Блумквист развернулся и продолжил путь в сторону Хурнсгатан.

Полминуты Моника Фигуэрола просидела неподвижно. *Он знает, что за ним следят. Контролирует ситуацию. Но почему он ничего не предпринимает? Нормальный человек перевернул бы все вверх дном... Он что-то замышляет.*

Микаэль Блумквист положил телефонную трубку и задумчиво посмотрел на лежащий на письменном столе блокнот. При помощи государственного реестра транспортных средств он только что выяснил, что машина с блондинкой, которую он видел на Бельмансгатан, принадлежит некой Монике Фигуэроле, 1969 года рождения, проживающей на Понтоньберггатан, на острове Кунгсхольмен. Поскольку в машине сидела женщина, Микаэль предположил, что это была сама Фигуэрола.

Она говорила по мобильному телефону, сверяясь с развернутой на пассажирском сиденье картой. Микаэль не имел никаких оснований полагать, что она как-то связана с Залаченко, но он отмечал любое отклонение от нормы вокруг себя и особенно рядом со своим домом.

Он повысил голос и позвал Лотту Карим.

— Кто эта девушка? Раздобудь паспортную фотографию, узнай, где она работает, и собери все, что сможешь о ней найти.

— О'кей, — сказала Лотта Карим и вернулась обратно за свой письменный стол.

Кристер Сельберг, начальник финансово-планового отдела «СМП», с растерянным видом отложил в сторону лист формата А4 с девятью краткими пунктами, подготовленными Эрикой Бергер к еженедельному

совещанию бюджетной комиссии. Финансовый директор Ульф Флудин был явно озадачен. Лицо председателя правления Боргшё, как всегда, никаких эмоций не выражало.

— Это невозможно, — с любезной улыбкой выдал Сельберг.

— Почему же? — поинтересовалась Эрика Бергер.

— Правление никогда на такое не пойдет. Это противоречит здравому смыслу.

— Давайте вернемся к началу, — предложила Эрика Бергер. — Меня взяли на работу для того, чтобы вновь сделать газету прибыльной. Для этого мне необходимо иметь, с чем работать. Правильно?

— Да, но...

— Я не могу извлекать содержание ежедневной газеты из воздуха, сидя в стеклянной клетке и загадывая желания.

— Вы не понимаете экономической реальности.

— Возможно. Зато я разбираюсь в том, как делают газеты. А реальность такова, что за последние пятнадцать лет штат «СМП» сократился в целом на сто восемнадцать человек. Предположим, что половина из них графики, которых заменила новая техника и тому подобное, но количество создающих тексты репортеров уменьшилось за это время на целых сорок восемь человек.

— Это были вынужденные сокращения. Если бы мы их не произвели, газету давно бы пришлось закрыть.

— Давайте подождем решать, что вынужденно, а что нет. За последние три года исчезли восемнадцать ставок репортеров. Кроме того, на сегодня целых девять ставок в «СМП» вакантны и в какой-то степени покрываются временными сотрудниками. Спортивной редакции катастрофически не хватает персонала. Там должно быть девять сотрудников, а уже более года две ставки никем не заняты.

— Речь идет об экономии средств. Только и всего.

— В отделе культуры не занято три ставки. В экономической редакции не хватает одной ставки. Юридической редакции практически не существует — там у нас имеется только руководитель, который для каждого задания набирает репортеров из общей редакции. И так далее. Газета всерьез не следила за деятельностью государственных управлений и ведомств по крайней мере лет восемь. Здесь мы пребываем в полной зависимости от внештатных работников и материалов Телеграфного агентства. А как вам известно, Телеграфное агентство уже много лет назад упразднило у себя соответствующую редакцию. Иными словами, в Швеции не существует ни одной редакции, которая освещает деятельность

государственных управлений и ведомств.

— Газетная отрасль находится в бедственном положении...

— Реальность такова, что либо «СМП» следует незамедлительно закрыть, либо правление должно переходить к решительным действиям. У нас сегодня меньше сотрудников, но им приходится ежедневно создавать больше текстов. Статьи получаются плохими, поверхностными и не вызывающими доверия. Следовательно, народ перестает читать «СМП».

— Вы не понимаете того...

— Я устала слушать, что я чего-то не понимаю. Я не какая-нибудь ученица на профориентации, которая находится тут ради развлечения.

— Но ваше предложение безумно.

— Почему же?

— Вы предлагаете сделать так, чтобы газета не была прибыльной.

— Послушайте, Сельберг, в течение этого года вы собираетесь раздать двадцати трем акционерам газеты огромную сумму денег в качестве дивидендов. К этому добавятся еще совершенно нелепые бонусные выплаты девяти членам правления, которые обойдутся «СМП» почти в три миллиона крон. Себе самому вы начислили бонус четыреста тысяч крон в качестве вознаграждения за производство сокращений в «СМП». Разумеется, это далеко не такой большой бонус, как отхватывают себе некоторые директора «Скандии», но в моих глазах вы не стоите ни единого эре. Бонус надо выплачивать, когда вы сделаете что-нибудь такое, что укрепит газету. А ваши сокращения на самом деле ослабляют «СМП» и углубляют кризис.

— Это крайне несправедливо. Правление одобрило все предложенные мною меры.

— Правление одобряло ваши меры, поскольку вы гарантировали распределение дивидендов. С этим надо немедленно покончить.

— Значит, вы на полном серьезе предлагаете, чтобы правление отменило все выплаты дивидендов и бонусов. Неужели вы думаете, что держатели акций согласятся на такое пойти?

— Я предлагаю объявить этот год годом нулевой прибыли. Это даст экономию почти в двадцать один миллион крон и возможность сильно укрепить персонал и экономическое положение «СМП». Я предлагаю также снизить зарплату руководителям. Моя зарплата — восемьдесят восемь тысяч крон, что является чистым безумием для газеты, которая не может себе позволить даже заполнить штат спортивной редакции.

— То есть вы хотите снизить собственную зарплату? Вы ратуете за своего рода коммунизм в области оплаты труда?

— Не говорите ерунды. Вы, с учетом годового бонуса, получаете сто двенадцать тысяч крон в месяц. Это аномально. Будь газета стабильной и приноси громадную прибыль, вы вполне могли бы раздавать какие угодно бонусы. Но сейчас вам не время повышать собственный бонус. Я предлагаю наполовину сократить зарплату всем руководителям.

— Вы не понимаете, что наши акционеры являются таковыми, поскольку хотят зарабатывать деньги. Это называется капитализмом. Если вы предложите им терять деньги, они больше не захотят быть акционерами.

— Я не предлагаю им терять деньги, но дело вполне может дойти и до этого. Владение подразумевает ответственность. Как вы справедливо отметили, речь идет о капитализме. Владельцы «СМП» хотят иметь прибыль. Но правила игры таковы, что будет это прибыль или убыток, решает рынок. Согласно вашим рассуждениям, вы хотите, чтобы правила капитализма касались сотрудников «СМП» избирательно, не затрагивая акционеров и лично вас.

Сельберг вздохнул и закатил глаза. Он в растерянности попытался встретиться взглядом с Боргшё, но тот задумчиво изучал состоявшую из девяти пунктов программу Эрики Бергер.

Моника Фигуэрола прождала сорок девять минут, прежде чем Йоран Мортенссон с неизвестным мужчиной вышли из парадной дома номер один по Бельмансгатан. Когда они двинулись в гору, в ее сторону, она подняла камеру «Никон» с телеобъективом 300 миллиметров и сделала два снимка. Убрав камеру в бардачок, Моника вновь обратилась к карте, но случайно бросила взгляд в сторону старого подъемника Мариахиссен и вытаращила глаза от удивления. На краю верхнего яруса Бельмансгатан, рядом с входом в Мариахиссен, стояла темноволосая женщина и цифровой камерой снимала Мортенссона с сообщником. *Какого черта... неужели у нас на Бельмансгатан общий съезд шпионов?*

Мортенссон с незнакомцем расстались на вершине горы, не сказав друг другу ни слова. Мортенссон направился к своей машине на Тавастгатан, завел мотор, выехал и исчез из поля зрения Моника Фигуэролы.

Она перевела взгляд на зеркало заднего вида и увидела спину мужчины в комбинезоне. Потом подняла взгляд и увидела, что женщина с камерой закончила снимать и направляется в ее сторону.

Орел или решка? Про Йорана Мортенссона она уже знала, кто он такой и чем занимается. Мужчина в комбинезоне и женщина с камерой были темными лошадками. Но, выйдя из машины, она рисковала быть

замеченной женщиной с камерой.

Моника продолжала сидеть на месте. В зеркало заднего вида она наблюдала, как мужчина в комбинезоне свернул налево, на Бреннчюркагатан. Она дождалась, пока женщина с камерой дойдет до расположенного прямо перед ней перекрестка, но, вместо того чтобы последовать за мужчиной в комбинезоне, та развернулась на 180 градусов и двинулась вниз, к Бельмансгатан, 1. Перед Моникой Фигуэролой была женщина лет тридцати пяти, с темными, коротко стриженными волосами, в темных джинсах и черной куртке. Как только она немного спустилась с горы, Моника распахнула дверцу машины и побежала к Бреннчюркагатан. Мужчины в комбинезоне видно не было. В следующую секунду от тротуара отъехал фургон «тойота». Моника Фигуэрола увидела мужчину в полупрофиль и запомнила номер машины. Даже если бы она и просмотрела номер, мужчину все равно удалось бы отследить: по бокам фургона располагалась реклама «Ларс Фаульссон. Замки и ключи», и рядом — номер телефона.

Моника не бросилась бегом к машине, чтобы последовать за «тойотой», а пошла обратно спокойно и поднялась на гору как раз вовремя, чтобы увидеть, как женщина с камерой исчезает в парадной Микаэля Блумквиста.

Сев в машину, Моника Фигуэрола записала номер фургона и телефона фирмы Ларса Фаульссона, потом почесала в затылке. Вокруг места проживания Микаэля Блумквиста происходит какое-то жутко таинственное движение. Она подняла взгляд и посмотрела на крышу его дома. Ей было известно, что квартира располагается в мансарде, но по чертежам из городского управления жилищного строительства Моника установила, что она находится с другой стороны дома и выходит окнами на пролив Риддарфьерден и Старый город. Эксклюзивное место жительства в богатом культурными традициями квартале. Может, он хвастливый выскочка?

Через девять минут женщина с камерой вышла из парадной. Вместо того чтобы снова подняться в гору, к Тавастгатан, она продолжила спускаться и свернула направо в переулок Прюссгрэнд. Хм. Если у нее там припаркована машина, все пропало. Если же она пойдет пешком, то выйти из «котлована» сможет только одним путем — поднявшись по Бреннчюркагатан, около переулка Пустегрэнд, ближе к Шлюзу.

Моника Фигуэрола вышла из машины, свернула налево по Бреннчюркагатан в сторону Шлюза. Она уже почти дошла до Пустегрэнд, когда ей навстречу вывернула женщина с камерой. Удача. Моника проследовала за ней мимо отеля «Хилтон» к площади Сёдермальмсторг,

расположенной перед Городским музеем, возле Шлюза. Женщина шла быстро и целеустремленно, не глядя по сторонам. Моника Фигуэрола держалась метров на тридцать сзади. У Шлюза женщина зашла в вестибюль метро, и Моника ускорила шаг, но остановилась, увидев, что та вместо дверей метро вошла в газетный киоск.

Пока женщина стояла в очереди, Моника Фигуэрола ее разглядывала. Около 170 сантиметров ростом, на вид довольно спортивная. На ногах кроссовки. Когда она встала перед продавцом, надежно припечатав обе ступни к полу, у Моника вдруг возникло ощущение, что перед ней сотрудник полиции. Женщина купила коробочку жевательного табака, вышла обратно на площадь и свернула направо, перейдя через улицу Катаринавеген.

Моника Фигуэрола двинулась следом. Она была почти уверена, что женщина ее не заметила. Та скрылась за углом, и Моника поспешила за ней, отставая метров на сорок.

Завернув за угол, она обнаружила, что женщина бесследно исчезла. Моника Фигуэрола остановилась в полной растерянности. *Дьявол*. Она медленно пошла мимо ворот, потом ее взгляд упал на вывеску. «Милтон секьюрити».

Моника Фигуэрола кивнула сама себе и вернулась обратно на Бельмансгатан.

Она поехала на Гётгатан, где располагалась редакция «Миллениума», и следующие полчаса кружила по улицам вокруг редакции, но машины Мортенссона так и не увидела. К обеду Моника вернулась в полицейское управление и следующие полчаса провела в спортзале, занимаясь силовыми упражнениями.

— У нас проблема, — сказал Хенри Кортес.

Малин Эрикссон и Микаэль Блумквист оторвали взгляды от рукописи книги о Залаченко. Было половина второго дня.

— Садись, — сказала Малин.

— Это касается «Витавара АБ» — фирмы, которая производит унитазы во Вьетнаме и продает их по тысяче семьсот крон за штуку.

— Вот как. В чем же состоит проблема? — поинтересовался Микаэль.

— Фирма «Витавара АБ» оказалась дочерним предприятием компании «СвеаБюг АБ».

— Вот оно что. Это ведь довольно крупная компания.

— Да. Председателя правления зовут Магнус Боргшё, и он председатель-профессионал. Он, в частности, является также

председателем правления «Свенска моргонпостен» и владеет примерно десятью процентами акций «СМП».

Микаэль пристально посмотрел на Хенри Кортеса.

— Ты уверен?

— Да. Шеф Эрики Бергер — отпетый мерзавец, использующий во Вьетнаме детский труд.

— Опля, — произнесла Малин Эрикссон.

Когда ответственный секретарь редакции Петер Фредрикссон около двух часов дня постучался в стеклянную клетку Эрики Бергер, он был явно чем-то расстроен.

— В чем дело?

— Мне немного неловко. Одна из сотрудниц редакции получила от вас сообщения.

— От меня?

— Да. Увы.

— О чем вы говорите?

Он протянул ей несколько листов формата А4 с распечаткой электронных сообщений, адресованных Эве Карлссон, двадцатилетней временной сотруднице отдела культуры. Отправителем значилась «erikaberger@smpost.se».

Эва, любимая. Мне хочется ласкать тебя и целовать твою грудь. Я сгораю от желания и ничего не могу с собой поделать. Прошу тебя ответить на мои чувства. Мы можем встретиться? Эрика.

Эва Карлссон не ответила на первое предложение, в результате чего в последующие дни ей пришло еще два мейла.

Дорогая, любимая Эва. Прошу тебя, не отвергай меня. Я схожу с ума от желания. Хочу видеть тебя обнаженной. Ты должна быть моей. Тебе будет со мной хорошо. Ты не пожалеешь. Я покрою поцелуями каждый сантиметр твоей обнаженной кожи, твою прекрасную грудь, твою нежную пещеру. Эрика.

Эва. Почему ты не отвечаешь? Не бойся меня. Не отталкивай меня. Ты ведь уже не невинна и понимаешь,

о чем идет речь. Я хочу заниматься с тобой сексом и щедро тебя вознагражу. Если ты будешь добра ко мне, то и я отплачу тебе добром. Ты спрашивала о возможности продления работы в газете. В моей власти ее продлить и даже превратить временную ставку в постоянную. Давай встретимся сегодня вечером в 21.00 в гараже, около моей машины. Твоя Эрика.

— Вот оно что, — сказала Эрика Бергер. — И теперь ее интересует, действительно ли я забрасываю ее грязными предложениями.

— Не совсем... я хочу сказать...

— Петер, говорите начистоту.

— Она, похоже, не совсем поверила первому сообщению или, во всяком случае, оно ее очень удивило. Но потом она решила, что это полная чушь и не в вашем стиле, и теперь...

— И теперь?

— Ну, она считает ситуацию крайне неловкой и не знает, что ей делать. К тому же она вам симпатизирует, вы ей нравитесь... как руководитель. Поэтому она пришла ко мне за советом.

— Понятно. И что вы ей сказали?

— Я сказал, что кто-то подделал ваш адрес и теперь преследует ее. Или, возможно, вас обеих. И я обещал поговорить с вами.

— Спасибо. Будьте добры, пришлите ее ко мне через десять минут.

Эрика использовала время для составления текста совершенно особого сообщения.

В связи с имевшим место инцидентом я вынуждена информировать вас о том, что один из сотрудников «СМП» получил по электронной почте несколько писем, якобы отправленных мной и содержащих грубые сексуальные домогательства. Я сама получила сообщения вульгарного содержания от отправителя, использующего адрес «СМП», который начинается на «centralred». В «СМП», как известно, такого адреса не существует.

Я проконсультировалась с начальником технического отдела, который сообщил, что адрес отправителя легко подделать. Как именно это делается, я не знаю, но в Интернете явно имеются сайты,

позволяющие осуществлять такие вещи. Я вынуждена с сожалением констатировать, что подобному занятию предается какой-то больной человек.

Я хочу знать, не получал ли еще кто-нибудь из сотрудников странные электронные сообщения. В таком случае прошу незамедлительно обратиться к ответственному секретарю редакции Петеру Фредрикссону. Если подобные шутки будут продолжаться, нам придется подумать о заявлении в полицию.

Эрика Бергер, главный редактор

Она распечатала экземпляр мейла, а затем отослала разом всем сотрудникам концерна «СМП». В ту же минуту в дверь постучала Эва Карлссон.

— Здравствуйте, садитесь, — сказала Эрика. — Я слышала, что вы получили от меня электронные сообщения.

— Ой, я не думаю, что их посылали вы.

— Тридцать секунд назад вы, во всяком случае, получили от меня письмо. Это сообщение я написала собственноручно и разослала всем сотрудникам.

Она протянула Эве Карлссон распечатанную копию.

— О'кей. Все понятно, — сказала Эва Карлссон.

— Я сожалею, что кто-то избрал вас мишенью для этой отвратительной кампании.

— Вы не должны просить прощения за выдумки какого-то психа.

— Мне просто хочется убедиться в том, что вы больше не подозреваете, будто я имею отношение к этим письмам.

— Я вовсе и не думала, что их посылаете вы.

— О'кей, спасибо, — улыбнувшись, сказала Эрика.

Вторую половину дня Моника Фигуэрола посвятила сбору информации. Для начала она заказала паспортную фотографию Ларса Фаульссона, чтобы убедиться, что именно этого человека видела в компании Йорана Мортенссона. Потом сделала по Интернету запрос в реестре осужденных за уголовные преступления и сразу получила интересный результат.

Ларс Фаульссон, сорока семи лет, известный под кличкой Фалун, начал

свою карьеру в семнадцатилетнем возрасте с угона автомобилей. В 70-х и 80-х годах его дважды арестовывали и осуждали за кражи со взломом и сбыт краденого. В первый раз его приговорили к небольшому тюремному заключению, а во второй — к трем годам тюрьмы. В то время его считали *up and coming*^[42] элементом преступной среды, и он допрашивался по подозрению еще как минимум в трех преступлениях, одним из которых было довольно запутанное и получившее широкую огласку ограбление сейфа в универмаге Вестероса. По окончании срока тюремного заключения, в 1984 году, он взялся за ум — или, по крайней мере, не совершал больше преступлений, которые приводили бы к аресту и вынесению приговора. Как в легальной, так и в нелегальной профессии он переквалифицировался в слесаря-специалиста по замкам и в 1987 году основал собственную фирму «Ларс Фаульссон. Замки и ключи», зарегистрированную по адресу на площади Норртуль.

Установить личность неизвестной женщины, фотографировавшей Мортенссона с Фаульссоном, оказалось проще, чем предполагала Моника. Она просто позвонила в службу информации «Милтон секьюрити» и объяснила, что ищет их сотрудницу, с которой какое-то время назад встречалась, но забыла, как ее зовут. Зато она могла ее подробно описать. Монике сообщили, что это похоже на Сусанн Линдер, и переключили телефон на нее. Когда Сусанн Линдер ответила, Моника Фигуэрола извинилась, сказав, что, вероятно, ошиблась номером.

Она зашла в реестр записи актов гражданского состояния и выяснила, что в Стокгольмском лене имеется восемнадцать женщин по имени Сусанн Линдер. Три из них находились в возрасте тридцати пяти лет. Одна проживала в Норртелье, одна в Стокгольме и одна в Накке. Моника заказала их паспортные фотографии и сразу определила, что шла от Бельмансгатан по пятам за Сусанн Линдер, зарегистрированной в Накке.

Она суммировала результаты работы за день в служебной записке и отправилась к Торстену Эдклинту.

Около пяти часов Микаэль Блумквист с отвращением захлопнул папку с материалами Хенри Кортеса. Кристофер Мальм опустил распечатку статьи Хенри Кортеса, прочтя ее четыре раза. Сам автор сидел на диване в кабинете Малин Эрикссон с виноватым видом.

— Кофе, — сказала Малин, вставая, и вскоре вернулась с четырьмя кружками и кофейником.

Микаэль вздохнул.

— Чертовски хорошая статья, — сказал он. — Первокласное

исследование, все подтверждено документами. Отличная драматургия, с bad guy,^[43] который всю дорогу надувает жильцов шведских домов — что вполне законно, но настолько жаден и туп, что размещает заказы во Вьетнаме на предприятии, использующем детский труд.

— К тому же статья хорошо написана, — добавил Кристер Мальм. — На следующий день после того, как мы ее опубликуем, Боргшё станет в шведской экономике персоной нон грата. За этот текст ухватится телевидение, он займет у них место рядом с директорами «Скандии» и другими мошенниками. Настоящая горячая новость от «Миллениума». Хенри, ты молодец.

Микаэль кивнул.

— Но ситуация с Эрикой вносит в бочку с медом ложку дегтя, — сказал он.

Кристер Мальм кивнул.

— А в чем, собственно говоря, проблема? — спросила Малин. — Ведь не Эрика же занимается темными делами. Нам же не возбраняется изучать деятельность любого председателя правления, даже если он, по чистой случайности, является ее начальником.

— Это жуткая проблема, — сказал Микаэль.

— Эрика Бергер не ушла отсюда, — продолжил Кристер Мальм. — Она владеет тридцатью процентами «Миллениума» и сидит у нас в правлении. Она к тому же является его председателем до тех пор, пока мы не сможем на следующем собрании правления избрать Харриет Вангер, а это будет не раньше августа. Эрика работает в «СМП», где она тоже входит в правление, председателя которого мы собираемся предать позору.

Повисла мрачная тишина.

— Что же нам, черт возьми, делать? — спросил Хенри Кортес. — Снимать статью?

Микаэль посмотрел Хенри Кортесу прямо в глаза.

— Нет, Хенри. Снимать статью мы не будем. Такое не в правилах «Миллениума». Но придется заняться кое-какой черной работой. Мы не можем просто взять и обрушить это Эрике на голову с рекламных щитов.

Кристер Мальм кивнул и помахал пальцем, привлекая к себе внимание.

— Мы ставим Эрику в жуткое положение. Ей придется выбирать — либо она продает акции и немедленно уходит из правления «Миллениума», либо, при самом худшем раскладе, вылетает из «СМП». В любом случае она окажется перед неразрешимым конфликтом интересов. Честно говоря, Хенри... Я согласен с Микаэлем, что мы должны опубликовать статью, но,

возможно, нам придется передвинуть ее в следующий номер.

Микаэль кивнул.

— Поскольку мы тоже оказались перед трудным выбором, — сказал он.

— Хотите, я ей позвоню? — спросил Кристер Мальм.

— Нет, — ответил Микаэль. — Ей позвоню я и договорюсь о встрече. Скажем, сегодня вечером.

Торстен Эдклинт внимательно слушал Монику Фигуэролу, когда та описывала цирковое представление, происходившее вокруг дома Микаэля Блумквиста на Бельмансгатан, и чувствовал, что почва потихоньку начинает уходить у него из-под ног.

— Значит, сотрудник ГПУ/Без вошел в парадную Микаэля Блумквиста вместе с бывшим взломщиком сейфов, который переквалифицировался в слесаря — специалиста по замкам.

— Совершенно верно.

— Что, ты думаешь, они делали на лестнице?

— Не знаю. Но они отсутствовали в течение сорока девяти минут. Можно, разумеется, предположить, что Фаульссон вскрыл дверь и Мортенссон провел это время в квартире Блумквиста.

— А что они там делали?

— Едва ли они устанавливали подслушивающую аппаратуру, потому что на это требуется всего минута. Значит, Мортенссон, вероятно, рылся в бумагах Блумквиста или в других вещах, которые тот держит дома.

— Но ведь Блумквист уже предупрежден... Они ведь украли у него из дома отчет Бьёрка.

— Именно. Он знает, что за ним следят, и сам следит за своими преследователями. Он ведет себя очень хладнокровно.

— Что ты имеешь в виду?

— У него явно есть план. Он собирает информацию и намерен предать действия Йорана Мортенссона огласке. Это единственное разумное объяснение.

— А потом появилась эта Линдер.

— Сусанн Линдер, тридцать четыре года, проживает в Накке. Раньше работала в полиции.

— В полиции?

— Она закончила школу полиции и шесть лет работала в пикете Сёдермальма. Потом внезапно уволилась. Из ее бумаг не видно почему. Несколько месяцев оставалась безработной, а потом поступила в «Милтон

секьюрити».

— Драган Арманский, — задумчиво сказал Эдклинг. — Сколько времени она провела в доме?

— Девять минут.

— И чем занималась?

— Поскольку она фотографировала Мортенссона с Фаульссоном, могу предположить, что она документирует их деятельность. Это означает, что охранный предприятие «Милтон секьюрити» сотрудничает с Блумквистом и установило камеры наблюдения у него в квартире или на лестнице. Она, вероятно, заходила, чтобы снять с камер информацию.

Эдклинг вздохнул. История Залаченко становится запутанной сверх всякой меры.

— Ладно. Спасибо. Иди домой. Мне надо это обдумать.

Моника Фигуэрола пошла в зал на площади Сант-Эриксплан и занялась спортом.

Для связи с Эрикой Бергер в «СМП» Микаэль Блумквист воспользовался синим резервным телефоном T10. Его звонок прервал совещание, на котором Эрика обсуждала с редакторами, под каким углом следует подавать статью о международном терроризме.

— О, привет... подожди секунду.

Эрика прикрыла трубку рукой и огляделась.

— Думаю, мы все обсудили, — сказала она, дав последние инструкции по поводу своей позиции. Оставшись в стеклянной клетке в одиночестве, она снова взялась за телефон.

— Привет, Микаэль. Прости, что я пропала. Я просто совершенно завалена работой, необходимо вникнуть в тысячу вещей.

— Я тоже, собственно, не сидел сложа руки, — сказал Микаэль.

— Как дела с историей Саландер?

— Нормально. Я звоню не поэтому. Мне необходимо с тобой встретиться. Сегодня вечером.

— Я бы с удовольствием, но мне придется просидеть тут до восьми. И я смертельно устала. Я на ногах уже с шести утра.

— Рикки... речь не о том, чтобы поддержать твою сексуальную жизнь. Мне необходимо с тобой поговорить. Это важно.

Эрика секунду помолчала.

— В чем дело?

— Поговорим при встрече. Но дело не из приятных.

— О'кей. Я буду у тебя дома около половины девятого.

— Нет, не у меня дома. Это долгая история, но моя квартира еще какое-то время будет на карантине. Приходи в «Котелок Самира», выпьем пива.

— Я за рулем.

— Хорошо. Тогда выпьем легкого пива.

Заходя в половине девятого в кафе, Эрика Бергер пребывала в легком раздражении. Ее мучила совесть, что она даже ни разу не позвонила Микаэлю с того дня, как ушла в «СМП». Но столько дел, как сейчас, у нее не было никогда.

Микаэль Блумквист помахал рукой от столика в углу, возле окна. Эрика немного замялась в дверях. На секунду Микаэль показался ей чужим, и она почувствовала, что смотрит на него другими глазами. *Кто это? Господи, как я устала.* Потом он встал и поцеловал ее в щеку, и она с ужасом осознала, что несколько недель даже не думала о нем и безумно по нему соскучилась. Словно бы время в «СМП» было сном и она сейчас проснется на диване в «Миллениуме». Просто невероятно.

— Привет, Микаэль.

— Привет, главный редактор. Ты ела?

— На часах половина девятого. У меня нет твоей отвратительной привычки наедаться на ночь.

Но потом Эрика все же обнаружила, что смертельно голодна. Самир принес им меню, и она заказала легкое пиво, маленькую порцию кальмаров с ломтиками картошки. Микаэль заказал кус-кус и легкое пиво.

— Как ты поживаешь? — спросила она.

— Мы живем в интересное время. Я занят по уши.

— Как дела с Саландер?

— Она часть этого интересного времени.

— Микке, я не собираюсь никому выдавать твой материал.

— Прости... я не уклоняюсь от ответа. Сейчас все несколько запуталось. Я тебе с удовольствием расскажу, но это займет полночи. Как тебе живется в роли шефа «СМП»?

— Не совсем как в «Миллениуме».

Она немного помолчала.

— Приходя домой, я засыпаю, как потушенная свечка, а когда просыпаюсь, у меня перед глазами стоят бюджетные калькуляции. Я соскучилась по тебе. Может, пойдем к тебе домой и поспим? На секс у меня нет сил, но я бы с удовольствием свернулась у тебя под боком.

— Прости, Рикки. Моя квартира сейчас не лучшее место.

— Почему? Что-нибудь случилось?

— Ну... одна компания понаставила у меня в квартире жучков и прослушивает каждое мое слово. А я установил камеры скрытого наблюдения, показывающие, что происходит, когда меня нет дома. Думаю, нам не стоит демонстрировать миру твою голую задницу.

— Ты шутишь?

Он замотал головой.

— Нет. Но встретиться с тобой мне было необходимо не из-за этого.

— Что случилось? У тебя такой странный вид.

— Ну... ты перешла в «СМП». А мы в «Миллениуме» наткнулись на материал, который потопит твоего председателя правления. Речь идет об использовании труда детей и политзаключенных во Вьетнаме. Думаю, мы угодили в конфликт интересов.

Эрика опустила вилку и пристально посмотрела на Микаэля. Она сразу поняла, что он не шутит.

— Дело обстоит так, — сказал он. — Боргшё является председателем правления и основным владельцем компании под названием «СвеаБюгг», которой, в свою очередь, полностью принадлежит дочерняя фирма «Витаваара АБ». Они производят унитазы на предприятии во Вьетнаме, которое значится в ООН как использующее детский труд.

— Повтори.

Микаэль в деталях пересказал написанную Хенри Кортесом статью. Открыв портфель, он достал копии документов. Эрика медленно прочла статью Кортеса, потом подняла взгляд и посмотрела Микаэлю в глаза. В ней поднималась безрассудная паника, смешанная с недоверием.

— Как получилось, что сразу после моего ухода «Миллениум» первым делом начал жесткую проверку членов правления «СМП»?

— Рикки, это не так.

Он объяснил, как выросла статья.

— И как давно ты об этом знаешь?

— С сегодняшнего дня. Мне все это страшно не по душе.

— Что вы собираетесь делать?

— Не знаю. Статью надо публиковать. Мы не можем сделать исключение только потому, что речь идет о твоём начальнике. Но никто из нас не хочет навредить тебе. — Он развел руками. — Мы в отчаянии. Особенно Хенри.

— Я по-прежнему вхожу в правление «Миллениума». Я — совладелец... это будет воспринято как...

— Мне ясно, как это будет воспринято. В «СМП» тебя смешают с

грязью.

Эрика почувствовала, как на нее навалилась усталость. Она сжала зубы и подавила желание попросить Микаэля замолчать эту историю.

— Господи, проклятье, — произнесла она. — А материал действительно надежен?

Микаэль кивнул.

— Я целый вечер посвятил изучению документов Хенри. Боргшё точно не сносить головы.

— Что вы намерены делать?

— А что бы сделала ты, если бы мы обнаружили этот материал два месяца назад?

Эрика Бергер внимательно посмотрела на своего друга и любовника с двадцатилетним стажем. Потом опустила глаза.

— Ты прекрасно знаешь, что бы я сделала.

— Это трагическая случайность. Здесь нет ничего, направленного против тебя. Я в страшном расстройстве. Поэтому я и настоял на немедленной встрече. Нам надо решить, как поступать.

— Нам?

— Дело обстоит так... Эта статья предназначалась в июньский номер. Я ее уже снял. Ее опубликуют не раньше августа, и, если тебе потребуется, можно будет перенести еще подальше.

— Понятно, — с прорезавшимся ожесточением ответила она.

— Я предлагаю сегодня ничего не решать. Возьми документы домой и подумай над ними. Ничего не предпринимай, пока мы не выработаем общей стратегии. Время у нас есть.

— Общей стратегии?

— Ты должна либо заблаговременно уйти из правления «Миллениума», либо уйти из «СМП». Усидеть на обоих стульях тебе не удастся.

Она кивнула.

— Я настолько связана с «Миллениумом», что, сколько бы я ни уходила, никто все равно не поверит, что я не приложила к этому руку.

— Существует альтернатива. Ты можешь взять статью в «СМП», выступить против Боргшё и потребовать его ухода. Я уверен, что Хенри Кортес на это согласится. Только абсолютно ничего не предпринимай, пока мы все не договоримся.

— Я начну с того, что добьюсь увольнения человека, который нанял меня на работу.

— Я сожалею.

— Он совсем не плохой человек.

Микаэль кивнул.

— Я тебе верю. Но он жаден.

Эрика кивнула и встала.

— Поеду домой.

— Рикки, я...

Она не дала ему договорить.

— Я просто смертельно устала. Спасибо, что предупредил меня. Мне необходимо обдумать, что все это означает.

Микаэль кивнул.

Она ушла, не поцеловав его в щеку и предоставив ему оплачивать счет самому.

Машину Эрика Бергер оставила в двухстах метрах от «Котелка Самира», и на полпути туда почувствовала такое сильное сердцебиение, что была вынуждена остановиться и прислониться к стене возле какой-то парадной. Ее стало подташнивать.

Эрика долго стояла, вдыхая прохладный майский воздух. Внезапно она осознала, что начиная с первого мая работала в среднем по пятнадцать часов в день. Уже почти три недели. Как же она будет чувствовать себя через три года? Как чувствовал себя Морандер, когда упал замертво прямо посреди редакции?

Через десять минут она пошла обратно к «Котелку Самира» и столкнулась с Микаэлем, как раз выходящим из дверей. Он в изумлении остановился.

— Эрика...

— Ничего не говори, Микаэль. У нас с тобой дружба с таким стажем, что ничто не может ее разрушить. Ты мой лучший друг, и сейчас ситуация такая же, как два года назад, когда ты уехал в Хедестад, только наоборот. Я чувствую себя загнанной и несчастной.

Он кивнул и заключил ее в объятия. Она вдруг почувствовала, что на глаза навернулись слезы.

— Три недели в «СМП» меня уже сломали, — сказала она со смехом.

— Ну-ну. Чтобы сломить Эрику Бергер, требуется нечто большее.

— Твоя квартира в дерьме. Я слишком устала, чтобы ехать домой в Сальтшёбаден. Я засну за рулем и разобьюсь. Я только что приняла решение: дойду до гостиницы «Скандик Краун» и сниму номер. Пойдем со мной.

Он кивнул.

- Теперь она называется «Хилтон».
- Все едино.

В полном молчании они отправились в гостиницу. Микаэль обнимал Эрику за плечи. Покосившись на него, она отметила, что он устал не меньше ее.

Они подошли прямо к рецепции, сняли двухместный номер и расплатились кредитной карточкой Эрики. Поднялись в номер, разделись, приняли душ и забрались в постель. У Эрики так болели мышцы, будто она пробежала марафонскую дистанцию. Они немного пообнимались и угасли, словно задутые свечи.

Никто из них не почувствовал, что за ними следят, и они не обратили никакого внимания на мужчину, наблюдавшего за ними в холле гостиницы.

Глава

15

Четверг, 19 мая — воскресенье, 22 мая

Большую часть ночи со среды на четверг Лисбет Саландер посвятила чтению статей Микаэля Блумквиста и тех глав его книги, которые были уже почти готовы. Поскольку прокурор Экстрём собирался провести суд в июле, Микаэль установил, что книга должна быть сдана в печать самое позднее двадцатого июня. Это означало, что у Чертова Калле Блумквиста оставался примерно месяц, чтобы закончить писать и заткнуть в тексте все дыры.

Лисбет не понимала, как он сможет все успеть, но это была его проблема, а не ее. Ее проблема заключалась в том, чтобы определить свое отношение к заданным им вопросам.

Она взяла компьютер, зашла на «Stolliga_Bordet» и проверила, не прислал ли он чего-нибудь нового за прошедшие сутки. Убедившись, что нет, Лисбет открыла документ, который он снабдил заголовком «Главные вопросы». Текст она знала уже почти наизусть, но на всякий случай прочла еще раз.

Он обрисовал там стратегию, которую ей уже объясняла Анника Джаннини. Когда с ней разговаривала Анника, Лисбет слушала довольно рассеянно и отстраненно, словно бы это касалось кого-то другого. Но Микаэль Блумквист, в отличие от Анники Джаннини, знал ее тайны и потому имел возможность аргументировать стратегию более веско. Лисбет спустилась к четвертому абзацу.

Твоя дальнейшая судьба целиком и полностью в твоих руках. Сколько бы ради тебя ни вкалывала Анника или как бы тебя ни поддерживали мы с Арманским, Пальмгренем и остальными, это не сыграет особой роли. Я не собираюсь пытаться тебя на что-то уговорить. Ты должна сама решить, как тебе поступить. Либо ты склонишь суд на свою сторону, либо позволишь им себя засудить. Но чтобы выиграть, тебе необходимо драться.

Она выключила компьютер и посмотрела на потолок. Микаэль просил у нее разрешения рассказать в книге правду. Он собирался утаить то, что

Бьюрман ее насильовал. Уже даже написал эту часть, прикрыв стыковку утверждением, что Бьюрман вступил в сотрудничество с Залаченко, которое лопнуло, когда он потерял самообладание, и Нидерману пришлось его убить. В мотивы Бьюрмана он не вдавался.

Чертов Калле Блумквист усложнял ей жизнь.

Лисбет надолго задумалась.

В два часа ночи она взяла компьютер и открыла текстовый редактор. Потом кликнула на новый документ, достала стилус и начала набирать текст по буквам дигитальной клавиатуры.

Меня зовут Лисбет Саландер. Я родилась 30 апреля 1978 года. Моя мать — Агнета София Саландер. Когда я родилась, ей было 17 лет. Мой отец — психопат, убийца и мучитель женщин по имени Александр Залаченко. Раньше он работал нелегальным агентом советской военной разведки ГРУ в Западной Европе.

Дело продвигалось медленно, поскольку ей приходилось тыкать в каждую букву по отдельности. Прежде чем записать предложение, она формулировала его в голове и в написанный текст не вносила ни единого исправления. Лисбет работала до четырех часов утра, а потом выключила компьютер и поместила его на зарядку в углубление за прикроватной тумбочкой. К этому времени она успела написать текст, соответствующий двум страницам А4 с одним интервалом.

Эрика Бергер проснулась в семь часов утра. Она совсем не чувствовала себя выспавшейся, хоть и проспала восемь часов подряд. Микаэль Блумквист по-прежнему крепко спал.

Для начала Эрика включила мобильный телефон и проверила, не пришли ли ей какие-нибудь сообщения. Дисплей показал, что ей одиннадцать раз звонил муж, Греггер Бекман. *Дьявол. Я забыла позвонить.* Она набрала номер и объяснила, где находится и почему не приехала домой накануне вечером. Муж явно злился.

— Эрика, никогда больше так не делай. Ты знаешь, что дело не в Микаэле, но я ночью чуть с ума не сошел. Я безумно боялся, что с тобой что-то случилось. Если не приезжаешь домой, ты обязана звонить и сообщать. О таких вещах не забывают.

Греггер Бекман был в курсе того, что Микаэль Блумквист является любовником его жены, и против их связи абсолютно не возражал. Но

раньше, решив остаться у Микаэля, она всегда сперва звонила мужу и объясняла ситуацию. На этот же раз она отправилась в «Хилтон» с единственной мыслью — поспать.

— Прости, — сказала она. — Я вчера просто-напросто сломалась.

Он немного поворчал.

— Греггер, не сердись. У меня сейчас на это нет сил. Обругаешь меня вечером.

Он несколько умирил ворчание, пообещав отругать ее, как только она попадется ему на глаза.

— О'кей. Как там Блумквист?

— Он спит. — Она вдруг рассмеялась. — Хочешь верь, хочешь нет, но мы уснули в течение пяти минут после того, как легли. Такого прежде не бывало.

— Эрика, это серьезно. Может, тебе следует сходить к врачу?

Закончив разговор с мужем, она позвонила в диспетчерскую службу «СМП» и оставила сообщение для ответственного секретаря редакции Петера Фредрикссона. В нем она объяснила, что у нее возникли особые обстоятельства и она придет позже обычного, а также попросила отменить запланированную встречу с сотрудниками отдела культуры.

Потом Эрика нашла свою сумку, извлекла оттуда зубную щетку и отправилась в ванную. А затем вновь подошла к кровати и разбудила Микаэля.

— Привет, — пробормотал он.

— Привет, — ответила она. — Давай-ка быстренько в ванную, мыться и чистить зубы.

— Че... чего?

Он сел и стал оглядываться с таким растерянным видом, что Эрике пришлось объяснить ему, что он находится в гостинице «Хилтон», возле Шлюза. Микаэль кивнул.

— Так вот. Отправляйся в ванную.

— Почему?

— Потому что когда ты оттуда выйдешь, я хочу заняться с тобой сексом.

Он посмотрел на наручные часы.

— И поторопись. У меня в одиннадцать совещание, и мне нужно по крайней мере полчаса, чтобы накраситься. И по пути на работу еще надо успеть купить чистую майку. У нас остается около двух часов, чтобы наверстать упущенное.

Микаэль отправился в ванную.

Йеркер Хольмберг припарковал «форд» отца перед домом бывшего премьер-министра Турбьёрна Фельдина в Осе, около местечка Рамвик, в муниципалитете Хернёсанд. Он вышел из машины и огляделся. Было утро четверга. Моросил дождь, поля уже основательно позеленели. В свои семьдесят девять Фельдин больше активно сельским хозяйством не занимался, и Хольмберга заинтересовало, кто же тогда тут сеет и жнет. Он знал, что за ним наблюдают из кухонного окна — в сельской местности это было правилом. Он сам вырос неподалеку от Рамвика, и от его дома было рукой подать до моста Сандёбрун — одного из красивейших мест в мире, как считал Йеркер Хольмберг.

Он поднялся на крыльцо и позвонил.

Бывший лидер Партии центра казался старым, но, похоже, по-прежнему был бодр и полон сил.

— Здравствуйте, Турбьёрн. Меня зовут Йеркер Хольмберг. Мы с вами встречались, правда, в последний раз довольно давно. Я сын Густава Хольмберга, который был депутатом от Центра в семидесятых и восьмидесятых годах.

— Здравствуй. Да, Йеркер, я тебя узнаю. Если не ошибаюсь, ты работаешь полицейским в Стокгольме. В последний раз мы виделись, должно быть, лет десять-пятнадцать назад.

— Думаю, даже больше. Можно мне войти?

Пока Турбьёрн Фельдин наливал кофе, Йеркер уселся за кухонный стол.

— Надеюсь, с твоим отцом все в порядке. Ты не поэтому приехал?

— Нет. Отец чувствует себя хорошо и в данный момент чинит крышу на доме.

— Сколько ему сейчас лет?

— Два месяца назад исполнилось семьдесят один.

— Вот как, — сказал Фельдин, усаживаясь. — Тогда чем обязан визиту?

Йеркер Хольмберг посмотрел в окно кухни. Около его машины появилась сорока и стала обследовать землю. Затем он обратился к Фельдину:

— Я явился незваным и с большой проблемой. Не исключаю, что по окончании этого разговора я вылечу с работы. Иными словами, я здесь по работе, но мой начальник — руководитель отдела по борьбе с насильственными преступлениями, об этом визите не знает.

— Звучит серьезно.

— Но я боюсь, что мое бездействие может привести к совершению грубых противозаконных действий, и к тому же повторно.

— Будет лучше, если ты все объяснишь.

— Это касается мужчины по имени Александр Залаченко. Он был шпионом русского ГРУ и перебежал в Швецию в день выборов семьдесят шестого года. Здесь ему дали убежище и привлекли к работе на СЭПО. У меня есть основания полагать, что эта история вам знакома.

Турбьёрн Фельдин пристально посмотрел на Йеркера Хольмберга.

— Это долгая история, — сказал Хольмберг и начал рассказывать о предварительном следствии, в котором участвовал в последние месяцы.

Эрика Бергер перевернулась на живот, сцепила руки в замок и оперлась о них головой. Внезапно она улыбнулась.

— Микаэль, ты никогда не задумывался о том, что мы с тобой на самом деле законченные психи?

— Это почему?

— По крайней мере, я. Я все время тебя хочу. Прямо как обезумевшая школьница.

— Вот как.

— А потом мне хочется поехать домой и переспать с мужем.

Микаэль засмеялся.

— Я знаю хорошего врача, — сказал он.

Она ткнула его пальцем в живот.

— Микаэль, мне начинает казаться, что вся история с переходом в «СМП» — грандиозная ошибка.

— Ерунда. Для тебя это великолепный шанс. Если кто и может вдохнуть жизнь в эту падаль, так только ты.

— Да, возможно. Но в этом-то и проблема. «СМП» производит впечатление падали. А ты еще вчера вечером подбросил лакомый кусочек про Магнуса Боргшё. Просто не понимаю, что я там делаю.

— Подожди, все утрясется.

— Да. Но ситуация с Боргшё не из приятных. Представления не имею, как с ней разобраться.

— Я тоже. Но мы что-нибудь придумаем.

Она немного полежала молча.

— Мне тебя не хватает.

Он кивнул и посмотрел на нее.

— Мне тебя тоже, — сказал он.

— Что надо для того, чтобы ты перешел в «СМП» и стал там

начальником информационного отдела?

— Ни за что на свете. Да и разве этот, как его там, Хольм не начальник информационного отдела?

— Да. Но он идиот.

— В этом ты права.

— Ты его знаешь?

— Конечно. Я в восьмидесятых годах три месяца временно работал под его началом. Он — засранец, который любит сталкивать людей друг с другом. Кроме того...

— Кроме того — что?

— А, ничего. Не хочу разносить сплетни.

— Расскажи.

— Девушка по имени Улла, которая тоже сидела на временной ставке, утверждала, что он приставал к ней с сексуальными домогательствами. Что было правдой, а что нет, я не знаю, но профсоюзы и пальцем не пошевелили, а у нее как раз заканчивался контракт, и ей его не продлили.

Эрика Бергер посмотрела на часы, вздохнула, спустила ноги с кровати и скрылась в душе. Пока она потом вытиралась и натягивала одежду, Микаэль не двигался с места.

— Я еще немного полежу, — сказал он.

Она поцеловала его в щеку, помахала рукой и исчезла.

Моника Фигуэрола припарковалась в двадцати метрах от машины Йорана Мортенссона на Лунтмакаргатан, около самой улицы Улофа Пальме. Она видела, как Мортенссон прошел метров шестьдесят до автомата и оплатил стоянку машины, а потом двинулся в сторону Свеавеген.

Моника Фигуэрола наплевала на оплату парковки — пока она будет платить, он уйдет. Она последовала за ним до Кунгсгатан, где он свернул налево и скрылся в высоком здании Кунгстурнет. Моника поворчала, но выбора не было, и, выждав три минуты, она пошла за ним в кафе. Он сидел на первом этаже и беседовал с женщиной лет тридцати пяти, блондином, довольно спортивного вида. Из полиции, подумала Моника Фигуэрола.

В собеседнике Мортенссона она узнала того мужчину, которого Кристер Мальм сфотографировал перед кафе «Копакабана» первого мая.

Моника купила кофе, села в другом конце зала и открыла газету «Дагенс нюхетер». Свои дела Мортенссон с компаньоном обсуждали тихо, она не могла разобрать ни слова. Достав мобильный телефон, она притворилась, что разговаривает, хотя нужды в этом не было — никто из

мужчин на нее не смотрел. При помощи телефона Моника сделала два снимка, понимая, что они будут иметь разрешение 72 и, следовательно, окажутся плохого качества, зато пригодятся для доказательства того, что встреча имела место.

Примерно через пятнадцать минут блондин поднялся и покинул кафе. Моника Фигуэрола выругалась про себя. Почему она не осталась снаружи? Она бы узнала его, когда он выходил из здания. Ей хотелось встать и немедленно броситься в погоню, но Мортенссон спокойно сидел на месте, допивая кофе, и Моника предпочла не привлекать к себе внимание преследованием его неизвестного компаньона.

Секунд через сорок Мортенссон встал и пошел в туалет. Как только за ним закрылась дверь, Моника Фигуэрола вскочила и твердым шагом вышла на Кунгсгатан. Она прошла вперед и назад, но блондин уже успел скрыться.

Она наугад побежала к перекрестку со Свеавеген, но нигде его не увидела и кинулась в метро. Бесполезно.

Когда Моника вернулась обратно к Кунгстурнет, Мортенссон тоже исчез.

Возвратившись в окрестности «Котелка Самира», где она накануне вечером оставила свою машину «БМВ», Эрика Бергер крепко выругалась.

Машина была на месте, однако ночью кто-то проколол все четыре колеса. Сволочи проклятые, ругнулась она про себя, закипая от ярости.

Особого выбора у нее не было. Эрика позвонила в службу эвакуации и объяснила положение дел. Ждать она не могла и поэтому засунула ключи от машины в выхлопную трубу, чтобы эвакуаторы могли попасть внутрь, потом дошла до площади Мариаторгет и остановила такси.

Лисбет Саландер зашла на страницу Республики хакеров и, обнаружив, что Чума находится в Сети, кинула ему весточку. Он тут же отозвался.

Привет, Оса. Как дела в больнице?

Более или менее. Мне требуется твоя помощь.

Господи!

Никак не думала, что придется об этом просить.

Должно быть, дело серьезное.

Йоран Мортенссон, живет в Веллингбю. Мне нужен доступ к его компьютеру.

О'кей.

Весь материал надо пересылать Микаэлю Блумквисту из «Миллениума».

Я это устрою.

«Старший брат» контролирует телефон Калле Блумквиста и, вероятно, его электронную почту. Посылай материал на его адрес на hotmail.

О'кей.

Если я окажусь недоступна, Блумквисту потребуется твоя помощь. Надо, чтобы у него была возможность с тобой связаться.

Хм.

Он немного прямолинеен, но ты можешь на него полагаться.

Хм.

Сколько ты хочешь?

Чума на несколько секунд замолчал.

Это связано с твоей ситуацией?

Да.

Это может тебе помочь?

Да.

Тогда ничего не надо.

Спасибо. Но не в моих правилах оставаться в долгу. Мне будет нужна твоя помощь вплоть до суда. Я заплачу 30 000.

У тебя есть деньги?

Есть.

О'кей.

Пожалуй, нам понадобится Троица. Думаешь, ты сможешь заманить его в Швецию?

Для чего?

Для того, на чем он собаку съел. Я заплачу ему стандартный гонорар + расходы.

О'кей. Кого?

Она объяснила, что требуется сделать.

В пятницу утром явно озабоченный доктор Андерс Юнассон любезно посмотрел на явно раздраженного инспектора уголовной полиции Ханса Фасте, сидевшего по другую сторону письменного стола.

— Сожалею, — сказал Андерс Юнассон.

— Я ничего не понимаю. Я думал, что Саландер поправилась. Я приехал в Гётеборг, отчасти чтобы ее допросить, а отчасти чтобы подготовить ее перевод в камеру в Стокгольме, где ей самое место.

— Сожалею, — повторил Андерс Юнассон. — Я бы с большим удовольствием от нее отделался, поскольку, честно говоря, лишних палат у нас нет. Но...

— А может, она симулирует?

Андерс Юнассон засмеялся.

— Не думаю, что такое возможно. Вы должны понять следующее. Лисбет Саландер прострелили голову. Я извлек у нее из головного мозга пулю, и выживет она или нет, было тогда почти лотереей. Она выжила, и прогноз был исключительно благоприятным... настолько, что мы с коллегами уже подготовились ее выписывать. А вчера произошло явное ухудшение. Она жаловалась на сильную головную боль, и у нее внезапно поднялась температура, которая теперь скачет. Вчера у нее было тридцать восемь, и ее дважды тошнило. За ночь температура упала и стала почти нормальной, и я подумал, что это какая-то случайность. Однако когда я осматривал Саландер сегодня утром, у нее было почти тридцать девять, а это серьезно. Сейчас температура опять немного понизилась.

— И в чем же дело?

— Не знаю, но колебания температуры говорят о том, что это не грипп или нечто подобное. С чем именно это связано, я сказать не могу, но, возможно, у нее просто аллергия на какое-нибудь лекарство или на что-то другое, с чем она вступала в контакт.

Он открыл на компьютере снимок и повернул экран к Хансу Фасте.

— Я затребовал рентген головы. Как видите, непосредственно возле места ранения имеется затемнение. Я не могу определить его происхождение. Это может быть рубец, образовавшийся в процессе заживления, а может быть и небольшое кровоизлияние. Но пока мы не выясним, в чем дело, я ее не выпущу, как бы мне того ни хотелось.

Ханс Фасте огорченно кивнул. Спорить с врачами не имело смысла, поскольку они властвуют над жизнью и смертью и являются чуть ли не главными представителями Бога на земле. Возможно, за исключением полицейских. Во всяком случае, чтобы определить, в насколько тяжелом состоянии пребывает Лисбет Саландер, ему не хватало компетентности.

— И что теперь будет?

— Я прописал ей полный покой и отмену физиотерапии — ей необходима лечебная гимнастика из-за пулевых ранений плеча и бедра.

— О'кей... мне надо позвонить в Стокгольм, прокурору Экстрёму. Это явилось для нас некоторым сюрпризом. Что я могу ему сказать?

— Два дня назад я был готов согласиться на ее перевод, например, в конце этой недели. При теперешних обстоятельствах придется еще немного повременить. Можете подготовить его к тому, что я едва ли смогу принять решение в течение следующей недели, и не исключено, что пройдет еще недели две, прежде чем вам позволят перевезти ее в тюрьму в Стокгольм. Все будет зависеть только от ее состояния.

— Суд назначен на июль...

— Если не произойдет ничего непредвиденного, она встанет на ноги еще задолго до этого.

Инспектор уголовной полиции Ян Бублански с подозрением разглядывал мускулистую женщину по другую сторону столика. Они сидели в уличном кафе на Северной набережной озера Меларен и пили кофе. Дело происходило 20 мая, и воздух казался по-летнему теплым. Она поймала его в пять часов, когда он уже собирался уходить домой, представилась, предъявив удостоверение на имя Моника Фигуэрола из ГПУ/Без, и предложила побеседовать за чашечкой кофе.

Поначалу Бублански держался замкнуто и неприветливо. Через несколько минут она, посмотрев ему в глаза, сказала, что не имеет официального задания его соблазнить и что если он не хочет, то у него, естественно, есть полное право ничего ей не говорить. Он спросил, какое у нее дело, и она чистосердечно рассказала, что начальник поручил ей неофициально составить представление о том, где правда, а где фальсификация в так называемой истории Залаченко, которую иногда также именуют историей Саландер. Заодно пояснила, что, возможно, даже не вправе задавать ему вопросы, и отвечать на них или нет — решать ему.

— Что вы хотите узнать? — спросил в конце концов Бублански.

— Расскажите, что вам известно о Лисбет Саландер, Микаэле Блумквисте, Гуннаре Бьёрке и Александре Залаченко. Как они взаимосвязаны?

Они проговорили более двух часов.

Торстен Эдклинг долго и обстоятельно размышлял над тем, что делать дальше. После пяти дней расследования Моника Фигуэрола предъявила ему ряд несомненных доказательств того, что в ГПУ/Без творится что-то невероятное. Он понимал, что, пока не соберет достаточное количество материала, действовать надо осторожно. В сложившейся ситуации у него самого руки оказались в определенном смысле связаны конституцией, поскольку он не имел полномочий проводить оперативные действия, особенно в отношении собственных сотрудников.

Следовательно, ему требовалось найти некую формулу, делающую принимаемые им меры законными. В кризисной ситуации он всегда мог сослаться на свое полицейское удостоверение — ведь расследование преступлений являлось долгом полицейского, — но данное преступление было столь деликатного свойства и столь тесно связано с конституционными правами граждан, что один неверный шаг — и его,

скорее всего, выгонят с работы.

Всю пятницу он провел в размышлениях, запершись у себя в кабинете, и в результате пришел к выводу, что Драган Арманский прав, каким бы неправдоподобным это ни казалось. Внутри ГПУ/Без существовал заговор группы лиц, действовавших за рамками обычной работы или параллельно с ней. Поскольку их деятельность продолжалась много лет — по меньшей мере с 1976 года, когда в Швецию прибыл Залаченко, — она явно была хорошо организована и имела надежное прикрытие сверху. Насколько высоко тянулись связи заговорщиков, Эдклинт представления не имел.

Он вывел в блокноте три имени.

Йоран Мортенссон, личная охрана. Инспектор уголовного розыска.

*Гуннар Бьёрк, зам. начальника иностранного отд.
Умер. (Самоубийство?)*

Альберт Шенке, начальник канцелярии, ГПУ/Без.

Моника Фигуэрола сделала вывод, что Мортенссона перевели из личной охраны якобы в контрразведку, где он на самом деле не появился, как минимум с ведома начальника канцелярии. И занимается Мортенссон слежкой за журналистом Микаэлем Блумквистом, что не имеет никакого отношения к контрразведке.

К списку следовало добавить еще два имени, не из ГПУ/Без.

Петер Телеборьян, психиатр.

Ларс Фаульссон, слесарь по замкам.

Телеборьяна несколько раз приглашали в ГПУ/Без в качестве консультанта по вопросам психиатрии, в конце 80-х и в начале 90-х годов. Строго говоря, приглашали его трижды, и Эдклинт ознакомился в архиве с соответствующими отчетами. Первый случай был экстраординарным: контрразведка вычислила в шведской телеиндустрии русского информатора, и его биография внушала опасения, что в случае разоблачения он может решиться на самоубийство. Телеборьян провел исключительно хороший анализ, показавший, что информатора можно превратить в двойного агента. В остальных двух случаях Телеборьяна привлекали по куда менее важным поводам: в связи с алкогольными проблемами одного сотрудника ГПУ/Без и со странным сексуальным поведением дипломата из одной африканской страны.

Однако ни Телеборьян, ни Фаульссон — в особенности Фаульссон — не занимали в ГПУ/Без никаких должностей. Тем не менее их деятельность имеет отношение к... к чему?

Заговор самым непосредственным образом связан со скончавшимся Александром Залаченко — перебежавшим агентом русского ГРУ, который, согласно данным, прибыл в Швецию в день выборов 1976 года. И о котором никто никогда не слышал. Как такое возможно?

Эдклинг попытался представить себе, как могли бы развиваться события, будь он сам каким-нибудь начальником в ГПУ/Без в 1976 году, когда перебежал Залаченко. Как бы он поступил? Полная секретность, без этого никак. О перебежчике должен знать только самый узкий круг, иначе информация могла бы просочиться обратно к русским и... Насколько узкий круг?

Оперативный отдел?

Неизвестный оперативный отдел?

Будь все по правилам, Залаченко должен был оказаться в ведении контрразведки. А еще лучше — военной разведки, но там не имели ни ресурсов, ни компетенции для ведения такого рода оперативной деятельности. Значит, СЭПО.

Но в отдел контрразведки он так и не попал. Ключевой фигурой является Бьёрк — он явно был одним из тех, кто занимался Залаченко. Но к контрразведке он никогда отношения не имел. Бьёрк — это загадка. Формально он с 70-х годов числился в отделе по работе с иностранцами, но на самом деле там почти не показывался до 90-х годов, когда внезапно стал заместителем начальника.

К тому же Бьёрк — главный источник информации Блумквиста. Как Блумквисту удалось заставить Бьёрка раскрыть такую взрывоопасную тайну, да еще и журналисту?

Все из-за шлюх. Бьёрк бегал по малолетним проституткам, и «Миллениум» собирался его разоблачить. Вероятно, Блумквист шантажировал Бьёрка.

Потом к делу примешивается Лисбет Саландер.

Покойный адвокат Нильс Бьурман трудился в отделе по работе с иностранцами одновременно с Бьёрком, к ним и обратился Залаченко. Но как они поступили?

Требовалось чье-то решение. В отношении перебежчика такого масштаба распоряжение должно было прийти с самого верха.

Из правительства. Без поддержки им было не обойтись. Иначе просто немыслимо.

Или?

Эдклинт почувствовал, как по коже побежали мурашки. Формально все понятно. В отношении перебежчика масштаба Залаченко необходимо поддерживать режим максимальной секретности. Он бы так решил и сам. Вероятно, так решило и правительство Фельдина. Это совершенно правильно.

Однако произошедшее в 1991 году ни под какие правила не подпадало. Бьёрк прибег к помощи Петера Телеборьяна, чтобы запереть Лисбет Саландер в детской психиатрической больнице под предлогом того, что она психически больна. Это уже преступление, причем настолько тяжкое, что у Эдклинта вновь побежали мурашки.

Кто-то ведь должен был принимать решения. На этот раз речь о правительстве идти просто не могла... Премьер-министром тогда был Ингвар Карлссон, а за ним Карл Бильдт. Ни один политик не осмелился бы даже подумать о шаге, идущем вразрез со всеми законами и справедливостью и грозящем, в случае выхода наружу, вылиться в грандиозный скандал.

Если тут замешано правительство, то Швеция ничуть не лучше любой диктатуры мира.

Этого быть не может.

А дальше — события в Сальгренской больнице 12 апреля. Залаченко так кстати убивает психически больной борец за справедливость в тот самый миг, когда вскрывают квартиру Микаэля Блумквиста и нападают на Аннику Джаннини. В обоих случаях похищают странный отчет Гуннара Бьёрка от 1991 года. Эту информацию абсолютно off the record^[44] сообщил Драган Арманский. Заявления в полицию не подавались.

И одновременно с этим берет и вешается Гуннар Бьёрк — человек, которого Эдклинту больше всех хотелось бы вызвать для серьезного разговора.

В такую длинную цепь совпадений Торстен Эдклинт не верил. Инспектор уголовной полиции Ян Бублански тоже не верит, что это случайность. Не верит и Микаэль Блумквист. Эдклинт снова схватился за фломастер.

Эверт Гульберг, 78 лет. Юрист-налоговик. ???

Черт побери, кто же такой Эверт Гульберг?

Он уже собрался позвонить руководителю ГПУ/Без, но передумал по той простой причине, что не знал, как высоко внутри организации

распространяется заговор. Короче говоря, он не знал, на кого может полагаться.

Отвергнув возможность обращения к кому-нибудь внутри ГПУ/Без, он стал думать, не обратиться ли ему к обычной полиции. Ян Бублански руководит расследованием дела Рональда Нидермана и, конечно, был бы заинтересован в любой сопутствующей информации. Но это невозможно по чисто политическим соображениям.

Он ощущал, что на его плечи навалилась огромная тяжесть.

Под конец остался только один вариант, который казался конституционным и, возможно, защитил бы его, попади он в дальнейшем в немилость. Ему надо обратиться к *начальнику* и заручиться политической поддержкой своих действий.

Эдклинт посмотрел на часы — около четырех дня. Он поднял трубку и позвонил министру юстиции, которого знал уже несколько лет и с которым встречался на разных заседаниях в министерстве. Не прошло и пяти минут, как его соединили.

— Здравствуйте, Торстен, — поприветствовал его министр юстиции. — Мы давно не общались. В чем ваше дело?

— Честно говоря, я, вероятно, звоню для того, чтобы узнать, насколько вы мне доверяете.

— Доверяю? Забавный вопрос. Что до меня, то доверяю полностью. Чем вызван такой вопрос?

— Он вызван огромной, экстраординарной просьбой... Мне необходимо встретиться с вами и премьер-министром, и срочно.

— Опля.

— С вашего разрешения я предпочел бы подождать с объяснениями до того, как мы сможем говорить с глазу на глаз. У меня на столе есть дело, настолько заслуживающее внимания, что я считаю необходимым проинформировать и вас, и премьер-министра.

— Звучит серьезно.

— Это действительно серьезно.

— Это как-то связано с террористами и угрозами...

— Нет. Дело еще серьезнее. Обращаясь к вам с такой просьбой, я ставлю на карту свою репутацию и карьеру. Я бы не завел этот разговор, если бы не считал ситуацию настолько серьезной.

— Понятно. Отсюда и вопрос о доверии... Как скоро вам надо встретиться с премьер-министром?

— Если возможно, прямо сегодня вечером.

— Я начинаю волноваться.

— К сожалению, у вас есть для этого повод.

— Сколько времени займет встреча?

Эдклинт подумал.

— На суммирование всех деталей, вероятно, потребуется час.

— Я вам перезвоню.

Министр юстиции перезвонил в течение пятнадцати минут и сообщил, что премьер-министр сможет принять Торстена Эдклинта у себя дома в 21.30. Когда Эдклинт опускал трубку, руки у него были влажными. *О'кей... завтра утром с моей карьерой, возможно, будет покончено.*

Он снова поднял трубку и позвонил Монике Фигуэроле.

— Привет, Моника. Ты должна сегодня вечером в двадцать один ноль-ноль явиться на службу. Оденься получше.

— Я всегда хорошо одета, — сказала Моника Фигуэрола.

Премьер-министр смотрел на начальника отдела охраны конституции взглядом, который, скорее всего, следовало расценивать как недоверчивый. У Эдклинта возникло ощущение, что за стеклами очков премьер-министра с огромной скоростью вращаются шестеренки.

Премьер-министр перевел взгляд на Моника Фигуэролу, за время часового доклада ни разу не открывшую рта. Он увидел необычайно высокую, мускулистую женщину, которая смотрела на него почтительными, полными надежд глазами. Потом повернулся к министру юстиции, несколько побледневшему от всего услышанного.

Под конец премьер-министр глубоко вздохнул, снял очки и надолго устремил взгляд куда-то вдаль.

— Думаю, нам надо налить еще кофе, — наконец сказал он.

— Да, спасибо, — откликнулась Моника Фигуэрола.

Эдклинт кивнул, и министр юстиции налил им кофе из стоявшего на столе термоса.

— Позвольте мне обобщить, чтобы быть уверенным, что я вас правильно понял, — сказал премьер-министр. — Вы подозреваете, что внутри Службы государственной безопасности существует группа заговорщиков, действия которой выходят за рамки их конституционных обязанностей, и что данная группа в течение ряда лет занималась чем-то, что может быть расценено как преступная деятельность.

Эдклинт кивнул.

— И вы пришли ко мне, поскольку не доверяете руководству Службы государственной безопасности?

— В общем, да, — ответил Эдклинт. — Я решил обратиться прямо к

вам, поскольку деятельность такого рода противоречит конституции, но я не знаю цели заговора и не уверен, все ли я правильно понимаю. Возможно, сама деятельность легитимна и санкционирована правительством. В таком случае я рискую совершить действия, основанные на ошибочной или неверно понятой информации, и тем самым сорвать проводимую тайную операцию.

Премьер-министр посмотрел на министра юстиции. Оба понимали, что Эдклинт подстраховывается.

— Я ни о чем подобном не слышал. Вам об этом что-нибудь известно?

— Абсолютно ничего, — ответил министр юстиции. — Ни в одном из известных мне отчетов Службы государственной безопасности нет ничего, что бы на это указывало.

— Микаэль Блумквист считает, что это какая-то фракция внутри СЭПО. Он называет ее «Клуб Залаченко».

— Я даже никогда не слышал о том, что Швеция приняла и содержала русского перебежчика такого масштаба... Значит, он перебежал во времена правительства Фельдина...

Эдклинт откашлялся.

— Буржуазное правительство передало бразды правления Улофу Пальме. Не секрет, что кое у кого из моих предшественников в ГПУ/Без сложилось о Пальме специфическое представление...

— Вы хотите сказать, что кто-то забыл проинформировать социал-демократическое правительство?

Эдклинт кивнул.

— Я хочу напомнить, что Фельдин занимал свою должность два срока. Оба раза правительство раскалывалось. Сперва Фельдина в семьдесят девятом году сменил Ула Ульстен, с правительством меньшинства. Потом правительство еще раз раскололось, когда его покинули умеренные, и Фельдин правил вместе с Народной партией. Можно предположить, что при этих передачах власти в Объединенной администрации министерств царил некоторый беспорядок. Не исключено даже, что о Залаченко знал такой узкий круг, что премьер-министр Фельдин просто не располагал достаточной информацией и ему нечего было передавать Пальме.

— На ком же тогда лежит ответственность? — спросил премьер-министр.

Все, кроме Моники Фигуэролы, помотали головами в знак неведения.

— Предполагаю, что это неизбежно просочится в СМИ, — сказал премьер-министр.

— Микаэль Блумквист и «Миллениум» выступят с публикациями.

Иными словами, мы вынуждены что-то предпринять.

Эдклинт намеренно употребил слово «мы». Премьер-министр кивнул — он понимал серьезность ситуации.

— Для начала я хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли ко мне с этим делом с такой поспешностью. Обычно я по первому требованию людей не принимаю, но министр юстиции сказал, что вы — человек разумный и что наверняка произошло нечто экстраординарное, если вы просите о встрече не по обычным каналам.

Эдклинт немного перевел дух. Что бы ни случилось, гнев премьер-министра на него не обрушится.

— Теперь нам надо просто решить, что с этим делать. У вас имеются какие-нибудь предложения?

— Возможно, — уклончиво ответил Эдклинт.

Он замолчал так надолго, что Моника Фигуэрола кашлянула.

— Можно мне сказать?

— Пожалуйста, — ответил премьер-министр.

— Если правительству об этой операции неизвестно, она незаконна. В таком случае ответственный за нее человек является преступником — то есть тот или те государственные служащие, которые превысили свои полномочия. Если мы получим подтверждение всем заявлениям Микаэля Блумквиста, значит, какая-то группа сотрудников ГПУ/Без занимается уголовной деятельностью. Тогда проблема распадается на две части.

— Что вы имеете в виду?

— Во-первых, надо ответить на вопрос, как такое стало возможным. Кто за это ответствен? Как внутри уважаемой полицейской организации мог возникнуть подобный заговор? Хочу напомнить, что сама работаю в ГПУ/Без и горжусь этим. Как это могло так долго продолжаться? Каким образом их деятельность удавалось скрывать и финансировать?

Премьер-министр кивнул.

— На эту тему еще будут писаться книги, — продолжала Моника Фигуэрола. — Но ясно одно: должно осуществляться финансирование, и речь идет о нескольких миллионах крон ежегодно, по меньшей мере. Я просмотрела бюджет Службы государственной безопасности и не нашла там никакой статьи, которую можно приписать «Клубу Залаченко». Но, как вам известно, существуют кое-какие скрытые фонды, информация о которых есть у начальника канцелярии и финансового директора, но недоступна мне.

Премьер-министр мрачно кивнул. Почему СЭПО вечно так трудно управлять?

— Во-вторых, требуется выяснить, кто в этом замешан. Или, точнее, каких людей следует арестовать.

Премьер-министр выпятил губы.

— На мой взгляд, все эти вопросы зависят от того решения, которое вы в ближайшие минуты примете.

Торстен Эдклинг затаил дыхание. Если бы он мог ударить Монику Фигуэролу ногой по щиколотке, он бы это сделал. Она внезапно подорвала всю риторику, прямо заявив, что премьер-министр несет личную ответственность. Эдклинг сам собирался подвести к этому выводу, только долгим, дипломатичным путем.

— Какое же решение, вы считаете, я должен принять? — поинтересовался премьер-министр.

— С нашей стороны интерес у нас один. Я проработала в отделе охраны конституции три года и считаю, что данное дело имеет важнейшее значение для шведской демократии. В последние годы Служба государственной безопасности держалась в рамках конституции. Я, естественно, не хочу, чтобы скандал отразился на ГПУ/Без. Для нас важно подчеркнуть, что речь идет о преступной деятельности отдельных индивидов.

— Деятельность такого рода, разумеется, не санкционирована правительством, — сказал министр юстиции.

Моника Фигуэрола кивнула и на несколько секунд задумалась, а потом добавила:

— С вашей стороны, думаю, важно, чтобы скандал не отразился на правительстве, что произойдет, если правительство попытается скрыть эту историю.

— Правительство не имеет привычки скрывать преступную деятельность, — ответил министр юстиции.

— Да, но давайте гипотетически предположим, что правительство захочет это сделать. В таком случае разразится скандал невиданного масштаба.

— Продолжайте, — предложил премьер-министр.

— В настоящее время ситуация усугубляется тем, что нам, в отделе охраны конституции, для расследования этой истории приходится заниматься сомнительной в правовом отношении деятельностью. Мы хотим, чтобы все было законно, с юридической и конституционной точки зрения.

— Мы все этого хотим, — заявил премьер-министр.

— В таком случае я предлагаю, чтобы вы как премьер-министр отдали

распоряжение отделу охраны конституции как можно скорее распутать этот клубок. Дайте нам письменное поручение и наделите нас необходимыми полномочиями.

— Я не уверен, что ваше предложение законно, — усомнился министр юстиции.

— Нет, оно законно. Правительство наделено властью принимать далеко идущие меры в случае, если существует угроза изменения конституции нелегитимным образом. Если группа военных или полицейских начинает проводить самостоятельную внешнюю политику, то в стране де-факто имеет место государственный переворот.

— Внешнюю политику? — спросил министр юстиции.

Премьер-министр вдруг кивнул.

— Залаченко был перебежчиком из иностранной державы, — напомнила Моника Фигуэрола. — Информация, которую он сообщал, по сведениям Микаэля Блумквиста, передавалась зарубежным разведкам. Если это делалось без ведома правительства, значит, имел место государственный переворот.

— Ваша позиция мне понятна. — Премьер-министр кивнул. — Теперь позвольте мне изложить мою.

Поднявшись, он прошелся вокруг стола и остановился перед Эдклинтом.

— У вас талантливая сотрудница. И к тому же она говорит без обиняков.

Эдклинт сглотнул и кивнул. Премьер-министр обратился к министру юстиции.

— Позвоните госсекретарю и директору правового департамента. К завтрашнему утру мне нужен документ, дающий отделу охраны конституции экстраординарные полномочия для действий по данному делу. Отделу поручается определить степень справедливости обсужденных нами утверждений, собрать документацию о масштабах дела, а также установить, какие люди за него ответственны или в нем замешаны.

Эдклинт еще раз кивнул.

— Документ не должен содержать поручения проводить предварительное следствие — возможно, я ошибаюсь, но думаю, что назначать руководителя предварительного следствия в такой ситуации имеет право только генеральный прокурор. Однако я могу дать вам поручение провести собственное расследование с целью выяснения правды. Следовательно, вы готовите отчет правительственной комиссии. Это понятно?

— Да. Но я хотел бы подчеркнуть, что являюсь в прошлом прокурором.

— Хм. Мы попросим директора правового департамента разобраться и точно определить, как это должно выглядеть в формальном отношении. В любом случае вы несете за данное расследование персональную ответственность. Необходимых сотрудников подберете себе сами. Если вы обнаружите доказательства преступной деятельности, вам следует передать эту информацию генеральному прокурору, который уже будет принимать решение о возбуждении судебного преследования.

— Мне надо проверить, как именно полагается действовать, но думаю, вы должны проинформировать спикера и конституционную комиссию Риксдага... Сведения просочатся быстро, — сказал министр юстиции.

— Иными словами, нам надо работать без задержек, — ответил премьер-министр.

— Хм, — произнесла Моника Фигуэрола.

— Что? — спросил премьер-министр.

— Остаются две проблемы. Во-первых, публикация «Миллениума» может столкнуться с нашим расследованием, а во-вторых, через несколько недель начнется процесс над Лисбет Саландер.

— Мы можем узнать, когда «Миллениум» собирается давать публикацию?

— Можно попробовать спросить, — предложил Эдклинт. — Последнее, чего бы нам хотелось, это вмешиваться в деятельность СМИ.

— Что касается этой девушки, Саландер... — начал министр юстиции. Он немного подумал. — Ужасно, если она действительно подверглась таким противозаконным действиям, как утверждает «Миллениум»... Неужели такое возможно?

— Боюсь, что да, — ответил Эдклинт.

— В таком случае мы должны проследить за тем, чтобы ее восстановили в правах, и, главное, чтобы она не стала жертвой новых правонарушений, — заметил премьер-министр.

— А каким образом? — поинтересовался министр юстиции. — Правительство ни при каких обстоятельствах не может вмешиваться в вопрос о возбуждении судебного преследования. Это было бы нарушением закона.

— Может, нам поговорить с прокурором...

— Нет, — возразил Эдклинт. — Будучи премьер-министром, вы не имеете права каким-либо образом оказывать влияние на юридический процесс.

— Иными словами, Саландер придется предстать перед судом, — сделал вывод министр юстиции. — Только если она проиграет процесс и подаст протест в правительство, правительство сможет включиться и помиловать ее или дать распоряжение генеральному прокурору проверить, имеются ли основания для нового процесса.

Потом он добавил еще одно:

— Но это лишь в случае, если ее приговорят к тюремному заключению. Если же ее решат поместить в закрытое психиатрическое учреждение, правительство ничего сделать не сможет. Это медицинский вопрос, а премьер-министр не обладает компетенцией решать, здорова она или нет.

В десять часов вечера в пятницу Лисбет Саландер услышала, что в дверь вставляют ключ. Она немедленно выключила карманный компьютер и сунула его под подушку. Подняв взгляд, она увидела, как Андерс Юнассон закрывает за собой дверь.

— Добрый вечер, фрёкен Саландер, — поздоровался он. — Как мы себя чувствуем сегодня вечером?

— У меня раскалывается голова и явно есть температура, — ответила Лисбет.

— Звучит неважно.

Но выглядела Лисбет Саландер не слишком измученной температурой или головной болью. Десять минут доктор Андерс Юнассон посвятил ее осмотру и обнаружил, что к вечеру температура снова сильно поднялась.

— Очень досадно, что это обрушилось на нас, как раз когда ты в последние недели стала так успешно поправляться. Теперь я, к сожалению, еще недели две не смогу тебя выписать.

— Двух недель должно хватить.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

Расстояние между Лондоном и Стокгольмом, если ехать на автомобиле, при грубом подсчете составляет 1800 километров, для преодоления которых теоретически требуется примерно двадцать часов. На самом же деле около двадцати часов ушло только на то, чтобы достичь границы между Германией и Данией. Небо затянули свинцовые грозовые тучи, и, когда мужчина, которого называли Троицей, в понедельник оказался посреди моста через Эресунд, хлынул дождь. Троица сбавил скорость и включил дворники.

Езда по европейским странам на машине представлялась Троице

кошмаром, поскольку континентальная Европа упорно ездил по неправильной стороне дороги. Он уложил вещи в фургон в субботу утром, переправился на пароме от Дувра до Кале, а потом пересек Бельгию через Льеж, затем переехал немецкую границу возле Ахена и по автобану двинулся на север, к Гамбургу и дальше, в Данию.

Его компаньон Боб Собака дремал на заднем сиденье. Они вели машину по очереди и, исключая часовые остановки в придорожных кафе, стабильно ехали со скоростью километров девяносто в час. Фургону было восемнадцать лет, и передвигаться быстрее он просто не мог.

Существовал более простой способ добраться от Лондона до Стокгольма, но ввезти в Швецию около тридцати килограммов электронного оборудования на обычном самолете, к сожалению, представлялось едва ли возможным. А при поездке по земле они пересекли шесть государственных границ, но ни один таможенник или паспортный контроль их не остановил. Троица был горячим сторонником ЕС, правила которого упрощали ему визиты на континент.

Троице было тридцать два года, родился он в городе Брэдфорде, но с детства жил в северной части Лондона. Формально у него было плохое образование — профессиональное училище, откуда он в девятнадцать лет вышел с дипломом техника телевизионного оборудования и три года действительно проработал наладчиком в «Бритиш телеком».

На самом же деле он обладал теоретическими знаниями по электронике и компьютерной технике, которые позволили бы ему с легкостью заткнуть за пояс любого сноба-профессора. Троица сроднился с компьютерами еще в десятилетнем возрасте и впервые взломал компьютер, когда ему было тринадцать. Войдя во вкус, он настолько преуспел, что к шестнадцати годам уже соперничал с лучшими хакерами мира. Был период, когда он проводил за монитором каждую свободную минуту — писал собственные программы и размещал в Сети каверзные ловушки. Он сделался своим человеком в Би-би-си, в английском министерстве обороны и в Скотланд-Ярде. Ему удалось даже ненадолго взять на себя командование британской атомной подводной лодкой, патрулировавшей в Северном море. К счастью, Троица принадлежал скорее к категории любопытных, нежели злобных сетевых мародеров. Он терял интерес, как только вламывался и получал доступ к компьютеру и сканировал его тайны. Максимум, что он себе позволял, и то не часто, это пошутить: например, устроить так, чтобы в ответ на запрос об указании позиции компьютер атомной подводной лодки предложил капитану подтереть себе задницу. Последний инцидент явился причиной ряда кризисных совещаний в

министерстве обороны, и задним числом Троица стал понимать, что если государство всерьез угрожает хакерам длительными сроками тюремного заключения, то хвастаться своими способностями, вероятно, не лучшая идея.

Он выучился на телевизионного техника, поскольку уже знал, как работает телефонная сеть, потом пришел к выводу, что она безнадежно устарела, и переквалифицировался в частного консультанта по охране — устанавливал системы сигнализации и контролировал их работу. Избранным клиентам он мог еще предлагать такие изыски, как наблюдение и прослушивание телефонов.

Троица был одним из основателей Республики хакеров. А Оса — одним из ее граждан.

Когда они с Бобом Собакой приближались к Стокгольму в воскресенье вечером, было половина восьмого. Проехав комплекс «ИКЕА» при торговом центре «Кунгенс кюрва» в пригородном районе Шерхольмен, Троица открыл мобильный телефон и вызвал записанный там номер.

— Чума, — сказал Троица.

— Вы где?

— Ты сказал, чтобы я позвонил, как проеду «ИКЕА».

Чума описал дорогу к турбазе на острове Лонгхольмен, где он забронировал коллегам из Англии комнату. Поскольку Чума почти никогда не выходил из квартиры, они условились на следующий день встретиться у него дома в десять утра.

Немного поразмыслив, Чума решился на титанический труд — к приходу гостей помыть посуду, прибраться и проветрить квартиру.

Часть 3

Диск поврежден

27 мая — 6 июня

Историк Диодор Сицилийский (которого остальные историки считают ненадежным источником), I век до нашей эры, описывает амазонок в Ливии — в то время это было собирательным наименованием всей Северной Африки, к западу от Египта. Это амазонское государство являлось гинеκραцией, то есть занимать официальные посты, включая военные, в нем имели право только женщины. Согласно мифу, правила государством королева Мирина, которая во главе 30 000 солдат-женщин и 3000 женщин-кавалеристов пронеслась по Египту и Сирии до Эгейского моря, разбив на своем пути несколько армий, укомплектованных мужчинами. Когда

королева Мирина
погибла, ее армию
разогнали.

Однако армия
Мирины оставила свой
след в этих краях.
Женщины Анатолии
взялись за оружие,
чтобы отразить
нападение с Кавказа,
когда солдат-мужчин
уничтожили во время
масштабного геноцида.
Эти женщины
научились владеть
любыми видами
оружия, в частности
луками, копьями,
секирами и пиками.
Идею кольчуг и доспехов
они позаимствовали у
греков.

Они отвергали
брак как проявление
покорности. Для
зачатия детей их
освобождали от
службы на некоторое
время, в течение
которого они
совокуплялись со
случайными
анонимными
мужчинами из
близлежащих деревень.
Отдать свою
невинность позволялось
только женщине,
убившей в бою

мужчину.

Глава

16

Пятница, 27 мая — вторник, 31 мая

В пятницу Микаэль Блумквист покинул редакцию «Миллениума» в половине одиннадцатого вечера. Он спустился по лестнице на первый этаж, но вместо того, чтобы выйти на улицу, свернул налево и прошел по подвальному этажу во внутренний двор, а оттуда через соседний дом на Хёкенсгата. Ему встретилась группа молодежи, шедшая из развлекательного центра «Мусебакке», но никто не обратил на него никакого внимания. Наблюдатель должен был думать, что Микаэль, как обычно, ночует в редакции «Миллениума», взяв это за правило еще в апреле. На самом же деле ночную вахту в редакции сегодня нес Кристер Мальм.

Минут пятнадцать Микаэль кружил по маленьким улочкам и пешеходным дорожкам вокруг «Мусебакке», а потом направился к дому № 9 по Фискаргатан. Он набрал требуемый код, открыл парадную, поднялся по лестнице на верхний этаж и воспользовался ключами Лисбет Саландер, чтобы попасть в ее квартиру. Затем отключил сигнализацию. Он всегда испытывал растерянность, входя в квартиру Лисбет Саландер, состоявшую из двадцати одной комнаты, только три из которых были обставлены.

Для начала он сварил кофе и приготовил бутерброды, а потом пошел в кабинет Лисбет и включил ее ноутбук.

С того момента, когда у него в начале апреля украли отчет Бьёрка и он понял, что за ним следят, Микаэль оборудовал в квартире Лисбет личный штаб и перенес к ней на письменный стол всю важную документацию. Здесь он проводил несколько ночей в неделю — спал в ее постели и работал на ее компьютере. Отправляясь в Госсебергу разбираться с Залаченко, Лисбет уничтожила в компьютере всю информацию, и Микаэль предполагал, что она, вероятно, не планировала возвращаться. Он воспользовался ее системными дисками, чтобы привести компьютер в рабочее состояние.

Начиная с апреля он даже ни разу не подключал интернет-кабель к своему компьютеру. Подсоединившись к кабелю Лисбет, он запустил программу ICQ и вызвал адрес, который она для него создала и сообщила через yahoo «Stolliga_Bordet».

Привет, Салли.

Рассказывай.

Я переработал две главы, которые мы обсуждали на неделе. Новая версия лежит на Yahoo. Как твои дела?

Готовы семнадцать страниц. Сейчас положу их на Stolliga Bordet.

О'кей. Получил. Я прочту, и поговорим.

У меня кое-что еще.

Что?

Я создала еще одну группу на Yahoo под рубрикой Riddarna — Рыцари.

Микаэль улыбнулся.

О'кей. Рыцари Дурацкого Стола.

Пароль уасагаса 12.

О'кей.

Членов четверо. Ты, я, Чума и Троица.

Твои таинственные сетевые приятели.

Страховка.

О'кей.

Чума скопировал информацию с компьютера прокурора Экстрёма. Мы его взломали в апреле.

О'кей.

Если я лишусь компьютера, Чума будет держать тебя в курсе.

Отлично. Спасибо.

Микаэль отключил ICQ и зашел во вновь созданную на yahoo группу «Riddarna». Там он обнаружил только присланную Чумой ссылку на анонимный http-адрес, состоявший из одних цифр. Микаэль скопировал адрес в Explorer, нажал клавишу ввода и сразу попал на какую-то домашнюю страничку в Интернете, которая содержала шестнадцать гигабайтов, представлявших собой жесткий диск прокурора Рихарда Экстрёма.

Чума явно упростил себе задачу, просто скопировав жесткий диск Экстрёма целиком, из-за чего Микаэлю больше часа пришлось потратить на сортировку его содержимого. Он отбросил системные файлы, программное обеспечение и бесконечное множество предварительных следствий, похоже, проведенных за несколько прошлых лет, и в конце концов скачал четыре папки. Три из них имели рубрики «ПредСл/Саландер», «Ерунда/Саландер» и «ПредСл/Нидерман» соответственно. Четвертая папка представляла собой копию электронных сообщений прокурора Экстрёма вплоть до 14.00 вчерашнего дня.

— Спасибо, Чума, — сказал про себя Микаэль Блумквист.

В течение трех часов он читал материалы предварительного следствия и стратегии Экстрёма в преддверии суда над Лисбет Саландер. Как и можно было предположить, многое строилось вокруг вопросов о ее умственной полноценности и душевном здоровье. Экстрём требовал проведения подробной судебно-психиатрической экспертизы и разослал массу сообщений, призывавших к ее скорейшему переводу в следственный изолятор «Крунуберг».

Поиски Нидермана, как убедился Микаэль, пока, похоже, ничего не дали. Руководителем расследования являлся Бублански. Ему удалось найти кое-какие технические доказательства против Нидермана по делу об убийстве Дага Свенссона и Миа Бергман, а также в деле об убийстве адвоката Бьюрмана. Микаэль Блумквист сам помог сбору большей части этих доказательств во время трех долгих допросов в апреле, и если Нидермана когда-нибудь арестуют, то ему придется выступать в качестве свидетеля. Наконец-то ДНК из нескольких капель пота и двух волосков из квартиры Бьюрмана объединили с ДНК из комнаты Нидермана в

Госсеберге. Та же ДНК была обильно представлена и на останках финансового эксперта «Свавельшё МК» Виктора Йоранссона.

Зато у Экстрёма имелось на удивление мало информации о Залаченко.

Микаэль закурил сигарету, подошел к окну и посмотрел на остров Юргорден.

Экстрём в настоящий момент вел два предварительных следствия, на которые разделили изначально единое дело. Изучением всех вопросов, касавшихся Лисбет Саландер, руководил инспектор Ханс Фасте, Бублански же занимался исключительно Нидерманом.

Со стороны Экстрёма было бы логичным ходом, как только в предварительном следствии возникло имя Залаченко, связаться с генеральным директором Службы государственной безопасности и узнать, кто такой Залаченко на самом деле. Но никаких следов подобных контактов ни в электронной почте Экстрёма, ни в регистрационном журнале или заметках Микаэль не обнаружил. Правда, было очевидно, что какую-то информацию о Залаченко он имел. Среди заметок Микаэль нашел несколько загадочных формулировок.

Отчет о Саландер фальшивка. Оригинал Бьёрка не соответствует варианту Блумквиста. Гриф секретности.

Хм. Далее следовал ряд записей, утверждавших, что Лисбет Саландер параноидальная шизофреничка.

В 1991 году Саландер заперли правильно.

Связь между двумя расследованиями Микаэль обнаружил в разделе «ерунды» насчет Лисбет Саландер, то есть среди той сопутствующей информации, которую прокурор расценил как не относящуюся к делу и, следовательно, не намеревался использовать в судебном процессе или включать в доказательства против Саландер. Сюда входило почти все, касающееся прошлого Залаченко.

Короче, все расследование никуда не годилось.

Микаэль задумался над тем, какая часть из этого случайность, а какая кем-то организована. Где проходит граница? И знает ли Экстрём о существовании некой границы?

Или, может быть, кто-то сознательно снабжает Экстрёма достоверной, но вводящей в заблуждение информацией?

Под конец Микаэль зашел на hotmail и последующие десять минут

посвятил проверке десятка созданных им анонимных почтовых ящиков. Он каждый день обязательно проверял адрес, который дал инспектору уголовной полиции Соне Мудиг, правда, не слишком надеясь, что она проявится. Поэтому он слегка удивился, когда, открыв этот почтовый ящик, нашел там сообщение от «ressallskap9april@hotmail.com». Сообщение состояло из одной строчки.

Кафе «Мадлен», второй этаж, суббота 11.00.

Микаэль Блумквист задумчиво кивнул.

Чума вызывал Лисбет Саландер в ICQ около полуночи, прервав на полуслове ее работу над описанием жизни под опекой Хольгера Пальмгрена. Она раздраженно посмотрела на дисплей.

Что тебе надо?

Привет, Оса, приятно тебя слышать.

Да, да. Что?

Телеборьян.

Она села в кровати и напряженно уставилась на экран компьютера.

Рассказывай.

Троица все устроил в рекордные сроки.

Как?

Психдоктор не сидит на месте. Он все время мотается между Упсалой и Стокгольмом, и hostile takeover^[45] нам никак не организовать.

Знаю. Как?

Он два раза в неделю играет в теннис. Примерно по два часа. Оставил компьютер в машине на подземной

стоянке.

Ага.

Троица без проблем отключил в машине сигнализацию и достал компьютер. Ему потребовалось тридцать минут, чтобы скопировать все через Firewire и инсталлировать «Асфиксию».

Где?

Чума назвал http-адрес сервера, где он сохранил жесткий диск доктора Петера Телеборьяна.

Цитируя Троицу... This is some nasty shit. [\[46\]](#)

?

Глянь на его жесткий диск.

Лисбет Саландер отсоединилась от Чумы, зашла в Интернет, нашла указанный сервер и последующие три часа просматривала папку за папкой в компьютере Телеборьяна.

Она обнаружила переписку между психиатром и человеком, который имел адрес на hotmail и посылал зашифрованные сообщения. Поскольку у нее имелся доступ к ключу шифрующей программы Телеборьяна, прочесть корреспонденцию ей не составило труда. Звали человека Юнас, фамилия отсутствовала. В своей переписке Юнас с Телеборьяном проявляли нездоровый интерес к состоянию здоровья Лисбет Саландер.

Есть... мы можем доказать наличие заговора.

Однако больше всего Лисбет Саландер заинтересовали сорок семь папок, содержащих 8756 снимков с грубой детской порнографией. Снимок за снимком, Лисбет открывала изображения детей лет пятнадцати или младше, в основном девочек. На ряде фотографий оказались совсем маленькие дети. Некоторые из снимков были садистского характера.

Она обнаружила ссылки по меньшей мере на дюжину людей в разных странах, которые обменивались друг с другом детским порно.

Лисбет прикусила нижнюю губу. Не считая этого, ее лицо хранило безразличное выражение.

Ей вспомнились ночи, когда она, двенадцатилетняя, лежала привязанной ремнями в «лишенной раздражителей» палате детской психиатрической клиники Святого Стефана. Телеборьян раз за разом появлялся из полумрака и рассматривал ее при свете ночника.

Она знала. Ее он так и не тронул, но она всегда знала.

Лисбет проклинала себя — ей следовало заняться Телеборьяном еще несколько лет назад, но она вытесняла его из головы и игнорировала его существование.

Тем самым она позволила ему продолжать.

Через некоторое время она вызвала в ICQ Микаэля Блумквиста.

Микаэль Блумквист провел ночь в квартире Лисбет Саландер на Фискаргатан. Компьютер он выключил только в половине седьмого утра, и когда он засыпал, перед глазами у него стояли снимки грубой детской порнографии. Проснулся он в четверть одиннадцатого, выскочил из постели Лисбет Саландер, принял душ и заказал такси, которое подобрало его перед театром «Сёдратеатерн». Без пяти одиннадцать он остановил машину на улице Биргера Ярла и прошел пешком до кафе «Мадлен».

Соня Мудиг ждала его за чашкой черного кофе.

— Здравствуйте, — сказал Микаэль.

— Я очень сильно рискую, — сказала она, не поздоровавшись. — Если станет известно, что я с вами встречалась, меня выгонят с работы и могут отправить под суд.

— От меня об этом никто не узнает.

Она явно нервничала.

— Один из моих коллег только что побывал у бывшего премьер-министра Турбьёрна Фельдина. Он ездил к нему по собственной инициативе, и его работа тоже под угрозой.

— Понятно.

— Я требую гарантий анонимности для нас обоих.

— Я даже не знаю, о каком коллеге вы говорите.

— Я расскажу, но хочу, чтобы вы пообещали, что он останется анонимным источником.

— Даю слово.

Она покосилась на часы.

— Вы торопитесь?

— Да. Я через десять минут встречаюсь с мужем и детьми в пассаже Стурегаллериан. Муж думает, что я на работе.

— А Бублански об этом ничего не знает?

— Да.

— О'кей. Вы с коллегой являетесь источниками, и вам гарантируется полная анонимность, обоим, до могилы.

— Мой коллега — это Йеркер Хольмберг, с которым вы встречались в Гётеборге. Его отец — член Партии центра, и Йеркер знает Фельдина с детства. Он поехал с частным визитом и спросил о Залаченко.

— Ясно.

У Микаэля вдруг заколотилось сердце.

— Фельдин производит впечатление порядочного человека. Хольмберг рассказал ему о Залаченко и спросил, что Фельдину известно о перебежчике. Фельдин ничего не ответил. Потом Хольмберг сказал ему о наших подозрениях относительно того, что люди, прикрывавшие Залаченко, заперли Лисбет Саландер в психушку. Фельдин страшно разволновался.

— Ясно.

— Фельдин рассказал, что сразу после того, как он стал премьер-министром, его посетил руководитель СЭПО с одним коллегой. Они рассказали ему фантастическую шпионскую историю о русском агенте, перебежавшем в Швецию, и объяснили, что это самая страшная военная тайна Швеции, что по значению с этим не сравняется ни один факт из сферы шведской обороны.

— О'кей.

— Фельдин говорит, что не знал, как ему следовало поступить. Премьер-министром он стал только что, и у правительства еще не было опыта. Ведь страной более сорока лет правили социалисты. Ему объяснили, что принимать решение он должен лично и что если он станет консультироваться с членами правительства, то СЭПО снимает с себя всякую ответственность. Фельдину все это показалось неприятным, но он не знал, что ему делать.

— О'кей.

— Под конец он посчитал, что вынужден поступить так, как предлагают господа из СЭПО. Он выдал директиву, полностью отдававшую Залаченко им в руки. Он обязался никогда ни с кем это дело не обсуждать, а сам так и не узнал имени перебежчика.

— Понятно.

— За два периода пребывания у власти Фельдин потом об этом деле практически ничего не слышал. Правда, он сделал нечто исключительно мудрое. Он настоял на том, чтобы в тайну посвятили госсекретаря, который должен был функционировать как go between^[47] между Объединенной

администрацией министерств и теми, кто охранял Залаченко.

— Вот как?

— Госсекретаря зовут Бертиль К. Янерюд, ему сейчас шестьдесят три года, и он является генеральным консулом Швеции в Амстердаме.

— Дьявол.

— Уяснив всю серьезность предварительного следствия, Фельдин сел и написал письмо Янерюду.

Соня Мудиг передала через стол конверт.

Дорогой Бертиль.

Тайна, которую мы оба защищали, когда я возглавлял правительство, стала сейчас объектом пристального внимания. Человека, которого это дело касалось, уже нет в живых, и ущерб ему причинен быть не может. Зато могут пострадать другие люди.

Крайне важно получить ответы на необходимые вопросы.

Человек, который доставит это письмо, работает неофициально и пользуется моим доверием. Я прошу тебя выслушать его рассказ и ответить на вопросы, которые он задаст.

Привлеки свое знаменитое здравомыслие.

ТФ

— В письме, следовательно, имеется в виду Йеркер Хольмберг.

— Нет. Хольмберг попросил Фельдина не указывать имени. Он объяснил, что не знает, кто именно поедет в Амстердам.

— Вы хотите сказать...

— Мы с Йеркером все обсудили. Мы с ним уже ходим по такому тонкому льду, что нам требуются скорее весла, чем «кошки». У нас нет абсолютно никаких полномочий для того, чтобы ехать в Амстердам и допрашивать генерального консула. А вы вполне можете поехать.

Микаэль сложил письмо и уже начал засовывать его в карман пиджака, когда Соня Мудиг весьма крепко схватила его за руку.

— Информацию за информацией, — сказала она. — Мы хотим знать, что Янерюд вам расскажет.

Микаэль кивнул. Соня Мудиг встала.

— Подождите. Вы сказали, что к Фельдину приходили два человека из СЭПО. Одним был руководитель. А кто второй?

— Фельдин встречался с ним только однажды и не мог припомнить его имени. Никаких записей во время встречи не велось. Он помнит, что тот был худым, с тонкими усиками. Правда, его представили как начальника «Секции для спецанализов» или чего-то подобного. Фельдин потом смотрел организационную структуру СЭПО, но такого отдела обнаружить не смог.

«Клуб Залаченко», — подумал Микаэль.

Соня Мудиг снова села, казалось, в нерешительности.

— О'кей, — в конце концов сказала она. — Я рискую, что меня расстреляют. Имелась запись, о которой не подумали ни Фельдин, ни посетители.

— Какая?

— Регистрационный журнал Фельдина в Русенбаде.

— И?

— Йеркер запросил журнал. Это не секретный документ.

— И?

Соня Мудиг снова посомневалась.

— Журнал сообщает, что премьер-министр встречался с руководителем СЭПО и его сотрудником для обсуждения общих вопросов.

— Там было какое-то имя?

— Да. Э. Гульберг.

Микаэль почувствовал, что кровь прилила к голове.

— Эвэрт Гульберг, — произнес он.

В лице Сони Мудиг отразилась решительность. Она кивнула, потом встала и ушла.

Все еще сидя в кафе «Мадлен», Микаэль Блумквист достал анонимный мобильный телефон и забронировал авиабилет в Амстердам. Самолет вылетал из аэропорта Арланда в 14.50. Микаэль дошел до магазина мужской одежды «Дрессманн» на Кунгсгатан и приобрел чистую рубашку и смену белья, потом завернул в аптеку, где купил зубную щетку и туалетные принадлежности. Все время проверяя, нет ли слежки, он добежал до отправлявшегося в аэропорт экспресса и оказался в Арланде, имея в запасе десять минут.

В 18.30 Микаэль уже снял номер в обшарпанной гостинице в квартале красных фонарей, примерно в десяти минутах ходьбы от центрального вокзала Амстердама.

Примерно два часа он посвятил тому, чтобы определить местонахождение в Амстердаме генерального консула Швеции и около девяти часов вечера сумел-таки связаться с ним по телефону. Используя весь свой дар убеждения, Микаэль всячески подчеркивал, что у него дело первостепенной важности, которое ему необходимо обсудить без промедлений, и в конце концов добился от консула согласия на встречу в воскресенье утром в десять часов.

После этого Микаэль вышел на улицу и слегка перекусил в ресторане неподалеку от гостиницы. Около одиннадцати он уже спал.

Генеральный консул Бертиль К. Янерюд, угощавший гостя кофе у себя в апартаментах, особой разговорчивостью не отличался.

— Ну... Что же потребовало такой срочности?

— Александр Залаченко. Русский невозвращенец, перебежавший в Швецию в семьдесят шестом году, — сказал Микаэль, протягивая ему записку Фельдина.

Янерюд явно растерялся. Он прочел письмо и аккуратно отложил его в сторону.

В последующие полчаса Микаэль объяснял, в чем состоит проблема и почему Фельдин написал это письмо.

— Я... я не имею права обсуждать это дело, — сказал под конец Янерюд.

— Нет, имеете.

— Нет, обсуждать его я могу только перед конституционной комиссией Риксдага.

— Весьма вероятно, что такой случай вам представится. Но в письме говорится, что вам следует привлечь свое здравомыслие.

— Фельдин — порядочный человек.

— Я в этом несколько не сомневаюсь. К тому же я не собираю информацию о вас или о Фельдине. Не надо выдавать мне никаких военных тайн, которые, возможно, раскрыл Залаченко.

— Я никаких тайн не знаю. Я даже не знал, что его звали Залаченко... Мне он известен только под псевдонимом.

— Под каким?

— Его называли Рубен.

— О'кей.

— Я не имею права это обсуждать.

— Нет, имеете, — повторил Микаэль, усаживаясь поудобнее. — Дело в том, что вся эта история вскоре станет достоянием общественности. И

когда это произойдет, СМИ либо уничтожат вас, либо охарактеризуют как порядочного государственного чиновника, сделавшего в отвратительной ситуации все, что от него зависело. Ведь Фельдин поручил вам роль посредника между ним и теми, кто занимался Залаченко. Это мне уже известно.

Янерюд кивнул.

— Расскажите.

Янерюд молчал почти целую минуту.

— Никакой информации мне никогда не сообщали. Я был молод... и не знал, что с этим делать. Мы с ними встречались приблизительно дважды в год, пока это было актуально. Мне сообщали, что Рубен... Залаченко жив и здоров, что он сотрудничает и выдает бесценную информацию. В детали меня никогда не посвящали. Да мне они были и ни к чему.

Микаэль ждал.

— Раньше перебежчик действовал в других странах и ничего не знал о Швеции. Поэтому для политики национальной безопасности он особого значения не имел. Я пару раз информировал премьер-министра, но сказать мне чаще всего бывало нечего.

— О'кей.

— Они всегда говорили, что его используют традиционным образом и что получаемую от него информацию пускают по нашим обычным каналам. Что мне было говорить? Если я спрашивал, что это означает, они улыбались и отвечали, что это выходит за рамки моего уровня. Я чувствовал себя идиотом.

— Вы никогда не задумывались над тем, что все это мероприятие организовано как-то неправильно?

— Нет. Ничего неправильного в нем не было. Я исходил из того, что СЭПО знает, что делает, имеет необходимые наработки и опыт. Но я не имею права обсуждать это дело.

К тому времени Янерюд уже в течение нескольких минут его обсуждал.

— Все это не имеет значения. Сейчас важно только одно.

— Что?

— Имена людей, с которыми вы встречались.

Янерюд посмотрел на Микаэля вопросительно.

— Люди, курировавшие Залаченко, сильно превысили все мыслимые полномочия. Они занимались грубой криминальной деятельностью и должны стать объектом предварительного следствия. Поэтому-то Фельдин и послал меня к вам. Он не знает имен, ведь встречались с ними вы.

Янерюд заморгал и сжал губы.

— Вы встречались с Эвертом Гульбергом... он был главным.

Янерюд кивнул.

— Сколько раз вы с ним виделись?

— Он присутствовал на всех встречах, кроме одной. За те годы, что Фельдин был премьер-министром, мы встречались раз десять.

— Где вы встречались?

— В вестибюле какой-нибудь из гостиниц. Чаще всего в «Шератоне», однажды в «Амарантен» на Кунгсхольмене и несколько раз в пабе «Континенталя».

— А кто еще участвовал во встречах?

Янерюд растерянно заморгал.

— Это было так давно... я не помню.

— Попробуйте вспомнить.

— Фамилия одного была... Клинтон. Как американского президента.

— Имя?

— Фредрик Клинтон. С ним я встречался четыре-пять раз.

— О'кей... еще?

— Ханс фон Роттингер. С ним я был знаком через свою мать.

— Через вашу мать?

— Да, она знала семью фон Роттингер. Ханс фон Роттингер был приятным человеком. Пока он вдруг не появился на встрече вместе с Гульбергом, я представления не имел о том, что он работает в СЭПО.

— Он там и не работал, — сказал Микаэль.

Янерюд побледнел.

— Он работал в чем-то, что называлось «Секцией для спецанализов», — сказал Микаэль. — Что вам о ней известно?

— Ничего... Я хочу сказать, что ведь именно они и занимались перебежчиком.

— Да. Но, согласитесь, любопытно, что их нет нигде в организационной структуре СЭПО.

— Это же абсурд...

— Да, не правда ли? Как вы договаривались о встречах? Они звонили вам или вы им?

— Нет... На каждой встрече обговаривалось место и время следующей.

— Что происходило, если вам требовалось с ними связаться? Например, чтобы изменить время встречи или что-нибудь в этом роде.

— У меня имелся номер телефона, по которому я мог позвонить.

— Какой номер?
— Честно говоря, не помню.
— Чей это был номер?
— Не знаю. Я им ни разу не воспользовался.
— О'кей. Следующий вопрос... кому вы передали это дело?
— Что вы имеете в виду?
— Когда Фельдин ушел в отставку, кто занял ваше место?
— Не знаю.
— Вы писали какой-нибудь отчет?
— Нет, дело ведь было секретным. Мне даже не разрешали ничего записывать.
— И вы не вводили в курс какого-нибудь преемника?
— Нет.
— Что же произошло?
— Ну... Фельдин ушел в отставку, уступив место Уле Ульстену. Мне сказали, что нам следует подождать до следующих выборов. Тогда Фельдина вновь избрали, и наши встречи возобновились. Потом на выборах восемьдесят второго года победили социалисты. Предполагаю, что Пальме подобрал кого-нибудь мне на смену. Я же начал работать в министерстве иностранных дел и стал дипломатом. Меня направили в Египет, а потом в Индию.

Микаэль еще несколько минут продолжал задавать вопросы, пребывая, однако, в убеждении, что уже узнал все, что мог сообщить Янерюд. Три имени.

Фредрик Клинтон.

Ханс фон Роттингер.

И Эверт Гульберг — человек, застреливший Залаченко.

«Клуб Залаченко».

Поблагодарив Янерюда за информацию, Микаэль взял такси и поехал обратно к центральному вокзалу. Только сидя в такси, он опустил руку в карман пиджака и выключил магнитофон. В половине восьмого вечера воскресенья он приземлился в Арланде.

Эрика Бергер задумчиво разглядывала картинку на экране компьютера. Потом через стену стеклянной клетки окинула взглядом полупустую редакцию. У Андерса Хольма был выходной день. Она не замечала, чтобы кто-либо проявлял к ней интерес, открыто или исподтишка. У нее не было причин подозревать, что кто-то из сотрудников редакции хочет ей навредить.

Сообщение пришло минуту назад. Отправителем значился «redax@aftonbladet.com», и Эрика удивилась, почему именно «Афтонбладет». Адрес явно был сфальсифицирован. Текста в письме вообще не было, вместо него пришла фотография в формате jpg, которую Эрика открыла в «Фотошопе».

Снимок был порнографическим и изображал обнаженную женщину с невероятно огромной грудью и поводком вокруг шеи. Она стояла на четвереньках, и ее трахали сзади.

Лицо женщины заменили. Автор явно не стал утруждать себя ретушью, просто вклеив вместо оригинала лицо Эрики Бергер. Фотографию взяли из ее старых статей в «Миллениуме», которые можно было скачать из Сети.

Внизу снимка при помощи текстового файла «Фотошопа» было написано одно слово.

Шлюха.

Она получала уже девятое анонимное сообщение, содержащее слово «шлюха», и отправителем каждый раз представало какое-нибудь из крупных медийных предприятий Швеции. К ней явно привязался какой-то киберманьяк.

Прослушивание телефонов относилось к тем делам, которые при помощи компьютера осуществлять довольно сложно. Для Троицы не составило труда локализовать кабель домашнего телефона прокурора Экстрёма; проблема же заключалась в том, что Экстрём редко или, скорее, вообще никогда не пользовался им для разговоров, касавшихся работы. Устанавливать подслушивающее устройство на рабочий телефон Экстрёма в полицейском управлении Троица даже не пытался: это потребовало бы такого глобального доступа к шведской кабельной сети, какого он не имел.

Зато Троица с Бобом Собакой почти неделю посвятили попыткам идентифицировать и вычлнить мобильный телефон Экстрёма на фоне помех от примерно двухсот тысяч других мобильных телефонов в радиусе километра от полицейского управления.

Троица с Бобом Собакой использовали систему, называвшуюся RFTS. [48] О ней, в принципе, знали многие. Ее разработало американское агентство АНБ, [49] и она использовала неизвестное количество спутников, которые вели точечное наблюдение за вызывающими особый интерес очагами кризисов и столицами по всему миру.

Агентство АНБ обладало колоссальными ресурсами и задействовало

огромную сеть, чтобы отлавливать в определенном регионе множество мобильных разговоров одновременно. Каждый отдельный разговор вычленялся и подвергался цифровой обработке с помощью компьютеров, запрограммированных реагировать на определенные слова, например, «террорист» или «Калашников». Если подобное слово встречалось, компьютер автоматически посылал сигнал тревоги, после чего какой-нибудь оператор подключался и прослушивал разговор, чтобы определить, представляет он интерес или нет.

Идентифицировать конкретный мобильный телефон было сложнее. При помощи исключительно чувствительной аппаратуры АНБ могло концентрироваться на определенном районе, вычленять и прослушивать разговоры. Техника была простой, но не стопроцентно надежной. Исходящие разговоры особенно плохо поддавались идентификации, в то время как засечь входящий разговор было легче, поскольку он начинался с набора нужного номера, благодаря чему распознается сигнал.

Разница в подходе Троицы и АНБ к вопросу прослушивания носила экономический характер. У АНБ имелся годовой бюджет в несколько миллиардов американских долларов, около 12 000 постоянно работающих агентов и доступ к самой новейшей технологии в области компьютеров и телефонии. Троица же имел фургон примерно с тридцатью килограммами электронного оборудования, большая часть которого была собрана руками Боба Собаки. Агентство АНБ могло, при помощи глобального наблюдения со спутников, фокусировать исключительно чувствительные антенны на конкретном здании в любой точке мира. У Троицы же имелась сконструированная Бобом Собакой антенна с радиусом эффективного действия приблизительно 500 метров.

При имевшейся в его распоряжении технике Троице приходилось припарковывать фургон на Бергсгатан или на какой-нибудь другой из близлежащих улиц и с большим трудом калибровать оборудование до тех пор, пока оно не идентифицирует мобильный телефон прокурора Рихарда Экстрёма по его номеру, который телефону заменяет отпечатки пальцев. Поскольку шведского языка Троица не знал, ему приходилось через другой мобильный телефон направлять разговоры домой к Чуме, который занимался непосредственно прослушиванием.

В течение пяти суток Чума до потери сознания слушал огромное количество входящих и исходящих разговоров полицейского управления и окрестных зданий. Он слушал о деталях проводящихся расследований, о планирующихся любовных свиданиях и записывал на магнитофон множество разговоров, содержащих разную ерунду. На пятый день, поздно

вечером, Троица послал сигнал, который цифровой дисплей сразу идентифицировал как мобильный номер прокурора Экстрёма. Чума зафиксировал параболическую антенну на точной частоте.

Система RFTS была в основном рассчитана на входящие разговоры. Антенна Троицы просто-напросто перехватывала вызовы мобильного номера Экстрёма, посылавшиеся в эфир из любой точки Швеции.

Поскольку Троица теперь мог начать записывать на пленку разговоры Экстрёма, он зафиксировал и голос прокурора, который должен был обрабатывать Чума.

Чума пропустил цифровую запись голоса Экстрёма через программу, называвшуюся VPRS, что расшифровывалось как Voiceprint Recognition System.^[50] Он выделил дюжину часто встречающихся слов, например «о'кей» или «Саландер». Получив пять отдельных примеров одного слова, он исследовал, какое время уходило на их произнесение, какими были тембр голоса и величина частоты, как расставлялось ударение и множество других отличительных признаков. В результате появилась графическая кривая, и тем самым Чума получил возможность прослушивать и исходящие разговоры прокурора Экстрёма: его парабола постоянно вылавливала разговоры, в которых повторялась графическая кривая Экстрёма для десятка часто встречающихся слов. Техника не была совершенной, но приблизительно пятьдесят процентов звонков, которые Экстрём делал со своего мобильного телефона из любого места поблизости от полицейского управления, прослушивалось и записывалось на пленку.

К сожалению, техника имела один явный недостаток. Как только прокурор Экстрём покидал полицейское управление, Троица лишался возможности прослушивать его телефон, если не знал, где тот находится, и не мог припарковаться в непосредственной близости.

Получив полномочия из самой высокой инстанции, Торстен Эдклинг смог наконец создать маленькое оперативное подразделение на законных основаниях. Он отобрал четырех сотрудников, сознательно отдавая предпочтение молодым талантам с опытом службы в обычной полиции, относительно недавно приглашенным в ГПУ/Без. Двое из них раньше работали в отделе по борьбе с мошенничеством, один — в финансовой полиции, еще один — в отделе по борьбе с насильственными преступлениями. Их пригласили в кабинет к Эдклинту и снабдили информацией о характере задания и необходимости соблюдать полную секретность. Эдклинг подчеркнул, что расследование проводится по прямому требованию премьер-министра. Начальником нового

подразделения стала Моника Фигуэрола, которая взялась за руководство расследованием с хваткой, соответствовавшей ее внешности.

Однако дело продвигалось медленно, что в основном объяснялось неуверенностью в кандидатурах подозреваемых. Эдклинг с Фигуэролой неоднократно обсуждали, не лучше ли попросту арестовать Мортенссона и начать задавать ему вопросы, но каждый раз решали все-таки подождать — подобный арест погубил бы секретность расследования.

Только во вторник, через одиннадцать дней после встречи с премьер-министром, Моника Фигуэрола пришла в кабинет к Эдклинту со словами:

— Думаю, у нас кое-что появилось.

— Садись.

— Эверт Гульберг.

— Да?

— Один из наших следователей поговорил с Маркусом Эрландером, который проводит расследование убийства Залаченко. Эрландер утверждает, что уже через два часа после убийства с гётеборгской полицией связались из ГПУ/Без и передали информацию о письмах Гульберга с угрозами.

— Очень оперативно.

— Да. Даже слишком оперативно. В Гётеборг из ГПУ/Без по факсу переслали девять писем, авторство которых приписывается Гульбергу. Однако возникает одна проблема.

— Какая?

— Два письма были адресованы в министерство юстиции — министру юстиции и министру по вопросам демократии.

— Ага. Это мне уже известно.

— Да, но письмо к министру по вопросам демократии было зарегистрировано в министерстве только на следующий день. Его доставили с вечерней почтой.

Эдклинг уставился на Моника. Он впервые испугался, что все его подозрения окажутся обоснованными. А она безжалостно продолжала:

— Иными словами, из ГПУ/Без прислали копию письма с угрозами еще до того, как оно дошло до адресата.

— О господи, — произнес Эдклинг.

— Факс посылал сотрудник отдела личной охраны.

— Кто?

— Не думаю, чтобы он имел к этому отношение. Ему принесли на стол письма и вскоре после убийства велели связаться с полицией Гётеборга.

— От кого поступило распоряжение?

— От секретаря начальника канцелярии.

— Господи, Моника... Ты понимаешь, что это означает?

— Да.

— Это означает, что сотрудники ГПУ/Без замешаны в убийстве Залаченко.

— Нет. Это означает, что некие люди внутри ГПУ/Без знали об убийстве еще до его совершения. Вопрос только в том, какие именно?

— Начальник канцелярии...

— Да. Но я начинаю подозревать, что этот «Клуб Залаченко» находится за пределами нашего здания.

— Что ты хочешь сказать?

— Мортенссон. Его перевели из отдела личной охраны, и он работает самостоятельно. На прошлой неделе мы держали его под наблюдением целыми днями. Насколько нам известно, он не связывался ни с кем из нашего здания. Ему звонят по мобильному телефону, который нам никак не прослушать. Мы не знаем номера, но это точно не его собственный телефон. Мортенссон встречался с тем блондином, личность которого нам пока не удалось установить.

Эдклинг нахмурил лоб. В тот же миг в дверь постучал Андерс Берглунд — сотрудник, приглашенный в новое оперативное подразделение и раньше работавший в финансовой полиции.

— Мне кажется, я обнаружил Эверта Гульберга, — сообщил Берглунд.

— Заходи, — сказал Эдклинг.

Берглунд положил на стол обтрепанную по краям черно-белую фотографию. Эдклинг с Фигуэролой стали ее разглядывать. На ней был изображен мужчина, которого они оба сразу узнали. Это был легендарный полковник-шпион Стиг Веннерстрём, и его вводили в дверь два крепких, одетых в штатское полицейских.

— Эта фотография из издательства «Олен & Окерлунд», она была опубликована в журнале «Се» весной шестьдесят четвертого года. Ее сделали в связи с судебным процессом, на котором Веннерстрём был приговорен к пожизненному заключению.

— Вот оно что.

— На заднем плане видны три человека. Справа — комиссар Отто Даниэльссон, арестовывавший Веннерстрёма.

— Да...

— Посмотрите на человека, который стоит чуть слева за Даниэльссоном.

Эдклинг и Фигуэрола увидели высокого мужчину с тонкими усиками и

в шляпе, чем-то похожего на писателя Дэшила Хэммета.

— Сравните его лицо с паспортной фотографией Гульберга. Ее снимали, когда ему было шестьдесят шесть лет.

Эдклинт нахмурил брови.

— Я бы, пожалуй, не поручился, что это тот же человек.

— А я могу поручиться, — сказал Берглунд. — Переверните снимок.

На обратной стороне фотографии имелся штамп, объяснявший, что она принадлежит издательству «Олен & Окерлунд» и что имя фотографа Юлиус Эстхольм. Карандашом был приписан текст: «Стиг Веннерстрём с двумя полицейскими по бокам входит в Стокгольмский суд. На заднем плане: О. Даниэльссон, Э. Гульберг и Х. В. Франке».

— Эверт Гульберг, — сказала Моника Фигуэрола. — Он таки работал в ГПУ/Без.

— Нет, — возразил Берглунд. — По техническим причинам работать в ГПУ/Без он не мог. По крайней мере, когда делался снимок.

— Вот как?

— ГПУ/Без создали на четыре месяца позже. На этом снимке он по-прежнему принадлежит к Государственной тайной полиции.

— Кто такой Х. В. Франке? — поинтересовалась Моника Фигуэрола.

— Ханс Вильгельм Франке, — ответил Эдклинт. — Он умер в начале девяностых, а в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов являлся заместителем начальника Государственной тайной полиции. Он был своего рода легендой, как и Отто Даниэльссон. Я с ним пару раз встречался.

— Вот оно что, — сказала Моника Фигуэрола.

— Он оставил ГПУ/Без в конце шестидесятых. Франке не смог найти общий язык с Винге, и его чуть ли не уволили, когда ему было примерно пятьдесят — пятьдесят пять лет. Он открыл собственное дело.

— Собственное дело?

— Да, стал советником по вопросам безопасности для частных предприятий. У него был офис на площади Стуреплан, но он периодически еще читал лекции на занятиях по повышению квалификации в ГПУ/Без. Там-то я с ним и встречался.

— Понятно. А что не поделили Винге и Франке?

— Они не сработались. Во Франке было что-то от ковбоя, ему повсюду мерещились агенты КГБ, а Винге был бюрократом старой школы. Потом, правда, Винге вскоре уволили — по иронии судьбы, за то, что он решил, будто Пальме работает на КГБ.

— Хм, — произнесла Моника Фигуэрола, разглядывая фотографию, на которой Гульберг с Франке стояли рядом.

— Думаю, нам пора снова поговорить с министром юстиции, — сказал ей Эдклинг.

— Сегодня вышел «Миллениум», — сказала Моника Фигуэрола.

Эдклинг устремил на нее пристальный взгляд.

— Ни слова о Залаченко, — сообщила она.

— Значит, у нас, вероятно, есть еще месяц до следующего номера. Приятная новость. Нам надо браться за Блумквиста. Он посреди всей этой каши, словно ручная граната с выдернутой чекой.

Среда, 1 июня

Заворачивая на последний марш лестницы, ведущей к его мансарде на Бельмансгатан, 1, Микаэль Блумквист никак не ожидал там кого-либо встретить. Было семь часов вечера. Увидев блондинку с короткими вьющимися волосами, сидевшую на верхней ступеньке, он резко остановился. По паспортной фотографии, добытой Лоттой Карим, он сразу опознал в блондинке Монику Фигуэролу из ГПУ/Без.

— Здравствуйте, Блумквист, — весело поздоровалась она, захлопывая книгу, которую читала.

Покосившись на обложку, Микаэль заметил, что книга об античном восприятии бога и на английском языке. Он поднял взгляд и обратил его на нежданную посетительницу. Та встала. На ней было летнее платье с короткими рукавами, а на перилах висела кирпичного цвета кожаная куртка.

— Нам надо с вами поговорить, — сказала она.

Микаэль Блумквист стал ее рассматривать. Высокая, выше его, правда, впечатление еще усиливалось тем, что он стоял на две ступеньки ниже. Окинув взглядом сначала ее руки, потом ноги, он отметил, что мышцы у нее развиты значительно лучше, чем у него.

— Вы пару часов в неделю проводите в спортзале, — сказал он.

Она улыбнулась и достала удостоверение.

— Меня зовут...

— Вас зовут Моника Фигуэрола, вы шестьдесят девятого года рождения и проживаете на Понтоньергатан на Кунгсхольмене. Вы родом из Бурленге, но работали в полиции в Упсале. И уже три года служите в ГПУ/Без, в отделе по охране конституции. Вы увлеченно занимаетесь спортом, когда-то входили в спортивную элиту и чуть не попали в шведскую олимпийскую сборную. Что вам от меня надо?

Она удивилась, но кивнула и быстро пришла в себя.

— Как хорошо, — сказала она с облегчением в голосе. — Значит, вам известно, кто я и что меня не следует бояться.

— Не следует?

— Кое-кому необходимо побеседовать с вами в спокойной обстановке. Поскольку ваша квартира и мобильный телефон, похоже, прослушиваются,

а имеются причины встречу не афишировать, меня послали, чтобы вас пригласить.

— С какой стати я должен куда-то ехать с человеком, работающим в СЭПО?

Она немного подумала.

— Ну... вы можете откликнуться на любезное личное приглашение или, если вас это больше устраивает, я могу надеть на вас наручники и забрать с собой.

Она мило улыбнулась. Микаэль Блумквист улыбнулся в ответ.

— Послушайте, Блумквист... я понимаю, что у вас нет особых оснований доверять кому-либо из ГПУ/Без. Но дело в том, что не все, кто там работает, являются вашими врагами, а у моего начальства имеются весьма веские причины хотеть с вами побеседовать.

Он выжидал.

— Так как вам больше хочется? В наручниках или добровольно?

— В этом году полиция уже однажды надевала мне наручники и тем самым исчерпала квоту. Куда поедем?

Моника Фигуэрола приехала на новеньком «Саабе 9–5» и припарковалась за углом, в переулке Прюссгрэнд. Когда они сели в машину, она открыла мобильный телефон и нажала клавишу быстрого набора.

— Мы будем через пятнадцать минут, — сказала она.

Велев Микаэлю пристегнуть ремень безопасности, она поехала через Шлюз в сторону района Эстермальм и остановилась на улице, пересекавшей Артиллеригатан. Потом повернулась к Микаэлю и секунду сидела неподвижно, глядя на него.

— Блумквист... я подвезла вас просто из любезности. Вы ничем не рискуете.

Микаэль ничего не ответил, предпочитая подождать с оценкой ситуации, пока не поймет, о чем идет речь. Она набрала код парадной, после чего они поднялись на лифте на четвертый этаж, к квартире, на которой значилась фамилия Мартинссон.

— Мы просто одолжили эту квартиру для сегодняшней встречи, — объяснила она, открывая дверь. — Направо, в гостиную.

Первым Микаэль увидел Торстена Эдклинта, что было неудивительным, поскольку Служба безопасности самым непосредственным образом замешана в развитии событий, а Эдклинг являлся начальником Моника Фигуэролы. То, что начальник отдела по охране конституции потрудился его сюда доставить, свидетельствовало о том, что кто-то явно забеспокоился.

Потом он увидел возле окна еще одного человека, повернувшегося к нему, и при виде этого лица Микаэль удивился. Министр юстиции. Затем до него донесся какой-то звук справа, и Микаэль увидел, что из кресла поднимается человек с до боли знакомым лицом. И на то, что Моника Фигуэрола привезет его на конспиративную вечернюю встречу с премьер-министром, он никак не рассчитывал.

— Добрый вечер, господин Блумквист, — поздоровался премьер-министр. — Простите, что мы пригласили вас на эту встречу, не предупредив о ней заблаговременно, но мы обсудили ситуацию и сошлись на том, что нам необходимо с вами побеседовать. Могу я предложить вам кофе или что-нибудь из напитков?

Микаэль огляделся и увидел обеденный стол из темного дерева, загроможденный стаканами, чашками из-под кофе и остатками бутербродов. Должно быть, они сидят тут уже несколько часов.

— Минеральную воду, — сказал он.

Моника Фигуэрола налила ему воды. Все расселись на диванах и креслах, а она осталась где-то на заднем плане.

— Он опознал меня, знал, как меня зовут, где я живу, где работаю и даже что увлекаюсь спортом, — сказала Моника Фигуэрола.

Премьер-министр поспешно взглянул на Торстена Эдклинта, а потом посмотрел на Микаэля Блумквиста. Микаэль вдруг понял, что у него сильная исходная позиция. Премьер-министру от него явно что-то нужно, но он, скорее всего, представления не имеет о том, что Микаэлю Блумквисту известно, а что нет.

— Просто стараюсь следить за действующими лицами этой каши, — непринужденно сказал Микаэль.

Дьявол, еще блефовать с премьер-министром.

— А откуда вы узнали имя Моника Фигуэролы? — поинтересовался Эдклингт.

Микаэль покосился на начальника отдела охраны конституции. Он представления не имел, что побудило премьер-министра устроить с ним тайную встречу на снятой квартире, но испытал прилив вдохновения. Вырисовывалось не так уж много вариантов развития событий. Запустил машину Драган Арманский, сообщив информацию какому-то доверенному лицу, а им, вероятно, оказался Эдклингт или кто-то из его ближайшего окружения. И Микаэль рискнул.

— С вами беседовал один наш общий знакомый, — сказал он Эдклингту. — Вы поручили Фигуэроле выяснить, что происходит, а она обнаружила, что несколько активистов СЭПО занимаются незаконным

прослушиванием, залезают ко мне в квартиру и так далее. Следовательно, вы убедились в существовании «Клуба Залаченко». Вы так заволновались, что почувствовали необходимость дать делу ход, но какое-то время еще сидели у себя в кабинете, не зная, к кому вам следует обращаться. Потом обратились к министру юстиции, а тот — к премьер-министру. И вот мы здесь. Чего вы хотите?

Микаэль говорил таким тоном, будто имел в СЭПО надежный источник и следил за каждым шагом Эдкланта. Когда глаза Эдкланта расширились, он понял, что блеф сработал. И продолжил:

— «Клуб Залаченко» шпионит за мной, я шпионю за ними, вы шпионите за «Клубом Залаченко», а теперь уже премьер-министр не на шутку рассержен и обеспокоен. Ему ясно, что в конце пути его ждет скандал, которого правительство, возможно, не переживет.

Моника Фигуэрола вдруг улыбнулась, но скрыла улыбку, подняв стакан с минеральной водой. Она поняла, что Блумквист блефует, и догадалась, как ему удалось выяснить ее имя и размер обуви, чтобы теперь поражать своей осведомленностью.

«Он видел меня в машине на Бельмансгатан. Он чрезвычайно осторожен. Запомнил номер машины и вычислил меня. А остальное — догадки», — подумала она, но промолчала.

Зато у премьер-министра сделался озабоченный вид.

— Значит, вот что нас ждет? — спросил он. — Скандал, который свергнет правительство?

— Правительство меня не касается, — ответил Микаэль. — В мои служебные обязанности входит разоблачать дерьмо типа «Клуба Залаченко».

Премьер-министр кивнул.

— А моя работа заключается в том, чтобы руководить страной в соответствии с конституцией.

— Следовательно, моя проблема в высшей степени является проблемой правительства. Но не наоборот.

— Давайте перестанем ходить по кругу. Почему, как вы думаете, я организовал эту встречу?

— Чтобы выведать, что мне известно и что я собираюсь делать.

— Отчасти верно. Но, точнее говоря, мы попали в конституционный кризис. Позвольте мне прежде всего заявить, что правительство не имеет к этому никакого отношения. Нас буквально застали врасплох. Я никогда не слышал об этом... о том, что вы называете «Клубом Залаченко». Министр юстиции тоже ни слова не слышал. Торстен Эдклант, занимающий в ГПУ/

Без высокий пост и проработавший в СЭПО много лет, также абсолютно не в курсе.

— Это по-прежнему не моя проблема.

— Я понимаю. Мы хотим знать, когда вы намерены опубликовать свою статью и желательно — что именно вы собираетесь написать. Я просто задаю вопрос. Он не имеет никакого отношения к проверке вредных последствий.

— Нет?

— Блумквист, самое глупое, что я мог бы сделать в создавшейся ситуации, это попытаться повлиять на содержание вашей статьи. Вместе с тем я намерен предложить вам сотрудничество.

— Объясните.

— Когда подтвердилось существование заговора в исключительно деликатной части системы государственного управления, я распорядился провести расследование. — Премьер-министр обратился к министру юстиции: — Не могли бы вы точно объяснить, в чем состоит распоряжение правительства?

— Все очень просто. Торстен Эдклинг получил задание незамедлительно выяснить, имеются ли доказательства. Он должен собрать информацию и передать ее генеральному прокурору, задачей которого, в свою очередь, является решить, следует ли возбуждать дело. То есть инструкция предельно четкая.

Микаэль кивнул.

— Сегодня вечером Эдклинг доложил, как продвигается расследование. Мы имели долгую дискуссию о вещах конституционного характера — нам, разумеется, хочется, чтобы все делалось в соответствии с законом.

— Естественно, — сказал Микаэль тоном, дававшим понять, что он абсолютно не верит заверениям премьер-министра.

— Расследование находится сейчас в деликатной стадии. Нам пока еще не удалось установить, кто именно в этом замешан. На это требуется время. Поэтому мы и послали Монику Фигуэролу пригласить вас на наше совещание.

— Она с этим прекрасно справилась. Особого выбора у меня не было.

Премьер-министр нахмурил брови и покосился на Монику Фигуэролу.

— Забудьте, — сказал Микаэль. — Она действовала безупречно. Чего вы хотите?

— Мы хотим знать, когда вы собираетесь опубликовать статью. Расследование проводится в строжайшей тайне, и, если вы выступите

прежде, чем Эдкинт его закончит, вы можете испортить все дело.

— Хм. А когда вам хочется, чтобы я опубликовал материал? После следующих выборов?

— Решать вам. Я тут повлиять не могу. Я прошу вас сказать, когда вы намерены напечатать статью, чтобы мы знали, когда у нас крайний срок окончания расследования.

— Ясно. Вы говорили о сотрудничестве...

Премьер-министр кивнул.

— Для начала я хочу сказать, что в нормальной ситуации никогда бы и не подумал приглашать журналиста на подобное совещание.

— В нормальной ситуации вы, вероятно, сделали бы все, чтобы не допустить журналистов на подобное совещание.

— Да. Но, насколько я понимаю, вами движет несколько факторов. Вы известны как журналист, беспощадно преследующий проявления коррупции. Тут у нас с вами никаких противоречий не возникает.

— Никаких?

— Нет. Ни малейших. Или, вернее... те противоречия, которые имеются, носят, возможно, юридический характер, но не затрагивают цели. Если этот «Клуб Залаченко» действительно существует, то он не только является криминальным объединением, но и представляет угрозу для безопасности государства. Его необходимо остановить, а виновных призвать к ответу. В этом моменте вы, вероятно, со мной согласны?

Микаэль кивнул.

— Насколько я понял, вы знаете об этой истории больше, чем кто-либо другой. Мы предлагаем вам поделиться сведениями. Будь это нормальное полицейское расследование обычного преступления, руководитель предварительного следствия мог бы вызвать вас на допрос. Но здесь, как вы понимаете, положение исключительное.

Микаэль немного молчал, обдумывая ситуацию.

— А что я получу взамен, если пойду на сотрудничество?

— Ничего. Я с вами не торгуюсь. Если вы хотите опубликовать материал завтра утром, пожалуйста. Я не намерен оказаться замешанным в каком-либо сговоре, сомнительном в конституционном отношении. Я призываю вас к сотрудничеству во имя благополучия нации.

— Ничего может означать довольно многое, — сказал Микаэль Блумквист. — Позвольте мне объяснить вам одну вещь... Я дико зол. Я зол на государство, правительство и СЭПО и на мерзавцев, которые без всяких оснований упекли двенадцатилетнюю девочку в психиатрическую лечебницу, а потом проследили за тем, чтобы ее объявили недееспособной.

— Судьба Лисбет Саландер уже взята правительством под контроль, — сказал премьер-министр и даже улыбнулся. — Микаэль, я лично глубоко возмущен тем, что с ней случилось. Верьте мне, когда я говорю, что виновные не уйдут от ответа. Но сперва мы должны узнать, кто в этом повинен.

— У вас свои проблемы. Для меня же главное, чтобы Лисбет Саландер оправдали и признали дееспособной.

— В этом я вам помочь не в силах. Законы мне не подвластны, и я не могу воздействовать на решение прокурора и суда. Оправдать ее должен суд.

— О'кей, — сказал Микаэль Блумквист. — Вы хотите сотрудничества. Дайте мне ознакомиться с расследованием Эдклинта, и я расскажу вам, когда намерен опубликовать материал.

— Я не могу предоставить вам такой возможности. Это все равно что поставить себя по отношению к вам в такое же положение, в какое предшественник министра юстиции когда-то поставил себя по отношению к некоему Эббе Карлссону.^[51]

— Я не Эббе Карлссон, — спокойно заметил Микаэль.

— Это я уже понял. Однако Торстен Эдклинг, разумеется, имеет право сам решить, какими сведениями в рамках своего задания он может с вами поделиться.

— Хм, — произнес Микаэль Блумквист. — Я хочу знать, кем был Эверт Гульберг.

На диване воцарилось молчание.

— Эверт Гульберг, по всей видимости, на протяжении многих лет являлся начальником того подразделения ГПУ/Без, которое вы именуете «Клубом Залаченко», — наконец ответил Эдклинг.

Премьер-министр сурово посмотрел на Эдклинта.

— Думаю, ему это уже известно, — извиняющимся голосом сказал Эдклинг.

— Верно, — подтвердил Микаэль. — Он начал работать в СЭПО в пятидесятых годах и в шестидесятых стал начальником чего-то, что называется «Секцией проведения спецанализов». Именно он и курировал Залаченко.

Премьер-министр покачал головой.

— Вы знаете больше, чем следует. Мне бы очень хотелось понять, как вы до всего этого докопались, но спрашивать вас я не стану.

— В моем материале имеются лакуны, — сказал Микаэль. — Я хочу их заполнить. Снабдите меня информацией, и я не буду ставить вам

подножек.

— Как премьер-министр, я не могу выдавать такую информацию. А Торстен Эдклинг подвергнет себя очень большому риску, если на это пойдет.

— Не говорите ерунды. Я знаю, чего хотите вы. Вы знаете, чего хочу я. Если вы дадите мне информацию, я буду рассматривать вас как источники, с вытекающей отсюда полной анонимностью. Поймите меня правильно — я буду рассказывать в своем репортаже правду так, как ее понимаю я. Если вы в этом замешаны, я так и напишу и прослежу за тем, чтобы вас никогда больше снова не избрали. Но в настоящий момент у меня нет никаких оснований так думать.

Премьер-министр покосился на Эдклинга и через некоторое время кивнул. Микаэль воспринял это как знак того, что премьер министр только что совершил преступление — хоть и более академического свойства — и дал молчаливое согласие на то, чтобы Микаэля познакомил с засекреченной информацией.

— Этот вопрос можно решить довольно просто, — сказал Эдклинг. — Я единоличный руководитель расследования и сам решаю, каких сотрудников к нему привлекать. Зачислить вас в штат нельзя, поскольку тогда вам придется подписать обязательство не разглашать сведения. Но я могу привлечь вас в качестве внешнего консультанта.

Жизнь Эрики Бергер теперь состояла из бесконечных совещаний и круглосуточной работы. Пытаясь заменить скончавшегося главного редактора Хокана Морандера, она постоянно чувствовала недостаточность своей подготовки и нехватку знаний.

Только в среду вечером, почти через две недели после того, как Микаэль Блумквист передал ей папку с материалами о председателе правления Магнусе Боргшё, Эрика выкроила время, чтобы заняться этой проблемой. Открыв папку, она осознала, что такая нерасторопность объяснялась, помимо всего прочего, нежеланием браться за это дело. Она заранее знала, что при любом ее решении катастрофа неминуема.

Домой, на виллу в пригороде Сальтшёбаден, Эрика вернулась необычайно рано — около семи часов вечера, — отключила в холле сигнализацию и с удивлением констатировала, что мужа, Грегера Бекмана, нет дома. И лишь через некоторое время она вспомнила, что утром особенно горячо поцеловала его, поскольку он уезжал в Париж для чтения лекций и собирался вернуться только к выходным. При этом она сообразила, что не имеет представления о том, кому он будет читать лекции

и какие именно или когда о них впервые зашла речь.

То есть простите, но муж у меня где-то затерялся. Она почувствовала себя персонажем из книги доктора Ричарда Шварца и задумалась над тем, не требуется ли ей помощь психотерапевта.

Эрика поднялась на второй этаж, наполнила ванну и разделась. Папку с материалами она взяла с собой и за последующие полчаса все прочитала, а закончив, улыбнулась. Из Хенри Кортеса получится невероятно въедливый журналистишка. Ему двадцать шесть лет, и он четыре года проработал в «Миллениуме», придя туда сразу после окончания Школы журналистики. Эрика даже почувствовала гордость: во всей статье об унитазах и Боргшё чувствовался почерк «Миллениума», и каждая строчка имела документальное подтверждение.

Вместе с тем она испытывала горечь. Магнус Боргшё был хорошим человеком и ей, в общем-то, нравился. Скромный, внимательный, не лишенный обаяния и вроде без особых амбиций. Кроме того, он являлся ее начальником и работодателем. *Проклятый Боргшё. Как можно быть таким дураком?*

Она немного подумала над тем, возможны ли какие-нибудь альтернативные привязки или смягчающие обстоятельства, хоть и сознавала, что выгородить его не удастся.

Отложив папку на подоконник, Эрика вытянулась в ванне и погрузилась в размышления.

То, что «Миллениум» статью опубликует, — неизбежность. Будь она по-прежнему главным редактором журнала, она бы ни секунды не колебалась, а тот факт, что ей материал показали заранее, является просто дружеским жестом, подчеркивающим, что «Миллениум», по мере возможности, хочет смягчить вредные последствия лично для нее. Будь ситуация обратной — если бы газета «СМП» раскопала аналогичную грязь о председателе правления «Миллениума» (каковым, кстати, по случайному стечению обстоятельств является Эрика Бергер), она бы тоже не стала раздумывать, публиковать ее или нет.

Публикация серьезно ударит по Магнусу Боргшё. Самое страшное, собственно говоря, не то, что его фирма «Витавара АБ» заказывала унитазы во Вьетнаме, на предприятии, входящем в черный список ООН как эксплуатирующее детский труд, а в данном случае еще и труд заключенных, или попросту рабов. И среди этих заключенных наверняка найдутся такие, кого можно считать политическими заключенными. Самое страшное — что Магнус Боргшё, зная об этих обстоятельствах, все равно продолжал заказывать унитазы у «Фонг Су Индастриз». Подобная

алчность, как показывали примеры других капиталистов-бандитов, вроде бывшего директора «Скандии», вызывает у шведского народа бурю негодования.

Магнус Боргшё, естественно, станет утверждать, что не знал ситуации на фирме, но на такой случай у Хенри Кортеса имеются неоспоримые документы, и стоит Боргшё завести эту песню, как его к тому же уличат во лжи. Известно, что в июне 1997 года, когда Магнус Боргшё ездил во Вьетнам подписывать первые контракты, он провел там десять дней и, в частности, посещал заводы предприятия. Если он попробует утверждать, будто не понял, что многим из работников всего по двенадцать-тринадцать лет, то будет выглядеть идиотом. Также у Хенри Кортеса имелись доказательства того, что в 1999 году соответствующая комиссия ООН включила «Фонг Су Индастриз» в перечень предприятий, эксплуатирующих детский труд. Об этом тогда много писали газеты, а две общественные организации — среди них пользующаяся международным авторитетом лондонская организация «Международная ассоциация по предотвращению эксплуатации детского труда» — независимо друг от друга написали ряд писем фирмам, снабжавшим «Фонг Су» заказами. В «Витавара АБ» направили не менее семи писем, и два из них были адресованы лично Магнусу Боргшё, так что ему никак не удастся сделать вид, будто он ничего не знал. Лондонская организация с радостью передала документацию Хенри Кортесу, подчеркнув, что фирма «Витавара АБ» ни разу на письма не ответила. В то же время Магнус Боргшё еще дважды ездил во Вьетнам — в 2001 и 2004 годах — для продления контрактов.

Кампания, которая поднимется в СМИ, неизбежно приведет к одному. Если у Боргшё хватит ума, он покается и уйдет со всех руководящих постов. Если же он начнет обороняться, то его уничтожат в суде.

Занимает Боргшё пост председателя правления в «Витавара АБ» или нет, Эрику Бергер не волновало. Однако ее напрямую касалось то, что он являлся еще и председателем правления «СМП». Публикация означала, что его вынудят уйти в отставку. Когда газета балансирует над пропастью и только-только началась работа по ее обновлению, она не может себе позволить держать председателя с погубленной репутацией. Это пошло бы ей во вред, следовательно, его придется удалить из «СМП».

Тем самым у Эрики Бергер имелись две возможные линии поведения.

Она могла пойти к Боргшё, раскрыть карты, показать документацию и попытаться вынудить его осознать необходимость уйти до появления материала в печати.

Или же, если он заупрямится, она могла молниеносно созвать

правление, проинформировать о ситуации и заставить правление его уволить. А если правление не согласится, она сама будет вынуждена незамедлительно уйти с должности главного редактора «СМП».

К тому моменту, когда Эрика Бергер все обдумала, вода в ванне уже совсем остыла. Эрика приняла душ, вытерлась, пошла в спальню и надела халат. Потом взяла мобильный телефон и позвонила Микаэлю Блумквисту. Тот не ответил. Тогда она спустилась на первый этаж, чтобы поставить кофе и впервые со времени начала работы в «СМП» проверить, не показывают ли по телевизору какой-нибудь фильм, под который можно было бы отдохнуть.

Проходя мимо двери в гостиную, она почувствовала резкую боль в ступне, посмотрела вниз и увидела, что у нее сильно течет кровь. Она сделала еще один шаг, и боль пронзила всю ногу. Эрика доскакала на одной ноге до античного кресла и села. Подняв ногу, она, к своему ужасу, обнаружила, что ей в пятку вонзился осколок стекла. Сперва у нее просто опустились руки. Потом она выпрямилась, ухватила за осколок и выдернула его. Стало дико больно, и из раны хлынула кровь.

Эрика выдвинула ящик стоящего в холле комода, где у нее хранились шарфы, перчатки и шапочки. Она нашла какой-то шарф, быстро обмотала им ногу и крепко завязала. Шарфа не хватило, и она подкрепила его еще одной импровизированной повязкой. Кровотечение немного уменьшилось.

Эрика с изумлением стала рассматривать осколок стекла. *Откуда он здесь взялся?* Потом она обнаружила, что на полу холла имеются еще осколки. *Какого черта...* Она встала, бросила взгляд в гостиную и увидела, что большое панорамное окно с видом на озеро Сальтшён разбито, а весь пол усыпан мелкими осколками.

Эрика отступила к входной двери и надела туфли, которые сбросила, придя домой. Вернее, она надела одну туфлю, сунула в другую пальцы раненой ноги и, кое-как доковыляв на одной ноге в гостиную, осмотрела разрушения.

Потом она заметила посреди гостиной кирпич.

Эрика добрела до двери террасы и вышла на задний двор.

На фасаде дома кто-то метровыми буквами выписал распылителем слово:

ШЛЮХА

Было уже начало десятого вечера, когда Моника Фигуэрола открыла Микаэлю Блумквисту дверцу машины, а сама обошла вокруг и уселась на водительское сиденье.

— Отвезти вас домой или лучше высадить где-нибудь в другом месте?

Микаэль Блумквист смотрел куда-то вперед совершенно пустым взглядом.

— Честно говоря... даже не знаю, на каком я свете. Мне еще никогда не приходилось шантажировать премьер-министра.

Моника Фигуэрола усмехнулась.

— Вы довольно удачно разыграли свои карты, — сказала она. — Я не знала, что вы умеете так талантливо блефовать.

— Я говорил каждое слово на полном серьезе.

— Да, но вы делали вид, будто знаете несколько больше, чем на самом деле. Я поняла это, когда сообразила, как вы меня вычислили.

Микаэль повернул голову и посмотрел на ее профиль.

— Вы записали номер моей машины, когда я сидела на горке возле вашего дома.

Он кивнул.

— Вы изобразили это так, будто знаете, что обсуждается в канцелярии премьер-министра.

— Почему же вы ничего не сказали?

Она бегло взглянула на него и выехала на улицу Грев Турегатан.

— Правила игры. Мне не следовало там стоять. Но больше нигде было припарковаться. А вы держите ситуацию вокруг себя под жестким контролем, не так ли?

— Вы сидели, разложив на переднем сиденье карту, и говорили по телефону. Я запомнил номер машины и по привычке проверил. Я проверяю все машины, на которые реагирую. Чаще всего это оказывается пустой номер. В вашем же случае я обнаружил, что вы работаете в СЭПО.

— Я следила за Мортенссоном. А потом обнаружила, что вы следите за ним с помощью Сусанн Линдер из «Милтон секьюрити».

— Арманский поручил ей документировать все, что происходит вокруг моей квартиры.

— Поскольку она исчезла в вашей парадной, Арманский, вероятно, установил в квартире какой-то вариант скрытого наблюдения.

— Верно. У нас есть прекрасная видеозапись того, как они проникают в квартиру и роются в моих бумагах. У Мортенссона был с собой портативный фотокопировальный аппарат. Вы вычислили его сообщника?

— Он интереса не представляет. Слесарь по замкам, с криминальным

прошлым, которому, вероятно, платят за вскрытие вашей двери.

— Имя?

— Анонимность источника гарантируется?

— Разумеется.

— Ларс Фаульссон, сорок семь лет. Именуется Фалуном. В восьмидесятых годах был осужден за ограбление сейфа и разные другие проделки. Держит магазинчик на площади Норртуль.

— Спасибо.

— Давайте прибережем тайны до завтрашнего совещания.

Перед тем как попрощаться, они договорились о том, что Микаэль Блумквист на следующий день посетит отдел охраны конституции, чтобы начать обмен информацией. Они как раз проезжали площадь Сергельторгет, когда Микаэль задумался.

— Знаете что? Я смертельно голоден. Я обедал около двух и, когда вы меня забрали, шел домой, собираясь приготовить макароны. А вы ели?

— Некоторое время назад.

— Поедьте в какой-нибудь ресторанчик с приличной едой.

— Вся еда приличная.

Он покосился на нее.

— Я думал, вы фанатик здоровой пищи.

— Нет, я фанатик спорта. Если тренируешься, можно есть все, что угодно. В разумных пределах, разумеется.

Она затормозила на виадукe и стала обдумывать варианты. Вместо того чтобы свернуть в сторону Сёдера, она поехала прямо на остров Кунгсхольмен.

— Я плохо разбираюсь в заведениях в вашем районе, но знаю отличный боснийский ресторанчик на площади Фридхемсплан. У них потрясающие буреки.

— Звучит заманчиво, — сказал Микаэль Блумквист.

Букву за буквой, Лисбет Саландер набирала на компьютере свою объяснительную записку. В среднем она работала по пять часов в сутки, тщательно обдумывая формулировки и внимательно следя за тем, чтобы опустить детали, которые могли быть использованы против нее.

Тот факт, что она находилась под замком, оказался ей на руку. Пребывая в палате в одиночестве, она могла работать в любое время — о необходимости спрятать компьютер ее всегда предупреждали позвякивание связки ключей или звук отпираемого замка.

Когда я запирала дачу Бьюрмана, возле Сталлархольма, на мотоциклах подъехали Карл Магнус Лундин и Сонни Ниеминен. Поскольку они какое-то время безуспешно разыскивали меня по заданию Залаченко/Нидермана, они очень удивились, застав меня на даче. Магге Лундин слез с мотоцикла, заявив: «Думаю, встреча с членом лесбиянке не повредит». Они с Ниеминеном вели себя настолько угрожающе, что мне пришлось воспользоваться правом на необходимую оборону. Я покинула это место на мотоцикле Лундина, который потом оставила возле торгового центра в Эльвшё.

Лисбет перечитала абзац и одобрительно кивнула. Незачем было вдаваться в подробности и рассказывать о том, что Магге Лундин обозвал ее шлюхой, а она в ответ схватила пистолет Сонни Ниеминена и в наказание прострелила Лундину ногу. Полиция, вероятно, могла это вычислить, но доказывать, что именно так все и было, — это их забота. Она не намеревалась облегчать им работу, признаваясь в чем-то, что могло привести к тюремному заключению за нанесение тяжких телесных повреждений.

Текста уже набралось на тридцать три страницы, и работа Лисбет близилась к концу. Доказательствами своих утверждений она не утруждалась, кое-где даже откровенно их замалчивая, и лишь изредка упоминала о них уже на каком-то из следующих этапов развития сюжета. Немного подумав, Лисбет прокрутила текст назад и перечитала абзац, где рассказывала о грубом и садистском изнасиловании, которому ее подверг адвокат Нильс Бьюрман. Этому эпизоду она уделила больше всего времени — он был одной из немногих частей повествования, которые Лисбет неоднократно переделывала, пока конечный результат ее наконец не удовлетворил. Описание самого изнасилования занимало девятнадцать строчек. В них она подробно рассказывала, как он ее ударил, бросил животом на кровать, заклеил скотчем рот и надел ей наручники. Далее она утверждала, что за ночь он произвел в отношении нее неоднократные насильственные действия сексуального характера, включавшие как анальные, так и оральные проникновения. Затем она описывала, как во время насилия он однажды обмотал ей вокруг шеи предмет одежды — ее собственную футболку — и душил так долго, что она на время потеряла сознание. Далее следовало еще несколько строчек текста, в которых она

перечисляла орудия, использовавшиеся во время изнасилования: короткий хлыст, анальную затычку, грубый искусственный член и зажимы, которые он закреплял на ее сосках.

Изучая текст, Лисбет наморщила лоб. Под конец она взяла стилус и отстучала еще несколько строчек.

В какой-то момент, пока я по-прежнему лежала с заклеенным ртом, Бьюрман прокомментировал тот факт, что я увлекаюсь татуировками и пирсингом, особо отметив кольцо в левом соске. Он спросил, нравится ли мне пирсинг, и вышел из комнаты, а потом вернулся с булавкой, которой проткнул мне правый сосок.

Перечитав новый текст, она одобрительно кивнула. Бюрократический стиль придавал тексту такой сюрреалистический оттенок, что он казался прямо-таки плодом фантазии.

История звучала просто-напросто неправдоподобно.

Этого-то Лисбет Саландер и добивалась.

Тут до нее донеслось бряцание связки ключей. Она немедленно выключила компьютер и поместила его в нишу за прикроватной тумбочкой. Вошла Анника Джаннини, и Лисбет нахмурила брови. Уже начало десятого вечера, и обычно Джаннини так поздно не появляется.

— Здравствуй, Лисбет.

— Здравствуй.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я еще не готова.

Аника Джаннини вздохнула.

— Лисбет... суд назначили на тринадцатое июля.

— Нормально.

— Нет, это не нормально. Время уходит, а ты по-прежнему мне не доверяешь. Я начинаю бояться, что совершила колоссальную ошибку, согласившись быть твоим адвокатом. Чтобы у нас был хоть малейший шанс, ты должна мне доверять. Нам необходимо сотрудничать.

Лисбет посмотрела на Аннику Джаннини долгим изучающим взглядом. Под конец она откинулась на подушку и уставилась в потолок.

— Я знаю, что нам надо делать, — сказала она. — Я поняла план Микаэля, и он прав.

— Я в этом не уверена, — ответила Анника.

— А я уверена.

— Полиция снова рвется тебя допрашивать — это некий Ханс Фасте из Стокгольма.

— Пусть допрашивает. Я не скажу ему ни слова.

— Тебе придется представить объяснение.

Лисбет пристально посмотрела на Аннику Джаннини.

— Повторяю. Полиции мы не скажем ни слова. Когда мы придем на этот суд, прокурор не сможет опираться ни на одну букву из какого-либо допроса. У них будет только моя объяснительная записка, которую я сейчас составляю и многие части которой покажутся им невероятными. А получат они ее всего за несколько дней до суда.

— А когда ты собираешься братья за ручку и начинать писать свои объяснения?

— Ты получишь их через несколько дней. Но к прокурору они должны попасть только непосредственно перед судом.

На лице Анники Джаннини читалось сомнение. Лисбет вдруг ей слегка улыбнулась кривой улыбкой.

— Ты говоришь о доверии. А я могу на тебя полагаться?

— Разумеется.

— О'кей, ты можешь потихоньку пронести мне карманный компьютер, чтобы я могла общаться с людьми по Интернету?

— Нет. Конечно нет. Если это вскрыется, меня привлекут к судебной ответственности и лишат лицензии адвоката.

— А если такой компьютер принесет мне кто-нибудь другой, ты заявишь в полицию?

Аника удивленно подняла брови.

— Если я об этом не узнаю...

— А если узнаешь? Что ты предпримешь?

Аника надолго задумалась.

— Закрою на это глаза. Что дальше?

— Этот гипотетический компьютер вскоре пришлет тебе гипотетическое электронное сообщение. Когда ты его прочтешь, я хочу, чтобы ты снова ко мне пришла.

— Лисбет...

— Подожди. Дело обстоит так. Прокурор играет краплеными картами. Я в любом случае нахожусь в проигрышном положении, а цель суда — упечь меня в закрытую психиатрическую лечебницу.

— Я знаю.

— Чтобы выжить, я должна бороться, тоже играя с нарушением правил.

В конце концов Анника Джаннини кивнула.

— Придя ко мне впервые, ты передала мне привет от Микаэля Блумквиста. Он тогда сказал, что сообщил тебе почти все, за несколькими исключениями. Одно из них касалось моих способностей, которые он обнаружил во время нашего пребывания в Хедестаде.

— Да.

— Он имел в виду то, что я классно владею компьютером. Настолько хорошо, что могу скопировать и прочесть содержимое компьютера прокурора Экстрёма.

Аника Джаннини побледнела.

— Тебе в такое ввязываться нельзя. Значит, ты не сможешь воспользоваться этим материалом в суде, — сказала Лисбет.

— Да, едва ли.

— Следовательно, тебе ничего об этом не известно.

— О'кей.

— Зато кто-нибудь другой, например твой брат, сможет опубликовать фрагменты этого материала. Планируя стратегию на суд, ты должна это учитывать.

— Понятно.

— Анника, в этом процессе все будет зависеть от того, чьи методы окажутся более крутыми.

— Я знаю.

— Как адвокат, ты мне вполне подходишь. Я тебе доверяю и нуждаюсь в твоей помощи.

— Хм.

— Но если ты воспротивишься тому, что я тоже использую неэтичные методы, мы проиграем.

— Да.

— В таком случае я хочу знать об этом сейчас. Тогда мне придется тебя уволить и найти себе другого адвоката.

— Лисбет, я не могу пойти на нарушение закона.

— Тебе не придется ничего нарушать. Но ты должна закрыть глаза на то, что это буду делать я. Ты сможешь?

Лисбет Саландер почти минуту терпеливо ждала, пока Анника Джаннини наконец кивнула.

— Отлично. Давай я в общих чертах расскажу тебе о содержании своей объяснительной записки.

Они проговорили два часа.

Моника Фигуэрола не ошиблась — бурек боснийского ресторана оказался просто великолепен. Когда она возвращалась из туалета, Микаэль Блумквист осторожно окинул взглядом ее фигуру. Двигалась она грациозно, как балерина, но ее тело... Микаэль не мог им не восхищаться и с трудом подавил желание протянуть руку и пощупать мышцы ее ног.

— Как долго вы уже занимаетесь спортом? — поинтересовался он.

— С подросткового возраста.

— И сколько часов в неделю вы уделяете тренировкам?

— Два часа в день. Иногда три.

— Зачем? То есть я понимаю, зачем люди занимаются спортом, но...

— Вы считаете, что это слишком много.

— Даже сам не знаю, что имел в виду.

Она улыбнулась, и, похоже, его вопросы ее совсем не рассердили.

— Быть может, вас возмущает вид девушки с развитой мускулатурой, вам это кажется неженственным и непривлекательным?

— Отнюдь нет. Вам это почему-то идет. Вы очень сексуальны.

Она снова заулыбалась.

— Я сейчас снижаю нагрузки. Десять лет назад я всерьез занималась бодибилдингом. Было здорово. Но теперь мне надо соблюдать осторожность, чтобы мышцы не превратились в жир и я не сделалась пухленькой. Поэтому сейчас я занимаюсь силовыми упражнениями раз в неделю, а остальное время посвящаю бегу, бадминтону, плаванию и тому подобному. Это больше отдых, чем серьезные тренировки.

— О'кей.

— Я занимаюсь спортом, потому что это приятно. Обычное явление для любителей усиленных тренировок. Тело вырабатывает определенные гормоны, и ты попадаешь в зависимость. Стоит перестать ежедневно бегать, как наступает почти что ломка. Зато когда отдаешься полностью, ловишь потрясающий кайф и чувствуешь себя великолепно. Это почти так же классно, как хороший секс.

Микаэль засмеялся.

— Вам бы стоило начать тренироваться, — сказала она. — У вас на талии многовато лишнего.

— Я знаю, — согласился он. — Меня постоянно мучает совесть. Иногда я спохватываюсь, начинаю бегать и сгоняю пару килограммов, а потом погружаюсь в какое-нибудь дело и в ближайшие месяц или два у меня не остается времени на спорт.

— В последние месяцы вы были довольно заняты.

Он вдруг стал серьезным, потом кивнул.

— За последние две недели я массу всего о вас прочла. В поисках Залаченко и Нидермана вы обставили полицию на несколько лошадиных корпусов.

— Лисбет Саландер действовала быстрее.

— Как вам удалось отыскать их в Госсекторе?

Микаэль пожал плечами.

— Обычное расследование. Нидермана обнаружил не я, а ответственный секретарь нашей редакции, или теперешний главный редактор, — Малин Эрикссон. Ей удалось выйти на него через реестр акционерных обществ, поскольку он входил в правление фирмы Залаченко «КАБ».

— Понятно.

— Почему вы стали работать в СЭПО? — спросил он.

— Хотите верить, хотите нет, но я настолько старомодна, что являюсь сторонницей демократии. Я считаю, что полиция необходима и что демократия нуждается в защите. Поэтому я очень горжусь тем, что работаю в отделе охраны конституции.

— Хм, — произнес Микаэль Блумквист.

— Вы не любите Службу государственной безопасности.

— Я не люблю организации, не подвластные нормальному парламентарному контролю. В этом заложена возможность злоупотребления властью, невзирая на то какими бы хорошими такие организации ни были. Почему вас интересует античная религия?

Она подняла брови.

— Вы читали книгу с таким названием, сидя у меня на лестнице.

— Ну конечно. Меня привлекает эта тема.

— Вот как.

— Я интересуюсь очень многим. Работая в полиции, я изучала юриспруденцию и государственное устройство. А до того — историю научной мысли и философию.

— У вас есть слабые стороны?

— Я не читаю художественной литературы, не хожу в кино и по телевизору смотрю только новости. А вы? Почему вы стали журналистом?

— Потому что существуют такие организации, как СЭПО, которые недоступны парламентскому надзору и периодически нуждаются в разоблачении. — Микаэль улыбнулся. — Честно говоря, толком не знаю. На самом деле ответ тот же, что и у вас. Я верю в конституционную демократию, а ее периодически надо защищать.

— Как вы сделали в случае с финансистом Хансом Эриком

Веннерстрёмом?

— Что-то в этом роде.

— Вы не женаты. Вы состоите в связи с Эрикой Бергер?

— Эрика Бергер замужем.

— О'кей. Значит, все слухи о вас просто ерунда. У вас есть подружка?

— Постоянной нет.

— Значит, эти слухи верны.

Микаэль пожал плечами и снова улыбнулся.

Главный редактор Малин Эрикссон провела весь вечер за кухонным столом у себя дома в Орете. Она сидела, склонившись над распечатками бюджета «Миллениума», и была ими так поглощена, что бойфренд Антон постепенно прекратил попытки завязать с ней нормальный разговор. Он помыл посуду, приготовил себе бутерброд и сварил кофе, потом оставил ее в покое и уселся перед телевизором смотреть повтор американского сериала.

Малин Эрикссон еще никогда не приходилось заниматься чем-либо более сложным, чем семейный бюджет. Правда, ей доводилось помогать Эрике Бергер с балансовыми отчетами за месяц, и основные принципы их составления она себе представляла. Теперь же она вдруг сделалась главным редактором, и ответственность за бюджет тоже упала на нее. Где-то после полуночи она решила, что ей в любом случае необходим помощник, с которым она могла бы советоваться. Интела Оскарссон, занимавшаяся один день в неделю бухгалтерскими делами, никакой ответственности за бюджет не несла, а значит, нечего было рассчитывать на ее помощь в вопросах о том, сколько можно заплатить внештатным сотрудникам или есть ли у редакции деньги на покупку нового лазерного принтера сверх суммы, выделенной на техническое перевооружение. На практике ситуация выглядела абсурдно — «Миллениум» даже давал прибыль, но только потому, что Эрика Бергер постоянно балансировала на нулевом бюджете. Такая примитивная вещь, как цветной лазерный принтер за 45 000 крон, превращалась в обычный черно-белый принтер за 8000.

На секунду она позавидовала Эрике Бергер — у той в «СМП» такой бюджет, что купить принтер для нее все равно что взять стаканчик кофе.

На момент последнего годового собрания акционеров экономическое положение «Миллениума» было благополучным, но держаться на плаву позволяла в основном прибыль от книги Микаэля Блумквиста о деле Веннерстрёма. Суммы, отведенные на инвестиции, исчезали с ужасающей быстротой, чему много способствовали расходы Микаэля, связанные с

историей Саландер. Ресурсы журнала не позволяли сотрудникам постоянно брать напрокат автомобили, жить в гостиницах, ездить на такси, оплачивать сбор сведений и покупать дополнительные мобильные телефоны.

Подписав счет независимого журналиста Даниэля Густавссона из Гётеборга, Малин вздохнула. Микаэль Блумквист дал добро на сумму в 14 000 крон за недельную работу по сбору материала, который даже не предполагалось публиковать. Гонорар некоему Идрису Хиди из Гётеборга входил в бюджет для анонимных источников, которых нельзя называть поименно, а значит, ревизор станет критиковать их за отсутствие квитанции и дело придется выносить на одобрение правления. Кроме того, «Миллениум» выплачивал гонорар Аннике Джаннини, которой требовались наличные на покупку билетов на поезд и всего прочего.

Малин отложила ручку и посмотрела на получившиеся у нее конечные суммы. Микаэль Блумквист безжалостно спустил на историю Саландер более 150 000 крон сверх бюджета. Так продолжаться не может.

Она поняла, что ей придется с ним поговорить.

Вопреки планам посидеть на диване перед телевизором, Эрика Бергер провела вечер в отделении неотложной помощи больницы в районе Накка. Осколок стекла вонзился так глубоко, что кровотечение не прекращалось, и осмотр показал, что отломавшийся кончик осколка по-прежнему находится у нее в пятке и его необходимо удалить. Эрике сделали местное обезболивание, а потом зашили рану тремя стежками.

На протяжении всего визита в больницу Эрика Бергер, ругаясь, периодически пыталась звонить то Греггеру Бекману, то Микаэлю Блумквисту, однако ни муж, ни любовник так и не соизволили ответить. Около десяти вечера ногу крепко забинтовали, Эрика одолжила костыли, взяла такси и вернулась домой.

Некоторое время она, ковыляя на одной ноге и кончиках пальцев второй, подметала в гостиной и заказывала новое оконное стекло. Сначала ей повезло: вечер в городе выдался спокойным и служба срочной замены стекол прибыла в течение двадцати минут. Но потом везение кончилось: окно гостиной было таким большим, что на складе стекла нужного размера не оказалось. Мастер предложил временно закрыть окно фанерой, на что Эрика с благодарностью согласилась.

Пока фанеру устанавливали, Эрика позвонила дежурному частного охранного предприятия НИП, что расшифровывалось как «Накка интегрейтед протекши», и спросила, какого черта их дорогостоящая сигнализация не сработала, когда кто-то запустил кирпичом в самое

большое окно виллы площадью в двести пятьдесят квадратных метров.

Предприятие НИП прислало машину для осмотра дома, и было выявлено, что техник, устанавливавший сигнализацию несколько лет назад, очевидно, забыл подключить провода от окон гостиной.

Эрика Бергер лишилась дара речи.

Охранное предприятие предложило устранить неполадки на следующее утро. Эрика попросила их не утруждаться. Вместо этого она позвонила ночному дежурному «Милтон секьюрители», объяснила ситуацию и выразила желание, чтобы ей как можно скорее установили сигнализацию во всем доме. *Да, я знаю, что необходимо подписать контракт, но скажите Драгану Арманскому, что звонила Эрика Бергер, и проследите за тем, чтобы утром сигнализацию установили.*

Под конец она еще позвонила в полицию. Ей сообщили, что не могут принять заявление, поскольку у них нет ни одной свободной машины, и посоветовали на следующий день обратиться в местное полицейское отделение. *Спасибо. Идите вы...*

Потом она долго сидела, кипя от негодования, пока адреналин не начал спадать и она не осознала, что ей предстоит в одиночестве спать в неохраняемом доме, когда вокруг разгуливает кто-то, называющий ее шлюхой и проявляющий склонность к насилию.

Она ненадолго задумалась, не поехать ли в город, чтобы переночевать в гостинице, но Эрика Бергер всегда была человеком, не любившим угрозы и еще меньше любившим перед ними пасовать. *Я не позволю какой-то сволочи выставить меня из собственного дома, не дождетесь.*

Правда, она приняла некоторые примитивные меры предосторожности.

Микаэль Блумквист рассказывал ей, как Лисбет Саландер справилась с серийным убийцей Мартином Вангером при помощи клюшки для гольфа. Поэтому она отправилась в гараж и десять минут посвятила поискам мешка с клюшками, которого не видела лет пятнадцать. Выбрав железную клюшку, позволяющую ударить особенно сильно, Эрика поместила ее в спальне, на удобном расстоянии от кровати. Она также оставила короткую клюшку в холле и еще одну железную — на кухне. Потом принесла из подвала молоток и поместила его в ванной комнате, возле спальни.

Достав из сумки баллончик со слезоточивым газом, Эрика поставила его на ночном столике, потом отыскала резиновую заглушку и заблокировала дверь в спальню. После всего этого она уже чуть ли не надеялась, что проклятый идиот, называвший ее шлюхой и расколотивший ей окно, окажется достаточно глупым, чтобы в течение ночи вернуться

обратно.

Когда она наконец почувствовала себя вполне готовой к обороне, был час ночи. В «СМП» ей требовалось попасть к восьми утра. Заглянув в ежедневник, она обнаружила, что у нее четыре совещания, начиная с десяти часов. Нога сильно болела, и Эрика хромала, опираясь на пальцы. Она разделась и залезла в постель. Ночной рубашки у нее не было в принципе, и она подумала, не стоит ли надеть футболку или что-нибудь другое, но поскольку она с юности спала голой, то решила, что пущенный в окно гостиной кирпич не должен менять ее личных привычек.

Потом Эрика долго лежала, размышляя.

Шлюха.

Она получила девять электронных писем, содержащих слово «шлюха» и будто бы отправленных из разных СМИ. Первое пришло из ее собственной редакции, но адрес отправителя был сфальсифицирован.

Она вылезла из кровати и принесла новый лэптоп, который ей подарили в связи с получением должности в «СМП».

Первое письмо — самое вульгарное и грозное из всех, где ее предлагали начать трахать отверткой, пришло 16 мая, десять дней назад.

Через два дня, 18 мая, пришло второе письмо.

Затем наступил недельный перерыв, после которого письма стали приходить снова, теперь уже с периодичностью примерно раз в двадцать четыре часа. Потом атаке подвергся дом и надпись «шлюха» появилась на стене.

За это время Эве Карлссон из отдела культуры пришли idiotские послания, автором которых являлась якобы сама Эрика. А раз Эва Карлссон получила idiotскую почту, вполне возможно, что автор писем преуспел и в других направлениях — что и другие люди получили почту как бы от нее, а ей об этом ничего не известно.

Эта мысль вызывала отвращение.

Однако самым тревожным фактом все-таки являлось нападение на дом.

Значит, кто-то потрудился добраться сюда, вычислить ее жилище и бросить в окно кирпич. Нападение было подготовленным — негодяй прихватил с собой баллончик с краской. В тот же миг она похолодела, поняв, что, возможно, следует включить в этот перечень еще один вражеский выпад. Когда она ночевала с Микаэлем Блумквистом в «Хилтоне», у ее машины прокололи все четыре колеса.

Вывод был столь же неприятным, сколь очевидным. Ее преследует какой-то маньяк.

Где-то бродит человек, который по непонятной причине занимается травлей Эрики Бергер.

То, что атаке подвергся ее дом, вполне понятно — он находится там, где находится, его трудно спрятать или переместить. Но раз нападению подвергся ее автомобиль, когда он стоял припаркованным в случайном месте, значит, преследователь все время пребывает в непосредственной близости от нее.

Глава

18

Четверг, 2 июня

Проснулась Эрика Бергер в пять минут десятого от звонка мобильного телефона.

— Доброе утро, фрёкен Бергер. Драган Арманский. Насколько я понял, у вас ночью что-то произошло.

Эрика объяснила, что произошло, и спросила, может ли «Милтон секьюрити» заменить «Накка интегрейтед протекши».

— Мы, во всяком случае, можем установить сигнализацию, которая будет работать, — саркастически сказал Арманский. — Проблема в том, что в ночное время ближайшая машина у нас находится в центре Накки. В случае экстренного вызова она прибудет минут через тридцать. Если мы возьмемся за эту работу, мне придется отдать ваш дом подрядчику. У нас имеется договор о сотрудничестве с одним местным охранным предприятием из Фисксэтры, которое, при благоприятных обстоятельствах, может добраться до вас по экстренному вызову за десять минут.

— Это лучше, чем НИП, они вообще не появляются.

— Хочу вас проинформировать о том, что это семейное предприятие, состоящее из отца, двух сыновей и двух двоюродных братьев. Они греки, хороший народ, отца я знаю уже много лет. Они работают примерно триста двадцать дней в году. О тех днях, когда они не смогут работать из-за отпусков или чего-то другого, вам будут сообщать заранее, и тогда придется рассчитывать на нашу машину из Накки.

— Мне это подходит.

— Я пошлю к вам человека сегодня в первой половине дня. Его зовут Давид Русин, и он уже в пути. Он проведет анализ ситуации. Если вас не будет дома, ему потребуются ваши ключи и разрешение на исследование дома от подвала до чердака. Он сфотографирует здание, участок и окрестности.

— Понятно.

— Русин обладает большим опытом, и мы представим вам предложения по мерам безопасности. План будет готов через несколько дней. В перечень услуг войдет сигнализация на случай нападения, противопожарная безопасность, эвакуация и защита на случай вторжения.

— О'кей.

— Мы хотим также, чтобы на случай чрезвычайного происшествия вы знали, что вам следует делать в течение тех десяти минут, пока до вас будет добираться машина из Фисксэтры.

— Да.

— Сигнализацию мы установим уже сегодня к вечеру. Но потом надо будет подписать контракт.

Закончив разговор с Драганом Арманским, Эрика сообразила, что проспала. Она взяла мобильный телефон, позвонила ответственному секретарю редакции Петеру Фредрикссону, объяснила, что изувечилась, и попросила его отменить совещание в десять часов.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросил он.

— Я разрезала ногу, — ответила Эрика. — Прихромаю, как только смогу.

Для начала она сходила в примыкавший к спальне туалет. Потом надела черные брюки и одолжила у мужа тапку, в которую помещалась забинтованная нога, выбрала черную блузку и прихватила жакет. Прежде чем вытащить из-под дверей спальни резиновую заглушку, она вооружилась баллончиком со слезоточивым газом.

Эрика медленно прошла через дом и включила кофеварку. Завтракала она за кухонным столом, все время прислушиваясь к звукам в окрестностях. Как раз когда она наливала себе вторую чашку кофе, в дверь позвонил Давид Русин из «Милтон секьюрیتی».

Придя пешком до Бергсгатан, Моника Фигуэрала собрала своих четверых сотрудников на раннее утреннее совещание.

— Теперь у нас появилась временная граница, — сказала она. — Наша работа должна быть завершена к тринадцатому июля, когда начнется суд над Лисбет Саландер. Это означает, что у нас есть чуть больше месяца. Давайте переберем все и решим, что для нас сейчас самое главное. Кто хотел бы начать?

Берглунд откашлялся.

— Блондин, который встречается с Мортенссоном. Кто он?

Все закивали. Разговор начался.

— У нас есть его фотографии, но нам неизвестно, где его искать. Объявить его в розыск мы не можем.

— А Гульберг? Должна существовать какая-то история, которую можно раскопать. Мы знаем, что он был в Тайной государственной полиции с начала пятидесятых годов до шестьдесят четвертого года, когда создали ГПУ/Без. Потом он скрывается в тени.

Фигуэрола кивнула.

— Можно ли сделать вывод о том, что «Клуб Залаченко» — это некая структура, основанная в шестьдесят четвертом году, то есть задолго до появления здесь Залаченко?

— Цель, вероятно, была другой... тайная организация внутри организации.

— Это было после Веннерстрёма. Тогда все посходили с ума.

— Своего рода тайная шпионская полиция?

— Вообще-то за границей имеются параллели. В США в шестидесятых годах внутри ЦРУ создали особую группу внутреннего надзора. Ею руководил Джеймс Англтон, и она чуть не разнесла все ЦРУ. Ребята Англтона были фанатиками и психами — они в каждом сотруднике ЦРУ подозревали русского агента. В результате деятельность ЦРУ оказалась во многом парализованной.

— Это одни разговоры...

— Где хранятся старые личные дела?

— Гульберга там нет. Я проверял.

— А бюджет? Такая операция должна ведь каким-то образом финансироваться...

Продолжению дискуссии помешал перерыв на ланч, а Моника Фигуэрола извинилась и отправилась в спортзал, чтобы спокойно подумать.

Хромающая Эрика Бергер появилась в редакции «СМП» только ближе к ланчу. Нога болела настолько сильно, что она вообще не могла прикоснуться ступней к полу. Доскакав до стеклянной клетки, она с облегчением опустилась на стул. Петер Фредрикссон взглянул на нее со своего места за центральным столом, и Эрика жестом пригласила его зайти.

— Что случилось? — спросил он.

— Я наступила на осколок стакана, и он вонзился мне в пятку.

— Как неудачно.

— Да. Неудачно. Петер, кому-нибудь приходили новые странные сообщения?

— Насколько мне известно, нет.

— О'кей. Держите ухо востро. Мне надо знать, если вокруг «СМП» будет происходить что-нибудь необычное.

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, что какой-то псих, рассылающий зловредные сообщения, избрал меня в качестве жертвы. Поэтому мне надо знать, если вы вдруг уловите, что происходит что-то странное.

- Типа сообщений, полученных Эвой Карлссон?
- Что угодно необычное. Я уже получила кучу дурацких сообщений, где меня обвиняют в самых разных вещах и предлагают совершить со мной разные извращенные действия.
- Петер Фредрикссон помрачнел.
- Как давно это продолжается?
- Пару недель. А теперь рассказывайте. Что у нас будет завтра в газете?
- Хм.
- Что значит «хм»?
- Хольм и руководитель юридической редакции вступили на тропу войны.
- Вот как. Почему же?
- Из-за Юханнеса Фриска. Вы продлили ему срок работы и поручили готовить репортаж, а он не хочет рассказывать о чем.
- Он не имеет права рассказывать. Это мой приказ.
- Он так и говорит. Поэтому Хольм и руководитель юридической редакции на вас разошлись.
- Понятно. Назначьте на три часа встречу с юридической редакцией, и я им объясню ситуацию.
- Хольм довольно зол...
- А я довольно зла на Хольма, так что одно уравновешивает другое.
- Он настолько зол, что пожаловался в правление.
- Эрика подняла взгляд. *Дьявол. Мне надо братья за Боргшё.*
- После обеда придет Боргшё, он хочет с вами встретиться.
- Подозреваю, что это заслуга Хольма.
- О'кей. В котором часу?
- В два.
- Он начал пересказывать дневную докладную записку.

Во время обеда к Лисбет Саландер зашел доктор Андерс Юнассон, и она отставила тарелку с тушеными овощами. Он, как всегда, провел небольшой осмотр, но она отметила, что он перестал вкладывать в свои осмотры душу.

- Ты здорова, — заключил он.
- Хм. Ты должен тут что-то сделать с едой.
- С едой?
- Ты не можешь организовать мне пиццу или что-нибудь в этом роде?
- Сожалею. Бюджет не позволяет.

— Я так и думала.

— Лисбет, завтра мы будем подробно обследовать твоё состояние...

— Понятно. А я здорова.

— Ты достаточно здорова, чтобы тебя можно было перевозить в тюрьму в Стокгольм.

Она кивнула.

— Я, вероятно, смог бы потянуть с переездом ещё недельку, но мои коллеги начнут удивляться.

— Не надо.

— Точно?

Она кивнула.

— Я готова. Это ведь рано или поздно должно произойти.

Он кивнул.

— Тогда ладно, — сказал Андерс Юнассон. — Я завтра дам зелёный свет для транспортировки. Это означает, что тебя, вероятно, почти сразу перевезут.

Она кивнула.

— Возможно, это произойдет уже на выходных. Руководство больницы не заинтересовано в том, чтобы тебя здесь держать.

— Это понятно.

— Э... значит, твоё игрушка...

— Она будет находиться в дырке за прикроватной тумбочкой.

Она показала.

— О'кей.

Они немного посидели молча, а потом Андерс Юнассон поднялся.

— Я должен навестить других пациентов, которые больше нуждаются в моей помощи.

— Спасибо за всё. Я твоё должница.

— Я просто выполнял свою работу.

— Нет. Ты сделал значительно больше. Я этого не забуду.

Микаэль Блумквист вошёл в здание полицейского управления через вход с Польхемсгатан. Его встретила Моника Фигуэрола и провела в помещения отдела охраны конституции. В лифте они молча покосились друг на друга.

— Разве это разумно, что я показываюсь в полицейском управлении? — спросил Микаэль. — Меня кто-нибудь может увидеть, и возникнут вопросы.

Моника Фигуэрола кивнула.

— Здесь мы проведем только одно совещание. В дальнейшем будем встречаться в маленьком офисе, который мы сняли на площади Фридрихсплан. Отдел охраны конституции — небольшое самостоятельное подразделение, которое никого в ГПУ/Без не волнует. Мы находимся на другом этаже, чем остальная часть СЭПО.

Он кивнул Торстену Эдклинту, не обмениваясь с ним рукопожатием, и поздоровался с двумя сотрудниками, очевидно входившими в следственную группу. Те представились как Стефан и Андерс. Микаэль отметил, что никаких фамилий не называлось.

— С чего начнем? — поинтересовался Микаэль.

— Как насчет того, чтобы начать с кофе... Моника?

— Спасибо, с удовольствием.

Микаэль отметил, что начальник отдела охраны конституции секунду поколебался, прежде чем встать, принести кофейник и поставить его на стол, где уже были приготовлены чашки. Торстен Эдклинт, вероятно, предполагал, что подавать кофе будет Моника Фигуэрола. Микаэль также заметил, что Эдклинт улыбнулся про себя, и расценил это как добрый знак. Потом Эдклинт посерьезнел.

— Честно говоря, я не знаю, как быть в такой ситуации. Вероятно, присутствие журналиста на рабочем совещании в Службе государственной безопасности — вещь уникальная. То, о чем мы сейчас будем говорить, во многих отношениях является секретными сведениями.

— Военные тайны меня не интересуют. Меня интересует «Клуб Залаченко».

— Но нам необходимо найти некий баланс. Во-первых, присутствующие здесь сотрудники не должны называться в вашей статье по имени.

— О'кей.

Эдклинт посмотрел на Микаэля Блумквиста с удивлением.

— Во-вторых, вы не должны разговаривать с кем-либо из сотрудников, кроме меня и Моника Фигуэролы. Что можно вам рассказывать, решаем мы.

— Если у вас длинный перечень требований, вам следовало зачитать его вчера.

— Вчера я не успел все продумать.

— Тогда я вам кое-что открою. Это, вероятно, первый и последний раз в моей профессиональной карьере, когда я стану сообщать полиции содержание неопубликованного материала. Так что, если воспользоваться вашими словами... честно говоря, я не знаю, как быть в такой ситуации.

За столом воцарилось недолгое молчание.

— Возможно, нам...

— А что, если...

Эдклинт с Моникой Фигуэролой заговорили хором, и оба умолкли.

— Мне нужен «Клуб Залаченко». Вы хотите предъявить обвинение «Клубу Залаченко». Давайте и будем этого придерживаться, — предложил Микаэль.

Эдклинт кивнул.

— Что у вас есть?

Эдклинт объяснил, что накопили Моника Фигуэрола и ее ребята, и показал фотографию Эверта Гульберга вместе с полковником-шпионом Стигом Веннерстрёмом.

— Отлично. Я хочу копию этой фотографии.

— Она имеется в архиве издательства «Олен & Окерлунд», — сказала Моника Фигуэрола.

— Она имеется на столе передо мной. С текстом на обратной стороне, — возразил Микаэль.

— Ладно. Дайте ему копию, — распорядился Эдклинт.

— Это значит, что Залаченко убила «Секция».

— Убийство и самоубийство совершил человек, умирающий от рака. Гульберг пока жив, но врачи дают ему максимум несколько недель. У него после попытки самоубийства такие повреждения головного мозга, что он уже в принципе овощ.

— Именно он нес основную ответственность за Залаченко, когда тот перебежал в Швецию.

— Откуда вам это известно?

— Гульберг встречался с премьер-министром Турбьёрном Фельдином через шесть недель после прибытия Залаченко.

— Вы можете это доказать?

— Да, при помощи журнала посетителей Объединенной администрации министерств. Гульберг приходил вместе с тогдашним начальником ГПУ/Без.

— Который уже умер.

— Но Фельдин жив и готов об этом рассказать.

— Вы что...

— Нет, я с Фельдином не беседовал. Это сделал кое-кто другой. Имени назвать я не могу — источнику гарантирована анонимность.

Микаэль рассказал, как отреагировал Турбьёрн Фельдин на информацию о Залаченко и как он сам ездил в Голландию и беседовал с

Янерюдом.

— Значит, «Клуб Залаченко» находится где-то в этом здании, — сказал Микаэль, указывая на фотографию.

— Отчасти. Мы считаем, что это некая структура внутри организации. «Клуб Залаченко» не может существовать без поддержки ключевых фигур всей службы, однако мы полагаем, что так называемая «Секция спецанализов» обосновалась где-то за пределами здания.

— То есть получается, что человек может числиться сотрудником СЭПО, получать в СЭПО зарплату, а на самом деле отчитываться перед другим работодателем.

— Примерно так.

— Тогда кто в этом здании работает на «Клуб Залаченко»?

— Мы пока не знаем. Но у нас есть несколько подозреваемых.

— Мортенссон, — предложил Микаэль.

Эдклинт кивнул.

— Мортенссон работает в СЭПО, а когда он требуется «Клубу Залаченко», его освобождают от обычной работы, — сказала Моника Фигуэрола.

— Как такое возможно чисто практически?

— Хороший вопрос. — Эдклинт слегка улыбнулся. — Вы не хотели бы начать работать у нас?

— Ни за что на свете.

— Я шучу. Но вопрос вполне естествен. У нас есть на подозрении один человек, но мы пока не можем подкрепить подозрения доказательствами.

— Послушайте, это должен быть кто-то, наделенный административными полномочиями.

— Мы подозреваем начальника канцелярии Альберта Шенке, — сказала Моника Фигуэрола.

— Вот мы и подошли к первому камню преткновения, — добавил Эдклинт. — Мы сообщили вам имя, но сведения не подкреплены документами. Как вы намереваетесь с этим поступить?

— Я не могу публиковать имя, не имея документации. Если Шенке невиновен, он подаст на «Миллениум» в суд за клевету.

— Отлично. Значит, договорились. Наше сотрудничество невозможно без взаимного доверия. Теперь ваша очередь. Что есть у вас?

— Три имени, — сказал Микаэль — Первые два были членами «Клуба Залаченко» в восьмидесятих годах.

Эдклинт и Фигуэрола сразу насторожились.

— Ханс фон Роттингер и Фредрик Клинтон. Роттингер уже умер, Клинтон сейчас на пенсии, но оба входили в ближайшее окружение Залаченко.

— А третье имя, — попросил Эдклинг.

— Телеборьян связан с человеком по имени Юнас. Фамилии мы не знаем, но нам известно, что он входит в «Клуб Залаченко» состава две тысячи пятого года. Мы даже подумываем, не он ли заснят вместе с Мортенссоном возле кафе «Копакабана».

— А в каком контексте возникло имя Юнас?

— Лисбет Саландер проникла в компьютер Петера Телеборьяна, и мы имеем возможность следить за корреспонденцией, показывающей, как Телеборьян плетет заговор при участии Юнаса таким же образом, как в девяносто первом году делал это при участии Бьёрка. Юнас дает Телеборьяну инструкции. И теперь мы подошли ко второму камню преткновения, — сказал Микаэль, улыбаясь Эдклинту. — Я могу подтвердить свои слова документально, но не могу передать вам документацию, не раскрыв источника. Вам придется верить мне на слово.

У Эдклинга сделался задумчивый вид.

— Может, какой-нибудь коллега Телеборьяна из Упсалы, — предположил он. — Ладно. Давайте начнем с Клинтона и фон Роттингера. Расскажите, что вам известно.

Председатель правления Магнус Боргшё принял Эрику Бергер у себя в кабинете, рядом с залом заседаний правления. Вид у него был озабоченный.

— Я слышал, что вы поранились, — сказал он, указывая на ее ногу.

— Пройдет, — ответила Эрика и, прислонив костыли к его письменному столу, уселась в кресло для посетителей.

— Ну, тогда хорошо. Эрика, вы проработали у нас уже месяц, и мне хотелось бы обсудить, как идут дела. Какие у вас впечатления?

Я должна поговорить с ним о «Витаваре». Но как? Когда?

— Я начала разбираться в ситуации. Имеются две стороны проблемы. С одной стороны, «СМП» испытывает экономические трудности и бюджет начинает душить газету. С другой стороны, в редакции «СМП» чрезвычайно много балласта.

— А положительных сторон нет?

— Есть. Много опытных профессионалов, знающих свое дело. Проблема в том, что имеются и другие, не позволяющие им работать.

— Со мной разговаривал Хольм...

— Я знаю.

Боргшё поднял брови.

— У него есть целый ряд соображений на ваш счет. Почти все негативные.

— Правильно. У меня тоже имеется целый ряд соображений на его счет.

— Негативных? Плохо, если вы с ним не можете сработаться...

— Я совершенно спокойно могу с ним работать. А вот у него со мной возникают проблемы.

Эрика вздохнула.

— Он доводит меня до бешенства. Хольм опытен и, без сомнения, один из самых компетентных руководителей информационного отдела, каких я встречала. Вместе с тем он мерзавец. Он плетет интриги и натравливает людей друг на друга. Я проработала в СМИ двадцать пять лет, но с такими руководителями прежде не сталкивалась.

— Чтобы справляться с работой, ему необходима твердая рука. Он испытывает давление со всех сторон.

— Твердая рука — да. Но это не значит, что он должен вести себя как идиот. К сожалению, Хольм является одной из главных причин того, что сотрудников почти невозможно заставить работать единой командой. Это просто какой-то человек-катастрофа. Он, похоже, считает, что его должностная инструкция предписывает ему править, разрушая.

— Суровые слова.

— Я даю Хольму месяц, чтобы одуматься. А потом сниму его с должности руководителя информационного отдела.

— Этого вы сделать не сможете. Ваша работа заключается не в том, чтобы разваливать организационную структуру.

Эрика замолчала и пристально посмотрела на председателя правления.

— Простите, что напоминаю, но вы наняли меня именно для этого. Мы даже составили контракт, дающий мне право свободно производить в редакции реорганизацию, которую я сочту необходимой. Моя цель состоит в том, чтобы обновить газету, а это невозможно без того, чтобы изменить организационную структуру и устоявшиеся принципы работы.

— Хольм посвятил «СМП» всю жизнь.

— Да. Но ему пятьдесят восемь, на пенсию он отправится через шесть лет, а я не могу себе позволить все это время терпеть такой балласт. Магнус, поймите меня правильно. С того момента, как я переступила порог стеклянной клетки, делом моей жизни является повышение качества газеты и увеличение ее тиража. Хольму придется выбирать: либо работать по-

моему, либо заниматься чем-то другим. Я уничтожу кого угодно, кто встанет на пути к означенной цели или будет вредить «СМП» как-то иначе.

Дьявол... я должна поднять вопрос о «Витаваре». Боргшё снимут.

Боргшё внезапно улыбнулся.

— Право слово, у вас тоже твердая рука.

— Да, это так, что в данном случае прискорбно, поскольку тут лучше бы обойтись без силовых методов. Моя задача заключается в том, чтобы делать хорошую газету, а это возможно, только если у меня будет дееспособное руководство и сотрудники, работающие с удовольствием.

После беседы с Боргшё Эрика похромала обратно в стеклянную клетку. На душе у нее было тягостно. Она проговорила с Боргшё сорок пять минут, ни словом не коснувшись фирмы «Витавара». Иначе говоря, была с ним не слишком откровенна и честна.

Включив компьютер, Эрика Бергер обнаружила, что ей пришло сообщение от «MikBlom@millenium.nu». Поскольку она прекрасно знала, что такого почтового адреса в «Миллениуме» не существует, ей не составило труда понять, что это вновь напоминает о себе ее киберпреследователь. Эрика открыла сообщение.

ДУМАЕШЬ, БОРГШЁ СМОЖЕТ ТЕБЯ СПАСТИ,
МАЛЕНЬКАЯ ШЛЮХА? КАК ТАМ ТВОЯ НОЖКА?

Она машинально подняла глаза и осмотрела редакцию. Ее взгляд упал на Хольма, который как раз смотрел на нее. Встретившись в ней глазами, он кивнул и улыбнулся.

«Письма пишет кто-то из "СМП"», — подумала Эрика.

Совещание в отделе охраны конституции завершилось только в начале шестого. Они договорились о том, что снова встретятся на следующей неделе, а если Микаэлю Блумквисту потребуется связаться с ГПУ/Без раньше, то он будет обращаться к Монике Фигуэроле. Микаэль взял сумку с ноутбуком и поднялся.

— Как мне теперь отсюда выбраться? — спросил он.

— Вам, пожалуй, не следует разгуливать тут в одиночку, — заметил Эдклинт.

— Я его провожу, — предложила Моника Фигуэрола. — Подождите несколько минут, пока я приберусь у себя в кабинете.

Они вместе направились через парк Крунубергспаркен в сторону площади Фридхемсплан.

— И что будет дальше? — поинтересовался Микаэль.
— Мы будем поддерживать контакт, — ответила Моника Фигуэрола.
— Мне начинает нравиться иметь дело с СЭПО, — улыбнувшись ей, сказал Микаэль.
— Хотите попозже вместе поужинать?
— Опять в боснийском ресторане?
— Нет, я не могу себе позволить каждый вечер ходить по ресторанам. Я имела в виду скорее что-нибудь простенькое у меня дома.
Она остановилась и улыбнулась ему.
— Знаете, чего мне сейчас хочется? — спросила Моника Фигуэрола.
— Нет.
— У меня большое желание отвести тебя к себе домой и раздеть.
— Это может создать проблемы.
— Знаю. Я не собираюсь докладывать об этом своему начальнику.
— Еще неизвестно, как вся эта история будет развиваться. Мы можем оказаться по разные стороны баррикады.
— Я готова рискнуть. Пойдешь добровольно или надеть наручники?
Он кивнул. Она взяла его под руку и повела в сторону Понтоньергатан. Гольми они оказались в течение тридцати секунд после того, как закрыли за собой дверь ее квартиры.

Когда Эрика Бергер около семи часов вечера вернулась домой, ее там поджидал Давид Русин, консультант по вопросам безопасности из «Милтон секьюрити». Нога сильно болела, и, доковыляв до кухни, Эрика опустилась на ближайший стул. Давид Русин предложил ей чашку кофе.

— Спасибо. Неужели приготовление кофе тоже входит в договор о предоставляемых «Милтон секьюрити» услугах?

Она вежливо улыбнулась. Давид Русин был полным пятидесятилетним мужчиной с рыжей бородкой.

— Спасибо, что разрешили мне воспользоваться кухней.
— Это самое меньшее, что я могла для вас сделать. Как дела?
— В течение дня здесь побывали наши техники и установили настоящую сигнализацию. Я вскоре покажу вам, как она работает. Я изучил ваш дом от подвала до чердака и прошелся по окрестностям. Теперь мне предстоит обсудить ситуацию с коллегами, и через несколько дней мы проведем анализ, с результатом которого хотели бы потом познакомить вас. А пока нам с вами надо обговорить кое-какие детали.

— О'кей.

— Во-первых, мы должны подписать несколько бумаг. Окончательный

контракт мы сформулируем позже — в зависимости от того, о каких услугах договоримся, — но существует документация на то, что вы поручаете «Милтон секьюрити» установку сигнализации. Это стандартный двусторонний контракт, согласно которому мы предъявляем к вам определенные требования и принимаем на себя ряд обязательств, касающихся неразглашения сведений и тому подобного.

— Вы предъявляете требования ко мне?

— Да. Сама по себе сигнализация ничего не даст, если в вашей гостиной появится какой-нибудь ненормальный с автоматом в руках. Чтобы меры безопасности имели смысл, нам надо, чтобы вы с мужем помнили о некоторых вещах и выполняли определенные рутинные действия. Я обговорю их с вами по пунктам.

— О'кей.

— Не стану предвосхищать окончательные результаты анализа, но я представляю себе ситуацию следующим образом. Вы с мужем живете на вилле. За домом у вас находится пляж, и поблизости имеются отдельные крупные виллы. Насколько я мог заметить, соседям ваш дом виден не слишком хорошо — он расположен достаточно изолированно.

— Верно.

— Это означает, что нападающему легко приблизиться к вашему дому, оставаясь незамеченным.

— Соседи справа большую часть года отсутствуют, а слева живет пожилая пара, которая довольно рано ложится спать.

— Именно. Кроме того, дома обращены торцами друг к другу, там мало окон. Если злоумышленник заходит на ваш участок — свернуть с дороги и оказаться позади дома можно за пять секунд, — то его уже никому не видно. За домом у вас массивная живая изгородь, гараж и большое отдельное здание.

— Это студия мужа.

— Он, как я понял, художник.

— Верно. Дальше?

— Преступник, разбивший окно и разукрасивший фасад, мог действовать совершенно беспрепятственно. Возможно, он рисковал, что кто-нибудь услышит звук бьющегося стекла и среагирует, но дома стоят под углом друг к другу, и звук поглощается фасадами.

— Ага.

— Второй момент — у вас очень большой дом, примерно двести пятьдесят квадратных метров, плюс чердак и подвал. В нем одиннадцать комнат, размещенных на двух этажах.

— Дом чудовищен. Он принадлежал родителям Грегера и достался ему в наследство.

— Попасть внутрь можно массой разных способов: через парадный вход, через террасу, через балкон второго этажа и через гараж. Кроме того, имеются окна первого этажа и шесть подвальных окон, на которых не было сигнализации. И наконец, можно проникнуть внутрь, воспользовавшись пожарной лестницей с задней стороны дома и чердачным окошком, которое закрывается просто на крючок.

— Звучит так, будто все двери дома гостеприимно открыты. Что же нам делать?

— Сегодня мы установили только временную охрану. На следующей неделе мы вернемся и установим основательную сигнализацию, подключив к ней все окна первого этажа и подвала. Она будет защищать от вторжения на случай, если вы с мужем в отъезде.

— О'кей.

— Однако нынешняя ситуация возникла из-за того, что вы подверглись прямой атаке со стороны конкретного индивида. Это значительно серьезнее. Мы ничего не знаем о том, кто этот человек, каковы его мотивы и как далеко он готов зайти, но определенные выводы сделать можно. Если бы речь шла только об анонимных угрозах по почте, мы оценили бы степень опасности как невысокую, но мы имеем дело с человеком, который потрудился доехать до вашего дома — а до Сальтшёбадена путь неблизкий — и совершить покушение. Это явно предвещает недоброе.

— Согласна.

— Я в течение дня разговаривал с Арманским, и мы сошлись на том, что существует реальная угроза.

— Вот как.

— Пока мы не узнаем побольше о том, кто вам угрожает, необходимо исключить всякий риск.

— Что означает...

— Во-первых. Сигнализация, которую мы сегодня установили, состоит из двух компонентов: из обычной сигнализации, которая включается, когда вас нет дома, и из детекторов движения для первого этажа, которые вы должны включать, когда ночью находитесь на втором.

— О'кей.

— Это сопряжено со сложностями, поскольку вам придется каждый раз, когда вы спускаетесь вниз, отключать сигнализацию.

— Понятно.

— Во-вторых, мы сегодня заменили вам дверь в спальню.

— Заменяли дверь спальни?

— Да. Мы установили надежную стальную дверь. Не беспокойтесь, она выкрашена в белый цвет и выглядит как обычная дверь спальни. Разница в том, что, когда вы ее закрываете, она автоматически запирается. Чтобы открыть ее изнутри, требуется лишь нажать на ручку, как с любой другой дверью. Но чтобы открыть ее снаружи, надо набрать код из трех цифр на панели, расположенной прямо на ручке.

— О'кей.

— Если вас станут преследовать внутри дома, то у вас, следовательно, имеется надежная комната, где вы сможете забаррикадироваться. Стены там прочные, а чтобы выломать дверь, потребуется довольно много времени, даже при наличии под рукой инструментов. В-третьих, мы установим камеры наблюдения, и, находясь в спальне, вы сможете видеть, что происходит на заднем дворе и на первом этаже. Это будет ближе к концу недели, и одновременно мы установим детекторы движения снаружи дома.

— Господи. Похоже, спальня в дальнейшем станет не слишком романтическим местом.

— Там будет всего лишь маленький монитор. Мы можем встроить его в гардеробную или в шкаф, чтобы он не торчал у вас перед глазами.

— О'кей.

— Ближе к концу недели я хочу сменить двери в кабинете и в одной из комнат внизу. Если что-то произойдет, вы сможете запереть дверь и быстро оказаться в безопасности, пока будете ждать помощи.

— Понятно.

— Если запустите охранную сигнализацию по ошибке, вам следует незамедлительно позвонить на центральный пульт «Милтон секьюрити» и отменить вызов. Для этого вам потребуется назвать зарегистрированный у нас пароль. Если вы забудете пароль, бригада выедет на вызов в любом случае, и тогда вам придется заплатить некоторую сумму денег.

— Ясно.

— В-четвертых, в четырех местах дома сейчас имеется сигнализация на случай нападения. Здесь, в кухне, в холле, в рабочем кабинете на втором этаже и в спальне. Сигнализация состоит из двух кнопок, на которые надо нажать одновременно и не отпускать в течение трех секунд. Вы сможете сделать это одной рукой, но права на ошибку у вас не будет.

— Вот оно что.

— Если вы запустите сигнализацию на случай нападения, произойдут три вещи. Во-первых, сюда немедленно направятся машины. Ближайшая

приедет из Фисксэтры, и в течение десяти-двенадцати минут здесь окажутся два крепких парня. Во-вторых, приедет машина «Милтон секьюрити» из Накки. Ей потребуется в лучшем случае двадцать, но скорее двадцать пять минут. В-третьих, автоматически вызывается полиция. Иными словами, с интервалом в несколько минут на место придут несколько машин.

— О'кей.

— Этот вызов нельзя отменить так, как при ошибочном запуске основной охранной сигнализации. То есть вы не сможете позвонить и сказать, что произошла ошибка. Даже если вы встретите нас на подъезде к дому и заявите об ошибке, полиция все равно войдет в дом. Нам надо будет убедиться, что здесь никто не стоит, приставив к голове вашего мужа пистолет или что-нибудь подобное. Сигнализацию на случай нападения вы должны использовать только при возникновении реальной опасности.

— Ясно.

— Это не обязательно должно быть физическое нападение. Достаточно, чтобы кто-нибудь попытался проникнуть в дом или появился на заднем дворе и так далее. Если почувствуете минимальную угрозу, используйте эту сигнализацию, но действуйте разумно.

— Обещаю.

— Я заметил, что у вас в разных местах дома расставлены клюшки для гольфа.

— Да. Я сегодня ночевала одна.

— Я бы на вашем месте поехал в гостиницу. Что до меня, то, пожалуйста, принимайте собственные меры предосторожности. Однако надеюсь, вы понимаете, что клюшкой для гольфа нападающего легко можно убить.

— Хм.

— Если такое произойдет, то вас, по всей видимости, привлекут к судебной ответственности за убийство по неосторожности. Если же вы сообщите, что расставили клюшки в качестве оружия, то это уже смогут квалифицировать как умышленное убийство.

— Значит, я должна...

— Не продолжайте. Я знаю, что вы собираетесь сказать.

— Если кто-нибудь на меня нападет, то я уж всяко намерена проломить этому человеку башку.

— Я вас понимаю. Но смысл привлечения «Милтон секьюрити» как раз в том, чтобы у вас была альтернатива. Вы сможете вызвать помощь и, главное, не окажетесь в ситуации, когда вам придется проламывать чью-то

башку.

— О'кей.

— И кстати, чем вам помогут ключики, если он придет с огнестрельным оружием? Залог безопасности в том, чтобы на шаг опережать того, кто хочет причинить вам вред.

— А что мне делать, если у меня появился преследователь-маньяк?

— Старайтесь не дать ему шанса войти к вам в доверие. На настоящий момент ситуация такова: мы закончим установку оборудования только дня через два, и после этого нам будет необходимо еще побеседовать с вашим мужем. Он должен получить такую же информацию о системе безопасности, как и вы.

— Ага.

— До тех пор мне бы, честно говоря, не хотелось, чтобы вы тут жили.

— Я не могу никуда переехать. Муж вернется домой через пару дней. Но мы оба довольно много ездим, и кто-то из нас периодически остается тут в одиночестве.

— Понимаю. Но речь идет о нескольких днях, пока мы не установим оборудование. Не могли бы вы пока пожить у кого-нибудь из знакомых?

У Эрики мелькнула мысль о квартире Микаэля Блумквиста, но она вспомнила, что сейчас это не лучшая идея.

— Спасибо, но я все-таки лучше останусь дома.

— Этого я и боялся. В таком случае мне бы хотелось, чтобы до конца недели у вас кто-нибудь пожил.

— Хм.

— К вам может на время переехать кто-нибудь из знакомых?

— Наверняка. Но не в половине восьмого вечера, если у меня по заднему двору разгуливает сумасшедший убийца.

Давид Русин ненадолго задумался.

— О'кей. Вы бы не возражали против компании сотрудника «Милтон секьюрити»? Я могу позвонить и узнать, свободна ли сегодня вечером девушка по имени Сусанн Линдер. Она наверняка не прочь заработать несколько лишних сотен.

— Сколько это стоит?

— Об этом уж договаривайтесь с ней, за рамками всех формальных договоров. Но я действительно не хочу, чтобы вы оставались тут в одиночестве.

— Я не боюсь темноты.

— Это я уже понял, иначе бы вы сегодня тут не ночевали. Но Сусанн Линдер к тому же бывший сотрудник полиции. И это в порядке

исключения. Организация личной охраны — совсем другое дело и достаточно дорогое.

Серьезный тон Давида Русина возымел воздействие. Эрика Бергер вдруг осознала, что этим деловым тоном он обсуждает опасность, грозящую ее жизни. А если считать, что страхи преувеличены, и не принимать во внимание его профессиональную озабоченность, тогда зачем было вообще звонить в «Милтон секьюрити» и просить их установить сигнализацию?

— О'кей. Звоните. Я постелю ей в комнате для гостей.

Только около девяти вечера Моника Фигуэрола и Микаэль Блумквист, завернувшись в простыни, вышли на кухню и сварганили себе салат из макарон, тунца, бекона и других остатков, имевшихся в холодильнике Моники. Этот ужин они запивали водой. Внезапно Моника Фигуэрола захихикала.

— Что?

— Подозреваю, что Эдклинт был бы слегка шокирован, если бы увидел нас сейчас. Велев мне держать тебя под контролем, он едва ли имел в виду занятия сексом.

— Начала все это ты. Меня поставили перед выбором: идти добровольно или в наручниках.

— Я знаю. Однако тебя не пришлось долго уговаривать.

— Может, ты и не осознаешь — хотя думаю, ты все прекрасно понимаешь, — что ты просто воплощенный секс. Какой же парень против такого устоит?

— Спасибо. Однако я не так уж сексуальна. И не слишком часто занимаюсь сексом.

— Хм.

— Это правда. Не так много людей, с которыми у меня доходит до постели. Этой весной я встречалась с одним парнем, но там все кончено.

— Почему же?

— Он довольно милый, но у нас получалось своего рода тоскливое соревнование по армрестлингу. Я была сильнее его, и он этого не вынес.

— О'кей.

— Ты тоже из тех, кому хочется потягаться со мной в рукоборстве?

— Ты хочешь знать, комплекую ли я из-за того, что ты более тренированная и физически сильная, чем я? Нет.

— По правде говоря, я заметила, что многие парни интересуются мной, но потом начинают меня провоцировать, пытаюсь различными

способами взять верх. Особенно когда обнаруживают, что я из полиции.

— Я не собираюсь с тобой соревноваться. Я сильнее тебя в своем деле, а ты сильнее меня в своем.

— Отлично. Такой подход меня устраивает.

— Почему ты меня подцепила?

— Я обычно поддаюсь импульсам, и это был как раз такой случай.

— О'кей. Но ты ведь работаешь не где-нибудь, а в СЭПО и пребываешь в эпицентре расследования, где я являюсь одним из действующих лиц...

— Ты считаешь, что я поступила непрофессионально? Возможно, да, мне не следовало этого делать. И если все выйдет наружу, у меня будут большие проблемы. Эдклинт расвирепееет.

— Я не проболтаюсь.

— Спасибо.

Они немного помолчали.

— Не знаю, что из этого получится. Ты ведь, насколько я поняла, любитель создавать сложности. Это так?

— Да. К сожалению. И я, в общем-то, не ищу себе постоянной девушки.

— О'кей. Я предупреждена. Пожалуй, я тоже не ищу постоянного бойфренда. Может, сохраним это на дружеской основе?

— Желательно. Моника, я не стану никому рассказывать о наших отношениях. Но если дело обернется плохо, у меня может возникнуть жуткий конфликт с твоими коллегами.

— Честно говоря, не думаю. Эдклинт — человек справедливый. И мы действительно хотим разобраться с этим «Клубом Залаченко». Если твои построения верны, то это чистое безумие.

— Посмотрим.

— С Лисбет Саландер у тебя тоже была связь.

Микаэль Блумквист поднял взгляд на Монику Фигуэролу.

— Послушай... я не открытая книга, доступная любому желающему. Мои отношения с Лисбет никого не касаются.

— Она дочь Залаченко.

— Да. И ей приходится с этим жить. Но она не Залаченко. Между ними, черт возьми, есть огромная разница.

— Я не хотела никого обидеть. Меня интересует, почему тебя так волнует эта история.

— Лисбет мой друг. И этим все сказано.

Сусанн Линдер из «Милтон секьюрити», одетая в джинсы, черную кожаную куртку и кроссовки, прибыла в Сальтшёбаден около девяти часов вечера, получила от Давида Русина инструкции и обошла с ним вокруг дома. Ее снаряжение — лэптоп, телескопическая дубинка, баллончик со слезоточивым газом, наручники и зубная щетка — уместилось в зеленой военной сумке, которую она распаковала в комнате для гостей. После этого Эрика Бергер предложила ей кофе.

— Спасибо. Вы явно считаете меня гостем, которого надо развлекать всеми доступными способами. На самом же деле я отнюдь не гость. Я — необходимое зло, внезапно ворвавшееся в вашу жизнь, пусть и на пару дней. Я шесть лет прослужила в полиции и уже четыре года работаю в «Милтон секьюрити». Я профессиональный охранник.

— Вот как.

— Вам угрожает опасность, и я нахожусь здесь в качестве стражника, чтобы вы могли спокойно спать или работать, почитать книгу или делать то, что вам хочется. Если у вас есть потребность выговориться, я с удовольствием послушаю. А если нет, то у меня с собой имеется книга, которую я могу почитать.

— О'кей.

— Я хочу сказать, что вы должны вести нормальную жизнь и не обязаны меня развлекать. Иначе я буду только мешать вам. Лучше всего смотрите на меня как на временную коллегу.

— Должна признаться, что вся эта ситуация для меня в новинку. Будучи главным редактором «Миллениума», я тоже подвергалась угрозам, но на чисто профессиональном уровне. А тут какой-то отвратительный человек...

— Который зациклился именно на вас.

— Что-то в этом роде.

— Организация настоящей личной охраны будет стоить огромных денег, и вам придется договариваться лично с Драганом Арманским. Чтобы это имело смысл, должна существовать четкая и конкретная угроза. Для меня же это просто подработка. Я возьму по пятьсот крон за ночь за то, чтобы до конца недели спать здесь, а не дома. Это дешево и намного меньше того счета, который бы я выставила, работай я по заданию «Милтон секьюрити». Вам это подходит?

— Подходит.

— Если что-нибудь произойдет, я хочу, чтобы вы заперлись в спальне и предоставили разбираться мне. Ваша задача — нажать на кнопки сигнализации, которая установлена на случай нападения.

— Ясно.

— Я говорю серьезно. Если начнется драка, я не хочу, чтобы вы путались у меня под ногами.

Около одиннадцати Эрика Бергер пошла спать. Закрывая дверь спальни, она услышала, как щелкнул замок. Она, не торопясь, разделась и улеглась в постель.

Несмотря на заверения гости, что ее не нужно развлекать, Эрика и Сусанн Линдер два часа провели на кухне вместе. В обществе Сусанн Эрика чувствовала себя непринужденно, и они прекрасно понимали друг друга, обсуждая психологические факторы, толкающие некоторых мужчин на преследование женщин. Сусанн Линдер заявила, что плюет на всякую психологическую ерунду. Главное то, что таких психов нужно унимать, и работа в «Милтон секьюрити» давала ей возможность заниматься именно этим.

— Почему вы ушли из полиции? — поинтересовалась Эрика Бергер.

— Лучше спросите, почему я стала полицейским.

— О'кей. Почему же вы стали полицейским?

— Потому что, когда мне было семнадцать, мою близкую подругу ограбили и изнасиловали в машине три мерзавца. Я пошла работать в полицию, поскольку моя голова была забита романтическими представлениями вроде того, что полиция существует для предотвращения подобных преступлений.

— Да...

— Мне не удалось предотвратить ни единой мерзости. В качестве полицейского я всегда прибывала на место уже после совершения преступления. Я не выносила чванливого жаргона патрульной службы и быстро поняла, что некоторые правонарушения даже не расследуются. Ваш случай — классический тому пример. Вы пытались звонить в полицию и заявлять о случившемся?

— Да.

— И полиция приехала?

— Не совсем. Мне посоветовали подать заявление в ближайшее отделение.

— О'кей. Значит, вам все понятно. Теперь я работаю у Арманского и вступаю в дело еще до совершения преступления.

— При угрозе женщинам?

— Я занимаюсь самыми разными вещами. Анализом вопросов безопасности, личной охраной, слежкой и тому подобным. Но это чаще

всего связано с людьми, подвергающимися угрозе, и мне здесь нравится гораздо больше, чем в полиции.

— О'кей.

— Есть, конечно, и минусы.

— Какие?

— Мы помогаем только клиентам, способным платить.

Лежа в постели, Эрика Бергер продолжала размышлять над словами Сусанн Линдер. Деньги на меры безопасности есть не у всех. Сама она, не моргнув глазом, приняла предложение Давида Русина сменить несколько дверей, установить двойную сигнализацию и поручить мастерам выполнение целого ряда работ. Стоимость всех действий выльется где-то в 50 000 крон, но у нее средства есть.

Ей вспомнилось подозрение, что угрожающий ей человек как-то связан с «СМП» — он ведь знал о том, что она повредила ногу, — и она подумала над этим. Первым на ум приходил Андерс Хольм. Он ей не нравился и, соответственно, сразу попадал под подозрение, однако едва она появилась в редакции на костылях, как новость распространилась молниеносно.

А еще необходимо браться за проблему с Боргшё.

Внезапно Эрика села в постели, нахмурила брови и огляделась по сторонам. Куда же она положила папку Хенри Кортеса с материалами о Боргшё и фирме «Витавара АБ»?

Эрика встала, натянула халат и оперлась о костыль. Потом открыла дверь спальни, прошла в кабинет и включила верхний свет. Нет, в кабинете она не была после того, как... как читала папку, лежа накануне вечером в ванне. А потом положила ее на подоконник.

Эрика заглянула в ванную комнату. Папки на окне не было.

Она долго стояла, вспоминая свои действия.

Я вылезла из ванны, пошла ставить кофе, наступила на осколок, и тут меня поглотили другие проблемы.

Она не помнила, чтобы утром видела папку. И никуда ее не переносила.

Внезапно Эрика похолодела. В последующие пять минут она систематично обыскала ванную, перетряхнула кипы бумаг и пачки газет на кухне и в спальне. Под конец ей пришлось констатировать, что папка исчезла.

В какой-то момент между тем, как она наступила на стекло, и появлением утром Давида Русина кто-то зашел в ванную и забрал папку «Миллениума» с материалами о «Витавара АБ».

Потом Эрика сообразила, что в доме у нее есть и другие секреты. Быстро дохромав обратно до спальни, она выдвинула нижний ящик стоящего возле кровати комода. Сердце ушло в пятки. Все люди имеют тайны. Она хранила свои в комоде, в спальне. Дневник Эрика Бергер регулярно не вела, но временами к нему обращалась. Там хранились старые любовные письма.

В комоде лежал конверт с фотографиями, казавшимися забавными во время съемки, но совершенно не подходящими для публичной демонстрации. Когда Эрике было лет двадцать пять, она состояла членом клуба «Экстрим», устраивавшего частные вечеринки для любителей выражаться в кожу. Если глядеть на некоторые фотографии с вечеринок трезвыми глазами, едва ли можно сказать, что она выглядит на них вполне адекватной.

Но самое ужасное — там находилась видеозапись, сделанная во время отпуска в начале девяностых годов, когда они с мужем гостили у художника по стеклу Торкеля Боллингера в его летнем доме на Коста дель Соль. Во время того отпуска Эрика обнаружила у мужа явные бисексуальные наклонности, и они вместе оказались в постели у Торкеля. Отпуск проходил великолепно. Видеокамеры были еще в новинку, и созданный ими в шутку фильм, безусловно, не предназначался для просмотра с детьми.

Ящик комода оказался пуст.

Черт побери, как можно быть такой идиоткой?

На дне ящика кто-то выписал распылителем хорошо знакомые ей пять букв.

Глава

19

Пятница, 3 июня — суббота, 4 июня

Около четырех утра пятницы Лисбет Саландер закончила писать автобиографию и отправила копию Микаэлю Блумквисту на адрес «Stolliga_Bordet» на yahoo. После этого она просто лежала в постели, глядя в потолок.

Лисбет сообразила, что 30 мая ей исполнилось двадцать семь лет, но она даже не вспомнила о своем дне рождения. Ей уже случалось встречать очередной день рождения в неволе, когда она лежала в детской психиатрической клинике Святого Стефана, и, если дело примет скверный оборот, она рискует в будущем провести в сумасшедшем доме много таких знаменательных дат.

Мириться с этим Лисбет не собиралась.

Когда ее лишили свободы в первый раз, она едва достигла подросткового возраста. Теперь же она взрослая и обладает более значительными знаниями и навыками. Лисбет задумалась над тем, сколько ей потребуется времени, чтобы сбежать, обосноваться в безопасном месте где-нибудь за границей, раздобыть новые документы и начать новую жизнь.

Встав с кровати, Лисбет пошла в туалет и посмотрелась в зеркало. Ходила она уже нормально, не хромая. Она пощупала внешнюю сторону бедра, где пулевое ранение благополучно зажило и остался только шрам. Потом покрутила руками и подвигала туда-сюда плечами. Немного тянуло, но она чувствовала себя практически здоровой. Постучав по голове, Лисбет решила, что ее мозг не слишком пострадал от того, что его продырявила пуля.

Ей чертовски повезло.

Пока у нее не появился доступ к компьютеру, она строила планы побега из запертой палаты Сальгренской больницы.

Но доктор Андерс Юнассон и Микаэль Блумквист, снабдившие ее компьютером, нарушили первоначальные планы. Прочитав тексты Микаэля, она долго размышляла, анализировала последствия, обдумывала его план и взвешивала собственные возможности. В виде исключения она решила последовать его совету — протестировать систему. Микаэль Блумквист уверял, что ей, собственно, нечего терять, и предлагал совершенно иную возможность бежать. Если его план не сработает, ей

просто придется планировать побег из клиники Святого Стефана или из какого-то другого сумасшедшего дома.

Но на самом деле к решению сыграть в предложенную Микаэлем игру ее подтолкнула жажда мести.

Лисбет ничего не прощала.

Залаченко, Бьёрк и Бьюрман мертвы.

Но Телеборьян жив.

Равно как и ее братец Рональд Нидерман. Хоть, в принципе, он и не ее проблема. Конечно, он помогал ее убивать и закапывать, но это казалось не столь важным. *Если я когда-нибудь с ним столкнусь, тогда посмотрим, а пока он — проблема полиции.*

Но Микаэль прав — за заговором должны стоять еще другие, неизвестные лица, искалечившие ее жизнь. Ей необходимо заполучить имена и персональные идентификационные номера этих анонимных лиц.

И в результате Лисбет решила последовать плану Микаэля и написала голую, неприукрашенную правду о своей жизни в форме сухой автобиографии на сорока страницах. Она тщательно подбирала формулировки, и каждое предложение содержало только правду. Микаэль прав: шведские СМИ уже распространили о ней настолько чудовищные утверждения, что никакие безумные откровения уже не смогут нанести дополнительный ущерб ее репутации.

Вместе с тем автобиографию нельзя было назвать полностью правдивой: Лисбет едва ли рассказала всю правду о себе и своей жизни. Это ей было совершенно ни к чему.

Вернувшись к кровати, Лисбет снова забралась под одеяло. Она испытывала какое-то непонятное раздражение. Протянув руку, она достала принесенный ей Анникой Джаннини блокнот, которым почти не пользовалась, и открыла первую страницу. Там была записана одна-единственная строчка:

$$(x^3 + y^3 = z^3)$$

Прошлой зимой Лисбет провела несколько недель на Карибских островах, упорно размышляя над теоремой Ферма. Вернувшись в Швецию, она продолжала игру с уравнениями, пока ее не отвлекли поиски Залаченко. И теперь ее не покидало раздражающее чувство, что она когда-то нащупала решение...

Но не могла его вспомнить.

Невозможность что-то вспомнить была для Лисбет Саландер

феноменом незнакомым. Она проверяла себя — заходила в Интернет и выбирала наобум несколько HTML-кодов, которые мельком просматривала, запоминала и потом воспроизводила с абсолютной точностью.

Она не утратила своей фотографической памяти, которую считала проклятием.

В голове все работало, как всегда.

За исключением того, что она вроде бы помнила, что нашла решение теоремы Ферма, но не могла сообразить, как, когда или где.

Главное, она не испытывала к этой загадке никакого интереса. Теорема Ферма ее больше не увлекала. Именно так Лисбет и была устроена — она увлекалась какой-нибудь загадкой, но, разгадав ее, сразу теряла к ней интерес.

Именно такое ощущение у нее и было по отношению к теореме Ферма. Она перестала быть неким чертиком на плече, который постоянно требовал внимания и дразнил ее ум. Просто какая-то маленькая формула, несколько закорючек на листе бумаги, и Лисбет не испытывала ни малейшего желания за нее браться.

Это ее беспокоило. Она отложила блокнот.

Надо бы поспать.

Вместо этого Лисбет достала компьютер и вышла в Интернет. Немного подумав, она зашла на жесткий диск Драгана Арманского, который еще не посещала с тех пор, как заполучила компьютер. Арманский сотрудничает с Микаэлем Блумквистом, но особой необходимости читать, чем он занимается, она не ощущала.

Лисбет стала рассеянно просматривать его электронную почту.

Потом нашла сделанные Давидом Русином выводы насчет обеспечения безопасности в доме Эрики Бергер и удивленно подняла брови.

Эрику Бергер кто-то преследует.

Она наткнулась на докладную записку сотрудницы Сусанн Линдер, которая явно провела прошлую ночь у Эрики Бергер и отослала отчет, не дожидаясь утра. Лисбет посмотрела на время отправления: сообщение ушло около трех ночи, и в нем говорилось, что Бергер обнаружила исчезновение из комода в спальне личных дневников, писем и фотографий, а также видеозаписей сугубо интимного характера.

Обсудив ситуацию, мы с фру Бергер пришли к выводу, что кража, вероятно, произошла в то время, когда она находилась в больнице, после того как

наступила на осколок стекла. Примерно в течение двух с половиной часов дом оставался без присмотра, а сигнализация от НИП не была подключена. Все остальное время, до момента обнаружения кражи, в доме находились либо Бергер, либо Давид Русин.

Напрашивается вывод о том, что преследователь постоянно держал фру Бергер под наблюдением и мог видеть, что она уехала на такси, а также, возможно, что она повредила ногу и хромот. Воспользовавшись случаем, он проник в дом.

Лисбет отсоединилась от жесткого диска Арманского и в задумчивости выключила компьютер. Она испытывала смешанные чувства.

У нее не было причин любить Эрику Бергер. Она по-прежнему помнила унижение, которое пережила однажды накануне Нового года, увидев, как Микаэль Блумквист идет к своему дому в обнимку с Эрикой.

Так глупо, как в тот миг, она себя не чувствовала никогда в жизни, и снова поддаваться подобным чувствам не намеревалась.

Лисбет вспомнила испытанную ею безрассудную ненависть и желание догнать их и ударить Эрику Бергер.

Ей было стыдно за те чувства, но теперь она излечилась.

Однако причин любить Эрику Бергер у нее от этого не прибавилось.

Через минуту она задумалась над тем, что могла содержать видеозапись Бергер «сугубо интимного характера». У нее самой имелась видеозапись в таком роде, показывавшая, как Слизняк Нильс Бьюрман ее насилует. Теперь эта запись находится в руках Микаэля Блумквиста. Лисбет задумалась над тем, как бы она сама отреагировала, если бы кто-нибудь проник к ней в квартиру и похитил запись. Собственно говоря, Микаэль Блумквист именно это и проделал, правда, не с целью причинить ей вред.

Хм.

Как все сложно.

В ночь на пятницу Эрика Бергер так и не смогла заснуть. Она неутомимо хромала по вилле, и страх густым туманом расползлся вслед за ней по всем комнатам, а Сусанн Линдер присматривала за клиенткой.

Около половины третьего ночи Сусанн Линдер удалось уговорить Бергер если не поспать, то хоть лечь в постель и отдохнуть. Когда Эрика наконец захлопнула за собой дверь спальни, она вздохнула с облегчением,

потом открыла свой лэптоп и обобщила произошедшее в электронном письме Драгану Арманскому. Едва успев отправить сообщение, она услышала, что Эрика Бергер снова встала и бродит по комнатам.

Около семи утра ей в конце концов удалось заставить хозяйку дома позвонить в «СМП» и взять на этот день больничный. Эрика Бергер с неохотой согласилась, что на работе от нее сейчас будет мало проку, и уснула на диване в гостиной перед закрытым фанерой окном. Сусанн Линдер принесла одеяло и укрыла ее, после чего сварила себе кофе, позвонила Драгану Арманскому и рассказала, по какой причине Давид Русин вызвал ее сюда.

— Я тоже не сомкнула ночью глаз, — сказала Сусанн Линдер.

— О'кей. Оставайся у Бергер. Пойди приляг и поспи пару часиков, — распорядился Арманский.

— Я не знаю, как мы будем выставлять счет...

— Решим позднее.

Эрика Бергер проспала до половины третьего дня, а проснувшись, обнаружила, что Сусанн Линдер спит в кресле в другом конце гостиной.

Моника Фигуэрола в пятницу утром проспала и уже не успевала совершить перед работой утреннюю пробежку. Вину за это обстоятельство она возложила на Микаэля Блумквиста и, приняв душ, вытолкала его из постели.

Микаэль Блумквист поехал в «Миллениум», где удивил всех столь ранним появлением. Он что-то пробормотал, принес кофе и позвал к себе в кабинет Малин Эрикссон и Хенри Кортеса. В течение трех часов они просматривали статьи для ближайшего тематического номера и проверяли, как продвигаются дела с выпуском книг.

— Книга Дага Свенссона вчера пошла в печать, — сказала Малин. — Мы выпустим ее в мягкой обложке.

— О'кей.

— Номер будет представлять собой The Lisbeth Salander Story,^[52] — сказал Хенри Кортес. — Они все время меняют нам дату, но суд назначен на среду тринадцатого июля. К этому времени тираж уже будет напечатан, но мы придержим его распространение до середины недели. Когда его выпустить, решать тебе.

— Отлично. Значит, остается книга о Залаченко, а это пока сплошной кошмар. Назовем мы ее «Секция». В первую часть книги войдет практически тот же материал, что будет в «Миллениуме». Исходная точка — убийство Дага Свенссона и Миа Бергман, а далее — поиски Лисбет

Саландер, Залаченко и Нидермана. Во второй части изложим то, что знаем о «Секции».

— Микаэль, хоть типография и идет для нас на все, но мы должны сдать готовый к печати оригинал не позднее конца июня, — сказала Малин. — Кристеру требуется по крайней мере пара дней для верстки. Таким образом, у нас остается чуть более двух недель. Не представляю, как мы все успеем.

— Раскопать историю полностью мы не успеем, — признал Микаэль. — Но думаю, мы бы не успели этого и за год. В этой книге мы расскажем о свершившихся событиях. Если будет не хватать ссылок на источники, я изложу свою точку зрения. Высказывать предположения надо четко и открыто. Следовательно, мы расскажем о том, что произошло и на что у нас есть документальное подтверждение, а потом напишем, что, на наш взгляд, могло произойти.

— Чертовски зыбко, — сказал Хенри Кортес.

Малин покачала головой.

— Если я утверждаю, что сотрудник СЭПО вламывался ко мне в квартиру, и могу предоставить видеозапись, значит, это утверждение документально подтверждено. Если же я заявляю, что он делал это по распоряжению «Секции», то высказываю предположение, которое не могу подтвердить документально, но в свете остальных разоблачений оно выглядит вполне обоснованным. Понимаешь?

— О'кей.

— Я не успею написать все сам. Хенри, вот перечень текстов, которые придется подготовить тебе. Малин, ты будешь помогать Хенри так же, как с редактированием книги Дага Свенссона. Все три имени выносятся на обложку в качестве авторов. Согласны?

— Конечно, — ответила Малин. — Но у нас есть еще кое-какие проблемы.

— Какие?

— Пока ты сидишь с книгой о Залаченко, нам тут приходится выполнять чертовски много работы...

— И ты считаешь, что я полностью выпадаю?

Малин Эрикссон кивнула.

— Ты права. Я сожалею.

— Не надо. Мы все знаем, что, когда ты захвачен каким-то материалом, для тебя больше ничего не существует. Но мы не справляемся. Я не справляюсь. У Эрики Бергер на подхвате была я. У меня есть Хенри, он гениален, но он работает над твоим материалом не меньше тебя. Даже

считая тебя, нам все равно не хватает в редакции двух человек.

— О'кей.

— И я не Эрика Бергер, у меня нет ее навыков. Я только учусь работать. Моника Нильссон выбивается из сил, Лотта Карим тоже, но ни у кого нет времени даже задуматься.

— Это временно. Как только начнется судебный процесс...

— Нет, Микаэль. На этом все не закончится. Когда начнется суд, будет просто ад. Помнишь, как было с делом Веннерстрёма? Мы тебя не увидим еще месяца три, пока ты будешь мотаться по разным телевизионным передачам.

Микаэль вздохнул, потом медленно кивнул.

— Что ты предлагаешь?

— Чтобы осенью «Миллениум» выжил, нам надо взять новых сотрудников, как минимум двоих. У нас не хватает сил на то, что мы пытаемся делать, и...

— И?

— И я не уверена, что мне хочется это делать.

— Понимаю.

— Я серьезно. Я уже поднаторела быть ответственным секретарем, и это было *piесе of саке*^[53] под руководством Эрики Бергер. Мы договаривались, что летом проведем эксперимент... о'кей, мы его провели. Из меня вышел плохой главный редактор.

— Ерунда, — возразил Хенри Кортес.

Малин помотала головой.

— О'кей, — сказал Микаэль. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Но помни: у нас сложилась экстремальная ситуация.

Малин улыбнулась ему.

— Считай это жалобой со стороны персонала, — сказала она.

Оперативное подразделение отдела охраны конституции посвятило пятницу попыткам разобраться с полученной от Микаэля Блумквиста информацией. Двое сотрудников переместились во временный офис на Фридхемсплан, куда стекалась вся документация. Дело осложнялось тем, что внутренняя компьютерная сеть находилась в полицейском управлении, и, следовательно, сотрудникам приходилось ходить туда-сюда по несколько раз в день. Конечно, дорога занимала всего десять минут, но это раздражало. Зато уже к обеду у них набралось много документальных подтверждений того, что Фредрик Клинтон и Ханс фон Роттингер в 60-х и начале 70-х годов имели отношение к Службе государственной

безопасности.

Ханс фон Роттингер изначально служил в военной разведке и несколько лет проработал в отделе, координировавшем деятельность Вооруженных сил Швеции со Службой государственной безопасности. Фредрик Клинтон начинал в военно-воздушных силах и приступил к работе в отделе по контролю за сотрудниками в 1967 году.

Однако в начале 70-х годов оба покинули ГПУ/Без — Клинтон в 1971 году, а фон Роттингер в 1973-м. Клинтон стал консультантом в сфере частного предпринимательства, а фон Роттингер оставил военную службу, чтобы заниматься обследованиями для МАГАТЭ, и обосновался в Лондоне.

Только ближе к вечеру Моника Фигуэрола смогла постучаться в кабинет к Эдклинту и объявить, что карьеры Клинтона и фон Роттингера после ухода из ГПУ/Без, скорее всего, подделаны и являются прикрытием. Проследить путь Клинтона было трудно. Должность консультанта в сфере частного предпринимательства может по большому счету означать все, что угодно, и занимающий ее человек не обязан отчитываться перед государством в своей деятельности. Из налоговых деклараций следовало, что он хорошо зарабатывал, но, к сожалению, его клиентура, похоже, в основном состояла из анонимных фирм, базировавшихся в Швейцарии или подобных странах. Следовательно, доказать, что это фальшивка, было трудно.

Зато фон Роттингер никогда не переступал порога офиса в Лондоне, в котором должен был работать. Здание, где он, согласно документам, трудился, в 1973 году снесли в ходе расширения вокзала Кингс-Кросс. Похоже, что при разработке легенды кто-то допустил промах. В течение дня команда Фигуэролы побеседовала с несколькими вышедшими на пенсию сотрудниками МАГАТЭ и установила, что никто из них никогда о Хансе фон Роттингере не слышал.

— Значит, нам все ясно, — сказал Эдклинт. — Теперь остается узнать, чем они занимались на самом деле.

Моника Фигуэрола кивнула.

— Как мы поступим с Блумквистом?

— Что вы имеете в виду?

— Мы обещали сообщить ему, если найдем что-нибудь о Клинтоне с Роттингером.

Эдклинт задумался.

— Ладно. Через некоторое время он и сам до этого докопается, а нам лучше поддерживать с ним хорошие отношения. Можешь ему рассказать, только будь осторожна.

Моника Фигуэрола пообещала. Еще несколько минут они уделили обсуждению планов на выходные: двое сотрудников Моника собирались продолжить работу, сама же она намеревалась отдохнуть.

После этого Моника покинула рабочее место и отправилась в спортзал, где провела два часа, яростно наверстывая упущенное утром время. Придя домой около семи, она приняла душ, приготовила простой ужин и уселась перед телевизором слушать новости. В половине восьмого она уже не находила себе места. Надев спортивный костюм, возле входной двери она остановилась и задумалась. *Чертов Блумквист*. Моника открыла мобильный телефон и позвонила ему на анонимный номер.

— Мы раздобыли некоторую информацию о Роттингере и Клинтоне.

— Расскажи, — попросил Микаэль.

— Если приедешь в гости, расскажу.

— Хм, — произнес Микаэль.

— Я только что переоделась в спортивный костюм, чтобы сбросить немного лишней энергии, — сказала Моника Фигуэрола. — Мне отправляться или ждать тебя?

— Ничего, если я появлюсь после девяти?

— Прекрасно.

Около восьми вечера в пятницу Лисбет Саландер навестил доктор Андерс Юнассон. Он уселся на стул для посетителей и откинулся на спинку.

— Будешь меня осматривать? — спросила Лисбет Саландер.

— Нет. Сегодня не буду.

— О'кей.

— Мы сегодня проанализировали твое состояние и сообщили прокурору, что можем тебя выписать.

— Ясно.

— Они хотели забрать тебя в гётеборгский следственный изолятор прямо сегодня вечером.

— Так быстро?

Он кивнул.

— Стокгольм явно торопит. Я сказал, что должен провести завтра кое-какие заключительные тесты и не выпущу тебя раньше воскресенья.

— Зачем?

— Не знаю. Меня рассердил их напор.

Лисбет Саландер даже улыбнулась. Будь у нее в распоряжении несколько лет, она смогла бы сделать из доктора Андерса Юнассона

отличного анархиста: в глубине души он явно имел предрасположенность к гражданскому неповиновению.

— Фредрик Клинтон, — произнес Микаэль Блумквист, глядя в потолок над кроватью Моники Фигуэролы.

— Если ты зажжешь эту сигарету, я загашу ее о твой пупок, — предупредила Моника.

Микаэль удивленно посмотрел на сигарету, которую машинально вытащил из кармана пиджака.

— Извини, — сказал он. — А на балконе можно покурить?

— Если потом почистишь зубы.

Он кивнул и завернулся в простыню. Моника последовала за ним на кухню, налила себе большой стакан холодной воды и прислонилась к косяку балконной двери.

— Фредрик Клинтон?

— Он жив и является связующим звеном с прошлым.

— Он при смерти. Ему требуется новая почка, и большую часть времени он проводит на диализе или других процедурах.

— Но он жив. Мы могли бы связаться с ним и задать ему вопросы напрямую. Возможно, он согласится рассказать.

— Нет, — возразила Моника. — Во-первых, это уже предварительное следствие, а им занимается полиция. В этом отношении никакого «мы» не существует. Во-вторых, у нас с тобой договоренность: ты получаешь информацию, но обещал не предпринимать никаких действий, которые могут повредить расследованию.

Микаэль посмотрел на нее, улыбнулся и загасил сигарету.

— Фу, — сказал он. — Служба безопасности дергает за поводок.

Ее лицо вдруг стало задумчивым.

— Микаэль, это не шутки.

Когда в субботу утром Эрика Бергер ехала в «Свенска моргонпостен», на душе у нее лежал тяжелый камень. Перед этим ей начало казаться, что процесс создания газеты уже под контролем, и на выходных она планировала отдохнуть — впервые с начала работы в «СМП». Однако пропажа самых личных и интимных вещей вместе с материалами о деятельности Боргшё поставила крест на ее надеждах расслабиться.

Во время бессонной ночи, в основном проведенной на кухне в обществе Сусанн Линдер, Эрика ожидала, что «Ядовитое перо» нанесет ей удар и что ее далеко не лестные изображения быстро распространятся.

Интернет — превосходное орудие для негодяев. *Господи помилуй, проклятая запись, где я трахаюсь с мужем и другим мужчиной, — самое интимное попадет в вечерние газеты по всему миру.*

Сусанн Линдер все-таки уговорила ее лечь, но всю ночь панический страх не давал ей спать.

В восемь часов утра она встала и поехала в «СМП». Остаться в стороне она не могла — если буря разразилась, Эрика хотела встретить ее лицом.

Однако в полупустой по случаю субботы редакции все выглядело как обычно. Когда она проходила мимо центральной стойки, сотрудники приветливо поздоровались. У Андерса Хольма был выходной, и его обязанности выполнял Петер Фредрикссон.

— Доброе утро, а я думал, что вы сегодня будете отдыхать, — поприветствовал он Эрику.

— Я тоже. Но мне вчера нездоровилось, а надо кое-что сделать. Что-нибудь особенное происходит?

— Нет, в плане новостей утро выдалось спокойным. Самое животрепещущее — на деревообрабатывающем заводе в Даларна намечился подъем, и произошло ограбление в Норрчёпинге, один человек ранен.

— О'кей. Я немного посижу в стеклянной клетке и поработаю.

Она села, прислонила костыли к книжной полке и зашла в Интернет. Первым делом она проверила почту. Ей пришло несколько писем, но от «Ядовитого пера» ничего не было. Эрика нахмурила брови. С момента кражи прошло двое суток, а он еще не воспользовался приобретенными возможностями. *Почему? Собирается сменить тактику? Будет шантажировать? Просто хочет держать меня за горло?*

Конкретного дела у нее не было, и Эрика открыла документ со стратегией «СМП», которую постепенно вырабатывала. Пятнадцать минут она сидела, уставившись в экран, но не различая букв.

Потом попробовала позвонить Греггеру, но так и не смогла с ним связаться. Она даже не знала, работает ли за границей его мобильный телефон. Если бы она напряглась, то, конечно, сумела бы его разыскать, но чувствовала себя совершенно обессиленной страхом и отчаянием.

Эрика попробовала позвонить Микаэлю Блумквисту, чтобы рассказать о краже папки с документами про Боргшё, но его телефон не отвечал.

В десять часов, так толком ничего и не сделав, она решила ехать домой. Она как раз протянула руку, чтобы выключить компьютер, когда услышала сигнал ICQ. Эрика растерянно посмотрела на строчки меню. Что

такое ICQ, она знала, но общалась в чате редко и с начала работы в «СМП» этой программой ни разу не пользовалась.

Она с сомнением кликнула на «Ответить».

Привет, Эрика.

Привет. Кто это?

Личное. Ты одна?

Это новый трюк «Ядовитого пера»?

Да. Кто ты?

Мы встречались дома у Калле Блумквиста, когда он вернулся из Сандхамна.

Эрика Бергер с недоумением уставилась в экран и только через несколько секунд сообразила. *Лисбет Саландер. Невозможно.*

Ты на месте?

Да.

Никаких имен. Ты знаешь, кто я?

Как я могу узнать, что это не провокация?

Мне известно, откуда у Микаэля на шее взялся шрам.

Эрика сглотнула. Об этом знали только четыре человека на свете, и одним из них была Лисбет Саландер.

О'кей. Но как ты смогла выйти на меня в чате?

Я довольно хорошо разбираюсь в компьютерах.

Лисбет Саландер, конечно, ас. Но какую чертовщину она смогла придумать, чтобы общаться из Сальгренской больницы, где с апреля

лежит взаперти, — это выше моего понимания.

О'кей.

Я могу на тебя положиться?

Что ты имеешь в виду?

Об этом разговоре никто не должен знать.

Не хочет, чтобы полиция узнала, что у нее имеется доступ к Сети. Конечно нет. Поэтому и беседует в чате с главным редактором одной из крупнейших газет Швеции.

Нет проблем. Чего ты хочешь?

Расплатиться.

Что ты имеешь в виду?

«Миллениум» меня поддерживал.

Мы делали свою работу.

А другие газеты — нет.

Ты не виновна в том, в чем тебя обвиняют.

Тебя преследует маньяк.

Эрика Бергер вдруг почувствовала сердцебиение и ответила после долгих колебаний:

Что тебе известно?

Украденное видео. Ограбление.

Да. Ты можешь помочь?

Написав этот вопрос, Эрика Бергер не поверила собственным глазам. Чистейшее безумие. Лисбет Саландер лежит в Сальгренской больнице, оправляясь после тяжелейших ранений, и у нее своих проблем выше головы. Она уж точно последний человек, к которому Эрика могла обратиться в надежде на какую-то помощь.

Не знаю. Дай мне попробовать.

Как?

Вопрос. Ты думаешь, мерзавец находится в «СМП»?

Я не могу этого доказать.

Почему ты так думаешь?

Прежде чем ответить, Эрика надолго задумалась.

Предчувствие. Все началось, когда я стала работать в «СМП». Другие люди в «СМП» получили отвратительные письма от «Ядовитого пера», якобы от моего имени.

От «Ядовитого пера»?

Я так называю мерзавца.

О'кей. Почему объектом внимания «Ядовитого пера» стала именно ты?

Не знаю.

Что-нибудь указывает на личную неприязнь?

Что ты имеешь в виду?

Сколько в «СМП» сотрудников?

Чуть больше 230, включая издательство.

Сколько ты знаешь лично?

Трудно сказать. Со многими журналистами и сотрудниками я за эти годы при разных обстоятельствах встречалась.

Ты с кем-нибудь из них раньше ссорилась?

Нет. Ничего конкретного.

Может, кто-нибудь тебе мстит?

Мстит? За что?

Месть — мощная движущая сила.

Глядя на экран, Эрика пыталась понять, на что намекает Лисбет Саландер.

Ты еще здесь?

Да. Почему ты спрашиваешь про месть?

Я прочла составленный Русином список инцидентов, которые ты связываешь с «Ядовитым пером».

Почему я не удивляюсь?

О'кей. И что из этого?

На маньяка не похоже.

Что ты имеешь в виду?

Маньяк подвинут на сексе. А тут, похоже, кто-то прикидывается маньяком. Трахать отверткой... просто

пародия какая-то.

Вот как?

Я сталкивалась с настоящими маньяками. Они куда более извращенные, вульгарные и мерзкие. Они проявляют любовь и ненависть одновременно. Тут что-то не так.

Ты считаешь, что это недостаточно вульгарно?

Да. Письмо Эве Карлссон совсем не из этой оперы. Кто-то хочет свести счеты.

Ясно. Я так на это не смотрела.

Это не маньяк. Кто-то преследует лично тебя.

О'кей. Что ты предлагаешь?

Ты мне доверяешь?

Наверное.

Мне нужен доступ к сети «СМП».

Подожди.

Сейчас же. Меня скоро перевезут, и я лишусь Интернета.

Эрика секунд десять поколебалась. Выдать доступ к сети «СМП»... кому? Законченной психопатке? Возможно, в убийствах Лисбет и не виновна, но она определенно отличается от нормальных людей.

Но что ей терять?

Как?

Я должна вставить в твой компьютер программу.

У нас файрволы.

Ты должна помочь. Запусти Интернет.

Уже запущен.

Explorer?

Да.

Я напишу адрес. Скопируй и вставь в Explorer.

Готово.

Перед тобой перечень программ. Кликни на «Асфиксия сервер» и скачай.

Эрика выполнила инструкцию.

Готово.

Запусти «Асфиксию». Кликни на «установить» и выбери Explorer.

Всего три минуты.

Готово. О'кей. Теперь ты должна перезагрузить компьютер. Мы ненадолго утратим контакт.

О'кей.

Когда мы снова соединимся, я переведу твой жесткий диск на один сервер в сети.

О'кей.

Перезагружай. До скорого.

Пока компьютер перезагружался, Эрика Бергер восхищенно смотрела на экран. Она задумалась, все ли у нее в порядке с головой. Потом снова раздался сигнал ICQ.

Привет, это опять я.

Привет.

Будет быстрее, если это сделаешь ты. Запусти Интернет и скопируй адрес, который я тебе пошлю.

О'кей.

Сейчас у тебя появится вопрос. Кликни на «Старт».

О'кей.

Сейчас тебя попросят назвать жесткий диск. Назови его SMP-2.

О'кей.

Можешь пока сходить за кофе. Это займет некоторое время.

В субботу утром Моника Фигуэрола проснулась около восьми — примерно на два часа позже обычного. Она села в постели и посмотрела на Микаэля Блумквиста. Тот храпел. *Well. Nobody is perfect.*^[54] Она задумалась над тем, во что выльется эта связь. Насколько она поняла из его биографии, к числу надежных мужчин, с которыми можно планировать долгосрочные отношения, Микаэль не относился. С другой стороны, она не была уверена, что сама стремится к стабильным отношениям, которые приводят к обзаведению обстановкой и детьми. Со времен подросткового возраста предприняв около десятка неудачных попыток, она все больше склонялась к теории, что стабильные отношения переоцениваются. Ее самой продолжительной связью было двухлетнее совместное проживание с одним коллегой в Упсале.

Вместе с тем она была не из тех девушек, кто увлекается one night

stands,^[55] хоть и считала секс прекрасным терапевтическим средством против подавляющего большинства недугов. А с Микаэлем Блумквистом секс получался вполне удовлетворительный, даже более того. Он хороший человек, и отношения с ним хотелось продолжать.

Что это — летний роман? Влюбленность? Может, она влюбилась?

Моника пошла в ванную, сполоснула лицо и почистила зубы, а потом, надев шорты для бега и тонкую куртку, тихонечко вышла из квартиры. Она поделала растяжки и совершила сорокапятиминутную пробежку мимо больницы Роламбхов, вокруг района Фредхелль и обратно. Вернувшись домой в девять часов, она обнаружила, что Блумквист по-прежнему спит. Моника наклонилась и стала кусать его за ухо, пока он в полной растерянности не открыл глаза.

— Доброе утро, дорогой. Надо, чтобы кто-нибудь потер мне спину.

Он посмотрел на нее и что-то пробурчал.

— Что ты сказал?

— Тебе незачем принимать душ. Ты и так насквозь мокрая.

— Я пробежалась. Тебе бы следовало ко мне присоединиться.

— Подозреваю, что, если бы я попытался поддерживать твой темп, тебе пришлось бы вызывать службу спасения. Остановка сердца на Северной набережной озера Меларен.

— Ерунда. Давай-ка. Пора просыпаться.

Он потер ей спину и намылил плечи. И бедра. И живот. И грудь. И через некоторое время Моника Фигуэрала, полностью утратив интерес к водным процедурам, увлекла Микаэля обратно в постель. Кофе они пили в кафе на набережной, когда на часах было уже одиннадцать.

— Ты можешь стать для меня дурной привычкой, — сказала Моника Фигуэрала. — Мы ведь знакомы всего несколько дней.

— Меня к тебе очень влечет. Но думаю, ты уже заметила.

Она кивнула.

— Интересно, почему?

— Сорри. На этот вопрос я ответить не могу. Я никогда не понимаю, почему какая-то женщина меня вдруг увлекает, а другая оставляет совершенно равнодушным.

Она задумчиво улыбнулась.

— Я сегодня свободна, — сказала она.

— А я нет. У меня гора работы вплоть до начала суда, а последние три ночи я провел у тебя, вместо того чтобы заниматься делом.

— Жаль.

Он кивнул, встал и поцеловал ее в щеку. Моника ухватила его за рукав

рубашки.

— Блумквист, я очень хочу продолжать с тобой общаться.

— Я тоже, — кивнул он. — Но пока мы не разберемся с этой историей, все будет немного шиворот-навыворот.

И исчез по направлению к Хантверкаргатан.

Эрика Бергер принесла кофе и стала смотреть на экран. В течение пятидесяти трех минут абсолютно ничего не происходило, только экран периодически гас. Потом вновь возник сигнал ICQ.

Готово. У тебя на жестком диске очень много дерьма, в частности два вируса.

Сорри. Какой следующий шаг?

Кто администратор компьютерной сети «СМП»?

Не знаю. Вероятно, Петер Флеминг. Он — начальник технического отдела.

О'кей.

Что я должна делать?

Ничего. Иди домой.

Только и всего?

Я объявлюсь.

Оставить компьютер включенным?

Но Лисбет Саландер уже покинула ее ICQ. Эрика Бергер разочарованно уставилась в экран. В конце концов она выключила компьютер и отправилась на поиски кафе, где можно было бы посидеть и спокойно подумать.

Глава

20

Суббота, 4 июня

Выйдя из автобуса возле Шлюза, Микаэль Блумквист поднялся на лифте Катаринахиссен на холм Мусебаккен и дошел до дома № 9 по Фискаргатан. В ближайшем магазине он купил хлеб, молоко и сыр и первым делом положил продукты в холодильник, а затем включил компьютер Лисбет Саландер.

После некоторого размышления он также включил синий телефон «Эрикссон Т10». На обычный мобильный телефон он решил плюнуть, поскольку все равно не хотел разговаривать ни с кем, кто не имел отношения к истории Залаченко. Оказалось, что за прошедшие сутки ему звонили семь раз — трижды Хенри Кортес, дважды Малин Эрикссон и один раз Эрика Бергер.

Для начала он позвонил Хенри Кортесу, который сидел в кафе в районе Васастан и хотел обсудить несколько мелочей, но ничего срочного.

Малин Эрикссон звонила просто для порядка.

Потом Микаэль позвонил Эрике Бергер, но у нее было занято.

Он открыл yahoo «Stolliga_Bordet» и обнаружил окончательный вариант биографии Лисбет Саландер. Микаэль улыбнулся, кивнул, распечатал документ и сразу принялся его читать.

Лисбет Саландер давила на клавиши своего «Палм Тангстен Т3». Проникнув в компьютерную сеть «СМП», она в течение часа разбиралась с ее содержимым. При этом она пользовалась регистрационным адресом Эрики Бергер — заниматься адресом Петера Флеминга Лисбет не стала, поскольку добывать полные административные полномочия у нее не было необходимости. Ее интересовал доступ к административному сайту «СМП» с личными файлами, а тут у Эрики Бергер и так имелись полные права.

Лисбет ужасно жалела, что Микаэль Блумквист не мог вместо карманного компьютера протащить в больницу ее ноутбук с настоящей клавиатурой и 17-дюймовым экраном. Она скачала себе перечень всех сотрудников «СМП» и стала его изучать. Он включал двести двадцать три человека, из них восемьдесят две женщины.

Для начала она вычеркнула всех женщин. Сумасшествие у женщин она не исключала, но статистика показывала, что в подавляющем большинстве

случаев женщин преследуют мужчины. Оставался сто сорок один человек.

Опять-таки согласно статистике, большинство «ядовитых перьев» пребывает либо в подростковом, либо в среднем возрасте. Поскольку подростки в «СМП» не работали, Лисбет построила диаграмму и вычеркнула всех старше пятидесяти пяти и моложе двадцати пяти. После этого осталось сто три человека.

Она немного подумала. Времени было мало — возможно, даже меньше двадцати четырех часов. Лисбет приняла решение и одним махом вычеркнула всех работников отделов распространения, рекламы, художественного оформления, охраны и техники, сосредоточив внимание на группе журналистов и редакционного персонала. Получился список из сорока восьми мужчин в возрасте от двадцати шести до пятидесяти четырех лет.

Тут послышался звон связки ключей. Лисбет тотчас выключила компьютер и пристроила его под одеялом между ног. Прибыл ее последний обед в Сальгренской больнице, и Лисбет с тоской посмотрела на тушеную капусту. К тому же она знала, что после обеда ей некоторое время не дадут спокойно работать, поэтому положила компьютер в дырку за тумбочкой и терпеливо ждала, пока две женщины родом из Эритреи пропылесосят палату и перестелют кровать.

Одну из них звали Сара, и она в последний месяц регулярно приносила Лисбет по несколько сигарет «Мальборо лайт». Она также снабдила пациентку зажигалкой, которую та прятала за прикроватной тумбочкой. Лисбет с благодарностью приняла две сигареты, которые собиралась выкурить ночью возле вентилятора.

Только около двух, когда все опять успокоилось, Лисбет достала компьютер и подключилась к Сети. Она собралась было сразу вернуться к административному сайту «СМП», но сообразила, что не следует забывать о собственных проблемах. Ежедневную проверку она начала с yahoo «Stolliga_Bordet». За последние трое суток Микаэль Блумквист не выложил там ничего нового, и ее заинтересовало, чем же он занимается. *Этот дьявол опять взялся за свое и крутит с какой-нибудь fifой с большой грудью.*

Потом Лисбет проверила, не добавил ли чего-нибудь Чума. Не добавил.

Далее она занялась проверкой жестких дисков прокурора Рихарда Экстрёма, где нашла малоинтересную корреспонденцию о предстоящем суде, и доктора Петера Телеборьяна.

Каждый раз, когда она углублялась в жесткий диск Телеборьяна, у нее

возникало чувство, будто температура тела на несколько градусов понижается.

Она нашла результаты своей судебно-медицинской экспертизы, которые он уже сформулировал, хотя официально написать их мог только после осмотра. Прогноз, по его версии, несколько улучшился, но в целом ничего нового не появилось. Лисбет скачала экспертизу и отправила на адрес «Stolliga_Bordet», потом стала проверять электронную почту Телеборьяна, открывая одно письмо за другим, и чуть не упустила значение коротенького сообщения:

Суббота, 15.00, у кольца на Центральном вокзале.
Юнас.

Дьявол. Юнас. Он встречается во множестве писем, адресованных Телеборьяну. Использует адрес на hotmail. Личность неизвестна.

Лисбет Саландер перевела взгляд на электронные часы на тумбочке. 14.28. Она сразу нажала ICQ Микаэля Блумквиста, но ответа не последовало.

Микаэль Блумквист распечатал уже готовые 220 страниц, выключил компьютер и уселся за кухонный стол Лисбет Саландер с ручкой в руках, намереваясь заняться правкой.

Текст его удовлетворял, но в материалах оставалось большое белое пятно. Как же найти остальных членов «Секции»? Малин Эрикссон права. Это невозможно. И время поджидает.

Лисбет Саландер сердито выругалась и попыталась вызвать в ICQ Чуму. Тот не отвечал. Она покосилась на часы. 14.30.

Лисбет села на край кровати и стала вспоминать адреса ICQ. Сперва попробовала адрес Хенри Кортеса, потом Малин Эрикссон. Никто не отвечал. *Суббота. У всех выходной.* Она покосилась на часы. 14.32.

Лисбет попыталась добраться до Эрики Бергер. Безуспешно. *Я же велела ей идти домой. Дьявол. 14.33.*

Она могла бы послать SMS Микаэлю Блумквисту на мобильный телефон... но он прослушивается. Лисбет прикусила нижнюю губу.

В конце концов она в отчаянии повернулась к тумбочке и вызвала медсестру. В 14.35 она услышала, что в дверь вставляется ключ, и к ней заглянула сестра Агнета, женщина лет пятидесяти.

— Здравствуйте. У вас проблемы?

— Доктор Андерс Юнассон сейчас в отделении?

— Вы себя плохо чувствуете?

— Я хорошо себя чувствую. Но мне надо обменяться с ним парой слов. Если возможно.

— Я его только что видела. А в чем дело?

— Мне необходимо с ним поговорить.

Сестра Агнета нахмурила брови. Пациентка Лисбет Саландер обычно вызывала сестер, только если у нее болела голова или возникала какая-то другая неотложная проблема. Она никогда не вступала в споры и ни разу не просила о разговоре с конкретным врачом. Правда, сестра Агнета отметила, что Андерс Юнассон много возился с арестованной пациенткой, которая обычно бывала полностью закрыта для внешнего мира. Возможно, ему удалось установить с ней какой-то контакт.

— Ладно. Я узнаю, есть ли у него время, — приветливо сказала сестра Агнета и закрыла дверь. И заперла ее. На часах было 14.36 и тут же стало 14.37.

Лисбет встала с кровати и подошла к окну. Она регулярно косилась на часы. 14.39. 14.40.

В 14.44 она услышала шаги в коридоре и бряцание связки ключей охранника. Андерс Юнассон бросил на нее вопросительный взгляд и остановился, увидев в глазах Лисбет Саландер отчаяние.

— Что-нибудь случилось?

— Кое-что случается как раз сейчас. У тебя мобильник с собой?

— Что?

— Мобильный телефон. Мне необходимо позвонить.

Андерс Юнассон с сомнением покосился на дверь.

— Андерс... Мне нужен мобильник. Немедленно!

Услышав в ее голосе отчаяние, он сунул руку во внутренний карман и передал ей телефон, который Лисбет буквально вырвала у него из рук. Позвонить Микаэлю Блумквисту она не могла — предполагалось, что его телефон прослушивается. А номера анонимного синего «Эрикссон Т10» он ей не давал — зачем, если она все равно не сможет ему позвонить из-под ареста? Поколебавшись десятую долю секунды, Лисбет набрала номер Эрики Бергер, и после трех сигналов Эрика ответила.

Эрика Бергер находилась в своей машине «БМВ», в километре от дома, когда у нее состоялся неожиданный разговор. Правда, этим утром Лисбет Саландер уже удалось ее потрясти.

— Бергер.

— Это Саландер. На объяснения времени нет. У тебя есть номер анонимного телефона Микаэля? Того, который не прослушивается.

— Да.

— Позвони ему. Немедленно! Телеборьян встречается с Юнасом у кольца на Центральном вокзале в пятнадцать ноль-ноль.

— Что это...

— Торопись. Телеборьян. Юнас. Кольцо на вокзале. Пятнадцать ноль-ноль. У него четверть часа.

Лисбет оборвала связь, чтобы не дать Эрике тратить драгоценные секунды на ненужные вопросы, и покосилась на часы — там как раз появились цифры 14.46.

Эрика Бергер затормозила и припарковалась на обочине. Вытащив из сумки записную книжку, она нашла номер, полученный от Микаэля в тот вечер, когда они встречались в «Котелке Самира».

Услышав писк мобильного телефона, Микаэль Блумквист встал из-за кухонного стола, вернулся в кабинет Лисбет Саландер и взял аппаратик.

— Да?

— Это Эрика.

— Привет.

— Телеборьян встречается с Юнасом у кольца на Центральном вокзале в пятнадцать ноль-ноль. У тебя осталось несколько минут.

— Что-что?

— Телеборьян...

— Я слышал. Откуда тебе об этом известно?

— Кончай дискуссию и вперед!

Микаэль покосился на часы. 14.47.

— Спасибо. Пока.

Он схватил сумку с ноутбуком и, не дожидаясь лифта, бросился вниз по лестнице. На бегу он набрал номер синего T10 Хенри Кортеса.

— Кортес.

— Где ты находишься?

— В Академическом книжном магазине.

— Телеборьян встречается с Юнасом у кольца на Центральном вокзале в пятнадцать ноль-ноль. Я в пути, но тебе ближе.

— О черт! Бегу.

Микаэль добежал по Гётгатан и с максимальной скоростью помчался в сторону Шлюза. Возле Шлюза он, запыхавшись, покосился на наручные часы. Возможно, в словах Моники Фигуэролы о пользе пробежек что-то

есть. 14.56. Ему не успеть. Он принялся искать такси.

Лисбет Саландер вернула телефон Андерсу Юнассону.

— Спасибо, — сказала она.

— Телеборьян? — спросил доктор, который слышал весь разговор.

Она кивнула и посмотрела ему в глаза.

— Телеборьян — самый настоящий подлец. Ты просто не представляешь.

— Да. Но я представляю, что в настоящий момент происходит нечто такое, от чего ты разволновалась больше, чем за все это время. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Лисбет улыбнулась Андерсу Юнассону кривой улыбкой.

— Вероятно, ты в ближайшее время получишь ответ на этот вопрос, — сказала она.

Хенри Кортес выскочил из книжного магазина как безумный. Он пересек Свеавеген по виадуку улицы Местер Самуэльсгатан, спустился вниз и завернул на виадук Кларабергсвиадуктен через Васагатан. Потом перескочил через Кларабергсгатан между отчаянно сигналившими ему автобусом и двумя машинами и ровно в 15.00 проскользнул в двери Центрального вокзала.

Перепрыгивая через три ступеньки, он спустился по эскалатору на главный этаж, пробежал мимо книжного киоска и только тут сбавил скорость, чтобы не привлекать к себе внимания, и стал усиленно всматриваться в людей поблизости от кольца.

Ни Телеборьяна, ни мужчины, которого сфотографировал у кафе Кристер Мальм и которого они считали Юнасом, видно не было. Хенри посмотрел на часы. 15.01. Он дышал так, будто пробежал Стокгольмский марафон.

Он наугад пробежал через зал и выскочил из дверей, выходящих на Васагатан. Остановился, огляделся и стал рассматривать всех в поле зрения, одного человека за другим, но не нашел ни Петера Телеборьяна, ни Юнаса.

Хенри развернулся и снова бросился в здание вокзала. 15.03. У кольца было пусто.

Потом он поднял взгляд, и перед ним буквально на секунду мелькнули взъерошенный профиль и борода Петера Телеборьяна, выходящего из газетного киоска в другом конце зала. В следующую секунду рядом с ним материализовался мужчина с фотографией Кристера Мальма. Юнас! Они

пересекли центральный зал и вышли на Васагатан через северный выход.

Хенри Кортес перевел дух, вытер ладонью пот со лба и направился за ними.

Микаэль Блумквист прибыл на Стокгольмский центральный вокзал на такси в 15.07. Он поспешил в главный зал, но не увидел там ни одного знакомого лица.

Он достал свой T10, собираясь вызвать Хенри Кортеса, но телефон у него в руке зазвонил сам.

— Я их вижу. Они сидят в пабе «Три кубка» на Васагатан, возле спуска к поездам, идущим в сторону Аккала.

— Спасибо, Хенри. А ты где?

— Стою у барной стойки и пью пиво. Я это заслужил.

— О'кей. Меня они знают в лицо, поэтому я заходить не буду. У тебя, вероятно, нет возможности слышать их разговор.

— Ни малейшей. Я вижу спину Юнаса, а этот чертов Телеборьян бормочет себе под нос так, что даже по губам ничего не разобрать.

— Ясно.

— Но у нас может возникнуть проблема.

— Какая?

— Этот Юнас выложил на стол бумажник и мобильный телефон. А поверх бумажника положил ключи от машины.

— О'кей. Это я беру на себя.

Мобильный телефон Моники Фигуэролы исполнил лейтмотив из «Однажды на Диком Западе», и она отложила книгу о восприятии бога в античности, которую ей никак не удавалось дочитать.

— Привет. Это Микаэль. Что ты делаешь?

— Сажу дома и разбираю фотографии старых любовников. Меня сегодня бессовестно бросили.

— Прости. Машина у тебя поблизости?

— Когда я в последний раз смотрела, она была на стоянке перед домом.

— Отлично. Ты не хочешь прокатиться по городу?

— Не особенно. Что происходит?

— Петер Телеборьян пьет пиво с Юнасом в районе Васастан. А поскольку я завел привычку стучать в СЭПО, то подумал, может быть, ты захочешь подключиться.

Моника Фигуэрола тут же соскочила с дивана и протянула руку к

ключам от машины.

— Ты не шутишь?

— Едва ли. Кстати, перед Юнасом на столе лежат автомобильные ключи.

— Уже еду.

Малин Эрикссон по телефону не отвечала, но Микаэлю Блумквисту повезло поймать Лотту Карим, ходившую по универмагу с целью купить подарок мужу на день рождения. Микаэль потребовал, чтобы она взялась за сверхурочную работу, и попросил ее немедленно отправляться в паб, а потом снова позвонил Кортесу.

— План таков. Через пять минут у меня будет машина. Мы припаркуемся на Йернвегсгатан, неподалеку от паба.

— О'кей.

— Тебе в помощь через несколько минут появится Лотта Карим.

— Отлично.

— Когда они станут уходить, садись на хвост Юнасу. Иди за ним пешком и сообщай мне по мобильному, где вы находитесь. Нам надо знать, когда он приблизится к машине. Лотта пусть берет Телеборьяна. Если мы не успеем, запиши номер его машины.

— О'кей.

Моника Фигуэрола припарковалась возле гостиницы «Нордик Лайт Отель», перед местом отправления поездов в аэропорт. Буквально через минуту Микаэль Блумквист открыл дверцу с водительской стороны.

— В каком пабе они сидят? — спросила Моника.

Микаэль объяснил.

— Я должна вызвать подкрепление.

— Не беспокойся. Мы держим их под контролем. Семь нянек рискуют только все испортить.

Моника Фигуэрола посмотрела на него с подозрением.

— А как ты узнал об этой встрече?

— Сорри. Анонимный источник.

— У вас что, в «Миллениуме» имеется какая-то долбаная собственная разведка? — воскликнула она.

Микаэль стоял с довольным видом — всегда приятно обскакать СЭПО на их же территории.

На самом же деле он не имел ни малейшего представления о том, как получилось, что Эрика Бергер позвонила ему, словно гром среди ясного

неба, и сообщила о встрече Телеборьяна с Юнасом. Начиная с 10 апреля она ничего не знала о редакционной работе «Миллениума». Про Телеборьяна она, разумеется, слышала, но Юнас возник только в мае, и, насколько Микаэлю было известно, Эрика не знала даже о его существовании и уж тем более о том, что он является предметом размышлений «Миллениума» и СЭПО.

В самое ближайшее время с Эрикой Бергер надо серьезно поговорить.

Лисбет Саландер выпятила губы, глядя на экран карманного компьютера. Вернув доктору Андерсу Юнассону его мобильный, она отбросила все мысли о «Секции» и сосредоточилась на проблемах Эрики Бергер. По зрелом размышлении она вычеркнула из оставшейся группы подозреваемых всех женатых мужчин. Она знала, что пошла по самому легкому пути и что за этим решением не стоит никакой надежной статистики или научных наблюдений. «Ядовитым пером» вполне мог оказаться добропорядочный отец семейства с пятью детьми и собакой, или кто-то из отдела охраны, или даже женщина, хотя в это Лисбет не верила.

Она просто-напросто хотела уменьшить количество имен в списке, а благодаря последнему решению группа сократилась с сорока восьми до восемнадцати человек. Среди оставшихся, как заметила Лисбет, оказались в основном известные репортеры и начальники или руководители среднего звена в возрасте тридцати пяти лет и старше. Если среди них она ничего интересного не найдет, район поисков можно будет опять расширить.

В четыре часа дня Лисбет зашла на домашнюю страничку Республики хакеров и перекинула список Чуме. Через несколько секунд он ее вызвал.

18 имен. Что?

Маленький побочный проект. Смотри на него как на упражнение.

О'кей?

Одно из имен принадлежит мерзавцу. Найди его.

Какие критерии?

Работать надо быстро. Завтра меня отрежут от Сети. До этого нам нужно его найти.

Она объяснила ситуацию с «Ядовитым пером» Эрики Бергер.

О'кей. Какая с этого будет выгода?

Лисбет Саландер на секунду задумалась.

Я не приеду в твое болото и не устрою там пожар.

А ты собиралась?

Я плачу деньги каждый раз, когда прошу тебя что-нибудь для меня сделать. Это — не для меня. Считай это налоговым сбором.

Ты начинаешь разбираться в социальных вопросах.

Ну?

О'кей.

Она переслала коды доступа к редакции «СМП» и отключила ICQ.

Хенри Кортес позвонил только в 16.20.

— Они, похоже, начинают собираться.

— Хорошо, мы готовы.

Тишина.

— Они расстаются перед пабом. Юнас идет на север. Лотта движется за Телеборьяном на юг.

Когда по Васагатан прошел Юнас, Микаэль поднял палец и показал. Моника Фигуэрола кивнула. Через несколько секунд Микаэль увидел и Хенри Кортеса. Моника завела машину.

— Он пересекает Васагатан и идет в сторону Кунгсгатан, — сказал из телефона Хенри Кортес.

— Держи дистанцию, чтобы он тебя не заметил.

— На улице довольно много народу.

Тишина.

— Он идет на север по Кунгсгатан.

— На север по Кунгсгатан, — повторил Микаэль.

Моника Фигуэрола нажала на газ и вывернула на Васагатан. На

светофоре им пришлось немного задержаться.

— Где вы сейчас? — спросил Микаэль, когда они свернули на Кунгсгатан.

— На уровне универмага «ПУБ». Он идет довольно быстро. Опля, он поворачивает на Дроттнинггатан, на север.

— Дроттнинггатан, на север, — повторил Микаэль.

— О'кей, — сказала Моника Фигуэрола, совершила поворот в недозволенном месте и доехала до улицы Улофа Пальме. Завернув туда, она остановилась перед офисным центром. Юнас пересек улицу Улофа Пальме и направился к Свеавеген. Хенри Кортес двигался следом по другой стороне.

— Он повернул на восток...

— Ничего. Мы видим вас обоих.

— Он заворачивает на Холлендаргатан... Опля... Машина. Красная «ауди».

— Машина, — сказал Микаэль, записывая номер, который поспешно тараторил Кортес.

— В каком направлении она припаркована? — спросила Моника Фигуэрола.

— Носом к югу, — доложил Кортес. — Он выезжает перед вами на улицу Улофа Пальме... сейчас.

Моника Фигуэрола уже начала движение и проезжала Дроттнинггатан. Она посигналила и спугнула двух пешеходов, пытавшихся перебежать на красный свет.

— Спасибо, Хенри. Отсюда мы берем его на себя.

Красная «ауди» двинулась на юг по Свеавеген, Моника поехала следом, одновременно включая мобильный телефон и набирая левой рукой номер.

— Сообщите, пожалуйста, данные по номеру машины, красная «ауди», — сказала она, повторив номер, полученный от Хенри Кортеса.

— Юнас Сандберг, семьдесят первого года рождения. Что вы сказали... Хельсингёргатан, район Чиста. Спасибо.

Микаэль записал добытые сведения.

Вслед за красной «ауди» они выехали через Хамнгатан на набережную и потом сразу свернули на Артиллеригатан. Юнас Сандберг припарковался в квартале от Музея армии, потом пересек улицу и скрылся в парадной какого-то дома рубежа веков.

— Хм, — произнесла Моника Фигуэрола, покосившись на Микаэля.

Тот понимающе кивнул. Всего через квартал отсюда находился дом, в

котором премьер-министр арендовал квартиру для личной встречи.

— Хорошая работа, — сказала Моника.

В тот же миг позвонила Лотта Карим и рассказала, что Петер Телеборьян, поднявшись по эскалатору на вокзале, вышел на Кларабергсгатан, а потом направился в полицейское управление на Кунгсхольмене.

— В полицейское управление. В семнадцать ноль-ноль в субботу? — переспросил Микаэль.

Моника Фигуэрола и Микаэль Блумквист посмотрели друг на друга. Несколько секунд Моника интенсивно размышляла, потом взяла мобильный телефон и позвонила инспектору уголовной полиции Яну Бублански.

— Здравствуйте. Это Моника из ГПУ/Без. Мы какое-то время назад встречались на Северной набережной.

— Что вы хотите? — спросил Бублански.

— У вас кто-нибудь дежурит на выходных?

— Соня Мудиг.

— Я хотела попросить об одной услуге. Как вы думаете, она сейчас в здании полиции?

— Сомневаюсь. Субботний вечер, да и погода прекрасная.

— Вы не могли бы найти ее или кого-нибудь другого из вашего отдела, кто потрудился бы дойти до коридора прокурора Рихарда Экстрёма? Меня интересует, не проходит ли у него совещание.

— Совещание?

— У меня нет времени объяснять. Мне бы надо знать, не встречается ли он с кем-нибудь и если да, то с кем.

— Вы хотите, чтобы я шпионил за прокурором, являющимся моим начальником?

Моника Фигуэрола нахмурила брови, потом пожала плечами.

— Да, — сказала она.

— О'кей, — произнес он и положил трубку.

В действительности Соня Мудиг находилась ближе к полицейскому управлению, чем опасался Бублански, — вместе с мужем она пила кофе на балконе дома подруги, жившей в районе Васастан. Они отдыхали от детей, поскольку родители Сони на одну неделю отпуска забрали тех к себе, и планировали провести время по-старомодному — где-нибудь перекусить и сходить в кино.

Бублански изложил свое дело.

— А какой у меня будет повод, чтобы зайти к Экстрёму?

— Я вчера обещал прислать ему новости о Нидермане, но, уходя, забыл их ему отправить. Бумаги лежат у меня на письменном столе.

— Хорошо, — сказала Соня Мудиг и посмотрела на мужа и подругу. — Мне надо в управление. Я возьму машину и, если повезет, вернусь через час.

Муж вздохнул. Подруга тоже.

— Вообще-то я на дежурстве, — напомнила она в порядке оправдания.

Она припарковалась на Бергсгатан, поднялась в кабинет Бублански и забрала три листа формата А4, содержавшие скудные результаты поисков Рональда Нидермана, объявленного в розыск за убийство полицейского. «Не густо», — подумала Соня.

Потом она вышла на лестницу и поднялась на один этаж. При входе в коридор Соня Мудиг остановилась. Этим летним вечером в полицейском управлении было почти совсем безлюдно. Она не кралась, просто шла очень тихо. Перед закрытой дверью в кабинет Экстрёма она замерла, услышала голоса и прикусила нижнюю губу.

Внезапно храбрости у нее поубавилось, и она почувствовала себя глупо. В обычной ситуации она бы постучала в дверь, открыла ее с возгласом: «Ой, вы еще на месте!» — и просто вошла бы, но сейчас это казалось неправильным.

Соня Мудиг огляделась.

Почему Бублански ей позвонил? Что это за совещание?

Она покосилась на противоположную сторону коридора. Напротив кабинета Экстрёма имелся маленький конференц-зал, рассчитанный на десять человек. Она сама выслушала там множество докладов.

Соня Мудиг зашла в темный конференц-зал и тихо прикрыла дверь. Жалюзи были опущены, а отделявшая зал от коридора стеклянная стена занавешена шторами. Она пододвинула стул, села и отогнула штору так, чтобы образовалась маленькая щелка, сквозь которую был виден коридор.

Ей было не по себе. Если кто-нибудь откроет дверь, будет очень трудно объяснить, что она тут делает. Соня вынула мобильный телефон и посмотрела на часы дисплея. Почти шесть. Она отключила звук, откинулась на спинку стула и посмотрела на закрытую дверь в кабинет Экстрёма.

В семь часов вечера Чума вызвал Лисбет Саландер.

У меня уже есть вся административная система

«СМП».

Где?

Он переслал ей http-адрес.

За 24 часа мы не успеем. Хотя у нас и есть электронная почта всех 18, но на то, чтобы взломать их домашние компьютеры, понадобятся дни. Большинство, вероятно, субботним вечером даже не сидит в Сети.

Чума, сконцентрируйся на домашних компьютерах, а я займусь компьютерами «СМП».

Я так и подумал. Возможности твоего КПК слегка ограничены. Хочешь, чтобы я сконцентрировался на ком-то конкретном?

Нет. Бери любого из них.

О'кей.

Чума.

Да.

Если мы до завтра никого не найдем, я хочу, чтобы ты продолжал.

О'кей.

В этом случае я тебе заплачу.

А-а, это просто развлечение.

Она отключила ICQ и зашла на http-адрес, куда Чума скачал все административные права «СМП». Для начала она посмотрела, подключен ли к системе компьютер Петера Флеминга и находится ли он в «СМП». Его там не было, и она спокойно воспользовалась его полномочиями и зашла на

почтовый сервер «СМП». В результате у нее появилась возможность читать всё, пересылавшееся по электронной почте, даже письма, уже давно удаленные с конкретных адресов.

Лисбет начала с сорокатрехлетнего Эрнста Теодора Биллинга, одного из ночных руководителей «СМП». Она открыла его электронную почту и начала двигаться от последних сообщений к более ранним. Каждому она уделяла по две секунды — вполне достаточно, чтобы составить представление о содержании письма и его отправителе. Через несколько минут она усвоила, как выглядят рутинные сообщения типа служебных записок, графиков и тому подобных неинтересных вещей, и стала их просто прокручивать.

Изучая одно письмо за другим, Лисбет дошла до посланий трехмесячной давности. Потом начала смотреть по месяцам, читая только рубрики и открывая лишь те сообщения, которые чем-то привлекали ее внимание. Она узнала, что Эрнст Биллинг имел связь с женщиной по имени София, но обращался к ней в весьма неприятном тоне. Правда, в этом не было ничего особенного, поскольку Биллинг, как оказалось, использовал неприятный тон по отношению к большинству людей, которым писал что-либо личное, — к репортерам, дизайнерам и прочим. Тем не менее Лисбет сочла странным, что мужчина с легкостью адресует своей девушке такие слова, как «чертова толстуха», «безмозглая дура» или «проклятая сука».

Изучив его корреспонденцию за последний год, она плюнула на это дело, правда, еще зашла в его Explorer и проследила за его прогулками по Сети. Выяснилось, что он, как и большинство мужчин его возрастной группы, периодически посещает порностраницы, но в основном, похоже, использует Интернет в рабочих целях. Она также констатировала, что он интересуется машинами и часто заглядывает на сайты с новыми моделями.

Примерно через час Лисбет вычеркнула Биллинга из списка и перешла к Ларсу Эрьяну Вольбергу, пятидесяти одного года, репортеру-ветерану из юридической редакции.

Тем же вечером, около половины восьмого, в полицейское управление приехал Торстен Эдклинг. Его там уже ждали Моника Фигуэрола и Микаэль Блумквист. Втроем они уселись за тот же конференц-стол, за которым Блумквист сидел накануне.

Эдклинг подумал, что, предоставив Блумквисту доступ в этот коридор, он ступил на очень тонкий лед и что ряд внутренних правил уже нарушен. Моника Фигуэрола определенно не имела права приглашать его по

собственной инициативе. В обычных случаях в тайные коридоры ГПУ/Без не допускались даже жены и мужья — им приходилось кротко дожидаться своих супругов на лестнице. А Блумквист еще к тому же журналист. В будущем его следует пускать только во временный офис на Фридрихсплан.

Правда, с другой стороны, по коридорам частенько бегают посторонние, получившие особые приглашения, — иностранные гости, научные работники, преподаватели, временные консультанты... Пожалуй, Блумквиста можно отнести к группе временных консультантов. Вся эта болтовня про классификацию мер безопасности все равно пустые слова. Какой-то человек решает, что некая личность наделяется определенными полномочиями. И Эдклинт решил, что, если подвергнется критике, будет утверждать, что лично наделил Блумквиста полномочиями.

Разумеется, если между ними не возникнет недопонимания. Эдклинт уселся и посмотрел на Фигуэролу.

— Как ты узнала о встрече?

— Мне около четырех позвонил Блумквист, — ответила она с улыбкой.

— А как вы узнали о встрече?

— Сообщил источник, — сказал Микаэль Блумквист.

— Я должен сделать вывод, что вы каким-то образом следите за Телеборьяном?

Моника Фигуэрола помотала головой.

— У меня тоже первым делом возникла такая мысль, — сказала она веселым голосом так, будто Микаэль Блумквист и не присутствовал в комнате. — Однако не сходится. Даже если кто-то по поручению Блумквиста следит за Телеборьяном, этот человек не смог бы заранее просчитать, что тот будет встречаться именно с Юнасом Сандбергом.

Эдклинт медленно кивнул.

— И... что же остается? Незаконное прослушивание или что-то подобное?

— Могу вас заверить, что я никого незаконно не прослушиваю и даже не слышал о том, чтобы нечто подобное происходило, — сказал Микаэль Блумквист, желая напомнить о своем присутствии. — Будьте реалистами. Незаконное прослушивание — это прерогатива государственных организаций.

Эдклинт выпятил губы.

— Значит, вы не хотите рассказывать, откуда у вас появилась информация о встрече.

— Да. Я уже рассказал. Наводка источника. Источнику гарантирована анонимность. Может, нам стоит лучше сконцентрироваться на плодах

наводки?

— Не люблю незавязанных узелков, — сказал Эджклинг. — Ну да ладно. Что нам известно?

— Его зовут Юнас Сандберг, — начала Моника Фигуэрола. — Профессиональный водолаз-подрывник, учился в школе полиции в начале девяностых. Работал сперва в Упсале, потом в Стокгольме.

— Ты у нас из Упсалы.

— Да, но мы с ним разминулись примерно на год. Я начала работать, как раз когда он перебрался в Сёдертелье.

— О'кей.

— Его взяли в отдел контрразведки ГПУ/Без в девяносто восьмом году. А в двухтысячном перевели на секретную должность за границу. Согласно нашим собственным бумагам, он официально находится в посольстве в Мадриде. Я связывалась с посольством — они не имеют представления о том, кто такой Юнас Сандберг.

— Точно как Мортенссон. Официально переведен куда-то, где его на самом деле нет.

— Чтобы подобные операции проводились систематически, за ними должен стоять начальник канцелярии.

— В обычной ситуации никто бы не стал в этой путанице разбираться. Мы обращаем на нее внимание, поскольку целенаправленно изучаем. Если же кто-нибудь начнет цепляться, ему просто скажут: «Секретно» или что это связано с терроризмом.

— Еще надо кое-что проверить относительно бюджета.

— Финансовый директор?

— Возможно.

— О'кей. Еще?

— Юнас Сандберг живет в Соллентуне. Он не женат, но имеет ребенка от учительницы из Сёдертелье. Никаких замечаний по службе. Лицензия на два вида огнестрельного оружия. Вредных привычек не имеет, трезвенник. Единственное, что несколько выбивается, — он, похоже, верующий и в девяностых годах принадлежал к церкви «Слово жизни».

— Откуда ты это узнала?

— Я побеседовала со своим бывшим начальником из Упсалы. Он Сандберга прекрасно помнит.

— Отлично. Христианин, водолаз-подрывник, с двумя видами оружия и ребенком в Сёдертелье. Еще?

— Мы установили его личность около трех часов назад. Информация ведь и так собрана довольно быстро.

— Извини. Что нам известно о доме на Артиллеригатан?

— Пока немного. Стефану пришлось отловить кого-то из бюро жилищного планирования. У нас есть план дома. Это кооперативный дом прошлого рубежа веков, шесть этажей с двадцатью двумя квартирами плюс восемь квартир во флигеле во дворе. Я посмотрела жильцов, но не обнаружила ничего особенно примечательного. Двое осуждались за преступления.

— Кто именно?

— Некий Линдстрём с первого этажа, шестидесяти трех лет. В семидесятых годах был осужден за манипуляции со страховкой. Некий Витфельт с третьего этажа, сорок семь лет, дважды осуждался за избиение бывшей жены.

— Хм.

— В доме живут различные представители среднего класса. Вопрос вызывает только одна квартира.

— Какая?

— На верхнем этаже. Одиннадцать комнат, что-то вроде представительских апартаментов. Квартирой владеет фирма под названием «Беллона АБ».

— И чем она занимается?

— Одному богу известно. Проводит анализы рынка и имеет ежегодный оборот порядка тридцати миллионов крон. Все владельцы «Беллоны» проживают за границей.

— Ага.

— Что ага?

— Просто ага. Займитесь «Беллоной» поподробнее.

В тот же миг в дверях появился сотрудник, которого Микаэлю представили как просто Стефана.

— Здравствуйте, шеф, — поприветствовал он Торстена Эдклинта. — Получается довольно забавно. Я посмотрел историю квартиры «Беллоны».

— И? — спросила Моника Фигуэрола.

— Фирма «Беллона» была основана в семидесятых годах и купила квартиру после смерти предыдущего владельца — женщины по имени Кристина Седерхольм, тысяча девятьсот семнадцатого года рождения.

— Вот как?

— Она была замужем за Хансом Вильгельмом Франке — ковбоем, поцапавшимся с Пером Гуннаром Винге, когда основали ГПУ/Без.

— Хорошо, — сказал Торстен Эдклинг. — Очень хорошо. Моника, за квартирой нужно установить круглосуточное наблюдение. Узнайте, какие

там имеются телефоны. Мне надо знать, кто там бывает и какие машины посещают этот адрес. Ну, как обычно.

Эдклинт покосился на Микаэля Блумквиста. Он, казалось, хотел что-то сказать, но удержался. Микаэль поднял брови.

— Вы довольны полученной информацией? — спросил в конце концов Эдклинт.

— Вполне. А вы довольны сотрудничеством с «Миллениумом»?

Эдклинт медленно кивнул.

— Вы понимаете, что я могу огрести за это неприятности? — спросил он.

— Только не с моей стороны. Я рассматриваю получаемую здесь информацию как сведения от источника, которому гарантирована анонимность. Я буду излагать факты, не упоминая, каким образом их получил. Прежде чем сдавать материал в печать, я возьму у вас формальное интервью. Если вы не захотите отвечать, вы просто скажете: «Без комментариев». Или сможете высказать свои соображения о «Секции спецанализов». Решать будете сами.

Эдклинт кивнул.

Микаэль испытывал удовлетворение: в течение нескольких часов «Секция» вдруг обрела физическую форму, и это был настоящий прорыв.

Соня Мудиг с огорчением констатировала, что совещание в кабинете прокурора Экстрёма затягивается. На столе конференц-зала она нашла забытую бутылку минеральной воды и уже дважды звонила мужу, сообщая, что задерживается, и пообещала ему компенсацию в виде приятного вечера. Ей постепенно становилось все более не по себе, и в конце концов она начала чувствовать себя едва ли не преступницей.

Совещание закончилось только в половине восьмого. Совершенно неожиданно для Сони Мудиг дверь кабинета открылась, и в коридор вышел Ханс Фасте. Сразу за ним появился Петер Телеборьян, затем показался пожилой седовласый мужчина, которого Соня Мудиг раньше не видела. Последним вышел прокурор Экстрём и, надевая на ходу пиджак, выключил верхний свет и запер дверь.

Соня Мудиг поднесла мобильный телефон к щели в занавесках и дважды сфотографировала компанию перед дверью кабинета. Постояв несколько секунд, они двинулись по коридору.

Пока они проходили мимо конференц-зала, Соня Мудиг затаила дыхание. А когда дверь на лестницу наконец захлопнулась, Соня обнаружила, что вся покрылась холодным потом. Поднявшись со стула, она

едва стояла на ногах.

В начале девятого вечера Моники Фигуэроле позвонил Бублански.

— Вы хотели знать, было ли у Экстрёма совещание.

— Да, — ответила Моника.

— Оно только что закончилось. Экстрём встречался с доктором Петером Телеборьяном, а также с моим бывшим сотрудником инспектором Хансом Фасте и пожилым человеком, которого мы не знаем.

— Минутку, — сказала Моника Фигуэрола, прикрыла телефон рукой и обратилась к остальным: — Наша спонтанная идея принесла плоды. Телеборьян поехал напрямик к прокурору Экстрёму.

— Вы слушаете?

— Простите. У нас есть какое-нибудь описание неизвестного третьего мужчины?

— Даже лучше. Я пошлю вам его фотографию.

— Снимок. Чудесно, я ваша вечная должница.

— Готов скостить долг, если мне сообщат, что происходит.

— Я вам перезвоню.

На минуту за столом воцарилось молчание.

— О'кей, — сказал под конец Эдклинт. — Телеборьян встречается с представителем «Секции» и потом едет прямо к прокурору Экстрёму. Я бы дорого дал, чтобы узнать, что там обсуждалось.

— Можете спросить у меня, — предложил Микаэль Блумквист.

Эдклинт с Фигуэролой посмотрели на него.

— Они встречались, чтобы уточнить детали стратегии, как им через месяц на суде лучше разобраться с Лисбет Саландер.

Моника окинула его пристальным взглядом, потом медленно кивнула.

— Это предположение, — заметил Эдклинт. — Если вы, конечно, не обладаете паранормальными способностями.

— Это не предположение, — возразил Микаэль. — Они встречались, чтобы обсудить детали судебно-психиатрической экспертизы Саландер. Телеборьян как раз закончил писать заключение.

— Нонсенс. Саландер еще не обследовали.

Микаэль Блумквист пожал плечами и открыл сумку с ноутбуком.

— Раньше это Телеборьяну не мешало. Вот последний вариант заключения судебно-психиатрической экспертизы. Как видите, она датирована той неделей, на которой начнется суд.

Эдклинт с Фигуэролой внимательно изучили положенные перед ними бумаги, потом обменялись многозначительным взглядом и посмотрели на

Микаэля Блумквиста.

— И где вы это раздобыли? — поинтересовался Эджлинт.

— Сорри. Анонимный источник.

— Блумквист... мы должны доверять друг другу. Вы скрываете информацию. У вас имеются еще подобные сюрпризы?

— Да. Разумеется, тайны у меня есть. Я также убежден в том, что и вы не открываете мне всего, что имеется в СЭПО. Не так ли?

— Это не одно и то же.

— Нет. Как раз то же самое. Это мероприятие подразумевает наше сотрудничество. Мы должны, как вы справедливо говорите, доверять друг другу. Я не скрываю ничего, что может помочь вашему расследованию деятельности «Секции» или совершенных преступлений. Я уже передал материал, показывающий, что Телеборьян вместе с Бьёрком совершили в девяносто первом году преступление, и рассказал о том, что он вновь собирается сделать то же самое сейчас. И вот — подтверждающий это документ.

— Но тайны у вас имеются.

— Естественно. Вам придется либо прервать сотрудничество, либо смириться с этим.

Моника Фигуэрола дипломатично подняла палец, чтобы привлечь к себе внимание.

— Извините, но означает ли это, что прокурор Экстрём работает на «Секцию»?

Микаэль нахмурил брови.

— Не знаю. Я скорее склоняюсь к тому, что он — полезный им идиот, которого «Секция» просто использует. Он карьерист, но кажется мне порядочным и туповатым. Вместе с тем, по сведениям одного источника, он проглотил большую часть того, что Телеборьян рассказывал о Лисбет Саландер в то время, когда ее еще разыскивали.

— Вы хотите сказать, что им легко манипулировать?

— Именно. А Ханс Фасте — идиот, который думает, что Лисбет Саландер действительно лесбиянка-сатанистка.

Эрика Бергер сидела на вилле в Сальтшёбадене в полном одиночестве, чувствуя себя настолько напуганной и растерянной, что не могла сосредоточиться ни на одном деле. Ей все время казалось, что кто-нибудь вот-вот позвонит и расскажет, что на одном из сайтов в Интернете выложены ее фотографии.

Эрика поймала себя на мысли, что снова и снова думает о Лисбет

Саландер и все больше понимает нелепость связанных с ней надежд. Саландер лежит в Сальгрэнской больнице под охраной, к ней не пускают посетителей и даже не разрешают читать газеты. Однако она удивительно сильная девушка. Несмотря на изоляцию, она сумела связаться с Эрикой в ICQ, а потом и по телефону. А два года назад она самостоятельно разоблачила империю Веннерстрёма и спасла «Миллениум».

В восемь часов вечера в дверь позвонила Сусанн Линдер. Эрика вздрогнула, будто кто-то выстрелил у нее в комнате из пистолета.

— Привет, Бергер. Сидим в темноте с мрачным видом?

Эрика кивнула и зажгла свет.

— Привет. Я пойду поставлю кофе...

— Нет. Лучше я. Есть что-нибудь новенькое?

Так, ничего особенного. Прорезалась Лисбет Саландер и взяла мой компьютер под контроль. А еще позвонила и сказала, что Телеборьян встречается днем с каким-то Юнасом на Центральном вокзале.

— Нет. Ничего нового, — сказала она. — Но я хотела бы с твоей помощью кое-что проверить.

— О'кей.

— Как тебе такая возможность, что это не маньяк, а кто-то из моего окружения, желающий свести со мной счеты?

— А в чем разница?

— Маньяк — это неизвестный мне человек, который просто на мне заиклился. Во втором случае мы имеем дело со знакомым, который хочет мне отомстить или испортить мне жизнь по каким-то личным мотивам.

— Интересная мысль. Как она возникла?

— Я... обсуждала сегодня ситуацию с одним человеком. Назвать ее я не могу, но она предполагает, что угрозы от настоящего маньяка выглядели бы иначе. Прежде всего, маньяк не стал бы писать письма Эве Карлссон. Этот поступок совершенно не вписывается в типичную картину.

Сусанн Линдер медленно кивнула:

— В этом что-то есть. Знаешь, я ведь так и не читала писем, о которых ты говоришь. Можно на них взглянуть?

Эрика принесла лэптоп и установила его на кухонном столе.

Около десяти часов вечера Моника Фигуэрола и Микаэль Блумквист вышли из полицейского управления и остановились на том же месте в парке Крунубергспаркен, что и накануне.

— Вот мы и снова здесь. Ты собираешься исчезнуть, чтобы работать, или хочешь пойти ко мне домой и заняться сексом?

— Ну...

— Микаэль, не думай, что я на тебя давлЮ. Если тебе надо работать, иди.

— Послушай, Фигуэрола, я чувствую, что попадаю в страшную зависимость от тебя.

— А ты не желаешь ни от кого зависеть. Ты это хочешь сказать?

— Нет. Не совсем так. Но сегодня ночью я должен кое с кем поговорить, и это займет некоторое время. Ты заснешь раньше, чем я освобожусь.

Она кивнула.

— Пока.

Он поцеловал ее в щеку и направился к автобусной остановке на Фридхемсплан.

— Блумквист, — окликнула она.

— Что?

— Завтра утром я тоже свободна. Если успеешь, приходи завтракать.

Суббота, 4 июня — понедельник, 6 июня

Принявшись за начальника информационного отдела Андерса Хольма, Лисбет Саландер испытала недобрые предчувствия. Ему было пятьдесят восемь лет, и, следовательно, он выпадал из ее группы, но Лисбет все-таки включила его, поскольку они с Эрикой Бергер пребывали в ссоре. Он имел склонность к интригам и рассылал разным людям электронные письма с доносами о том, что кто-то плохо выполнил свою работу.

Лисбет сразу заметила, что Хольм не любит Эрику Бергер и что значительное место в его письмах занимают пассажи о том, что сказала или сделала «эта баба». В Интернете он посещал исключительно сайты, имеющие отношение к его профессиональной деятельности. Если же у него имелись другие интересы, то им он явно предавался в свободное время и при помощи другого компьютера.

Из списка кандидатов на роль «Ядовитого пера» Лисбет его не вычеркнула, хотя и не слишком верила в то, что это он, — Хольм чертовски высокомерен и не стал бы ходить окольными путями, сочиняя анонимные письма. Захоти он назвать Эрику Бергер шлюхой, он сделал бы это открыто. И он казался не похожим на человека, который взял бы на себя труд ночью лезть в чужой дом.

Около десяти Лисбет сделала перерыв и зашла на «Stolliga_Bordet», но Микаэль Блумквист пока не откликнулся. Это ее слегка раздосадовало — ее интересовало, чем он занимается и успел ли на встречу Телеборьяна с Юнасом.

Потом она вернулась к серверу «СМП».

Следующим в списке значился секретарь спортивной редакции Клас Лундин, двадцати девяти лет. Открыв его электронную почту, Лисбет остановилась и прикусила нижнюю губу, потом закрыла ящик Лундина и переключилась на электронную почту Эрики Бергер.

Она прокрутила список сообщений к более ранним. Их было довольно немного, поскольку адрес Эрики существовал только со 2 мая. Первым полученным ею сообщением была утренняя служебная записка, посланная ответственным секретарем редакции Петером Фредрикссоном, а далее в течение первого дня несколько человек прислали пожелания успешной работы в «СМП».

Лисбет принялась тщательно изучать каждое письмо, пришедшее на адрес Эрики Бергер. В переписке с начальником информационного отдела Андерсом Хольмом прямо с первого дня возникли враждебные нотки. Они, похоже, не сходились ни в одном вопросе, и Лисбет заметила, что Хольм осложнял Эрике жизнь, посылая по два-три сообщения даже по пустякам.

Она перескакивала через рекламу, спам и чисто служебные записки с новостями, сосредоточившись на личной корреспонденции. Прочла внутренние бюджетные расчеты, результаты рекламы и маркетинга и растянувшуюся на неделю переписку с начальником финансово-планового отдела Кристером Сельбергом, которая показалась ей просто бурной ссорой по поводу сокращений. Эрика Бергер получала раздраженные письма от начальника юридической редакции из-за временного сотрудника по имени Юханнес Фриск, которого она явно посадила за работу над каким-то материалом, считавшимся излишним. Если отбросить первые приветственные сообщения, складывалось впечатление, что никто из руководства не видел ничего позитивного ни в одном аргументе или предложении Эрики.

Через некоторое время Лисбет прокрутила почту обратно и занялась статистическими подсчетами. Выводы гласили, что из всех руководящих работников «СМП» только четверо не пытались подорвать позиции Эрики Бергер. Это были председатель правления Боргшё, ответственный секретарь редакции Петер Фредрикссон, отвечавший за главную страницу Гуннар Магнуссон и начальник отдела культуры Себастиан Страндлунд.

Они в «СМП» что, никогда не слышали о женщинах? Ведь у них все руководители — мужчины.

Меньше всего дел Эрика Бергер имела с начальником отдела культуры: за все время работы в «СМП» она обменялась с Себастианом Страндлундом только двумя сообщениями. Редактор главной страницы Магнуссон присылал самые любезные и приятные мейлы, Боргшё был краток и сух. Все остальные руководители спешили нанести как можно больше ударов в спину.

Какого черта эта компания мужиков вообще взяла Эрику Бергер на работу, если они, похоже, занимаются только тем, что изо всех сил пытаются ее уничтожить?

Теснее всего ей, похоже, приходилось сотрудничать с ответственным секретарем редакции Петером Фредрикссоном. Он непременно приглашался в качестве помощника на все совещания, готовил служебные записки и информировал Эрику о разных материалах и проблемах, то есть фактически заправлял всем ходом работы.

Он обменивался с Эрикой десятком писем ежедневно.

Лисбет отобрала все сообщения от Петера Фредрикссона к Эрике и стала читать их одно за другим. В нескольких случаях у него имелись возражения по поводу принятых Эрикой решений, и он излагал объективные причины. Эрика Бергер ему, похоже, доверяла, поскольку нередко меняла решения, соглашаясь с его доводами. Враждебности он никогда не проявлял. Правда, не чувствовалось и ни малейшего намека на какое-либо личное отношение к Эрике.

Лисбет закрыла почтовый ящик Эрики Бергер и ненадолго задумалась. Потом открыла адрес Петера Фредрикссона.

Чума целый вечер без особого успеха возился с домашними компьютерами разных сотрудников «СМП». Ему удалось проникнуть к начальнику информационного отдела Андерсу Хольму, поскольку у того имелась открытая линия связи с рабочим компьютером, чтобы заходить в любое время суток, если потребуется вмешательство. Личный компьютер Хольма оказался одним из скучнейших, какие Чуме доводилось взламывать. С остальными семнадцатью сотрудниками из полученного от Лисбет Саландер списка он потерпел неудачу: никто из тех, к кому он толкался, субботним вечером в интерактивном режиме не работал. Чума уже начал уставать от попыток решить нерешаемую задачу, когда в половине одиннадцатого его вызвала Лисбет Саландер.

Что?

Петер Фредрикссон.

О'кей.

Наплюй на остальных. Сконцентрируйся на нем.

Почему?

Интуиция.

На это потребуется время.

Есть короткий путь. Фредрикссон у них ответственный секретарь и работает с программой

«Интегрейтор», чтобы иметь возможность из дома контролировать то, что происходит в его компьютере в «СМП».

Я ничего об этой программе не знаю.

Маленькая программка, появившаяся пару лет назад. Сейчас уже не актуальна. «Интегрейтор» имеет ошибочку. Есть в архиве Респ. хакеров. Теоретически программу можно развернуть и войти в его домашний компьютер с работы.

Чума вздохнул. Девушка, бывшая когда-то его ученицей, теперь уже ориентируется лучше его.

О'кей. Попробую.

Если что-нибудь найдешь, передай Калле Блумквисту, если у меня уже не будет доступа.

Около двенадцати уставший Микаэль Блумквист вернулся в квартиру Лисбет Саландер и для начала принял душ и включил кофеварку. Потом открыл компьютер Лисбет Саландер и кликнул на ее ICQ.

Давно пора бы.

Сорри.

Где ты пропадал последние дни?

Занимался сексом с тайным агентом. И гонялся за Юнасом.

Ты успел на встречу?

Да. Это ты сообщила Эрике???

Это был единственный способ до тебя добраться.

Ловко.

Меня завтра перевозят в тюрьму.

Знаю.

С Сетью будет помогать Чума.

Отлично.

Остается только финал.

Микаэль мысленно кивнул.

Салли... мы сделаем все, что сможем.

Знаю. Ты предсказуем.

Ты, как всегда, мила.

Есть что-нибудь еще, что мне надо знать?

Нет.

Тогда мне надо закончить в Сети последнее дело.

О'кей. Счастливо.

Сусанн Линдер мгновенно проснулась от писка в наушнике — сработала сигнализация от детекторов движения, установленная в холле виллы Эрики Бергер. Сусанн поднялась на локте и увидела, что часы показывают 05.23. Тихо выскользнув из постели, она натянула джинсы, футболку и кроссовки. Сунула в задний карман баллончик со слезоточивым газом и прихватила дубинку.

Она беззвучно прошла мимо двери в спальню Эрики Бергер, отметив, что дверь закрыта и, следовательно, заперта.

Возле лестницы Сусанн остановилась и прислушалась. С первого

этажа донеслось слабое потрескивание. Она медленно спустилась, а в холле вновь остановилась и прислушалась.

На кухне скрипнул стул. Зажав в руке дубинку, Сусанн беззвучно подошла к двери кухни и увидела лысого, небритого мужчину — он сидел за кухонным столом со стаканом апельсинового сока и читал «СМП». Почувствовав ее присутствие, он поднял взгляд и спросил:

— Черт возьми, кто вы такая?

Сусанн Линдер расслабилась и прислонилась к дверному косяку.

— Вы, вероятно, Греггер Бекман. Здравствуйте. Меня зовут Сусанн Линдер.

— Вот как. Вы собираетесь огреть меня по голове дубинкой или хотите стакан сока?

— С удовольствием, — ответила Сусанн, откладывая дубинку в сторону. — Я имею в виду сок.

Греггер Бекман потянулся к мойке за стаканом и налил ей из пакета сока.

— Я работаю в «Милтон секьюрити», — сказала Сусанн Линдер. — Пожалуй, будет лучше, если мое присутствие здесь вам объяснит ваша жена.

Греггер Бекман встал.

— С Эрикой что-то случилось?

— С ней все в порядке. Но тут были кое-какие неприятности. Мы пытались разыскать вас в Париже.

— В Париже? Я же, черт побери, был в Хельсинки.

— Вот оно что. Извините, но ваша жена думала, что вы в Париже.

— Это в следующем месяце.

Греггер направился к двери.

— Дверь спальни заперта. Если вы захотите ее открыть, вам потребуется код, — сказала Сусанн Линдер.

— Код?

Она назвала ему три цифры, которые следовало набрать, чтобы открыть дверь спальни. Он помчался на второй этаж, а Сусанн Линдер потянулась через стол и взяла оставленную им газету.

В воскресенье, в десять часов утра, к Лисбет Саландер зашел доктор Андерс Юнассон.

— Здравствуй, Лисбет.

— Здравствуй.

— Я хотел только предупредить, что полиция появится в районе обеда.

— О'кей.
— Тебя это, кажется, не слишком волнует.
— Не особенно.
— У меня для тебя подарок.
— Подарок? Чего ради?
— Ты была одной из моих самых занимательных пациенток за долгое время.

— Вот как, — с подозрением сказала Лисбет Саландер.
— Ты, как я понял, увлекаешься ДНК и генетикой.
— Кто тебе насплетничал... вероятно, психологиня.
Андерс Юнассон кивнул.
— Если тебе будет скучно в тюрьме... это последний писк в исследованиях ДНК.

Он протянул ей кирпич с названием «Спирали — загадки ДНК», написанный профессором Токийского университета Ёсито Такамурой. Лисбет Саландер открыла книгу и просмотрела оглавление.

— Красиво, — сказала она.
— Когда-нибудь было бы интересно узнать, как получилось, что ты читаешь статьи исследователей, которых не понимаю даже я.

Как только за Андерсом Юнассоном закрылась дверь, Лисбет достала карманный компьютер. Последний заход. Из архива отдела кадров «СМП» Лисбет выудила, что Петер Фредрикссон проработал в газете шесть лет. За это время он дважды подолгу болел: два месяца в 2003 году и три месяца в 2004-м. Причиной в обоих случаях являлось нервное переутомление. Предшественник Эрики Бергер Хокан Морандер один раз даже ставил вопрос о возможности дальнейшего пребывания Фредрикссона на должности ответственного секретаря редакции.

Болтовня, одна болтовня и ничего конкретного, за что можно зацепиться.

Без четверти двенадцать ее вызвал Чума.

Что?

Ты еще в больнице?

Догадайся.

Это он.

Ты уверен?

Он зашел в рабочий компьютер из дома полчаса назад. Я воспользовался случаем и залез в его домашний компьютер. У него на жестком диске сканированы фотографии Эрики Бергер.

Спасибо.

Она выглядит привлекательно.

Чума.

Я знаю. Что будем делать?

Он уже выложил снимки в Сети?

Насколько я вижу, нет.

Ты можешь заминировать его компьютер?

Уже. Если он попытается переслать снимки по электронной почте или выложит в Сети что-нибудь больше двадцати килобайтов, у него полетит жесткий диск.

Супер.

Я собираюсь поспать. Справишься дальше сама?

Как всегда.

Лисбет отсоединилась от ICQ. Бросив взгляд на часы, она поняла, что сейчас принесут обед. Она поспешно составила электронное сообщение и адресовала его на yahoo «Stolliga_Bordet».

Микаэль. Важно. Немедленно позвони Эрике Бергер и сообщи, что «Ядовитым пером» является Петер Фредрикссон.

Только она успела отослать сообщение, как в коридоре послышалось движение. Она подняла свой «Палм Тангстен ТЗ» и поцеловала экран. Потом выключила его и поместила в дырку за прикроватной тумбочкой.

— Здравствуй, Лисбет, — сказала от дверей адвокат Анника Джаннини.

— Здравствуй.

— Через несколько минут тебя заберет полиция. Я принесла тебе одежду. Надеюсь, размер подойдет.

Лисбет с подозрением посмотрела на несколько пар аккуратных темных брюк и светлые блузки.

Забирать Лисбет Саландер прибыли две одетые в форму женщины из гётеборгской полиции. В следственный изолятор она отправилась в сопровождении своего адвоката.

Когда они, выйдя из палаты, проходили по коридору, Лисбет заметила, что за ней с любопытством наблюдает несколько человек из персонала. Она им приветливо кивнула, и кто-то помахал в ответ рукой. Возле стойки дежурного как бы случайно оказался Андерс Юнассон. Они посмотрели друг на друга и кивнули. Лисбет отметила, что не успели они завернуть за угол, как Андерс Юнассон двинулся в сторону ее палаты.

Во время всей поездки Лисбет Саландер не сказала полицейским ни слова.

В воскресенье в семь часов утра Микаэль Блумквист закончил работу, закрыл ноутбук и немного посидел за письменным столом Лисбет Саландер, устремив перед собой невидящий взгляд.

Потом пошел в ее спальню и посмотрел на гигантскую двуспальную кровать. Через минуту он вернулся обратно в кабинет, взял мобильный телефон и позвонил Монике Фигуэроле.

— Привет. Это Микаэль.

— Привет. Ты уже встал?

— Я только что закончил работать и собираюсь ложиться спать. Хотел просто отметить.

— Мужчины, которые звонят просто отметить, всегда имеют задние мысли.

Он засмеялся.

— Блумквист, если хочешь, можешь приезжать спать сюда.

— Из меня будет плохая компания.

— Я как-нибудь это переживу.

Он взял такси и поехал на Понтоньергатан.

Эрика Бергер провела воскресенье в постели с Греггером Бекманом. Они лежали, разговаривая или подремывая, а ближе к вечеру оделись и совершили длинную прогулку до пристани и вокруг селения.

— Переход в «СМП» был ошибкой, — сказала Эрика Бергер, когда они вернулись домой.

— Не говори так. Сейчас тебе тяжело, но ты ведь знала, что так будет. Когда ты освоишься, все образуется.

— Дело не в работе. Справиться с ней я могу. Дело в отношении.

— Хм.

— Мне там не нравится. Но бросить все через несколько недель нельзя.

Она мрачно села за кухонный стол и уставилась прямо перед собой безразличным взглядом. Такой подавленной Греггер Бекман жену еще никогда не видел.

Инспектор уголовной полиции Ханс Фасте впервые лично встретился с Лисбет Саландер в воскресенье, в половине первого, когда женщина-полицейский из Гётеборга ввела ее в кабинет Маркуса Эрландера.

— До тебя, однако, оказалось нелегко добраться, — приветствовал подозреваемую Ханс Фасте.

Лисбет Саландер смерила его долгим взглядом и решила, что он идиот и факт его существования ее внимания не стоит.

— Инспектор полиции Гунилла Веринг будет сопровождать вас во время транспортировки в Стокгольм, — сказал Эрландер.

— Ага, — ответил Фасте. — Тогда сразу и отправимся. Саландер, там есть много желающих с тобой серьезно побеседовать.

Эрландер попрощался с Лисбет Саландер, но она не ответила.

Для простоты они решили отвезти заключенную на служебной машине. Гунилла Веринг села за руль. В начале пути Ханс Фасте сидел на переднем сиденье, повернув голову назад и пытаясь разговаривать с Лисбет Саландер. Но к тому времени, как они проезжали Алингсос, у него затекла шея и он от этой затеи отказался.

Лисбет Саландер рассматривала пейзаж за боковым стеклом и, казалось, вообще не замечала, что на свете есть инспектор Фасте.

«Телеборьян прав, — подумал Фасте. — Она же, черт побери, действительно умственно отсталая. Ничего, в Стокгольме мы это поправим».

Он периодически косился на Лисбет Саландер, стараясь составить себе представление о женщине, за которой так долго гонялся. Даже у Ханса Фасте возникли некоторые сомнения, когда он увидел эту хрупкую девушку. Он задумался над тем, сколько же она весит, но потом вспомнил, что она лесбиянка и, следовательно, не настоящая женщина.

Вместе с тем с сатанизмом, пожалуй, вышло преувеличение — на сатанистку она как-то не тянула.

Как это ни смешно, но он чувствовал, что с гораздо большим удовольствием арестовал бы ее за те три убийства, из-за которых ее первоначально разыскивали, поскольку управиться с пистолетом может и хрупкая девица, однако там подозрения уже были с нее сняты. Теперь же ее арестовали за причинение тяжких телесных повреждений заправилам «Свавельшё МК», в чем она без сомнения виновна, и имеются технические доказательства на случай, если она попробует отпираться.

Моника Фигуэрола разбудила Микаэля Блумквиста около часу дня. Перед этим она сидела на балконе, дочитывая книгу об античном восприятии бога, и доносящийся и из спальни храп Микаэля приносил ей чувство умиротворенности. Войдя в спальню и взглянув на него, она осознала, что увлеклась Микаэлем так, как уже несколько лет ни одним мужчиной не увлекалась.

Это чувство казалось приятным, но тревожным — ведь едва ли можно было надеяться, что Микаэль Блумквист сделается постоянной частью ее жизни.

Когда он проснулся, они отправились на Северную набережную озера Меларен и выпили кофе. Потом они вернулись к ней домой и до вечера занимались сексом. Микаэль ушел в семь часов, и в тот же миг, когда он поцеловал ее в щеку и закрыл за собой дверь, на Монику накатила тоска.

В восемь вечера воскресенья к Эрике Бергер наведалась Сусанн Линдер. Поскольку Греггер Бекман вернулся, ночевать у них она не собиралась, и ее визит с работой был никак не связан. За те несколько суток, пока она жила у Эрики в качестве ночного гостя и часами беседовала с ней на кухне, они успели сблизиться. Сусанн симпатизировала Эрике и видела, что та в полном отчаянии, хотя и старается не подавать виду. Сделано невозмутимым видом Эрика каждый день отправлялась на работу, но на самом деле все ее существо было переполнено страхом.

Сусанн Линдер подозревала, что этот страх внушают Эрике не только действия «Ядовитого пера». Однако опеку над Эрикой Бергер никто на нее

не возлагал и проблемы последней ее не касались. Сусанн поехала к Бергер, просто чтобы ее навестить и узнать, все ли в порядке. Она нашла Эрику с мужем на кухне, тихими и подавленными. Казалось, они провели воскресенье за обсуждением каких-то серьезных вещей.

Греггер Бекман поставил кофе. Не успела Сусанн Линдер побыть у них и несколько минут, как у Эрики зазвонил мобильный телефон.

Каждый раз, как раздавался звонок, Эрика Бергер брала трубку с ожиданием разразившейся катастрофы.

— Бергер.

— Привет, Рикки.

Микаэль Блумквист. Дьявол. Я не сообщила ему о пропаже папки с документами Боргшё.

— Привет, Микке.

— Саландер сегодня вечером перевезли в следственный изолятор Гётеборга, чтобы дожидаться завтрашней транспортировки в Стокгольм.

— Ясно.

— Она передала... сообщение для тебя.

— Вот как?

— Оно весьма таинственное.

— Какое?

— Она говорит, что «Ядовитым пером» является Петер Фредрикссон.

Эрика Бергер десять секунд просидела молча. «Это невозможно. Петер не таков. Должно быть, Саландер ошиблась», — отрывочно мелькало у нее в голове.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Только это. Ты понимаешь, о чем речь?

— Да.

— Рикки, чем вы там с Лисбет занимаетесь? Она звонила тебе, чтобы навести меня на Телеборьяна и...

— Спасибо, Микке. Поговорим позже.

Она выключила мобильный телефон и посмотрела на Сусанн Линдер совершенно безумным взглядом.

— Рассказывай, — сказала та.

Сусанн Линдер испытывала противоречивые чувства. Эрика Бергер внезапно получила известие о том, что «Ядовитым пером» является ее ответственный секретарь Петер Фредрикссон. Когда она об этом рассказывала, слова лились из нее прямо потоком. А потом Сусанн Линдер

спросила, каким образом она узнала, что ее маньяк — Фредрикссон.

Тут Эрика Бергер вдруг сразу замолчала, и вид у нее сделался растерянный.

— Я не могу рассказать...

— Что ты имеешь в виду?

— Сусанн, я знаю, что «Ядовитое перо» — Фредрикссон. Но не могу объяснить, откуда получила эту информацию. Что мне делать?

— Чтобы я смогла тебе помочь, ты должна мне все рассказать.

— Я... я не могу. Ты не понимаешь.

Эрика Бергер поднялась и встала возле кухонного окна, спиной к Сусанн Линдер. Наконец она снова обернулась.

— Я поеду к этому дьяволу домой.

— Нет, черт побери. Тебе нельзя никуда ехать, особенно домой к человеку, которого мы подозреваем в том, что он тебя дико ненавидит.

На лице Эрики Бергер читалась растерянность.

— Сядь. Расскажи, что произошло. Это ведь звонил Микаэль Блумквист?

Эрика кивнула.

— Я... днем попросила одного хакера проверить домашние компьютеры персонала.

— Ага. Тем самым ты, вероятно, совершила тяжкое преступление в сфере информационных технологий. И теперь не хочешь говорить, кто этот хакер.

— Я пообещала не рассказывать... Это касается других людей. Одного материала, над которым работает Микаэль.

— А Блумквист знает о «Ядовитом перо»?

— Нет, он только передал информацию.

Сусанн Линдер склонила голову набок и пристально посмотрела на Эрику Бергер. Вдруг у нее в голове образовалась ассоциативная цепочка.

Эрика Бергер. Микаэль Блумквист. «Миллениум». Таинственные полицейские, которые вторгались в квартиру Блумквиста и прослушивали ее. Сусанн Линдер следила за наблюдателями. Блумквист как одержимый работает над материалом о Лисбет Саландер.

То, что Лисбет Саландер ас компьютерного дела, в «Милтон секьюрити» знали все. Никто не понимал, откуда у нее такие навыки, и Сусанн никогда не слышала о том, что Саландер является хакером. Но Драган Арманский как-то говорил, что, занимаясь изучением личных обстоятельств, Саландер подавала совершенно обескураживающие отчеты. Хакер...

Но ведь Саландер лежит взаперти в Сальгрэнской больнице.

Это безумие.

— Мы говорим о Саландер? — спросила Сусанн Линдер.

У Эрики Бергер сделался такой вид, будто ее поразило молнией.

— Я не имею права обсуждать, откуда пришла информация. Ни единым словом.

Сусанн Линдер вдруг фыркнула.

Это Саландер. Подтвердить отчетливее Бергер просто не могла. Она совершенно выбита из равновесия.

Но это же невозможно.

Что, черт побери, происходит?

Получается, что, находясь в заключении, Лисбет Саландер взялась выяснить, кто является «Ядовитым пером». Это чистое безумие.

Сусанн Линдер интенсивно размышляла.

Что было в истории Лисбет Саландер правдой, а что нет, она не имела ни малейшего представления. Они встречались от силы раз пять в то время, когда Саландер работала в «Милтон секьюрити», и ни разу не обменялись ни одним словом не по служебным поводам. Она считала Саландер угрюмым, необщительным и неприятным в общении человеком, с настолько прочной скорлупой, что ее не взял бы даже бур. Сусанн также замечала, что Драган Арманский взял Лисбет Саландер под свое крыло. А поскольку Арманского Сусанн Линдер уважала, она предполагала, что для подобного отношения к этой угрюмой девушке у него имеются веские причины.

И вот она заявляет, что «Ядовитым пером» является Петер Фредрикссон.

Действительно ли она права? Есть ли доказательства?

Потом Сусанн Линдер в течение двух часов расспрашивала Эрику Бергер обо всем, что той известно о Петере Фредрикссоне, какова его роль в «СМП» и какие у них сложились отношения. От ответов ей легче не стало.

Эрика Бергер пребывала в полной растерянности и мучилась, не зная, как ей теперь быть. Ей хотелось поехать к Фредрикссону домой и в лицо спросить, что все это значит, но она сомневалась, что такой поступок будет правильным. В конце концов Сусанн Линдер убедила ее не спешить с обвинениями — если Петер Фредрикссон невиновен, Бергер будет выглядеть полной идиоткой — и пообещала разобраться сама. О своем обещании она пожалела в тот же миг, когда его произнесла, поскольку не имела представления, как ей следует действовать.

Припарковав свой старенький «фиат страда» максимально близко к дому Петера Фредрикссона в Фисксэтре, она заперла машину и огляделась. Она не имела четкого плана, но полагала, что ей следует зайти к нему и каким-то образом заставить его ответить на ряд вопросов. При этом она отдавала себе отчет, что это все выходит далеко за рамки ее должностных обязанностей в «Милтон секьюрити» и что Драган Арманский пришел бы в бешенство, если бы узнал, чем она занимается.

Но этот план, и сам по себе не блестящий, рухнул еще до того, как она попыталась претворить его в жизнь.

В тот же миг, как она зашла во двор и стала приближаться к подъезду, дверь открылась и оттуда вышел человек — это и был Петер Фредрикссон, Сусанн Линдер тотчас узнала его по фотографии с персонального сайта, который изучала в компьютере Эрики Бергер. Они шли навстречу друг другу и вскоре разминулись. Петер Фредрикссон скрылся в подземном гараже. Остановившись, Сусанн Линдер посмотрела ему вслед. Бросив взгляд на часы, она отметила, что уже около одиннадцати вечера, и довольно странно, что Петер Фредрикссон куда-то собирается. Она побежала обратно к машине.

После того как Эрика Бергер отсоединилась, Микаэль Блумквист долго сидел, глядя на мобильный телефон. Его очень интересовало, что происходит. Он растерянно посмотрел на компьютер Лисбет Саландер, но к этому времени ее уже должны были перевести в Гётеборгскую тюрьму и связаться с ней возможности уже не представится.

Он открыл синий T10 и позвонил Идрису Хиди в Ангеред.

— Здравствуйте. Это Микаэль Блумквист.

— Здравствуйте, — отозвался Идрис Хиди.

— Я хочу сообщить, что вы можете прекратить выполнять мое поручение.

Идрис Хиди молча кивнул. Он уже вычислил, что Микаэль Блумквист ему позвонит, поскольку Лисбет Саландер перевезли в следственный изолятор.

— Понятно, — сказал он.

— Мобильный телефон можете оставить себе, как мы и договаривались. Оставшиеся деньги я вышлю вам на неделе.

— Спасибо.

— Это я должен благодарить вас за помощь.

Закончив разговор, Микаэль открыл ноутбук и принялся за работу. События последних дней привели к необходимости переделывать

солидную часть рукописи и добавлять совершенно новый материал.

Он вздохнул.

В четверть двенадцатого Петер Фредрикссон припарковался в трех кварталах от дома Эрики Бергер. Сусанн Линдер, уже понимая, куда он направляется, держала дистанцию, чтобы не привлекать к себе внимания. Через две с лишним минуты она проехала мимо его машины и отметила, что та уже пуста. Миновав дом Эрики Бергер, Сусанн припарковалась чуть подалее, чтобы ее не было видно. От волнения у нее вспотели ладони.

Она достала коробочку и сунула в рот порцию жевательного табака.

Потом открыла дверцу машины и огляделась. Как только Сусанн осознала, что Фредрикссон движется в сторону Сальтшёбадена, она сразу поняла, что информация Саландер верна. Как именно Саландер действовала, она не знала, но уже больше не сомневалась в том, что «Ядовитым пером» является именно Фредрикссон. Судя по всему, ехал он в Сальтшёбаден не ради развлечения, а явно что-то затевал.

Будет здорово, если ей удастся поймать его с поличным.

Она вынула из бокового отделения на дверце машины телескопическую дубинку и повертела ее в руках. Потом нажала на предохранитель на рукоятке, выпустила тяжелую стальную пружину и сжала зубы.

Вот почему она ушла из патрульной службы.

В одном-единственном случае ее охватил безумный приступ ярости, когда патруль в третий раз за три дня выехал по адресу в местечке Хегерстен: женщина опять позвонила в полицию с криком о помощи, поскольку ее избил муж. И в точности как в первых двух случаях, к моменту прибытия патруля ситуация уже успела нормализоваться.

Они в очередной раз вывели мужа на лестницу и стали беседовать с женщиной. Нет, подавать заявление в полицию она не хочет. Нет, это недоразумение. Нет, он хороший... на самом деле это ее вина. Она его спровоцировала...

Все это время мерзавец стоял, ухмыляясь и глядя Сусанн Линдер прямо в глаза.

Она не могла объяснить, почему так поступила. Но внезапно ее просто прорвало — она выхватила дубинку и ударила его по губам. Первый удар оказался несильным. Губа у него раздулась, и он присел. В течение следующих десяти секунд — пока коллеги не обхватили ее и силой не вытащили на улицу — она бешено колотила его дубинкой по спине, почкам, бедрам и плечам.

Дéла возбуждать так и не стали. Сусанн тем же вечером уволилась, поехала домой и неделю прорыдала. Потом она взяла себя в руки и пришла к Драгану Арманскому. Она рассказала о содеянном и о причинах увольнения из полиции. Ей хотелось устроиться на работу. Арманский засомневался и попросил время на обдумывание. Сусанн уже оставила надежду, когда шесть недель спустя он позвонил ей и сказал, что готов ее испытать.

Сусанн Линдер состроила суровую гримасу и засунула телескопическую дубинку за пояс. Она проверила, на месте ли баллончик со слезоточивым газом в правом кармане куртки и хорошо ли завязаны шнурки кроссовок. Потом вернулась назад к дому Эрики Бергер и зашла на участок.

Она знала, что на заднем дворе детекторы движения еще не установили, и беззвучно перемещалась по газону вдоль живой изгороди на границе участка. Фредрикссона видно не было. Обойдя вокруг дома, она замерла и внезапно увидела, как он тенью скользнул в полумраке возле студии Грегера Бекмана.

Он не понимает, какой идиотизм с его стороны сюда возвращаться. Просто не может удержаться.

Сидя на корточках, он пытался заглянуть через щель в занавесках в примыкающую к гостиной комнату. Потом переместился на открытую террасу и стал всматриваться в дом через щель в опущенных жалюзи, рядом с панорамным окном, по-прежнему закрытым фанерой.

Внезапно Сусанн Линдер улыбнулась.

Пока он стоял к ней спиной, она проскользнула через двор к углу дома и спряталась у фронтона за двумя кустами смородины. Сквозь ветки обзор открывался неважный, но все же она его видела. Со своего места Фредрикссон, вероятно, мог наблюдать внутри дома холл и даже кусочек кухни. Там он, надо думать, обнаружил нечто интересное, поскольку двинулся дальше только минут через десять. И оказался совсем рядом с Сусанн Линдер.

Когда он обогнул угол дома и прошел мимо нее, Сусанн Линдер встала во весь рост и негромко его окликнула:

— Привет, Фредрикссон.

Он резко остановился и обернулся к ней.

Его глаза сверкнули в темноте. Видеть его лица она не могла, но слышала, что от потрясения он затаил дыхание.

— Мы можем пойти по простому пути или же по сложному, — сказала она. — Сейчас мы отправимся к вашей машине и...

Он развернулся и собрался бежать.

Сусанн Линдер подняла дубинку и нанесла сокрушительный болезненный удар по внешней стороне его левого колена.

Он сдавленно вскрикнул и упал.

Сусанн занесла дубинку для следующего удара, но удержалась, спиной почувствовав взгляд Драгана Арманского.

Она наклонилась, перевернула пленника на живот и придавила коленом пониже спины. Потом схватила его за правую руку, заломила ее на спину и надела наручник. Фредрикссон был слабым и никакого сопротивления не оказал.

Эрика Бергер погасила свет в гостиной и, прихрамывая, пошла на второй этаж. Костыли ей больше не требовались, но ступня по-прежнему болела, когда Эрика переносила на нее вес. Греггер Бекман выключил свет на кухне и последовал за женой. Ему еще не доводилось видеть Эрику Бергер такой несчастной — казалось, никакие его слова не приносили ей облегчения и не могли приглушить страх.

Она разделась, заползла в постель и повернулась к нему спиной.

— Ты ни в чем не виноват, Греггер, — сказала она, услышав, что он тоже укладывается.

— Ты плохо себя чувствуешь, — откликнулся он. — Я хочу, чтобы ты несколько дней посидела дома.

Он обнял ее за плечи. Она не пыталась его оттолкнуть, но оставалась безучастной. Он наклонился, осторожно поцеловал ее в шею и обнял крепче.

— Ты ничего не можешь сказать или сделать для облегчения ситуации. Я знаю, что мне необходим перерыв. Я чувствую себя так, будто села на скорый поезд и обнаружила, что перепутала платформу.

— Мы можем несколько дней провести на яхте. Уехать от всего этого.

— Нет. Уезжать мне нельзя.

Она обернулась к нему.

— Сбежать — это самое глупое, что я могу сейчас сделать. Я должна разобраться с проблемами. А потом мы сможем уехать.

— О'кей, — сказал Греггер. — От меня явно не много помощи.

Она слабо улыбнулась.

— Да. Не много. Но спасибо за то, что ты здесь. Я тебя безумно люблю, ты же знаешь.

Он кивнул.

— Не могу поверить в то, что это Петер Фредрикссон, — сказала

Эрика Бергер. — Я никогда не чувствовала с его стороны ни малейшей враждебности.

Увидев, что на первом этаже гасят свет, Сусанн Линдер подумала, не позвонить ли в дверь к Эрике Бергер. Потом опустила взгляд на Петера Фредрикссона. Тот пока не произнес ни единого слова и держался абсолютно пассивно. Она надолго задумалась и затем приняла решение.

Наклонившись, она ухватилась за наручники, подняла Фредрикссона на ноги и прислонила к стене.

— Стоять можешь? — спросила она.

Он не ответил.

— О'кей, тогда мы упростим дело. Если окажешь сопротивление, я точно так же обработаю тебе правую ногу. А если сопротивление повторится, я переломаяю тебе руки. Ты меня понял?

Она уловила, что он часто дышит. Испугался?

Толкая его перед собой, она вывела его на улицу и повела к стоящей за три квартала машине. Он хромал, и ей приходилось его поддерживать. Когда они подошли к его машине, им встретился какой-то человек, выгуливающий собаку, — остановившись, он стал разглядывать наручники Петера Фредрикссона.

— Полицейская операция, — решительным голосом заявила Сусанн Линдер. — Идите домой.

Она поместила Фредрикссона на заднее сиденье и повезла обратно в Фисксэтру. Была половина первого ночи, и на пути к его парадной им никто не встретился. Сусанн Линдер выудила у него ключи и повела пленника по лестнице в расположенную на третьем этаже квартиру.

— Вы не имеете права заходить ко мне в квартиру, — сказал Петер Фредрикссон, впервые подав голос с тех пор, как она надела на него наручники. — Вы не имеете права. У вас должно быть разрешение на обыск...

— Я не из полиции, — тихим голосом произнесла она.

Он уставился на нее с недоверием.

Сусанн Линдер ухватила его за рубашку, завела, толкая впереди себя, в гостиную и пихнула на диван. В трехкомнатной квартире царил идеальный порядок, слева от гостиной располагалась спальня, по другую сторону от прихожей — кухня, а к гостиной примыкал маленький кабинет.

Заглянув в кабинет, она с облегчением вздохнула. *The smoking gun.* ^[56] Фотографии из альбома Эрики Бергер были разложены на столе рядом с компьютером, а еще штук тридцать снимков хозяин прикрепил булавками к

стене. Удивленно подняв брови, Сусанн рассматривала этот вернисаж: Эрика Бергер была чертовски красивой женщиной и вела куда более занимательную сексуальную жизнь, чем сама Сусанн.

Услышав, что Петер Фредрикссон зашевелился, она вернулась в гостиную и поймала его, ударила, затащила в кабинет, усадила на пол и велела:

— Сиди смиренно!

Потом она пошла на кухню, отыскала большой бумажный пакет из магазина «Консум» и по одной сняла со стены все фотографии. Разорванный альбом и дневники Эрики Бергер вскоре тоже нашлись.

— Где видеозапись? — спросила она.

Петер Фредрикссон не ответил. Сусанн Линдер вышла в гостиную и включила телевизор. В видеомагнитофоне имелась кассета, но Сусанн пришлось немного повозиться, чтобы найти на пульте видеоканал.

Она вынула видеокассету и долго проверяла, не копировал ли он ее.

Обнаружив старые любовные письма Бергер и материалы о Боргшё, она переключилась на компьютер Петера Фредрикссона. К персональному компьютеру IBM у него подсоединен сканер «Микротек». Приподняв крышку сканера, Сусанн нашла забытую фотографию, изображавшую Эрику Бергер на вечеринке в клубе «Экстрим», судя по баннеру на стене, посвященной празднованию Нового 1986 года.

Включив компьютер, она обнаружила, что он защищен паролем.

— Какой у тебя пароль? — спросила она.

Петер Фредрикссон, со злобным видом сидевший на полу, не пожелал с ней разговаривать.

Сусанн Линдер вдруг совершенно успокоилась. Она знала, что с формальной точки зрения весь вечер совершала преступление за преступлением, включая то, что можно классифицировать как противоправное принуждение и даже грубое похищение человека. Но ей было наплевать. Она почти ликовала.

Пожав плечами, она вытащила из кармана швейцарский армейский нож. Отсоединила все кабели, повернула компьютер к себе задней стенкой и вскрыла его при помощи крестовой отвертки. На то, чтобы разобрать аппарат и извлечь жесткий диск, потребовалось пятнадцать минут.

Сусанн огляделась по сторонам. Она уже собрала все, но на всякий случай тщательно проверила ящики письменного стола, пачки бумаг и книжные полки. Внезапно ее взгляд упал на лежащий на подоконнике школьный альбом — из гимназии Юшхольма^[57] датированный 1978 годом. «Кажется, Эрика Бергер родом из юшхольмской знати», — вспомнила

Сусанн, открыла альбом и начала один за другим просматривать страницы выпускных классов.

Она нашла восемнадцатилетнюю Эрику Бергер в студенческой кепочке, с солнечной улыбкой и ямочками на щеках. Она была одета в тонкое белое хлопчатобумажное платье и держала в руках букет цветов, являя собой воплощение невинной юной отличницы.

Нужную связь она чуть было не упустила, но на следующей странице что-то зацепило ее взгляд. По фотографии Сусанн бы его ни за что не узнала, однако подпись не оставляла места сомнениям. Петер Фредрикссон. Он учился в параллельном классе с Эрикой Бергер. Перед Сусанн предстал тощий юноша с серьезным лицом, смотревший в объектив из-под козырька.

Она подняла глаза и встретилась взглядом с Петером Фредрикссоном.

— Она уже тогда была шлюхой.

— Очаровательно, — сказала Сусанн Линдер.

— Она трахалась в школе со всеми парнями подряд.

— Сомневаюсь.

— Она была проклятой...

— Не продолжай. Что произошло? Тебе не удалось забраться к ней в трусики?

— Она меня игнорировала. Смеялась надо мной. А начав работать в «СМП», меня даже не узнала.

— Да-да, — произнесла Сусанн Линдер. — У тебя наверняка было скучное детство. Может, поговорим серьезно?

— Что вам надо?

— Я не из полиции, — сказала Сусанн Линдер. — Я из тех, кто занимается такими, как ты.

Она подождала, предоставив его фантазии поработать.

— Я хочу знать, выложил ли ты ее фотографии где-нибудь в Интернете?

Он помотал головой.

— Точно?

Он кивнул.

— Эрика Бергер будет сама решать, подавать ли ей на тебя заявление в полицию за преследования, угрозу насилия и нарушение неприкосновенности жилища или пойти на мировое соглашение.

Он промолчал.

— Если она решит на тебя наплевать — а я считаю, что большего ты и не заслуживаешь, — то я буду за тобой приглядывать.

Она подняла телескопическую дубинку.

— Если ты еще когда-нибудь приблизишься к дому Эрики Бергер, пошлешь ей какой-нибудь мейл или нарушишь ее покой каким-либо иным способом, я к тебе вернусь. Я тебя так изувечу, что родная мать не узнает. Ты меня понял?

Он промолчал.

— У тебя имеется возможность повлиять на финал этой истории. Хочешь узнать какая?

Он кивнул.

— В таком случае я рекомендую Эрике Бергер отпустить тебя на все четыре стороны. Ходить на работу можешь больше не утруждаться. Ты уволен, прямо с этой минуты.

Он кивнул.

— Ты исчезнешь из ее жизни и из Стокгольма. Мне наплевать на то, как ты поступишь и где окажешься. Поищи работу в Гётеборге или Мальме. Скажись больным. Делай, что хочешь. Но оставь Эрику Бергер в покое.

Он кивнул.

— Договорились?

Петер Фредрикссон вдруг заплакал.

— Я не хотел ей зла, — сказал он. — Я хотел только...

— Ты хотел только превратить ее жизнь в ад, и ты в этом преуспел. Даешь мне слово?

Он кивнул.

Она наклонилась, перевернула его на живот и освободила ему руки. Потом взяла пакет из «Консума», заключавший в себе всю жизнь Эрики Бергер, и ушла, оставив Фредрикссона лежать на полу.

Из парадной Фредрикссона Сусанн Линдер вышла в половине третьего ночи. Она подумала было отложить дело до завтра, но решила, что, если бы речь шла о ней самой, она предпочла бы узнать новости прямо ночью. Кроме того, ее машина так и осталась в Сальтшёбадене. Сусанн позвонила и вызвала такси.

Греггер Бекман открыл дверь еще прежде, чем она успела нажать на звонок. Он был в джинсах и, казалось, даже не ложился спать.

— Эрика не спит? — спросила Сусанн Линдер.

Греггер помотал головой.

— Есть что-нибудь новое? — поинтересовался он.

Она кивнула и улыбнулась ему.

— Заходи. Мы сидим на кухне и разговариваем.

Они зашли в дом.

— Привет, Бергер, — сказала Сусанн Линдер. — Тебе следует научиться иногда спать.

— Что случилось?

Она протянула пакет из «Консума».

— Петер Фредрикссон обещает в дальнейшем оставить тебя в покое. Одному дьяволу известно, можно ли ему доверять, но, если он сдержит слово, нам всем это дешевле обойдется, чем возиться с заявлением в полицию и судом. Решать тебе.

— Значит, это действительно он?

Сусанн Линдер кивнула. Грегер Бекман стал разливать кофе, но Сусанн отказалась — за последние дни она выпила слишком много кофе. Вместо этого она села и рассказала о событиях этой ночи.

Эрика Бергер долго сидела молча. Потом встала, поднялась на второй этаж и, вернувшись со школьным альбомом, принялась внимательно всматриваться в лицо Петера Фредрикссона.

— Я его помню, — сказала она под конец. — Но я представления не имела, что он и есть тот самый Петер Фредрикссон, который работает в «СМП». Я даже не помнила его имени, пока не посмотрела в альбом.

— Что же произошло? — поинтересовалась Сусанн Линдер.

— Ничего. Абсолютно ничего. Он был молчаливым и совершенно неинтересным парнем из параллельного класса. Кажется, мы вместе изучали какой-то предмет. Французский, если я правильно помню.

— Он сказал, что ты его игнорировала.

Эрика кивнула.

— Вероятно, да. Он не принадлежал к числу моих знакомых и не входил в нашу компанию.

— Вы его травили или что-нибудь в этом роде?

— Видит бог, нет. Я всегда не выносила травли. У нас в гимназии проводились кампании против травли, а я была председателем ученического совета. Даже не могу припомнить, чтобы он когда-нибудь со мной заговаривал или чтобы я обменялась с ним хоть словом.

— О'кей, — сказала Сусанн Линдер. — Все равно он явно затаил на тебя обиду. Он дважды подолгу находился на больничном по поводу стресса и полного изнеможения. Возможно, для больничных листов имелись и другие причины, о которых нам неизвестно.

Она встала и надела кожаную куртку.

— Его жесткий диск я оставлю у себя. С формальной точки зрения он является краденым имуществом, и ему незачем находиться здесь. Не

волнуйся, я его обезврежу, как только окажусь дома.

— Сусанн, подожди... Как же мне тебя отблагодарить?

— Ну, можешь вступиться, когда гнев Арманского обрушится на меня, подобно грому.

Эрика пристально посмотрела на нее.

— Тебе за это здорово достанется?

— Не знаю... честно говоря, не знаю.

— Давай мы тебе заплатим за...

— Нет. Но Арманский, возможно, выставит за эту ночь счет. Надеюсь, что он так и поступит, поскольку это будет означать, что он одобрил мои действия и, следовательно, не намеревается меня выгнать.

— Я прослежу за тем, чтобы он выставил счет.

Эрика Бергер встала и заключила Сусанн Линдер в объятия.

— Спасибо, Сусанн. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, ты всегда можешь на меня рассчитывать. Чего бы это ни касалось.

— Спасибо. Проследи, чтобы эти фотографии не валялись где попало. Кстати, «Милтон секьюрити» занимается установкой очень крутых сейфов.

Эрика Бергер улыбнулась.

Понедельник, 6 июня

В понедельник Эрика Бергер проснулась в шесть утра. Хотя она и проспала от силы час, чувствовала она себя на удивление отдохнувшей. Видимо, это была какая-то особая реакция организма. Впервые за несколько месяцев она надела спортивный костюм и в бешеном темпе пробежалась до пристани. Правда, бежать быстро получилось только метров сто, пока поврежденная пятка не разболелась настолько, что Эрике пришлось сбавить скорость и дальше двигаться более спокойно.

Она чувствовала себя заново рожденной, и даже боль в ноге, возникавшая при каждом шаге, доставляла ей чуть ли не наслаждение. Будто бы смерть, подойдя к ее двери, в последний миг передумала и проследовала к соседнему дому. Эрика просто не могла понять, как ей могло настолько повезти, что Петер Фредрикссон просидел над ее снимками четверо суток, ничего при этом не предприняв. Сканирование свидетельствовало о том, что он вынашивал какие-то планы, но осуществить их не успел.

Что бы ни случилось, она в этом году сделает Сусанн Линдер какой-нибудь дорогой и неожиданный рождественский подарок. Придумает что-нибудь особенное.

В половине восьмого, оставив Грегера спать дальше, Эрика села в «БМВ» и поехала в редакцию «СМП». Поставив машину в гараж, она поднялась на лифте в редакцию, уселась в стеклянной клетке и первым делом позвонила охраннику.

— Петер Фредрикссон вчера уволился из «СМП», — сказала она. — Найдите большую коробку, соберите его личные вещи и проследите за тем, чтобы их доставили ему уже в первой половине дня.

Эрика посмотрела на информационную стойку. Только что вошедший Андерс Хольм встретил ее взгляд и кивнул.

Она кивнула в ответ.

Хольм, конечно, засранец, но после их стычки несколько недель назад он перестал осложнять ей жизнь. Если он будет и дальше демонстрировать такое позитивное отношение, то, возможно, останется на должности начальника информационного отдела. Возможно.

Она чувствовала, что в силах переломить ситуацию.

В 08.45 она мельком увидела Боргшё, когда тот выходил из лифта и удалялся по внутренней лестнице к себе в кабинет, расположенный этажом выше. «Я должна поговорить с ним сегодня же», — напомнила она себе.

Сходив за кофе, Эрика просмотрела утреннюю служебную записку. Утро выдалось небогатым на новости. Единственным, что привлекло внимание, оказалась маленькая заметка, деловым тоном сообщавшая о переводе Лисбет Саландер в следственный изолятор Гётеборга. Эрика одобрила материал и переслала его Андерсу Хольму.

В 08.59 позвонил Боргшё.

— Бергер. Зайдите ко мне в кабинет, немедленно.

Сказав это, он положил трубку.

Когда Эрика Бергер открыла дверь в его кабинет, Магнус Боргшё сидел с белым лицом. Он встал, повернулся к ней и швырнул на стол пачку бумаг.

— Что это, черт возьми, такое? — проревел он.

Сердце Эрики Бергер ушло в пятки. Ей достаточно было только взглянуть на обложку, чтобы понять, что именно Боргшё обнаружил в утренней почте.

С фотографиями Фредрикссон ничего сделать не успел. Но он успел отправить Боргшё статью Хенри Кортеса.

Она села напротив него и спокойно ответила:

— Это статья, написанная журналистом Хенри Кортесом, которую журнал «Миллениум» собирался дать в номер, вышедший неделю назад.

Боргшё был вне себя.

— Что вы, черт подери, себе позволяете? Я сам привел вас в «СМП», а вы первым делом начинаете интриговать. Да вы просто какая-то медийная шлюха!

Глаза Эрики Бергер сузились, она вся похолодела. Слова «шлюха» с нее уже хватило.

— Неужели вы действительно верите в то, что кто-нибудь станет с этим считаться? Думаете, что вам удастся при помощи этой пустой болтовни отправить меня в отставку? И какого черта было посылать мне эту писанину анонимно?

— Дело обстоит совсем не так, Боргшё.

— В таком случае расскажите, как оно обстоит.

— Статью вам послал Петер Фредрикссон. Он со вчерашнего дня уволен из «СМП».

— Дьявол, о чем это вы говорите?

— Долгая история. Но я держала статью при себе уже больше двух недель, пытаюсь придумать, как мне лучше с вами о ней поговорить.

— За этим текстом стоите вы.

— Нет, не я. Собрал материал и написал статью Хенри Кортес. Я о ней ничего не знала.

— И вы хотите, чтобы я в это поверил?

— Как только мои коллеги из «Миллениума» обнаружили, что текст касается вас, Микаэль Блумквист приостановил его публикацию, позвонил мне и передал копию статьи, чтобы я могла решить, как выйти из этой истории с наименьшими потерями. У меня статью выкрали, и теперь она оказалась у вас. В «Миллениуме» хотели дать мне шанс поговорить с вами до ее публикации, а опубликовать статью предполагается в августе.

— Я еще никогда не встречал такой бесстыжей журналистки. Вы обскакали всех.

— О'кей. Раз уж вы прочитали репортаж, может быть, вы заодно просмотрели и материалы журналистского расследования. К статье Кортеса не подкопаешься, ее вполне можно публиковать. И вам это известно.

— Что это, черт возьми, должно означать?

— Если вы останетесь председателем правления к моменту, когда «Миллениум» опубликует статью, «СМП» это сильно повредит. Я отчаянно размышляла, пытаюсь найти выход, но так и не нашла.

— Что вы хотите сказать?

— Вам необходимо уйти.

— Вы шутите? Я не сделал ничего такого, что противоречит закону.

— Магнус, неужели вы действительно не понимаете масштабов этого разоблачения? Не заставляйте меня созывать правление, это приведет только к лишнему позору.

— Вам не придется ничего созывать. Ваша работа в «СМП» закончена.

— Сорри. Уволить меня может только правление. Пожалуйста, приглашайте их на экстренное заседание. Я бы предложила прямо сегодня во второй половине дня.

Боргшё обошел вокруг стола и встал так близко к Эрике Бергер, что она ощущала его дыхание.

— Бергер... у тебя еще есть шанс остаться здесь. Отправляйся к своим проклятым приятелям из «Миллениума» и проследи за тем, чтобы эта статейка никогда не увидела свет. Если справишься с этим, я, возможно, забуду все то, что ты натворила.

Эрика Бергер вздохнула.

— Магнус, вы просто не понимаете серьезности ситуации. Я не имею никакого влияния на то, что публикует «Миллениум». Что бы я ни говорила, статью все равно опубликуют. Меня интересует только то, как это

скажется на «СМП». Поэтому вы должны уйти.

Боргшё оперся руками о спинку кресла и наклонился к Эрике.

— Твои приятели из «Миллениума», возможно, призадумаются, если узнают, что в тот же миг, как они предадут эту чушь огласке, тебя отсюда выгонят.

Он вновь выпрямился.

— Я сегодня еду на совещание в Норрчёпинг. — Он посмотрел на нее и со значением добавил. — Со «СвеаБюгг».

— Вот как.

— Когда я завтра вернусь, ты доложишь мне, что с этим покончено. Ясно?

Он надел пиджак. Эрика Бергер наблюдала за ним, прищурив глаза.

— Выполнишь аккуратненько, может, и удержишься в «СМП». А теперь освободи мой кабинет.

Она встала, вернулась обратно в стеклянную клетку и в течение двадцати минут сидела в кресле абсолютно неподвижно. Потом подняла трубку и попросила Андерса Хольма зайти. Памятуя прошлые ошибки, он появился в течение минуты.

— Садитесь.

Андерс Хольм поднял брови и сел.

— Ну, в чем я провинился на этот раз? — иронично поинтересовался он.

— Андерс, это мой последний день в «СМП». Я сейчас подаю заявление об уходе. Во время ланча я приглашу вице-председателя и остальных членов правления на заседание.

Он уставился на нее с неподдельным изумлением.

— Я буду рекомендовать вас в качестве исполняющего обязанности главного редактора.

— Что?

— Вы не против?

Андерс Хольм откинулся на спинку стула и посмотрел на Эрику Бергер.

— Я, черт возьми, никогда не хотел становиться главным редактором, — сказал он.

— Я знаю. Но у вас достаточно жесткая хватка, и ради публикации хорошего материала вы пойдете по трупам. Мне бы только хотелось, чтобы у вас было побольше мозгов.

— Что все-таки произошло?

— У нас с вами разный стиль работы. Мы с вами все время ругались

по поводу того, как следует подавать материал, и тут мы никогда не сойдемся.

— Да, — сказал он. — Мы никогда не сойдемся. Но возможно, мой стиль старомоден.

— Я не уверена, что «старомоден» правильное слово. Вы классный специалист в области информации, но ведете себя как засранец. В этом нет никакой необходимости. Но больше всего мы ссорились из-за вашей убежденности в том, что на оценку новостей не должны влиять личные пристрастия и что вы как начальник информационного отдела не должны подобного допускать.

Эрика Бергер вдруг язвительно улыбнулась Андерсу Хольму, потом открыла сумку и достала оригиналы материалов о Боргшё.

— Давайте проверим ваше чутье на новости. У меня имеется статья, полученная от Хенри Кортеса, сотрудника «Миллениума». Я сегодня утром решила, что мы дадим эту статью как главный материал дня.

Она бросила папку Хольму на колени.

— Вы — начальник информационного отдела. Будет интересно узнать, разделяете ли вы мою оценку данной новости.

Андерс Хольм открыл папку и принялся читать. Уже после первых строк его глаза расширились, он выпрямился на стуле и посмотрел на Эрику Бергер в упор. Потом опустил глаза и прочел статью от начала до конца, затем открыл и стал внимательно читать документацию, на что ушло двадцать минут. Потом он медленно отложил папку в сторону.

— Разразится грандиозный скандал.

— Знаю. Поэтому я сегодня подаю заявление об уходе. «Миллениум» предполагал напечатать статью в июньском номере, но Микаэль Блумквист наложил вето. Он дал текст мне, чтобы я могла поговорить с Боргшё до выхода статьи.

— И?

— Боргшё приказал мне замять это материал.

— Ясно. И вы в отместку хотите выпустить его в «СМП».

— Нет. Не в отместку. Просто не вижу другого выхода. Если статью напечатает «СМП», у нас будет шанс выйти из ситуации с честью. Боргшё должен уйти. Но после всего этого я тоже не могу здесь оставаться.

Хольм две минуты помолчал.

— Черт, Бергер... Я не предполагал, что вы такая крутая. Никак не думал, что скажу это, но, раз у вас такой боевой характер, мне действительно жаль, что вы уходите.

— Вы могли бы остановить публикацию, но раз мы оба ее одобряем...

Вы собираетесь давать ей ход?

— Черт возьми, конечно, мы ее напечатаем. Информация ведь просочится в любом случае.

— Именно.

Андерс Хольм встал, но замялся возле ее стола.

— Идите работайте, — сказала Эрика Бергер.

Выждав пять минут после ухода Хольма, она подняла трубку и позвонила Малин Эрикссон в «Миллениум».

— Привет, Малин. Нет ли там поблизости Хенри Кортеса?

— Есть. Сидит у себя за столом.

— Не могла бы ты пригласить его к себе в кабинет и включить на телефоне громкую связь? Нам надо посоветоваться.

Хенри Кортес подошел в течение пяти секунд.

— Что происходит?

— Хенри, я сегодня совершила аморальный поступок.

— Неужели?

— Я передала твою статью о «Витаваре» Андерсу Хольму, начальнику отдела информации «СМП».

— Вот как...

— Я велела ему завтра дать статью в «СМП». За твоей подписью. Тебе, разумеется, заплатят. Ты сможешь сам назвать цену.

— Эрика... что, черт возьми, происходит?

Она кратко рассказала о событиях последних недель и о том, как Петер Фредрикссон ее чуть не уничтожил.

— Дьявол, — сказал Хенри Кортес.

— Хенри, я знаю, что материал твой. У меня просто нет выбора. Ты можешь на это пойти?

Хенри Кортес несколько секунд помолчал.

— Спасибо, что позвонила, Эрика. Можешь печатать статью за моей подписью. Если, разумеется, Малин не возражает.

— Я не возражаю, — вступила в разговор Малин.

— Отлично, — сказала Эрика. — Проинформируйте, пожалуйста, Микаэля. Думаю, его еще нет на месте.

— Я поговорю с Микаэлем, — пообещала Малин Эрикссон. — Но, Эрика, ведь это означает, что ты с сегодняшнего дня безработная?

Эрика засмеялась.

— Я решила устроить себе отпуск до конца года. Поверьте, что нескольких недель в «СМП» с меня вполне хватило.

— Думаю, тебе не следует начинать планировать отпуск, — заметила Малин.

— Почему нет?

— Ты можешь во второй половине дня заглянуть в «Миллениум»?

— Зачем?

— Мне требуется помощь. Если захочешь вернуться на должность главного редактора, можешь приступить завтра утром.

— Малин, главный редактор «Миллениума» ты. Ни о чем другом не может быть и речи.

— О'кей. Тогда выходи на должность ответственного секретаря редакции, — засмеялась Малин.

— Ты серьезно?

— Черт возьми, Эрика, мне так тебя не хватает, что я просто умираю. Я пришла в «Миллениум», в частности, за тем, чтобы иметь возможность работать с тобой. А ты вдруг взяла и оказалась не в той газете.

Эрика Бергер с минуту помолчала. Она даже не успела обдумать возможность возвращения в «Миллениум».

— Вы хотите, чтобы я вернулась? — медленно спросила она.

— А ты как думаешь? Подозреваю, что мы начнем с шикарного праздника, и главным организатором стану я. Ты вернешься как раз к тому моменту, когда нам предстоит опубликовать сама знаешь что.

Эрика посмотрела на часы на письменном столе. Без пяти десять. В течение одного часа вся ее жизнь перевернулась. Она вдруг почувствовала, как сильно ей хочется вновь подняться по лестнице в «Миллениум».

— В ближайшие часы мне еще надо разобраться кое с чем в «СМП». Можно, я зайду к вам около четырех?

Рассказывая Драгану Арманскому о ночных событиях, Сусанн Линдер смотрела ему прямо в глаза. Она не упомянула лишь о своей уверенности в том, что к проникновению в компьютер Фредрикссона имела отношение Лисбет Саландер. Сусанн опустила это по двум причинам: во-первых, ей казалось, что это звучит слишком неправдоподобно, а во-вторых, она знала, что Драган Арманский активно участвует в деле Саландер вместе с Микаэлем Блумквистом.

Слушал Арманский очень внимательно. Закончив рассказ, Сусанн Линдер замолчала, ожидая его реакции.

— Около часа назад мне звонил Греггер Бекман, — сказал он.

— Вот как.

— Они с Эрикой Бергер заедут на неделе, чтобы подписать контракт.

Они выражают благодарность за вклад «Милтон секьюрители» и, прежде всего, за твоё участие.

— Ясно. Приятно, когда клиенты довольны.

— Он хочет также заказать домой сейф. Мы должны его установить и закончить все дела с сигнализацией к концу недели.

— Отлично.

— Он хочет, чтобы мы выставили им счёт за твою работу в эти выходные.

— Хм.

— Иными словами, нам предстоит отправить им солидный счёт.

— Ага.

Арманский вздохнул.

— Сусанн, ты ведь понимаешь, что Фредрикссон может пойти в полицию и заявить на тебя по множеству пунктов.

Она кивнула.

— Разумеется, он сам со свистом отправится в тюрьму, но, может, он решит, что дело того стоит.

— Не думаю, чтобы у него хватило пороку пойти в полицию.

— Пусть так, но ты действовала вопреки всем полученным от меня инструкциям.

— Я знаю, — сказала Сусанн Линдер.

— И как, ты считаешь, я должен на это отреагировать?

— Решать вам.

— А как, по твоему мнению, мне следует реагировать?

— Мое мнение никакого значения не имеет. За вами всегда остается право меня выставить.

— Едва ли. Я не могу себе позволить лишиться сотрудника твоего уровня.

— Спасибо.

— Но если ты снова сделаешь нечто подобное, я очень рассержусь.

Сусанн Линдер кивнула.

— Что ты сделала с жестким диском?

— Он уничтожен. Я сегодня утром сунула его в тиски и раздавила в крошки.

— О'кей. Тогда будем считать, что дело закрыто.

Первую половину дня Эрика Бергер посвятила обзвону членов правления «СМП». Вице-председателя она застала на даче неподалеку от Ваксхольма и уговорила его немедленно сесть в машину и мчаться в

редакцию. После ланча правление собралось, правда, в сильно урезанном составе. В течение часа Эрика Бергер докладывала, как у них появилась папка Кортеса и к каким это привело последствиям.

Когда она закончила, послышались ожидаемые предложения поискать какое-нибудь альтернативное решение. Эрика объявила, что «СМП» собирается дать статью в завтрашний номер, и сообщила также, что работает у них последний день и ее решение бесповоротно.

В результате всего этого Эрика заставила правление одобрить и занести в протокол два решения: просить Магнуса Боргшё незамедлительно оставить занимаемый пост и назначить Андерса Хольма временно исполняющим обязанности главного редактора. После этого она извинилась и оставила правление обсуждать ситуацию без нее.

В 14.00 она спустилась в отдел кадров и составила контракт. Затем пошла в редакцию отдела культуры и пригласила для беседы начальника отдела Себастиана Страндлунда и журналистку Эву Карлссон.

— Насколько я понимаю, отдел культуры считает Эву Карлссон толковым и талантливым репортером.

— Верно, — подтвердил Страндлунд.

— А в последние два года вы в бюджетных заявках просили усилить редакцию как минимум двумя сотрудниками.

— Да.

— Эва, принимая во внимание полученные вами письма, если я возьму вас на постоянную должность, возможно, поползут неприятные слухи. Вы по-прежнему заинтересованы в ней?

— Естественно.

— В таком случае моим последним решением в «СМП» станет подписание этого трудового договора.

— Последним?

— Долгая история. Я сегодня увольняюсь. Будьте добры, не говорите никому об этом где-то с час.

— Что...

— Вскоре появится служебная записка.

Эрика Бергер подписала контракт и передала через стол Эве Карлссон.

— Удачи, — сказала она с улыбкой.

— Неизвестного пожилого мужчину, участвовавшего в субботнем совещании у Экстрёма, зовут Георг Нюстрём, он комиссар, — сказала Моника Фигуэрола, выкладывая полученные в результате оперативной съемки фотографии на стол перед Торстеном Эдклинтом.

— Комиссар, — пробормотал Эдклинг.

— Стефан вычислил его вчера вечером. Он посещал квартиру на Артиллеригатан и приехал на машине.

— Что нам о нем известно?

— Начинал он в обычной полиции, а в ГПУ/Без работает с восемьдесят третьего года. С девяносто шестого года находится на должности следователя с персональной ответственностью и осуществляет внутренний контроль за уже законченными делами.

— О'кей.

— Начиная с субботы в подъезд заходило шесть человек, представляющих интерес. Помимо Юнаса Сандберга и Георга Нюстрёма в здании находится Фредрик Клинтон. Он сегодня утром ездил на больничном транспорте на диализ.

— Кто остальные трое?

— Некий господин Отто Хальберг. Он работает в ГПУ/Без с восьмидесятих годов, но вообще-то прикреплен к Штабу обороны — числится в военно-морских силах и военной разведке.

— Вот как. Меня это почему-то не удивляет.

Моника Фигуэрола предъявила еще один снимок.

— Этого парня мы пока не вычислили. Он ходил обедать вместе с Хальбергом. Попробуем установить, кто он такой, когда он вечером пойдет домой.

— О'кей.

— Однако самый интересный человек — вот этот.

Она положила на стол еще одну фотографию.

— Его я знаю, — сказал Эдклинг.

— Его зовут Ваденшё.

— Точно. Он работал в отделе по борьбе с терроризмом лет эдак пятнадцать назад. Офисный генерал. Когда-то считался в «Фирме» одним из кандидатов на должность большого начальника. Что с ним произошло, я не знаю.

— Он в девяносто первом году уволился. Угадайте, с кем он обедал примерно час назад?

Она представила последнюю фотографию.

— Начальник канцелярии Альберт Шенке и финансовый директор Густав Аттербум. Я хочу, чтобы за этими личностями велось круглосуточное наблюдение. Мне надо точно знать, с кем они встречаются.

— Это невозможно. У меня в распоряжении имеется только четыре человека. И хотя бы кто-то из них должен работать с документацией.

Эдклинт кивнул и задумчиво прикусил нижнюю губу. Через некоторое время он посмотрел на Монику Фигуэролу.

— Нам требуются еще люди, — сказал он. — Ты не могла бы без особого шума связаться с инспектором уголовной полиции Яном Бублански и спросить, не согласится ли он сегодня после работы со мной поужинать? Скажем, около семи.

Эдклинт потянулся к телефонной трубке и набрал номер, который знал наизусть.

— Привет, Арманский. Это Эдклинт. Памятуя приятный ужин, на который ты меня недавно приглашал, мне хотелось бы сделать тебе ответное предложение... нет, я настаиваю. Скажем, около семи?

Лисбет Саландер провела ночь в следственном изоляторе «Крунуберг», в камере площадью примерно четыре на четыре метра. О мебелировке нечего было и говорить. Лисбет заснула в течение пяти минут после того, как ее заперли, и, проснувшись в понедельник ранним утром, послушно проделала рекомендованные терапевтом Сальгренской больницы упражнения на растяжки. Потом она позавтракала и молча уселась на койку, уставившись прямо перед собой.

В половине девятого ее повели в помещение для допросов, расположенное в другом конце коридора. Конвоиром оказался пожилой лысый дядя небольшого роста, с круглым лицом и очками в роговой оправе. Он держался с ней корректно и добродушно.

Анника Джаннини приветливо поздоровалась с ней, Ханса Фасте Лисбет проигнорировала. Потом она познакомилась с прокурором Рихардом Экстрёмом и последующие полчаса провела, сидя на стуле и неотрывно глядя в одну точку, чуть повыше головы Экстрёма. За все это время она не произнесла ни слова и не шевельнула ни единым мускулом.

В десять часов Экстрём прервал неудавшийся допрос. Он испытывал раздражение, поскольку не сумел добиться от нее ни малейшего отклика. Глядя на тоненькую, кукольного вида девушку, он впервые засомневался: неужели она действительно могла жестоко избить Магге Лундина и Сонни Ниеминена? Разве суд поверит в эту историю даже при наличии убедительных доказательств?

В двенадцать часов Лисбет принесли нехитрый обед, а последующий час она провела за решением в уме уравнений из области сферической астрономии, вспомнив о книге, которую читала двумя годами раньше.

В 14.30 ее снова отвели в помещение для допросов. На этот раз конвоиром оказалась молодая женщина. В комнате никого не было. Лисбет

села на стул и продолжила размышлять над одним особенно сложным уравнением.

Через десять минут дверь открылась.

— Здравствуй, Лисбет, — приветливо поздоровался улыбающийся Петер Телеборьян.

Лисбет Саландер оледенела. Части уравнения, которое она выстраивала перед собой в воздухе, рухнули вниз. Она даже услышала, как цифры и знаки зазвенели, ударяясь об пол.

С минуту Петер Телеборьян постоял неподвижно, разглядывая ее, а потом уселся напротив. Она продолжала смотреть в стену.

Через некоторое время она перевела взгляд и посмотрела ему в глаза.

— Мне жаль, что ты попала в такую ситуацию, — сказал Петер Телеборьян. — Я постараюсь помочь тебе всеми возможными способами. Надеюсь, нам удастся установить взаимное доверие.

Лисбет разглядывала его, перемещая взгляд по сантиметру. Взъерошенные волосы. Борода. Маленькая щелка между передними зубами. Тонкие губы. Коричневый пиджак. Расстегнутый ворот рубашки.

— Надеюсь также, что сумею помочь тебе лучше, чем при нашей прошлой встрече, — донесся до нее его мягкий и обманчиво дружелюбный голос.

Он положил перед собой на стол маленький блокнотик и ручку. Лисбет опустила взгляд и посмотрела на ручку. Та представляла собой остроконечную серебристую трубочку.

Анализ последствий.

Лисбет подавила порыв протянуть руку и схватить ручку.

Поискав глазами его левый мизинец, она увидела едва заметную белую полоску на том месте, в которое пятнадцать лет назад впились зубами и сжала челюсти с такой силой, что чуть не откусила ему палец. Потребовались усилия трех санитаров, чтобы усмирить ее и заставить разомкнуть челюсти.

В тот раз я была маленькой пугливой девочкой, едва достигшей подросткового возраста. Теперь я взрослая. Я могу убить тебя, когда захочу.

Она уперлась взглядом в точку на стене позади Телеборьяна, подобрала рухнувшие на пол цифры и математические знаки и начала заново выстраивать уравнение.

Доктор Петер Телеборьян разглядывал Лисбет Саландер с непроницаемым выражением лица. Он не стал бы психиатром с международной известностью, если бы не разбирался в людях и не обладал

способностью читать чувства и настроения. Телеборьян ощутил, что в комнате повеяло холодом, но истолковал это как знак того, что под внешней невозмутимостью пациентка скрывает страх и стыд. Он счел это позитивным признаком того, что она все-таки реагирует на его присутствие. Его также обрадовало, что ее поведение ничуть не изменилось. В суде она сама подпишет себе приговор.

Перед уходом из «СМП» у Эрики Бергер оставалось последнее дело — сесть и составить служебную записку сотрудникам. Она начала писать, пребывая в растрепанных чувствах, и, вопреки здравому смыслу, у нее получилось аж две страницы формата А4, на которых она объясняла, почему уходит из «СМП», и высказывала свое личное мнение о некоторых людях. Уничтожив весь этот текст, Эрика начала заново, в более деловом тоне.

Петера Фредрикссона она упоминать не стала. В противном случае весь интерес сосредоточился бы на нем, и настоящие причины утонули бы в скандалах на тему сексуальных преследований.

Эрика привела две причины своего ухода. Главным было то, что, предложив урезать зарплаты и бонусы руководителям и владельцам, она натолкнулась на мощное сопротивление. Вместо этого ее вынуждали начать работу в «СМП» с крупного сокращения персонала, что, с ее точки зрения, не только являлось нарушением ранее данных ей обещаний, но и сводило на нет любые попытки в перспективе изменить газету и упрочить ее положение.

Второй причиной было разоблачение Боргшё. Она объяснила, что он распорядился замять эту историю и тем самым нарушить ее долг как журналиста, после чего у нее не оставалось выбора и она сочла себя обязанной покинуть редакцию. В заключение она делала вывод, что проблемы «СМП» заключаются не в персонале, а в руководстве.

Эрика один раз перечитала служебную записку, исправила орфографические ошибки и разослала ее по электронной почте всем сотрудникам концерна. Сделав копию, она отправила ее в журнал «Прессенс тиднинг» и в орган профсоюза «Журналистен». Потом упаковала свой лэптоп и пошла к Андерсу Хольму.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания, Бергер. Работать с вами было кошмаром.

Они улыбнулись друг другу.

— У меня осталось последнее дело, — добавила Эрика.

— Какое?

— Юханнес Фриск работает по моему поручению над одним материалом.

— И ни одна собака не знает, чем он занимается.

— Поддержите его. Он уже довольно многое сделал, и я буду сохранять с ним контакт. Дайте ему закончить работу. Гарантирую, что вы от этого только выиграете.

У него сделался задумчивый вид. Потом он кивнул.

Пожимать друг другу руки они не стали. Эрика положила Хольму на письменный стол пропуск в редакцию, спустилась в гараж и забрала свою машину. В начале пятого она припарковалась поблизости от редакции «Миллениума».

Часть 4

Перезагрузка

1 июля — 7 октября

Несмотря на наличие многочисленных мифов об амазонках в античной Греции, Южной Америке, Африке и других местах, имеется лишь один исторический, документально подтвержденный пример существования женщин-воительниц. Это женская армия, существовавшая у народности фон в западноафриканской Дагомее, теперешнем Бенине.

Об этих женщинах-воительницах ничего не написано в официальной военной истории, о них не снято никаких романтических фильмов, и на сегодняшний день о них упоминается разве что в стершихся исторических сносках. Об этих женщинах

существует одна-единственная научная работа: Stanley B. Alper, *Amazons of Black Sparta* (Hurst & Co Ltd, London, 1998). Тем не менее это была армия, способная сравниться с любым элитным войском оккупационных властей того времени, состоявшим из солдат-мужчин.

Когда точно была образована женская армия народности фон, неизвестно, но некоторые источники датируют ее XVII веком. Первоначально она являлась королевской лейб-гвардией, которая выросла в корпус из 6000 солдат, имеющих полубожественный статус. Но предназначены они были не для украшения. Чуть более 200 лет они составляли главную ударную силу народности фон в борьбе против вторгавшихся европейских колонизаторов. Их опасалось французское

войско, которое они неоднократно побеждали в сражениях. Разбить женскую армию удалось только в 1892 году, когда Франция привезла на кораблях современные войска с артиллерией, иностранными легионерами, морским пехотным полком и кавалерией.

Сколько женщин-воительниц погибло, неизвестно. Выжившие в течение нескольких лет продолжали вести партизанские действия, и еще в 1940-х годах были живы ветераны той армии, их фотографировали и брали у них интервью.

Глава

23

Пятница, 1 июля — воскресенье, 10 июля

За две недели до суда над Лисбет Саландер Кристер Мальм закончил оформление книги объемом в 364 страницы и с сухим названием «Секция». Обложка была синей, надписи на ней — желтыми, а в самом низу Кристер поместил семь черно-белых портретов шведских премьер-министров, размером с почтовую марку. Над ними простиралось изображение Залаченко. Для иллюстрации Кристер воспользовался паспортной фотографией бывшего шпиона и настолько увеличил контрастность, что выступали лишь темные части снимка, словно тенью покрывая всю обложку. Дизайн получился не слишком изысканным, но впечатляющим. В качестве авторов значились Микаэль Блумквист, Хенри Кортес и Малин Эрикссон.

Была половина шестого утра — Кристер Мальм проработал всю ночь. Его немного подташнивало, и он ощущал острую потребность пойти домой и поспать. Малин Эрикссон просидела с ним все это время, внося последние исправления в уже одобренные Кристером страницы и распечатывая текст. Она уже заснула прямо на диване в редакции.

Кристер Мальм собрал в папку документы с фотографиями и образцами шрифта. Потом запустил программу «Тост» и перенес все на два диска. Один он поместил в редакционный сейф, а второй передал пришедшему около семи заспанному Микаэлю Блумквисту.

— Иди домой и поспи, — сказал Микаэль.

— Уже иду, — ответил Кристер.

Будить Малин Эрикссон они не стали, но включили сигнализацию на входе. В восемь часов на вахту должен был заступить Хенри Кортес. Выйдя из парадной, они хлопнули друг друга по ладошкам и расстались.

Микаэль Блумквист дошел до Лундагатан, где снова без разрешения взял брошенную Лисбет Саландер «хонду». Не желая доверять пересылку диска почте, он лично отвез его Яну Чёбину, директору типографии, располагавшейся в невзрачном кирпичном здании возле железной дороги в местечке Моргонгова, неподалеку от городка Сала.

Уезжать Микаэль не спешил и подождал, пока в типографии проверили, что диск открывается. Он удостоверился также в том, что книга

будет готова ко дню начала суда. Проблема заключалась не в печати, а в брошюровке, которая могла затянуться, но Ян Чёбин пообещал, что минимум 500 экземпляров из первого издания тиражом в 10 000 будут доставлены к нужной дате. Книга выпускалась в мягкой обложке, но крупным форматом.

Микаэль еще раз проверил, все ли знают о необходимости соблюдать строжайшую секретность. На самом деле напоминать об этом было излишним: два года назад та же типография при аналогичных обстоятельствах печатала книгу Микаэля о финансисте Хансе-Эрике Веннерстрёме, и все ее работники знали, что книги, поступающие от маленького издательства «Миллениум», таят какую-нибудь сенсацию.

После этого Микаэль, не торопясь, вернулся в Стокгольм. Завернув к себе домой на Бельмансгатан, он взял дорожную сумку, куда упаковал смену одежды, бритву и зубную щетку, потом доехал до пристани Ставнес в Вермдё, оставил там машину и отправился на пароме в Сандхамн.

В своем летнем домике Микаэль появился впервые после рождественских праздников. Он открыл ставни, впустил свежий воздух и глотнул минеральной воды. Как и всегда, заканчивая работу, когда текст отправлялся в печать и ничего уже нельзя было изменить, он ощущал опустошенность.

Затем он целый час посвятил уборке: подмел, вытер пыль, вымыл душевую комнату, запустил холодильник, проверил, работает ли водопровод, и сменил постельное белье на спальне антресоли. Он сходил в продовольственный магазин и купил все необходимое для выходных. Потом включил кофеварку, уселся на веранде и закурил, ни о чем особо не думая.

Около пяти он отправился на пристань встречать Монику Фигуэролу.

— Я не думал, что тебе удастся освободиться, — сказал он, целуя ее в щеку.

— Я тоже не думала. Но я сказала Эдклинту как есть. В последние недели я работала почти круглосуточно, и от меня уже стало мало толку. Мне необходимо два свободных дня, чтобы зарядить аккумуляторы.

— В Сандхамне?

— Я не сообщила, куда собираюсь ехать, — ответила она с улыбкой.

Некоторое время Моника Фигуэрола разглядывала домик Микаэля, общей площадью в двадцать пять квадратных метров. Подвергнув критическому осмотру мини-кухню, душевую и спальню антресоли, она одобрительно кивнула. Пока Микаэль жарил бараньи отбивные в винном соусе и накрывал стол на веранде, она ополоснулась и надела тонкое летнее

платье. Ели они молча, глядя на яхты, направляющиеся в сторону гостевой гавани Сандхамна или обратно, и выпили бутылку вина.

— Замечательный у тебя домик. Это сюда ты возишь всех своих подружек? — вдруг поинтересовалась Моника Фигуэрола.

— Не всех. Только главных.

— Эрика Бергер тут была?

— Много раз.

— А Лисбет Саландер?

— Она жила здесь несколько недель, когда я писал книгу о Веннерстрёме. И два года назад мы провели тут вместе Рождество.

— Значит, Бергер и Саландер обе играют в твоей жизни важную роль?

— Эрика — мой лучший друг. Мы дружим уже больше двадцати пяти лет. Лисбет — совсем другое дело. Она очень своеобразна, я никогда не встречал более асоциального человека. Можно сказать, что она произвела на меня большое впечатление при первой же встрече. Она мне нравится. И она мой друг.

— Ты ее жалеешь?

— Нет. То, что на нее навалилась масса дерьма, ее собственная заслуга. Но я испытываю к ней большую симпатию и чувствую в ней родственную душу.

— Но ты не влюблен ни в нее, ни в Бергер?

Он пожал плечами. Моника Фигуэрола посмотрела на запоздавший пароходик «Амиго 23», который с зажженными навигационными огнями протарахтел мимо моторной лодки, направляясь в гостевую гавань.

— Если очень хорошо к кому-то относиться — это проявление любви, то полагаю, что влюблен в нескольких человек, — сказал он.

— А теперь еще и в меня?

Микаэль кивнул. Моника Фигуэрола посмотрела на него, нахмутив брови.

— Тебя это беспокоит? — спросил он.

— То, что у тебя раньше были женщины? Нет. Но меня беспокоит то, что я никак не пойму, что между нами происходит. Я не думаю, что могу иметь отношения с парнем, который трахается налево и направо...

— Извиняться за свою жизнь я не намерен.

— А я, как мне кажется, не могу перед тобой устоять именно потому, что ты такой, какой есть. С тобой легко заниматься сексом, поскольку это не сопровождается никакими перебранками, и мне с тобой спокойно. Но все началось с того, что я поддалась какому-то безумному импульсу. Со мной такое бывает нечасто, и я ничего, собственно, не планировала. А

теперь мы добрались до той стадии, когда я оказалась одной из девок, которых ты приглашаешь сюда.

Микаэль немного помолчал.

— Ты могла и не приезжать.

— Нет. Не могла. Дьявол, Микаэль...

— Я знаю.

— Я чувствую себя несчастной. Я не хочу в тебя влюбляться. Будет слишком больно, когда все это закончится.

— Я получил этот дом, когда отец умер и мама переехала домой в Норрланд.^[58] Мы разделили так, что сестре досталась наша квартира, а мне — дом. Он у меня уже почти двадцать пять лет.

— Ага.

— За исключением нескольких случайных знакомых в начале восьмидесятых годов, здесь до тебя побывало равным счетом пять женщин. Эрика, Лисбет и моя бывшая жена, с которой мы совместно существовали в восьмидесятых годах. Одна девушка, на которую у меня были очень серьезные виды в конце девяностых годов, и женщина, немного старше меня, с которой я познакомился два года назад и изредка встречаюсь. Там несколько особые обстоятельства...

— Вот как.

— Я держу этот дом для того, чтобы иметь возможность уехать из города и от всего отключиться. И почти всегда бываю здесь в одиночестве. Читаю книги, пишу, отдыхаю, сижу на пристани и смотрю на корабли. Это отнюдь не тайное любовное гнездышко холостяка.

Он встал и принес бутылку вина, которую поставил в тени перед дверью в дом.

— Я не собираюсь ничего обещать, — сказал он. — Мой брак распался из-за того, что мы с Эрикой не смогли держаться вдали друг от друга. Been there, done that, got the t-shirt.^[59]

Он наполнил рюмки.

— Но ты самый интересный человек из встретившихся мне за очень долгое время. У меня такое ощущение, будто наши отношения стали серьезными в первый же день. Мне кажется, что я потерял голову уже тогда, когда ты подстерегла меня на моей лестнице. В те немногие ночи, которые я теперь сплю у себя дома, я просыпаюсь посреди ночи и хочу тебя. Не знаю, хочется ли мне постоянно быть вместе, но я смертельно боюсь тебя потерять.

Он посмотрел на нее.

— Ну и что же нам, по-твоему, делать?

— Давай обдумаем, — сказала Моника Фигуэрола. — Меня к тебе тоже чертовски тянет.

— Дело начинает приобретать серьезный оборот, — сказал Микаэль.

Она кивнула с ощущением внезапно нахлынувшей грусти. Потом они довольно долго просидели молча. Когда стемнело, они убрали со стола, зашли в дом и закрыли дверь.

В пятницу, за неделю до суда, Микаэль остановился у газетного киоска возле Шлюза и стал разглядывать утренние газеты. Генеральный директор и председатель правления «Свенска моргонпостен» Магнус Боргшё капитулировал и объявил о своем уходе. Купив газеты, Микаэль дошел до кафе «Ява» на Хурнсгатан и заказал себе поздний завтрак. Причиной своего внезапного ухода Боргшё называл семейные обстоятельства. Он не захотел комментировать утверждения о том, будто его уход как-то связан с увольнением Эрики Бергер, после того как он приказал ей замять сюжет о деятельности оптовой фирмы «Витавара АБ». Правда, в одном столбце сообщалось, что председатель Объединения шведских работодателей назначил комиссию по этике, которая занялась проверкой контактов шведских фирм с предприятиями Юго-Восточной Азии, использующими детский труд.

Микаэль Блумквист внезапно захохотал.

Потом он сложил газету, достал мобильный телефон «Эрикссон Т10» и позвонил «Той, с ТВ-4», оторвав ее от ланча.

— Привет, дорогая, — сказал Микаэль Блумквист. — Полагаю, ты по-прежнему откажешься как-нибудь вечером прийти ко мне на свидание.

— Привет, Микаэль, — засмеялась «Та, с ТВ-4». — Сорри, но ты настолько не в моем вкусе, что дальше некуда. Правда, ты все равно довольно мил.

— Может, ты, по крайней мере, согласишься со мной сегодня поужинать, чтобы поговорить о работе?

— Что там у тебя наклеивается?

— Эрика Бергер два года назад заключала с тобой сделку по поводу Веннерстрёма. Получилось неплохо. Я хочу заключить с тобой аналогичную сделку.

— Рассказывай.

— Только после того, как мы договоримся об условиях. В точности как с Веннерстрёмом, мы опубликуем книгу вместе с тематическим номером журнала. Эта история получит большой резонанс. Я предлагаю тебе

предварительно ознакомиться с материалом при условии, что ты не выдашь информацию до нашей публикации. На этот раз с публикацией особенно сложно, поскольку она должна выйти в определенный день.

— Каков объем материала?

— Больше, чем про Веннерстрёма, — сказал Микаэль Блумквист. — Тебе это интересно?

— Издеваешься? Где встретимся?

— Что ты скажешь о «Котелке Самира»? Эрика Бергер тоже придет.

— А что там за история с Бергер? Она вернулась в «Миллениум» после того, как ее выгнали из «СМП»?

— Ее не выгнали. Когда у них с Боргшё возникли разногласия, она тут же уволилась.

— Он, похоже, полный дебил.

— Да, — откликнулся Микаэль Блумквист.

Фредрик Клинтон слушал Верди через наушники. По большому счету музыка осталась единственным, что могло отвлечь его от аппарата диализа и нарастающей боли в крестце. Он слегка подпевал и, закрыв глаза, двигал в такт правой рукой, которая парила в воздухе и, казалось, жила собственной жизнью, отдельно от его разрушающегося тела.

Все просто. Мы рождаемся. Живем. Стареем. Умираем. Он свое отжил. Осталось только разложение.

Фредрик Клинтон чувствовал себя на удивление довольным.

Он поставил музыку в память своего друга Эверта Гульберга.

Была суббота, 9 июля. Оставалось меньше недели до того момента, как начнется суд, и «Секция» сможет постепенно забыть об этой злосчастной истории. Известие он получил утром. Гульберг оказался на редкость живуч. Когда пускаешь себе в висок пулю девятимиллиметрового калибра, то предполагаешь, что умрешь. Тем не менее потребовалось три месяца, чтобы тело Гульберга уступило. Хотя возможно, это больше объяснялось случайностью, чем упорством, с которым доктор Андерс Юнассон отказывался признать свое поражение. Дело в конце концов решил рак, а не пуля.

Однако умирал Гульберг мучительно, что очень огорчало Клинтона. Общаться с окружающим миром Гульберг не мог, но временами хотя бы отчасти приходил в сознание и мог воспринимать окружающих. Больничный персонал замечал, что Гульберг улыбался, если кто-нибудь гладил его по щеке, и бурчал, когда, казалось, испытывал неприятные ощущения. Иногда он общался с персоналом, пытаясь произносить слова,

которых никто не понимал.

Родственников у него не было, и никто из друзей его в больнице не навещал. Из мира живых его проводила ночная сестра по имени Сара Китама, бывшая родом из Эритреи, которая дежурила у его постели и держала его за руку, когда он уходил.

Фредрик Клинтон сознавал, что вскоре последует за своим бывшим товарищем по оружию. В этом не было никаких сомнений. Вероятность того, что ему удастся дождаться трансплантации столь необходимой почки, с каждым днем уменьшалась, а разложение его тела продолжалось. Каждое обследование показывало, что у него ухудшается функционирование печени и кишечника.

Клинтон надеялся дождаться Рождества.

Но он был доволен. Он испытывал почти запредельное, будоражащее удовлетворение оттого, что под конец жизни ему совершенно неожиданно довелось вновь вернуться на службу.

Такого подарка судьбы он никак не ожидал.

Последние звуки Верди смолкли, как раз когда Биргер Ваденшё открыл дверь в маленькую комнату отдыха, отведенную Клинтону в ставке «Секции» на Артиллеригатан.

Клинтон поднял веки.

Он уже давно считал Ваденшё балластом. Тот совершенно не подходил на роль руководителя главной ударной силы шведской обороны. Клинтон не мог понять, как они с Хансом фон Роттингером могли совершить в свое время столь фундаментальную ошибку, посчитав Ваденшё подходящим преемником.

Ваденшё — парус, которому необходим попутный ветер. В момент кризиса он проявил слабость и полную неспособность принимать решения. Пугливый и бесхребетный, на роль капитана во время шторма он явно не годился — допустили они его до штурвала, он оказался бы совершенно недееспособен и обрек бы «Секцию» на гибель.

Все так просто.

Одним это по плечу. Другие же в момент истины всегда дают слабинку.

— Вы хотели со мной поговорить? — спросил Ваденшё.

— Садись, — сказал Клинтон.

Ваденшё сел.

— Я пребываю в таком возрасте, когда у меня больше нет времени ходить вокруг да около. Я вынужден говорить без обиняков. Когда это закончится, я хочу, чтобы ты ушел с поста руководителя «Секции».

— Вот как?

— Ты хороший человек, Ваденшё, — уже мягче продолжал Клинтон. — Но заменить Гульберга ты, к сожалению, не способен. На тебя не следовало взваливать такую ответственность. Это наша с Роттингером ошибка — когда я заболел, нам стоило обстоятельнее рассмотреть вопрос о престолонаследовании.

— Вы меня всегда не любили.

— В этом ты ошибаешься. Ты был прекрасным администратором, когда «Секцией» руководили мы с Роттингером. Без тебя мы бы не справились, и я совершенно уверен в твоём патриотизме. Но я сомневаюсь в твоей способности принимать решения.

Ваденшё вдруг горько усмехнулся.

— После этого я не уверен, что хочу оставаться в «Секции».

— Теперь, когда Гульберга и Роттингера нет в живых, мне приходится принимать главные решения в одиночку. Ты же все последние месяцы последовательно саботируешь каждое мое решение.

— И я опять повторяю — решения, которые вы принимаете, безумны. Это кончится катастрофой.

— Возможно. Но твоя нерешительность гарантировала бы нам крах. А сейчас у нас, по крайней мере, есть шанс, и, похоже, все получается. «Миллениум» скован по рукам и ногам. Они, возможно, подозревают о нашем существовании, но им не хватает документации, и они лишены возможности разыскать как ее, так и нас. Мы держим все их действия под жестким контролем.

Ваденшё посмотрел в окно, откуда виднелись коньки крыш нескольких соседних домов.

— Нам осталось только разобраться с дочерью Залаченко. Если кто-нибудь начнет копать в ее истории и прислушиваться к ее словам, может произойти все, что угодно. Но через несколько дней начнется суд, и потом все будет кончено. На этот раз мы должны закопать ее настолько глубоко, чтобы она уже никогда больше не могла представлять для нас опасности.

Ваденшё помотал головой.

— Я не понимаю твоего отношения к делу, — сказал Клинтон.

— Да. Разумеется, вам его не понять. Вам только что исполнилось шестьдесят восемь. Вы умираете. Ваши решения нерациональны, но вам тем не менее удалось околдовать Георга Нюстрёма и Юнаса Сандберга. Они слушаются вас так, будто вы — Бог Отец.

— Я действительно Бог Отец во всем, что касается «Секции». Наша решимость дала «Секции» шанс. И я со всей уверенностью заявляю, что «Секция» никогда больше не попадет в такое бедственное положение.

Когда все закончится, мы должны провести комплексную проверку ее деятельности.

— Ясно.

— Новым руководителем станет Георг Нюстрём. Он, конечно, слишком стар, но других кандидатов у нас нет, а он пообещал остаться еще минимум на шесть лет. Сандберг слишком молод и, вследствие твоего руководства, неопытен. К настоящему моменту ему следовало бы уже быть полностью обученным.

— Клинтон, неужели вы не понимаете, что натворили. Вы убили человека. Бьёрк проработал на «Секцию» тридцать пять лет, а вы приказали его убить. Разве вы не понимаете...

— Ты прекрасно знаешь, что это было необходимо. Он нас предал, да и не смог бы выдержать давления, начни полиция его прижимать.

Ваденшё встал.

— Я еще не закончил.

— Тогда нам придется продолжить разговор попозже. Вы тут лежите и воображаете себя Всемогущим, а меня ждет работа.

Ваденшё направился к двери.

— Если это противоречит твоим моральным принципам, почему бы тебе не пойти к Бублански и не сознаться в своих преступлениях?

Ваденшё повернулся к больному.

— Эта мысль мне в голову приходила. Но что бы вы там ни думали, я изо всех сил защищаю интересы «Секции».

Открыв дверь, он столкнулся с Георгом Нюстрёмом и Юнасом Сандбергом.

— Привет, Клинтон, — сказал Нюстрём. — Нам необходимо кое-что обсудить.

— Заходите. Ваденшё как раз собирался уходить.

Нюстрём подождал, пока дверь закроется.

— Фредрик, я очень беспокоюсь, — сказал Нюстрём.

— Почему же?

— Мы тут с Сандбергом размышляли. Происходят какие-то непонятные вещи. Сегодня утром адвокат Саландер передала прокурору ее автобиографию.

— *Что?*

Пока прокурор Рихард Экстрём наливал из термоса кофе, инспектор уголовной полиции Ханс Фасте разглядывал Аннику Джаннини. Экстрём был обескуражен документом, который получил, приехав на работу. Они с

Фасте вместе прочли сорок страниц, содержавшие объяснительную записку Лисбет Саландер, и потом долго обсуждали этот странный документ. Под конец он почувствовал необходимость пригласить Аннику Джаннини для неформальной беседы.

Они уселись за небольшим столом для совещаний в кабинете Экстрёма.

— Спасибо, что согласились заглянуть, — начал Экстрём. — Я прочитал эту... хм, объяснительную записку, которую вы представили сегодня утром, и чувствую потребность снять кое-какие вопросительные знаки...

— Да? — попыталась помочь ему Анника Джаннини.

— Даже не знаю, с какого конца начать. Вероятно, прежде всего мне следует объяснить, что мы с инспектором Фасте оба глубоко озадачены.

— Вот как?

— Я пытаюсь понять ваши намерения.

— Что вы имеете в виду?

— Эта автобиография, или как ее следует называть, какие она преследует цели?

— Это вроде бы совершенно очевидно. Моя клиентка хочет изложить свою версию развития событий.

Экстрём добродушно засмеялся и провел рукой по бородке уже хорошо знакомым жестом, который почему-то начал Аннику раздражать.

— Да, но для объяснений у вашей клиентки было несколько месяцев. Она не сказала ни слова на всех допросах, которые пытался проводить с ней Фасте.

— Насколько мне известно, у нас нет закона, который обязывает ее говорить тогда, когда это удобно инспектору Фасте.

— Да, но я хочу сказать... через два дня над Саландер начинается судебный процесс, а она в последний момент представляет вот это. Я же в данном случае чувствую ответственность, которая несколько выходит за рамки моих обязанностей как прокурора.

— Вот как?

— Я ни в коем случае не хочу, чтобы вы восприняли мои слова как оскорбление. Это никак не входит в мои намерения. Однако в нашей стране существуют процессуальные нормы. А вы, фру Джаннини, являетесь адвокатом по защите прав женщин и раньше никогда не представляли клиента в уголовном процессе. Я предъявил Лисбет Саландер обвинение не потому, что она женщина, а поскольку она совершила тяжкие преступления с применением насилия. Полагаю, вы тоже наверняка понимаете, что она

серьезно больна психически и нуждается в лечении и помощи общества.

— Позвольте, я вам помогу, — любезно ответила Анника Джаннини. — Вы боитесь, что я не обеспечу Лисбет Саландер полноценной защиты.

— В этом нет ничего оскорбительного, — сказал Экстрём. — Я не ставлю под сомнение вашу компетентность. Я лишь указываю на то, что у вас нет опыта.

— Я понимаю. Позвольте сказать, что я с вами полностью согласна. У меня совсем нет опыта в уголовных делах.

— И тем не менее вы последовательно отказывались от помощи значительно более опытных адвокатов...

— В соответствии с желанием моей клиентки. Лисбет Саландер хочет видеть своим адвокатом меня, и через два дня я буду представлять ее интересы в суде.

Она вежливо улыбнулась.

— О'кей. Но меня интересует, неужели вы на полном серьезе собираетесь представить суду содержание этого сочинения?

— Естественно. Это история Лисбет Саландер.

Экстрём с Фасте покосились друг на друга. Фасте поднял брови. Он не понимал, чего, собственно, Экстрём добивается. Если Джаннини не сообщает, что полностью потопит свою клиентку, то какое, черт подери, до этого дело прокурору. Надо просто с благодарностью согласиться и покончить с этим делом.

Фасте ни на секунду не сомневался в том, что Саландер совершенно чокнутая. Он пытался, привлекая все свои навыки, заставить ее сказать хотя бы, где она живет. Но эта проклятая девчонка допрос за допросом сидела, словно язык проглотила, и разглядывала стену у него за спиной. Она отказывалась принимать из его рук сигареты, кофе или прохладительные напитки. Она никак не реагировала, когда он к ней взывал или, в минуты сильного раздражения, повышал голос.

Никакие другие допросы в жизни Ханса Фасте не стоили ему столько нервов.

Он вздохнул.

— Фру Джаннини, — сказал в конце концов Экстрём. — Я считаю, что вашу клиентку следовало бы избавить от суда. Она больна. Я опираюсь на результаты высококвалифицированной судебно-медицинской экспертизы. Саландер следует предоставить психиатрическое лечение, в котором она уже давно нуждается.

— В таком случае вы, вероятно, предложите это в суде.

— Разумеется. В мои задачи не входит учить вас, как строить ее защиту. Но если вы всерьез намерены придерживаться этой линии, то складывается совершенно абсурдная ситуация. Автобиография содержит безумные и беспочвенные обвинения в адрес ряда лиц... особенно в адрес ее бывшего опекуна, адвоката Бьюрмана, и доктора Петера Телеборьяна. Надеюсь, вы всерьез не думаете, что суд примет во внимание какие-либо заявления, которые, без всякого намека на доказательства, ставят под сомнение деятельность Телеборьяна. Этот документ просто станет — прошу простить за сравнение — последним гвоздем в крышке гроба вашей клиентки.

— Я понимаю.

— Вы можете во время процесса заявить, что она не больна, и потребовать дополнительной судебно-медицинской экспертизы, и тогда дело будет передано в Государственное управление судебной медицины. Но, честно говоря, при наличии этой объяснительной записки от Саландер нет никакого сомнения в том, что любые другие судебные психиатры придут к такому же выводу, как Петер Телеборьян. Ее собственный рассказ подкрепляет все документы о том, что у нее параноидальная шизофрения.

Анника Джаннини вежливо улыбнулась.

— Ведь существует и альтернативный вариант, — сказала она.

— Какой? — поинтересовался Экстрём.

— Ну, что ее рассказ абсолютно правдив и что суд решит ему поверить.

Прокурор Экстрём был явно очень удивлен. Потом он почтительно улыбнулся и погладил бородку.

Усевшись за маленький столик, стоявший у него в комнате возле окна, Фредрик Клинтон внимательно слушал Георга Нюстрёма и Юнаса Сандберга. Все лицо у него было в глубоких морщинах, но глаза, благодаря напряженному и сосредоточенному взгляду, казались двумя черными точками.

— Мы следили за телефонными разговорами и электронной почтой главных сотрудников «Миллениума» начиная с апреля, — сказал Клинтон. — Наблюдение показывало, что Блумквист, Малин Эрикссон и этот Кортес близки к отчаянию. Мы прочли предварительный вариант следующего номера «Миллениума». Похоже, что Блумквист теперь и сам признает, что Саландер все-таки ненормальная. Он пытается оправдывать ее в социальном плане — дескать, она не имела от общества той поддержки, которую должна была бы получить, и поэтому вина за ее

попытку убить отца лежит далеко не только на ней... но эти рассуждения ведь совершенно ничего не значат. Там нет ни слова о вторжении в его квартиру или о нападении на его сестру в Гётеборге и об исчезнувших отчетах. Он знает, что ничего не может доказать.

— В этом-то и проблема, — заметил Юнас Сандберг. — Блумквист явно должен понимать, что что-то не так. Но он ведет себя так, будто ничего не замечает. Простите, но это не в стиле «Миллениума». Кроме того, в редакцию вернулась Эрика Бергер. Весь следующий номер «Миллениума» настолько пуст и бессодержателен, что представляется просто насмешкой.

— Что ты хочешь сказать... что это фальшивка?

Юнас Сандберг вздохнул.

— Летний номер «Миллениума» вообще-то должен был выйти в последнюю неделю июня. Судя по тому, что Малин Эрикссон писала по электронной почте Микаэлю Блумквисту, этот номер должен печататься на одном предприятии в Сёдертелье. Но когда я сегодня связался с предприятием, оказалось, что им еще даже не сдали оригинал. У них имеется только коммерческое предложение, полученное месяц назад.

— Хм, — произнес Фредрик Клинтон.

— Где они печатались раньше?

— В некой типографии в Моргонгове. Я позвонил туда, сделав вид, что работаю в «Миллениуме», и спросил, как далеко они продвинулись. Директор типографии отказался говорить на эту тему. Я собираюсь вечером туда наведаться.

— Ясно. Георг?

— Я прошелся по всем доступным телефонным разговорам за последнюю неделю, — сказал Нюстрём. — Странно, но никто из сотрудников «Миллениума» не обсуждает ничего, связанного с судом или с делом Залаченко.

— Ничего?

— Да. Упоминания об этом всплывают только в разговорах с людьми, не имеющими отношения к «Миллениуму». Вот, послушайте. Микаэлю Блумквисту звонит репортер из газеты «Афтонбладет» и интересуется, может ли тот как-то прокомментировать приближающийся процесс.

Он поставил на стол магнитофон.

— Сорри, без комментариев.

— Вы же участвовали в этой истории с самого начала. Ведь это вы обнаружили Саландер в Госсеберге. И вы пока не опубликовали ни единого слова. Когда вы собираетесь что-нибудь напечатать?

— Когда сочту целесообразным. При условии, что мне будет что печатать.

— Но материал у вас есть?

— Ну, купите «Миллениум» и все узнаете.

Он выключил магнитофон.

— Раньше мы как-то об этом не задумывались, но я вернулся назад и прослушал разговоры выборочно. Так было все время. Он обсуждает дело Залаченко почти исключительно в общих словах. Не говорит об этом даже с сестрой, хотя она адвокат Саландер.

— Может, ему действительно нечего сказать.

— Он последовательно отказывается делать какие бы то ни было предположения. Такое впечатление, что он круглосуточно живет в редакции и почти не бывает дома на Бельмансгатан. А если он круглосуточно работает, то должен был бы создать нечто большее, чем эта ерунда в очередном номере «Миллениума».

— А прослушивать редакцию мы по-прежнему не можем?

— Нет, — вступил в разговор Юнас Сандберг. — В редакции постоянно кто-нибудь находится. Это тоже примечательно.

— Хм?

— С того дня, как мы побывали в квартире у Блумквиста, в редакции все время кто-то есть. Блумквист там днюет и ночует, в его кабинете постоянно горит свет. Если не он, то Кортес, или Малин Эрикссон, или этот гомик... э-э, Кристер Мальм.

Клинтон провел рукой по подбородку и ненадолго задумался.

— Ладно. Выводы?

Георг Нюстрём немного поколебался.

— Ну... за неимением лучшего, я предположил бы, что они разыгрывают для нас спектакль.

Клинтон почувствовал, как волосы на голове шевельнулись.

— Почему мы не заметили этого раньше?

— Мы слушали то, что говорится, а не то, что не говорится. Мы радовались, замечая их растерянность или читая их электронную почту. Блумквист понимает, что кто-то похитил отчет о Саландер девяносто первого года и у него, и у сестры. Но что же ему, черт побери, делать?

— Они не заявляли в полицию о нападении?

Нюстрём помотал головой.

— Джаннини присутствует на допросах Саландер. Она любезна, но не говорит ничего существенного. А Саландер просто молчит.

— Но это ведь нам на руку. Чем меньше она открывает рот, тем лучше.

Что говорит Фасте?

— Я встречался с ним два часа назад. Он как раз получил эти показания Саландер.

Он показал на лежавшую на коленях у Клинтона копию.

— Экстрём в растерянности. Хорошо, что Саландер не слишком одарена литературно. Для несведущего человека эта автобиография — чистый бред сумасшедшего с вымышленными заговорами и элементами порнографии. Но она бьет очень близко к цели. Абсолютно точно рассказывает, как ее заперли в клинику Святого Стефана, утверждает, что Залаченко работал на СЭПО и тому подобное. Она упоминает, что речь, как ей кажется, идет о некоей секте внутри СЭПО, то есть фактически подозревает существование чего-то вроде «Секции». В целом она дает очень точное описание. Но оно, как я уже сказал, не вызывает доверия. Экстрём растерян, поскольку похоже, что Джаннини собирается положить это в основу защиты в суде.

— Дьявол! — воскликнул Клинтон.

Он опустил голову и несколько минут напряженно думал. Под конец он поднял взгляд.

— Юнас, поезжай вечером в Моргонгову и проверь, что там делается. Если они печатают «Миллениум», мне нужна копия.

— Я возьму с собой Фалуна.

— Отлично. Георг, я хочу, чтобы ты во второй половине дня пошел к Экстрёму и прощупал его. До сих пор все шло как по маслу, но отмахнуться от этих ваших соображений я не могу.

— О'кей.

Клинтон опять немного помолчал.

— Лучше бы суда вообще не было... — сказал он под конец.

Он поднял взгляд и посмотрел Нюстрёму в глаза. Тот кивнул. Они понимали друг друга без слов.

— Нюстрём, проверь, какие имеются возможности.

Юнас Сандберг и слесарь по замкам Ларе Фаульссон, больше известный как Фалун, припарковались неподалеку от железной дороги и двинулись пешком через местечко Моргонгова. Было девять часов вечера, и еще недостаточно стемнело, чтобы предпринимать какие-либо действия, но им хотелось разведать обстановку и составить себе общую картину.

— Если у них стоит сигнализация, я туда соваться не хочу, — сказал Фалун.

Сандберг кивнул.

— Тогда лучше пройтись по окнам. Если у них что-нибудь лежит, ты швырнешь в стекло камнем, схватишь то, что тебе надо, и бросишься наутек.

— Хорошо, — ответил Сандберг.

— Если тебе нужен только экземпляр журнала, мы можем заглянуть в мусорные контейнеры позади здания. Там наверняка будет брак, пробная печать или что-нибудь в этом роде.

Типография располагалась в кирпичном здании. Они приближались к ней с юга, по другой стороне улицы. Сандберг уже собирался пересечь улицу, но Фалун схватил его за локоть.

— Продолжай идти прямо, — сказал он.

— Почему?

— Продолжай идти прямо, как будто мы просто совершаем вечернюю прогулку.

Они миновали типографию и обошли вокруг квартала.

— В чем дело? — спросил Сандберг.

— Надо смотреть глазами. У них там не просто сигнализация. Рядом со зданием стояла машина.

— Ты думаешь, там кто-нибудь есть?

— Это машина из «Милтон секьюрити». Типография, блин, надежно охраняется.

— «Милтон секьюрити»! — воскликнул Фредрик Клинтон. У него внутри все оборвалось.

— Если бы не Фалун, я угодил бы прямо к ним в руки, — сказал Юнас Сандберг.

— Там готовится какая-то чертовщина, — произнес Георг Нюстрём. — Маленькой типографии в провинции совершенно незачем нанимать для постоянного наблюдения «Милтон секьюрити».

Клинтон вздохнул. Его рот превратился в узкую полоску. Было уже одиннадцать часов вечера, и ему требовался отдых.

— Следовательно, «Миллениум» что-то затевает, — сделал очевидный вывод Сандберг.

— Это я уже понял, — ответил Клинтон. — Ладно. Давайте проанализируем ситуацию. Каков самый худший сценарий? Что им может быть известно?

Он вопросительно посмотрел на Нюстрёма.

— Вероятно, отчет о Саландер девяносто первого года, — сказал тот. — После того как мы выкрали копии, они усилили меры безопасности.

Должно быть, догадались, что за ними следят. В худшем случае у них сохранилась еще одна копия отчета.

— Но Блумквист же места себе не находил из-за того, что лишился отчета.

— Я знаю. Но нас вполне могли надуть. Такую возможность исключать нельзя.

Клинтон кивнул.

— Будем исходить из этого. Сандберг?

— Нам ведь известно, как будет защищаться Саландер. Она расскажет правду, такой, как она ей представляется. Я еще раз прочел ее так называемую автобиографию. Она, в общем-то, играет нам на руку. Там содержатся настолько грубые обвинения в изнасиловании и правонарушениях, что это покажется просто пустой болтовней мифоманки.

Нюстрём кивнул.

— Кроме того, она не сможет абсолютно ничего доказать. Экстрём обернет этот рассказ против нее и объявит ее свидетельства недостоверными.

— О'кей. Телеборьян написал прекрасный текст новой экспертизы. Конечно, остается возможность, что Джаннини приведет собственного эксперта, который заявит, что Саландер совершенно нормальная, и тогда дело передадут в Государственное управление судебной медицины. Но опять-таки — если Саландер не изменит тактику и снова откажется говорить, то они придут к выводу, что Телеборьян прав, а она сумасшедшая. Ее злейший враг — она сама.

— Все-таки надежнее всего было бы не допустить судебного процесса, — сказал Клинтон.

Нюстрём покачал головой.

— Это почти невозможно. Саландер сидит в изоляторе «Крунуберг» и с другими заключенными не общается. Ее ежедневно выводят на часовую прогулку в отдельный отсек на крыше, но там ее не достать. У нас нет своих людей среди персонала изолятора.

— Понятно.

— Если мы хотели до нее добраться, это надо было делать, пока она лежала в Сальгренской больнице. Теперь же остается только действовать открыто. Убийцу почти на сто процентов поймают. А где найдешь «стрелка», который на это пойдет? Организовать самоубийство или несчастный случай за такое короткое время просто нельзя.

— Я так и думал. Кроме того, неожиданные смертные случаи имеют тенденцию вызывать вопросы. Ладно, посмотрим, что получится в суде. По

сути ведь ничего не изменилось. Мы все время ждали от них ответного хода — очевидно, эта так называемая автобиография и есть ее ответный ход.

— Проблема заключается в «Миллениуме», — заметил Юнас Сандберг.

Остальные закивали.

— «Миллениум» и «Милтон секьюрити», — задумчиво произнес Клинтон. — Саландер работала на Арманского, а Блумквист состоял с ней в близких отношениях. Можем ли мы сделать вывод, что они объединились?

— Такая мысль представляется вполне логичной, раз «Милтон секьюрити» охраняет типографию, где печатается «Миллениум». Это не может быть случайностью.

— О'кей. Когда же они намерены выпустить номер? Сандберг, ты говорил, что они задерживаются уже на две недели. Если предположить, что «Милтон секьюрити» охраняет типографию, чтобы никто не добрался до «Миллениума» заранее, значит, они собираются опубликовать материал, который не хотят до поры до времени раскрывать, и вполне вероятно, что журнал уже напечатан.

— К началу суда, — сказал Юнас Сандберг. — Остальное маловероятно.

Клинтон кивнул.

— Что же они там могут напечатать? Каков самый худший вариант?

Все трое надолго задумались. Молчание нарушил Нюстрём.

— В худшем случае, как я уже говорил, у них сохранилась копия отчета девяносто первого года.

Клинтон с Сандбергом кивнули, соглашаясь с этим выводом.

— Вопрос в том, что они могут из него извлечь, — добавил Сандберг. — В отчете засвечены Бьёрк и Телеборьян. Бьёрк мертв. Они набросятся на Телеборьяна, но тот сможет утверждать, что просто проводил обычную судебно-медицинскую экспертизу. Получится слово против слова, а Телеборьян, разумеется, просто откажется понимать, в чем его обвиняют.

— Что нам делать, если они опубликуют отчет? — спросил Нюстрём.

— Думаю, тут у нас имеются козыри, — ответил Клинтон. — Если начнется болтовня вокруг отчета, все внимание сконцентрируется на СЭПО, а не на «Секции». И когда журналисты станут задавать вопросы, СЭПО извлечет его из архива...

— А там, разумеется, будет уже другой отчет, — добавил Сандберг.

— Шенке положил в архив модифицированную версию, то есть ту, которую читал Экстрём. Тут мы сможем довольно быстро выдать СМИ много дезинформации... Ведь оригинал, который раздобыл Бьюрман, у нас, а у «Миллениума» — всего лишь копия. Мы даже можем распространить информацию с намеками на то, что Блумквист сам сфальсифицировал свою версию отчета.

— Отлично. Что еще может быть известно «Миллениуму»?

— О «Секции» они ничего знать не могут. Это исключено. Следовательно, они набросятся на СЭПО, в результате чего Блумквист предстанет неким выдумщиком заговоров, и СЭПО станет утверждать, что у него не все дома.

— Он довольно известен, — медленно произнес Клинтон. — После дела Веннерстрёма он пользуется большим доверием.

Нюстрём кивнул.

— Можно ли как-нибудь подорвать это доверие? — поинтересовался Юнас Сандберг.

Нюстрём с Клинтоном обменялись взглядами, потом оба кивнули. Клинтон посмотрел на Нюстрёма.

— Ты мог бы достать... скажем, пятьдесят грамм кокаина?

— Возможно, у югославов.

— О'кей. Попробуй. Но дело срочное. Суд начинается через два дня.

— Я не понимаю... — начал Юнас Сандберг.

— Этот трюк столь же стар, как и наша профессия. Но по-прежнему весьма эффективен.

— Моргонгова? — переспросил Торстен Эдклинт, нахмутив брови. Когда ему позвонила Моника Фигуэрала, он сидел в халате на диване у себя дома и уже в третий раз читал автобиографию Саландер. Поскольку было уже далеко за полночь, он предположил, что разворачивается какая-то чертовщина.

— Моргонгова, — повторила Моника Фигуэрала. — Сандберг с Ларсом Фаульссоном отправились туда сегодня около семи вечера. Курт Свенссон из группы Бублански следил за ними всю дорогу, что было нетрудно, поскольку в машине Сандберга имеется определитель местоположения. Они припарковались поблизости от старой железнодорожной станции, а потом прогулялись по нескольким кварталам, вернулись к машине и уехали в Стокгольм.

— Понятно. Они с кем-то встречались или?..

— Нет. Это-то и странно. Они приехали, прогулялись, сели в машину и

вернулись в Стокгольм.

— Ага. А зачем ты звонишь мне в половине первого ночи и все это рассказываешь?

— Мы не сразу, но сообразили. Они прогуливались мимо здания, где помещается типография. Я переговорила с Микаэлем Блумквистом — там печатается «Миллениум».

— О черт, — произнес Эджклинг.

Он сразу уловил взаимосвязь.

— Судя по присутствию Фалуна, они, вероятно, собирались нанести поздний визит в типографию, но отменили операцию, — сказала Моника Фигуэрола.

— Почему же?

— Потому что Блумквист попросил Драгана Арманского охранять типографию до тех пор, пока журнал не начнут распространять. Они, вероятно, увидели машину «Милтон секьюрити». Я решила, что вам захочется получить эту информацию незамедлительно.

— Ты не ошиблась. Это означает, что они почуяли неладное...

— В любом случае звонок наверняка прозвонил, когда они увидели машину. Сандберг высадил Фаульссона в Сити и вернулся на Артиллеригатан. Мы знаем, что там находится Фредрик Клинтон. Георг Нюстрём прибыл приблизительно в то же время. Вопрос в том, как нам действовать.

— Суд начинается во вторник... Позвони Блумквисту и попроси его усилить меры безопасности в «Миллениуме». На случай непредвиденных обстоятельств.

— С охраной дело у них и так поставлено неплохо. А уж тень на ясный день они наводят по прослушиваемым телефонам просто профессионально. Блумквист ведь настолько чокнутый, что разработал целую методику обманных маневров, которая вполне могла бы пригодиться и нам.

— О'кей. Но в любом случае позвони ему.

Моника Фигуэрола выключила мобильный телефон и положила на прикроватную тумбочку. Она подняла взгляд и посмотрела на Микаэля Блумквиста, который голым лежал, опершись о спинку в ногах кровати.

— Я должна позвонить тебе и предложить усилить охрану «Миллениума», — сказала она.

— Спасибо за совет, — сухо откликнулся он.

— Я серьезно. Если они почуяли неладное, есть риск, что они начнут

действовать необдуманно. Не исключено, что они сейчас к вам вламываются.

— Там сегодня ночует Хенри Кортес. И у нас стоит сигнализация на случай взлома, напрямую соединенная с «Милтон секьюрити», а оно в трех минутах ходьбы.

Микаэль секунду помолчал.

— Чокнутый, — пробурчал он.

Понедельник, 11 июля

В понедельник Микаэлю Блумквисту в шесть утра на мобильный телефон T10 позвонила Сусанн Линдер из «Милтон секьюрити».

— Ты когда-нибудь спишь? — поинтересовался заспанный Микаэль.

Он покосился на Монику Фигуэролу, которая уже стояла в спортивных шортах, но еще не успела надеть футболку.

— Да. Но меня разбудил ночной дежурный. Все время молчавшая сигнализация, которую мы установили в твоей квартире, сегодня в три часа ночи сработала.

— Вот как?

— Мне пришлось поехать посмотреть, что случилось. Дело довольно хитрое. Ты не мог бы заглянуть утром в «Милтон секьюрити»? Чем скорее, тем лучше.

— Это уже серьезно, — сказал Драган Арманский.

Встреча происходила в начале девятого перед телевизионным монитором в конференц-зале «Милтон секьюрити». На нее собрались Арманский, Микаэль Блумквист и Сусанн Линдер. Арманский также пригласил шестидесятидвухлетнего Юхана Фреклунда, в прошлом инспектора уголовной полиции в Сольне, а ныне начальника оперативного подразделения «Милтон секьюрити», и сорокавосемилетнего бывшего инспектора полиции Сонни Бомана, который следил за делом Саландер с самого начала. Все обдумывали показанную Сусанн Линдер запись с камеры наблюдения.

— Мы видим, как Юнас Сандберг сегодня ночью в три часа семнадцать минут открывает дверь квартиры Микаэля Блумквиста. У него имеются собственные ключи. Вы помните, что слесарь Фаульссон снял слепок с запасных ключей Блумквиста, когда они с Йораном Мортенссоном несколько недель назад незаконно проникли в квартиру?

Арманский мрачно кивнул.

— Сандберг находится в квартире чуть более восьми минут. За это время он проделывает следующее: приносит с кухни маленький полиэтиленовый пакетик и наполняет его, потом откручивает заднюю стенку динамика, который находится у тебя в гостиной, Микаэль, и

помещает туда мешочек.

— Хм, — произнес Микаэль Блумквист.

— Примечательно, что он берет пакетик с твоей кухни.

— Это мешочек из «Консума», в котором у меня были булочки, — объяснил Микаэль. — Я обычно сохраняю такие мешочки, чтобы класть туда сыр и тому подобное.

— Я дома тоже так делаю. Примечательно, разумеется, что на мешочке имеются твои отпечатки пальцев. Потом он приносит старую газету из лежащего в прихожей мешка с мусором. Он использует страницу газеты, чтобы завернуть некий предмет, который затем помещает на верхнюю полку твоего платяного шкафа.

— Хм, — снова произнес Микаэль Блумквист.

— Здесь то же самое. На газете имеются твои отпечатки пальцев.

— Понятно.

— Я приехала к тебе на квартиру около пяти утра и обнаружила следующее. В твоём динамике находится около ста восьмидесяти грамм кокаина. Я взяла оттуда один грамм для анализа.

Она положила на стол маленький мешочек с доказательством.

— Что находится в шкафу? — поинтересовался Микаэль.

— Примерно сто двадцать тысяч крон наличными.

Арманский знаком велел Сусанн Линдер выключить монитор и посмотрел на Фреклунда.

— Следовательно, Микаэль Блумквист замешан в торговле кокаином, — добродушно заявил Фреклунд. — Они явно заволновались по поводу того, чем занимается Блумквист.

— Это ответный ход, — сказал Микаэль.

— Ответный ход?

— Они вчера вечером обнаружили ваших охранников в Моргонгове.

Он рассказал о том, что узнал от Моники Фигуэролы относительно поездки Сандберга в типографию.

— Шустрый маленький негодяй, — буркнул Сонни Боман.

— Но почему именно сейчас?

— Они явно волнуются по поводу того, что может устроить «Миллениум», когда начнется суд, — сказал Фреклунд. — Если Блумквиста арестуют за торговлю кокаином, доверие к нему будет сильно подорвано.

Сусанн Линдер кивнула. На лице Микаэля читалось сомнение.

— Как нам следует с этим разбираться? — спросил Арманский.

— Давайте пока ничего делать не будем, — предложил Фреклунд. —

Придержим козыри на руках. У нас имеется отличное документальное подтверждение того, что Сандберг подкинул наркотики и деньги тебе в квартиру, Микаэль. Пускай ловушка захлопнется. Мы сможем немедленно доказать твою невиновность, и, кроме того, это станет лишним доказательством преступных действий «Секции». Я бы с удовольствием оказался на месте прокурора, когда эти шалуны предстанут перед судом.

— Не знаю, — медленно произнес Микаэль Блумквист. — Суд начинается послезавтра. «Миллениум» выйдет в пятницу, на третий день суда. Если они собираются засадить меня за торговлю кокаином, то это, вероятно, произойдет раньше... а я до выхода журнала ничего не смогу объяснить. Это означает, что я рискую оказаться за решеткой и пропустить начало судебного процесса.

— Иными словами, тебе стоит на неделю куда-нибудь скрыться, — предложил Арманский.

— Ну... я должен работать с ТВ-четыре и заниматься еще кое-какой подготовкой. Это было бы некстати...

— Почему все-таки именно сейчас? — поинтересовалась вдруг Сусанн Линдер.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Арманский.

— У них было три месяца на то, чтобы очернить Блумквиста. Почему они взялись за дело именно сейчас? Что бы они сейчас ни предпринимали, журнал ведь все равно выйдет.

Все на некоторое время замолчали.

— Это может быть связано с тем, что они не понимают, что именно ты собираешься опубликовать, Микаэль, — медленно проговорил Арманский. — Они знают, что ты что-то затеваешь... но, возможно, думают, что у тебя есть только отчет Бьёрка от девяносто первого года.

Микаэль с сомнением кивнул.

— Им не приходит в голову, что ты собираешься представить всю «Секцию». Если речь идет только об отчете Бьёрка, то вполне достаточно вызвать к тебе недоверие. Предполагаемые разоблачения будут обесценены фактом твоего ареста. Разразится громкий скандал: известный журналист Микаэль Блумквист арестован за грубое преступление, связанное с наркотиками. От шести до восьми лет тюрьмы.

— Вы можете сделать мне две копии этой записи? — попросил Микаэль.

— Что ты собираешься делать?

— Отдать одну копию Эдклинту. А потом я через три часа встречаюсь с ТВ-четыре. Думаю, лучше, если к моменту, когда все разразится, мы

будем готовы сразу показать это по телевидению.

Моника Фигуэрола выключила DVD-проигрыватель и положила пульт дистанционного управления на стол. Они собрались во временном офисе на Фридхемсплан.

— Кокаин, — сказал Эдклинг. — Они используют крутые методы.

Моника Фигуэрола с озадаченным видом покосилась на Микаэля.

— Я решил, что лучше вас проинформировать. — Тот пожал плечами.

— Мне это не нравится, — заметила она. — Тут явно чувствуется отчаяние и непродуманность действий. Должны же они понимать, что, если вас арестуют за преступление, связанное с наркотиками, вы не позволите им так просто засадить себя в тюрьму.

— Да, — ответил Микаэль.

— Даже если вас осудят, все равно останется риск, что народ поверит вашим словам. Да и ваши коллеги из «Миллениума» явно не станут молчать.

— Кроме того, это довольно недешево, — добавил Эдклинг. — Значит, их бюджет позволяет, не моргнув глазом, выложить сто двадцать тысяч крон плюс стоимость кокаина.

— Само собой, — согласился Микаэль. — Однако их план совсем не плох. Они рассчитывают на то, что Лисбет Саландер попадет в психушку, а я исчезну в облаке подозрений. К тому же они полагают, что все потенциальное внимание будет обращено на СЭПО, а не на «Секцию». У них довольно хороший исходный посыл.

— Но как они собираются уговорить отдел по борьбе с наркотиками провести у вас дома обыск? Ведь анонимной наводки недостаточно, чтобы кто-то отправился вышибать дверь в квартиру известного журналиста. А чтобы все это сработало, вас необходимо подвести под подозрение в самые ближайшие дни.

— Ну, насчет установленных ими сроков я не в курсе, — сказал Микаэль, который чувствовал себя усталым и мечтал, чтобы все поскорее закончилось.

Он поднялся.

— Куда вы сейчас? — поинтересовалась Моника Фигуэрола. — Я бы хотела знать, где вы в ближайшее время предполагаете находиться.

— Я в обед встречаюсь с ТВ-четыре. А потом, в шесть часов, с Эрикой Бергер, за котелком с бараниной у Самира. Нам надо доработать пресс-сообщение, с которым мы собираемся выступить. Остаток вечера, вероятно, проведу в редакции.

Когда он упомянул Эрику Бергер, глаза Моники Фигуэролы немного сузились.

— Я хочу, чтобы в течение дня вы поддерживали со мной контакт. Лучше всего, если мы будем на связи вплоть до начала суда.

— О'кей. Может, мне стоит на пару дней переехать к вам домой, — сказал Микаэль и улыбнулся, как будто пошутил.

Моника Фигуэрола потемнела лицом и поспешно покосилась на Эдклинта.

— Моника права, — заявил Эдклинг. — Думаю, вам лучше всего особенно не разгуливать, пока все не закончится. Если вас арестует наркополиция, вам придется до начала суда хранить молчание.

— Не беспокойтесь, — заверил Микаэль. — Я не намерен впадать в панику и ставить дело под угрозу. Занимайтесь своей частью, а я займусь своей.

«Та, с ТВ-4» едва могла скрыть возбуждение по поводу переданного Микаэлем Блумквистом нового видеоматериала. Ее жадное любопытство вызвало у Микаэля улыбку. Они в течение недели вкалывали, как звери, чтобы составить удобоваримый материал о «Секции» для показа по телевидению. И ее продюсер, и начальник информационного отдела ТВ-4 поняли, какой горячей новостью станет эта история. Материал готовился в строжайшей тайне, и посвящены в нее были всего несколько человек. Микаэль поставил условие дать сюжет в эфир только вечером на третий день суда, и было решено сделать часовой выпуск «Новостей» с подробностями.

Микаэль уже предоставил ей возможность поиграть с рядом обычных фотографий, но для телевидения в сравнение с движущимися изображениями не идет ничто. Четкая видеозапись, показывающая, как совершенно конкретный полицейский размещает кокаин в квартире Микаэля Блумквиста, привела ее чуть ли не в состояние экстаза.

— Это будет просто гениально, — сказала она. — Заставка: СЭПО помещает кокаин в квартире журналиста.

— Не СЭПО... «Секция», — поправил Микаэль. — Их нельзя смешивать.

— Сандберг же, черт возьми, работает в СЭПО, — запротестовала она.

— Да, но в действительности он является просочившимся туда диверсантом. Ты должна проводить четкую границу.

— Хорошо, в центре внимания будет «Секция». Не СЭПО. Микаэль, ты можешь мне объяснить, каким образом ты вечно оказываешься

впутанным в такие громкие скандалы? Но ты прав — это будет посерьезнее дела Веннерстрёма.

— Думаю, у меня талант. По иронии судьбы эта история тоже началась с дела Веннерстрёма, только другого — с дела о шпионаже в шестидесятых годах.

В четыре часа дня позвонила Эрика Бергер. Она отправилась на совещание в Объединение издателей газет, чтобы высказать свой взгляд на планирующиеся в «СМП» сокращения, по поводу которых после ее увольнения возник крупный профсоюзный конфликт. Эрика объяснила, что не успеет, как договорились, приехать к шести часам на ужин в «Котелке Самира» и сможет появиться там не раньше половины седьмого.

В комнате отдыха, в которой разместился командный пост Клинтона в ставке на Артиллеригатан, Юнас Сандберг помог ветерану перебраться из инвалидного кресла на койку. Клинтон только что вернулся в офис «Секции», проведя всю первую половину дня на диализе. Он чувствовал себя безумно старым и бесконечно усталым. В последние дни он почти не спал и мечтал только о том, чтобы все наконец закончилось. Едва он успел устроиться на кровати, как к ним присоединился Георг Нюстрём. Клинтон собрался с силами и спросил:

— Все готово?

Георг Нюстрём кивнул.

— Я только что встречался с братьями Николик, — отчитался он. — Это обойдется в пятьдесят тысяч.

— Деньги у нас есть, — сказал Клинтон.

Дьявол, если бы можно было снова стать молодым.

Он повернул голову и изучающим взглядом окинул по очереди Георга Нюстрёма и Юнаса Сандберга.

— Никаких угрызений совести? — поинтересовался он.

Оба замотали головами.

— Когда? — спросил Клинтон.

— В течение двадцати четырех часов, — ответил Нюстрём. — Чертовски трудно разнюхать, где этот Блумквист находится, но, в крайнем случае, они займутся им возле редакции.

Клинтон кивнул.

— У нас имеется потенциальная возможность провернуть все сегодня вечером, через два часа, — заметил Юнас Сандберг.

— Неужели?

— Ему недавно звонила Эрика Бергер. Они сегодня вечером ужинают

в «Котелке Самира» — это ресторанчик поблизости от Бельмансгатан.

— Бергер... — медленно произнес Клинтон.

— Будем молить бога, чтобы она не... — начал Георг Нюстрём.

— Это было бы не так уж плохо, — перебил его Юнас Сандберг.

Клинтон с Нюстрёмом посмотрели на него.

— Мы пришли к выводу, что Блумквист представляет для нас наибольшую опасность и что он, по всей видимости, в следующем номере «Миллениума» что-то опубликует. Предотвратить публикацию мы не можем. Следовательно, мы должны подорвать к нему доверие. Если его убьют будто бы при разборках в преступном мире, а потом полиция обнаружит у него в квартире наркотики и деньги, следствие сделает определенные выводы. В любом случае они не кинутся первым делом искать заговоры, имеющие отношение к Службе государственной безопасности.

Клинтон кивнул.

— Эрика Бергер ведь состоит с Блумквистом в любовной связи, — многозначительно добавил Сандберг. — Она замужем и изменяет мужу. Если она тоже скоропостижно скончается, это вызовет еще множество других предположений.

Клинтон с Нюстрёмом обменялись взглядами. Сандберг обладал природным талантом создавать дымовые завесы и быстро прогрессировал. Но и у Клинтона, и у Нюстрёма возникло минутное сомнение. Уж слишком легко Сандберг подходил к решению вопроса о жизни и смерти людей. Ничего хорошего в этом не было. К такой чрезвычайной мере, как убийство, не следовало прибегать только потому, что представилась удобная возможность. Это не универсальное решение проблем, а мера, применяемая лишь при отсутствии других вариантов.

Клинтон покачал головой.

Collateral damage,^[60] подумал он, внезапно ощутив отвращение ко всему предприятию.

Всю жизнь прослужив государству, мы теперь докатились до убийств из-за угла. В случае с Залаченко это было необходимо. С Бьёрком... прискорбно, но Гульберг был прав — Бьёрк бы спасовал. С Блумквистом... вероятно, тоже необходимо. Но Эрика Бергер ведь просто невинный свидетель.

Он покосился на Юнаса Сандберга. Оставалось надеяться, что этот молодой человек не превратится в психопата.

— Что известно братьям Николик?

— Ничего. В смысле, о нас. С ними встречался только я, а я

представлялся другим именем, и им меня не выследить. Они думают, что убийство как-то связано с траффикингом.

— Что произойдет с братьями Николик после убийства?

— Они незамедлительно покинут Швецию, — ответил Нюстрём. — Как и в случае с Бьёрком. Если полицейское расследование не даст результатов, они смогут через несколько недель потихоньку вернуться.

— А план?

— Сицилийская модель. Они просто подходят к Блумквисту, разряжают обойму и исчезают.

— Оружие?

— У них автоматическое оружие. Какого типа, я не знаю.

— Надеюсь, они не собираются замочить весь ресторан...

— Не волнуйтесь. Они хладнокровны и знают, что делают. Но если Бергер будет сидеть за одним столиком с Блумквистом...

Collateral damage.

— Послушайте, — сказал Клинтон. — Важно, чтобы Ваденшё не узнал о том, что мы имеем к этому отношение. Особенно если жертвой окажется еще и Эрика Бергер. Он уже и так напряжен до предела. Боюсь, что когда все закончится, нам придется отправить его на пенсию.

Нюстрём кивнул.

— Соответственно, получив известие об убийстве Блумквиста, мы должны разыграть спектакль. Мы созовем кризисное совещание и будем делать вид, что поражены развитием событий. Станем обсуждать, кто может за этим стоять, не говоря ни слова о наркотиках, пока их не обнаружит полиция.

С «Той, с ТВ-4» Микаэль Блумквист расстался около пяти часов. Всю вторую половину дня они посвятили рассмотрению неясных моментов материала, а потом у Микаэля взяли длинное интервью под запись.

Ему задали вопрос, на который он затруднился вразумительно ответить, и им пришлось несколько раз переписывать его реплику.

Как могло произойти, что сотрудники шведского государственного ведомства дошли до совершения убийств?

Микаэль долго раздумывал над этим вопросом еще до того, как «Та, с ТВ-4» его задала. «Секция», вероятно, рассматривала Залаченко как исключительную угрозу, но такой ответ его все же не удовлетворял. Ответ, который Микаэль в конце концов дал, тоже не казался ему исчерпывающим.

— Единственное разумное, на мой взгляд, объяснение заключается в

том, что «Секция» с годами выродилась в некую секту, в полном смысле этого слова. Они превратились в своего рода Кнатби или пастора Джима Джонса, что-то в этом роде, и живут по собственным законам, в которых такие понятия, как «правильное» и «неправильное», утратили привычный смысл, а сами эти люди в результате, похоже, полностью оторвались от нормального общества.

— Это похоже на некое психическое заболевание?

— Такое описание, пожалуй, недалеко от истины.

Микаэль доехал на метро до Шлюза и обнаружил, что в «Котелок Самира» идти еще рано. Он ощущал беспокойство, но вместе с тем ему казалось, что в жизни вдруг все опять встало на свои места. Только после того, как Эрика Бергер вернулась в «Миллениум», он понял, как катастрофически ему ее не доставало. К тому же ее возвращение к рулю не привело к каким-либо внутренним конфликтам из-за того, что Малин Эрикссон пришлось перейти обратно на должность ответственного секретаря редакции. Напротив, Малин безумно обрадовалась тому, что в жизни (как она выразилась) опять воцарился порядок.

Возвращение Эрики также открыло всем глаза на то, насколько им в последние месяцы не хватало сотрудников. Эрика с огромным энтузиазмом снова приступила к своим обязанностям в «Миллениуме», и им с Малин Эрикссон удалось справиться с частью возникших организационных трудностей. Они также провели собрание редакции, на котором было решено, что «Миллениуму» необходимо увеличить штат на одного или, возможно, двух сотрудников. Правда, никто не имел представления, откуда взять на это деньги.

Под конец Микаэль купил газету и отправился пить кофе в кафе «Ява» на Хурнсгатан, чтобы убить оставшееся до встречи с Эрикой время.

Прокурор Рагнхильд Густавссон из Генеральной прокуратуры положила очки для чтения на стол и оглядела собравшихся в конференц-зале. Ей было пятьдесят восемь лет, на ее лице отчетливо виднелись морщины, щеки напоминали яблоки, а коротко стриженные волосы тронуло сединой. Она уже двадцать пять лет была прокурором, а в Генеральной прокуратуре работала с начала 90-х годов.

Прошло всего три недели с тех пор, как ее внезапно вызвали в кабинет генерального прокурора для встречи с Торстеном Эдклинтом. В тот день она собиралась закончить несколько рутинных дел и отправиться в шестинедельный отпуск на дачу, на остров Хюсарё. Вместо этого ей поручили вести следствие против группы представителей властной

структуры, проходивших под именем «Секция». Все планы на отпуск пришлось отложить. Ей сообщили, что в обозримом будущем это должно стать ее главным заданием и что ей предоставляется почти полная свобода действий в организации рабочего процесса и принятии необходимых решений.

— Это станет одним из самых сенсационных расследований в истории Швеции, — сказал генеральный прокурор.

Рагнхильд Густавссон была склонна с ним согласиться.

С нарастающим изумлением она слушала, как Торстен Эдклинг кратко излагал суть дела и ход расследования, проведенного им по заданию премьер-министра. Расследование было еще не закончено, но он посчитал, что продвинулся достаточно далеко и уже необходимо представить дело прокурору.

Для начала она обобщила переданный Торстеном Эдклинтом материал. Когда масштаб правонарушений начал проясняться, она осознала, что все принятые ею решения будут в дальнейшем обсуждаться в книгах по истории. С этого момента она каждую свободную минуту посвящала попыткам разобраться в грандиозном перечне преступлений, которыми ей предстояло заниматься. Для шведской правовой истории дело было совершенно уникальным, и, поскольку речь шла о раскрытии преступной деятельности, продолжавшейся как минимум тридцать лет, Рагнхильд Густавссон посчитала, что ей необходимо организовать работу особым образом. Ей вспомнились итальянские государственные следователи, которым в 70-х и 80-х годах приходилось вести дела против мафии почти подпольно. Она понимала, почему Эдклинг был вынужден собирать материал втайне, не зная, кому может доверять.

Первым делом она привлекла к работе троих сотрудников Генеральной прокуратуры, которых знала уже много лет. Затем обратилась к известному историку, работавшему в Государственном совете по предупреждению преступности, за сведениями о том, как в течение десятилетий формировались ведомства по обеспечению государственной безопасности. И наконец, формальным руководителем расследования она назначила Монику Фигуэролу.

Тем самым следствие по делу «Секции» обрело конституционную форму. Теперь его можно было рассматривать как любое полицейское расследование, правда, при полном запрете на разглашение информации.

За прошедшие две недели прокурор Густавссон приглашала к себе большое количество людей для формального, но сугубо секретного допроса. Помимо Эдклинга и Фигуэролы вызывались также инспектора

уголовной полиции Бублански, Соня Мудиг, Курт Свенссон и Йеркер Хольмберг. Далее настала очередь Микаэля Блумквиста, Малин Эрикссон, Хенри Кортеса, Кристера Мальма, Анники Джаннини, Драгана Арманского, Сусанн Линдер и Хольгера Пальмгрена. За исключением сотрудников «Миллениума», принципиально не отвечавших на вопросы, которые могли привести к раскрытию источников, все остальные с готовностью предоставили полные объяснения и документацию.

Рагнхильд Густавссон отнюдь не пришла в восторг от того, что ей передали составленный «Миллениумом» график, согласно которому от нее требовалось арестовать ряд людей в строго определенный день. Она считала, что для доведения расследования до стадии арестов необходимо несколько месяцев подготовки, но в данном случае выбора у нее не было. Микаэль Блумквист из журнала «Миллениум» сговорчивости не проявлял. Он не подчинялся никаким государственным постановлениям или регламентам и собирался опубликовать материал на третий день суда над Лисбет Саландер. Это вынуждало Рагнхильд Густавссон подстраиваться и наносить удар одновременно, чтобы подозреваемые, а также возможные доказательства не успели исчезнуть. Правда, Блумквиста, как ни странно, поддержали Эдклинг с Фигуэролой, и задним числом прокурор начала понимать, что блумквистовская модель имеет ряд явных преимуществ. Как прокурор она получала хорошо организованную поддержку СМИ, столь необходимую при возбуждении судебного преследования. Кроме того, при таком быстром развитии процесса информация об этом сложном расследовании не могла успеть просочиться в коридоры власти, а следовательно, и дойти до «Секции».

— Для Блумквиста главное добиться справедливости для Лисбет Саландер. А выведение на чистую воду «Секции» — лишь следствие, — заметила Моника Фигуэрола.

Суд над Лисбет Саландер начинался в среду — через два дня, — и на этом совещании предполагалось провести полный разбор доступного материала и распределить задания.

В совещании принимало участие тринадцать человек. От Генеральной прокуратуры Рагнхильд Густавссон пригласила двоих ближайших сотрудников. Отдел охраны конституции представляла руководитель расследования Моника Фигуэрола вместе с сотрудниками Стефаном Бладом и Андерсом Берглундом. Начальник отдела охраны конституции Торстен Эдклинг присутствовал в качестве наблюдателя.

Рагнхильд Густавссон решила, что дело такого масштаба не должно замыкаться только на ГПУ/Без. Поэтому она пригласила инспектора

уголовной полиции Яна Бублански и его группу, состоявшую из Сони Мудиг, Йеркера Хольмберга и Курта Свенссона. Они ведь занимались делом Саландер, начиная с Пасхи, и были хорошо знакомы со всей историей. Кроме того, она вызвала из Гётеборга прокурора Агнету Йервас и инспектора Маркуса Эрландера. Расследование дела «Секции» имело самое непосредственное отношение к расследованию убийства Александра Залаченко.

Когда Моника Фигуэрола упомянула, что в качестве свидетеля, возможно, следует допросить бывшего премьер-министра Турбьёрна Фельдина, полицейские Йеркер Хольмберг и Соня Мудиг с беспокойством заерзали на стульях.

В течение пяти часов один за другим обсуждались люди, значившиеся как активисты «Секции», затем определялись составы преступления и принимались решения об аресте. В общей сложности насчитывалось семь человек, связанных с квартирой на Артиллеригатан. Помимо них удалось установить личности еще девяти человек, имевших отношение к «Секции», но никогда не посещавших Артиллеригатан. Они в основном работали в ГПУ/Без на Кунгсхольмене, но встречались с кем-то из активистов «Секции».

— Мы по-прежнему не можем определить масштабы заговора. Нам неизвестно, при каких обстоятельствах эти лица встречаются с Ваденшё или с кем-либо другим. Они могут оказаться информаторами или думать, что работают на внутренние расследования или нечто подобное. Значит, с уверенностью говорить об их причастности мы сможем только после того, как допросим. Кроме того, это лишь те, кого мы заметили в течение тех недель, пока шло расследование; значит, не исключено, что имеются еще люди, о которых мы пока просто не знаем.

— А начальник канцелярии и финансовый директор...

— Про них мы можем с уверенностью утверждать, что они работают на «Секцию».

В шесть часов вечера Рагнхильд Густавссон объявила часовой перерыв на ужин, после чего обсуждение предполагалось продолжить.

В тот момент, когда все встали и собрались расходиться, сотрудник Моника Фигуэролы из оперативного подразделения отдела охраны конституции Йеспер Тумс попросил у нее минутку внимания, чтобы доложить о том, что удалось узнать за последние часы.

— Клинтон большую часть дня провел на диализе и вернулся на Артиллеригатан около пяти. Единственный, кто занимался чем-то любопытным, был Георг Нюстрём, хотя мы не можем с уверенностью

сказать, что именно он делал.

— Ну и? — произнесла Моника Фигуэрола.

— В тринадцать тридцать Нюстрём поехал на Центральный вокзал и встретился с двумя людьми. Они прошли до отеля «Шератон» и выпили в баре кофе. Встреча продолжалась около двадцати минут, после чего Нюстрём вернулся на Артиллеригатан.

— Вот как. С кем он встречался?

— Мы не знаем. Это новые лица. Двое мужчин, лет по тридцать пять; по виду похоже, что они восточноевропейского происхождения. К сожалению, наш оперативник потерял их, когда они вошли в метро.

— Ага, — устало отозвалась Моника Фигуэрола.

— Вот фотографии, — сказал Йеспер Тумс, протягивая ей результаты оперативной съемки.

Она посмотрела на укрупненные изображения незнакомых лиц.

— Хорошо, спасибо, — сказала она, положила фотографии на стол и встала, чтобы пойти поискать что-нибудь поесть.

Стоявший рядом Курт Свенссон взглянул на снимки.

— Черт, — сказал он. — Какое к ним отношение имеют братья Николик?

Фигуэрола остановилась.

— Кто?

— Это два отъявленных негодяя, — пояснил Курт Свенссон. — Томи и Миро Николики.

— Ты знаешь, кто они?

— Да. Два брата из Худдинге, они сербы. Мы несколько раз их разыскивали, когда им было лет по двадцать, а я работал в тамошней полиции. Миро Николик более опасен. Он, кстати, уже год как объявлен в розыск за нанесение тяжких телесных повреждений. А я-то думал, что они уехали в Сербию и сделали там политиками или чем-то подобным.

— Политиками?

— Да. Они ездили в Югославию в начале девяностых и помогали проводить там этнические чистки. Они работали на мафиозного босса Аркана, который держал нечто вроде частной фашистской полиции. Оба прославились как «стрелки».

— «Стрелки»?

— Да, то есть наемные убийцы. Они некоторое время порхали между Белградом и Стокгольмом. Их дядя владел ресторанчиком в районе Норрмальм, и они периодически официально у него работали. У нас имелся ряд сведений об их причастности по крайней мере к двум

убийствам, связанным с внутренними разборками между югославами в так называемой сигаретной войне, но нам так и не удалось их за что-нибудь посадить.

Моника Фигуэрола молча разглядывала фотографии. Потом она внезапно страшно побледнела и пристально посмотрела на Торстена Эдклинта.

— Блумквист! — воскликнула она с паникой в голосе. — Они не намерены довольствоваться тем, что опозорят его. Они собираются его убить и предоставить полиции обнаружить кокаин в процессе расследования и сделать собственные выводы.

Эдклинг не отрывал от нее взгляда.

— Он собирался встретиться с Эрикой Бергер в «Котелке Самира», — сказала Моника Фигуэрола и схватила Курта Свенссона за плечо. — Ты вооружен?

— Да...

— За мной!

Моника Фигуэрола бросилась вон из конференц-зала. Ее кабинет находился на три двери дальше по коридору; отперев дверь, она выхватила из ящика письменного стола табельное оружие и помчалась к лифтам, вопреки всем правилам оставив дверь в кабинет распахнутой. Курт Свенссон на секунду застыл в нерешительности.

— Ступай, — сказал ему Бублански. — Соня... отправляйся с ними.

Микаэль Блумквист прибыл в «Котелок Самира» в двадцать минут седьмого. Эрика Бергер только что пришла и успела найти свободный столик рядом с барной стойкой, неподалеку от входной двери. Она поцеловала Микаэля в щеку. Они заказали каждый по большому бокалу крепкого пива и котелку с бараниной. Пиво им принесли сразу.

— Как поживает «Та, с ТВ-четыре»? — поинтересовалась Эрика Бергер.

— Холодна, как и всегда.

Эрика Бергер засмеялась.

— Если не поостережешься, она станет у тебя навязчивой идеей. Подумать только, есть девушка, не поддающаяся обаянию Блумквиста.

— Вообще-то за все эти годы таких девушек было несколько, — сказал Микаэль Блумквист. — Как прошел твой день?

— Понапрасну. Но я согласилась принять участие в дебатах о «СМП» в Клубе публицистов. Это будет мой последний вклад в данное дело.

— Замечательно.

— До чего же я рада, что вернулась обратно в «Миллениум», — сказала она.

— А я-то как рад этому, ты даже не представляешь. Никак в себя не приду.

— Опять стало приятно ходить на работу.

— Хм.

— Я счастлива.

— А мне надо сбегать в сортир, — сказал Микаэль, поднимаясь.

Он сделал несколько шагов и чуть не столкнулся с женщиной лет тридцати пяти, как раз вошедшим в дверь. Микаэль отметил, что у того восточноевропейская внешность, и пристально на него посмотрел. Затем он увидел автомат.

Когда они проезжали Риддархольмен, позвонил Торстен Эдклинг и сообщил, что ни Микаэль Блумквист, ни Эрика Бергер на звонки не отвечают. Возможно, оба отключили на время ужина мобильные телефоны.

Моника Фигуэрола выругалась и проскочила площадь Сёдермальмсторг на скорости, приближавшейся к восьмидесяти километрам в час. Нажав на гудок, она резко завернула на Хурнsgатан. Курту Свенссону пришлось схватиться за дверцу машины — он как раз вытащил табельное оружие и проверял, заряжено ли оно. Сидевшая на заднем сиденье Соня Мудиг занималась тем же самым.

— Надо запросить подкрепление, — сказал Курт Свенссон. — Братья Николик — это серьезно.

Моника Фигуэрола кивнула.

— Поступим так, — распорядилась она. — Мы с Соней пойдем прямо в «Котелок Самира» в надежде, что они сидят там. А ты, Курт, поскольку знаешь братьев Николик в лицо, останешься снаружи и будешь вести наблюдение.

— О'кей.

— Если все спокойно, мы сразу заберем Блумквиста с Бергер и отвезем их в управление. Если же почувствуем неладное, то останемся в ресторане и вызовем подкрепление.

— Хорошо, — согласилась Соня Мудиг.

Моника Фигуэрола все еще ехала по Хурнsgатан, когда у нее под панелью управления затрещала полицейская рация.

Всем постам. Сигнал тревоги — выстрелы на Тавастгатан в районе Сёдермальм. Сигнал поступил из ресторана «Котелок Самира».

Моника Фигуэрола почувствовала, что у нее внутри все опустилось.

Эрика Бергер видела, как по дороге в туалет Микаэль Блумквист столкнулся у входной двери с женщиной лет тридцати пяти. Ей показалось, что этот неизвестный мужчина посмотрел на Микаэля с удивлением, и она подумала, что, возможно, Микаэль с ним знаком.

Потом Эрика увидела, как мужчина шагнул назад и бросил сумку на пол. Поначалу она даже не поняла, что происходит. Мужчина поднял автомат и направил ствол на Микаэля Блумквиста, а она сидела, словно парализованная.

Микаэль Блумквист среагировал, не задумываясь. Он выбросил вперед левую руку, ухватился за ствол и направил его в потолок. На микроскопическую долю секунды дуло мелькнуло у него перед лицом.

Стрекотание автомата прозвучало в тесном помещении оглушительно. Миро Николик произвел одиннадцать выстрелов, на Микаэля с потолка дождем сыпались штукатурка и осколки ламп. На какой-то краткий миг Микаэль Блумквист уставился прямо в глаза убийце.

Потом Миро Николик шагнул назад и рванул оружие на себя. Не ждавший этого Микаэль выпустил дуло. Внезапно он понял, что ему угрожает смертельная опасность. Вместо того чтобы попытаться укрыться, он, не раздумывая, бросился прямо на убийцу. Позднее Микаэль понял, что, среагируй он иначе — если бы он присел или отступил назад, — его бы пристрелили на месте. Микаэль снова ухватился за дуло автомата и попытался всем своим весом прижать убийцу к стене. Он услышал еще шесть или семь выстрелов и стал отчаянно дергать за автомат, чтобы направить дуло в пол.

Когда раздалась вторая серия выстрелов, Эрика Бергер инстинктивно присела на корточки и упала, ударившись головой о стул. Потом она свернулась на полу, подняла взгляд и увидела, что на стене, прямо за тем местом, где она только что сидела, появились три пулевых отверстия.

Она в шоке повернула голову и увидела, что Микаэль Блумквист борется с женщиной возле входа — опустившись на одно колено, пытается вырвать автомат, за который держится двумя руками, а убийца дергается, стараясь высвободиться, и раз за разом бьет Микаэля кулаком в лицо и в висок.

Моника Фигуэрола резко затормозила перед «Котелком Самира», распахнула дверцу машины и кинулась к ресторану. Пистолет «ЗИГ-Зауэр»

уже был у нее в руке, и, снимая его с предохранителя, она обратила внимание на стоящую возле самого ресторана машину.

Увидев за рулем Томи Николика, она через стекло направила пистолет ему в лицо.

— Полиция. Руки вверх! — закричала она.

Томи Николик поднял руки.

— Выходи из машины и ложись на землю, — яростно проревела Моника, потом повернула голову и быстро взглянула на Курта Свенссона. — Ресторан!

Курт Свенссон с Соней Мудиг бросились через улицу.

Соня Мудиг подумала о своих детях. Врываясь в помещение с оружием в руках, не дождавшись подкрепления, без бронежилетов и предварительного ознакомления с обстановкой, они с Куртом действовали наперекор всем полицейским инструкциям...

Потом она услышала хлопок раздавшегося в ресторане выстрела.

Когда Миро Николик снова начал стрелять, Микаэль Блумквист засунул средний палец между курком и скобой. Сзади раздавался звон бьющегося стекла. Убийца раз за разом давил на курок, зажимая его палец, Микаэль испытывал отчаянную боль, но, пока палец оставался на месте, стрелять было невозможно. Сбоку ему на голову градом сыпались удары, и он вдруг ощутил, что ему сорок пять лет и что он в чертовски плохой форме.

Мне не справиться. Надо держаться до конца.

Это было его первой внятной мыслью с тех пор, как он увидел мужчину с автоматом.

Он стиснул зубы и просунул палец еще дальше за курок.

Потом он уперся ногами, прижался плечом к туловищу убийцы и заставил себя снова встать на ноги. Он выпустил автомат из правой руки и выставил вперед локоть, чтобы защититься от кулачных ударов. Тогда Миро Николик ударил его в подмышку и по ребрам. На секунду они вновь оказались лицом к лицу.

И тут же Микаэль почувствовал, что убийцу от него оттаскивают. Палец снова пронзила боль, и Микаэль увидел могучую фигуру Курта Свенссона. Крепко ухватив Миро Николика за шею, Свенссон буквально приподнял его и ударил головой о стену возле дверного косяка. Миро Николик рухнул, словно тряпичная кукла.

— Лежать! — донесся до него крик Сони Мудиг. — Полиция. Не двигаться!

Микаэль повернул голову и увидел, как она стоит среди общего хаоса, широко расставив ноги, держит двумя руками пистолет и пытается понять ситуацию. Под конец она подняла оружие стволом вверх и взглянула на Микаэля Блумквиста.

— Вы ранены? — спросила она.

Микаэль посмотрел на нее растерянным взглядом. Из разбитых бровей и носа у него текла кровь.

— Думаю, я сломал палец, — сказал он, опускаясь на пол.

Патруль Сёдермальма прибыл на помощь Монике Фигуэроле меньше чем через минуту после того, как она заставила Томи Николика лечь на тротуар. Она предъявила удостоверение и передала задержанного полицейским, а сама побежала в ресторан. Остановившись у входа, она попыталась разобраться в обстановке.

Микаэль Блумквист и Эрика Бергер сидели на полу. У него по лицу текла кровь, и он, похоже, пребывал в шоковом состоянии, но он был жив, и Моника перевела дух. Потом она нахмурила брови, увидев, как Эрика Бергер обнимает Микаэля за плечи.

Соня Мудиг сидела на корточках, разглядывая руку Блумквиста. Курт Свенссон надевал наручники на Миро Николика, который выглядел так, будто столкнулся с поездом. На полу валялся автомат модели, находящейся на вооружении шведской армии.

Моника подняла взгляд, увидела потрясенный персонал ресторана и перепуганных посетителей, отметила разбитую посуду, перевернутые стулья и столы, а также причиненные выстрелами разрушения. Чувствовался запах пороха, однако убитых или раненых видно не было. Полицейские из патрульной службы с оружием наготове начали протискиваться в ресторан. Моника протянула руку и коснулась плеча Курта Свенссона. Тот поднялся.

— Ты говорил, что Миро Николик в розыске?

— Верно. Причинение тяжких телесных повреждений примерно год назад. Драка в Халлунде.

— О'кей. Сделаем так. Я пулей исчезаю с Блумквистом и Бергер. Ты остаешься. Легенда такая: вы с Соней Мудиг пришли сюда поужинать, и ты опознал Николика, о делах которого помнил со времен работы в патруле. Когда ты попытался его задержать, он выхватил оружие и открыл стрельбу. Ты его повязал.

Курт Свенссон смотрел на нее с удивлением.

— Легенда провалится... ведь есть свидетели.

— Свидетели будут рассказывать, что кто-то дрался и стрелял. Нам надо дотянуть хотя бы до завтрашних вечерних газет. Значит, легенда такова, что братьев Николик взяли по чистой случайности, поскольку ты их опознал.

Курт Свенссон оглядел окружавший его хаос, потом коротко кивнул.

Пробившись сквозь толпу полицейских на улицу, Моника Фигуэрола усадила Микаэля Блумквиста с Эрикой Бергер на заднее сиденье своей машины, потом примерно полминуты что-то негромко говорила командиру патрульной службы, кивая на машину, где сидели Микаэль с Эрикой. Командир казался растерянным, но под конец кивнул. Моника проехала несколько кварталов, припарковала машину и обернулась.

— Насколько плохо ты себя чувствуешь?

— Мне несколько раз дали в нос, но зубы на месте. И я повредил палец.

— Поехали в отделение экстренной помощи больницы Святого Йорана.

— Что произошло? — поинтересовалась Эрика Бергер. — И кто вы такая?

— Простите, — сказал Микаэль. — Эрика, это Моника Фигуэрола. Она работает в СЭПО. Моника, это Эрика Бергер.

— Я уже догадалась, — отозвалась Моника Фигуэрола нейтральным тоном, не глядя на Эрику.

— Мы с Моникой познакомились в процессе расследования. Она мой контакт в ГПУ/Без.

— Понятно, — сказала Эрика Бергер и вдруг затряслась — наконец все случившееся дошло до ее сознания.

Моника Фигуэрола пристально посмотрела на нее.

— Что произошло? — спросил Микаэль.

— Мы неверно истолковали предназначение кокаина. Мы думали, они подстроили ловушку, чтобы тебя опорочить. А на самом деле они собирались тебя убить и предоставить полиции обнаружить кокаин во время осмотра квартиры.

— Какой кокаин? — спросила Эрика Бергер.

Микаэль ненадолго прикрыл глаза.

— Отвези меня в больницу, — попросил он.

— Арестованы? — воскликнул Фредрик Клинтон. Он почувствовал, как у него слегка сдавило сердце.

— Мы считаем, что все спокойно, — заверил Георг Нюстрём. — Похоже, это была чистая случайность.

— Случайность?

— Миро Николик значился в розыске за давнюю историю с избиением. Какой-то полицейский из патрульной службы его случайно опознал и схватил, когда тот вошел в «Котелок Самира». Николика охватила паника, и он начал стрелять, пытаясь вырваться на свободу.

— А Блумквист?

— До него дело так и не дошло. Нам даже неизвестно, находился ли он в «Котелке Самира» во время задержания.

— Черт возьми, это звучит совершенно невероятно. — Фредрик Клинтон покачал головой. — Что братьям Николик известно?

— О нас? Ничего. Они считают, что и Бьёрк, и Блумквист — работа, связанная с траффикингом.

— Но они знают, что мишенью был Блумквист?

— Разумеется, однако они едва ли начнут трепаться о том, что взяли за заказное убийство. Они, скорее всего, до самого суда будут держать язык за зубами. Их осудят за незаконное ношение оружия и, подозреваю, что за применение насилия в отношении должностного лица.

— Чертовы бездари, — сказал Клинтон.

— Да уж, ребята облажались. Придется Блумквиста пока оставить в покое, но ничего страшного, собственно говоря, не произошло.

Было уже одиннадцать часов вечера, когда Сусанн Линдер вместе с двумя крепкими парнями из отдела личной охраны «Милтон секьюрити» приехала забирать Микаэля Блумквиста и Эрику Бергер из полицейского управления.

— У тебя и впрямь беспокойная жизнь, — сказала Сусанн Эрике.

— Сорри, — мрачно ответила Эрика.

По дороге в больницу Эрика практически впала в ступор. До нее вдруг дошло, что их с Микаэлем Блумквистом чуть не убили.

Микаэль провел час в отделении экстренной помощи, где ему заклеили пластырем ссадины на лице, сделали рентген и наложили повязку на средний палец левой руки. Верхняя фаланга пальца оказалась сильно расплющена, и Микаэлю, по всей видимости, предстояло лишиться ногтя. По иронии судьбы, самое серьезное повреждение он получил уже в тот момент, когда к нему на помощь подоспел Курт Свенссон и стал отрывать от него Миро Николика — средний палец Микаэля, намертво зажатый в скобе автомата, попросту сломался. Боль была адской, но опасности для

жизни травма явно не представляла.

Микаэль толком осознал произошедшее только почти через два часа, когда уже прибыл в отдел охраны конституции ГПУ/Без и стал рассказывать о случившемся инспектору Бублански и прокурору Рагнхильд Густавссон. Его вдруг забил озноб, и он почувствовал такую усталость, что начал засыпать прямо между вопросами. Потом возникло некоторое несогласие.

— Нам неизвестны их планы, — говорила Моника Фигуэрола. — Мы не знаем, предполагали они убить только Блумквиста или Бергер тоже. Мы не знаем, собираются ли они повторить попытку и не находится ли под угрозой еще кто-нибудь из «Миллениума». И почему бы им не убить Саландер, которая представляет для «Секции» действительно серьезную опасность?

— Я уже обзвонила сотрудников «Миллениума», пока Микаэля перевязывали, — сказала Эрика Бергер. — Все постараются не высовываться, пока не выйдет журнал. В редакции никого не будет.

Первым побуждением Торстена Эдклинта было немедленно предоставить Микаэлю Блумквисту и Эрике Бергер персональных телохранителей, но потом они с Моникой Фигуэролой посчитали обращение к отделу личной охраны Службы безопасности не самым умным шагом.

Проблему решила Эрика Бергер. Отказавшись от полицейской охраны, она подняла трубку, позвонила Драгану Арманскому и объяснила ему ситуацию, в результате чего Сусанн Линдер поздно вечером поспешно вызвали на работу.

Микаэля Блумквиста и Эрику Бергер разместили на втором этаже safe house, ^[61] расположенного за Дроттнингхольмом, на пути к центру муниципалитета Экерё. Это была большая вилла с видом на озеро, впечатляющим садом, дворовыми постройками и земельными владениями. Поместье принадлежало «Милтон секьюрити», но проживала там Мартина Шёгрэн, шестидесяти восьми лет, вдова Ханса Шёгрена, который много лет прослужил в охранном предприятии и пятнадцать лет назад погиб при выполнении задания, провалившись сквозь прогнивший пол заброшенного дома неподалеку от городка Сала. После похорон Драган Арманский переговорил с Мартиной Шёгрэн и нанял ее на работу в качестве домоправительницы и управляющего поместьем. Она бесплатно проживала на первом этаже пристройки и держала второй этаж наготове для случаев, когда «Милтон секьюрити» внезапно требовалось спрятать кого-то из

клиентов, имевшего реальные или вымышленные основания опасаться за свою безопасность. Обычно такое случалось несколько раз в год.

Моника Фигуэрола поехала с ними и выпила кофе на первом этаже, пока Эрика Бергер и Микаэль Блумквист устраивались на втором, а Сусанн Линдер проверяла сигнализацию и электронное оборудование наружного наблюдения.

— В комодке перед ванной комнатой имеются зубные щетки и туалетные принадлежности, — прокричала Мартина Шёгрен вверх по лестнице.

Сусанн Линдер и двое охранников из «Милтон секьюрити» поселились в комнатах первого этажа.

— Я на ногах с тех пор, как меня разбудили в четыре утра, — сказала Сусанн Линдер. — Составьте график дежурств, но дайте мне поспать хотя бы до пяти.

— Можешь спать всю ночь, мы справимся сами, — ответил один из охранников.

Сусанн Линдер поблагодарила и отправилась спать.

Моника Фигуэрола рассеянно слушала, как охранники включают датчики движения в саду и тянут спички, распределяя вахты. Заступивший на дежурство сделал себе бутерброд и уселся в телевизионной комнате рядом с кухней. Моника Фигуэрола посмотрела на чашки с цветочками. Она тоже была на ногах с раннего утра и чувствовала себя достаточно вялой. Она уже собиралась ехать домой, когда на кухню спустилась Эрика Бергер и, налив себе чашку кофе, уселась по другую сторону стола.

— Микаэль заснул, как убитый, едва добравшись до постели.

— Реакция на адреналин, — пояснила Моника Фигуэрола.

— Что будет дальше?

— Вам придется несколько дней посидеть тут. В течение недели все закончится, хотя еще неизвестно, как именно. Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. По-прежнему немного трясет. Такое приключается не каждый день. Я только что позвонила мужу и объяснила, почему не приеду домой.

— Хм.

— Я замужем за...

— Я знаю, за кем ты замужем.

Повисло молчание. Моника Фигуэрола потерла глаза и зевнула.

— Надо ехать домой спать, — пробормотала она.

— Бога ради. Кончай болтать, иди и ложись у Микаэля, — ответила Эрика.

Моника Фигуэррола внимательно посмотрела на нее и спросила:

— Это так очевидно?

Эрика кивнула.

— Микаэль что-нибудь говорил...

— Ни слова. Он обычно помалкивает, когда дело касается его знакомых дам. Но порой бывает словно открытая книга. А ты проявляешь такую враждебность, когда смотришь на меня. Вы явно пытаетесь что-то скрывать.

— Дело в моем начальнике, — сказала Моника Фигуэррола.

— В начальнике?

— Да. Эдклингт страшно разозлится, если узнает, что мы с Микаэлем...

— Понятно.

Они снова помолчали.

— Не знаю, что там у вас с Микаэлем происходит, но я тебе не соперница, — сказала Эрика.

— Нет?

— Мы с Микаэлем периодически спим. Но он мне не муж.

— Я поняла, что у вас с ним особые отношения. Он рассказывал мне о вас в Сандхамне.

— Ты ездила с ним в Сандхамн? Значит, это серьезно.

— Не издевайся надо мной.

— Моника... я надеюсь, что вы с Микаэлем... Я постараюсь вам не мешать.

— А если не сможешь?

Эрика Бергер пожала плечами.

— Его бывшая жена совсем спятила, когда Микаэль ей со мной изменил, и выгнала его. Виновата была я. Пока Микаэль живет один, я не намерена терзаться угрызениями совести. Но я дала себе слово, что, когда у него возникнут с кем-нибудь серьезные отношения, я буду держаться от него подальше.

— Я не знаю, можно ли решиться воспринимать его всерьез.

— Микаэль не такой, как все. Ты в него влюблена?

— Думаю, да.

— Ну и хорошо. Не говори ему об этом раньше времени. Иди спать.

Моника немного подумала. Потом поднялась на второй этаж, разделась и заползла в постель к Микаэлю. Он что-то пробормотал и обнял ее за талию.

Эрика Бергер еще долго сидела на кухне в одиночестве и размышляла. Внезапно она почувствовала себя глубоко несчастной.

Среда, 13 июля — четверг, 14 июля

Микаэля Блумквиста всегда занимало, почему в судах такие тихие и деликатные громкоговорители. Он с трудом разобрал слова объявления о том, что разбирательство по делу Лисбет Саландер начнется в зале номер пять в десять ноль-ноль. Правда, он пришел заблаговременно и расположился у входа в зал суда, так что был впущен одним из первых. Он сел в отведенном для публики месте, по левую сторону зала, откуда был лучше всего виден стол ответчика. Публика быстро прибывала. По мере приближения суда интерес СМИ постепенно нарастал, и в последнюю неделю у прокурора Рихарда Экстрёма брали интервью почти ежедневно.

Экстрём старался изо всех сил.

Лисбет Саландер предъявили обвинение в нанесении побоев и причинении тяжких телесных повреждений — по делу Карла Магнуса Лундина; в угрозе применения насилия, попытке убийства и причинении тяжких телесных повреждений — по делу покойного Карла Акселя Бодина, он же Александр Залаченко; в двух случаях проникновения в чужое жилище — на дачу покойного Нильса Бьюрмана в Сталлархольме и в его же квартиру на Уденплан; в незаконном завладении транспортным средством — мотоциклом марки «Харлей-Дэвидсон», принадлежавшим некоему Сонни Ниеминену, члену клуба «Свавельшё МК»; в трех случаях незаконного владения оружием — баллончиком со слезоточивым газом, электрошокером и польским пистолетом «Р-83 ванад», найденными в Госсеберге; в краже или сокрытии доказательственного материала — формулировка была неотчетливой, но подразумевала документы, найденные ею на даче у Бьюрмана, а также в ряде более мелких проступков. В общей сложности Лисбет Саландер обвинялась по шестнадцати пунктам.

Экстрём даже выдал информацию, намекавшую на то, что душевное здоровье Лисбет Саландер оставляет желать лучшего. Он ссылаясь, с одной стороны, на заключение судебно-медицинской экспертизы, написанное доктором Йеспером Х. Лёдерманом, когда ей исполнилось восемнадцать лет, а с другой — на экспертизу, проведенную по решению суда доктором Петером Телеборьяном во время предварительного следствия. Поскольку психически больная девушка, верная своей привычке, категорически

отказывалась общаться с психиатрами, анализ проводился на основе «наблюдений», сделанных в период ее пребывания в следственном изоляторе «Крунуберг» в Стокгольме непосредственно перед судом. Телеборьян, обладавший многолетним опытом общения с пациенткой, утверждал, что Лисбет Саландер страдает серьезными психическими отклонениями, и употреблял такие слова, как психопатия, патологический нарциссизм и параноидальная шизофрения.

В СМИ сообщалось также, что с обвиняемой было проведено семь полицейских допросов, на которых она отказалась даже здороваться со следователями. Первые допросы проводились полицией Гётеборга, а остальные происходили уже в Стокгольме. На магнитофонных записях протоколов допросов можно было услышать лишь разнообразные любезные попытки уговоров и повторяющиеся настойчивые вопросы, но ни единого ответа.

Обвиняемая даже ни разу не кашлянула.

В нескольких случаях на пленке слышался голос Анники Джаннини, констатировавшей, что ее подзащитная явно не намерена отвечать на вопросы. Следовательно, обвинение против Лисбет Саландер строилось исключительно на технических доказательствах и тех фактах, которые смогло установить полицейское расследование.

Молчание Лисбет временами причиняло неудобства ее адвокату, поскольку той приходилось оставаться почти столь же молчаливой, как и ее клиентка. Разговоры Анники Джаннини с Лисбет Саландер с глазу на глаз относились к разряду конфиденциальных.

Экстрём не делал тайны и из того, что намерен требовать в первую очередь помещения Лисбет Саландер в психиатрическое учреждение закрытого типа, а уже во вторую — длительного тюремного заключения. При нормальных обстоятельствах порядок был бы обратным, но он считал, что в ее случае налицо столь явные психические отклонения, о чем говорят однозначные результаты судебно-психиатрической экспертизы, что он просто не видел альтернативы. С заключением судебно-психиатрической экспертизы суд не соглашался крайне редко.

Экстрём полагал также, что Саландер должна по-прежнему считаться недееспособной. В одном интервью он с озабоченным лицом заявил, что в Швеции имеется ряд социопатических личностей с тяжелыми психическими отклонениями, представляющих опасность для самих себя и окружающих, и что наука пока не знает иных путей, кроме как держать таких людей взаперти. Он упомянул случай со склонной к насилию девушкой Аннет, имя которой в 70-х годах не сходило со страниц газет и

которая уже тридцать лет содержится в закрытом учреждении. Любые попытки ослабить ей ограничения приводили к тому, что она как безумная набрасывалась на родственников и больничного персонал или пыталась причинить вред самой себе. Экстрём считал, что Лисбет Саландер страдает аналогичными психопатическими нарушениями.

Интерес СМИ подогревался и тем обстоятельством, что адвокат Лисбет Саландер Анника Джаннини в прессе не высказывалась. Она последовательно отказывалась давать интервью с целью изложить свою точку зрения. В результате СМИ пребывали в затруднительной ситуации — сторона обвинения щедро делилась информацией, в то время как сторона защиты, в виде исключения, ни словом не намекала на то, как Саландер относится к обвинению и какую стратегию собирается применить защита.

Это обстоятельство комментировалось юридическим экспертом, нанятым для освещения дела одной из вечерних газет. Эксперт констатировал, что Анника Джаннини является уважаемым адвокатом по правам женщин, но не имеет никакого опыта работы за рамками данной области, и делал вывод, что она совершенно не подходит для защиты Лисбет Саландер. Микаэль Блумквист также знал от сестры, что той звонили многие известные адвокаты и предлагали свои услуги, но по поручению своей подзащитной Анника Джаннини любезно отклоняла все подобные предложения.

В ожидании начала суда Микаэль покосился на других слушателей. На месте возле самого выхода он вдруг заметил Драгана Арманского.

Их взгляды на мгновение встретились.

У Экстрёма на столе лежала внушительная кипа бумаг. Он приветливо кивал некоторым журналистам.

Аника Джаннини сидела за своим столом напротив Экстрёма. Она разбирала бумаги, не глядя по сторонам. Микаэлю показалось, что сестра немного нервничает. Легкое волнение перед выходом на сцену, подумал он.

Потом в зал вошли председатель, юридический советник судьи и заседатели. Председателем был судья Йорген Иверсен — пятидесятилетний мужчина с белыми волосами, худощавым лицом и легкой походкой. Микаэль ознакомился с биографией Иверсена и выяснил, что тот известен как очень опытный и справедливый судья, уже работавший на многих громких процессах.

Под конец в зал суда ввели Лисбет Саландер.

Хотя Микаэль и привык к способности Лисбет подбирать вызывающую одежду, он изумился тому, что Анника Джаннини позволила

ей появиться в зале суда в короткой черной кожаной юбке с оторванным подгибом и черной майке с надписью «I am irritated»,^[62] скрывавшей лишь малую часть ее татуировок. Еще на ней были ботинки, ремень с заклепками и гольфы в черную и лиловую полоску, в каждом ухе виднелось с десяток колечек и еще по нескольку на губе и бровях. Коротенькие, отросшие за три месяца после черепной операции, черные волосы торчали во все стороны. Кроме того, она была необычайно сильно накрашена — серая губная помада, подведенные брови и густо наложенная черная тушь. Такой Микаэль никогда ее не видел — в то время, когда они тесно общались, косметика ее не интересовала.

Выражаясь дипломатическим языком, выглядела она несколько вульгарно и напоминала готов или даже вампира из какого-нибудь фильма 60-х годов в стиле поп-арт. Микаэль заметил, что при ее появлении у некоторых сидевших среди публики репортеров от удивления захватило дух и они радостно заулыбались. Наконец им представилась возможность увидеть овеянную скандалами девушку, о которой они столько писали, и она полностью оправдала их ожидания.

Потом он понял, что Лисбет Саландер так вырядилась специально. Обычно она одевалась небрежно и вроде бы безвкусно — не пытаясь следовать моде, а стремясь скорее подчеркнуть свою индивидуальность, как считал Микаэль. Таким неприступным видом Лисбет Саландер защищала свою личную территорию. Сам Микаэль всегда воспринимал заклепки на ее кожаной куртке как защитный механизм, аналогичный иголкам ежа. Она подавала окружению некий сигнал — не пытайтесь меня погладить, будет больно.

Перед появлением в зале суда она еще усилила этот стиль, так что получилась чуть ли не пародия.

И Микаэль вдруг понял, что это не случайность, а часть стратегии Анники.

Если бы Лисбет Саландер пришла гладко причесанной, в наглухо застегнутой блузке и аккуратных туфельках, она выглядела бы как обманщица, пытающаяся втереться суду в доверие. Теперь же она предстала самой собой, а не кем-то другим. Правда, в несколько преувеличенном варианте — для большей ясности. Она не изображала того, кем не являлась. Она демонстрировала суду, что у нее нет причин стыдиться или притворяться. Если суду ее вид неприятен, то это не ее проблема. Общество выдвинуло против нее ряд обвинений, а прокурор притащил в суд. Своим неприукрашенным видом она сразу подчеркнула, что намерена отклонить рассуждения прокурора как чушь.

Она двигалась уверенно и села на указанное ей место, рядом со своим адвокатом. Потом обвела взглядом зал. В ее взгляде не чувствовалось никакого любопытства — казалось, она старается рассмотреть и запомнить людей, уже осудивших ее на страницах газет.

Микаэль увидел ее впервые с тех пор, как она, словно окровавленная и бездыханная кукла, лежала на кухонном диване в Госсеберге, и больше чем через полтора года после того, как они в последний раз встречались при нормальных обстоятельствах — если выражение «нормальные обстоятельства» вообще было применимо к Лисбет Саландер. На несколько секунд они встретились глазами. Она ненадолго задержала на нем взгляд, но не проявила никаких признаков узнавания, зато внимательно изучила яркие синяки, покрывавшие щеку и висок Микаэля и хирургический пластырь на его правой брови. На какую-то долю секунды Микаэлю показалось, что он видит в ее глазах намек на улыбку, но он не был уверен, привиделось ему это или нет. Потом судья Иверсен постучал по столу и начал судебное разбирательство.

Публика присутствовала в зале суда в общей сложности тридцать минут, в течение которых выслушала вступительную речь прокурора Экстрёма, перечислившего все пункты обвинения.

Все журналисты, за исключением Микаэля Блумквиста, усердно записывали, хотя уже заранее знали, в чем Экстрём собирается ее обвинить. Микаэль свой материал уже написал и пришел в суд только для того, чтобы обозначить свое присутствие и встретиться взглядом с Лисбет Саландер.

Вступительное слово Экстрёма заняло чуть более двадцати двух минут. Потом настала очередь Анники Джаннини. Ее речь заняла тридцать секунд. Говорила она четко и уверенно.

— Со стороны защиты мы отклоняем все пункты обвинения, кроме одного. Моя подзащитная признает свою ответственность за незаконное ношение оружия, а именно баллончика со слезоточивым газом. По всем остальным пунктам обвинения моя подзащитная отрицает свою ответственность или преступный умысел. Мы докажем, что утверждения прокурора ошибочны и что моя подзащитная стала жертвой грубых правонарушений. Я буду требовать признания моей подзащитной невиновной, отмены постановления о ее недееспособности и ее полного оправдания.

Репортеры зашелестели бумагами. Стратегия адвоката Джаннини наконец прояснилась и оказалась для репортеров полной неожиданностью. Они в основном предполагали, что Анника Джаннини сошлется на

психическое заболевание обвиняемой и постарается таким образом снять с нее ответственность. Микаэль вдруг улыбнулся.

— Вот как, — сказал судья Иверсен, что-то записывая. Он посмотрел на Аннику Джаннини. — Вы закончили?

— Это все мое заявление.

— Хочет ли прокурор что-нибудь добавить? — спросил Иверсен.

Тут-то прокурор Экстрём и потребовал, чтобы дело слушалось за закрытыми дверями. Он сослался на то, что речь идет о психическом состоянии и благополучии несчастного человека, а также о деталях, которые могут нанести урон безопасности государства.

— Я полагаю, вы намекаете на так называемую историю Залаченко, — сказал Иверсен.

— Совершенно верно. Александр Залаченко прибыл в Швецию как политический беженец, ищущий защиты от кошмарной диктатуры. Несмотря на то что господин Залаченко скончался, существуют некоторые моменты, связанные с его судьбой, которые по-прежнему носят секретный характер. Поэтому я настаиваю на том, чтобы судебное разбирательство проходило за закрытыми дверями и чтобы на его особо деликатные фрагменты распространялось требование неразглашения служебной тайны.

— Я вас понимаю, — сказал Иверсен, нахмутив лоб.

— Кроме того, значительная часть разбирательства будет касаться опекуна над обвиняемой. Речь пойдет о вопросах, которые в обычной ситуации почти автоматически объявляются секретными, и я прошу о закрытом слушании из сострадания к обвиняемой.

— Как относится к такому требованию адвокат Джаннини?

— Что касается нас, то нам все равно.

Судья Иверсен немного подумал, посоветовался с юридическим консультантом и затем, к досаде присутствовавших журналистов, объявил, что согласен с требованием прокурора. В результате Микаэль Блумквист в числе прочих покинул зал.

Драган Арманский дожидался Микаэля Блумквиста у подножия лестницы ратуши. Стояла страшная июльская жара, и Микаэль почувствовал, как под мышками стали немедленно расплываться два влажных пятна. Когда он вышел из ратуши, к нему присоединились два охранника; они кивнули Драгану Арманскому и занялись изучением окружающей обстановки.

— Очень непривычно разгуливать повсюду с телохранителями, — сказал Микаэль. — Сколько это будет стоить?

— Фирма берет расходы на себя, — ответил Арманский. — У меня есть личный интерес в том, чтобы ты остался в живых. Но мы в последние месяцы выложили pro bono^[63] порядка двухсот пятидесяти тысяч крон.

Микаэль кивнул.

— Кофе? — предложил Микаэль, указывая на итальянское кафе на Бергсгатан.

Арманский не возражал и в кафе взял себе двойной эспрессо с чайной ложкой молока. Микаэль заказал себе кофе латте, а охранники сели за соседний столик и пили колу.

— Итак, закрытое слушание, — констатировал Арманский.

— Этого можно было ожидать. Ну и хорошо, так нам будет легче управлять информационным потоком.

— Да, в принципе, все равно, но прокурор Рихард Экстрём мне все меньше нравится.

Микаэль согласился. Они пили кофе, глядя на ратушу, где решалась судьба Лисбет Саландер.

— Последний бой, — произнес Микаэль.

— Она к нему готова, — утешил его Арманский. — Должен сказать, что мне очень понравилась твоя сестра. Когда она начала излагать стратегию, я посчитал, что она шутит, но чем больше я вдумываюсь, тем более разумным мне все это представляется.

— Судьба процесса будет решаться не в здании суда, — сказал Микаэль.

Он уже в течение нескольких месяцев повторял эти слова, словно заклинание.

— Тебя вызовут в качестве свидетеля, — предупредил Арманский.

— Знаю. Я готов. Но это произойдет только послезавтра. Наш расчет, по крайней мере, строится именно на этом.

Прокурор Рихард Экстрём забыл дома бифокальные очки, и, чтобы прочесть в собственных заметках что-нибудь написанное мелким шрифтом, ему приходилось поднимать очки на лоб и щуриться. Он быстро провел рукой по светлой бородке, а потом вновь надел очки и огляделся.

Лисбет Саландер сидела, выпрямив спину, и наблюдала за прокурором загадочным взглядом. Ее лицо и глаза были неподвижны, а мысли, казалось, витали где-то далеко. Прокурору пришлось начинать ее допрашивать.

— Я хочу напомнить вам, фрёкен Саландер, что вы говорите под присягой, — сказал наконец Экстрём.

На лице Лисбет Саландер не шевельнулся ни единый мускул. Прокурор Экстрём помедлил несколько секунд в ожидании какого-то отклика и поднял брови.

— Значит, вы говорите под присягой, — повторил он.

Лисбет Саландер склонила голову набок. Анника Джаннини что-то читала в протоколе предварительного следствия, по виду совершенно не интересуясь действиями прокурора. Экстрём собрал свои бумаги и после некоторого неловкого молчания откашлялся.

— Так вот, — рассудительно начал он. — Давайте начнем прямо с событий шестого апреля в летнем доме покойного адвоката Бьюрмана возле Сталлархольма, послуживших исходной точкой моего изложения обстоятельств дела сегодня утром. Нам надо попытаться внести ясность в вопрос, как получилось, что вы поехали в Сталлархольм и стреляли в Карла Магнуса Лундина.

Экстрём призывно посмотрел на Лисбет Саландер. Ее лицо по-прежнему оставалось неподвижным. На лице прокурора вдруг отразилось отчаяние. Он развел руками и посмотрел на председателя суда. Судья Йорген Иверсен сидел с задумчивым видом. Он покосился на Аннику Джаннини, которая по-прежнему изучала какую-то бумагу, полностью отключившись от происходящего вокруг.

Судья Иверсен кашлянул. Потом перевел взгляд на Лисбет Саландер.

— Должны ли мы понимать ваше молчание как то, что вы не хотите отвечать на вопросы? — спросил он.

Лисбет Саландер повернула голову и посмотрела судье Иверсену в глаза.

— Я с удовольствием отвечу на вопросы, — произнесла она.

Судья Иверсен кивнул.

— Тогда, может быть, вы ответите на мой вопрос, — вставил прокурор Экстрём.

Лисбет Саландер снова обратила взгляд к Экстрёму, но продолжала молчать.

— Будьте добры, ответьте на вопрос, — сказал судья Иверсен.

Лисбет снова повернулась к председателю суда и подняла брови.

— На какой вопрос? — четко и твердо сказала она. — До сих пор вот он, — она кивнула в сторону Экстрёма, — только сделал несколько бездоказательных утверждений. Я не уловила никакого вопроса.

Аника Джаннини подняла взгляд. Она поставила локоть на стол и подперла лицо ладонью, в ее глазах внезапно появился интерес.

Прокурор Экстрём на несколько секунд потерял нить рассуждений.

— Не могли бы вы повторить вопрос? — предложил судья Иверсен.

— Я спросил... поехали ли вы на дачу адвоката Бьюрмана в Сталлархольме с намерением застрелить Карла Магнуса Лундина?

— Нет, вы сказали, что хотите попытаться внести ясность в вопрос, как получилось, что я поехала в Сталлархольм и стреляла в Карла Магнуса Лундина. Это не вопрос. Это общее утверждение, в котором вы предвосхищаете мой ответ. Я не несу ответственности за ваши утверждения.

— Не цепляйтесь к словам. Отвечайте на вопрос.

— Нет.

Молчание.

— Что значит нет?

— Это ответ на вопрос.

Прокурор Рихард Экстрём вздохнул. День явно будет длинным. Лисбет Саландер смотрела на него с ожиданием.

— Пожалуй, лучше начать сначала, — сказал он. — Вы находились на даче покойного адвоката Бьюрмана в Сталлархольме вечером шестого апреля?

— Да.

— Как вы туда добирались?

— Я доехала на электричке до Сёдертелье, а оттуда на автобусе до Стренгнеса.

— Зачем вы поехали в Сталлархольм? Вы договорились встретиться там с Карлом Магнусом Лундином и его другом Сонни Ниеминеном?

— Нет.

— Как получилось, что они там оказались?

— Это надо спросить у них.

— Сейчас я спрашиваю вас.

Лисбет Саландер не ответила.

Судья Иверсен откашлялся.

— Я предполагаю, что фрёкен Саландер не отвечает, потому что вы чисто автоматически вновь высказали утверждение, — любезно предположил Иверсен.

Анника Джаннини вдруг фыркнула достаточно громко, чтобы все могли услышать, но сразу умолкла и снова уткнулась в бумаги. Экстрём посмотрел на нее с раздражением.

— Как вы думаете, почему Лундин с Ниеминеном появились на даче Бьюрмана?

— Этого я не знаю. Я предполагаю, что они поехали туда, чтобы

устроить поджог. У Лундина в седельной сумке «харлей-дэвидсона» имелась бутылка с литром бензина.

Экстрём выпятил губы.

— А зачем вы поехали на дачу адвоката Бьюрмана?

— Я искала информацию.

— Какого рода информацию?

— Ту информацию, которую, вероятно, Лундин с Ниеминеном хотели уничтожить и которая могла внести ясность в вопрос, кто убил подлеца.

— Вы считаете, что адвокат Бьюрман был подлецом? Я вас правильно понял?

— Да.

— А почему вы так считаете?

— Он был садистской свиньей, скотиной и насильником, то есть подлецом.

Она процитировала текст татуировки на животе покойного адвоката Бьюрмана, тем самым косвенно подтвердив свою причастность к ее появлению, однако это в обвинение против Лисбет Саландер не входило. Бьюрман никогда не заявлял в полицию о нанесении ему телесных повреждений, и было невозможно доказать, позволил он сделать татуировку добровольно или же это произошло насильственным путем.

— Иными словами, вы утверждаете, что ваш опекун подвергал вас насилию. Вы могли бы рассказать, когда эти насильственные действия имели место?

— Во вторник восемнадцатого февраля две тысячи третьего года и повторно в пятницу седьмого марта того же года.

— Вы отказывались отвечать на все вопросы следователей, которые пытались вас допрашивать. Почему?

— Мне было нечего им сказать.

— Я прочел вашу так называемую автобиографию, которую несколько дней назад внезапно представила ваш адвокат. Должен сказать, что это странный документ, мы к нему еще вернемся. Но там вы утверждаете, что адвокат Бьюрман в первом случае принудил вас к оральному сексу, а во втором случае в течение целой ночи подвергал вас насилию и жестоким пыткам.

Лисбет не ответила.

— Это верно?

— Да.

— Вы заявили об изнасилованиях в полицию?

— Нет.

— Почему же?

— Когда я в предыдущие разы пыталась им что-нибудь рассказать, полиция меня не слушала. Поэтому заявлять им о чем-либо не имело никакого смысла.

— Вы с кем-нибудь обсуждали эти акты насилия? С какой-нибудь подругой?

— Нет.

— Почему же?

— Потому что это никого не касалось.

— Ладно, а вы обращались к какому-нибудь адвокату?

— Нет.

— Вы обращались к какому-нибудь врачу по поводу нанесенных вам, как вы утверждаете, увечий?

— Нет.

— И вы не обращались ни в какой женский кризисный центр.

— Вы опять высказываете утверждение.

— Простите. Вы обращались в женский кризисный центр?

— Нет.

Экстрём повернулся к председателю суда.

— Я хочу обратить внимание суда на то, что подсудимая сообщила, что дважды подверглась половому принуждению, причем во втором случае исключительно жестокому. Она утверждает, что виновным в этих актах насилия является ее опекун, покойный адвокат Нильс Бьюрман. В то же время данные факты следует рассматривать в свете...

Экстрём стал перебирать свои бумаги.

— В материалах расследования, проведенного отделом по борьбе с насильственными преступлениями, нет никаких данных, которые бы подтверждали достоверность рассказа Лисбет Саландер. Бьюрман никогда не был осужден за какое-либо правонарушение. На него ни разу не подавали заявлений в полицию, и ни в каких расследованиях его имя не упоминалось. Он и раньше был опекуном или наставником у других молодых людей, и никто из них не утверждает, что подвергался каким-либо формам насилия. Напротив, они решительно заявляют, что Бьюрман всегда вел себя с ними дружелюбно и корректно.

Экстрём перевернул страницу.

— Я должен также напомнить, что у Лисбет Саландер диагностировали параноидальную шизофрению. Перед нами молодая женщина с документально подтвержденной склонностью к насилию, у которой уже с раннего подросткового возраста имелись серьезные

проблемы при контактах с обществом. Она несколько лет провела в детской психиатрической клинике и с восемнадцати лет находится под присмотром опекуна. Как ни печально, но это не лишено оснований. Лисбет Саландер представляет опасность для самой себя и окружающих. Я убежден, что в данном случае будет уместно не тюремное заключение, а лечение.

Он сделал краткую паузу.

— Обсуждать умственные способности молодого человека — задача не из приятных. Ведь так легко нарушить неприкосновенность личности, поскольку предметом толкований оказывается психическое состояние. В данном же случае нам надо дать оценку присущему Лисбет Саландер искаженному восприятию мира. Оно со всей наглядностью проявляется в ее так называемой автобиографии. Здесь, как нигде, ясно ощущается полный отрыв подсудимой от реальности. В данном случае нам не требуются какие-либо свидетели или толкования — слова говорят сами за себя. У нас имеются ее собственные слова, и мы в силах сами оценить достоверность ее утверждений.

Его взгляд упал на Лисбет Саландер. Их глаза встретились. Она вдруг улыбнулась. Вид у нее был злобный. Экстрём нахмурил лоб.

— Хочет ли фру Джаннини что-нибудь сказать? — поинтересовался судья Иверсен.

— Нет, — ответила Анника Джаннини. — Только то, что выводы прокурора Экстрёма — полная ерунда.

Послеобеденное заседание началось с допроса свидетельницы Ульрики фон Либенсталь из комитета по надзору за органами опеки и попечительства, которую Экстрём вызвал с целью установить, подавались ли на адвоката Бьюрмана жалобы. Наличие таковых фон Либенсталь резко отрицала и считала подобные утверждения оскорбительными.

— За опекунскими делами ведется строгий контроль. До того как адвоката Бьюрмана столь постыдным образом убили, он выполнял поручения нашего комитета на протяжении почти двадцати лет.

Она посмотрела на Лисбет Саландер уничижительным взглядом, хотя ту в убийстве не обвиняли и уже было установлено, что убил Бьюрмана Рональд Нидерман.

— За все эти годы на адвоката Бьюрмана не поступило ни единой жалобы. Он был добросовестным человеком и часто вкладывал в дела своих подопечных всю душу.

— Значит, вам не кажется правдоподобным, что он мог подвергать Лисбет Саландер грубому сексуальному насилию?

— Я считаю это утверждение абсурдом. У нас имеются ежемесячные отчеты адвоката Бьюрмана, и я неоднократно лично обсуждала с ним данное дело.

— Адвокат Джаннини выдвинула требование незамедлительно освободить Лисбет Саландер от опекуна.

— Никто не радуется больше нашего комитета, когда появляется возможность отменить опекуна. Но, к сожалению, на нас лежит ответственность, означающая, что мы должны следовать действующим правилам. Со стороны комитета мы требуем, чтобы Лисбет Саландер сначала в обычном порядке признала здоровой психиатрическая экспертиза, а потом уже можно ставить вопрос об изменении формы опекуна.

— Понятно.

— Это означает, что ей необходимо пройти психиатрическое обследование, от которого она, как известно, наотрез отказывается.

Допрос Ульрики фон Либенсталь продолжался чуть более сорока минут и сопровождался изучением ежемесячных отчетов Бьюрмана.

Под самый конец допроса Анника Джаннини задала единственный вопрос.

— Вы находились в спальне адвоката Бьюрмана в ночь с седьмого на восьмое марта две тысячи третьего года?

— Разумеется, нет.

— Значит, вы не имеете ни малейшего представления о том, правдивы сведения моей подзащитной или нет?

— Выдвинутое против адвоката Бьюрмана обвинение нелепо.

— Это ваша точка зрения. Вы можете составить ему алиби или каким-то иным образом документально подтвердить, что он не насиловал мою подзащитную?

— Естественно, не могу. Но правдоподобность...

— Спасибо. Это все, — сказала Анника Джаннини.

Около семи часов вечера Микаэль Блумквист встретился с сестрой в офисе «Милтон секьюрити» возле Шлюза, чтобы подвести итоги дня.

— Все было примерно так, как мы и предполагали, — сказала Анника. — Экстрём купился на автобиографию Саландер.

— Отлично. Как она держится?

Аника вдруг рассмеялась.

— Она держится замечательно и предстает законченной психопаткой. Ведет себя совершенно естественно.

— Хм.

— Сегодня речь в основном шла о Сталлархольме. Завтра очередь Госсейбери — допрос сотрудников из технического отдела и тому подобное. Экстрём будет пытаться доказать, что Саландер поехала туда с целью убить отца.

— О'кей.

— Но у нас может возникнуть техническая проблема. Сегодня после обеда Экстрём вызывал Ульрику фон Либенсталь из комитета по надзору за органами опеки и попечительства, и та завела речь о том, что я не имею права представлять Лисбет.

— Как это?

— Она считает, что, поскольку Лисбет объявлена недееспособной, она не имеет права сама выбирать себе адвоката.

— Вот как?

— То есть чисто технически я не могу быть ее адвокатом без одобрения комитета по надзору за органами опеки и попечительства.

— И?

— Судья Иверсен должен завтра утром объявить о своей позиции по данному вопросу. Я с ним наскоро переговорила после окончания судебного заседания. Думаю, он разрешит мне продолжать ее представлять. Я аргументировала тем, что для протестов у комитета имелось три месяца и что несколько самонадеянно выступать с подобным заявлением, когда процесс уже начался.

— На пятницу в качестве свидетеля вызван Телеборьян. Помни, его допрашивать должна ты.

В четверг, изучив калибры и фотографии и выслушав многословные выводы технической экспертизы по поводу произошедшего в Госсейбери, прокурор Экстрём твердо заявил, что все доказательства указывают на намерение Лисбет Саландер разыскать отца с целью его убить. Главный акцент в цепочке доказательств делался на то, что она привезла с собой в Госсейбери стрелковое оружие — польский пистолет «Р-83 ванад».

Тот факт, что Александр Залаченко (согласно рассказу Лисбет Саландер) или, возможно, убийца полицейского Рональд Нидерман (согласно свидетельству, оставленному Залаченко до того, как его убили в Сальгренской больнице), в свою очередь, пытался убить Лисбет Саландер и закопал ее в яме посреди леса, ни в коей мере не смягчал того обстоятельства, что она, выследив отца в Госсейбери, направилась туда с целью лишить его жизни. Ей к тому же почти удалось воплотить замысел в

жизнь, когда она ударила его топором по лицу. Экстрём настаивал на том, чтобы Лисбет Саландер судили за попытку убийства или его подготовку, а также — в любом случае — за нанесение тяжких телесных повреждений.

По словам самой Лисбет Саландер, она поехала в Госсебергу с целью встретиться с отцом и заставить его признаться в убийстве Дага Свенссона и Миа Бергман. Это заявление имело чрезвычайную важность для определения умысла.

Когда Экстрём закончил допрос свидетеля Мелкера Ханссона из технического отдела полиции Гётеборга, адвокат Анника Джаннини задала тому несколько коротких вопросов.

— Господин Ханссон, среди всех полученных вами данных есть ли хоть один факт, опираясь на который вы могли бы уличить Лисбет Саландер во лжи относительно цели ее поездки в Госсебергу? Вы можете доказать, что она отправилась туда с целью убить отца?

Мелкер Ханссон немного подумал.

— Нет, — ответил он под конец.

— Следовательно, вы не можете ничего сказать по поводу ее умысла?

— Не могу.

— Значит, вывод прокурора Экстрёма, пусть красноречивый и многословный, является лишь предположением?

— Думаю, да.

— Лисбет Саландер заявила, что привезла с собой польский пистолет «Р-83 ванад» чисто случайно, поскольку просто не знала, как ей поступить с оружием, отобранном накануне в Сталлархольме у Сонни Ниеминена, и держала его в сумке. Имеется ли среди технических доказательств что-либо, опровергающее это заявление?

— Нет.

— Спасибо, — сказала Анника Джаннини, садясь. За тот час, пока допрашивали Ханссона, она не произнесла больше ни слова.

Биргер Ваденшё покинул квартиру «Секции» на Артиллеригатан около шести часов вечера в четверг. У него было ощущение, что над ним сгущаются грозовые тучи и близится катастрофа. Он уже несколько недель сознавал, что должность директора, то есть руководителя «Секции спецанализов», он занимает лишь по виду, но на деле никто не обращает внимания на его взгляды, протесты и мольбы. Решения принимает исключительно Фредрик Клинтон. Будь «Секция» открытой и публичной структурой, он обратился бы к вышестоящему начальнику и изложил свои претензии. Но в сложившейся ситуации жаловаться было некому. Он

оказался в одиночестве, отданным на милость человека, которого считал психически больным. Самое ужасное, что Клинтон пользовался непререкаемым авторитетом. И сопливые щенки вроде Юнаса Сандберга, и верные работники вроде Георга Нюстрёма — все, казалось, дружно подстроились и подчиняются любому слову этого смертельно больного психа.

Ваденшё признавал, что Клинтон — человек скромный, работающий не ради собственной выгоды, а во благо «Секции», таким, как оно ему представляется. Однако Ваденшё казалось, что вся организация пребывает в свободном падении, под воздействием массового гипноза, при котором бывалые сотрудники отказываются понимать, что каждое их движение, каждое принятое и воплощенное в жизнь решение только приближают к преисподней.

По дороге к Линнегатан, где ему удалось в тот день припарковаться, Ваденшё чувствовал тяжесть в груди. Он отключил сигнализацию, вытащил ключи и уже собирался открыть дверцу машины, когда услышал позади себя какое-то движение и обернулся. Щурясь против света, он несколько секунд вглядывался в стоявшего на тротуаре рослого мужчину, прежде чем сумел его узнать.

— Добрый вечер, господин Ваденшё, — поздоровался Торстен Эдклинт, начальник отдела охраны конституции. — Давненько я не работал на земле, но сегодня мое присутствие показалось мне необходимым.

Ваденшё растерянно посмотрел на стоявших по обеим сторонам Эдклинта полицейских в штатском. Это были Ян Бублански и Маркус Эрландер.

Внезапно он понял, что сейчас произойдет.

— Мне выпала печальная обязанность сообщить вам, что генеральный прокурор решил арестовать вас за целый ряд преступлений, на составление точного перечня которых, вероятно, потребуются недели.

— Что происходит? — возмущенно спросил Ваденшё.

— Происходит то, что вас, с вескими основаниями, арестовывают по подозрению в причастности к убийствам. Вы также подозреваетесь в шантаже, даче взяток, незаконном прослушивании телефонов, в неоднократной грубой подделке документов, в растратах с отягчающими обстоятельствами, в соучастии в проникновении в чужое жилище, в превышении должностных полномочий, в шпионаже и ряде других хороших вещей. Сейчас мы с вами поедem в полицейское управление, где нам никто не помешает, и проведем долгую и серьезную беседу.

— Я никаких убийств не совершал, — задыхаясь, выговорил Ваденшё.

— Следствие разберется.

— Это Клинтон. Это все дело его рук, — сказал Ваденшё.

Торстен Эдклинт удовлетворенно кивнул.

Каждому полицейскому известно, что существуют два классических способа ведения допроса подозреваемого. Злой полицейский и добрый полицейский. Злой полицейский угрожает, ругается, бьет кулаком по столу и ведет себя крайне грубо, чтобы запугать арестованного и таким путем добиться раскаяния и признания. Добрый полицейский — лучше всего этакий сидящий дядя — угощает сигаретами и кофе, ласково кивает и использует рассудительный тон.

Большинству полицейских — но не всем — известно также, что техника допроса доброго полицейского приводит к значительно лучшим результатам. Нахальному закоренелому вору злой полицейский отнюдь не импонирует, а неуверенный в себе любитель, от которого злой полицейский добивается признания запугиванием, скорее всего, сознался бы в любом случае, независимо от техники ведения допроса.

Микаэль Блумквист слушал допрос Биргера Ваденшё из соседней комнаты. Его присутствие стало поначалу предметом споров, но потом Эдклинт решил, что, вероятно, сможет извлечь из наблюдений Микаэля кое-какую пользу.

Микаэль констатировал, что Торстен Эдклинт использовал третий вариант ведения допроса — незаинтересованный полицейский, что в данном случае, похоже, подходило лучше всего. Эдклинт вошел в помещение, разлил в казенные кружки кофе, включил магнитофон и откинулся на спинку кресла.

— Дело в том, что у нас уже имеется против вас весь мыслимый технический арсенал доказательств. Ваши показания интересуют нас лишь в качестве подтверждения того, что нам уже и так известно. Вопрос, на который нам, пожалуй, любопытно было бы получить ответ, — почему? Как вы дошли до такого безумия, что решились начать ликвидировать людей в Швеции так, будто мы находимся в Чили во времена диктатуры Пиночета? Магнитофон работает. Если вы хотите что-нибудь сказать, то сейчас самое время. Если вы откажетесь говорить, я выключу магнитофон, а потом мы снимем с вас галстук, выдернем из ботинок шнурки и поместим вас в следственный изолятор дожидаться адвоката, суда и приговора.

Затем Эдклинт сделал глоток кофе и замолчал. Через две минуты абсолютной тишины он протянул руку и выключил магнитофон. Потом встал.

— Я прослежу за тем, чтобы вас увели в течение пары минут. До свидания.

— Я никого не убивал, — сказал Ваденшё, когда Эдклинг уже открыл дверь.

Эдклинг остановился на пороге.

— Я не заинтересован в том, чтобы вести с вами какие-либо разговоры общего характера. Если вы хотите дать показания, я сяду и включу магнитофон. Все властные структуры Швеции — и особенно премьер-министр — с нетерпением ждут ваших объяснений. Если вы будете говорить, я смогу уже сегодня вечером поехать к премьер-министру и изложить ему вашу версию развития событий. Если же вы рассказывать не станете, то все равно пойдете под суд.

— Садитесь, — сказал Ваденшё.

Все поняли, что он уже сломался. Микаэль вздохнул с облегчением. Вместе с ним здесь находились Моника Фигуэрола, прокурор Рагнхильд Густавссон, анонимный сотрудник СЭПО Стефан и еще двое совершенно неизвестных ему людей. Микаэль подозревал, что по крайней мере один из них представляет министра юстиции.

— Я не имею к убийствам никакого отношения, — повторил Ваденшё, когда Эдклинг снова включил магнитофон.

— К убийствам, — сказал Микаэль Блумквист Монике Фигуэроле. — Их несколько.

— Ш-ш, — откликнулась она.

— Это все Клинтон с Гульбергом. Я ничего не знал об их намерениях. Клянусь. Я был просто в шоке, узнав о том, что Гульберг застрелил Залаченко. Я просто не мог поверить, что это правда... я не мог поверить. А услышав про Бьёрка, я чуть не получил инфаркт.

— Расскажите об убийстве Бьёрка, — предложил Эдклинг, не меняя тона. — Как оно произошло?

— Клинтон кого-то нанял. Как там все было, мне неизвестно, но его убили два югослава. Серба, если я не ошибаюсь. Задание им давал и расплачивался с ними Георг Нюстрём. Как только я обо всем узнал, я понял, что дело кончится катастрофой.

— Давайте начнем с начала, — сказал Эдклинг. — Когда вы приступили к работе в «Секции»?

Когда Ваденшё начал рассказывать, его было уже не остановить. Допрос продолжался почти пять часов.

Пятница, 15 июля

В пятницу утром место для свидетелей занял доктор Петер Телеборьян. Его речь, безусловно, внушала доверие. Прокурор Экстрём допрашивал его почти девяносто минут, и Телеборьян отвечал на все вопросы спокойно и со знанием дела. Его лицо периодически выражало озабоченность, а периодически — живой интерес.

— Чтобы суммировать... — сказал Экстрём, перелистывая свои записи. — Вы, как психиатр с многолетним опытом, считаете, что Лисбет Саландер страдает параноидальной шизофренией?

— Я все время подчеркиваю, что дать точную оценку ее состояния крайне сложно. Пациентка, как известно, проявляет почти аутизм по отношению к врачам и представителям власти. Я считаю, что она страдает тяжелым психическим заболеванием, но поставить точный диагноз я в настоящий момент не могу. Без обстоятельного обследования я также не могу определить, в какой стадии психоза она пребывает.

— Но вы в любом случае считаете, что она психически нездорова.

— Вся ее история красноречиво свидетельствует о том, что это так.

— Вы имели возможность ознакомиться с так называемой «автобиографией», которую Лисбет Саландер сочинила и представила суду в качестве объяснений. Как бы вы могли ее прокомментировать?

Петер Телеборьян развел руками и пожал плечами.

— А как вы оцениваете достоверность рассказанного?

— О достоверности даже и говорить не приходится. Там имеется ряд утверждений по поводу разных людей, и одна история фантастичнее другой. В целом ее письменное объяснение только усугубляет подозрения, что она страдает параноидальной шизофренией.

— Вы можете привести какой-нибудь пример?

— Описание изобилует деталями и являет собой классический пример гротескных фантазий, свойственных детям. Существует множество аналогичных документов из широко известных дел об инцестах, когда ребенок представлял описание, опирающееся на собственный вымысел, при полном отсутствии технических доказательств. То есть даже очень маленькие дети способны предаваться эротическим фантазиям и говорят об этом так, словно пересказывают фильм ужасов, который видели по

телевидению.

— Но ведь Лисбет Саландер не ребенок, а взрослая женщина, — возразил Экстрём.

— Да, и остается только установить, на каком именно уровне умственного развития она находится. Однако по сути вы правы. Она взрослая и, вероятно, верит в то описание, которое представила.

— Вы полагаете, что это ложь?

— Нет, если она верит в то, что говорит, это не ложь. Перед нами доказательства того, что Лисбет Саландер не в силах отличить фантазию от реальности.

— Значит, адвокат Бьюрман не совершал над ней никакого насилия?

— Да. Правдоподобность такого утверждения равна нулю. Ей требуется квалифицированная медицинская помощь.

— Вы сами фигурируете в рассказе Лисбет Саландер...

— Да, это несколько пикантно. Но здесь мы опять-таки наблюдаем, что она дает волю своей фантазии. Если верить этой несчастной девушке, то я чуть ли не педофил... — Он улыбнулся и продолжил: — Но это лишь отражение того, о чем я все время говорю. Из биографии Саландер мы узнаем, что в клинике Святого Стефана ее истязали, большую часть времени держа привязанной к кровати ремнями, и что я приходил к ней в палату по ночам. Это классический пример проявления ее неспособности толковать действительность или, вернее, того, как она истолковывает действительность.

— Спасибо. Я передаю слово защите, если у фру Джаннини имеются какие-либо вопросы.

Поскольку в первые два дня судебного процесса Анника Джаннини почти не задавала вопросов и не высказывала возражений, все ожидали, что она вновь ограничится несколькими обязательными вопросами и затем прекратит допрос. «Защита ведется до неловкости слабо», — подумал Экстрём.

— Да. Имеются, — сказала Анника Джаннини. — У меня действительно есть ряд вопросов, и боюсь, что дело может несколько затянуться. Сейчас уже половина двенадцатого. Я предлагаю сделать перерыв на ланч, чтобы я потом смогла допрашивать свидетеля, не прерываясь.

Судья Иверсен решил пойти навстречу ее пожеланию.

Ровно в 12.00 перед рестораном «Мастер Андерс» на Хантверкаргатан Курт Свенссон опустил свою могучую руку на плечо комиссара Георга

Нюстрёма. Курта сопровождали двое полицейских в форме. Нюстрём с изумлением поднял взгляд на незнакомца, сунувшего ему под нос удостоверение.

— Добрый день. Вы арестованы по подозрению в причастности к убийствам и попыткам убийства. Пункты обвинения будут вам зачитаны генеральным прокурором во время оглашения постановления о взятии под стражу сегодня во второй половине дня. Предлагаю вам пройти с нами добровольно, — сказал Курт Свенссон.

Георг Нюстрём, казалось, не понимал языка, на котором к нему обратились, но решил, что Курт Свенссон явно относится к тем людям, за кем лучше идти без лишних протестов.

Инспектор уголовной полиции Ян Бублански прибыл в сопровождении Сони Мудиг и семи полицейских в форме. Ровно в 12.00 сотрудник отдела охраны конституции Стефан Блад впустил их в закрытый отсек владений Службы государственной безопасности на Кунгсхольмене. Они прошли по коридору и остановились возле указанного Стефаном кабинета. Секретарь начальника канцелярии явно впал в полную растерянность, когда Бублански предъявил ему свое полицейское удостоверение.

«Пожалуйста, оставайтесь на месте. Проводится полицейская операция».

Он решительно проследовал к внутренней двери и вошел, заставив начальника канцелярии Альберта Шенке прервать телефонный разговор на середине.

— Что происходит? — поинтересовался Шенке.

— Я инспектор уголовной полиции Ян Бублански. Вы арестованы за преступления против шведской конституции. Во второй половине дня вас познакомят с длинным перечнем отдельных пунктов обвинения.

— Это неслыханно, — сказал Шенке.

— Да, безусловно, — согласился Бублански.

Он велел опечатать кабинет Шенке и поставил перед дверьми двух полицейских, приказав им никого не впускать. Если бы кто-нибудь попытался прорваться в кабинет силой, им разрешалось применять дубинки и даже табельное оружие.

Процессия двинулась дальше по коридору, пока Стефан не указал на еще одну дверь, и вся процедура вновь повторилась с финансовым директором Густавом Аттербумом.

Йеркер Хольмберг, сопровождаемый патрулем полиции Сёдермальма,

ровно в 12.00 заколотил в дверь временного офиса на третьем этаже здания, расположенного через дорогу от редакции «Миллениума» на Гётгатан.

Поскольку никто не открывал, Йеркер Хольмберг приказал полицейским ломать дверь, но не успели они взяться за лом, как дверь приоткрылась.

— Полиция, — сказал Йеркер Хольмберг. — Выходите с поднятыми руками.

— Я полицейский, — возразил инспектор полиции Йоран Мортенссон.

— Знаю. И у вас имеются лицензии на чертову массу стрелкового оружия.

— Да, но я полицейский при исполнении служебных обязанностей.

— Плевать я на это хотел, — ответил Йеркер Хольмберг.

Ему помогли прислонить Мортенссона к стене и отобрать у него табельное оружие.

— Вы арестованы за незаконное прослушивание телефонов, грубые нарушения должностной инструкции, неоднократные вторжения в квартиру журналиста Микаэля Блумквиста на Бельмансгатан и, вероятно, по еще ряду пунктов обвинения. Наденьте ему наручники.

Йеркер Хольмберг быстро проверил офис и обнаружил там оборудование, которого хватило бы для студии звукозаписи. Одного полицейского он оставил охранять офис, велел неподвижно сидеть на стуле, не оставляя нигде отпечатков пальцев.

Когда Мортенссона выводили из парадной, Хенри Кортес поднял цифровую камеру «Никон» и сделал серию из двадцати двух фотографий. Правда, профессиональным фотографом он не был, и качество снимков оставляло желать лучшего. Тем не менее пленка была на следующий день продана одной из вечерних газет просто за баснословную сумму.

Единственный за время облавы этого дня не предусмотренный планом инцидент произошел у Моники Фигуэролы. Имея при себе группу поддержки в составе полицейского пикета Норрмальма и трех коллег из ГПУ/Без, она ровно в 12.00 вошла в парадную на Артиллеригатан и поднялась по лестнице в квартиру на последнем этаже, принадлежавшую фирме «Беллона».

Операция планировалась в очень сжатые сроки. Как только силы подтянулись к двери в квартиру, Моника дала сигнал. Двое крепких полицейских подняли сорокакилограммовое стальное стенобитное орудие и двумя точными ударами вынесли дверь. После этого силы пикета, снабженные бронежилетами и дополнительным оружием, заняли квартиру

примерно за десять секунд.

Согласно данным наблюдения, проводившегося с самого рассвета, за утро в квартиру проследовало пять человек, считавшихся сотрудниками «Секции». Всех пятерых захватили в течение нескольких секунд и заковали в наручники.

Одетая в бронезилет Моника Фигуэрола прошла по квартире, которая с 60-х годов служила «Секции» ставкой командования, распахивая дверь за дверью, и после беглого осмотра пришла к выводу, что для сортировки множества бумаг, заполнявших комнаты, ей потребуется помощь археолога.

Буквально через несколько секунд Моника открыла дверь в небольшое помещение в глубине квартиры и обнаружила, что оно использовалось как место ночного отдыха. Здесь она внезапно оказалась лицом к лицу с Юнасом Сандбергом. Во время распределения заданий утром еще никто не знал, где его можно будет найти и арестовать, поскольку приставленный к нему наблюдатель накануне вечером упустил его из виду; машина Сандберга стояла на стоянке на Кунгсхольмене, и у себя дома он в течение ночи не показывался.

Они на ночь не оставляют квартиру пустой из соображений безопасности. Естественно. И Сандберг отсыпается после ночного дежурства.

Юнас Сандберг был в одних трусах и выглядел заспанным. Он потянулся к лежавшему на тумбочке табельному оружию, но Моника Фигуэрола наклонилась вперед и смахнула пистолет на пол, подальше от владельца.

— Юнас Сандберг, вы задержаны по подозрению в причастности к убийствам Гуннара Бьёрка и Александра Залаченко, а также за участие в покушении на убийство Микаэля Блумквиста и Эрики Бергер. Наденьте брюки.

Замахнувшись, Юнас Сандберг попытался ударить Моника Фигуэролу кулаком, но та парировала удар чуть ли не рефлекторным движением.

— Шутить изволите? — спросила она.

Ухватив его за руку, Моника с такой силой вывернула ему запястье, что Сандберг попятился и осел на пол. Она перевернула его на живот, придавила коленом крестец и лично надела на него наручники. С момента начала работы в ГПУ/Без ей впервые довелось по долгу службы воспользоваться наручниками.

Передав Сандберга одному из полицейских, Моника Фигуэрола двинулась дальше и в конце концов открыла последнюю дверь в самой глубине квартиры. Согласно полученным в бюро жилищного планирования

чертежам, там находилась маленькая каморка с окном во двор. Застыв на пороге, Моника глядела на самое исхудавшее огородное пугало, какое ей когда-либо доводилось видеть. Она ни секунды не сомневалась, что перед ней смертельно больной человек.

— Фредрик Клинтон, вы арестованы за участие в убийствах, покушениях на убийства и целый ряд других преступлений, — сказала она. — Лежите, не шевелясь. Мы вызвали машину «скорой помощи», чтобы доставить вас на Кунгсхольмен.

Кристер Мальм расположился непосредственно против выхода на Артиллеригатан. В отличие от Хенри Кортеса, он со своей цифровой камерой «Никон» обращаться умел. Он использовал короткий телеобъектив, и снимки получились профессионального уровня.

Они запечатлели, как членов «Секции» одного за другим выводили из парадной и помещали в полицейские машины и как «скорая помощь» забирала Фредрика Клинтона. Последний даже взглянул в объектив камеры, и именно в этот миг Кристер нажал на кнопку. В глазах Клинтона читались тревога и отчаяние.

Позднее этот снимок получил премию как лучшая фотография года.

Пятница, 15 июля

В 12.30 судья Иверсен постучал по столу молотком и объявил, что судебное разбирательство возобновляется. Он не мог не отметить, что за столом Анники Джаннини внезапно появился третий человек — Хольгер Пальмгрен, сидящий в инвалидном кресле.

— Здравствуйте, Хольгер, — сказал судья Иверсен. — Давненько я не видел вас в зале суда.

— Добрый день, судья Иверсен. Некоторые дела столь сложны, что юниорам требуется некоторая помощь.

— Я думал, что вы прекратили адвокатскую практику.

— Я болел. Но адвокат Джаннини пригласила меня в качестве помощника по этому делу.

— Ясно.

Анника Джаннини откашлялась.

— Следует добавить, что Хольгер Пальмгрен многие годы представлял интересы Лисбет Саландер.

— Я не намерен заострять на этом вопросе внимание, — сказал судья Иверсен.

Он кивком показал Аннике Джаннини, что можно начинать. Она встала. Ей всегда не нравилась странная шведская привычка вести судебное разбирательство в неофициальном тоне, интимным кружком сидя у стола, словно это чуть ли не званый ужин. Она чувствовала себя гораздо более уверенно, если могла говорить стоя.

— Полагаю, мы можем начать с заключительных комментариев утреннего заседания. Господин Телеборьян, почему вы последовательно отвергаете все высказывания Лисбет Саландер?

— Потому что они, несомненно, далеки от истины, — ответил Петер Телеборьян.

Он чувствовал себя спокойно и расслабленно. Анника Джаннини кивнула и обратилась к судье Иверсену.

— Господин судья, Петер Телеборьян утверждает, что Лисбет Саландер лжет и фантазирует. Сейчас защита продемонстрирует, что каждое слово автобиографии Лисбет Саландер правда. Мы представим доказательства — в виде письменной документации, видеозаписей и

свидетельских показаний. Мы дошли в данном судебном разбирательстве до того момента, когда прокурор изложил основные положения, на которых строится обвинение. Мы его выслушали и теперь знаем, что именно инкриминируют Лисбет Саландер.

У Анники Джаннини вдруг пересохло во рту, и она почувствовала, что у нее дрожат руки. Она сделала глубокий вдох и выпила глоток минеральной воды. Потом крепко взялась за спинку кресла руками, чтобы они не выдавали ее волнения.

— Из представления прокурора можно сделать вывод о том, что у него имеется много суждений, но очень мало доказательств. Он считает, что Лисбет Саландер стреляла в Карла Магнуса Лундина в Сталлархольме. Он утверждает, что она отправилась в Госсебергу с целью убить своего отца. Он полагает, что моя подзащитная страдает параноидальной шизофренией и является во всех отношениях психически больной. И такое предположение базируется у него на сведениях, полученных из одного-единственного источника, а именно от доктора Петера Телеборьяна.

Анника сделала паузу, перевела дух и постаралась говорить помедленнее.

— Доказательная база такова, что иск прокурора держится исключительно на мнениях Петера Телеборьяна. Если он прав, все прекрасно: тогда моей подзащитной необходимо квалифицированное психиатрическое лечение, которого они с прокурором для нее добиваются.

Пауза.

— Но если доктор Телеборьян ошибается, положение вещей сразу меняется. А если он к тому же лжет сознательно, то речь идет о том, что моя подзащитная тем самым подвергается правонарушениям — противозаконным действиям, продолжающимся уже многие годы.

Она обратилась к Экстрёму.

— В течение этого заседания мы докажем, что ваш свидетель ошибается и что вы как прокурор поддались на обман и купились на ложные выводы.

Петер Телеборьян насмешливо заулыбался, развел руками и пригласительно кивнул Аннике Джаннини. Та снова обратилась к судье Иверсену.

— Господин судья, я продемонстрирую, что так называемая судебно-психиатрическая экспертиза Петера Телеборьяна от начала до конца является блефом. Я покажу, что он намеренно лжет относительно Лисбет Саландер. Я продемонстрирую, что моя подзащитная подвергалась грубым правонарушениям. И докажу, что она столь же разумна, как любой другой

из сидящих в этом зале.

— Простите, но... — начал Экстрём.

— Минутку. — Она подняла палец. — Я не мешала вам спокойно высказываться в течение двух дней. Теперь моя очередь.

Она вновь обратилась к судье Иверсену.

— Я не стала бы выдвигать перед лицом суда столь серьезных обвинений, не будь у меня веских доказательств.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал Иверсен. — Но я не желаю слушать неподкрепленных рассуждений о заговорах. Помните, что за высказанные в суде утверждения вас могут обвинить в посягательстве на честь и достоинство.

— Спасибо. Я буду об этом помнить.

Она обратилась к Телеборьяну, которого, похоже, по-прежнему веселила эта ситуация.

— Защита неоднократно просила дать ей возможность познакомиться с журналом Лисбет Саландер того времени, когда она в раннем подростковом возрасте находилась взаперти у вас в клинике Святого Стефана. Почему нам не предоставили этот журнал?

— Потому что, по решению суда, на него наложен гриф секретности. Решение было принято в порядке проявления заботы о Лисбет Саландер, но если вышестоящий суд отменит это решение, я, разумеется, предоставлю вам журнал.

— Спасибо. Сколько ночей в течение двух лет, проведенных в клинике Святого Стефана, она пролежала привязанной ремнями?

— Я с ходу точно сказать не могу.

— Она утверждает, что речь идет о трехстах восьмидесяти из семисот восьмидесяти шести суток, которые она провела в этой больнице.

— Я не могу сейчас точно указать количество дней, но это, конечно, преувеличение. Откуда взялась такая цифра?

— Из ее автобиографии.

— И вы полагаете, что она сейчас может точно вспомнить каждую ночь, проведенную в ремнях? Это же невозможно.

— Неужели? А сколько ночей помнится вам?

— Лисбет Саландер была очень агрессивной и склонной к насилию пациенткой, и ее, безусловно, приходилось в ряде случаев помещать в палату, свободную от раздражителей. Может, мне следует объяснить предназначение подобных палат...

— Спасибо, в этом нет необходимости. Теоретически в такой палате пациент не получает никаких чувственных впечатлений, способных

вызвать беспокойство. Сколько суток тринадцатилетняя Лисбет Саландер пролежала в такой палате привязанной ремнями?

— Речь может идти... навскидку, где-то о тридцати случаях за все время ее пребывания в больнице.

— Тридцать. Это ведь лишь маленькая часть от трехсот восьмидесяти случаев, о которых она говорит.

— Безусловно.

— Меньше десяти процентов от указанной ею цифры.

— Да.

— А ее журнал мог бы дать нам более точные данные?

— Возможно.

— Отлично, — сказала Анника Джаннини, извлекая из портфеля солидную пачку бумаг. — Тогда я хотела бы передать суду копию журнала Лисбет Саландер из больницы Святого Стефана. Я подсчитала записи о пристегивании ремнями, и у меня получилась цифра триста восемьдесят один, то есть даже больше, чем утверждает моя подзащитная.

Глаза Петера Телеборьяна расширились.

— Остановитесь... эта информация засекречена. Откуда вы взяли журнал?

— Я его получила от одного журналиста из журнала «Миллениум». То есть этот документ больше не является тайной, он просто валяется у них в редакции. Мне, возможно, следует сказать, что выдержки из него публикуются в номере «Миллениума», который выходит сегодня. Поэтому я считаю, что суду тоже следует дать возможность на него взглянуть.

— Это незаконно...

— Нет. Лисбет Саландер дала согласие на публикацию выдержек. Моей подзащитной нечего скрывать.

— Ваша подзащитная признана недееспособной и не имеет права самостоятельно принимать подобные решения.

— К признанию ее недееспособной мы еще вернемся. Но сперва разберемся с тем, что с ней происходило в клинике Святого Стефана.

Судья Иверсен нахмурил брови и принял протянутый Анникой Джаннини журнал.

— Для прокурора я копии делать не стала. С другой стороны, он получил эти документы, подтверждающие нарушение прав личности, еще месяц назад.

— Каким образом? — поинтересовался Иверсен.

— Прокурор Экстрём получил копию этого засекреченного журнала от Телеборьяна во время совещания у него в кабинете в субботу четвертого

июня этого года, в семнадцать ноль-ноль.

— Это правда? — спросил Иверсен.

Первым побуждением прокурора Экстрёма было все отрицать, но потом он подумал, что у Анники Джаннини могут быть доказательства.

— Я попросил разрешения прочесть журнал, при условии соблюдения служебной тайны, — признался Экстрём. — Мне требовалось убедиться в том, что история, поведанная Саландер, соответствует действительности.

— Спасибо, — сказала Анника Джаннини. — Следовательно, мы получили подтверждение тому, что доктор Телеборьян не только распространяет ложные сведения, но еще и преступил закон, выдав журнал, который, по его собственному утверждению, имеет гриф секретности.

— Мы берем это на заметку, — сказал Иверсен.

Судья Иверсен вдруг насторожился. Анника Джаннини только что весьма необычным образом жестко атаковала свидетеля и уже свела на нет важную часть его показаний. И она утверждает, что может документально подтвердить все свои заявления. Иверсен поправил очки.

— Доктор Телеборьян, можете ли вы, исходя из написанного вами собственноручно журнала, ответить мне, сколько суток Лисбет Саландер пролежала привязанной ремнями?

— Я совершенно не помню, чтобы цифра была столь значительной, но раз в журнале так сказано, я должен этому верить.

— Триста восемьдесят одни сутки. Разве такая цифра не носит исключительный характер?

— Да, необычно много.

— Если бы вам было тринадцать лет и кто-нибудь больше года держал бы вас привязанным кожаными ремнями к кровати со стальным каркасом, как бы вы это восприняли? Как пытку?

— Вы должны понимать, что пациентка представляла опасность для самой себя и окружающих...

— О'кей. Представляла опасность для самой себя — Лисбет Саландер когда-нибудь причиняла себе вред?

— Существовали такие опасения...

— Я повторяю вопрос: Лисбет Саландер когда-нибудь причиняла себе вред? Да или нет?

— Как психиатры мы обязаны учиться истолковывать картину в комплексе. Что касается Лисбет Саландер, вы можете, к примеру, увидеть на ее теле множество татуировок и колец, что тоже является

самодеструктивным поведением и способом повредить себе тело. Мы можем трактовать это как проявление самоненависти.

Анника Джаннини обратилась к Лисбет Саландер:

— Ваши татуировки являются проявлением самоненависти?

— Нет, — ответила Лисбет Саландер.

Анника Джаннини снова обратилась к Телеборьяну.

— Значит, вы считаете, что раз я ношу серьги и тоже имею татуировку на в высшей степени интимном месте, то я представляю для себя опасность?

Хольгер Пальмгрен фыркнул, но обратил фыркание в кашель.

— Нет, не так... татуировки могут быть и частью некоего социального ритуала.

— Следовательно, вы считаете, что случай Лисбет Саландер под понятие социального ритуала не подпадает?

— Вы же сами видите, что ее татуировки гротескны и покрывают значительные части тела. Это не просто проявление фетишизма в плане красоты или украшательства тела.

— Сколько процентов?

— Простите?

— При скольких процентах татуированной поверхности тела это перестает быть фетишизмом украшательства и переходит в некое психическое заболевание?

— Вы извращаете мои слова.

— Разве? Как же получается, что, применительно ко мне или другим молодым людям это является, по вашему мнению, частью вполне приемлемого социального ритуала, и в то же время засчитывается в минус моей подзащитной при оценке ее психического состояния?

— Будучи психиатром, я, как уже говорилось, обязан рассматривать картину в комплексе. Татуировки — это лишь сигнал, один из многих сигналов, которые я должен принимать во внимание при оценке ее состояния.

Анника Джаннини несколько секунд помолчала, пристально глядя на Петера Телеборьяна. Потом неторопливо заговорила:

— Но, доктор Телеборьян, вы начали привязывать мою подзащитную ремнями в двенадцать лет, когда ей еще только должно было исполниться тринадцать. В то время у нее не имелось ни единой татуировки, не так ли?

Петер Телеборьян на несколько секунд замешкался. Слово снова взяла Анника.

— Думаю, вы привязывали ее ремнями не потому, что предвидели, что

она в будущем собирается делать себе татуировки.

— Разумеется, нет. К ее состоянию в девяносто первом году татуировки отношения не имеют.

— Тем самым мы возвращаемся к моему исходному вопросу. Причиняла ли когда-либо Лисбет Саландер себе такой вред, который мог послужить основанием для того, чтобы держать ее связанной в течение целого года? Может быть, она резала себя ножом, или бритвой, или чем-либо подобным?

У Петера Телеборьяна на секунду сделался неуверенный вид.

— Нет, но у нас имелись основания полагать, что она представляет для себя опасность.

— Основания полагать. Вы хотите сказать, что связывали ее, поскольку что-то предвидели...

— Мы производим оценку ситуации.

— Я уже примерно пять минут задаю тот же самый вопрос. Вы утверждаете, что самодеструктивное поведение моей подзащитной явилось причиной того, что за те два года, пока она находилась у вас на излечении, вы больше года продержали ее связанной. Не будете ли вы так добры наконец привести мне пример ее самодеструктивного поведения в двенадцатилетнем возрасте.

— Девочка, например, пребывала в стадии крайнего истощения. Это было, в частности, результатом того, что она отказывалась есть. Мы подозревали у нее анорексию. Нам неоднократно приходилось кормить ее насильно.

— С чем это было связано?

— Естественно, с тем, что она отказывалась есть.

Анника Джаннини обратилась к своей подзащитной:

— Лисбет, вы действительно отказывались есть в клинике Святого Стефана?

— Да.

— Почему?

— Потому что этот подлец подмешивал мне в еду психотропные средства.

— Вот как. То есть доктор Телеборьян пытался давать вам лекарства. Почему вы не хотели их принимать?

— Мне не нравились лекарства, которые мне давали. Я от них тупела. Не могла думать и на большую часть дня теряла сознание. Это было неприятно. А подлец отказывался сообщать мне, что эти психотропные средства содержат.

— Значит, вы отказывались принимать лекарства?

— Да. Тогда он начал пихать эту мерзость мне в еду. Поэтому я прекратила есть. Каждый раз, когда мне что-нибудь подмешивали в еду, я отказывалась есть в течение пяти дней.

— Значит, вы оставались голодной?

— Не всегда. Несколько санитаров иногда потихоньку приносили мне бутерброды. Особенно один санитар частенько приносил мне еду поздно ночью. Такое случалось много раз.

— То есть вы хотите сказать, что персонал больницы понимал, что вам хотелось есть, и приносил еду, чтобы вы не голодали?

— Это было в тот период, когда я воевала с подлецом из-за психотропных средств.

— Значит, для отказа от еды имелась совершенно рациональная причина?

— Да.

— Следовательно, это не было вызвано тем, что вам не хотелось есть?

— Не было. Я часто чувствовала себя голодной.

— Можно ли утверждать, что между вами и доктором Телеборьяном возник конфликт?

— Да, можно.

— Вы попали в клинику Святого Стефана, потому что полили отца бензином и подожгли.

— Да.

— Почему вы это сделали?

— Потому что он избивал мою мать.

— Вы это кому-нибудь объясняли?

— Да.

— Кому же?

— Я все рассказала полицейским, которые меня допрашивали, социальной комиссии, комитету по делам детей и молодежи, врачам, пастору и подлецу.

— Под подлецом вы имеете в виду?..

— Вот его.

Она указала на доктора Петера Телеборьяна.

— Почему вы называете его подлецом?

— Когда я только попала в клинику Святого Стефана, я пыталась объяснить ему, что произошло.

— И что сказал доктор Телеборьян?

— Он не захотел меня слушать. Он утверждал, что я фантазирую, и в

наказание велел привязывать меня к кровати, пока я не прекращу фантазировать. А потом он пытался пичкать меня психотропными средствами.

— Это чушь, — сказал Петер Телеборьян.

— И поэтому вы с ним не разговариваете?

— Я не сказала ему ни слова с той ночи, когда мне исполнилось тринадцать. Тогда я тоже лежала связанной. Это был мой подарок самой себе на день рождения.

Анника Джаннини снова обратилась к Телеборьяну:

— Доктор Телеборьян, похоже, что причиной отказа моей подзащитной от еды было то, что она не соглашалась принимать психотропные средства, которые вы ей давали.

— Возможно, что она это воспринимает именно так.

— А как это воспринимаете вы?

— У меня имелась чрезвычайно сложная пациентка. Я утверждаю, что ее поведение свидетельствовало о наличии угрозы по отношению к самой себе, но, возможно, это вопрос толкования. Зато она буйствовала и демонстрировала психотическое поведение. Нет никакого сомнения в том, что она представляла опасность для окружающих. Она ведь попала к нам в больницу из-за того, что пыталась убить отца.

— К этому мы еще вернемся. Вы отвечали за ее лечение в течение двух лет. При этом триста восемьдесят один день вы продержали ее связанной ремнями. Не может ли быть, что вы использовали ремни в качестве наказания, когда моя подзащитная отказывалась вам подчиняться?

— Это чистейший нонсенс.

— Неужели? Я вижу, что, согласно журналу пациентки, ее в основном привязывали ремнями в первый год, на который приходится триста двадцать случаев из трехсот восьмидесяти одного. Почему ее перестали связывать?

— Пациентка развивалась и становилась более гармоничной.

— А не в том ли дело, что другие сотрудники больницы сочли ваши меры излишне жестокими?

— Что вы имеете в виду?

— Разве персонал не подавал жалоб, в частности, на насильственное кормление Лисбет Саландер?

— Вполне естественно, что ситуацию можно оценивать по-разному. Тут нет ничего необычного. Но кормить ее насильно было затруднительно, поскольку она оказывала яростное сопротивление...

— Поскольку отказывалась принимать психотропные средства,

делавшие ее тупой и пассивной. Она ела без проблем, когда ее не накачивали наркотиками. Разве лечение не пошло бы успешнее, не начали вы сразу применять насильственные меры?

— Прошу прощения за прямоту, фру Джаннини. Но я все-таки врач. Я подозреваю, что моя медицинская компетентность несколько выше вашей. Уж предоставьте мне решать, какие медицинские меры следует применять.

— Вы правы, доктор Телеборьян, я не врач. Однако я здесь не полностью некомпетентна. Наряду со званием адвоката у меня имеется законченное психологическое образование, полученное в Стокгольмском университете. В моей профессии эти знания необходимы.

В зале суда воцарилась полная тишина. Экстрём с Телеборьяном растерянно уставились на Аннику Джаннини, а она неумолимо продолжала:

— Разве не правда, что ваши методы лечения моей подзащитной привели потом к сильным противоречиям между вами и вашим руководителем, тогдашним главным врачом Юханнесом Кальдином?

— Нет... это неправда.

— Юханнеса Кальдина уже несколько лет как нет в живых, и он не может свидетельствовать на данном процессе. Но у нас в суде присутствует человек, неоднократно встречавшийся с главным врачом Кальдином, — мой помощник Хольгер Пальмгрен.

Она обратилась к нему:

— Вы могли бы рассказать, как это получилось?

Хольгер Пальмгрен откашлялся. Он по-прежнему страдал от последствий инсульта, и ему приходилось прилагать усилия, чтобы говорить разборчиво.

— Меня назначили наставником Лисбет, когда ее отец нанес столь тяжкий вред здоровью матери, что та стала инвалидом и больше не смогла заниматься дочерью. Она получила неизлечимые повреждения головного мозга, и у нее неоднократно делались кровоизлияния в мозг.

— Вы говорите об Александре Залаченко?

Прокурор Экстрём с пристальным вниманием наклонился вперед.

— Совершенно верно, — ответил Пальмгрен.

Экстрём кашлянул.

— Попрошу отметить, что мы касаемся темы, подлежащей строжайшей секретности.

— То, что Александр Залаченко в течение ряда лет жестоко избивал мать Лисбет Саландер, едва ли является тайной, — сказала Анника Джаннини.

Петер Телеборьян поднял руку.

— Дело обстоит не совсем так просто, как его представляет фру Джаннини.

— Что вы хотите сказать?

— Нет сомнения в том, что Лисбет Саландер стала свидетелем семейной трагедии, приведшей в девяносто первом году к причинению тяжкого вреда здоровью. Однако нет никаких документов, подтверждающих, что такое положение дел продолжалось в течение многих лет, как утверждает фру Джаннини. Это мог быть единичный случай или вышедшая из-под контроля ссора. По правде говоря, отсутствуют даже документы, подтверждающие, что мать Саландер избил именно господин Залаченко. Мы располагаем сведениями, что она занималась проституцией, и избить ее вполне могли другие лица.

Анника Джаннини посмотрела на Петера Телеборьяна с изумлением и даже, казалось, на краткий миг лишилась дара речи. Потом ее взгляд вновь стал сосредоточенным.

— Вы не могли бы развить эту мысль? — попросила она.

— Я хочу сказать, что на самом деле у нас имеются только утверждения Лисбет Саландер.

— И?

— Во-первых, сестер было двое. Сестра Лисбет, Камилла Саландер, таких утверждений никогда не высказывала. Она отрицала, что подобное имело место. Во-вторых, если бы действительно произошло избиение таких масштабов, как заявляет ваша подзащитная, оно бы, естественно, нашло отражение в отчетах социальных комиссий и тому подобном.

— Можем ли мы ознакомиться с каким-нибудь допросом Камиллы Саландер?

— С допросом?

— Имеются ли у вас какие-либо документы, показывающие, что Камиллу Саландер вообще спрашивали о происшедшем у них дома?

При упоминании имени сестры Лисбет Саландер вдруг заерзала и покосилась на Аннику Джаннини.

— Я предполагаю, что социальная служба проводила расследование...

— Вы только что заявили, что Камилла Саландер никогда не утверждала того, что Александр Залаченко избивал их мать, и, напротив, это отрицала. Это категоричное высказывание. Откуда у вас такие сведения?

Петер Телеборьян вдруг на несколько секунд замолчал. Анника

Джаннини заметила, как изменилось выражение его глаз, когда он понял, что совершил ошибку. Он понимал, куда она метит, но уклониться от ответа было невозможно.

— Насколько я помню, это выяснилось из материалов полицейского расследования, — в конце концов выдал он.

— Насколько вы помните... А я вот изо всех сил искала полицейское расследование по поводу событий на Лундагатан, когда Александр Залаченко получил тяжелые ожоги. Единственным доступным документом оказался немногословный отчет, написанный полицией на месте происшествия.

— Возможно...

— Поэтому мне хотелось бы знать, как получилось, что вы читали материалы полицейского расследования, недоступные для защиты?

— На это вопрос я ответить не могу, — сказал Телеборьян. — Мне дали с ними ознакомиться, когда я в девяносто первом году проводил судебно-психиатрическую экспертизу Лисбет Саландер после покушения на жизнь отца.

— А прокурор Экстрём знакомился с этим отчетом?

Экстрём заерзал и схватился за бородку. Он уже понял, что недооценил Аннику Джаннини. Вместе с тем врать ему было незачем.

— Да, знакомился.

— Почему же этот материал оказался недоступным для защиты?

— Я счел, что он не представляет для суда интереса.

— Будьте добры, расскажите мне, как к вам попали эти документы. Когда я обратилась в полицию, мне сообщили, что такого отчета не существует.

— Расследование проводилось Службой государственной безопасности. Оно имеет гриф секретности.

— Неужели Служба безопасности занималась расследованием грубого избиения женщины и решила поставить на отчете гриф секретности?

— Это связано с личностью виновника... Александра Залаченко. Он был политическим беженцем.

— Кто проводил расследование?

Молчание.

— Я не слышу ответа. Чье имя значилось на титульном листе?

— Расследование проводил Гуннар Бьёрк из отдела ГПУ/Без по работе с иностранцами.

— Спасибо. Это тот же Гуннар Бьёрк, который, как утверждает моя подзащитная, совместно с Петером Телеборьяном сфальсифицировал ее

судебно-психиатрическую экспертизу девяносто первого года?

— Полагаю, да.

Анна Джаннини вновь обратила свое внимание на Петера Телеборьяна.

— В девяносто первом году суд постановил запереть Лисбет Саландер в детской психиатрической клинике. Чем было обусловлено такое решение?

— Суд тщательным образом изучил деяния и психическое состояние вашей подзащитной — она все-таки пыталась убить отца при помощи зажигательной бомбы. Это ведь нельзя назвать нормальным поступком подростка, независимо от того, с татуировкой он или нет.

Петер Телеборьян изобразил вежливую улыбку.

— А на чем основывалось заключение суда? Если я правильно понимаю, они опирались только на одну-единственную судебно-психиатрическую экспертизу, написанную вами совместно с полицейским по имени Гуннар Бьёрк.

— Тут уже речь идет о заговорах, выдуманных фрёкен Саландер. Я должен...

— Простите, но я еще не задала вопроса, — сказала Анна Джаннини и снова обратилась к Хольгеру Пальмгрену: — Хольгер, вы говорили, что встречались с начальником доктора Телеборьяна, главным врачом Кальдином.

— Да. Меня ведь назначили наставником Лисбет Саландер. К тому времени я видел ее лишь мельком. У меня, как и у всех остальных, сложилось впечатление, что она страдает серьезным психическим заболеванием. Но поскольку я получил такое задание, я справился об общем состоянии ее здоровья.

— И что сказал главврач Кальдин?

— Лисбет ведь была пациенткой доктора Телеборьяна, и доктор Кальдин не уделял ей особого внимания, за исключением оценок состояния и тому подобного. Примерно через год я начал поднимать вопрос о том, как ее можно снова приобщить к нормальной жизни. Предложил приемную семью. Я не знаю точно, что происходило внутри клиники Святого Стефана, но, когда Лисбет пролежала у них приблизительно год, доктор Кальдин вдруг начал проявлять к ней интерес.

— В чем это выражалось?

— Я понял, что он оценивает ее состояние иначе, чем доктор Телеборьян. Как-то раз он рассказал мне, что решил изменить методы ее

лечения. Я только позднее понял, что речь шла о так называемом связывании. Кальдин попросту велел прекратить привязывать ее ремнями, поскольку не видел для этого оснований.

— Следовательно, он пошел против доктора Телеборьяна?

— Простите, но вам это известно понаслышке, — возразил Экстрём.

— Нет, — сказал Хольгер Пальмгрен. — Не только. Я затребовал рекомендацию по поводу того, как можно вернуть Лисбет Саландер обратно в общество. Доктор Кальдин такую рекомендацию написал. Она у меня сохранилась.

Он протянул Аннике Джаннини какую-то бумагу.

— Вы можете рассказать, что тут написано?

— Это письмо доктора Кальдина ко мне. Оно датировано октябрем девяносто второго года, то есть к этому времени Лисбет пролежала в клинике двадцать месяцев. Доктор Кальдин пишет буквально следующее — я цитирую: «Мое решение запретить связывать и насильно кормить пациентку дало очевидный эффект — она успокоилась. Необходимости в психотропных препаратах нет. Однако пациентка крайне замкнута и закрыта и нуждается в дальнейших мерах поддержки». Конец цитаты.

— То есть он четко пишет, что это было его решение.

— Совершенно верно. Доктор Кальдин, опять-таки лично, принял решение о том, что Лисбет можно вернуть в общество через приемную семью.

Лисбет кивнула. Она помнила доктора Кальдина так же отчетливо, как каждую деталь своего пребывания в клинике Святого Стефана. Она отказывалась разговаривать с доктором Кальдином — он был психодоктором, еще одним в чередке белых халатов, которые стремились копаться в ее чувствах. Но он был приветливым и добродушным. Она сидела у него в кабинете и слушала его, когда он объяснял ей свое видение ее проблем.

Он, казалось, обижался на то, что она не хотела с ним разговаривать. В конце концов она посмотрела ему в глаза и объяснила свое решение: «Я никогда не стану разговаривать с вами или любым другим психодоктором. Вы не слушаете то, что я говорю. Вы можете держать меня тут взаперти до самой смерти. Это ничего не изменит. Разговаривать с вами я не стану». Он посмотрел на нее с удивлением, потом кивнул, словно что-то поняв.

— Доктор Телеборьян... Я констатировала, что вы заперли Лисбет Саландер в детскую психиатрическую клинику. Вы снабдили суд экспертизой, составившей единственную основу решения. Это верно?

— Это верно по сути. Но я считаю...

— У вас будет достаточно времени объяснить, что вы считаете. Когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать лет, вы снова вторглись в ее жизнь и попытались опять запереть ее в больнице.

— В тот раз судебно-медицинскую экспертизу проводил не я...

— Да, ее писал доктор Йеспер Х. Лёдерман, который, по случайному стечению обстоятельств, был в то время вашим аспирантом. Вы являлись его научным руководителем. Следовательно, экспертиза получила ваше одобрение.

— В этих экспертизах не содержится ничего неэтичного или несправедливого. Они делались по всем правилам.

— Теперь Лисбет Саландер двадцать семь лет, и мы в третий раз оказываемся в ситуации, когда вы пытаетесь убедить суд в том, что она психически больна и нуждается в помещении в закрытое психиатрическое учреждение.

Доктор Петер Телеборьян сделал глубокий вдох. Анника Джаннини оказалась хорошо подготовленной. Ей удалось задать ему несколько неожиданных коварных вопросов и извратить его ответы. Она не поддавалась его обаянию и игнорировала его авторитет. Он уже привык к тому, что, когда он говорит, люди согласен кивают.

Насколько же много ей известно?

Он покосился на прокурора Экстрёма, но понял, что с той стороны помощи ждать не приходится. Надо выпутываться самому.

Он вспомнил, что все же является авторитетным специалистом.

Пусть говорит, что хочет. Главным все равно останется мое мнение.

Аника Джаннини подняла со стола заключение судебно-психиатрической экспертизы.

— Давайте поближе познакомимся с вашей последней экспертизой. Вы уделяете много внимания анализу внутреннего мира Лисбет Саландер. Здесь много ваших суждений о ее личности, поведении и сексуальных привычках.

— Я пытался представить в экспертизе всестороннюю картину.

— Отлично. И, исходя из этой всесторонней картины, вы приходите к заключению, что Лисбет Саландер страдает параноидальной шизофренией.

— Я не хочу связывать себя точным диагнозом.

— Но к данному выводу вы пришли не на основании бесед с Лисбет Саландер, не так ли?

— Вам прекрасно известно, что ваша подзащитная последовательно отказывается отвечать на вопросы, если их задаю я или какой-нибудь

представитель властей. Уже само такое поведение говорит за себя. Его можно толковать следующим образом: параноидальные черты пациентки проявляются настолько мощно, что она буквально не в силах вести простейшую беседу с облеченным властью человеком. Она думает, что все только и стремятся причинить ей вред, и ощущает такую сильную угрозу, что замыкается в непробиваемой скорлупе и буквально немеет.

— Хотелось бы отметить, что вы выражаетесь очень осторожно. Вы говорите, что это можно толковать как...

— Да, правильно. Я выражаюсь осторожно. Психиатрия не принадлежит к числу точных наук, и я должен быть осторожен в своих выводах. Вместе с тем психиатры не делают безосновательных предположений.

— Вы очень тщательно подстраховываетесь. На самом же деле вы не обменялись с моей подзащитной ни единым словом с той ночи, когда ей исполнилось тринадцать лет, поскольку она последовательно отказывается с вами разговаривать.

— Не только со мной. Она не в силах вести беседу ни с одним психиатром.

— Это означает, что, как вы тут пишете, ваши выводы базируются на опыте и наблюдениях над моей подзащитной.

— Совершенно верно.

— Что можно узнать, изучая девушку, которая сидит на стуле, скрестив руки, и отказывается говорить?

Петер Телеборьян вздохнул, и по его виду стало понятно, что ему наскучило объяснять очевидные вещи. Он улыбнулся.

— О пациентке, которая сидит в полном молчании, можно узнать лишь то, что она хорошо умеет хранить молчание. Это уже само по себе является отклонением, но в своих выводах я основываюсь не на этом.

— Я пригласила на вечернее заседание другого психиатра. Его зовут Сванте Бранден, и он является главврачом Государственного управления судебной медицины и специалистом по судебной психиатрии. Вы его знаете?

Петер Телеборьян вновь почувствовал неуверенность, но улыбнулся. Он предвидел, что Джаннини приведет другого психиатра, чтобы попытаться поставить под сомнение его выводы. К такой ситуации он был готов и мог без проблем ответить на любое возражение. Ему будет куда проще справиться с ученым коллегой в дружеской пикировке, чем с таким человеком, как адвокат Джаннини, готовым иронизировать над его словами.

— Да. Он признанный специалист в области судебной психиатрии. Но

поймите, фру Джаннини, составление экспертизы такого рода — это отвлеченный научный процесс. Вы можете не соглашаться с моими выводами, и другой психиатр может истолковывать какое-то действие или происшествие не так, как я. Тут все дело в разных углах зрения или, возможно, просто в том, насколько хорошо врач знает пациента. Не исключено, что он придет к совершенно другому выводу относительно Лисбет Саландер. В психиатрии такое случается часто.

— Я пригласила его не поэтому. Он не встречался с Лисбет Саландер, не обследовал ее и не станет делать никаких выводов о ее психическом состоянии.

— Вот как...

— Я попросила его прочесть вашу экспертизу и всю составленную вами документацию о Лисбет Саландер, а также ознакомиться с ее журналом периода пребывания в клинике Святого Стефана. Я попросила его оценить не состояние здоровья моей подзащитной, а то, имеются ли, с чисто научной точки зрения, в представленном вами материале достаточные основания для сделанных вами выводов.

Телеборьян пожал плечами.

— При всем уважении... я считаю, что знаю Лисбет Саландер лучше, чем любой другой психиатр нашей страны. Я следил за ее развитием с тех пор, как ей было двенадцать лет, и мои выводы, к сожалению, все время подтверждаются ее действиями.

— Очень хорошо, — сказала Анника Джаннини. — Тогда обратимся к вашим выводам. В своем заключении вы пишете, что лечение прервалось, когда ей было пятнадцать лет, и ее поместили в приемную семью.

— Совершенно верно. Это было серьезной ошибкой. Если бы нам дали завершить курс лечения, возможно, сегодня бы мы здесь не сидели.

— Вы считаете, что, если бы вам позволили держать ее связанной еще год, она стала бы более сговорчивой?

— Это довольно дешевый комментарий.

— Прошу прощения. Вы обильно цитируете экспертизу, составленную вашим аспирантом Йеспером Х. Лёдерманом, когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать лет. Вы пишете, что «ее самодеструктивное и асоциальное поведение подтверждается злоупотреблениями и промискуитетом, которые она демонстрировала после выхода из больницы Святого Стефана». Что вы под этим понимаете?

Петер Телеборьян несколько секунд сидел молча.

— Ну... надо вернуться немного назад. После того как Лисбет Саландер выпустили из больницы, у нее, как я и предсказывал, возникли

проблемы с алкоголем и наркотиками. Ее неоднократно забирали полиция. Социальная комиссия установила также, что она предавалась бесконтрольному сексуальному общению с пожилыми людьми и, по всей видимости, занималась проституцией.

— Давайте разберем это поподробнее. Вы говорите, что она злоупотребляла алкоголем. Как часто она бывала пьяной?

— Простите?

— В период между тем, как ее выпустили из больницы, и до восемнадцати лет она бывала пьяной ежедневно? Или раз в неделю?

— На это я, естественно, ответить не могу.

— Но вы ведь утверждаете, что она злоупотребляла алкоголем?

— Будучи несовершеннолетней, она неоднократно попадала за пьянство в полицию.

— Вы уже второй раз говорите, что ее неоднократно забирали. Как часто это происходило? Раз в неделю или раз в две недели?..

— Нет, речь идет не о таком большом числе случаев...

— Лисбет Саландер забирали в полицию за пьянство дважды — в шестнадцать и, соответственно, в семнадцать лет. В одном из этих случаев она была настолько неуправляемой, что ее отправили в больницу. Это и есть те неоднократные случаи, на которые вы ссылаетесь? Бывала ли она пьяной еще когда-либо?

— Этого я не знаю, но боюсь, что ее поведение...

— Простите, я верно расслышала? Значит, вам неизвестно, была ли она на протяжении подросткового периода пьяна более двух раз, но вы опасаетесь, что да. Тем не менее вы заключаете, что Лисбет Саландер вращается в порочном круге алкоголя и наркотиков?

— Это сведения службы социальной защиты. Не мои. Речь шла об общей жизненной ситуации, в которой находилась Лисбет Саландер. После прекращения лечения у нее вполне предсказуемо образовались мрачные перспективы, и ее жизнь превратилась в порочный круг из алкоголя, приводов в полицию и бесконтрольного промискуитета.

— Вы используете выражение «бесконтрольный промискуитет».

— Да... этот термин подразумевает, что она не контролировала свою жизнь. Занималась сексуальным общением с пожилыми мужчинами.

— Это не является преступлением.

— Да, но является аномальным поведением для шестнадцатилетней девушки. Можно, конечно, разбираться, предавалась она этому общению добровольно или по принуждению.

— Но вы утверждали, что она занималась проституцией.

— Это явилось, вероятно, естественным следствием того, что она не имела образования, не могла осилить дальнейшее обучение и, соответственно, найти работу. Возможно, она рассматривала пожилых людей как папочек, а материальное вознаграждение за сексуальные услуги считала просто бонусом. В любом случае я воспринимаю это как невротическое поведение.

— Вы считаете, что шестнадцатилетняя девушка, которая занимается сексом, является невротиком?

— Вы извращаете мои слова.

— Но вы не знаете, получала ли она когда-либо материальное вознаграждение за сексуальные услуги?

— За проституцию ее в полицию ни разу не забирали.

— За это ее едва ли могли забрать, поскольку в ее действиях не было состава преступления.

— Э, верно. В ее случае речь может идти о вынужденном невротическом поведении.

— И, основываясь на таком слабом материале, вы сделали решительный вывод о том, что Лисбет Саландер сумасшедшая. Когда мне было шестнадцать лет, я как-то напилась до бессознательного состояния бутылкой водки, которую украла у отца. Следовательно, вы считаете меня сумасшедшей?

— Разумеется, нет.

— А разве не правда, что, когда вам самому было семнадцать, вы пошли на вечеринку, где все так ужасно напильсь, что отправились в город и побили на площади в Упсале окна. Вас забрали в полицию, привели в чувство, а потом наложили взыскание.

Петер Телеборьян был явно обескуражен.

— Ведь это правда?

— Да... каких только глупостей не сделаешь в семнадцать лет. Но...

— Но это не заставляет вас делать вывод о том, что у вас серьезное психическое заболевание?

Петер Телеборьян пришел в сильное раздражение. Эта проклятая... Джаннини все время извращала его слова и цеплялась к отдельным деталям. Она не желала видеть целостной картины. Ударилась в не имеющие отношения к делу рассуждения о том, что он сам когда-то напивался... и где она, черт побери, раздобыла эти сведения?

Он откашлялся и повысил голос.

— Отчеты службы социальной защиты не оставляли места сомнениям

и, в основных моментах, подтверждали, что образ жизни Лисбет Саландер был непосредственно связан с алкоголем, наркотиками и промискуитетом. Социальная служба считала также, что Лисбет Саландер занималась проституцией.

— Нет. Служба социальной защиты никогда не утверждала, что Саландер проститутка.

— Ее арестовывали за...

— Нет. Ее не арестовывали. Когда ей было семнадцать лет, ее подвергли личному досмотру в парке Тантолунден, где она находилась в компании мужчины намного старше себя. В тот же год ее забрали за пьянство. Опять-таки в обществе мужчины значительно старше ее. Служба социальной защиты опасалась, что она, возможно, занимается проституцией. Но никаких доказательств это подозрение так и не нашло.

— Она предавалась весьма сомнительному сексуальному общению с большим количеством людей, как юношей, так и девушек.

— В своей экспертизе, я цитирую со страницы четыре, вы останавливаетесь на сексуальных привычках Лисбет Саландер. Вы утверждаете, что ее отношения с подругой Мириам Ву подтверждают опасения по поводу сексуальной психопатии. Каким образом?

Петер Телеборьян вдруг умолк.

— Я очень надеюсь, вы не станете утверждать, что гомосексуальность является психическим заболеванием. Такое утверждение может быть уголовно наказуемо.

— Нет, разумеется нет. Я имею в виду элементы сексуального садизма в их отношениях.

— Вы хотите сказать, что она садистка?

— Я...

— У нас имеется полученное полицией свидетельство Мириам Ву. В их отношениях не было никакого насилия.

— Они занимались нетрадиционным сексом и...

— Мне кажется, что вы просто начитались вечерних газет. Лисбет Саландер с подругой Мириам Ву несколько раз предавались сексуальным играм, в процессе которых Мириам Ву связывала мою подзащитную и доставляла ей сексуальное удовлетворение. В этом нет ничего необычного или запрещенного. Вы хотите изолировать мою подзащитную от общества именно поэтому?

Петер Телеборьян отрицательно замахал рукой.

— Если позволите, я приведу некоторые личные факты. Когда мне было шестнадцать лет, я напилась до бесчувствия. За годы учебы в

гимназии я еще несколько раз напивалась. Я пробовала наркотики. Курила марихуану и лет двадцать назад однажды даже испробовала кокаин. В сексуальном отношении я вместе с одним одноклассником дебютировала в пятнадцать лет, а в двадцатилетнем возрасте я имела отношения с парнем, который привязывал мне руки к спинке кровати. Когда мне было двадцать два, я в течение трех месяцев состояла в связи с мужчиной, которому было сорок семь лет. Иными словами, я сумасшедшая?

— Фру Джаннини... вы иронизируете по этому поводу, но ваш сексуальный опыт не имеет отношения к данному процессу.

— Почему же? Когда я читаю вашу так называемую психиатрическую экспертизу Лисбет Саландер, я раз за разом нахожу факты, которые, будучи вырванными из контекста, полностью совпадают с фактами моей биографии. Почему же я являюсь нормальным и здоровым человеком, а Лисбет Саландер — опасной для общества садисткой?

— Решающее значение имеют совсем не эти детали. Вы не пытались дважды убить своего отца...

— Доктор Телеборьян, реальность такова, что вас совершенно не касается, с кем Лисбет Саландер занимается сексом. Вас не касается, какого пола партнеров она себе выбирает и в каких формах они осуществляют сексуальное общение. А вы тем не менее выдираете детали из ее жизни и используете их в качестве доказательства того, что она больна.

— Вся жизнь Лисбет Саландер, начиная с учебы в начальной школе, давала повод для многочисленных записей в журналах о ее немотивированных вспышках дикой ярости по отношению к учителям и одноклассникам.

— Минуточку...

Голос Анники Джаннини вдруг зазвучал, как скребок для снятия наледи с автомобильного стекла.

— Посмотрите на мою подзащитную.

Все посмотрели на Лисбет Саландер.

— Моя подзащитная выросла в крайне неблагополучной семье, с отцом, который в течение ряда лет последовательно жестоко избивал ее мать.

— Это...

— Дайте мне договорить. Мать Лисбет Саландер до смерти боялась Александра Залаченко. Она не осмеливалась протестовать, не осмеливалась обращаться к врачу или в женский кризисный центр. Под конец ее так жестоко избили, что у нее образовались неизлечимые повреждения

головного мозга. Человеком, которому пришлось взять на себя ответственность, единственным человеком, который пытался взять на себя ответственность за семью, еще задолго до достижения подросткового возраста, оказалась Лисбет Саландер. Эту ответственность ей пришлось брать единолично, поскольку шпион Залаченко был важнее матери Лисбет.

— Я не могу...

— Перед нами ситуация, когда общество бросило мать Лисбет и детей на произвол судьбы. Вас удивляет, что у Лисбет имелись проблемы в школе? Посмотрите на нее. Она маленькая и хрупкая и всегда оказывалась самой маленькой девочкой в классе. Она была замкнутой, не такой, как все, и не имела друзей. Вам известно, как дети обычно относятся к одноклассникам, которые отличаются от остальных?

Петер Телеборьян вздохнул.

— Я могу вернуться к ее школьным журналам и пройти по ситуации за ситуацией, когда Лисбет проявляла агрессию, — сказала Анника Джаннини. — Им предшествовали провокации. Я без труда узнаю все признаки травли. И знаете, что я вам скажу?

— Что?

— Я восхищаюсь Лисбет Саландер. Она сильнее меня. Если бы я в тринадцатилетнем возрасте год пролежала связанной ремнями, я бы наверняка совершенно сломалась. А она давала сдачи единственным имевшимся в ее распоряжении оружием — ненавистью. Она отказывается с вами разговаривать.

Внезапно Анника Джаннини повысила голос. Нервозность давно отступила, и Анника чувствовала, что контролирует ситуацию.

— Давая показания сегодня утром, вы кое-что говорили о ее фантазиях, утверждали, например, что таковой является описание насилия, совершенного над ней адвокатом Бьюрманом.

— Совершенно верно.

— На чем основан сделанный вами вывод?

— На опыте знакомства с ее обычными фантазиями.

— На опыте знакомства с ее фантазиями... Как вы определяете, когда она фантазирует? Когда она говорит, что пролежала связанной триста восемьдесят суток, это, по вашему мнению, является фантазией, хотя ваш собственный журнал полностью подтверждает ее слова.

— Это совсем другое дело. Нет даже намека на технические доказательства того, что адвокат Бьюрман совершал по отношению к Лисбет Саландер насильственные действия. Я имею в виду то, что при

прокалывании сосков иглками и столь грубом насилии ее, безусловно, отвезли бы на «скорой помощи» в больницу... Это само по себе уже подтверждает, что ничего подобного быть не могло.

Анника Джаннини обратилась к судье Иверсену.

— Я просила на сегодня установить проектор для демонстрации диска через компьютер...

— Он на месте, — сказал Иверсен.

— Можно задернуть занавески?

Анника Джаннини открыла свой ноутбук и присоединила кабели к проектору. Потом обратилась к своей подзащитной:

— Лисбет. Мы посмотрим одну запись. Вы к этому готовы?

— Я с ней уже знакома, — сухо ответила Лисбет Саландер.

— Вы даете мне добро на ее показ?

Лисбет Саландер кивнула. Она неотрывно смотрела на Петера Телеборьяна.

— Вы можете рассказать, когда сделана запись?

— Седьмого марта две тысячи третьего года.

— Кто делал запись?

— Я. Я воспользовалась скрытой камерой, которая является стандартным оборудованием «Милтон секьюрити».

— Минутку! — прокричал прокурор Экстрём. — Это начинает напоминать цирковые трюки.

— Что вы собираетесь нам показать? — суровым голосом спросил судья Иверсен.

— Петер Телеборьян утверждает, что рассказ Лисбет Саландер является фантазией. Я же хочу продемонстрировать документальное подтверждение того, что он правдив от первого до последнего слова. Предупреждаю, что запись содержит ряд неприятных сцен.

— Это какой-то монтаж? — спросил Экстрём.

— Существует прекрасный способ это проверить, — ответила Анника Джаннини, запуская диск.

«Ты что, даже на часы не научилась смотреть?» — раздраженно сказал вместо приветствия адвокат Бьюрман, и камера вошла в его квартиру.

Через девять минут, в тот момент, когда в записи адвокат Нильс Бьюрман яростно вдавливал затычку в анальное отверстие Лисбет Саландер, судья Иверсен ударил молотком по столу. Анника Джаннини с самого начала установила большую громкость, и сдавленные крики Лисбет сквозь скотч, которым Бьюрман заклеил ей рот, разносились по всему залу суда.

— Выключите запись, — очень громким и решительным голосом сказал судья Иверсен.

Анника Джаннини нажала на «стоп». Зажгли верхнее освещение. Судья Иверсен сидел весь красный. Прокурор Экстрём словно окаменел. Петер Телеборьян был мертвенно-бледен.

— Адвокат Джаннини, сколько времени, вы сказали, продолжается эта запись? — спросил судья Иверсен.

— Девяносто минут. Сам акт насилия продолжался сериями в течение пяти-шести часов, но в последние часы у моей подзащитной сохранилось лишь смутное представление о времени. — Анника Джаннини обратилась к Телеборьяну. — Зато там имеется сцена, когда Бьюрман вдавливая в сосок моей подзащитной иголку, а доктор Телеборьян утверждает, что это плод сомнительных фантазий Лисбет Саландер. Эпизод происходит на семьдесят второй минуте, и я готова показать его прямо сейчас.

— Спасибо, в этом нет необходимости, — сказал Иверсен. — Фрёкен Саландер...

Он на секунду сбился с мысли и не знал, как ему продолжать.

— Фрёкен Саландер, зачем вы сделали эту запись?

— Бьюрман меня уже однажды насильничал и требовал продолжения. Во время первого насилия мне пришлось сосать старого слизняка. Я думала, что последует повторение и я смогу обзавестись хорошим документальным подтверждением того, чем он занимается, и что мне удастся при помощи шантажа заставить его держаться от меня подальше. Но я его недооценила.

— А почему вы не заявили о жестоком изнасиловании в полицию, раз у вас имеется такое... убедительное доказательство?

— Я не разговариваю с полицейскими, — монотонным голосом ответила Лисбет Саландер.

Вдруг Хольгер Пальмгрен совершенно неожиданно поднялся из инвалидного кресла и заговорил четким голосом, опираясь руками о край стола:

— Наша подзащитная не разговаривает с полицейскими или другими представителями властей, а с психиатрами уж издавна, из принципа. Причина проста. Начиная с самого детства, она раз за разом пыталась говорить с полицейскими, социальными кураторами и разными органами власти, объясняя, что Александр Залаченко избивает ее мать. И каждый раз это оборачивалось для нее наказанием, поскольку государственные чиновники решили, что Залаченко для них важнее, чем Саландер.

Он откашлялся и продолжал:

— Когда же она наконец поняла, что ее никто не слушает, ей оставалось только попытаться спасти мать, применив к Залаченко силу. И тогда этот подлец, называющий себя доктором, — он показал на Телеборьяна, — составил сфальсифицированный судебно-психиатрический диагноз, объявив ее сумасшедшей, что дало ему возможность в течение трехсот восьмидесяти суток держать ее в клинике связанной. Черт его подери.

Пальмгрен сел. Иверсен, явно пораженный выпадом Пальмгрена, обратился к Лисбет Саландер:

— Может быть, вы хотите сделать перерыв...

— Зачем? — спросила Лисбет.

— Ну хорошо, тогда продолжим. Адвокат Джаннини, видеозапись обследуют, и я потребую технического заключения о том, что она аутентична. А пока пойдемте дальше.

— С удовольствием. Мне это тоже представляется крайне неприятным. Но правда заключается в том, что моя подзащитная подверглась физическому и психическому насилию, а также правонарушениям. И человеком, который несет за это наибольшую ответственность, является Петер Телеборьян. Он предал врачебную присягу, предал свою пациентку. Совместно с Гуннаром Бьёрком, сотрудником нелегальной группировки внутри Службы государственной безопасности, он сострепал судебно-психиатрическую экспертизу с целью изолировать неудобного свидетеля. Я полагаю, что данный случай является уникальным в шведской истории права.

— Это неслыханные обвинения, — сказал Петер Телеборьян. — Я всеми способами старался помочь Лисбет Саландер. Она пыталась убить своего отца. Совершенно очевидно, что с ней было что-то не в порядке...

Анника Джаннини не дала ему договорить.

— Я хотела бы обратить внимание суда на вторую судебно-психиатрическую экспертизу моей подзащитной, составленную доктором Телеборьяном. На экспертизу, озвученную сегодня в суде. Я утверждаю, что она содержит ложь, точно так же, как фальшивка девяносто первого года.

— Но это же...

— Судья Иверсен, не могли бы вы попросить свидетеля меня не прерывать?

— Господин Телеборьян...

— Я буду молчать. Но это неслыханные обвинения. Нет ничего удивительного в том, что меня возмущает...

— Господин Телеборьян, пока вам не задали вопроса, молчите.

Продолжайте, адвокат Джаннини.

— Вот судебно-психиатрическая экспертиза, которую предоставил суду доктор Телеборьян. Она строится на так называемых наблюдениях над моей подзащитной, которые якобы имели место с момента ее перевода в следственный изолятор «Крунеберг» шестого июня и до окончания обследования пятого июля.

— Да, я именно так это и понял, — сказал судья Иверсен.

— Доктор Телеборьян, соответствует ли действительности то, что до шестого июня вы не имели возможности проводить тесты и наблюдать за моей подзащитной? До этого момента она, как известно, находилась в полной изоляции в Сальгренской больнице.

— Да, — ответил Телеборьян.

— Вы дважды пытались получить доступ к моей подзащитной в Сальгренской больнице. Оба раза вам отказали. Это верно?

— Да.

Анника Джаннини снова открыла портфель и достала какой-то документ. Она обошла вокруг стола и вручила документ судье Иверсену.

— Ага, — сказал Иверсен. — Это копия экспертизы доктора Телеборьяна. Что она доказывает?

— Я хотела бы вызвать двух свидетелей, ожидающих за дверьми зала суда.

— Кто эти свидетели?

— Микаэль Блумквист из журнала «Миллениум» и комиссар Торстен Эдклинт из Службы государственной безопасности, отдел охраны конституции.

— И они ожидают вызова?

— Да.

— Пригласите их, — распорядился судья Иверсен.

— Это противоречит порядку, — заявил прокурор Экстрём, долгое время сидевший очень тихо.

Экстрём с ужасом понял, что Анника Джаннини просто-напросто уничтожает его ключевого свидетеля. Видеозапись уже нанесла сокрушительный удар, а теперь Иверсен, проигнорировав возражение Экстрёма, сделал знак охранникам открыть дверь. В зал вошли Микаэль Блумквист и Торстен Эдклинт.

— Я бы хотела первым допросить Микаэля Блумквиста.

— Тогда я попрошу Петера Телеборьяна ненадолго отойти в сторону.

— Вы со мной уже закончили? — спросил Телеборьян.

— Отнюдь нет, — ответила Анника Джаннини.

Микаэль Блумквист сменил Телеборьяна за кафедрой свидетеля. Судья Иверсен быстро уточнил формальности, и Микаэль под присягой пообещал говорить правду.

Аника Джаннини подошла к Иверсену и попросила дать ей на время судебно-психиатрическую экспертизу, которую только что ему вручила, потом передала эту копию Микаэлю.

— Вы раньше видели этот документ?

— Да, видел. Он у меня имеется в трех версиях. Первую я получил приблизительно двенадцатого мая, вторую — девятнадцатого мая, а третью, вот эту, — третьего июня.

— Вы можете рассказать, как к вам попала эта копия?

— Я получил ее как журналист от источника, чье имя я раскрывать не намерен.

Лисбет Саландер не отрывала взгляда от Петера Телеборьяна, который внезапно сильно побледнел.

— Что вы сделали с этой экспертизой?

— Передал ее Торстену Эдклинту из отдела охраны конституции.

— Спасибо, Микаэль. Теперь я хотела бы пригласить Торстена Эдклинта, — сказала Аника Джаннини, забирая обратно бумаги, после чего передала их Иверсену. У того был задумчивый вид.

Процедура с присягой повторилась.

— Комиссар Эдклинг, соответствует ли действительности то, что вы получили от Микаэля Блумквиста материалы судебно-психиатрической экспертизы Лисбет Саландер?

— Да.

— Когда вы ее получили?

— Она зарегистрирована в ГПУ/Без четвертым июня.

— И это та самая экспертиза, которую я только что передала судье Иверсену?

— Если с обратной стороны имеется моя подпись, значит, та самая.

Иверсен перевернул документ и убедился в наличии подписи Торстена Эдклинта.

— Комиссар Эдклинг, можете ли вы мне объяснить, каким образом у вас в руках оказалась судебно-психиатрическая экспертиза человека, лежащего в Сальгренской больнице в полной изоляции?

— Да, могу.

— Расскажите.

— Судебно-психиатрическая экспертиза Петера Телеборьяна является

фальсификацией, которую он составил совместно с человеком по имени Юнас Сандберг, так же как он в девяносто первом году написал подобную фальшивку вместе с Гуннаром Бьёрком.

— Это ложь, — слабо возразил Телеборьян.

— Это ложь? — поинтересовалась Анника Джаннини.

— Вовсе нет. Мне, вероятно, следует упомянуть, что Юнас Сандберг является одним из десятка человек, которых сегодня арестовали по решению генерального прокурора. Сандберг арестован за причастность к убийству Гуннара Бьёрка. Он входит в нелегальную группировку, орудовавшую внутри Службы государственной безопасности и с семидесятых годов прикрывавшую Александра Залаченко. Эта же группировка стояла и за решением изолировать Лисбет Саландер от общества в девяносто первом году. У нас имеется много доказательств, а также признание руководителя группировки.

В зале суда повисла мертвая тишина.

— Хотел ли бы Петер Телеборьян прокомментировать сказанное? — осведомился судья Иверсен.

Телеборьян помотал головой.

— В таком случае я могу сообщить, что вы рискуете быть обвиненным в даче под присягой заведомо ложных показаний и, возможно, по ряду других пунктов, — заявил судья Иверсен.

— Если позволите... — подал голос Микаэль Блумквист.

— Да? — поинтересовался Иверсен.

— У Петера Телеборьяна будут более крупные проблемы. За дверью стоят двое полицейских, которые дожидаются возможности отвести его на допрос.

— Вы полагаете, мне стоит их пригласить? — спросил Иверсен.

— Пожалуй, это хорошая идея.

Иверсен махнул охранникам, и те впустили в зал инспектора уголовной полиции Соню Мудиг и еще одну женщину, которую прокурор Экстрём сразу узнал. Ее звали Лиса Кольшё, и она являлась инспектором уголовной полиции из отдела по особым объектам — подразделения Государственного полицейского управления, занимавшегося, в частности, вопросами посягательства на половую неприкосновенность детей и детской порнографией.

— В чем состоит ваше дело? — поинтересовался Иверсен.

— Мы здесь для того, чтобы, не нарушая хода судебного разбирательства, при первой же возможности арестовать Петера Телеборьяна.

Иверсен покосился на Аннику Джаннини.

— Я с ним еще не совсем закончила, но пусть идет.

— Пожалуйста, — разрешил Иверсен.

Лиса Кольшё подошла к Петеру Телеборьяну.

— Вы арестованы за грубое нарушение законов о запрете детской порнографии.

Петер Телеборьян сидел, затаив дыхание. Анника Джаннини заметила, что его взгляд помертвел.

— А конкретно, за наличие в вашем компьютере более восьми тысяч детских порнографических снимков.

Она наклонилась и подняла сумку с ноутбуком, которую он принес с собой.

— Это мы изымаем, — сказала она.

Пока Петера Телеборьяна выводили из зала суда, его спину все время, словно огонь, жег взгляд Лисбет Саландер.

Пятница, 15 июля — суббота, 16 июля

Судья Иверсен постучал ручкой о край стола, чтобы утихомирить возникшее вслед за уводом Петера Телеборьяна бормотание. После этого он довольно долго сидел молча, явно пытаясь понять, как следует продолжать процедуру, а затем обратился к прокурору Экстрёму:

— Не хотели бы вы что-либо добавить к происходившему в последний час?

Рихард Экстрём не имел ни малейшего представления о том, что ему говорить. Он поднялся и посмотрел на Иверсена, затем на Торстена Эджлинта, после чего повернул голову и наткнулся на беспощадный взгляд Лисбет Саландер. И понял, что сражение проиграно. Переведя взгляд на Микаэля Блумквиста, он вдруг с ужасом осознал, что сам рискует попасть на страницы «Миллениума»... А это уже сокрушительная катастрофа.

Вместе с тем Экстрём не понимал, что же произошло. Он начинал процесс в убеждении, что хорошо разбирается в этой истории.

После многочисленных откровенных разговоров с комиссаром Георгом Нюстрёмом он прекрасно сознавал необходимость деликатного подхода к этому делу, которого требовала безопасность государства. Его ведь заверили в том, что документы по делу Саландер от 1991 года были сфальсифицированы, снабдили всей необходимой конфиденциальной информацией. Он задавал вопросы — сотни вопросов — и на все получил ответы. А теперь, по утверждению адвоката Джаннини, выходит, что Нюстрём арестован. Так что же — все его ответы были ложью? Он ведь доверял Петеру Телеборьяну, который казался таким... таким компетентным и сведущим. Таким убедительным.

«Господи, в какую кашу я угодил?» — сам себе задал вопрос прокурор Рихард Экстрём. А из этого первого вопроса логично вытекал второй: «Как, черт возьми, мне из этой каши выбираться?»

Он провел рукой по бородке, откашлялся, неторопливо снял очки.

— Сожалею, но, кажется, меня по целому ряду существенных пунктов данного расследования ввели в заблуждение.

Он подумал, а не возложить ли ему вину на полицейских следователей, но внезапно увидел перед собой инспектора уголовной полиции Бублански. Этот ни за что его не поддержит. Стоит совершить неверный шаг, как

Бублански созовет пресс-конференцию и потопит его.

Экстрём встретился взглядом с Лисбет Саландер. Она терпеливо ждала, глядя на него с любопытством и откровенной жадой мести.

Никаких компромиссов.

У него по-прежнему оставалась возможность добиться для нее наказания за причинение тяжких телесных повреждений в Сталлархольме. И вероятно, за покушение на убийство отца в Госсеберге. Однако для этого он должен был на ходу полностью поменять стратегию, опустив все связанное с Петером Телеборьяном. В таком случае отпадали все построения, основанные на ее психической ненормальности, и тем самым подтверждалась вся ее история начиная с 1991 года. Отпадало решение о недееспособности, и тем самым...

И у нее имелась эта проклятая видеозапись, которая...

Потом его осенило.

Господи. Она же невиновна.

— Господин судья... не знаю, что произошло, но я считаю, что больше не могу полагаться на имеющиеся у меня данные.

— М-да, — сухо произнес Иверсен.

— Полагаю, что мне придется просить объявить перерыв или прервать судебное разбирательство до тех пор, пока я не сумею точно разобраться в том, что произошло.

— Фру Джаннини? — спросил Иверсен.

— Я требую, чтобы мою подзащитную оправдали по всем пунктам предъявленного обвинения и незамедлительно освободили прямо в зале суда. Я требую также, чтобы суд рассмотрел вопрос о недееспособности фрёкен Саландер. Я считаю, что ей положена компенсация за те правонарушения, которым она подверглась.

Лисбет Саландер обратила взгляд на судью Иверсена.

Никаких компромиссов.

Судья Иверсен посмотрел на автобиографию Лисбет Саландер. Потом перевел взгляд на прокурора Экстрёма.

— Я тоже считаю, что следует точно разобраться в происшедшем. Но боюсь, что вы вряд ли способны провести подобное расследование.

Он немного подумал.

— За все годы работы в качестве юриста и судьи мне не доводилось наблюдать ничего, хоть отдаленно напоминающего юридическую ситуацию данного процесса. Должен признаться, что чувствую себя в тупике. Я никогда даже не слышал такого, чтобы главного свидетеля прокурора арестовывали прямо в зале суда, а убедительные на первый взгляд

доказательства оказывались фальсификацией. Честно говоря, я просто не знаю, что из пунктов обвинения прокурора у нас при таких обстоятельствах остается.

Хольгер Пальмгрен кашлянул.

— Да? — спросил Иверсен.

— Как представитель защиты, я могу только разделить ваши чувства. Иногда приходится отступать, предоставляя разуму возобладать над формальностями. Я хочу заявить, что вы, как судья, стали свидетелем лишь начала дела, которое потрясет все властные структуры Швеции. В течение этого дня было арестовано около десяти полицейских из СЭПО. Им будет предъявлено обвинение в убийствах и в таком длинном перечне преступлений, что для их расследования потребуется значительное время.

— Полагаю, я должен объявить паузу в данном процессе.

— Простите, но я считаю такое решение едва ли удачным.

— Я вас слушаю.

Медленная речь Пальмгрена давалась ему с трудом, но он не запинаясь.

— Лисбет Саландер невиновна. Ее невероятная автобиография, которую господин Экстрём столь презрительно отверг, на самом деле правдива. Ее можно подтвердить документами. Лисбет подверглась возмутительным правонарушениям. Как суд, мы, разумеется, вправе придерживаться формальностей и еще какое-то время продолжать разбирательство, пока не придем к оправдательному приговору. Альтернатива же очевидна. Передать все связанное с Лисбет Саландер совершенно новому следствию. Такое следствие уже идет и является частью того кавардака, в котором предстоит разбираться генеральному прокурору.

— Я понимаю вашу мысль.

— Как судья, вы сейчас можете сделать выбор. Самым разумным будет полностью забраковать предварительное следствие прокурора и велеть ему переделать домашнее задание.

Судья Иверсен задумчиво посмотрел на Экстрёма.

— Справедливым же будет освободить нашу подзащитную прямо в зале суда. Ей должны к тому же принести извинения, но сатисфакция займет время и будет завязана на остальное расследование.

— Я понял вашу точку зрения, адвокат Пальмгрен. Но прежде чем признать вашу подзащитную невиновной, я должен полностью прояснить для себя всю ситуацию. На это потребуется немного времени...

Он засомневался и посмотрел на Аннику Джаннини.

— Если я объявлю перерыв в слушании дела до понедельника и пойду вам навстречу, приняв решение, что у нас больше нет оснований держать вашу подзащитную в следственном изоляторе и вы, следовательно, будете вправе рассчитывать на то, что ее, во всяком случае, не приговорят к тюремному заключению, сможете ли вы мне гарантировать, что она по первому требованию явится для продолжения судебного разбирательства?

— Разумеется, — поспешно сказал Хольгер Пальмгрен.

— Нет, — резко возразила Лисбет Саландер.

Все взгляды обратились к главному действующему лицу драмы.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил судья Иверсен.

— Как только вы меня выпустите, я сразу уеду. Я больше не намерена уделять этому суду ни единой минуты своей жизни.

Судья Иверсен посмотрел на Лисбет Саландер с изумлением.

— Вы откажетесь явиться?

— Совершенно верно. Если вы хотите, чтобы я ответила еще на какие-то вопросы, вам придется держать меня в изоляторе. В тот миг, когда вы меня выпустите, эта история будет для меня окончена. И это означает, что я уже больше не окажусь в любой момент в вашем распоряжении, в распоряжении Экстрёма или каких-либо других полицейских.

Судья Иверсен вздохнул. У Хольгера Пальмгрена сделался обескураженный вид.

— Я согласна со своей подзащитной, — произнесла Анника Джаннини. — Ведь не Лисбет Саландер совершила преступление по отношению к государству и властям, а наоборот. Она заслуживает того, чтобы выйти из этих дверей свободным человеком и забыть обо всей этой истории.

Никаких компромиссов.

Судья Иверсен покосился на наручные часы.

— Уже начало четвертого. Это означает, что вы вынуждаете меня оставить вашу подзащитную в следственном изоляторе.

— Если вы так решите, нам останется только подчиниться. Как представитель Лисбет Саландер я требую, чтобы ее признали невиновной во всех преступлениях, в которых ее обвинил прокурор Экстрём. Я настаиваю на том, чтобы вы освободили мою подзащитную без всяких ограничений и прямо в зале суда. И требую отмены постановления о ее недееспособности — ей должны незамедлительно вновь вернуть все гражданские права.

— Вопрос о недееспособности требует много времени. Я должен получить заключение психиатрической экспертизы после проведения

обследования. Принять такое решение с ходу я не могу.

— Нет, — возразила Анника Джаннини. — Это для нас неприемлемо.

— Как вас понимать?

— Лисбет Саландер должна иметь такие же гражданские права, как все остальные шведы. Против нее было совершено преступление. Ее признали недееспособной обманным путем. Фальсификацию можно доказать. Тем самым решение об установлении над ней опекунства лишается юридической основы и должно быть безоговорочно отменено. Нет никаких оснований подвергать мою подзащитную судебно-психиатрической экспертизе. Если против человека было совершено преступление, он не обязан доказывать, что он не сумасшедший.

Иверсен немного поразмыслил над ее словами.

— Фру Джаннини, — сказал Иверсен, — я считаю, что у нас исключительный случай. Я намерен сейчас объявить перерыв на пятнадцать минут, чтобы мы могли размять ноги и немного собраться с мыслями. Если ваша подзащитная невиновна, у меня нет ни малейшего желания отправлять ее обратно в изолятор, но это означает, что суд будет продолжаться до тех пор, пока мы во всем не разберемся.

— Прекрасно, — отозвалась Анника Джаннини.

Во время перерыва Микаэль Блумквист поцеловал сестру в щеку.

— Как все прошло?

— Микаэль, я замечательно выступала против Телеборьяна. Я его совершенно уничтожила.

— Я же говорил, что ты будешь в этом процессе непобедима. Если разобраться, то речь в этой истории идет в первую очередь не о шпионах и государственных сектах, а об обычном проявлении насилия по отношению к женщинам и о мужчинах, которые такое допускают. Я видел очень маленькую часть, но там ты была великолепна. Значит, ее освободят?

— Да. Сомневаться в этом больше не приходится.

После перерыва судья Иверсен постучал по столу.

— Не могли бы вы рассказать все от начала до конца, чтобы я смог разобраться в том, что на самом деле произошло.

— С удовольствием, — сказала Анника Джаннини. — Может, стоит начать с поразительной истории о группе сотрудников СЭПО, называющих себя «Секцией», которым пришлось в середине семидесятых годов заниматься советским перебежчиком? История полностью опубликована в вышедшем сегодня журнале «Миллениум». По всей видимости, это станет

главной новостью всех вечерних выпусков.

Около шести часов вечера судья Иверсен решил выпустить Лисбет Саландер на свободу и отменить постановление о ее недееспособности.

Правда, решение было принято с одним условием. Судья Йорген Иверсен потребовал, чтобы Лисбет явилась на формальный допрос, где сообщила бы о том, что ей известно по делу Залаченко. Поначалу Лисбет наотрез отказалась. Ее отказ повлек за собой небольшую перепалку, пока судья Иверсен не повысил голос. Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Лисбет.

— Фрёкен Саландер, раз я отменяю над вами опеку, это означает, что вы наделяетесь точно такими же правами, как все остальные граждане. Это, однако, означает и то, что у вас появляются такие же обязанности. Тем самым, хотите вы того или нет, разбираться с собственным экономическим положением, платить налоги, быть законопослушной и оказывать содействие полиции в расследовании тяжких преступлений становится вашим долгом. И вас, соответственно, вызывают на допрос, как любого другого гражданина, обладающего ценными для следствия сведениями.

Логика аргументов, похоже, на Лисбет Саландер подействовала. Она с недовольным видом выставила вперед нижнюю губу, но протестовать прекратила.

— Когда полиция получит ваши показания, руководитель предварительного следствия — в данном случае генеральный прокурор — решит, надо ли вас вызывать в качестве свидетеля, если в будущем состоится судебный процесс. Подобно всем остальным шведским гражданам, вы можете не подчиниться такому вызову. Как вы поступите, меня не касается, но от ответственности вас никто не освободит. Если вы откажетесь явиться, вас, как и любого другого дееспособного человека, могут привлечь к судебной ответственности за неповиновение закону или сокрытие истины. Исключений ни для кого не делается.

Лисбет Саландер помрачнела еще больше.

— Как вы намерены поступить? — спросил Иверсен.

После минутного размышления она коротко кивнула.

О'кей. Маленький компромисс.

Во время вечернего разбора дела Залаченко Анника Джаннини подвергла прокурора Экстрёма резкой критике, и тот был вынужден признать, что все происходило приблизительно так, как описала Анника Джаннини. При проведении предварительного следствия Экстрём действительно воспользовался помощью комиссара Георга Нюстрёма и

принял информацию от Петера Телеборьяна. Об участии Экстрёма в заговоре речь не шла: он, в качестве руководителя предварительного следствия, выполнял поручения «Секции» без злого умысла. Когда до него всерьез дошли масштабы происшедшего, он прекратил уголовное преследование Лисбет Саландер. Такое решение означало, что отпадал целый ряд бюрократических формальностей, от чего Иверсен явно испытал облегчение.

Хольгер Пальмгрен, впервые за несколько лет принявший участие в судебном процессе, был совершенно обессилен. Ему требовалось вернуться обратно в постель реабилитационного интерната в Эрсте, и его отвез туда одетый в форму охранник из «Милтон секьюрити». Прежде чем покинуть зал, Пальмгрен положил руку на плечо Лисбет Саландер. Они посмотрели друг на друга. Через несколько секунд Лисбет кивнула и слегка улыбнулась.

В семь часов вечера Анника Джаннини второпях позвонила Микаэлю Блумквисту и сообщила, что Лисбет Саландер оправдана по всем пунктам обвинения, но что она еще на несколько часов задержится в полицейском управлении для допроса.

Когда поступило это известие, все сотрудники «Миллениума» находились в редакции. С того момента, как посыльные начали посреди дня разносить первые экземпляры свежего номера по другим редакциям газет и журналов Стокгольма, телефоны в «Миллениуме» звонили непрерывно. Ближе к вечеру канал ТВ-4 пустил в эфир первые экстренные передачи о Залаченко и «Секции». Всеобщее внимание в этот вечер было приковано к СМИ.

Микаэль вышел на середину комнаты, сунул пальцы в рот и по-мальчишески свистнул.

— Мне только что сообщили, что Лисбет оправдана по всем пунктам.

Собравшиеся в едином порыве заплодировали, а потом все продолжили говорить каждый по своему телефону, словно бы ничего и не случилось.

Микаэль поднял взгляд и посмотрел на включенный в центре редакционной комнаты телевизор. На ТВ-4 как раз начинались «Новости». В качестве рекламной заставки появился коротенький фрагмент видеозаписи, на которой Юнас Сандберг подкладывает кокаин в квартиру на Бельмансгатан.

— Сотрудник СЭПО помещает кокаин дома у журналиста Микаэля Блумквиста из журнала «Миллениум».

Потом на экране появился ведущий программы.

— Около десяти сотрудников Службы государственной безопасности были сегодня арестованы за серию тяжких преступлений, включая убийства. Мы предлагаем вашему вниманию специальный выпуск «Новостей».

Увидев, как на экране появляется «Та, с ТВ-4» и как он сам опускается в кресло в студии, Микаэль выключил звук — он и так знал, что там будет сказано. Потом он перевел взгляд на письменный стол, за которым когда-то трудился Даг Свенссон. Следы его работы над репортажем о траффинге уже исчезли, и стол снова начал превращаться в свалку для газет и неразобранных бумаг, которыми никому не хотелось заниматься.

Именно за этим письменным столом для Микаэля начиналось дело Залаченко. Ему вдруг захотелось, чтобы Даг Свенссон мог присутствовать при его завершении. Несколько экземпляров книги Дага о траффинге красовались рядом с книгой самого Микаэля о «Секции».

Тебе бы это понравилось.

Микаэль слышал, что у него в кабинете звонит телефон, но был не в силах с кем-то беседовать. Он захлопнул дверь, пошел к Эрике Бергер, которая в это время говорила по телефону, опустился в удобное кресло возле стоящего у окна маленького столика и огляделся. Эрика вернулась месяц назад, но еще не успела загромоздить кабинет личными вещами, которые забрала с собой, покидая редакцию в апреле. На книжных полках по-прежнему имелось место, а на стенах пока еще отсутствовали картины.

— Ну, как ты? — поинтересовалась она, опуская трубку.

— Думаю, я счастлив, — ответил он.

Она засмеялась.

— «Секция» станет сенсацией. Во всех редакциях народ прямо с ума посходил. Не хочешь поехать, выступить в девятичасовых «Новостях» на первом канале?

— Нет.

— Я так и подозревала.

— Нам еще придется выступать по этому поводу не один месяц. Торопиться незачем.

Она кивнула.

— Что ты собираешься делать попозже вечером?

— Не знаю.

Он прикусил нижнюю губу.

— Эрика... я...

— Фигуэрола, — с улыбкой сказала Эрика Бергер.

Он кивнул.

— Это серьезно?

— Не знаю.

— Она в тебя по уши влюблена.

— Думаю, что я тоже в нее влюблен.

— Я буду держаться от тебя подальше, пока ты не разберешься.

Он кивнул.

— Возможно, — добавила она.

В восемь часов в дверь редакции позвонили Драган Арманский и Сусанн Линдер. Они посчитали, что случай требует шампанского, и принесли с собой пакет с бутылками. Эрика Бергер обняла Сусанн Линдер и повела ее смотреть редакцию, а Арманский уселся в кабинете у Микаэля.

Они выпили и довольно долго молчали, пока наконец Арманский не произнес:

— Знаешь что, Блумквист? Когда мы впервые встретились в связи с этой историей в Хедестаде, ты мне ужасно не понравился.

— Вот как.

— Вы пришли подписывать контракт, когда ты нанимал Лисбет исследователем.

— Я помню.

— Думаю, я тебе позавидовал. Ты был знаком с ней всего пару часов, а вы уже вместе смеялись. Я же в течение нескольких лет пытался стать Лисбет другом, но так и не добился даже намека на улыбку.

— Ну... в целом я тоже большого успеха не достиг.

Они еще немного помолчали.

— Приятно, что все закончилось, — сказал Арманский.

— Аминь, — отозвался Микаэль.

Формальный допрос Лисбет Саландер в качестве свидетеля проводили инспекторы уголовной полиции Ян Бублански и Соня Мудиг. Едва разойдясь по домам после весьма продолжительного рабочего дня, они оба были вынуждены почти сразу вернуться обратно в полицейское управление.

Для поддержки Саландер к ним присоединилась Анника Джаннини, у которой, однако, не возникло поводов вмешиваться. Лисбет Саландер четко отвечала на все вопросы.

Она последовательно лгала в двух главных моментах. Описывая происшедшее во время драки в Сталлархольме, она упорно утверждала, что

в ногу Карлу Магнусу, иначе Магге Лундину, случайно выстрелил Сонни Ниеминен — в ту секунду, когда она припечатала его электрошокером. Откуда у нее взялся электрошокер? Она объяснила, что конфисковала его у Магге Лундина.

Бублански с Мудиг смотрели на нее с сомнением, но какие-либо доказательства или свидетели, способные опровергнуть ее объяснения, отсутствовали. Возможно, опровергнуть ее слова мог бы Сонни Ниеминен, но он вообще отказывался говорить что-либо по поводу того дня. На самом деле он просто не имел представления о том, что произошло в первые секунды после того, как Лисбет применила к нему электрошокер.

Относительно поездки в Госсебергу Лисбет заявила, что отправилась туда с целью встретиться с отцом и уговорить его сдать ся полиции.

Вид у Лисбет Саландер был искривленный.

Никто не мог понять, говорит она правду или нет. Анника Джаннини по этому поводу ничего не знала.

Точно знал, что Лисбет Саландер поехала в Госсебергу с целью раз и навсегда разобраться с отцом, лишь Микаэль Блумквист, но его вскоре после возобновления судебного разбирательства выпроводили из зала. О том, что они с Лисбет Саландер вели долгие ночные разговоры в Сети, когда она лежала в полной изоляции в Сальгренской больнице, никому известно не было.

Сам момент освобождения СМИ полностью упустили. Будь им известно точное время, полицейское управление оккупировала бы огромная толпа представителей прессы, но после разразившегося днем переполоха, когда вышел номер «Миллениума» и оказалось, что одни полицейские из Службы безопасности арестовали других, репортеры пребывали в изнеможении.

«Та, с ТВ-4» по традиции была единственной журналисткой, оказавшейся полностью в курсе дела. Ее часовой репортаж стал классикой и несколько месяцев спустя получил премию как лучшая информационная программа года.

Соня Мудиг вывела Лисбет Саландер из полицейского управления, просто спустившись с ней и Анникой Джаннини в подземный гараж, а затем отвезла их на машине до офиса Анники на площади Чюркуплан. Там они пересели в машину Анники Джаннини. Анника подождала, пока Соня Мудиг скроется из виду, завела мотор и поехала в сторону района Сёдермальм. Когда они миновали здание Риксдага, Анника нарушила молчание.

— Куда? — спросила она.

Лисбет на несколько секунд задумалась.

— Можешь выпустить меня где-нибудь на Лундагатан.

— Мириам Ву там нет.

Лисбет покосилась на Аннику Джаннини.

— Она почти сразу после выхода из больницы уехала во Францию.

Если захочешь с ней связаться, то она живет у родителей.

— Почему ты мне не говорила?

— Ты не спрашивала.

— Хм.

— Ей надо было отключиться. Микаэль дал мне утром вот это, сказав, что тебе это может понадобиться.

Она передала Лисбет связку ключей, и та взяла ее, не говоря ни слова.

— Спасибо. Можешь выпустить меня где-нибудь на Фолькунгагатан?

— Ты не хочешь говорить мне, где живешь?

— Позже. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Хорошо.

Покинув здание полиции, Анника включила мобильный телефон, и тот начал пищать, как раз когда они проезжали Шлюз. Анника взглянула на дисплей.

— Это Микаэль. Он в последние часы звонит каждые десять минут.

— Я не хочу с ним разговаривать.

— Твое дело. Но можно, я задам тебе личный вопрос?

— Да?

— Что тебе все-таки сделал Микаэль, что ты его так сильно ненавидишь? Ведь если бы не он, тебя, скорее всего, упекли бы сегодня в сумасшедший дом.

— Я Микаэля не ненавижу. Он ничего мне не сделал. Просто сейчас не хочу с ним встречаться.

Анника Джаннини покосилась на свою подзащитную.

— Я не собираюсь вмешиваться в твои личные дела, но ты в него влюблена, не так ли?

Лисбет смотрела в боковое стекло, ничего не отвечая.

— Мой брат совершенно безответствен, когда дело касается женщин. Он трахается направо и налево, не понимая, какую боль может причинять женщинам, которые рассматривают его как нечто большее, чем случайно подвернувшегося парня.

Лисбет посмотрела ей в глаза.

— Я не хочу обсуждать с тобой Микаэля.

— Ладно, — согласилась Анника. Она припарковалась у тротуара, немного не доезжая Эрстагатан. — Здесь подойдет?

— Да.

Они немного посидели молча. Лисбет не делала попыток открыть дверцу машины. Через некоторое время Анника заглушила мотор.

— Что будет дальше? — спросила в конце концов Лисбет.

— Дальше... начиная с сегодняшнего дня ты больше не являешься недееспособной и можешь делать, что хочешь. Сегодня в суде мы добились своего, но еще остается целый ряд бюрократических формальностей. В Комитете по надзору за органами опеки и попечительства пойдут разбирательства по поводу ответственности за случившееся, и возникнут вопросы о компенсации и тому подобном. Да и расследование преступлений будет продолжаться.

— Мне не нужна никакая компенсация. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Я понимаю. Но твоё желание большой роли не играет. Этот процесс пойдет независимо от тебя. Я бы предложила тебе нанять адвоката, который сможет представлять твои интересы.

— А ты не хочешь продолжать быть моим адвокатом?

Аника потерла глаза. После такого тяжелого дня она чувствовала себя совершенно опустошенной. Ей хотелось поехать домой, принять душ и подставить мужу спину для массажа.

— Не знаю. Ты мне не доверяешь. А я не доверяю тебе. У меня нет никакого желания втягиваться в долгий процесс, где мои предложения или попытки что-либо обсудить будут наталкиваться на глухое молчание.

Лисбет долго сидела молча.

— Я... я плохо умею поддерживать отношения. Но на самом деле я тебе доверяю.

Это прозвучало как извинение.

— Возможно. Твое неумение поддерживать человеческие отношения — не моя проблема, но она станет моей, если мне придется представлять твои интересы.

Молчание.

— Ты хочешь, чтобы я и дальше была твоим адвокатом?

Лисбет кивнула. Аника вздохнула.

— Я живу на Фискаргатан, девять. Над площадью Мусебакке. Ты можешь меня туда отвезти?

Аника еще раз покосилась на свою подзащитную, но в конце концов завела машину и предоставила Лисбет показывать ей дорогу. Они

остановились неподалеку от нужного дома.

— О'кей, — сказала Анника. — Давай попробуем. Вот мои условия. Я буду представлять твои интересы. Мне надо, чтобы ты не уклонялась от встреч, когда ты мне понадобишься. Если мне потребуется знать твое мнение по поводу того, как мне действовать, я хочу получать четкие ответы. Если я позвоню и скажу, что ты должна встретиться с полицейским или прокурором или сделать что-либо другое, касающееся расследования преступлений, значит, я оценила ситуацию и пришла к выводу, что это необходимо. В таком случае я требую, чтобы ты появлялась в условленном месте, в нужное время, без всяких препирательств. Ты сможешь с этим жить?

— О'кей.

— И если только ты начнешь выкидывать фокусы, я прекращаю быть твоим адвокатом. Тебе это понятно?

Лисбет кивнула.

— Еще одно. Я не желаю участвовать в какой-нибудь драме между тобой и моим братом. Если у вас с ним имеются какие-то проблемы, тебе придется с ними разобраться. Но он тебе в любом случае не враг.

— Я знаю. Я разберусь. Но мне нужно время.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю. Ты сможешь связываться со мной по электронной почте. Я обещаю отвечать при первой возможности, но не исключено, что я буду проверять почту не каждый день...

— От того, что ты обзавелась адвокатом, ты не становишься крепостной. Этого пока вполне достаточно. А теперь вылезай из машины. Я смертельно устала и хочу поехать домой и лечь спать.

Лисбет открыла дверцу машины и выбралась на тротуар. Закрывая дверцу, она остановилась. Она, похоже, пыталась еще что-то высказать, но не находила слов. Аннике на какой-то миг показалось, что она выглядит чуть ли не беззащитной.

— Все нормально, — сказала Анника. — Иди домой и ложись спать. И не впутайся во что-нибудь в ближайшее время.

Лисбет Саландер стояла на тротуаре и смотрела вслед Аннике Джаннини, пока задние фонари ее машины не скрылись за углом.

— Спасибо, — наконец сказала она.

Суббота, 16 июля — пятница, 7 октября

В холле она обнаружила на комодe свой карманный компьютер «Палм Тангстен ТЗ». Там же лежали ключи от ее машины и сумка, которой она лишилась, когда Магге Лундин набросился на нее возле парадной на Лундагатан, а еще вскрытая и не вскрытая почта, взятая из почтового ящика на Хурнsgатан. *Микаэль Блумквист.*

Лисбет медленно обошла меблированную часть квартиры, повсюду натываясь на следы его присутствия. Он спал в ее постели и работал за ее письменным столом. Он пользовался ее принтером, а в корзине для бумаг она нашла черновики текстов о «Секции», выброшенные записи и разные каракули.

Он купил и оставил в холодильнике литр молока, хлеб, сыр, икру и десять упаковок пиццы.

На кухонном столе она обнаружила маленький белый конверт со своим именем. Внутри лежала маленькая записка от него — номер его мобильного телефона. И все.

Лисбет Саландер вдруг поняла, что теперь все в ее руках. Он закончил работу, вернул ей ключи от квартиры и искать с ней встречи не намеревался. Если ей что-нибудь понадобится, она может позвонить. Проклятый упрямец.

Лисбет поставила вариться кофе, сделала четыре бутерброда, уселась у окна и посмотрела на остров Юргорден. Потом закурила сигарету и задумалась.

Все закончилось, и тем не менее она чувствовала себя еще более одиноко, чем когда-либо.

Мириам Ву уехала во Францию. *Я виновата в том, что ты чуть не умерла.* Лисбет боялась того момента, когда ей придется встретиться с Мириам Ву, и заранее решила, что после освобождения первым делом пойдет к ней. А она уехала во Францию.

Она вдруг оказалась в долгу у множества разных людей.

У Хольгера Пальмгрена. У Драгана Арманского. Надо позвонить им и поблагодарить. У Паоло Роберто. У Чумы с Троицей. Даже проклятые полицейские Бублански и Мудиг, объективно говоря, заняли ее сторону. Она не любила быть у кого-нибудь в долгу и теперь чувствовала себя

пешкой в игре, которую не могла контролировать.

В долгу у Чертова Калле Блумквиста и, возможно, даже у Чертовой Эрики Бергер с ямочками на щеках, красивой одеждой и уверенной манерой держаться.

Все позади, сказала Анника Джаннини, когда они выходили из здания полиции. Да. Суд позади. Позади для Анники Джаннини. Позади и для Микаэля Блумквиста, который опубликовал свой материал и теперь попадет на телевидение и наверняка заработает какую-нибудь чертову премию.

Но далеко не позади для Лисбет Саландер. Для нее это только первый день всей оставшейся жизни.

В четыре утра она закончила думать. Сбросила наряд панка на пол в спальне, пошла в ванную и приняла душ. Она тщательно смыла макияж, с которым явилась в суд, надела свободные темные льняные брюки, белую майку и тонкую куртку. Потом уложила в дорожную сумку перемену одежды, нижнее белье и две майки и надела простые прогулочные туфли.

Прихватив с собой карманный компьютер, Лисбет заказала такси к площади Мусебакке, отправилась в аэропорт и прибыла туда около шести. Изучив табло с расписанием вылетов, Лисбет купила билет наугад. При этом воспользовалась собственным паспортом и была поражена тем, что ни при покупке билета, ни при регистрации ее, похоже, никто не узнал и не среагировал на ее имя.

Лисбет получила билет на утренний самолет в Малагу и уже днем приземлилась посреди палящей жары. Некоторое время она нерешительно постояла в зале прилета, потом подошла к карте и задумалась над тем, что бы ей сделать в Испании. Примерно через минуту она приняла решение. У нее не было сил раздумывать над автобусными маршрутами или другими видами транспорта. Она купила в магазине аэропорта солнечные очки, вышла на стоянку такси и уселась на заднее сиденье первой свободной машины.

— Гибралтар. Я заплачу кредитной карточкой.

Поездка по новому шоссе вдоль южного берега заняла три часа. Такси высадило Лисбет возле паспортного контроля, на границе британской территории. Оттуда она прошла пешком до гостиницы «Рок-отель», расположенной на Европа-роуд, в верхней части склона скалы высотой 425 метров, и спросила, есть ли у них свободные номера. У них имелся номер на двоих, и Лисбет зарезервировала его на две недели, воспользовавшись кредитной карточкой.

Приняв душ и завернувшись в купальную простыню, она уселась на балконе и стала смотреть на Гибралтарский пролив. Она увидела грузовые пароходы и несколько яхт и даже смогла различить в дымке Марокко на другой стороне пролива. Все вокруг дышало покоем.

Через некоторое время она легла спать и сразу заснула.

На следующее утро Лисбет Саландер проснулась в половине шестого. Она встала, приняла душ и выпила кофе в баре отеля на первом этаже. В семь часов она вышла из гостиницы, купила мешок манго и яблок, доехала на такси до вершины скалы и отправилась к обезьянам. Лисбет приехала настолько рано, что туристов еще почти не было, и она оказалась с животными почти наедине.

Гибралтар ей нравился. Она уже в третий раз посещала эту удивительную скалу посреди Средиземного моря, где располагался английский город с абсурдно густым населением. Гибралтар не походил ни на какое другое место. В течение десятилетий этот город-колония находился в изоляции, стойко противясь воссоединению с Испанией. Испанцы, разумеется, протестовали против оккупации. (Лисбет Саландер считала, однако, что испанцам следовало помалкивать, пока они сами владеют анклавом Сеута на марокканской территории по другую сторону Гибралтарского пролива.) Этот странный город площадью чуть более двух квадратных километров, расположенный на причудливой скале, дополненный аэродромом, который начинался и заканчивался в море, был удивительным образом отгорожен от всего мира. В маленькой колонии использовался каждый квадратный сантиметр, а любое расширение площадей могло происходить только за счет моря. Чтобы попасть в город, приезжим приходилось пересекать посадочную полосу аэродрома.

Гибралтар придавал понятию compact living^[64] новое содержание.

Мощная обезьяна забралась на стену возле дорожки и уставилась на нее — это был берберийский макак. Лисбет знала, что пытаться гладить животных не следует.

— Привет, приятель, — сказала она. — Вот я и вернулась.

Во время первого посещения Гибралтара Лисбет о здешних обезьянах даже не слыхала. Она просто поехала на вершину, чтобы полюбоваться видом, и была совершенно поражена, когда, примкнув к группе туристов, вдруг оказалась посреди стаи обезьян, которые карабкались и лазали по обеим сторонам дороги.

Когда просто бредешь по тропинке и внезапно вокруг появляется две дюжины обезьян, возникает совершенно особое чувство. Лисбет смотрела

на них с величайшей подозрительностью. Они не казались опасными или агрессивными, но в то же время обладали достаточной силой, чтобы нанести смертельный укус, если почувствуют, что их дразнят или что им угрожает опасность.

Лисбет нашла зрителя, показала ему принесенный мешок и спросила, можно ли дать обезьянам фрукты. Он ответил, что можно.

Она вынула манго и положила на стене, чуть в стороне от макака.

— Завтрак, — сказала она, прислонившись к стене и откусывая от яблока.

Макак посмотрел на нее, показал зубы и охотно схватил манго.

Пятью днями позже, около четырех часов, Лисбет Саландер упала со стула в «Баре Харри», находившемся на одной из параллельных Мейн-стрит улиц, в двух кварталах от гостиницы. Посетив обезьянью гору, она с тех пор пила не просыхая, и в основном у Харри О'Коннелла, владевшего баром и говорившего с деланным ирландским акцентом, хотя в Ирландии ни разу в жизни не был. Он наблюдал за ней с озабоченным видом.

Когда она впервые заказала выпивку четыре дня назад, Харри потребовал от нее удостоверение личности, поскольку она выглядела гораздо моложе своих лет. Он знал, что ее зовут Лисбет, и называл ее Лиз. Она обычно появлялась после ланча, усаживалась на высокую табуретку в глубине бара, прислонялась к стене и принималась поглощать пиво или виски в весьма неумеренных количествах.

Пиво она пила, не обращая внимания на марку или сорт — просто брала то, что ей наливали. Заказывая виски, она всегда выбирала «Талламор Дью», и только однажды, внимательно изучив бутылки за прилавком, заинтересовалась сортом «Лагавулин». Получив стакан, она его понюхала, подняла брови и сделала очень маленький глоток. Потом поставила стакан и минуту смотрела на него с таким выражением, будто его содержимое отныне считала своим непримиримым врагом.

Под конец она отодвинула стакан и попросила Харри дать ей чего-нибудь такого, чем она не смогла бы смолить лодку. Он снова налил ей «Талламор Дью», и она продолжила напиваться. За прошедшие четверо суток она в одиночестве употребила целую бутылку. За количеством выпитого ею пива Харри даже не следил. Он был, мягко говоря, удивлен тем, что девушка столь скромного телосложения могла в себя так много вливать, но решил, что раз уж ей хочется пить спиртное, то она все равно обязательно напьется, если не в его баре, так в каком-нибудь другом.

Пила она медленно, ни с кем не разговаривая и не затевая ссор.

Помимо алкоголя ее, похоже, занимала только игра с карманным компьютером, который она периодически подключала к мобильному телефону. Харри несколько раз пытался с ней заговаривать, но наткнулся на мрачное молчание. Общения она, казалось, избегала. В некоторых случаях, когда в баре оказывалось слишком много народу, она перемещалась за столик на улице, а иногда уходила в итальянский ресторан, двумя дверьми дальше, ужинала, а потом снова возвращалась к Харри и заказывала «Талламор Дью». Около десяти вечера она обычно покидала бар и, покачиваясь, удалялась в северном направлении.

В тот день она пила больше и быстрее обычного, и Харри уже начал за ней приглядывать. Примерно за два часа она влила в себя семь стаканов любимого напитка, и он решил больше спиртного ей не давать. Но еще не успев воплотить свое решение в жизнь, он услышал грохот и увидел, что она упала со стула.

Харри поставил стакан, который в этот момент протирал, обошел стойку и поднял девушку. Та посмотрела на него с возмущением.

— Думаю, тебе уже хватит, — сказал он.

Она посмотрела на него мутным взглядом и на удивление твердым голосом ответила:

— Думаю, ты прав.

Опершись рукой о стойку, она выгребла из нагрудного кармана купюры и двинулась к выходу, качаясь на ходу. Харри мягко придержал ее за плечо:

— Подожди минутку. Может, тебе лучше пойти в туалет, удалить излишки и еще немного посидеть в баре. Мне не хочется отпускать тебя в таком состоянии.

Она не стала протестовать, когда он повел ее в туалет, и последовала его совету, сунув два пальца в рот. Когда она вновь появилась в баре, Харри налил ей большой стакан содовой. Она опустошила стакан и рыгнула. Харри налил ей еще стакан.

— Завтра тебе придется туго, — сказал он.

Она кивнула.

— Это не мое дело, но на твоём месте я бы пару дней воздержался от спиртного.

Она снова кивнула. Потом пошла обратно в туалет, где ее опять вырвало.

Примерно через час ее взгляд прояснился настолько, что Харри решил ее отпустить. Она покинула бар на ватных ногах, дошла до аэродрома и побрела по берегу, вдоль лодочной станции. Бродила Лисбет

примерно до половины девятого, пока земля наконец не перестала качаться у нее под ногами. Только после этого она вернулась в гостиницу, у себя в номере почистила зубы, сполоснула лицо и переоделась, а потом спустилась в бар гостиницы и заказала чашку черного кофе и бутылку минеральной воды.

Молча сидя возле колонны и не привлекая к себе внимания, Лисбет изучала посетителей бара, например парочку лет тридцати, поглощенную тихой беседой. Женщина была в светлом летнем платье. Мужчина под столом держал ее за руку. Через два столика от них сидела темнокожая семья: он — с сидящими висками, она — в красивом платье, пестрящем золотистыми, черными и красными красками. У них было двое детей младшего школьного возраста. Лисбет отметила группу бизнесменов в белых рубашках и галстуках, которые пили пиво, повесив пиджаки на спинки стульев. Вот компания пенсионеров — наверняка американских туристов: мужчины в бейсболках, теннисках и свободных брюках, женщины в фирменных джинсах, красных топах и с солнечными очками на шнурках. Потом Лисбет обратила внимание на мужчину в светлом льняном пиджаке, серой рубашке и темном галстуке, который зашел с улицы, взял в рецепции ключи, а затем направился к бару и заказал пиво. Она сидела в трех метрах от него и пристально его разглядывала, когда он вынул мобильный телефон и заговорил по-немецки.

«Привет, это я... все в порядке? ...все идет хорошо, следующая встреча у нас завтра во второй половине дня... нет, думаю, получится... я пробуду здесь еще минимум пять или шесть дней, а потом поеду в Мадрид... нет, я вернусь домой не раньше конца следующей недели... я тоже... я тебя люблю... ну, конечно... я позвоню ближе к концу недели... целую».

Рост 185 сантиметров, пятьдесят или, возможно, пятьдесят пять лет, волосы светлые, тронутые сединой, коротко стриженные, второй подбородок и лишние отложения на талии. Тем не менее в очень приличной форме. Он читал «Файненшл таймс». Когда он допил пиво и пошел к лифту, Лисбет Саландер последовала за ним.

Он нажал кнопку шестого этажа. Лисбет встала рядом с ним и прислонилась затылком к стенке лифта.

— Я пьяная, — заявила она.

Он посмотрел на нее.

— Неужели?

— Да. Такая выдалась неделя. Давай-ка я отгадаю. Ты — какой-то бизнесмен, приехал из Ганновера или откуда-то из Северной Германии. Ты

женат. Любишь свою жену. И тебе надо еще на несколько дней задержаться в Гибралтаре. Это то, что я поняла из твоего телефонного разговора в баре.

Он посмотрел на нее с изумлением.

— Я сама из Швеции. И испытываю непреодолимое желание заняться с кем-нибудь сексом. Мне наплевать, что ты женат, и меня не интересует твой номер телефона.

Он поднял брови.

— Я живу в номере семьсот одиннадцать, этажом выше тебя. Я собираюсь подняться к себе, раздеться, принять ванну и лечь в постель. Если захочешь составить мне компанию, постучись через полчаса. Иначе я засну.

— Это какая-то шутка? — спросил он, когда лифт остановился.

— Нет. Мне лень напрягаться, чтобы идти в кабак кого-нибудь снимать. Либо ты ко мне постучишься, либо обойдусь.

Через двадцать пять минут в дверь номера Лисбет постучали. Она открыла, обмотавшись купальной простыней.

— Заходи, — пригласила она.

Он вошел и с подозрением огляделся.

— Кроме меня, тут никого нет, — сказала она.

— Сколько тебе лет?

Она протянула руку, взяла лежавший на комодке паспорт и протянула ему.

— Ты выглядишь моложе.

— Знаю, — ответила она, размотала купальную простыню и бросила ее на пол. Потом подошла к кровати и откинула покрывало.

Он посмотрел на ее татуировки. Она покосилась на него через плечо.

— Это не ловушка. Я одинокая девушка и провожу здесь несколько дней. Я не занималась сексом несколько месяцев.

— Почему ты выбрала именно меня?

— Потому что в баре только ты был вроде как в одиночестве.

— Я женат...

— А меня не интересует, кто она и даже кто ты. И у меня нет желания обсуждать вопросы общественной жизни. Я хочу трахаться. Раздевайся или отправляйся обратно к себе.

— Просто так?

— А почему бы и нет. Ты уже взрослый и знаешь, что от тебя ожидается.

Он с полминуты подумал. По его виду казалось, что он собирается уйти. Она села на край кровати и ждала. Он прикусил нижнюю губу, потом

все же снял брюки и рубашку и засомневался относительно трусов.

— Все, — сказала Лисбет Саландер. — Я не намерена трахаться с кем-то, кто не снимает трусов. И обязательно надень презерватив. Я знаю, где была сама, но не знаю, где побывал ты.

Он стянул трусы, подошел к ней и положил руку ей на плечо. Когда он наклонился и поцеловал ее, Лисбет закрыла глаза. Его поцелуй был приятным на вкус. Она позволила ему опустить ее на кровать. Он оказался тяжелым.

Открыв дверь в свой офис в центре «Бьюкенен хаус» на пристани Куинсвей над лодочной станцией, адвокат Джереми Стюард Макмиллан почувствовал, что волосы у него на затылке поднимаются. Он ощутил запах табачного дыма и услышал, как скрипнул стул. Было около семи утра, и он первым делом подумал, что в офис забрался грабитель.

Потом с мини-кухни до него донесся запах кофе. Через несколько секунд он нерешительно переступил через порог, прошел через холл и заглянул в просторный и элегантно обставленный кабинет. В его офисном кресле, спиной к нему и положив ноги на подоконник, сидела Лисбет Саландер. Его рабочий компьютер был включен, и ей явно не составило проблемы преодолеть пароль. С той же легкостью она открыла его сейф. На коленях у нее лежала папка с его в высшей степени интимной корреспонденцией и бухгалтерскими документами.

— Доброе утро, фрёкен Саландер, — в конце концов сказал он.

— Мм, — ответила она. — Там есть свежесваренный кофе и круассаны.

— Спасибо, — поблагодарил он, смиренно вздохнув.

Офис он, конечно, купил на ее деньги и по ее просьбе, но никак не ожидал, что она станет появляться без предупреждения, будто из воздуха. Кроме того, она нашла и явно просмотрела порнографический журнал для гомосексуалистов, который он прятал у себя в ящике стола.

Как неловко.

А может, и нет.

По опыту общения с Лисбет Саландер он знал, что она непримирима в отношении тех людей, которые ее раздражают, но даже бровью не поведет по поводу человеческих слабостей. Она знала, что официально он считается гетеросексуалом, но втайне увлекается мужчинами и после состоявшегося пятнадцать лет назад развода дает волю самым интимным фантазиям.

Как странно. С ней я чувствую себя уверенным.

Раз уж она все равно оказалась в Гибралтаре, Лисбет решила посетить адвоката Джереми Макмиллана, занимавшегося ее финансовыми делами. В последний раз она общалась с ним перед Новым годом и хотела узнать, не разорил ли он ее, пока она не могла за ним присматривать.

Но никакой спешки с этим не было, и отправилась она в Гибралтар прямо после освобождения отнюдь не поэтому. Ей просто безумно хотелось от всего отключиться, и Гибралтар прекрасно для этого подходил. Неделю она пьянствовала, потом еще несколько дней занималась сексом с немецким бизнесменом — в конце концов тот представился, назвавшись Дитером. Она сомневалась в том, что это его настоящее имя, но проводить расследование не стала. Целыми днями он сидел на разных совещаниях, а по вечерам они вместе ужинали и потом отправлялись к нему или к ней в номер.

Лисбет констатировала, что в постели он совсем недурен. Возможно, ему чуть-чуть не хватало опыта, и временами он проявлял излишнюю грубость.

Дитер, похоже, действительно изумился тому, что она, просто поддавшись импульсу, подцепила корпулентного немецкого бизнесмена, который вовсе не думал искать приключений. Он и вправду был женат и не имел привычки изменять жене или знакомиться с женщинами во время деловых поездок. Но когда ему преподнесли на блюде такую возможность в виде хрупкой девушки с татуировками, он не смог устоять перед искушением. Это он так говорил.

Лисбет Саландер его слова особенно не волновали. Она предполагала лишь позаниматься сексом в восстановительных целях, но, к ее удивлению, он действительно старался доставить ей удовлетворение. Только на четвертую, их последнюю совместную ночь его вдруг охватил панический страх и он начал задумываться над тем, что скажет жена. Лисбет Саландер считала, что ему следует держать язык за зубами и ничего жене не рассказывать, но говорить ему об этом она не стала. Он взрослый человек и вполне мог отказаться от ее приглашения. Если его мучают угрызения совести или он собирается признаться жене, это не ее проблема. Она лежала, повернувшись к нему спиной, и в течение пятнадцати минут терпеливо слушала, а потом закатила глаза, перевернулась и уселась на него верхом.

— Ты не можешь ненадолго перестать терзаться и еще разок меня удовлетворить? — поинтересовалась она.

Джереми Макмиллан — это совершенно другая история. В

эротическом плане он Лисбет Саландер совершенно не интересовал. Он был негодяем, хотя внешне, как ни странно, походил на Дитера. В свои сорок восемь лет он имел приятную наружность, хотя и был несколько полноват, седеющие русые вьющиеся волосы зачесывал назад и носил тонкие очки в золоченой оправе.

Когда-то он был бизнес-юристом с первоклассным образованием и работал инвестиционным менеджером в Лондоне. Перед ним открывались прекрасные перспективы — он являлся совладельцем адвокатской конторы, обслуживавшей крупные предприятия и недавно сколотивших себе состояния яппи, которые занимались покупкой недвижимости и планированием налогов. Он провел веселые 80-е, общаясь со знаменитостями-нуворишами, много пил и баловался кокаином в компании людей, с которыми совершенно не мечтал просыпаться вместе на следующее утро. Под суд он ни разу не угодил, но лишился жены и двоих детей и был уволен с работы после того, как запорол дела и ввалился пьяным на переговоры о мировом соглашении.

Протрезвев, он без особых раздумий позорно бежал из Лондона. Почему его понесло именно в Гибралтар, он не знал и сам, но в 1991 году вместе с одним местным юристом открыл в глуховатом местечке непритязательную контору, которая официально занималась описями куда менее гламурного имущества и составлением завещаний. Несколько менее официально фирма «Макмиллан и Маркс» занималась созданием оффшорных компаний и выполняла роль подставного лица для разных сомнительных личностей из Европы. Дела их шли ни шатко ни валко до тех пор, пока Лисбет Саландер не выбрала Джереми Макмиллана на роль управляющего двумястами шестидестью миллионами долларов, которые она похитила из разваливающейся империи Ханса Эрика Веннерстрёма.

Макмиллан, без сомнения, был негодяем. Но она рассматривала его как своего собственного негодяя, и он сам удивлялся тому, что проявлял по отношению к ней безукоризненную порядочность. Для начала она наняла его для простого задания: за скромное вознаграждение он создал для нее ряд оффшорных компаний, где она разместила миллион долларов. Она связалась с ним по телефону и долгое время оставалась для него лишь голосом издалека. Откуда взялись деньги, он не спрашивал. Просто сделал то, о чем она просила, и дебетовал ей пять процентов от суммы. Вскоре она перевела ему более крупную сумму для создания фирмы «Уосп энтерпрайзис», которая купила квартиру в Стокгольме. То есть контакт с Лисбет Саландер становился прибыльным, хотя для него это и были маленькие деньги.

Два месяца спустя она внезапно появилась в Гибралтаре. Позвонила ему и пригласила на частный ужин у нее в номере в отеле «Рок», являвшемся если не крупнейшей, то самой знаменитой гостиницей на Скале. Он толком не знал, чего ожидал, но никак не думал, что его клиентка окажется кукольного вида девушкой, лет пятнадцати на вид. Он решил, что над ним странным образом подшутили.

Однако он быстро изменил свое мнение. Удивительная девушка преспокойно разговаривала с ним, ни разу не улыбнувшись, без намека на какое-либо личное отношение. В течение нескольких минут она полностью развеяла образ респектабельного специалиста и светского человека, который он так старательно себе создавал. Макмиллан сидел как парализованный.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Я похитила крупную сумму денег, — на полном серьезе заявила она. — Мне нужен негодяй, который смог бы ими управлять.

Он задумался, в своем ли она уме, но стал вежливо подыгрывать. Она казалась потенциальной жертвой для быстрой обводки, которая сулила ему небольшой доход. Потом его словно молнией поразило, когда она рассказала, у кого похитила деньги, каким образом и о какой сумме идет речь. Дело Веннерстрёма было самой горячей темой разговоров среди финансистов всего мира.

— Ясно.

У него в голове проносились возможности.

— Ты талантливый бизнес-юрист и инвестиционный менеджер. Будь ты идиотом, тебе никогда бы не доверили тех заданий, которые ты получал в восьмидесятых годах. Правда, ты повел себя как идиот и тебя уволили.

Он удивленно поднял брови.

— В дальнейшем я буду твоим единственным клиентом.

Она посмотрела на него самыми невинными глазами, какие ему только доводилось видеть.

— У меня есть два требования. Первое — ты не должен совершать ничего противозаконного или ввязываться во что-то такое, что сможет создать нам проблемы и привлечь внимание властей к моим предприятиям и счетам. Второе — ты не должен мне врать. Никогда. Ни единого раза. Ни при каких условиях. Если ты мне солжешь, наши деловые отношения сразу прекратятся, а если ты меня рассердишь достаточно сильно, то я тебя разорю.

Она налила ему бокал вина.

— Врать мне не имеет смысла. Я уже знаю о твоей жизни все, что

надо. Знаю, сколько ты зарабатываешь в хороший месяц и сколько в плохой. Знаю, сколько ты тратишь. Мне известно, что тебе всегда не хватает денег. Я знаю, что у тебя сто двадцать тысяч фунтов долгов, долгосрочных и краткосрочных, и что тебе постоянно приходится рисковать и пускаться в разные махинации с деньгами, чтобы вовремя выплачивать амортизационные взносы. Ты элегантно одеваешься и пытаешься создавать видимость успешного человека, но дела у тебя идут хуже некуда, и ты уже несколько месяцев не покупал себе нового пиджака. Зато две недели назад тебе латали подкладку на старом пиджаке. Ты увлекаешься коллекционированием редких книг, но периодически вынужден их продавать. В прошлом месяце ты продал раннее издание «Оливера Твиста» за семьсот шестьдесят фунтов.

Она замолчала, не отрывая от него взгляда. Он сглотнул.

— Правда, на прошлой неделе тебе удалось сорвать куш — довольно ловко надуть вдову, интересы которой ты представляешь. Ты урвал шесть тысяч фунтов, которых она едва ли хватится.

— Откуда, черт побери, тебе это известно?

— Я знаю, что ты был женат и у тебя в Англии остались двое детей, не желающих с тобой знаться, а также что после развода ты в основном поддерживаешь гомосексуальные отношения. Вероятно, ты этого стыдишься, поскольку не посещаешь клубов для голубых и избегаешь ходить по городу в обществе своих друзей-мужчин, а также судя по тому, что ты часто пересекаешь границу Испании для встреч с мужчинами.

Потрясенный Джереми Макмиллан буквально онемел. Ему стало страшно. Он понятия не имел, откуда она раздобыла информацию, но она знала достаточно, чтобы его уничтожить.

— Я больше об этом говорить не буду. Мне совершенно наплевать, с кем ты занимаешься сексом. Меня это не касается. Мне просто надо знать, что ты за человек, но своими знаниями я никогда не воспользуюсь. Я не собираюсь тебе угрожать или тебя шантажировать.

Идиотом Макмиллан не был. Он, разумеется, понимал, что имеющиеся у нее сведения представляют угрозу и что он полностью у нее в руках. На мгновение он задумался, не сбросить ли ее с балкона, но сдержался. Такого страха ему испытывать еще не доводилось.

— Чего ты хочешь? — выдавил он из себя.

— Я хочу взять тебя в компаньоны. Ты должен покончить с любым другим бизнесом и работать исключительно на меня. Ты будешь получать больше, чем когда-либо мечтал.

Она объяснила, что от него требуется и как, по ее мнению, это должно

выглядеть.

— Я хочу оставаться невидимой. Моими делами будешь заниматься ты. Все должно быть законно. То, во что я впутаюсь сама, никак не будет касаться тебя или иметь отношение к нашему бизнесу.

— Понятно.

— Значит, я буду твоей единственной клиенткой. Тебе дается неделя на то, чтобы отделаться от других клиентов и покончить с мелкими махинациями.

Он посчитал, что такое предложение бывает раз в жизни, и, подумав шестьдесят секунд, согласился. У него возник только один вопрос:

— Откуда ты будешь знать, что я тебя не надуваю?

— Лучше не пробуй. Тебе придется жалеть об этом весь остаток твоей жалкой жизни.

Причин для надувательства не имелось. Лисбет Саландер предлагала работу, которая потенциально сулила ему такую прибыль, что было бы абсурдно рисковать этим ради мелкой сиюминутной выгоды. Пока он ведет себя скромно и не выкидывает никаких номеров, его будущее может считаться обеспеченным.

Надувать Лисбет Саландер он, следовательно, не собирался.

Соответственно, он стал честным или, по крайней мере, настолько честным, насколько может считаться переутомленный адвокат, управляющий краденым капиталом астрономических размеров.

Саму Лисбет управление финансами совершенно не интересовало. В задачу Макмиллана входило размещать ее деньги и следить за обеспечением кредитных карточек, которыми она пользовалась. Их беседа продолжалась несколько часов: она объяснила, как именно ей хочется, чтобы ее финансы работали, а ему осталось следить за тем, чтобы они действительно работали.

Значительная часть краденной суммы помещалась в стабильные фонды, что создавало Лисбет материальную независимость на всю оставшуюся жизнь, даже если бы ей пришлось в голову вести ее на исключительно широкую ногу и крайне расточительно. Именно из этих фондов пополнялись ее кредитные карточки.

С остатком денег он мог играть и вкладывать их по собственному усмотрению, при условии, что его вложения не приведут к каким-либо проблемам с полицией. Лисбет запретила ему заниматься нелепыми мелкими махинациями, которые в случае неудачи могли вылиться в расследования и, как следствие, привлечь внимание к ней.

Оставалось только определить, сколько он будет получать.

— Для начала я выплачу тебе пятьсот тысяч фунтов. Тогда ты сможешь рассчитаться со всеми долгами, и у тебя еще останется кругленькая сумма. Потом зарабатывать деньги будешь сам. Организуй фирму, где мы оба будем значиться совладельцами, а тебе пойдет двадцать процентов от прибыли. Я хочу, чтобы ты был достаточно богат, чтобы не поддаваться соблазну и не пускаться в какие-нибудь аферы, но не настолько богат, чтобы можно было расслабиться.

Он приступил к новой работе 1 февраля. К концу марта он расплатился с личными долгами и стабилизировал свое материальное положение. Лисбет настояла на том, чтобы он прежде всего разобрался со своими финансовыми делами и стал платежеспособен. Первого мая он разорвал партнерство с пьющим коллегой Джорджем Марксом, составлявшим вторую половину названия «Макмиллан и Маркс». По отношению к бывшему партнеру его терзали некоторые угрызения совести, но привлекать Маркса к делам Лисбет Саландер он не мог ни под каким видом.

Он обсудил этот вопрос с Лисбет Саландер, когда та, неожиданно вернувшись в Гибралтар в начале июля, обнаружила, что Макмиллан работает в своей квартире, а не в офисе, который занимал раньше.

— Мой партнер алкоголик, и вести такие дела он не в силах. Зато он может стать колоссальным фактором риска. Но пятнадцать лет назад, когда я приехал в Гибралтар, он спас мне жизнь, взяв меня в свое дело.

Она две минуты подумала, изучая лицо Макмиллана.

— Я понимаю. Ты негодай лояльный. Такое качество, вероятно, похвально. Я предлагаю тебе открыть маленький счет, с которым он сможет заниматься махинациями. Следи за тем, чтобы он зарабатывал несколько тысяч в месяц и ему хватало на жизнь.

— Ты можешь на это пойти?

Она кивнула и огляделась в его холостяцкой камерке. Он жил в однокомнатной квартире с кухонным углом, в одном из переулков поблизости от больницы. Единственным, что ей здесь понравилось, был вид из окна. С другой стороны, такой вид в Гибралтаре имелся повсюду.

— Тебе нужен офис и квартира получше, — сказала она.

— У меня не было времени, — ответил он.

— О'кей.

Потом она пошла и купила ему офис, выбрав помещение в 130 квадратных метров с маленькой террасой, выходящей на море, расположенное в офисном центре «Бьюкенен хаус» на пристани Куинсвей, что в Гибралтаре, несомненно, считалось высшим классом. Она также

наняла специалиста, который отремонтировал и обставил офис.

Макмиллан вспомнил, что, пока он занимался бумагами, Лисбет лично следила за установкой сигнализации, компьютерного оборудования и сейфа, так что и вскрыть его ей не составило труда.

— Я впал в немилость? — поинтересовался он.

Она опустила папку с корреспонденцией, которую внимательно изучала перед этим.

— Нет, Джереми. В немилость ты не попал.

— Отлично, — сказал он и отправился за кофе. — Ты обладаешь способностью появляться, когда этого меньше всего ждешь.

— Я в последнее время была занята. Мне просто хотелось посмотреть, что у нас нового.

— Если я правильно понял, тебя разыскивали за тройное убийство, тебе прострелили голову и предъявили обвинение в ряде преступлений. Я какое-то время здорово волновался. Я думал, ты еще сидишь в тюрьме. Ты сбежала?

— Нет. Меня оправдали по всем пунктам и выпустили. Насколько много тебе известно?

Он немного поколебался.

— О'кей. Говорю чистую правду. Когда я понял, что ты влипла в дерьмо, я нанял переводческое бюро, которое прочесывало шведские газеты и снабжало меня свежей информацией. Я довольно хорошо знал положение дел.

— Если твои сведения почерпнуты из газет, то ты ничего не знал. Но подозреваю, ты проник в ряд моих тайн.

Он кивнул.

— Что теперь будет?

Она посмотрела на него с удивлением.

— Ничего. Все останется как прежде. Наши отношения никак не связаны с моими проблемами в Швеции. Расскажи, как шли дела в мое отсутствие. Ты себя хорошо вел?

— Я не пью, — сказал он. — Если ты это имеешь в виду.

— Нет. Твоя частная жизнь меня не касается, пока она не вредит бизнесу. Меня интересует, стала я богаче или беднее, чем год назад?

Он пододвинул кресло для посетителей и сел. В каком-то смысле то, что она оккупировала его место, не имело значения — вступать с ней в борьбу за главенство он не собирался:

— Ты вручила мне двести шестьдесят миллионов долларов. Двести

миллионов мы разместили в фондах для тебя. С остальными ты предоставила играть мне.

— Да.

— Твои личные фонды изменились почти только на проценты. Я могу увеличить прибыль, если...

— Увеличение прибыли меня не интересует.

— О'кей. Ты потратила пустяковую сумму. Самых крупных расходов потребовали покупка квартиры и создание благотворительного фонда для этого адвоката Пальмгрена. В остальном же ты просто нормально тратила деньги, не слишком роскошествуя. Процентные ставки были благоприятными. У тебя примерно плюс-минус ноль.

— Хорошо.

— Остаток денег я вложил. В прошлом году мы заработали не слишком много. Я пребывал в неважной форме и большую часть времени посвятил тому, чтобы заново изучить рынок. У нас были расходы. Доходы стали поступать только в этом году. Пока ты сидела за решеткой, мы приобрели около семи миллионов. Разумеется, долларов.

— Из которых двадцать процентов идет тебе.

— Из которых двадцать процентов идет мне.

— Тебе достаточно?

— Я за полгода заработал более полумиллиона долларов. Да. Мне достаточно.

— Знаешь... не разевай рот на слишком многое. Когда сочтешь, что тебе уже хватит, можешь бросить. Но продолжай периодически уделять по несколько часов моим делам.

— Десять миллионов долларов, — сказал он.

— Как это?

— Когда я соберу десять миллионов долларов, я закончу работать. Хорошо, что ты появилась. Нам надо кое-что обсудить.

— Говори.

Он развел руками.

— Это такая грандиозная сумма денег, что мне чертовски страшно. Я не знаю, как с ними управляться. Цель моей деятельности состоит только в том, чтобы заработать еще больше денег. А для чего они будут использоваться?

— Я не знаю.

— Я тоже. Но деньги могут стать самоцелью. Это идиотизм. Поэтому я и решил, что, заработав десять миллионов, выйду из игры. Я не хочу больше нести ответственность.

— О'кей.

— Перед тем как я все это брошу, мне бы хотелось, чтобы ты решила, как управлять состоянием в дальнейшем. Необходимо иметь цель, основные направления и организацию, которой это можно передать.

— Мм.

— Один человек просто не в силах вести дела таким образом. Я выделил сумму на долгосрочные постоянные инвестиции — недвижимость, ценные бумаги и тому подобное. В компьютере имеется полный перечень.

— Я его прочла.

— Вторую половину я оставил для игры на бирже, но приходится следить за таким количеством денег, что я не успеваю. Поэтому я основал в Джерси инвестиционную компанию. У тебя на настоящий момент имеется в Лондоне шесть сотрудников. Два ловких молодых инвестиционных менеджера и офисный персонал.

— «Иеллоу боллрум лимитед»? Меня как раз интересовало, что это такое.

— Наша компания. Здесь, в Гибралтаре, я нанял секретаря и молодого многообещающего юриста... они, кстати, примерно через полчаса появятся.

— Ага. Молли Флинт, сорок один год, и Брайан Делани, двадцать шесть.

— Хочешь с ними встретиться?

— Нет. Брайан твой любовник?

Он был явно шокирован.

— Я не смешиваю...

— Отлично.

— Кстати... меня не интересуют молоденькие мальчики... я имею в виду, неопытные.

— Да, тебя больше привлекают парни с чуть более крутым нравом, чем у сопляков. Меня это по-прежнему не касается, но, Джереми...

— Да?

— Будь осторожен.

Поначалу Лисбет планировала провести в Гибралтаре лишь пару недель, чтобы вновь обрести почву под ногами, но внезапно обнаружила, что не имеет представления о том, чем бы ей заняться и куда направиться, и в итоге задержалась там на двенадцать недель. Она ежедневно проверяла электронную почту и дисциплинированно отвечала на письма Анники

Джаннини в тех немногих случаях, когда та ей писала. Где она находится, Лисбет не сообщала и не общалась ни с кем другим. Она продолжала посещать «Бар Харри», но заходила туда только по вечерам, чтобы выпить бокал пива. Большую часть дня она проводила в гостинице — либо на балконе, либо в постели. Успела завести еще одну временную связь с тридцатилетним офицером британского флота, но из этого получилось one night stand,^[65] не оставившее особых воспоминаний.

Лисбет изнемогала от скуки.

С Джереми Макмилланом они встречались лишь несколько раз и как-то в начале октября поужинали вместе. Уже стемнело, они пили какое-то белое вино с фруктовым запахом и обсуждали, как следует использовать миллионы Лисбет. Вдруг он удивил ее, спросив, что ее угнетает.

Она посмотрела на него, подумала, а потом неожиданно рассказала о своих отношениях с Мириам Ву и о том, как ту почти до смерти избил Рональд Нидерман. А виновата была она. За исключением переданного через Аннику Джаннини приветов, Лисбет от Мириам Ву ни слова не слышала, а теперь Мириам уехала во Францию.

Джереми Макмиллан довольно долго сидел молча.

— Ты в нее влюблена? — внезапно спросил он.

Подумав над ответом, Лисбет Саландер потом помотала головой:

— Нет. Думаю, я не из тех, кто влюбляется. Она мой друг. И у нас получался хороший секс.

— Влюбленности не избежать никому, — сказал он. — Возможно, в это не хочется верить, но дружба, пожалуй, является самой обычной формой любви.

Она посмотрела на него с изумлением.

— Ты рассердишься, если я буду откровенен?

— Нет.

— Ради бога, поезжай в Париж, — посоветовал он.

В аэропорту Шарля де Голля Лисбет приземлилась в половине третьего дня, после чего доехала на экспрессе до Триумфальной арки и два часа бродила по ближайшим кварталам в поисках свободного гостиничного номера. Пройдя в южную сторону, к Сене, она наконец получила номер в маленькой гостинице «Виктор Гюго» на рю Коперник.

Приняв душ, она позвонила Мириам Ву, и они встретились около девяти вечера в баре поблизости от Нотр-Дам. Мириам Ву пришла в белой рубашке и пиджаке и выглядела прекрасно. Лисбет сразу смутилась. Они расцеловались.

— Я очень сожалею, что никак не проявлялась и не пришла на суд, — сказала Мириам Ву.

— Все нормально. Суд в любом случае проходил за закрытыми дверьми.

— Я три недели пролежала в больнице, а потом обнаружила дома, на Лундагатан, полный хаос. Я не могла спать, мне снились кошмары про этого проклятого Нидермана. Я позвонила маме и сказала, что хочу приехать.

Лисбет кивнула.

— Прости меня.

— Не валяй дурака. Ведь я приехала сюда, чтобы просить прощения у тебя.

— С чего вдруг?

— Я не подумала. Мне просто не пришло в голову, что я подвергаю тебя смертельной опасности, когда поселила в квартире, которая по-прежнему считалась моей. Я виновата в том, что тебя чуть не убили. Если ты меня ненавидишь, я это пойму.

Мириам Ву смотрела на нее растерянно.

— Я так даже не думала. Меня пытался убить Рональд Нидерман, а не ты.

Они немного посидели молча.

— Вот оно что, — наконец произнесла Лисбет.

— Да? — откликнулась Мириам Ву.

— Я приехала следом за тобой не потому, что влюблена в тебя, — сказала Лисбет.

Мириам кивнула.

— У нас получался чертовски хороший секс, но я в тебя не влюблена, — подчеркнула она.

— Лисбет... я думаю...

— Я хотела сказать, что надеюсь... черт.

— Что?

— У меня не так много друзей...

Мириам Ву кивнула:

— Я еще немного задержусь в Париже. Моя учеба дома пошла прахом, и я записалась в здешний университет. Придется остаться тут минимум на год.

Лисбет кивнула.

— Дальше не знаю. Но я вернусь в Стокгольм. Я продолжаю платить за квартиру на Лундагатан и хотела бы ее сохранить. Если ты не против.

— Квартира твоя. Делай с ней, что хочешь.

— Лисбет, ты совершенно особый человек. Я бы очень хотела остаться твоим другом.

Они проговорили два часа. У Лисбет не было причин скрывать от Мириам Ву свое прошлое: дело Залаченко теперь стало известно всем, кто читал шведские газеты, а Мириам Ву следила за ним с огромным интересом. Она подробно рассказала о том, что произошло в Ньюкварне в ту ночь, когда Паоло Роберто спас ей жизнь.

Потом они поехали домой к Мириам, жившей в общежитии, неподалеку от университета.

Эпилог

Опись имущества

Пятница, 2 декабря — воскресенье,
18 декабря

Когда около девяти часов вечера Анника Джаннини пришла на встречу с Лисбет Саландер в бар театра «Сёдер», та пила крепкое пиво и уже приканчивала второй бокал.

— Извини, что опоздала, — сказала Анника и покосилась на наручные часы. — Пришлось разбираться с другим клиентом.

— Вот как, — отозвалась Лисбет.

— Что ты празднуешь?

— Ничего. Мне просто хочется выпить.

Усаживаясь на стул, Анника посмотрела на нее скептическим взглядом.

— И как часто у тебя возникает такое желание?

— Когда меня выпустили, я первое время напивалась до бесчувствия, но не думай, предрасположенности к алкоголизму у меня нет. Мне просто пришло в голову, что я впервые в жизни являюсь дееспособной и имею законное право выпить дома, в Швеции.

Аника заказала кампари.

— О'кей, — сказала она. — Ты предпочитаешь пить одна или в компании?

— Лучше одна. Но если ты не будешь слишком много болтать, можешь со мной посидеть. Я полагаю, у тебя нет желания отправиться ко мне домой и заняться сексом.

— Прости? — переспросила Анника.

— Да, так я и думала. Ты ведь безумно гетеросексуальный человек.

Аника Джаннини вдруг развеселилась.

— Мне еще никто из клиентов секса не предлагал.

— Ты заинтересовалась?

— Сорри. Ни в малейшей степени. Но спасибо за приглашение.

— Чего же ты хочешь, адвокат?

— Две вещи. Либо я сейчас прямо здесь отказываюсь от работы в качестве твоего адвоката, либо ты начинаешь подходить к телефону, когда я

тебе звоню. Мы ведь уже это обсуждали, когда тебя освободили.

Лисбет Саландер посмотрела на Аннику Джаннини.

— Я пытаюсь тебя поймать уже целую неделю. Я звонила, писала и слала мейлы.

— Я уезжала.

— До тебя было не добраться большую часть осени. Так не пойдет. Я согласилась быть твоим юридическим представителем во всем, что касается твоих взаимоотношений с государством. Это означает, что необходимо заниматься формальностями и документами. Надо подписывать бумаги, отвечать на вопросы. Я должна иметь возможность с тобой связываться и не желаю сидеть, как идиотка, не зная, где ты находишься.

— Я понимаю. Я две недели провела за границей, а вчера вернулась домой и позвонила тебе, как только услышала, что ты меня разыскиваешь.

— Так не годится. Пока все вопросы о компенсации и тому подобном не утрясутся, ты обязана информировать меня о том, где находишься, и звонить мне минимум раз в неделю.

— Мне плевать на компенсацию. Я хочу, чтобы государство оставило меня в покое.

— Но государство не оставит тебя в покое, как бы тебе того ни хотелось. Твое освобождение в суде влечет за собой длинную цепь последствий. И речь идет не только о тебе. Петера Телеборьяна будут судить за то, что он с тобой вытворял. Это означает, что тебе придется выступать свидетелем. Служебные проступки прокурора Экстрёма стали предметом расследования, и, кроме того, если окажется, что он по заданию «Секции» сознательно пренебрегал служебным долгом, его могут привлечь к судебной ответственности.

Лисбет подняла брови. На секунду у нее сделался почти заинтересованный вид.

— Думаю, до суда дело не дойдет. Экстрём купился на блеф и к «Секции» на самом деле никакого отношения не имеет. Но на прошлой неделе прокурор начал предварительное следствие в отношении Комитета по надзору за органами опеки и попечительства. Там имеется ряд заявлений от омбудсмена юстиции и одно обращение на имя канцлера юстиции.

— Я ни на кого не заявляла.

— Да. Но совершенно очевидно, что были совершены грубые должностные преступления, и требуется все расследовать. Ты не единственная, за кого комитет в ответе.

Лисбет пожала плечами:

— Меня это не касается. Но я обещаю поддерживать с тобой контакт лучше, чем прежде. Две последние недели были исключением. Я работала.

Анника Джаннини посмотрела на свою клиентку с подозрением.

— Чем ты занималась?

— Консалтингом.

— О'кей, — в конце концов сказала Анника. — Второе дело: готова опись имущества.

— Какого еще имущества?

— Оставшегося после твоего отца. Государственный адвокат обратился ко мне, поскольку никто, похоже, не знал, как связаться с тобой. Вы с сестрой единственные наследницы.

Лисбет Саландер с каменным лицом посмотрела на Аннику Джаннини. Потом поймала взгляд официантки и показала пальцем на свой бокал.

— Мне не надо никакого папашиного наследства. Делай с ним, что хочешь.

— Неверно. Это ты можешь делать с ним все, что захочешь, а моя задача — проследить за тем, чтобы у тебя имелась такая возможность.

— Я не хочу ни гроша после этой свиньи.

— О'кей. Подари деньги Гринпис или еще кому-нибудь.

— Мне плевать на китов.

— Лисбет, если ты хочешь быть дееспособной, тебе пора начинать вести себя соответствующим образом, — тоном наставницы ответила Анника. — Мне плевать на то, что ты сделаешь со своими деньгами. Подпиши, что ты их получила, и можешь продолжать спокойно пить.

Лисбет покосилась на Аннику из-под челки, а потом уткнулась взглядом в стол. Анника расценила этот жест как своего рода извинение, имеющееся в ограниченном регистре мимики Лисбет Саландер.

— О'кей. Что там?

— Довольно прилично. У твоего отца было около трехсот тысяч в ценных бумагах. Недвижимость в Госсеберге даст при продаже порядка полутора миллионов — туда входит кусок леса. Кроме того, твой отец владел еще тремя видами недвижимого имущества.

— Недвижимого имущества?

— Да. Похоже, он вложил в него кое-какие деньги. Там не какие-то безумно ценные объекты. Ему принадлежит небольшой дом в Уддевалле с шестью квартирами, что приносит некоторый доход от их сдачи. Недвижимость в плохом состоянии, ремонт твой отец явно не

утруждался. Домом даже занималась комиссия по жилищным спорам. На нем ты не разбогатеешь, но при продаже небольшую сумму получишь. Твоему отцу принадлежит также дачный участок в Смоланде, ^[66] который оценивается приблизительно в двести пятьдесят тысяч крон.

— Ага.

— Еще ему принадлежит разваливающееся промышленное здание в Норртелье.

— Зачем, скажи на милость, он обзавелся этим дерьмом?

— Представления не имею. По предварительным оценкам, наследство может при продаже составить четыре с лишним миллиона, за вычетом налогов и тому подобного, но...

— Да?

— Потом наследство должны разделить поровну между тобой и сестрой. Проблема в том, что никто, похоже, не знает, где твоя сестра находится.

Лисбет смотрела на Аннику Джаннини и молчала.

— Ну?

— Что, ну?

— Где находится твоя сестра?

— Представления не имею. Я не виделась с ней десять лет.

— Ее данные засекречены, но я узнала, что она числится покинувшей страну.

— Вот как, — сказала Лисбет со сдержанным интересом.

Анника обреченно вздохнула.

— О'кей. Тогда я предлагаю реализовать все доходы и поместить половину суммы в банк до тех пор, пока нам не удастся установить местонахождение твоей сестры. Если ты даешь согласие, я могу начать переговоры.

Лисбет пожала плечами.

— Я не хочу иметь к его деньгам никакого отношения.

— Я тебя понимаю. Но подвести черту все равно надо. Это часть твоей ответственности как дееспособного человека.

— Тогда продай это дерьмо. Положи половину в банк, а остальное подари, кому захочешь.

Анника Джаннини подняла одну бровь. Она понимала, что у Лисбет Саландер есть какие-то средства, но не думала, что их размер позволяет наплевать на наследство в миллион крон или больше. Она также не имела представления, откуда у Лисбет деньги и о какой сумме может идти речь, однако в основном ее заботило завершение бюрократической процедуры.

— Лисбет, дорогая... Прочти, пожалуйста, опишь имущества и дай мне сигнал к действию, чтобы мы могли обо всем этом забыть.

Лисбет немного поворчала, но под конец сдалась и сунула папку к себе в сумку. Она пообещала прочесть ее и дать инструкции относительно дальнейших действий, а затем вновь переключилась на пиво. Анника Джаннини посидела с ней еще около часа, правда, пила преимущественно минеральную воду.

Только несколько дней спустя, когда Анника Джаннини позвонила и напомнила Лисбет Саландер об описи имущества, та достала и расправила смявшуюся папку, а потом, усевшись за кухонный стол, прочла все документы.

Опись имущества занимала несколько страниц и содержала массу сведений о всевозможном хламе — какая посуда имелась в кухонном шкафу в Госсенберге, какая осталась одежда, какова стоимость фотоаппаратов и других личных вещей. Особых ценностей Александр Залаченко после себя не оставил, и ни один из предметов не представлял для Лисбет Саландер ни малейшего интереса. Немного поразмыслив, она решила, что не изменила своей позиции со времен встречи в баре и что инструкции по-прежнему просты: продай дерьмо, а с деньгами сделай что хочешь. Лисбет была совершенно уверена в том, что не хочет от этого наследства ни гроша, но подозревала, и небезосновательно, что настоящие сбережения Залаченко припрятаны в таком месте, где ни один составитель описи имущества их не искал.

Потом она открыла свидетельство о праве собственности на недвижимость в Норртелье.

Недвижимость представляла собой помещение промышленного назначения, состоящее из трех зданий общей площадью в 20 000 квадратных метров и расположенное поблизости от местечка Шедерид, между Норртелье и Римбу.

Автор описи нанес туда краткий визит и констатировал, что это бывший кирпичный завод, более или менее пустовавший с момента закрытия в 60-х годах и использовавшийся в качестве склада для лесоматериалов в 70-х. По его мнению, помещения находятся в «крайне плачевном состоянии» и не подлежат ремонту с целью использования для какого-либо другого рода деятельности. Под плачевным состоянием, в частности, имелось в виду то, что «северное здание» выгорело во время пожара и обвалилось. В «главном здании» кое-какой ремонт, однако, производился.

Прочитав историческую справку, Лисбет Саландер вздрогнула. Александр Залаченко купил недвижимость за гроши 12 марта 1984 года, но покупателем в бумагах значилась Агнета София Саландер.

Следовательно, первоначально недвижимостью владела мать Лисбет Саландер, однако уже в 1987 году Залаченко выкупил у нее недвижимость за 2000 крон. Затем постройки, похоже, лет пятнадцать никак не использовались. Согласно описи имущества, 17 сентября 2003 года фирма «КАБ» наняла строительную компанию «НоррБюгг АВ» для производства ремонтных работ, включавших ремонт полов и крыш, а также улучшение водоснабжения и электропроводки. Работы продолжались примерно два месяца, до конца ноября 2003 года, а затем прекратились. «НоррБюгг» выставила счет, который был оплачен.

Этот момент озадачивал, и Лисбет Саландер нахмурила брови. Если отец хотел сделать вид, что его фирма «КАБ» занимается каким-то родом деятельности или обладает некоторыми средствами, то покупка промышленного помещения была делом естественным. Вполне понятным казалось и то, что он использовал мать Лисбет в качестве подставного лица при покупке, а потом отобрал у нее контракт.

Но зачем, скажите на милость, он в 2003 году выложил почти 440 000 крон за ремонт ветхой хибары, которая, согласно данным описи, в 2005 году по-прежнему не использовалась?

Лисбет Саландер испытывала недоумение, но этот вопрос не слишком ее заинтересовал. Она сложила папку и позвонила Аннике Джаннини.

— Я прочла опись имущества. Мое решение осталось прежним. Продай дерьмо и делай с деньгами что угодно. Я не хочу от него никакого наследства.

— О'кей. Тогда я прослежу, чтобы половину суммы положили в банк на имя твоей сестры, а потом предложу тебе несколько вариантов, куда можно пожертвовать деньги.

— Ага, — ответила Лисбет и без лишних слов положила трубку.

Потом она уселась у окна, закурила сигарету и посмотрела на пролив Сальтшён.

Следующую неделю Лисбет Саландер провела, помогая Драгану Арманскому со срочным делом. Требовалось найти и установить личность человека, подозревавшегося в том, что его наняли для похищения ребенка в процессе судебной тяжбы об опеке, возникшей после развода шведки с гражданином Ливана. В задачи Лисбет входил контроль за электронной почтой человека, которого считали заказчиком, но работа прекратилась в

связи с тем, что стороны достигли юридического соглашения и примирились.

Последнее воскресенье перед Рождеством пришлось на 18 декабря. Лисбет проснулась в половине седьмого и подумала, что ей надо купить рождественский подарок Хольгеру Пальмгрену, а заодно поразмыслила, не следует ли ей купить подарок еще кому-нибудь — скажем, Аннике Джаннини. Потом не спеша встала, приняла душ и позавтракала — выпила кофе с тостами с сыром и апельсиновым джемом.

Особых планов на день у нее не было, и она немного поразбирала на письменном столе бумаги и газеты. Потом ее взгляд упал на папку с описью имущества. Лисбет открыла папку и еще раз прочла свидетельство о праве собственности на промышленное помещение в Норртелье. В конце концов она вздохнула. *О'кей. Я все-таки должна выяснить, чем он там, черт возьми, занимался.*

Одевшись потеплее, в половине девятого утра она выехала на красной «хонде» из подземного гаража на Фискаргатан, 9. Стояла очень холодная, но ясная погода, на светло-голубом небе сияло солнце. Лисбет не торопясь проехала через Шлюз и Кларабергследен и вывернула на шоссе E18 в сторону Норртелье. В десять часов она свернула к бензоколонке в нескольких километрах от местечка Шедерид, чтобы спросить, как проехать к старому кирпичному заводу. Но, едва остановившись, Лисбет поняла, что необходимости спрашивать нет.

С холма, на котором она находилась, открывался хороший вид на расположенную по другую сторону шоссе низину. Слева, по направлению к Норртелье, она заметила склад красок и чего-то связанного со стройматериалами, а также выставленное шахтное оборудование. Справа, на краю промышленной зоны, примерно в 400 метрах от главной дороги, располагалось мрачное кирпичное здание с развалившейся трубой. Завод стоял, как последний аванпост промзоны, на отшибе — по другую сторону небольшой дороги и узкой речки. Лисбет задумчиво смотрела на здание, не понимая, что заставило ее посвятить день поездке в Норртелье.

Повернув голову, она покосилась на бензоколонку, куда как раз подъехал трейлер с табличкой TIR — Международные дорожные перевозки. Внезапно она осознала, что находится на главной дороге, ведущей к паромной гавани в Капельсчере, через которую осуществлялась значительная часть грузовых перевозок между Швецией и Прибалтикой.

Лисбет завела машину, выехала обратно на шоссе и свернула к заброшенному кирпичному заводу. Она припарковалась прямо посреди участка и вышла из машины. На улице сразу дала себя знать минусовая

температура, и Лисбет надела черную вязаную шапочку и черные кожаные перчатки.

Главное здание состояло из двух этажей. Все окна нижнего ряда были заколочены фанерой, верхние по большей части разбиты. Кирпичный завод оказался куда более крупным зданием, чем она себе представляла, но выглядел невероятно ветхим. Никаких следов ремонта ей обнаружить не удалось. Здесь не было ни одной живой души, только посреди стоянки валялся использованный презерватив, а часть фасада носила следы нападения любителей граффити.

На кой черт Залаченко сдалось это здание?

Лисбет обошла вокруг завода и обнаружила с задней стороны рухнувший флигель. Под конец она принялась растерянно изучать входную дверь в торце. Все двери в главное здание были заперты при помощи цепей и всяких замков, укреплены мощными железными болтами и защищены от взлома, и только замок на торце казался менее крепким и держался лишь на одном большом гвозде. «А, черт возьми, здание ведь принадлежит мне», — подумала Лисбет. Оглядевшись, она заметила в куче хлама тонкую металлическую трубу и воспользовалась ею как рычагом, чтобы сбить висячий замок.

Перед ней открылась лестница и вход в помещение первого этажа. Из-за заколоченных окон внутри было почти совсем темно, лишь по краям фанерных листов пробивались отдельные полоски света. Лисбет постояла несколько минут, пока глаза не привыкли к темноте, потом разглядела, что зал имеет метров сорок пять в длину и двадцать в ширину. Потолок подпирали массивные столбы, а все вокруг было забито всяким хламом — брошенными табуретками, старыми деталями оборудования и лесоматериалами. Старые печи кирпичного завода, похоже, демонтировали и вынесли. Их фундаменты превратились в заполненные водой бассейны, а на полу стояли огромные заплесневелые лужи. От хлама несло гнилью, и Лисбет наморщила нос.

Она развернулась и пошла вверх по лестнице. Второй этаж оказался сухим и состоял из двух расположенных одно за другим помещений, площадью примерно двадцать на двадцать и не менее восьми метров высотой. Окна находились на недоступном расстоянии, почти под крышей. Выглянуть в них было нельзя, но они хорошо освещали верхний этаж. Здесь, как и внизу, валялась масса хлама, в том числе десятки сложенных друг на друга упаковочных ящиков. Она потрогала один из них — сдвинуть ящик с места оказалось невозможно. На нем виднелась надпись: Machine parts 0-A77. Ниже располагался аналогичный текст по-русски: «Детали

оборудования 0-А77». В первом зале она отметила наличие открытого товарного лифта.

Короче, это был склад какого-то оборудования, которое, ржавея без дела на старом кирпичном заводе, едва ли способно приносить сколько-нибудь солидный доход.

Лисбет прошла во второй зал и поняла, что именно здесь проводились ремонтные работы. Помещение оказалось заполнено хламом, ящиками и старой офисной мебелью, установленной странным лабиринтом. Одна секция пола была вынута и заменена новыми досками. Лисбет отметила, что ремонтные работы явно прервались чрезвычайно поспешно — тут по-прежнему валялись инструменты, торцовочная и рамная пилы, гвоздезабивной пистолет, гвоздодер, лом и ящики для инструментов. Она нахмурила брови: даже при внезапном окончании работ строительной компании следовало забрать оборудование. Однако ответ и на этот вопрос нашелся, когда, подняв отвертку, она увидела на ручке русские буквы. Залаченко импортировал инструмент, а возможно, и рабочую силу.

Лисбет подошла к торцовочной пиле и повернула выключатель. Загорелась зеленая лампочка. Электричество есть. Она вернула выключатель в прежнее положение.

В глубине зала имелось три двери в маленькие помещения — возможно, там располагалась контора. Лисбет попробовала ручку крайней двери и убедилась, что заперто. Оглядевшись, она вернулась к инструментам и принесла гвоздодер.

Дверь поддавалась не сразу. В комнате было совершенно темно и пахло затхлым. Протянув руку, Лисбет нащупала выключатель и зажгла одиноко висевшую под потолком лампочку. Потом стала с изумлением оглядываться.

В комнате стояли три кровати с перепачканными матрасами, и еще три матраса лежали прямо на полу. Повсюду валялось грязное постельное белье. Справа имелась электроплитка, возле ржавого крана стояло несколько кастрюлек. В одном из углов находилось железное ведро, а рядом — рулон туалетной бумаги.

Тут кто-то жил. Явно несколько человек.

Лисбет вдруг заметила, что ручка с внутренней стороны двери отсутствует. По спине побежали мурашки.

В глубине комнаты стоял платяной шкаф. Она вернулась, открыла дверцы шкафа и увидела две дорожные сумки. Вытащив верхнюю, Лисбет обнаружила одежду и вытянула юбку с этикеткой на русском языке. Потом она нашла дамскую сумочку и вытряхнула содержимое на пол. Среди

косметики и разной ерунды нашелся паспорт с фотографией темноволосой девушки лет двадцати. Написано все было по-русски, но Лисбет решила, что имя девушки Валентина.

Она медленно вышла из комнаты, полная ощущения де-жавю. Два с половиной года назад Лисбет Саландер уже доводилось осматривать аналогичное место преступления в одном из подвалов селения Хедебю. Женская одежда. Тюрьма. Она остановилась и надолго задумалась. Ее волновало, что паспорт и одежду оставили. Тут явно что-то не так.

Потом она вернулась обратно к инструментам и стала в них копаться, пока не отыскала мощный фонарь. Удостоверившись, что батарейки на месте, Лисбет спустилась на первый этаж и зашла в большой зал. Ей приходилось ступать прямо по лужам, стоявшим на полу, и ботинки постепенно промокали. По мере того как она продвигалась в глубь зала, отвратительный запах гнили усиливался. Она остановилась возле фундамента одной из бывших кирпичных печей. Он почти до краев был заполнен водой. Лисбет посветила фонарем на черную воду, но ничего различить не смогла. Поверхность воды была частично покрыта водорослями, превратившимися в зеленую слизь. Лисбет огляделась по сторонам и нашла трехметровый кусок стальной арматуры, сунула его в бассейн и пошевелила. Яма оказалась примерно полметра глубиной, и почти сразу Лисбет на что-то наткнулась. Буквально через несколько секунд на поверхность всплыло тело. Сперва показалось лицо — скалящаяся маска смерти и разложения. Лисбет задышала ртом и стала рассматривать лицо в свете фонаря. Это была женщина — возможно, владелица паспорта со второго этажа. С какой скоростью происходит разложение в холодной стоячей воде, она не знала, но предположила, что тело пролежало в бассейне довольно долго.

Внезапно она заметила, что на поверхности воды что-то движется. Какие-то личинки.

Лисбет опустила тело обратно в воду и продолжила орудовать стальным прутом. У края бассейна она наткнулась на что-то, что сочла еще одним телом. Оставив его в покое, она вытащила из ямы прут, бросила его на пол и остановилась возле бассейна в раздумьях.

Потом Лисбет Саландер снова поднялась на второй этаж и с помощью гвоздодера вскрыла среднюю дверь. Комната оказалась пустой — ее, похоже, вообще не использовали.

Лисбет подошла к третьей двери и уже приставила к нужному месту инструмент, но взламывать ее не потребовалось — дверь приоткрылась

сама. Здесь оказалось не заперто. Лисбет толкнула в дверь гвоздодером и огляделась.

Площадь комнаты составляла примерно тридцать квадратных метров. Окна находились на нормальной высоте, и из них открывался вид на двор перед кирпичным заводом, Лисбет даже различила возвышающуюся над шоссе бензоколонку. Тут имелись кровать, стол и мойка с посудой. Потом она увидела на полу открытую сумку, а в ней деньги. Сделав два нетвердых шага, она осознала, что в комнате тепло — взгляд упал на стоявший на полу электрический обогреватель. Потом она увидела кофеварку, на которой горел красный огонек.

Здесь кто-то живет. Она на кирпичном заводе не одна.

Лисбет резко развернулась, выскочила во внутренний зал, оттуда — во внешний и устремилась к выходу. В пяти шагах от лестницы она резко затормозила, обнаружив, что дверь на лестницу закрыта и на ней висит замок. Ее заперли. Она медленно обернулась и посмотрела по сторонам. Никого видно не было.

— Привет, сестренка, — услышала она сбоку веселый голос.

Лисбет повернула голову и увидела, как из-за ящиков с деталями оборудования появляется могучая фигура Рональда Нидермана.

В руках он держал штык-нож.

— Я очень надеялся снова с тобой повстречаться, — произнес Нидерман. — В прошлый раз встреча вышла чересчур короткой.

Лисбет огляделась.

— Бесполезно, — сказал Нидерман. — Мы с тобой одни, и единственный выход заперт.

Лисбет перевела взгляд на сводного брата и поинтересовалась:

— Как твоя рука?

По-прежнему улыбаясь, Нидерман поднял правую руку и продемонстрировал отсутствие мизинца.

— Туда попала инфекция. Пришлось его отпилить.

Рональд Нидерман страдал сильнейшей анестезией и не мог ощущать боли. Лисбет рассекла ему руку лопатой около Госсенберги, за несколько секунд до того, как Залаченко выстрелил ей в голову.

— Надо было целиться тебе в башку, — безразлично проговорила Лисбет Саландер. — Какого черта ты здесь делаешь? Я думала, что ты еще несколько месяцев назад убрался за границу.

Он только улыбнулся вместо ответа.

Если бы Рональд Нидерман попытался ответить на вопрос Лисбет

Саландер о том, что он делает на ветхом кирпичном заводе, у него, вероятно, ничего бы не получилось. Объяснить это он не мог даже себе самому.

Госсебергу он покидал с чувством освобождения. Он рассчитывал на то, что Залаченко мертв и фирма перейдет к нему. Себя же он считал прекрасным организатором.

Рональд Нидерман сменил машину в Алингсосе, затолкал перепуганную медсестру Аниту Касперссон в багажник и поехал в сторону Буроса. Никакого плана у него не было, и он импровизировал на ходу. Судьба Аниты Касперссон его не волновала. Останется она в живых или умрет, ему было безразлично, но он полагал, что от лишнего свидетеля необходимо отделаться. Где-то на подъезде к Буросу он вдруг решил, что сможет использовать ее иначе. Проехав сколько-то в южном направлении, он нашел пустынный лесной массив неподалеку от местечка Сеглора, потом привязал ее в каком-то сарае и бросил. Он рассчитывал на то, что она сможет через несколько часов отвязаться и направит полицию на юг. Если же она не освободится, а умрет от голода или холода, это не его забота.

На самом же деле Рональд Нидерман вернулся в Бурос и направился на восток, в сторону Стокгольма. Он поехал прямо в «Свавельшё МК», но в помещении клуба показываться не стал: к его досаде, Магге Лундин сидел за решеткой. Вместо этого он двинул домой к клубному приставу Хансу-Оке Валтари и потребовал от того помощи и укрытия. Валтари ему все организовал, направив его к Виктору Йоранссону, кассиру и финансовому директору клуба. Там он, правда, задержался только на несколько часов.

Теоретически Рональд Нидерман особых материальных затруднений не испытывал. Конечно, он оставил почти 200 000 крон в Госсеберге, но у него имелся доступ к значительно более крупным суммам, размещенным в фондах за границей. Проблема заключалась лишь в том, что ему страшно не хватало наличных. Йоранссон отвечал за деньги «Свавельшё МК», и Нидерман решил, что ему подворачивается удобный случай. Он без труда уговорил Йоранссона показать ему спрятанный в хлеву сейф и разбогател примерно на 800 000 крон наличными.

Вроде бы в доме присутствовала еще и женщина, но что именно он с ней сделал, Нидерман точно не помнил.

У Йоранссона он позаимствовал также машину, которая еще не успела засветиться в полиции, и двинул на север, предполагая воспользоваться одним из таллиннских паромов, отправлявшихся из Каппельшера.

Доехав до Каппельшера, он остановился на стоянке и заглушил мотор. Потом минут тридцать посидел, изучая обстановку. Всюду торчали

полицейские.

Нидерман завел машину и просто поехал дальше, без всякого плана. Ему требовалось укрытие, где он смог бы на некоторое время затаиться. Подъезжая к Норртелье, он вдруг вспомнил о старом кирпичном заводе. С тех пор как год назад там проводились ремонтные работы, он этим зданием совершенно не интересовался. Кирпичный завод использовали братья Харри и Атхо Ранта, превратившие его в перевалочный пункт для торговли с Прибалтикой, но братья Ранта перебрались за границу еще тогда, когда журналист Даг Свенссон начал копать вокруг транспортировки шлюх. Завод пустовал.

Спрятав «сааб» Йоранссона в сарае позади завода, Нидерман забрался внутрь. Ему пришлось взломать одну из дверей на первом этаже, но он чуть ли не первым делом организовал себе резервный выход через отвалившуюся в торце фанеру. Сломанный висячий замок он позднее заменил. А затем обустроил себе комнату на втором этаже.

В тот же день, уже ближе к вечеру, до него через стены донеслись какие-то звуки. Поначалу он подумал, что это обычные привидения. Примерно час он просидел как на иголках, а потом вдруг поднялся, вышел в большой зал и прислушался. Было тихо, но он продолжал терпеливо ждать, пока вновь не услышал какое-то царапание.

Около мойки обнаружился ключ.

Рональд Нидерман был на редкость поражен, когда, открыв дверь, обнаружил двух русских шлюх. Они выглядели совершенно изможденными и явно просидели несколько недель без еды: после того как у них закончился пакет риса, они жили на одном чае и воде.

Одна из шлюх настолько обессилела, что не могла встать с кровати. Вторая оказалась в лучшей форме. Она говорила только по-русски, но ему хватило знания языка, чтобы понять, что она благодарит Бога и его за спасение. Упав на колени, она обвила руками его ноги, но он с изумлением отпихнул ее, вышел из комнаты и запер дверь.

Из найденных на кухне консервов он сварил суп и отнес им, а сам глубоко задумался. Нидерман не знал, что ему со шлюхами делать. Потихоньку силы к ним вернулись, и даже более изможденная женщина, та, что на кровати, пришла в себя. Весь вечер он их допрашивал и в конце концов установил, что эти женщины не шлюхи, а студентки, заплатившие братьям Ранта за возможность перебраться в Швецию. Им обещали вид на жительство и разрешение на работу. Они прибыли в Каппельшер в феврале, а оттуда их прямоком отвезли в здание склада и здесь заперли.

Нидерман помрачнел. Проклятые братья Ранта имели побочный доход,

который утаивали от Залаченко. А потом, поспешно покидая Швецию, они просто-напросто забыли про этих женщин, а может, сознательно бросили на произвол судьбы.

Теперь возникал вопрос, как ему с ними поступить. Никаких оснований причинять им зло он не видел, однако отпускать их на свободу ему тоже не хотелось, поскольку в этом случае они, скорее всего, навели бы на кирпичный завод полицию. Отправить их обратно в Россию он не мог, ведь тогда ему пришлось бы везти их в Каппельшер, а это было слишком сложно. Темноволосая девушка по имени Валентина в обмен на помощь предложила ему секс. Секс его совершенно не интересовал, но само предложение автоматически превратило ее в шлюху. Все женщины шлюхи. Только и всего.

Через три дня ему надоели их постоянные мольбы, нытье и стук в стену. Ему хотелось, чтобы его оставили в покое, и он не видел никакого другого выхода. В результате он в последний раз отпер дверь и быстро покончил с этой проблемой. Попросив у Валентины прощения, он протянул руки и одним движением свернул ей шею между вторым и третьи позвонками. Затем подошел к блондинке, имени которой так и не узнал. Та лежала на кровати безучастно и никакого сопротивления не оказала. Тела он перенес на первый этаж и спрятал в заполненном водой бассейне, после чего наконец-то обрел своего рода покой.

Остаться на кирпичном заводе Рональд Нидерман не планировал. Он намеревался только переждать здесь, пока уляжется самая страшная полицейская шумиха. Обрив голову и отпустив маленькую бородку, он сильно изменил внешность, а к тому же нашел почти подходящий по размеру комбинезон, оставленный кем-то из рабочих строительной компании. Надев комбинезон и забытую кепку, он сунул в карман складной метр и поехал на расположенную на холме бензоколонку за продуктами. Благодаря казне «Свавельшё МК» наличных у него было предостаточно. В магазинчике он появился под вечер и выглядел как самый обычный работяга, остановившийся на бензоколонке по пути домой. Никто, похоже, не обратил на него внимания, и у него вошло в привычку ездить за покупками раз или два в неделю. На бензоколонке с ним всегда любезно здоровались и вскоре уже стали узнавать.

Поначалу Нидерман уделял много времени защите от населявших здание призраков. Те прятались в стенах, а по ночам выбирались на свободу, и он слышал, как они бродят по залу.

Он сооружал в комнате баррикаду, но через несколько дней ему это

надоело, и тогда он, вооружившись найденным в одном из кухонных ящичков штык-ножом, вышел из комнаты, чтобы встретиться с чудовищами. Необходимо было положить этому конец.

И они отступили — впервые в жизни ему удалось одержать над ними победу. Стоило ему приблизиться, как они бросились врассыпную, он видел, как их хвосты и бесформенные туши уползают за ящики и шкафы. Он заревел им вслед, и они пустились наутек.

Изумленный Нидерман вернулся в обжитую комнату и всю ночь просидел в ожидании, что призраки вернуться. На рассвете они предприняли новую атаку, и он еще раз вышел им навстречу, снова обратив врага в бегство. При этом он испытывал нечто среднее между паникой и эйфорией.

Всю жизнь эти существа преследовали его, выползая из темноты, и теперь он впервые почувствовал, что в силах дать им отпор. Больше он ничего не делал — только спал, ел, думал, и постепенно им овладело ощущение покоя.

Из дней складывались недели, и вот наступило лето. С помощью радиоприемника и вечерних газет он мог следить за тем, как охота на Рональда Нидермана потихоньку сходит на нет. Он с интересом прочел репортаж об убийстве Александра Залаченко и нашел забавным, что точку в жизни Залаченко поставил какой-то психопат. В июле он заинтересовался судом над Лисбет Саландер и был поражен, когда ее оправдали. Это казалось неправильным. Она на свободе, а ему приходится скрываться.

Он купил на бензоколонке «Миллениум» и прочел тематический номер о Лисбет Саландер, Александре Залаченко и Рональде Нидермане. Какой-то журналист по имени Микаэль Блумквист изобразил его патологическим убийцей и психопатом. Нидерман нахмурил брови.

Внезапно настала осень, а он все еще не двинулся с места. С наступлением холодов пришлось купить на той же бензоколонке электрообогреватель, но объяснить, почему не уезжает, Нидерман не мог.

Несколько раз во двор заявлялась молодежь и парковалась перед заводом, но в здание не вламывалась и покоя Нидермана не нарушала. В сентябре однажды во дворе остановилась машина, и какой-то мужчина в синей ветровке принялся разгуливать по участку, дергать за ручки дверей и что-то вынюхивать. Нидерман наблюдал за ним из окна второго этажа. Периодически что-то записывая в блокнот, мужчина слонялся вокруг зданий минут двадцать, а потом огляделся в последний раз, сел в свою машину и уехал. Нидерман вздохнул с облегчением. Он не имел представления о том, кем был этот мужчина и в чем состояло его дело, но

создавалось впечатление, что тот осматривал недвижимость. То, что смерть Залаченко должна повлечь за собой опись имущества, Нидерману в голову не пришло.

Он много думал о Лисбет Саландер. Он не думал, что они еще когда-нибудь встретятся, но она внушала ему восхищение и ужас. Живых людей Рональд Нидерман не боялся, однако сводная сестра произвела на него неизгладимое впечатление. Еще никому не удавалось победить его таким образом, как ей. Она вернулась, несмотря на то что он закопал ее в могилу, вернулась и погналась за ним, а теперь каждую ночь преследовала его во сне. Просыпаясь в холодном поту, он понимал, что она пришла на смену его обычным призракам.

В октябре Нидерман решил: он не покинет Швеции, пока не отыщет сестру и не уничтожит ее. Никакого плана у него не было, но жизнь вновь обрела цель. Он не знал ни где сестра находится, ни как ее искать. А потому день за днем, неделю за неделей сидел у себя в комнате, на втором этаже кирпичного завода, уставившись в окно.

И вот однажды перед зданием вдруг остановилась красная «хонда» и оттуда, к его невероятному изумлению, вылезла Лисбет Саландер. Бог милостив, подумал он. Лисбет Саландер присоединится к тем женщинам в бассейне на первом этаже, чьи имена он уже успел позабыть. Ожидание позади, и теперь он наконец сможет двигаться по жизни дальше.

Оценив ситуацию, Лисбет Саландер поняла, что под контролем ее явно не держит. Ее мозг напряженно работал. *Щелк, щелк, щелк.* У нее по-прежнему был в руках гвоздодер, но он едва ли годился в качестве оружия против человека, который в принципе не чувствует боли. Она заперта в помещении площадью примерно в тысячу квадратных метров наедине с роботом-убийцей из преисподней.

Когда Нидерман вдруг шагнул в ее сторону, она бросила в него гвоздодером, но он спокойно уклонился. Лисбет Саландер рванулась с места, поставила ногу на табуретку, вскочила на упаковочный ящик, а потом, как паук, забралась еще на два ящика выше. Остановившись на высоте примерно в четыре метра, она выжидающе посмотрела вниз, на Нидермана.

— Спускайся, — спокойно посоветовал он. — Тебе не удрать. Конец неизбежен.

Ее интересовало, нет ли у него какого-нибудь стрелкового оружия — вот это создало бы проблему.

Он наклонился, поднял стул и запустил им в Лисбет, но не попал.

Нидерман вдруг явно рассердился. Опираясь на табуретку, он полез следом за Лисбет. Она подождала, пока он не оказался почти на одном уровне с ней, а затем, сделав два скачка, оттолкнулась, перепрыгнула через проход и приземлилась на ящик, стоявший на несколько метров дальше, слезла на пол и схватила гвоздодер.

Нидерман был довольно ловок, но знал, что при его весе прыжки с ящичков чреваты переломом ног. Поэтому слезать следовало осторожно и методично — за свою жизнь он привык, что управление телом стоит ему некоторого труда. Нидерман уже почти достиг пола, когда услышал позади себя шаги и едва успел развернуться. Удар гвоздодера он успел парировать плечом, но при этом выронил штык-нож.

Нанеся удар, Лисбет гвоздодер сразу выпустила, но времени поднимать штык-нож у нее не было, поэтому она оттолкнула его ногой подальше, вдоль ряда табуреток, уклонилась от удара огромного кулака и вновь забралась на ящики по другую сторону центрального прохода. Уголком глаза заметив, что Нидерман уже тянется к ней, она молниеносно подтянула ноги. Ящики стояли в два ряда — в три яруса вдоль центрального прохода и в два с внешней стороны. Лисбет спустилась на высоту второго яруса, уперлась спиной и изо всех сил надавила ногами. Ящик весил, вероятно, не меньше 200 килограммов, но все же ей удалось его сдвинуть и свалить в центральный проход.

Нидерман увидел ящик и едва успел броситься в сторону. Угол ящика ударил его в грудь, но никаких увечий не причинил. Нидерман остановился и с удивлением понял, что она действительно оказывает сопротивление. Он опять полез за ней, и, как только его голова поднялась к третьему ярусу, Лисбет ударила его ногой в лоб. Он закричал, но продолжал лезть. Лисбет Саландер мгновенно перепрыгнула на другую сторону центрального прохода, сразу перевалилась через край ящика и исчезла из поля зрения. Он услышал ее шаги и увидел, как она мелькнула в дверях на пути во внутренний зал.

Лисбет Саландер озиралась, прикидывая свои возможности. *Щелк.* Она знала, что шансов у нее нет. Пока ей удастся уклоняться от огромных кулаков Нидермана и держаться от него на расстоянии, она может рассчитывать оставаться в живых, но, как только она совершит ошибку — а это рано или поздно произойдет, — ее ждет смерть. Стоит ему единственный раз ее поймать, и битва будет окончена.

Ей нужно оружие.

Пистолет. Автомат. Бронебойно-трассирующий снаряд.

Противопехотная мина.

Черт возьми, что угодно.

Но ничего подобного в ее распоряжении не имелось.

Она огляделась.

Никакого оружия.

Только инструменты. *Щелк*. Ее взгляд упал на торцовочную пилу, но, пока она будет пытаться уложить его на стол с пилой, может произойти непоправимое. *Щелк*. Она увидела лом, который можно было бы применить в качестве копья, но он оказался слишком тяжел для ее рук. *Щелк*. Бросив взгляд в сторону двери, она увидела, как Нидерман слезает с ящиков в пятнадцати метрах от нее и снова направляется к ней. Она начала отступать от двери. Секунд через пять Нидерман ее настигнет. Она в последний раз взглянула на инструменты.

Оружие... или укрытие. Внезапно она замерла.

Нидерман не спешил. Он знал, что выход перекрыт и что рано или поздно он сестру настигнет. Но она, несомненно, представляет опасность. Она все-таки дочь Залаченко. Получать травмы ему не хотелось, и он предпочел подождать, пока она выбьется из сил.

Остановившись на пороге внутреннего зала, он оглядел кучи инструментов, половиц и мебели, но ее нигде не обнаружил.

— Я знаю, что ты здесь. Я тебя все равно найду.

Рональд Нидерман замер и прислушался, но уловил лишь звук собственного дыхания. Она спряталась. Он улыбнулся: она бросает ему вызов. Брат и сестра играют в прятки, как мило. Потом он вдруг услышал предательское шуршание, доносившееся откуда-то из центра старого зала. Он повернул голову, но поначалу не смог определить, откуда доносится звук. Затем вновь улыбнулся. На полу, чуть в стороне от остального хлама, стоял деревянный верстак метров пять в длину, на нем возвышался ряд ящиков, а внизу имелся шкафчик с раздвижными дверцами.

Нидерман подошел к шкафчику сбоку и заглянул за него, чтобы убедиться, что она не пытается его обмануть. Пусто.

Она спряталась в шкафу. Какая глупость.

Он отодвинул первую дверцу, закрывавшую левую секцию.

Сразу послышалось движение — в шкафу явно кто-то перемещался. Звук доносился из средней секции. Нидерман сделал два быстрых шага и с торжествующим видом откинул дверцу в сторону.

Пусто.

Потом он услышал серию резких хлопков, напоминавших пистолетные

выстрелы. Звук раздался столь неожиданно, что он даже не сразу понял, откуда он исходит. Нидерман завертел головой, потом ощутил странное давление на левую ногу. Боли он не чувствовал. Опустив взгляд, он как раз успел увидеть, как рука Лисбет Саландер переместила гвоздезабивной пистолет к его правой ноге.

Она находилась под шкафом.

Как парализованный, он простоял несколько секунд, а она за это время успела приставить дуло к его ботинку и прострелить ему ногу еще пятью семидюймовыми гвоздями.

Он попробовал пошевелиться.

Потратив впустую несколько драгоценных секунд, он понял, что его ступни прикованы к новому дощатому полу. Лисбет Саландер вновь перенесла гвоздезабивной пистолет к левой ноге, и раздался звук, напоминающий автоматную стрельбу очередями. Пока Нидерман раздумывал, она для верности всадила ему в ноги еще четыре семидюймовых гвоздя.

Он потянулся вниз, пытаясь схватить Лисбет Саландер за руку, но сразу потерял равновесие. Правда, ему удалось удержаться на ногах, опершись о шкаф, а пистолет тем временем продолжал разряжаться: *ба-бам, ба-бам, ба-бам*. Она вновь вернулась к его правой ноге, и он собственными глазами увидел, как она стреляет гвоздями через пятку и прямо в пол.

Внезапно Рональд Нидерман взвыл от ярости и вновь потянулся к руке Лисбет Саландер.

Из своего укрытия под шкафом она заметила, что его брючины задираются, сигнализируя о том, что он наклоняется, и бросила свое оружие. На глазах у Рональда Нидермана ее рука со змеиной быстротой исчезла под шкафчиком прежде, чем он успел ее коснуться.

Он потянулся за пистолетом, но, когда он уже почти достал его, Лисбет Саландер утянула шнур под шкаф.

Расстояние между шкафом и полом составляло около двадцати сантиметров. Навалившись со всей силы, Нидерман опрокинул шкаф и увидел Лисбет Саландер — она смотрела на него снизу удивленными глазами и с оскорбленным выражением лица. Повернув гвоздезабивной пистолет, она выстрелила с расстояния в полметра и всадила несколько гвоздей ему прямо в голень.

В следующее мгновение Лисбет бросила пистолет, молниеносно откатилась от Нидермана и вскочила на ноги уже вне пределов его досягаемости. Отступив на два метра, она остановилась.

Рональд Нидерман попытался сдвинуться с места, покачнулся и замахал руками в воздухе, пытаясь вновь обрести равновесие. Наконец ему это удалось, и он в бешенстве наклонился.

На этот раз ему удалось достать пистолет. Он поднял его и направил дуло на Лисбет Саландер. Нажал на курок.

Ничего не произошло. Он растерянно посмотрел на пистолет. Потом опять поднял взгляд на Лисбет Саландер. Та спокойно показала ему вилку шнура. Он в бешенстве швырнул пистолет прямо в нее, но она молниеносно уклонилась в сторону.

Затем она снова вставила вилку в розетку удлинителя и подтянула шнур к себе.

Нидерман посмотрел в ничего не выражающие глаза Лисбет Саландер и почувствовал внезапное удивление. Он уже понял, что она его победила. *Она действительно сверхъестественное существо.* Он инстинктивно попробовал оторвать ногу от пола. *Она чудовище.* Ему удалось лишь приподнять ногу на несколько миллиметров — дальше не пускали шляпки гвоздей. Гвозди пронзили ему ноги под разными углами, и, чтобы освободиться, ему пришлось бы буквально разорвать ступни в клочья. Даже обладая почти сверхчеловеческой силой, оторваться от пола он не мог. Несколько секунд Нидерман раскачивался взад и вперед, словно теряя сознание, однако ноги не двигались с места. Он увидел, что между ботинками постепенно образуется лужа крови.

Лисбет Саландер уселась перед ним на стул с отломанной спинкой, пытаясь понять, удастся ли ему сойти с места. Поскольку боли он испытывать не мог, вопрос заключался лишь в том, хватит ли ему сил протащить шляпки гвоздей прямо сквозь ступни. Минут десять она сидела, не шевелясь, и наблюдала за его борьбой. Все это время ее глаза совершенно ничего не выражали.

Потом она встала, обошла вокруг него и приставила гвоздезабивной пистолет ему к позвоночнику, у самого основания шеи.

Лисбет Саландер напряженно думала. Стоящий перед ней мужчина завозил в Швецию женщин партиями и мелким оптом, потом накачивал наркотиками, избивал, убивал и продавал. Он убил по меньшей мере восемь человек, включая полицейского в Госсеберге и кассира из «Свавельшё МК». Она представления не имела, сколько еще жизней на совести у ее сводного брата, но благодаря ему за ней гонялись по всей Швеции, как за бешеной собакой, обвиняя в трех из совершенных им убийств.

Она не отрывала пальца от спусковой кнопки.

Он убил Дага Свенссона и Миа Бергман.

Вместе с Залаченко он убивал и закапывал в могилу в Госсенберге ее саму. И теперь он вернулся, чтобы ее снова убить.

Можно было разозлиться и за меньшее.

Она не видела причин оставлять его в живых. Он ненавидел ее со страстью, которой ей было не понять. Что произойдет, если она передаст его в руки полиции? Судебный процесс? Пожизненное заключение? Когда его отпустят из тюрьмы на побывку? Как скоро он сумеет сбежать? Теперь, когда отца наконец больше нет, — сколько еще лет ей придется жить с оглядкой и ждать того дня, когда внезапно снова объявится братец? Она ощущала в руке тяжесть пистолета и понимала, что можно покончить с этим раз и навсегда.

Анализ последствий.

Она прикусила нижнюю губу.

Лисбет Саландер не боялась ни людей, ни предметов. Она считала, что ей не хватает чего-то, возможно, воображения, заставляющего людей ясно видеть неприятные последствия и бояться их, и это служило неким доказательством того, что у нее в голове и впрямь что-то не совсем так.

Рональд Нидерман ее ненавидел, и она отвечала ему такой же непримиримой ненавистью. Он стоял в одном ряду с мужчинами типа Магге Лундина, Мартина Вангера, Александра Залаченко и еще десятка подлецов, которым, по ее мнению, вообще было не место среди живых. Она бы с удовольствием собрала их всех на каком-нибудь необитаемом острове и шарахнула ядерной бомбой.

Но убийство? Стоит ли игра свеч? Что будет с ней, если она его убьет? Насколько велик шанс, что убийство не раскроют? Чем она готова пожертвовать ради удовольствия выстрелить из гвоздезабивного пистолета в последний раз?

Она сможет сослаться на самозащиту и право на необходимую оборону... нет, едва ли, учитывая его прибитые к дощатому полу ступни.

Внезапно она подумала о Харриет Вангер, которую тоже истязали отец с братом. Ей вспомнился разговор с Микаэлем Блумквистом, когда она резко осудила Харриет Вангер и возложила на нее ответственность за то, что ее брат Мартин Вангер остался безнаказанным и смог продолжать год за годом совершать убийства.

— А что бы сделала ты? — спросил тогда Микаэль.

— Убила бы дьявола, — ответила она с убежденностью, исходившей из глубины ее холодной души.

А теперь она оказалась в точно такой же ситуации, как в свое время Харриет Вангер. Скольких еще женщин убьет Рональд Нидерман, если она оставит его в живых? Она теперь полноправный член общества и несет ответственность за свои поступки. Сколько лет жизни она готова принести в жертву? Сколькими годами не захотела пожертвовать Харриет Вангер?

Потом ей стало слишком тяжело держать гвоздезабивной пистолет приставленным к позвоночнику Нидермана, даже двумя руками.

Лисбет опустила оружие. Это движение словно бы вернуло ее к действительности, и она расслышала, что Рональд Нидерман что-то бессвязно бормочет. Говорил он по-немецки — о дьяволе, который явился, чтобы его забрать.

Вдруг она осознала, что он разговаривает не с ней, а с кем-то, кого вроде бы видит в другом конце помещения. Она повернула голову и проследила за его взглядом — там никого не было. Она почувствовала, как у нее поднимаются волосы на затылке.

Потом Лисбет развернулась, взяла лом, вышла во внешний зал и отыскала свою сумку. Наклоняясь, чтобы ее поднять, она увидела на полу штык-нож. Перчатки она так и не снимала и прямо в них подняла оружие.

Немного поколебавшись, она положила штык-нож на видном месте, в центральном проходе между ящиками. Ей потребовалось три минуты, чтобы при помощи лома сбить висячий замок, запиравший выход.

Лисбет долго сидела в машине, погрузившись в раздумья. Под конец она открыла мобильный телефон и минуты через две отыскала номер здания клуба «Свагельшё МК».

— Да, — услышала она голос на другом конце.

— Ниеминена, — сказала она.

— Подождите.

Через три минуты исполняющий обязанности главы клуба «Свагельшё МК» Сонни Ниеминен ответил:

— Кто это?

— Тебя это не касается, — ответила Лисбет таким тихим голосом, что Ниеминен едва разобрал слова и не мог даже определить, звонит ему мужчина или женщина.

— Вот как. Чего же тебе надо?

— Ты хочешь получить наводку на Рональда Нидермана.

— Разве?

— Не болтай ерунды. Ты хочешь знать, где он, или нет?

— Я слушаю.

Лисбет описала ему дорогу к бывшему кирпичному заводу около Норртелье и сказала, что Нидерман пробудет там достаточно долго, чтобы Ниеминен, если поторопится, успел его застать.

Закрыв мобильный телефон, она завела машину и доехала до бензоколонки, расположенной по другую сторону шоссе, где остановилась так, чтобы ей был хорошо виден кирпичный завод.

Ждать пришлось более двух часов. Около половины второго она заметила фургон, медленно проехавший по находившемуся чуть ниже нее шоссе. Он остановился у обочины, подождал минут пять, развернулся и двинулся к заводу. Начинало смеркаться.

Лисбет открыла бардачок, достала бинокль «Минолта 2х8» и увидела, что фургон паркуется. Она разглядела Сонни Ниеминена, Ханса-Оке Валтари и еще троих незнакомых. Видимо, это были кандидаты в члены клуба — Ниеминену приходилось организовывать деятельность заново.

Когда Сонни Ниеминен с сообщниками отыскиали в торце открытую дверь, Лисбет снова открыла мобильный телефон, составила сообщение и отправила его в центральное отделение полиции Норртелье.

УБИЙЦА ПОЛИЦЕЙСКОГО Р. НИДЕРМАН
НАХОДИТСЯ НА СТАРОМ КИРПИЧНОМ ЗАВОДЕ
РЯДОМ С БЕНЗОКОЛОНКОЙ ОКОЛО ШЕДЕРИДА.
ЕГО СЕЙЧАС УБИВАЮТ С. НИЕМИНЕН & ЧЛЕНЫ
«СВАВЕЛЬШЁ МК». НА 1-М ЭТАЖЕ В БАССЕЙНЕ
МЕРТВАЯ ЖЕНЩИНА.

Никакого движения возле завода видно не было.

Лисбет засекала время.

Ожидая результатов, она достала из телефона СИМ-карту и уничтожила ее, разрезав на маленькие кусочки маникюрными ножницами, потом опустила боковое стекло и выбросила обрезки. В телефон она вставила новую СИМ-карту, вынув ее из бумажника. Она пользовалась картами фирмы «Комвик», отследить которые и установить владельца было почти невозможно. Позвонив в «Комвик», она положила на новую карту 500 крон.

Через одиннадцать минут к заводу со стороны Норртелье завернула патрульная машина, без сирены, но с маячком, и остановилась на подъездной дороге. Примерно через минуту прибыли еще две полицейские машины. Посоветовавшись, они сплоченной группой рванули к кирпичному

заводу и припарковались рядом с фургоном Ниеминена. Лисбет подняла бинокль и увидела, что один из полицейских вынул рацию и передает куда-то номер фургона. Полицейские оглядывались по сторонам, но выжидали. Две минуты спустя на большой скорости подъехала еще одна патрульная машина.

Лисбет вдруг поняла, что все наконец позади.

История, начавшаяся в день ее рождения, завершилась на кирпичном заводе.

Она свободна.

Когда полицейские получили у патруля дополнительное оружие, надели бронежилеты и стали рассредоточиваться по территории завода, Лисбет Саландер зашла в здание бензоколонки и купила стаканчик кофе с завернутым в полиэтиленовую пленку бутербродом. Ела она, стоя за столиком импровизированного кафе.

Когда Лисбет вернулась к машине, уже стемнело. Открывая дверцу, она услышала с другой стороны шоссе два отдаленных хлопка, которые посчитала выстрелами из огнестрельного оружия. Она увидела, что несколько темных фигур — вероятно, полицейских — стоят, прижавшись к фасаду поблизости от торцового входа. Донесся звук сирены — со стороны Упсалы приближалась еще одна патрульная машина. У обочины остановились несколько легковых автомобилей, водители наблюдали за представлением.

Лисбет завела темно-красную «хонду», вывернула на шоссе E18 и направилась домой, в Стокгольм.

В семь часов вечера Лисбет Саландер, к своему безграничному раздражению, услышала звонок в дверь. Она лежала в ванне, и от воды еще поднимался пар. По большому счету позвонить в эту дверь мог только один человек.

Поначалу она решила игнорировать визит, но, когда на звонок нажали в третий раз, она вздохнула и обмоталась купальной простыней. Выпятив нижнюю губу, Лисбет вышла в холл. Вода капала с нее на пол.

— Привет, — сказал Микаэль Блумквист, когда она открыла дверь.

Лисбет не ответила.

— Ты слушала новости?

Она помотала головой.

— Я подумал, что, возможно, тебе будет интересно узнать, что Рональд Нидерман мертв. Его сегодня в Норртелье убила компания из «Свавельшё МК».

— Неужели? — сдержанно сказала Лисбет Саландер.

— Я разговаривал с дежурным из Норртелье. Похоже, там состоялась какая-то внутренняя разборка. Нидермана явно пытали, а потом закололи штык-ножом. Там обнаружили сумку с несколькими сотнями тысяч крон.

— Вот как.

— Компанию из «Свавельшё» арестовали прямо на месте. Они к тому же оказали сопротивление. Завязалась перестрелка, и полиции пришлось вызывать армейское подкрепление из Стокгольма. Компания капитулировала сегодня около шести вечера.

— Ага.

— Твоего старого знакомого по Сталлахрольму Сонни Ниеминена пристрелили. Он совершенно вышел из себя и пытался отстреливаться, чтобы вырваться на свободу.

— Хорошо.

Несколько секунд они стояли молча, глядя друг на друга через приоткрытую дверь.

— Я помешал? — спросил Микаэль Блумквист.

Она пожала плечами:

— Я лежала в ванне.

— Вижу. Составить тебе компанию?

Она взглянула на него сердито.

— Я не имел в виду — в ванне. Я принес бейглы, — сказал он, приподняв пакет. — А еще я купил кофе эспрессо. Раз у тебя на кухне стоит кофеварка Jura Impressa X7, тебе следует, по крайней мере, научиться ею пользоваться.

Лисбет подняла брови. Она не знала, испытывает она разочарование или облегчение.

— Только составить компанию? — спросила она.

— Именно, — подтвердил он. — Я — хороший друг, пришедший навестить своего доброго друга. Если меня, конечно, хотят видеть.

Лисбет несколько секунд поколебалась. В течение двух лет она старалась держаться от Микаэля Блумквиста как можно дальше. Тем не менее он, казалось, все время прилипал к ее жизни, словно жевательная резинка к подметке, либо в Сети, либо в реальности. В Сети все шло хорошо — там он проявлялся всего лишь в виде букв на экране. В реальной жизни, стоя на пороге, он по-прежнему оставался дьявольски привлекательным мужчиной. И ему были известны ее тайны, точно так же, как его тайны ей.

Она посмотрела на него и отметила, что никаких чувств к нему больше

не питает. Во всяком случае, никаких этаких чувств.

В течение прошедшего года он действительно вел себя как настоящий друг.

Она ему доверяет. Возможно. И в то же время ее страшно раздражает то, что почти единственным человеком, кому она доверяет, является тот, с которым она не хочет видеться. Внезапно она решилась. Глупо притворяться, будто его не существует. Ведь его вид больше не причиняет ей боли.

Она распахнула дверь и снова впустила его в свою жизнь.

notes

Примечания

1

Ты надо мной гнусно издеваешься? *(англ.) (Здесь и далее прим. перев.)*

2

Мнения другого врача (*англ.*).

3

СЭПО — Служба государственной безопасности Швеции.

4

Кунгсхольмен — остров в Стокгольме, где, в частности, находится Государственное полицейское управление.

5

Хороший полицейский, плохой полицейский (*англ.*).

6

Женщина должна делать то, что должна, и прочая лажа (*англ.*).

7

Как в прежние времена (*нем.*).

8

Парламентским приставом (*англ.*).

9

Карлскруна — база шведского флота на берегу Балтийского моря.

10

Карл Бильдт — лидер Умеренной коалиционной партии в 1986–1999 гг., премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.

Ингвар Карлссон — лидер Социал-демократической рабочей партии в 1986–1991 гг., премьер-министр Швеции в 1986–1991 и 1994–1996 гг.

12

Стиг Веннерстрём (1901–2006) — легендарный агент советской разведки.

13

Неопровержимые доказательства (*англ.*).

14

Имеется в виду убийство Улофа Пальме.

15

Информационное бюро — разведывательная организация при шведском министерстве обороны.

Здание правительства в Стокгольме.

17

Будет исполнено, господин *(англ.)*.

18

Не вноси разлад (букв.: не раскачивай лодку) (англ.).

19

Ян Гийу (р. 1944) — известный шведский писатель, автор, в частности, ряда популярных шпионских и детективных романов.

Анна Линд (1957–2003) — министр иностранных дел Швеции, убитая в центре Стокгольма.

21

Выкладывай *(англ.)*.

За работу, ребята (*англ.*).

Герой детективной серии Рэймонда Чандлера. *(Прим. ред.)*

Одна из ведущих компаний Северных стран в области строительства и недвижимости.

25

Злодей (англ.).

Густав Васа — шведский король, правивший в 1521–1560 годах.

Милашкой (англ.).

С самыми сексуальными Лолитами Интернета (*англ.*).

Секс с животными, самое смачное траханье с лошадьми во Вселенной
(англ.).

В русском варианте Пеппи. Имеется в виду Пеппи Длинный чулок, которая, как и Калле Блумквист, является одним из главных персонажей книг Астрид Линдгрен.

«Дурацкий_Стол» (*швед.*).

ОШИБКА — У вас неверный пароль (*англ.*).

О'кей — Попробуйте снова (*англ.*).

34

КТО ЭТО ИДЕТ? *(англ.)*.

ДОКАЖИ — ИНАЧЕ... (англ.).

Добро пожаловать в Республику хакеров, гражданка Оса. С вашего последнего визита прошло 56 дней. Сейчас в режиме онлайн пребывают 10 граждан. Вы хотите (а) Просмотреть Форум (б) Послать сообщение (в) Поработать в архиве (г) Поговорить (д) Потрахать? *(англ.)*

37

Кто в режиме онлайн? *(англ.)*.

Привет, братва (*англ.*).

39

Оса. Это действительно ты? *(англ.)*.

40

Смотрите-ка, кто дома (*англ.*).

41

Компьютерными магами (*англ.*).

Подающим надежды (*англ.*).

43

Злодеем (*англ.*).

Не для печати (*англ.*).

45

Враждебное поглощение (*англ.*).

46

Это какое-то гнусное дерьмо (*англ.*).

47

Посредник (*англ.*).

RFTS (Random Frequency Tracking System) — система мониторинга оптических волокон.

Агентство национальной безопасности.

Система распознавания речи.

Эббе Карлссон (1947–1992) — книгоиздатель, который, не имея официальных полномочий, по указанию министра юстиции Анны-Греты Лейон получил особые задания в расследовании убийства Улофа Пальме и, в их числе, изучение причастности к этому сотрудников СЭПО. Дело Эббе Карлссона получило широкую огласку и вылилось в крупный политический скандал.

Историю Лисбет Саландер (*англ.*).

Проще простого (*англ.*).

Что ж. Идеальных людей не бывает (*англ.*).

Случайными связями (англ.).

Неопровержимая улика (*англ.*).

Остров Юшхольм — привилегированный район Стокгольма.

Норрланд — северная провинция Швеции.

Плавали, знаем (*англ.*).

Сопутствующий ущерб (*англ.*).

61

Конспиративного дома (*англ.*).

62

Я раздражена (*англ.*).

Pro bono — ради общественного блага (*лат.*).

Компактное проживание (*англ.*).

65

Свидание на одну ночь (*англ.*).

Смоланд — южная провинция Швеции.

Содержание

[Стиг Ларссон Девушка, которая взрывала воздушные замки](#)

[Часть 1 Интермеццо в коридоре 8-12 апреля](#)

[Глава 01](#)

[Глава 02](#)

[Глава 03](#)

[Глава 04](#)

[Глава 05](#)

[Глава 06](#)

[Глава 07](#)

[Часть 2 Республика хакеров 1-22 мая](#)

[Глава 08](#)

[Глава 09](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Часть 3 Диск поврежден 27 мая — 6 июня](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Часть 4 Перезагрузка 1 июля — 7 октября](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Эпилог Опись имущества Пятница, 2 декабря — воскресенье, 18 декабря](#)

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)